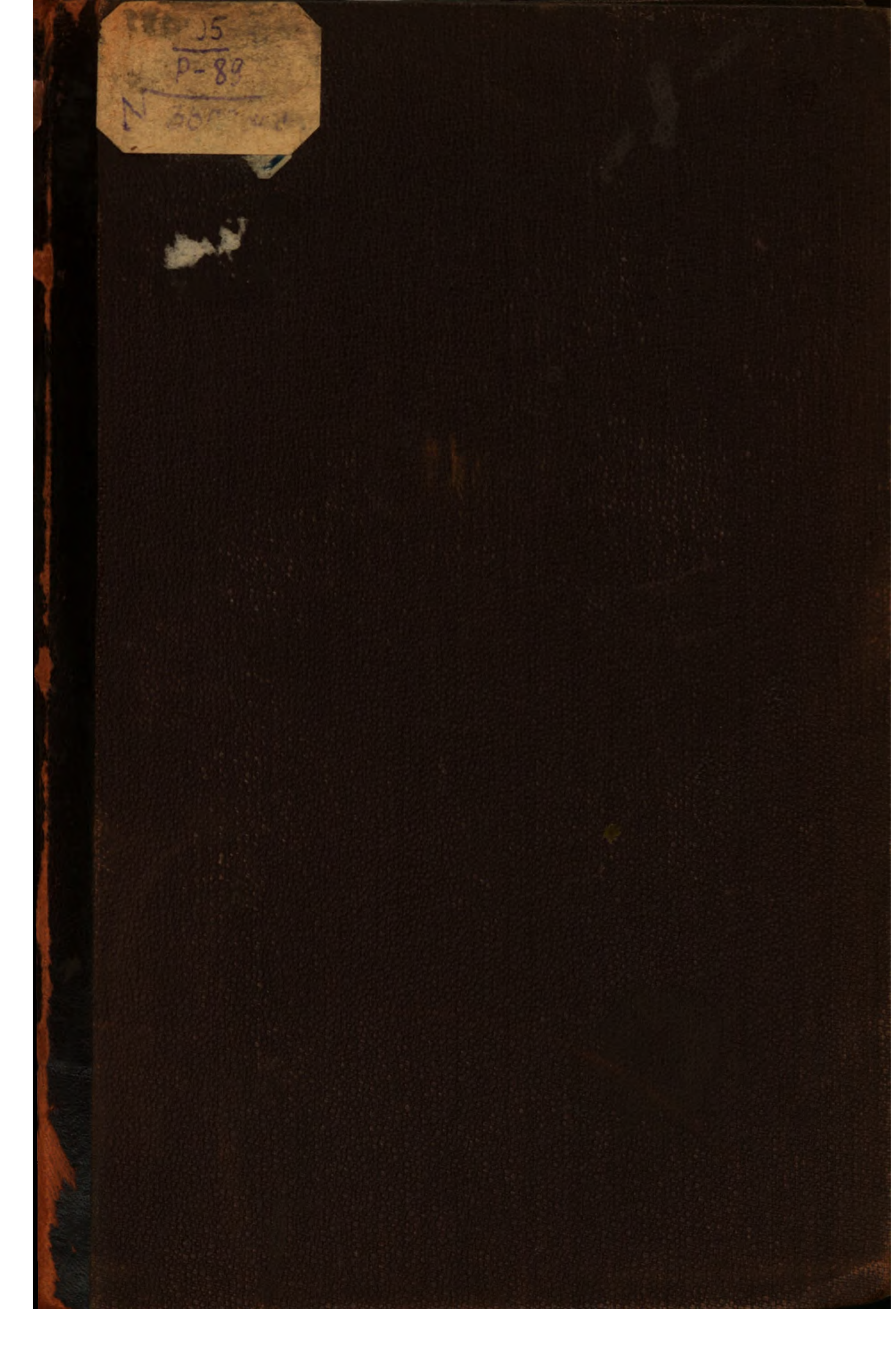


ками:
тели.
— это
адите
самим

7039

7c

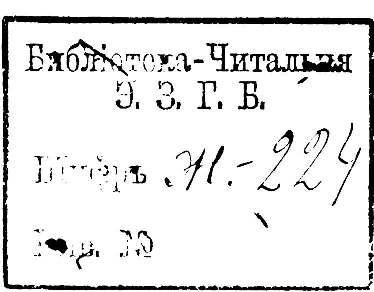
СЕНТЯБРЬ. 1903.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го сентября 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотѣ*).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го сентября 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ВЪ РОДНЫХЪ МѢСТАХЪ.

Разсказъ.

Ссыльный поселенецъ Енисейскаго уѣзда, изъ донскихъ казаковъ, Ефимъ Толкачевъ встосковался по родинѣ, которой онъ не видѣлъ двадцать лѣтъ, и ушелъ на Донъ.

Когда его отправляли въ Сибирь, дома у него оставалась жена и пять сыновъ. Изъ нихъ за этотъ срокъ трое старшихъ попали на каторгу, а жена съ двумя младшими пришла, три года назадъ, къ нему на поселеніе. Но въ Сибири она зачахла и скоро умерла. Она все тосковала по родинѣ, вспомнная о ней ежедневно, а передъ смертью, въ бреду говорила про свои пашни и про гумно у Часовенки, тамъ— подъ хуторомъ...

Не очень любилъ ее Ефимъ въ молодыхъ лѣтахъ, измѣнялъ ей постоянно: женили его на семнадцатомъ году (онъ былъ раскольникъ), „отдали въ зятья", но онъ прожилъ въ семьѣ тестя только три года, а потомъ, „за неповиновеніе родительской волѣ", былъ прогнанъ вмѣстѣ съ женой. Тесть Ефима былъ человѣкъ неглупый и убивалъ этимъ сразу двухъ зайцевъ: избавлялся отъ затратъ на снаряженіе зятя въ военную службу и сплавлялъ безпокойнаго члена семьи, который пьянствовалъ, игралъ въ карты и въ орлà, приворовывалъ хлѣбъ изъ тестевыхъ же амбаровъ, а самого тестя нѣсколько разъ „бралъ за грудки" и таскалъ за бороду.

За семнадцать лѣтъ разлуки съ семьей, Ефимъ совсѣмъ было привыкъ жить бобылемъ и не часто вспоминалъ о ней. Но вотъ они пришли къ нему всѣ трое — жена, старая, высокая и суровая казачка, и два сына, два рослыхъ, красивыхъ молодца. Они принесли съ собой, вмѣстѣ съ пучками степныхъ травъ, ароматъ далекой родины, ея землю въ ладонкахъ, ея пѣсни и живыя вѣсти о ней. И какъ трепетно, и сладко, и больно забилось сердце стараго поселенца... Въ его неуютной и голой избѣ вдругъ стало тепло, шумно,

бодро... Жизнь какъ будто освѣтилась, улыбнулась, стала просторнѣе... Даже какія-то надежды замелькали впереди. Ефимъ и самъ не могъ бы сказать, какія перспективы вдругъ открыло ему будущее, но приободрился и пересталъ думать, что за плечами у него безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ.

Старуха на первыхъ же порахъ заскучала о хозяйствѣ, ребятамъ тоже некуда было силы дѣвать, и Ефимъ рѣшилъ сѣсть на землю. До прихода семьи онъ жилъ безъ опредѣленныхъ занятій и состоялъ подъ надзоромъ. Онъ подался поближе къ Красноярску, заарендовалъ небольшой участокъ земли, купилъ трехъ лошадей и началъ обстраиваться. Въ молодости онъ работалъ мало и рѣдко, за то, если работалъ, то—„какъ огнемъ жегъ:" человѣкъ былъ сильный, ловкій и умѣлый. Но всякой мирной, копотливой работѣ, уплачивавшей за трудъ медленно и скупо, онъ предпочиталъ какой-нибудь рискованный подвигъ, который могъ вознаградить быстро и щедро, который давалъ возможность пожить хоть нѣсколько дней широко, разгульно, громко, а потомъ, чаще всего, приводилъ въ тюрьму. Тюрьмой Ефимъ какъ-то не особенно стѣснялся, хотя всетаки не долюбливалъ ея и убѣгалъ на своемъ вѣку семнадцать разъ изъ мѣстъ заключенія.

Однако, на все свое время. Не даромъ судьба такъ часто и старательно сбивала Ефима съ ногъ. Лѣтъ двадцать назадъ онъ боролся съ ней бодро, увѣренно и даже лихо, съ удовольствіемъ... Но потомъ онъ началъ уставать, задумываться и чувствовать неохоту къ этой надоѣдливой борьбѣ: удачи стали рѣдки и непрочны, а рискъ и голодъ были неразлучны. Теперь онъ съ удовольствіемъ мечталъ о мирной хозяйственной обстановкѣ, про которую такъ настойчиво твердила старуха, разсказывая о хозяйствѣ его брата Спиридона, объ его лошадяхъ, быкахъ, овцахъ, объ амбарахъ съ хлѣбомъ, объ его сынахъ и внукахъ, о томъ, какъ всѣ они хорошо живутъ—сыто, весело, нарядно...

— Спиридонъ съ чего поднялся? Съ моихъ денегъ поднялся Спиридонъ,—говорилъ ей Ефимъ:—я далъ ему сто золотыхъ... крестовиковъ... Дудаковскія деньги... Мы тогда на Кумылгѣ Дудака ощупали. Вотъ, съ какихъ денегъ Спиридонъ пошелъ. Онъ меня по гробъ жизни не долженъ забывать — Спиридонъ... да!... А васъ проводилъ — одну десятку далъ...

И вотъ Толкачевы дѣятельно занялись устройствомъ своего участка. Ефимъ самъ срубилъ хату, самъ началъ класть печи. Сыны работали въ полѣ. Работа кипѣла... Хлопотъ было много, но было весело и какъ-то особенно легко на душѣ. Даже то обстоятельство, что деньги, которыя привезла съ

собой жена Ефима, были уже на исходѣ, никого особенно не смущало: деньги дѣло нажитое...

Пріѣхалъ какъ-то знакомый киргизъ и предложилъ помѣняться лошадьми: за одну двухъ предлагалъ. Въ прежнее время Ефимъ непремѣнно занялся бы этой выгодной операціей, потому что лошади у киргиза—явное дѣло, краденыя; можно сбыть съ хорошимъ барышомъ... Конечно, дѣло не безъ риску, но этимъ Ефимъ никогда не смущался. Теперь же онъ посмотрѣлъ на предложеніе киргиза, какъ настоящій, серьезный хозяинъ, которому некогда заниматься пустяками, и мѣняться лошадьми отказался. Киргизъ уѣхалъ. Недѣли черезъ три пріѣхалъ его братъ, другой киргизъ, спрашиваетъ:

— Былъ Мурадбай?

— Былъ.

— Куда дѣлся?

— А почемъ же я знаю?—сказалъ Ефимъ: — быть былъ, мѣнять лошадей назывался. Я печь мазалъ, — не до него было... Провожать его не выходилъ,—не знаю, куда и отъ воротъ поѣхалъ...

— Пропалъ братъ...

Еще черезъ недѣлю Ефимъ, его жена и сыны были арестованы по подозрѣнію въ убійствѣ киргиза Мурадбая, безъ вѣсти пропавшаго. Имѣніе ихъ было отдано на поруки, а самихъ отправили въ острогъ.

Никогда еще судьба такъ зло не издѣвалась надъ Ефимомъ. Много было грѣховъ на его душѣ, но онъ не могъ предполагать, что расплата за нихъ потребуется въ такой неожиданной и тяжелой формѣ. Онъ обижалъ многихъ, это—правда, но за обиды онъ всегда и отвѣчалъ. Про него сложилось мнѣніе, что онъ всю жизнь свою воровалъ, грабилъ, можетъ быть, убивалъ... А онъ нерѣдко думалъ, что всю жизнь не онъ, а его грабили, преслѣдовали, ловили, сѣкли, гноили тюрьмой, сушили тоской по волѣ и широкому разгулу... О, много обидъ вынесло его сердце... И теперь, когда по неосновательному подозрѣнію арестовали не только его самого, но и его семью, онъ окончательно рѣшилъ, что нѣтъ правды ни на землѣ, ни выше...

Въ острогѣ сидѣли они десять мѣсяцевъ. Тутъ-то старуха и захворала. Затосковали и ребята. Они мало говорили съ отцомъ, но онъ чувствовалъ, что на душѣ у нихъ нехорошо, темно, и смутно сознавалъ за собой какую-то вину передъ ними. А слѣдствіе все еще тянулось. Наконецъ, Ефимъ обратился какъ-то къ прокурору, посѣтившему острогъ:

— Ваше высокородіе, когда же наше дѣло будетъ рѣшаться?

Прокуроръ, добродушный человѣкъ, шутникъ, землякъ Ефима,—тоже съ Дону,—отвѣтилъ:

— Да ты чего спѣшишь, Толкачевъ? Вѣдь не къ свадьбѣ... Думаю, что скоро теперь... Такъ, лѣтъ шестнадцать каторги на твою долю, должно быть, придется...

— Да за что же, ваше высокородіе?

— Какъ за что? Спряталъ человѣка куда-то, да еще и спрашиваешь, за что?

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ, ваше высокородіе, ни синь пороху не виноватъ я въ этомъ киргизѣ... Только и вины моей, что подозримый я человѣкъ...

— Разсказывай тамъ... А человѣка-то нѣтъ всетаки... И свидѣтели твои—ни одинъ не показалъ въ твою пользу.

— Позвольте дѣло для просмотра, ваше высокородіе... А также—очную ставку...

— Ну вотъ еще... къ чему? Хочешь, чтобы дѣло скорѣй разобрали, а самъ затягиваешь.

Однако, черезъ три дня прокуроръ опять явился въ острогъ и приказалъ немедленно освободить Толкачевыхъ.

— Извините, господа,—говорилъ онъ не безъ смущенія:— вышла ошибочка... совершенно невольная, конечно... Получено заявленіе, что пропавшій тотъ киргизъ заказное письмо прислалъ брату изъ Семипалатинска. Жаль, поздно догадался, шельмецъ...

— А какъ-же вы, ваше высокородіе, шестнадцать лѣтъ каторги мнѣ посулили?—сказалъ Ефимъ самымъ почтительнымъ тономъ.

Но прокуроръ строго посмотрѣлъ на него и отвѣтомъ не удостоилъ.

Пришелъ Ефимъ къ своему участку—и лишь руками развелъ: все было растаскано, разорено, даже двухъ оконныхъ рамъ въ избѣ не хватало. Лошадей не оказалось: сказано было, что съ голоду поколѣли. Искать не съ кого,—обдѣлано было все чисто, по формѣ. Старуха долго надрывалась — плакала. Потомъ слегла совсѣмъ. Ребята отбились отъ дому и пропадали по недѣлямъ, — Богъ знаетъ гдѣ. Являлись домой, по большей части, хмельными, — иногда съ деньгами, которыя отдавали матери. Къ отцу они относились теперь съ какимъ-то пренебрежительнымъ добродушіемъ, и когда онъ, старый, опытный воръ, давалъ имъ совѣтъ объ осторожности, они смѣялись и говорили, что чѣмъ жить да вѣкъ плакать, лучше спѣть да умереть... И опять уходили изъ дома. Нѣсколько разъ Ефимъ и самъ порывался съ ними пойти, но не на кого было бросить больную старуху. Чтобы поддержать ея и свое незавидное существованіе, онъ началъ было портняжить, — въ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ВЪ РОДНЫХЪ МѢСТАХЪ.

Разсказъ.

Ссыльный поселенецъ Енисейскаго уѣзда, изъ донскихъ казаковъ, Ефимъ Толкачевъ встосковался по родинѣ, которой онъ не видѣлъ двадцать лѣтъ, и ушелъ на Донъ.

Когда его отправляли въ Сибирь, дома у него оставалась жена и пять сыновъ. Изъ нихъ за этотъ срокъ трое старшихъ попали на каторгу, а жена съ двумя младшими пришла, три года назадъ, къ нему на поселеніе. Но въ Сибири она зачахла и скоро умерла. Она все тосковала по родинѣ, вспомнная о ней ежедневно, а передъ смертью, въ бреду говорила про свои пашни и про гумно у Часовенки, тамъ—подъ хуторомъ...

Не очень любилъ ее Ефимъ въ молодыхъ лѣтахъ, измѣнялъ ей постоянно: женили его на семнадцатомъ году (онъ былъ раскольникъ), „отдали въ зятья", но онъ прожилъ въ семьѣ тестя только три года, а потомъ, „за неповиновеніе родительской волѣ", былъ прогнанъ вмѣстѣ съ женой. Тесть Ефима былъ человѣкъ неглупый и убивалъ этимъ сразу двухъ зайцевъ: избавлялся отъ затратъ на снаряженіе зятя въ военную службу и сплавлялъ безпокойнаго члена семьи, который пьянствовалъ, игралъ въ карты и въ орлà, приворовывалъ хлѣбъ изъ тестевыхъ же амбаровъ, а самого тестя нѣсколько разъ „бралъ за грудки" и таскалъ за бороду.

За семнадцать лѣтъ разлуки съ семьей, Ефимъ совсѣмъ было привыкъ жить бобылемъ и не часто вспоминалъ о ней. Но вотъ они пришли къ нему всѣ трое — жена, старая, высокая и суровая казачка, и два сына, два рослыхъ, красивыхъ молодца. Они принесли съ собой, вмѣстѣ съ пучками степныхъ травъ, ароматъ далекой родины, ея землю въ ладонкахъ, ея пѣсни и живыя вѣсти о ней. И какъ трепетно, и сладко, и больно забилось сердце стараго поселенца... Въ его неуютной и голой избѣ вдругъ стало тепло, шумно,

бодро... Жизнь какъ будто освѣтилась, улыбнулась, стала просторнѣе... Даже какія-то надежды замелькали впереди. Ефимъ и самъ не могъ бы сказать, какія перспективы вдругъ открыло ему будущее, но приободрился и пересталъ думать, что за плечами у него безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ.

Старуха на первыхъ же порахъ заскучала о хозяйствѣ, ребятамъ тоже некуда было силы дѣвать, и Ефимъ рѣшилъ сѣсть на землю. До прихода семьи онъ жилъ безъ опредѣленныхъ занятій и состоялъ подъ надзоромъ. Онъ подался поближе къ Красноярску, заарендовалъ небольшой участокъ земли, купилъ трехъ лошадей и началъ обстраиваться. Въ молодости онъ работалъ мало и рѣдко, за то, если работалъ, то—„какъ огнемъ жегъ:“ человѣкъ былъ сильный, ловкій и умѣлый. Но всякой мирной, копотливой работѣ, уплачивавшей за трудъ медленно и скупо, онъ предпочиталъ какой-нибудь рискованный подвигъ, который могъ вознаградить быстро и щедро, который давалъ возможность пожить хоть нѣсколько дней широко, разгульно, громко, а потомъ, чаще всего, приводилъ въ тюрьму. Тюрьмой Ефимъ какъ-то не особенно стѣснялся, хотя всетаки не долюбливалъ ея и убѣгалъ на своемъ вѣку семнадцать разъ изъ мѣстъ заключенія.

Однако, на все свое время. Не даромъ судьба такъ часто и старательно сбивала Ефима съ ногъ. Лѣтъ двадцать назадъ онъ боролся съ ней бодро, увѣренно и даже лихо, съ удовольствіемъ... Но потомъ онъ началъ уставать, задумываться и чувствовать неохоту къ этой надоѣдливой борьбѣ: удачи стали рѣдки и непрочны, а рискъ и голодъ были неразлучны. Теперь онъ съ удовольствіемъ мечталъ о мирной хозяйственной обстановкѣ, про которую такъ настойчиво твердила старуха, разсказывая о хозяйствѣ его брата Спиридона, объ его лошадяхъ, быкахъ, овцахъ, объ амбарахъ съ хлѣбомъ, объ его сынахъ и внукахъ, о томъ, какъ всѣ они хорошо живутъ—сыто, весело, нарядно...

— Спиридонъ съ чего поднялся? Съ моихъ денегъ поднялся Спиридонъ,—говорилъ ей Ефимъ:—я далъ ему сто золотыхъ... крестовиковъ... Дудаковскія деньги... Мы тогда на Кумылгѣ Дудака ощупали. Вотъ, съ какихъ денегъ Спиридонъ пошелъ. Онъ меня по гробъ жизни не долженъ забывать — Спиридонъ... да!... А васъ проводилъ — одну десятку далъ...

И вотъ Толкачевы дѣятельно занялись устройствомъ своего участка. Ефимъ самъ срубилъ хату, самъ началъ класть печи. Сыны работали въ полѣ. Работа кипѣла... Хлопотъ было много, но было весело и какъ-то особенно легко на душѣ. Даже то обстоятельство, что деньги, которыя привезла съ

тюрьмахъ онъ научился кое-какъ ковырять иглой. Но тутъ старуха догадалась умереть...

Умерла старуха. И стало совсѣмъ пусто въ разоренной хатѣ Ефима, пусто, сиротливо и жутко, словно смерть притаилась гдѣ-то тутъ и за всѣмъ слѣдила своимъ ледянымъ взглядомъ. Темно и скучно стало и на душѣ у Ефима. Онъ бросилъ работу,—не къ чему было работать теперь. Вотъ, если-бы теперь ему попался киргизъ Мурадбай или хоть самъ прокуроръ, то онъ „пришилъ-бы" каждаго изъ нихъ безъ всякихъ колебаній. Сынамъ онъ теперь ничего не говорилъ уже объ осторожности и съ удовольствіемъ напивался съ ними, когда они изрѣдка являлись къ нему домой съ своими пріятелями. Они пріѣзжали каждый разъ на перемѣнныхъ лошадяхъ, кутили, шумѣли, пѣли пѣсни,—милыя, славныя пѣсни родины,—бранили Сибирь и отца иной разъ бранили, говорили, что уйдутъ они изъ этой проклятой Азіи, непременно уйдутъ назадъ, домой, на тихій Донъ, по которому, навѣрно, даже кости ихъ матери тоскуютъ...

Родіонъ, старшій сынъ, подвыпивши, всякій разъ начиналъ плакать пьяными слезами и говорилъ отцу:

— Не робѣй, батюня! Земля—наша, облака—Божіи: чего же намъ еще надо?... Продавай это гунье все паршивое, пойдемъ на Донъ... пра, пойдемъ!.. На чужой сторонѣ и весна не красна,—знаешь?... Дядя Спиридонъ обхлопочетъ тебѣ приговоръ отъ станицы,—денегъ у него много, пропасть денегъ у стараго чорта!.. Подашь ты царю прошеніе, напишешь, что было у тебя за Турцію два Егорія,—царь вернетъ тебя,пра,—вернетъ!.. За нимъ служба непропащая. Вонъ урядника Каханова Терской области вѣдь вернулъ... И станица приняла. А тутъ, на этой проклятой сторонѣ, какъ въ домовинѣ: холодно... нѣмо...

И когда ребята уѣзжали, а Ефимъ оставался одинъ среди хмурой и безучастной тишины въ своей осиротѣлой хатѣ, онъ предавался мечтамъ о родинѣ, вспоминалъ о своей далекой молодости, мысленнымъ окомъ озиралъ свою неугомонную жизнь... И во снѣ часто онъ видѣлъ себя тамъ, среди зеленнаго простора родныхъ степей съ ихъ бездоннымъ и яркимъ небомъ. Разсыпались, сверкали и трепетали пѣсни жаворонковъ... Безбрежный стрекотъ кузнечиковъ разлитъ былъ кругомъ... Волнистое море хлѣбовъ плавно колыхалось и тихо шептало что-то привѣтливое и ласковое... Синеватыя балки жмурились въ переливающихся струяхъ горячаго воздуха... И сердце Ефима при этомъ билось трепетно, смѣялось и плакало, и пѣло чудныя пѣсни восторга и счастья...

Но, просыпаясь, онъ съ ужасомъ и тоской чувствовалъ вокругъ себя темную, притаившуюся, насмѣшливо слѣдив-

шую за нимъ тишину убогой хаты, сумрачное молчаніе голыхъ стѣнъ и сердитые вздохи холоднаго вѣтра за окномъ. И онъ думалъ:

— Родіонъ правъ. Уходить надо отсюда, изъ этой проклятой Азіи. Горемъ посѣяна эта сторона и тоскою покрыта... Ребятъ увесть надо, а то пропадутъ: обтолкутъ имъ тутъ бока... жестоко обтолкутъ!.. Мнѣ—все равно: моя жизнь истухаетъ... А имъ надо бы пожить, надо... Уходить — не миновать...

Но пока онъ, собираясь уйти на Донъ, искалъ покупателя на свою хату, случилась новая непріятность: сыны попались съ крадеными лошадьми. Ихъ подвергли предварительному тюремному заключенію. Устина въ острогѣ увидѣлъ губернаторъ и взялъ къ себѣ въ лакеи. Родіонъ при свиданіи съ отцомъ въ тюрьмѣ говорилъ опять, чтобы онъ шелъ на Донъ и хлопоталъ о возвращеніи въ свою станицу, а за нимъ тогда и они вернутся, какъ только освободятся отъ тюрьмы...

II.

Оставшись одинъ, какъ перстъ, почувствовавъ вокругъ себя полную пустоту и безпріютность, Ефимъ перекрестился и махнулъ на Донъ. По желѣзной дорогѣ проѣхалъ „зайцемъ“,—дѣло привычное и удобное, главнымъ образомъ, въ смыслѣ дешевизны.

Неудержимый трепетъ волненія, робости и надеждъ охватилъ его, когда онъ сталъ въѣзжать въ родныя мѣста. Какъ-то его встрѣтитъ родина?..

Онъ сошелъ съ поѣзда на Себряковскомъ вокзалѣ и вошелъ въ слободу Михайловку. До родного хутора оставалось верстъ семнадцать, до станицы — сорокъ. За двадцать лѣтъ слобода измѣнилась до неузнаваемости. Вмѣсто хохлацкихъ мазанокъ—большіе, желѣзомъ крытые дома, магазины съ зеркальными окнами, многоэтажные заводскіе корпуса. И много народу...

Ефимъ нанялъ хохла-извозчика съѣздить за братомъ своимъ Спиридономъ,—самому ему являться въ родной хуторъ и въ станицу было пока рисковано. Спиридонъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ сестрой. Свиданіе было очень трогательное и обильное слезами. Плакалъ Ефимъ, причитала сестра, хныкалъ и Спиридонъ, повторяя:

— Милый мой братушошка... родимый ты мой... И какъ ты это удумалъ?...

Когда Ефимъ разсказывалъ о невзгодахъ своей жизни и своихъ злоключеніяхъ,—и братъ, и сестра сочувственно и со-

крушенно качали головами, вздыхали и плакали. Онъ всегда умѣлъ говорить. Онъ, извѣдавшій и испытавшій на своемъ вѣку столько треволненій, сидѣвшій разъ двадцать на скамьѣ подсудимыхъ, потершійся среди умныхъ людей и въ острогахъ, и на свободѣ,— казался среди нихъ положительно интеллигентнымъ человѣкомъ. И они съ почтительнымъ удивленіемъ прислушивались къ его трогательному разсказу, перемѣшанному съ оригинальными и увѣренными сужденіями о жизни.

Но когда онъ заговорилъ о своей нуждѣ и о помощи, на которую разсчитывалъ, то Спиридонъ замялся, закашлялся и началъ усиленно сморкаться.

— И какъ ты это удумалъ, — пробормоталъ онъ:—труды-то... такіе труды-то на себя принять...

Ефимъ почувствовалъ, что братъ хочетъ замять рѣчь о деньгахъ, и сказалъ грустно:

— Хотѣлъ остальной разъ взглянуть на тихій Донъ... И васъ, моихъ родненькихъ, не могъ изъ сердца выкинуть. Бывало, объ васъ вздумаю... вѣрите-ли, мои болѣзные?.. Кровью сердце ажъ подплываетъ!..

— Сыны у меня,—заговорилъ Спиридонъ смущенно, послѣ долгой паузы:—имъ хозяйство передалъ...

Ефимъ ничего не возразилъ. Онъ хотѣлъ было кое-что напомнить Спиридону, но промолчалъ. Ссориться съ братомъ въ теперешнемъ положеніи было не совсѣмъ удобно: маленькая надежда, что Спиридонъ, можетъ какъ-нибудь выхлопотать ему у станицы приговоръ, всетаки поддразнивала Ефима.

— Я поговорю съ ребятами, Ефимушка, — продолжалъ Спиридонъ неувѣренно: — они не должны оставить дядю... Грѣхъ имъ будетъ, коли того... Вотъ тебѣ сальца кусокъ... покель что... А деньжонокъ заразъ—извини: негдѣ взять. Изъ пальца ихъ не высосешь... Обмолотимся вотъ, быковъ въ Арчаду погоню,—можетъ, цѣну дадутъ... А покель обойдись... какъ-нибудь ужъ...

Ефимъ пріунылъ. Обходиться... чѣмъ же? Надо добывать, а добывать въ его положеніи—одинъ способъ: украсть или ограбить. Старый, много разъ испытанный имъ способъ. Но, надоѣло это ремесло. Когда человѣку подъ шестьдесятъ лѣтъ, такъ оно даже немножко конфузно какъ-то и неприлично...

И ему стало грустно-грустно... Родина показалась ему теперь чужой, неласковой, черствой стороной...

— Какъ ты подъ старость-то будешь жить, Ефимушка?— говорила сестра, причитая.

Эти слова и заунывное причитаніе сестры всколыхнули

въ душѣ Ефима всю горькую горечь безнадежности и темной, безжалостной неизвѣстности будущаго.

— Таковъ, видно, рокъ моей жизни,—сказалъ онъ грустно и вздохнулъ:—волчья жизнь... А волка, говорятъ, ноги кормятъ...

Онъ съ благодушной ироніей поблагодарилъ Спиридона за кусокъ сала и просилъ его похлопотать всѣми мѣрами о приговорѣ. Спиридонъ такъ божился, такъ увѣрялъ брата въ своей полной готовности послужить его интересамъ, что Ефимъ и впрямь повѣрилъ въ возможность благополучнаго исхода своихъ скитаній.

Онъ отправился искать старыхъ друзей по окрестнымъ станицамъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Ефимъ перебивался кое-какъ. Изъ старыхъ пріятелей его уцѣлѣли очень немногіе, но и тѣ не годились для прежнихъ подвиговъ: не было у нихъ теперь ни смѣлости, ни изобрѣтательности, ни даже настоящаго, серьезнаго стремленія къ болѣе приличной жизни, а жили они всѣ изъ рукъ вонъ плохо, бѣдно, грязно, уныло и презрѣнно.

Отъ Спиридона не было никакихъ извѣстій.

Посылалъ Ефимъ нѣсколько писемъ ему, но ни на одно изъ нихъ не получилъ отвѣта. Онъ началъ озлобляться и терять надежду. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ напоминалъ брату объ его долгѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавлялъ, что онъ сумѣетъ взять свое, если Спиридонъ не постарается отплатить за этотъ долгъ.

Въ іюлѣ Ефиму удалось угнать трехъ лошадей изъ Царицынскаго уѣзда. Онъ явился съ ними къ Ильинской ярмаркѣ въ Распопинскую станицу. Съ нимъ было два товарища. Одинъ изъ нихъ — Яковъ Шумовъ, давній его пріятель, хорошо знакомый ему еще до ссылки,—пьяница, драчунъ, веселый и беззаботный забулдыга; другой—помоложе, урядникъ Кочетковъ, содержатель двухъ почтовыхъ станцій, тонкая и темная бестія, мастеръ сбывать съ рукъ краденыхъ лошадей и, какъ человѣкъ богатый, стоявшій внѣ всякихъ подозрѣній.

Атмосфера ярмарочной жизни, давно знакомая, но на время позабытая, охватила Ефима, и онъ чувствовалъ себя помолодѣвшимъ и готовымъ на прежніе рискованные подвиги въ этой сутолокѣ, среди пьяныхъ пѣсней, громкаго говора, брани, сдѣлокъ, ржанія лошадей и мычанія быковъ. Опытнымъ глазамъ знатока онъ сразу оцѣнилъ конскій рынокъ. Пригонъ былъ неважный: все больше шершавыя рабочія лошаденки; попадались добрыя лошадки, годныя „подъ строй", но рѣдко. Два косяка пригнали калмыки.

Своихъ лошадей Ефимъ на рынокъ не выводилъ. Шумовъ

поставилъ ихъ на дворѣ у своего родственника, у котораго они остановились на квартирѣ.

Присматриваясь къ народу, Ефимъ угадывалъ, какъ ему казалось, кое-кого изъ своихъ станичниковъ - глазуновцевъ. Онъ держался на-сторожѣ. Но на него никто не обращалъ вниманія. Только какой-то старикъ, тощій и высокій, съ пѣгимъ, облупившимся лицомъ, долго всматривался въ него, два раза подходилъ близко и, видимо, хотѣлъ заговорить съ нимъ, но не рѣшался.

Ефимъ помогъ ему самъ.

— Вы откуда будете, дѣдушка?—спросилъ онъ.

— Я—глазуновскій.

— А-а... такъ...

Толкачевъ быстро и пытливо окинулъ его глазами и, удивленный, сталъ усиленно рыться въ своей памяти,—старикъ былъ ему совсѣмъ незнакомъ, а такое примѣтное лицо, кажется, трудно забыть.

— Изъ самой станицы или съ хуторовъ?—спросилъ онъ.

— Изъ станицы.

— Не былъ я въ станицѣ, а по хуторамъ лѣтось осенью ходилъ, шитвомъ занимался,—сказалъ Толкачевъ равнодушно, какъ бы вскользь.

Старикъ посмотрѣлъ на него пристально и недовѣрчиво и, понизивъ голосъ, спросилъ съ хитрою усмѣшкой:

— Да ты... не Толкачевъ будешь?

— Нѣтъ. Я—Биндусовъ,—отвѣтилъ Ефимъ, не моргнувъ глазомъ.

— Откель?

— Шацкаго уѣзда.

— Изъ солдатъ?

Ефимъ былъ коротко, не по-казацки, остриженъ, и на головѣ его можно было видѣть рубцы, полученные имъ отъ удара бутылкой въ одной схваткѣ, еще до ссылки.

— Былъ и въ солдатахъ, — сказалъ Ефимъ: — за Дунай ходилъ.

— Та-акъ. А я вознался было. Взоромъ дюже всхожъ на нашего станичника—Ефима Толкачева...

Старикъ отошелъ. Ефимъ вмѣшался въ толпу и, держась въ нѣкоторомъ отдаленіи, не упускалъ его изъ виду. Но старикъ, повидимому, уже забылъ о немъ и бродилъ по конскому рынку, останавливаясь около самыхъ плохихъ лошаденокъ. Потомъ Ефимъ видѣлъ его хлопочущимъ около какого-то пьянаго казака, который потерялъ пятирублевый золотой и безнадежно разыскивалъ его, копаясь въ сѣрой пыли, запорошенной сѣномъ и сухимъ навозомъ. Его окружила толпа.

— Да ты сними сапогъ-то! Сапогъ сними!—говорилъ старикъ съ пѣгимъ лицомъ.

Казакъ покорно сѣлъ наземь и разулся.

— Тряси его!

Казакъ, съ посоловѣвшими, пьяными, полузакрытыми глазами, съ трудомъ нѣсколько разъ медленно и неуклюже встряхнулъ сапогъ.

— Нѣту?

— Нѣту,—безнадежно бормоталъ пьяный казакъ:—семакъ тутъ... два полтинника тутъ... А золотого нѣтъ...

— Чулокъ-то сними! Сними чулокъ! Тряси его. Ну... нѣту?.. Что-о за дьяволъ!.. Да у тебя один карманъ-то? Одинъ... Ну-ка... того... выверни-ка его... встань-ка!.. Тряси штану! штанину... штанъ тряси!.. Хорошенько тряси ее... Такъ... Ну?... Диковинно дѣло, братцы мои!..

— Да они были у него?—спросилъ изъ толпы скептическій голосъ.

— Были, я самъ видалъ, — говорилъ старикъ:—при мнѣ получилъ придачи два золотыхъ,—лошадь промѣнялъ... При моемъ видѣ...

— Стало быть, были!—обиженно воскликнулъ потерпѣвшій казакъ, бережно держа сапогъ и чулокъ подъ мышкой:—Свирѣлкинъ брехать не станетъ. Вотъ онъ—во, этотъ старичекъ самый... Онъ считалъ. Два десять я пропилъ, на восемь гривенъ ребятамъ гостинцевъ купилъ... а одинъ золотой долженъ остаться... Идѣ-же онъ?.. Вѣдь ты считалъ, дѣдъ?..

— Да ты бы Свирѣлкина-то обыскалъ, — кинулъ кто-то изъ толпы.

— Меня чего обыскивать, — сказалъ старикъ обиженно, но кротко:—я свои деньги самъ окажу...

И ушелъ изъ народа.

Теперь Толкачевъ вспомнилъ по фамиліи и возстановилъ передъ собою прежнія черты этого старика, когда онъ былъ моложе и не такъ обезображенъ, какъ теперь. Это былъ когда-то небезызвѣстный пѣсенникъ въ станицѣ и конокрадъ мелкаго разбора, самъ не воровавшій, но передававшій краденыхъ лошадей. Онъ могъ быть не безполезенъ. И Ефимъ рѣшился заговорить съ нимъ.

— Дюже не признаю,—сказалъ онъ, догоняя старика:—боюсь вклепаться... Иванъ Свирѣлкинъ?

— Точно такъ,—сказалъ старикъ, подозрительно взглянувши на него и не останавливаясь.

— Ну, здорово живешь, мой милый! Патретъ-то у тебя какъ измѣнился...

Старикъ остановился, пристально посмотрѣлъ на Толкачева и сказалъ:

— Якимъ! А вѣдь, ей-Богу, это ты?

Толкачевъ протянулъ ему руку.

— Я говорю: патретъ измѣнился, а то бы я и давно тебя призналъ.

— Поморозилъ... Н-ну... какъ же это ты? откель? давно?.. Ахъ, ми-и-лый ты мой. Соколъ, видно, на одномъ мѣстѣ не сидитъ...

Они отошли къ сторонѣ и поговорили. Оказалось, что у Свирѣлкина было свидѣтельство отъ станичнаго правленія, совершенно ему не нужное, а Ефиму очень подходящее. А у Ефима нашлась продажная лошадь,„унесенная", какъ онъ выразился, издалека. Они осмотрѣли эту лошадь, и Свирѣлкинъ пріобрѣлъ ее за десять рублей. Даже заморенная и замученная, она стоила, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ больше. Но Ефимъ за большими барышами не гнался. Кромѣ того, онъ разсчитывалъ, что ему удастся сорвать что-нибудь и во время ярмарки.

Рѣшили взбрызнуть покупку. Пришли оба товарища Толкачева и хозяинъ квартиры. Ефимъ былъ всегда широко щедръ и купилъ сразу четверть казенной. Ее выпили. Потомъ Свирѣлкинъ принесъ бутылку. Но пить уже никому не хотѣлось,—было жарко, душно, всѣхъ томила жажда и скука... Когда начинали распивать водку, разговоры были пріятные, мирные, всѣ изъяснялись другъ другу въ расположеніи и любви. А теперь Шумовъ затѣялъ ссору съ Кочетковымъ. Свирѣлкинъ совсѣмъ ослабѣлъ, попробовалъ пѣть пѣсни, но ничего не вышло, и онъ легъ на полу спать. Было уже поздно. Ефимъ чувствовалъ, что его голова совсѣмъ отяжелѣла, и хата, гдѣ они сидѣли, начинала колыхаться и плавать вокругъ него вмѣстѣ съ печью, полатями и лавками.

Въ ушахъ его рычалъ голосъ Шумова, ругавшагося отборно и со вкусомъ, и звенѣлъ голосъ Кочеткова въ отвѣтъ на эти ругательства—тонко, мѣтко и язвительно.

— Били тебя всѣмъ, Яковъ,—и кольями, и жердями, и шкворнями... И ногами били... А ума тебѣ не прибавили... Не въ то мѣсто, знать попадали... Выросла дубина такая на мочежинѣ... Стоеросъ!..

Толкачевъ вышелъ на дворъ и улегся подъ сараемъ.

Шумовъ и Кочетковъ продолжали шумѣть и сквернословить въ хатѣ. Потомъ вышли на дворъ и подрались, но такъ какъ оба еле держались на ногахъ, то больше махали руками и падали. Ефимъ боялся, что ихъ шумъ привлечетъ вниманіе полиціи,—на ярмаркѣ былъ самъ засѣдатель, — и вышелъ ихъ разнять. Кто-то изъ нихъ ударилъ его сзади по шеѣ. Тогда онъ развернулся и ударилъ Кочеткова. Кочетковъ какъ-то особенно быстро и отрывисто мотнулъ головой

и потомъ, ухватившись за Шумова и увлекая его за собою, мягко уткнулся въ землю.

Они поворочались немного и, упираясь руками другъ въ друга, попробовали встать, но не встали и ограничились нѣсколькими крѣпкими ругательствами.

Ефимъ спокойно ушелъ подъ сарай и уснулъ.

Но черезъ часъ, не больше, его разбудили.

— Этотъ самый?—говорилъ надъ нимъ громкій, начальственный голосъ.

— Самый этотъ, вашбродь... Такъ точно. Это—первой мошенникъ по округѣ! Бѣжавшій изъ Сибири, напримѣръ, да еще въ морду норовитъ... Я, по крайней мѣрѣ, служилъ и имѣю галуны, а какая-нибудь т-тварь...

Ефима арестовали. Онъ показалъ свидѣтельство Свирѣлкина. Но когда разыскали и растолкали настоящаго Свирѣлкина, то Ефимъ заявилъ, что онъ вытащилъ документъ у пьянаго старика, и открылъ свое настоящее имя.

III.

Его препроводили къ судебному слѣдователю, а слѣдователь, для удостовѣренія личности, отправилъ его за сильнымъ конвоемъ въ родную станицу.

Ефимъ вступилъ въ нее поздно вечеромъ, наканунѣ праздника. Издали, въ мечтахъ, она рисовалась ему прекрасной, уютной и ласковой, и къ ней неудержимо рвалось его сердце. Но теперь онъ предпочелъ бы очутиться въ тайгѣ, чтобы снова мечтать о родинѣ и по-новому предпринять путешествіе домой. Не о „каталажкѣ“ онъ мечталъ, не о той станичной тюрьмѣ, изъ которой два раза убѣгалъ онъ еще „малолѣткомъ“... Онъ шелъ по станичнымъ улицамъ, мягкимъ, пыльнымъ или поросшимъ травой, усѣяннымъ круглыми пышками коровьяго помета. Онѣ уже затихли, заснули, и ихъ побѣленные домики, облитые свѣтомъ невысоко поднявшагося мѣсяца, глядѣли на него, стараго, тосковавшаго о нихъ станичника, своими раскрытыми окошками удивленно и кротко, а жидкій лунный свѣтъ мелькалъ привѣтливой улыбкой на ихъ стеклахъ, когда онъ оглядывался на нихъ, припоминая и угадывая. Тѣни отъ садиковъ, сараевъ и низкихъ плетней ползли на середину дороги—смутныя, неясно очерченныя, кое-гдѣ перерѣзанныя золотистыми полосами свѣта.

Онъ узнавалъ и не узнавалъ ихъ, эти тихія улицы, сквозь тяжелый покровъ своей безнадежной грусти. Какъ будто ихъ стало больше, какъ будто онѣ стали длиннѣй, наряднѣй... Вотъ тутъ былъ въ его время одинъ кабакъ, а на томъ углу—

другой; держалъ отставной фельдфебель Дувановъ. Живъ ли онъ? жива-ли его толстая Дуваниха?.. Были эти дома соломой крыты, а теперь вонъ подъ желѣзомъ. А тутъ вотъ Дуняшка жила... Цѣла-ли ея удалая башка? Эхъ, огонь-баба была!..

При каждомъ воспоминаніи о прошломъ тяжелый камень, который лежалъ гдѣ-то тамъ въ темной глубинѣ его сердца, грузно колыхался и точно гнулъ его книзу. Но онъ старался идти бодро, легко, даже щеголевато. Онъ по движущимся тѣнямъ видѣлъ, какъ рѣзко и выгодно выдѣлялась его большая и стройная фигура впереди двухъ низкорослыхъ конвойныхъ. Съ подстриженной сѣдой бородой, съ умнымъ и дерзкимъ взглядомъ, въ картузѣ на бекрень, онъ казался теперь молодымъ, сильнымъ и свѣжимъ...

Въ станичномъ правленіи Толкачева приняли очень привѣтливо и радушно. Лица были все новыя и Ефиму неизвѣстныя—и атаманъ, и писаря, и казначей, и казаки-сидѣльцы Только Семенычъ, такъ называемый „староста“, т. е. старшій сторожъ правленія, былъ тотъ же, но постарѣлъ. Онъ теплѣе всѣхъ встрѣтилъ Толкачева, принесъ ему повечерять и даже чаемъ напоилъ.

— Ты помнишь, — говорилъ Семенычъ, — кирпичемъ-то меня тогда въ спину?... Печку развалилъ въ тюрьмѣ, а я подошелъ тебя посовѣстить, а ты... того... въ сердцахъ-то...

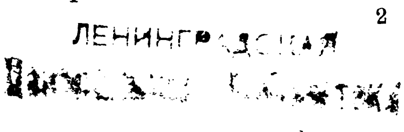
Ефима участливо разспрашивали и сожалѣли, что онъ попался. И ему было пріятно видѣть это добродушно-ироническое, но не обидное и, пожалуй, искреннее сожалѣніе. Изъ этихъ людей, которые были передъ нимъ такіе молодые, веселые, шутливо-добродушные, никто не былъ свидѣтелемъ его прежнихъ подвиговъ — конокрадства, грабежа и проч. Помнили его сыновъ, но и о нихъ говорили съ расположеніемъ и сожалѣніемъ. Впрочемъ, онъ самъ и сыны его не трогали своихъ станичниковъ и работали преимущественно на сторонѣ. Ихъ побаивались и дома. И дивились имъ. Удаль, рискъ, неустрашимость, сила,—всѣ они были силачи,— и гордое презрѣніе къ обычному порядку жизни внушали къ нимъ, вмѣстѣ съ скрытою, боязливою ненавистью, и уважительный страхъ.

Теперь это чувство страха уже забыто, и люди, окружающіе Ефима, вспоминаютъ только лучшее, любопытствуютъ, жалѣютъ и предлагаютъ угощеніе. Атаманъ даже полтинникъ далъ,—Ефимъ разсказалъ ему кое-что о своихъ злоключеніяхъ. Но когда отвели Ефима подъ замокъ, атаманъ въ корридорѣ строгимъ голосомъ говорилъ десятнику:

— Смотрѣть хорошенько!..

— Слушаю, вашбродь.

— Знаешь, кто это? Волкъ травленый...



— Такъ точно. Слушаю...

Ефимъ слышалъ это, и въ сердцѣ его тяжело колыхнулась горечь обиды и безсильной злобы.

На другой день къ Ефиму приходили его хуторяне, — какъ разъ былъ на этотъ день назначенъ станичный сборъ, и въ станицу съѣхались изъ всѣхъ хуторовъ выборные У всѣхъ былъ самый радушный и привѣтливый видъ.

— Здорово! — говорилъ обыкновенно каждый новый посѣтитель, подходя къ двери тюрьмы и пріятельски улыбаясь.

— Слава Богу! — отвѣчалъ Ефимъ.

— Не узнаешь?

— Ка-быть припоминаю трошки...

— Ну ужь... идѣ!... Время-то сколько прошло...

— Василій Мироычъ?

— Вѣ-ѣрно! Чего-же, на родину-то, знать, хребтится? съ чужой стороны-то?...

— Понятное дѣло.

— Разумно, что свой бытъ милѣе. Ну, какъ же ты тамъ... того... Жизнь твоя какъ протекала тамъ?

Ефимъ съ добродушною готовностью удовлетворялъ любопытство каждаго посѣтителя.

Его выпустили изъ-подъ замка, и онъ сидѣлъ въ казармѣ, окруженный толпой слушателей. Его обычное ораторское мастерство, бывалость, начитанность, познанія въ уголовныхъ законахъ, — все это съ блескомъ развертывалось теперь въ его рѣчахъ, и на лицахъ всѣхъ слушателей было написано почтительное недоумѣніе, почему этого умнаго, и рѣчистаго человѣка они видятъ именно въ такомъ не особенно пріятномъ положеніи? Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Ефиму...

Къ полудню слушатели его поразошлись, и онъ вернулся въ мѣсто своего заключенія.

Онъ легъ на нары и хотѣлъ уснусь. Но воспоминанія взволновали его, и вызванные имъ образы все еще носились передъ нимъ, не давая ему покоя. Они погрузили его въ глубь того прошлаго, которое всегда казалось ему такимъ славнымъ, вольнымъ, богатымъ приключеніями и громкими дѣлами. То, что онъ увидѣлъ теперь, послѣ двадцатилѣтней разлуки съ родиной, было ново, непохоже на прежнее, почти чуждо, но тѣмъ настойчивѣе напоминало черты прошлаго. И минутами казалось, что воздухъ тюрьмы, ея смутно улавливаемая душа, это яркое небо, неподвижная зелень, залитая горячимъ солнцемъ, эти плетни, сараи, копны сѣна, даже заботы этихъ людей, ихъ разговоры, голоса, смѣхъ, брань, печаль и веселье, — все это давно-давно знакомо, все — родное... Но люди, которыхъ Ефимъ какъ-будто вчера еще

зналъ молодыми, свѣжими, сильными, бодрыми, совсѣмъ измѣнились, и не узнать ихъ лицъ—бронзовыхъ, загорѣлыхъ, съ рѣзкими, темными морщинами и съ частыми серебряными нитями въ темныхъ бородахъ.

Онъ поворочался съ боку на бокъ и закрылъ глаза.

И вотъ, опять гдѣ-то тамъ, въ сокровенныхъ уголкахъ души, зашевелились, встали и тихо поплыли передъ глазами волшебныя картины молодой жизни, шумнаго, головокружительнаго разгула, удалыхъ ночныхъ похожденій, любовныхъ тревогъ, рискованныхъ подвиговъ... Какъ будто изъ тумана выступили онѣ, развернулись подробно и ярко, и вотъ она, прожитая жизнь, вся передъ глазами, вся какъ на ладони...

И сердце такъ больно и сладко заныло...

Онъ быстро всталъ и подошелъ къ двери. Ему хотѣлось опять говорить, изливать передъ кѣмъ-нибудь эту свѣтлую грусть, которая сладкимъ ядомъ воспоминаній бередила раны его сердца. Но въ казармѣ никого не было, кромѣ двухъ спавшихъ на нарахъ казаковъ, да часового съ газетой, въ рукахъ.

Толкачевъ опять легъ. Потомъ онъ вспомнилъ, что хотѣлъ написать и послать съ хуторянами письмо Спиридону. Писарь вчера далъ ему листъ бумаги и карандашъ. Ефимъ досталъ ихъ изъ кармана пиджака, надѣлъ очки, легъ животомъ на нары и на минуту задумался...

Онъ помочилъ карандашъ языкомъ и, вмѣсто обычнаго привѣтствія, написалъ:

Жизня въ кратцахъ и стихами,
Какъ вразлукѣ жилъ я съ вами...

Стихи о жизни давно уже роились въ его головѣ—печальные и горькіе, какъ горечь и тоска его жизни. На бумагѣ выходили они блѣдными и неуклюжими, и это нѣсколько досадовало его, но онъ съ увлеченіемъ погрузился въ свою работу и писалъ:

Напишу вамъ друзья-братья,
Жизню прежнюю свою.
Много людей проливаютъ
Слезы на участь на мою...

Уже завечерѣло, а онъ все писалъ. Въ казармѣ и на плацу стало шумнѣе. Съ другого конца правленія, отъ „майданной“, гдѣ шло засѣданіе сбора, по временамъ доносились бурливыя волны отдаленныхъ звуковъ. Они напоминали глухой, далекій звонъ большихъ бубенцовъ—„глухарей“ и смяг-

ченное разстояніемъ тарахтѣнье и дребезжанье немазаной телѣги.

— Полчанинъ! э-о! х-хе!—раздался окликъ въ узкое маленькое окошко, прорѣзанное въ двери тюрьмы.

Толкачевъ быстро и легко вскочилъ съ наръ и подошелъ къ окошку. Не снимая очковъ, въ которыхъ онъ походилъ на чернокнижника, онъ, нагнувшись, всматривался въ лицо казака. Изъ-подъ широкихъ черныхъ бровей, похожихъ на волосатыхъ гусеницъ, на него глядѣли сѣрые глаза, пристальные, не моргающіе, свѣтившіеся лаской. Взоръ ихъ напоминалъ что-то знакомое, отдаленное, молодое, только ласковый блескъ не шелъ къ этимъ глазамъ. Черная борода, длинная, начинавшаяся чуть не изъ-подъ самихъ глазъ, съ рѣдкой сѣдиной, скрадывала черты лица. Желтые зубы дружественно скалились изъ-подъ густыхъ усовъ, которые лѣзли въ ротъ.

— Не узнаешь, что-ль?—спросилъ грубо-ласковымъ голосомъ казакъ и вошелъ въ тюрьму, въ сопровожденіи часового.

Толкачевъ не переставалъ пристально глядѣть на вошедшаго. Это былъ большой, коренастый человѣкъ,—такой-же, какъ и самъ Ефимъ, но отличавшійся тою рѣзкою угловатостью спины, плечъ и рукъ, которую налагаетъ тяжелый трудъ.

— Ваня?—сказалъ Толкачевъ неувѣренно.

— А то кто-же... г-га-га...

Толкачевъ быстро снялъ очки, и въ его глазахъ, большихъ, свинцово-сѣрыхъ, съ жесткимъ, хищнымъ, выслѣживающимъ взглядомъ, заискрилась молодая, нѣжная радость.

— Милый мой! — воскликнулъ онъ, цѣлуясь съ вошедшимъ.—Полчанинъ!... Ну, здорово... Господи! Кабы одинъ на одинъ, не узналъ бы...

— Досыта набился бы, пожалуй, и не угадалъ бы?... А я тебя сразу... того... г-га-га... какъ глянулъ, безъ ошибки: Ефимъ!..

— Ну, да, конечно! потому что сказали?.. А то и я, братъ, совсѣмъ старый сталъ... Укатали горки Ефимку...

— Нѣтъ. Обличье не перемѣнилось... такой же... По взору сразу можно признать. Ну, какъ?...

Казакъ положилъ на нары узелокъ въ платкѣ, потомъ арбузъ и дыню, которые онъ держалъ, прижавъ къ себѣ лѣвой рукой.

— Живешь на свѣтѣ?—спросилъ онъ, улыбаясь ободряющей улыбкой.

— Да, живу... Вотъ...—говорилъ Толкачевъ, улыбаясь и глядя на полчанина тихо-ласковымъ и смущеннымъ взглядомъ.

— На-ка вотъ, поѣшь.

— Спасибо, сердечный! Ну, ты-то какъ?

Имъ обоимъ хотѣлось сказать многое, но они не знали, съ чего начать, какъ и о чемъ вспомнить...

— Да я чего-же? Живу,—сказалъ полчанинъ, показывая опять изъ-подъ усовъ желтые зубы: — вотъ старикъ сталъ. Ворочаю горбомъ. Что плечами да спиной поворочаешь, то и барышъ. Помаленьку живемъ... тихо... Ты вотъ какъ? Да ты сядь, ѣшь!..

— Да я не голодный...

Они сѣли на нары. Ефимъ запустилъ руки въ карманы и сказалъ, принимая беззаботный видъ:

— Да, братъ... Живу и я. Плакать не плачу, а слеза иной разъ бѣжитъ... Вотъ все въ странствіяхъ...

— Докель-же?

— Кто ее знаетъ? Разсчитывалъ, что больше ужъ не надо бы... усталъ...

— Усталъ-таки? Не похоже, чтобы...

— Усталъ, братъ...

Ефимъ отвелъ глаза отъ своего собесѣдника. Ему хотѣлось бы говорить съ нимъ, товарищемъ молодости, такъ, какъ говорилъ онъ въ былыя времена—безпечно-шутливо, бодро, съ лихимъ, вызывающимъ цинизмомъ, но, противъ его воли, грустная, жалующаяся нота зазвучала въ его словахъ.

— Д-да... И самъ иной разъ не вѣрю, что это—я. Впередъ и не думалъ, что устану когда-нибудь. Анъ усталъ... Бывало, мнѣ все—смѣхъ, все—шутка. Попался—нужды нѣтъ, убѣгу и... ищи вѣтра въ полѣ... А сейчасъ—кто ее знаетъ, куда все это дѣлось?.. Усталъ... Думалъ отдохнуть,—не пришлось. Ужъ какъ ни хитра, думаю, полиція, а я хитрѣй ея. Анъ она меня подкузмила, откель и не ждалъ...

— А сыны гдѣ?

— Двое со мной были въ Красноярскомъ, Малые, Устинъ съ Радіономъ.

— А энти?

— Энти въ разныхъ мѣстахъ: Малафей и Иванъ въ Иркутскѣ, въ руднинахъ.

— Подъ землей, стало быть?

— И подъ землей, и надъ землей, по всякому. А Абакумъ на Сахалинѣ. Старуху похоронили...

Молодой казакъ въ синей блузѣ и въ артиллерійской фуражкѣ внесъ чайникъ съ кипяткомъ и поклонился Ефиму.

— Это сынъ, что-ль?—спросилъ Толкачевъ.

— Сынъ, — отвѣчалъ полчанинъ. — Становь сюда, Самошка!

Казакъ поставилъ на нары чайникъ. Полчанинъ развязалъ

узелокъ и досталъ оттуда сахаръ, чай въ бумагѣ, чайную чашку съ блюдцемъ, пшеничный хлѣбъ и сливы.

— Садись, мой милый,—говорилъ ласково Ефимъ молодому казаку:—садись, посиди у меня въ гостяхъ. Не очень у меня тутъ пріятное помѣщеніе, но не обезсудь... Садись.

Самошка молча присѣлъ на краю наръ, въ отдаленіи, и съ любопытствомъ смотрѣлъ на этихъ двухъ пожилыхъ, плотныхъ, высокихъ и такихъ могучихъ товарищей. Отецъ его сидѣлъ бокомъ на нарахъ и смотрѣлъ на арестанта. Взоръ его, который изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей казался обыкновенно суровымъ и тяжелымъ, теперь свѣтился мягкою, тихой, ласковой грустью. Ефимъ налилъ чашку чаю, разложилъ бережно сахаръ и сливы и нарѣзалъ хлѣба.

— Такъ, говоришь, усталъ?—спросилъ Самошкинъ отецъ.

— Да, хотѣлось бы отдохнуть... Ну—не пришлось...

Ефимъ скрестилъ на груди руки, помолчалъ, глядя себѣ подъ ноги, и въ раздумьи продолжалъ:

— Много въ моей жизни, Ванюшка, было разнообразія всякаго... И самъ, небось, помнишь?... Ну, а теперь, какъ оглянусь назадъ, пытующимъ окомъ кину впередъ,—хорошаго не видать! Нѣту хорошаго... ничего нѣтъ!.. Хотѣлъ бы прибиться куда-нибудь къ берегу, отдохнуть, сказать: буде!.. Ну—погода все недозволительная. Значитъ, рокъ моей жизни таковъ... Какъ въ Писаніи сказано: „звѣри, говоритъ, имѣютъ жилища свои, а Сыну человѣческому негдѣ главы преклонить“... Д-да... Главы преклонить негдѣ...

Эти печальныя слова тихо и грустно прозвучали въ задумчивыхъ вечернихъ сумеркахъ, и жалко-жалко стало полчанину своего безпріютнаго стараго товарища...

Они помолчали. Полчанинъ взглянулъ и сказалъ:

— Ну, ты разскажи, по крайней мѣрѣ, гдѣ ты проживалъ? что за мѣста? и вобче... какъ жизнь протекала?..

Толкачевъ началъ разсказывать о себѣ подробно, обстоятельно, гладко, какъ заученное. Онъ вспоминалъ попутно и времена своей молодости, спрашивалъ полчанина объ общихъ ихъ товарищахъ. И чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ разсказъ его становился грустнѣе и интереснѣе.

— Досадно, главное, вотъ что, — взволнованно говорилъ онъ подъ конецъ:—пришелъ я сюда безо всякихъ тѣхъ... никого не тронулъ, не обидѣлъ... Никто не можетъ сказать, зачѣмъ я пришелъ: убить-ли, ограбить-ли, отомстить-ли?.. или не въ терпёжъ моему сердцу стало, и я взглянуть захотѣлъ остальной разъ на свой тихій Донъ, да съ тѣмъ и помереть?..

Онъ остановился, сдѣлавши красивый ораторскій жестъ и упорно глядя горящими глазами въ сторону своего собесѣдника, но мимо него.

— Такъ вотъ нѣтъ-же... не вникаютъ въ это! Схватили, посадили за караулъ и, по статьѣ такой-то, тюремный замокъ, предварительное заключеніе до разбора дѣла мѣсяцевъ на десять, а то и на весь годъ, арестантскія роты, послѣ разбора, года на полтора... меньше двухъ лѣтъ гнить по тюрьмамъ и не думай... А тамъ этапнымъ порядкомъ къ мѣсту жительства, а въ мѣстѣ жительства—кусать нечего, дѣлать нечего... Сибирь, братъ, такая сторона: теперь вотъ, въ рабочую пору, можно еще наняться куда-нибудь, а послѣ,—осенью, зимой,—и за кусокъ хлѣба никто не возьметъ. Чѣмъ же оправдаться несчастному поселенцу? Побираться?.. Такъ у меня такая совѣсть: чѣмъ подъ окномъ стоять, лучше я въ окно влѣзу...

— Это ты правильно,—угрюмо усмѣхнулся полчанинъ.

— Вотъ, Ваня... такъ подумаешь—подумаешь и скучно станетъ... ахъ, какъ скучно!.. Въ жизни, братъ, какъ иной разъ въ карты, въ стуколку,—можетъ, слыхалъ?—поставишь одинъ ремизъ да другой, да такъ застрянешь, что не вывернешься никакими способами... Иной разъ идешь на большой рискъ - удача. А иной разъ такъ, ни за что, ни про что влетишь, какъ куръ во щи... просто за „здорово живешь“! даже обидно... Вотъ, напримѣръ, послѣдніе года—три года,—тутъ, можно сказать, рокъ моей жизни былъ до конца несчастенъ и несправедливъ...

И Ефимъ подробно разсказалъ о томъ, какъ несправедливо онъ съ семьей потерпѣлъ за пропавшаго киргиза Мурадбая.

Дверь опять загремѣла и отворилась. Часовой ввелъ женщину лѣтъ пятидесяти, съ тарелками, прикрытыми платкомъ, съ арбузомъ и дынею.

— Здравствуйте, братецъ!—сказала она, осторожно освобождаясь отъ своей ноши съ помощью полчанина.

Толкачевъ всталъ и молча, пристально смотрѣлъ на нее.

— Это кто же?—спросилъ онъ тихо, съ видимыми усиліями напрягая свою память.

— Не угадаешь!

Женщина улыбнулась, и глаза ея почти спрятались въ лучистыхъ морщинахъ. Не смотря на эти морщины, лицо ея приняло выраженіе молодое и знакомое Ефиму.

— Дуня?!—воскликнулъ онъ.

— Узналъ...

— Милая моя! ни за что бы не угадалъ...

Онъ протянулъ ей руку, и они крѣпко и звучно поцѣловались.

— Вѣдь родня!—сказалъ Ефимъ, обращаясь къ полчанину.

— Ну, а я не знаю, что-ль... — спокойно и равнодушно замѣтилъ полчанинъ, поглядывая на нихъ ласковымъ, смѣющимся взглядомъ.

— Ну... какъ же ты поживаешь, моя болѣзная?

Въ голосѣ, во всей сильной фигурѣ Толкачева, въ его глазахъ былъ ласкающій и нѣжный молодой тонъ, которымъ онъ въ прежнія времена очаровывалъ женщинъ.

Она вздохнула, грустно улыбаясь, и пѣвуче-печальнымъ голосомъ сказала:

— Да вотъ живу... Осиротѣла кругомъ: родителей похоронила. Изъ родныхъ никого почти не остается. Дочка дюже больна. Такъ... все горе да горе...

— Мужъ-то у тебя... я вѣдь его не знаю...

— Да онъ у меня смирненькій... Ничего, живетъ...

Они помолчали и глядѣли другъ на друга.

— Ну, а вы, братуша, какъ? — спросила она, не сводя съ него грустнаго, умиленнаго взгляда.

Ефимъ, улыбаясь, развелъ руками.

— Да вотъ, какъ видишь. Какъ говорится, живешь—не тужишь, а помрешь—хорони кто хошь... на захватъ!.. кругомъ чистъ...

Онъ тряхнулъ головой и засмѣялся.

— Все меня караулятъ, моя милая, а не я караулю...

— Что это за диковина, Ваня, — Ефимъ опять обернулся къ своему полчанину: — начальство меня всегда любило, на войнѣ я отличенъ былъ, а никогда мнѣ не пришлось караулить кого-нибудь?.. все меня да меня...

— Что же дѣлать, братецъ,—сказала Дуня и опять улыбнулась. Когда она говорила съ нимъ, и когда онъ обращался къ ней, лицо ея невольно расцвѣтало улыбкой,—улыбкой милаго воспоминанія о давнемъ хорошемъ, свѣтломъ и счастливомъ времени. И Ефиму вспоминалось въ этой улыбкѣ то лучшее прошлое, отъ чего и теперь еще сладкою и безнадежною болью ноетъ сердце,—безпечный, широкій разгулъ, веселый и головокружительный дымъ его молодости.

Его любили женщины, и онъ ихъ любилъ любовью пылкой, пьяной и опьяняющей, короткой и своенравной. Онъ былъ красивъ, силенъ, отваженъ, любилъ рискъ и сорилъ деньгами. Многіе мужья потерпѣли обиды отъ него, потерпѣлъ и онъ отъ нихъ: и сейчасъ рубцы видны на его коротко остриженной головѣ, а въ спинѣ, около лопатокъ сидитъ добрый зарядъ дроби.

Да, было время... Когда, бывало, ночью несется его пѣсня, по станицѣ или по хутору, не въ одной хатѣ хлопало тихо окошко и слышалось осторожное покашливанье. Онъ любилъ связь громкую, скандальную, заходилъ къ своимъ любовни-

цамъ вмѣстѣ съ товарищами, пилъ, гулялъ, пѣлъ пѣсни, буянилъ... А онѣ расплачивались послѣ передъ своими мужьями дорогой цѣной. И, тѣмъ не менѣе, всякій разъ онъ видѣлъ, что его посѣщенія волнуютъ ихъ радостью, счастьемъ, и онѣ готовы за мимолетныя его ласки и отъ него, и за него терпѣть какіе угодно побои и терзанія.

— А ты, сестра, все такая же... какъ молодая,—сказалъ Ефимъ съ улыбкой.

— Ну ужъ... гдѣ ужъ...

Онъ сталъ вспоминать вслухъ прежнихъ товарищей своей разгульной жизни и характеризовать ихъ мѣтко и остроумно. Она, подперши щеку одной рукой, слушала и глядѣла на него съ грустной и жалостливой улыбкой. Потомъ онъ сталъ разсказывать, какъ умирала его старуха, и когда Дуня заплакала, онъ оборвалъ разсказъ.

— Ну, чего тамъ... — сказалъ онъ сурово и отвернулся.

Они долго молчали.

Вечеръ уже совсѣмъ окуталъ землю своимъ синимъ пологомъ. Сквозь желѣзный переплетъ въ окнѣ,—рама была выставлена,—видно было, какъ надъ черной рощей вербъ за станицей краснымъ заревомъ выплываетъ луна. Изъ „майданной“ шумъ доносился сильнѣй. Иногда онъ былъ странно схожъ со стукомъ деревянныхъ молоточковъ о чугунъ.

— Я все думаю,—заговорилъ Толкачевъ съ мечтательной и грустной улыбкой:—кабы случилось чудо!.. Кабы со всѣми своими сынами-героями я опять жилъ на тихомъ Дону... а?.. Ну, царь бы, что-ль, велѣлъ или тамъ что-нибудь вышло... война, напримѣръ... а?.. А вѣдь кабы насъ допустить на войну, мы бы какихъ чудесовъ натворили! Ты знаешь Абакушку? Вѣдь это что-жъ такое? Орелъ... левъ!.. Ни передъ какою страстью не дрогнетъ!.. А Малафей? Эхъ, молодцы, ей-Богу!.. Съ такими молодцами горы свернуть можно!.. А они въ кандалы закованы...

Онъ помолчалъ, вздохнулъ разъ—другой и заговорилъ снова:

— Увелъ-было я Малафея съ каторги, да не уберегъ...

И онъ началъ разсказывать объ этомъ опасномъ, смѣломъ и грустномъ своемъ приключеніи, увлекаясь воспоминаніями и увлекая ими своихъ слушателей. Онъ долго разсказывалъ.

— Увесть увелъ, да не усмотрѣлъ я за нимъ,—говорилъ онъ, вздыхая:—все этотъ алкоголь проклятый... Кабы не напились мы тогда, да не сталъ бы Малафей для форсу стрѣлять изъ левольверта, гулялъ бы онъ теперь на свободѣ...

Онъ пріостановился, вспоминая печальныя подробности, и продолжалъ:

— Выстрѣлилъ разъ—хорошо показалось... Онъ—въ другой. А ѣдемъ въ товарномъ вагонѣ,—за два цѣлковыхъ кондукторъ посадилъ. Выстрѣлилъ въ другой,—выпивши мы всѣ были, еще попутчикъ былъ съ нами, — пѣсни играемъ. Однако, я говорю: „Малафей, буде! неловко это“... А онъ шумитъ: „отецъ! ты — орелъ, мы—орлята... собери насъ всѣхъ подъ свои крылья, всю Рассею пройдемъ“!.. Ну, уговорилъ его кой-какъ, уложилъ на мѣшки,—онъ опять въ карманъ за левольвертомъ и—бацъ! Выстрѣлилъ въ карманѣ у себя—то-ли нечаянно, то-ли форснуть захотѣлъ. Я говорю: „оставь, Малафей!“ А не видать мнѣ, что онъ ранилъ себя, а онъ-то, вѣрно, не чуетъ, лежитъ.—„Ничего“,—говоритъ,—„отецъ, не робѣй! пей да людей бей, богатъ не будешь, за то будутъ знать, чей ты сынъ“... Повернулся, а у него кровь изъ штановъ капаетъ. Попутчикъ нашъ какъ зашумитъ: „да онъ убилъ самъ себя“!.. Я—дергъ съ него штаны, а у него кровь изъ ноги такъ дудкой и засвистала... Мнѣ бы забинтовать ему ногу,—у насъ въ мѣшкахъ и шелкъ былъ (лавку одну тамъ погромили),—а я съ испугу-то не догадался. Думаю: пропали! кончено! человѣкъ убитъ... скажутъ, мы убили... Тутъ и Малафей... видитъ—кровь, въ головѣ у него стало мутиться. „Отецъ,—говоритъ,—я помираю! спасайся!“ Легъ на мѣшки, глаза подъ лобъ закатилъ, помертвѣлъ весь.— „Спасайся, отецъ!“—говоритъ:—„иди къ матери, къ братамъ, повидай ихъ, отнеси поклонъ отъ Малафея... Скажи,—говоритъ,—хотѣлъ Малафей повидаться, молъ, съ вами,—не пришлось... Значитъ, не судьба мнѣ на волѣ погулять...

— Значитъ—не судьба!—произнесъ Толкачевъ съ горькимъ чувствомъ, и голосъ его упалъ.

— Что-же, взяли?—спросила женщина, когда разсказчикъ остановился и опустилъ голову.

Толкачевъ махнулъ рукой и ничего не отвѣтилъ.

Дуня судорожно вздохнула.

Стало тихо. Свѣтила луна. И свѣтъ этотъ былъ тихій и грустный. На полу пятна его были бѣлы, какъ бумага, а на стѣнѣ—голубыя—блестѣли, какъ мраморъ. И все кругомъ—нары, печь, стѣны, рѣшетка—стало незнакомымъ, страннымъ и таинственнымъ.

— Да, Дунюшка,—печально сказалъ Толкачевъ, вздыхая:—всего, моя милая, не разскажешь... Сердце растревожишь это... того...

Дуня вздохнула. Тихіе, стонущіе звуки ропота и жалобы вырвались изъ ея груди и прозвучали въ этомъ вздохѣ. Полчанинъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости.

— Вотъ, братецъ, рыбки... повечеряй,—сказала женщина, развязывая узелокъ.

— Ну, спасибо, моя милая! Да я тутъ—не голодный. Слава Богу, меня не забыли...

— Когда же... командироваться-то будешь?—спросила она съ легкой запинкой.

— Должно быть, завтра.

— Ну, завтра зайду... А теперь—извиняйте—бѣгу домой: дочка-то у меня дюже плоха...

— Ну, прощай, моя милая!

Онъ поцѣловалъ ее и дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Можетъ, не придется видѣться больше!..

Она заплакала и быстро скрылась за дверью. Ефимъ помолчалъ и вздохнулъ:

— Молодая была—какая была красивая и веселая. И какъ измѣнилась... Время-то что дѣлаетъ!..

— Чай-то простылъ,—сказалъ полчаникъ съ сожалѣніемъ.

— Буде. Чай не уйдетъ. Нынче чай и завтра будетъ чай. Давай лучше поговоримъ. Ты про себя бы что-нибудь сказалъ... И вообче про все: про станицу, про полчанъ нашихъ,—кто живъ, кто померъ?

Полчанинъ тяжело громыхнулъ сапогами и скрестилъ на груди руки. Онъ не привыкъ выражать свои мысли въ связномъ разсказѣ и затруднялся говорить.

— Про себя чего-же говорить?—сказалъ онъ медленно и раздумчиво:—живу... Житье стало тѣсное, народу умножилось. Войновъ нѣтъ, казацтва лежитъ пропасть. Все позапахали, позагородили. Скотину выгнать некуда: какъ въ купырь зашла, — плати полтинникъ за голову. Утѣсненіе стало...

— Ну, парень... Я считаю, лучше этой жизни нѣтъ, какъ у насъ на Дону,—возразилъ Толкачевъ:—и во снѣ она мнѣ снилась... каждую ночь снилась, бывало!... Такъ сердце тосковало по ней, такъ тосковало... а-а!.. И дѣтей оставилъ, пошелъ сюда. Въ умѣ держалъ я одно... И никто, пожалуй, тому не повѣритъ изъ тѣхъ людей, какіе судить меня за побѣгъ будутъ... Никто-же вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ... Эхъ, Ваня, Ваня... Кабы кто заглянулъ въ волнующее мое сердце...

Они долго молчали. Потомъ полчанинъ всталъ и, поставивъ свой мазанный указательный палецъ на чайникъ, спросилъ:

— Ну, ты будешь еще пить?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ рыба есть. Вотъ дыньки, арбузы.

— Это я поѣмъ.

— Самошка, ты не спишь?—суровымъ тономъ окликнулъ полчанинъ сына:—пойдемъ!

Толкачевъ бережно собралъ въ бумажку сахаръ и передалъ его и чайникъ Самошкѣ.

— Пока прощай. Я завтра зайду,—сказалъ полчанинъ.

— Спаси Христосъ, мой сердечный.

IV.

Когда они ушли, Толкачевъ подошелъ къ окну. Легкая свѣжесть теплой, свѣтлой, нарядной ночи пахнула на него. На плацу въ томъ мѣстѣ, гдѣ тѣнь отъ станичнаго правленія кончалась, лежали на разостланныхъ войлокахъ казаки. Они ушли изъ казармъ, гдѣ было душно и не безъ клоповъ. Дальше виднѣлась роща. Когда-то была тутъ песчаная коса,—Толкачевъ еще учился на ней „малолѣткомъ“ джигитовать,—а теперь она вся загорожена на далекое пространство и вся заросла садами. Косматыя и сѣдыя при лунномъ свѣтѣ вербы перваго плана отдѣлялись отъ темной зелени грушъ и яблонь. Тамъ, внизу, подъ ними черно и таинственно, а сверху жидкій лунный свѣтъ весело переплетается въ узоры съ тѣнями. Еще дальше, за пересохшей рѣчкой Прсрвой, вырисовывается слабой волнистой линіей на ясномъ сводѣ неба ровная стѣна вербъ и тополей на левадахъ.

И все такъ тихо, неподвижно, очарованно и мечтательно...

Ефимъ вспомнилъ тайгу, холодъ, лишенія, нужду и вздохнулъ. Опять тошная горечь разлилась по его сердцу...

Вошелъ приземистый, курчавый казакъ съ лампой. Въ каталажкѣ стало свѣтло, но лунный свѣтъ, убѣжавъ изъ нея, унесъ вмѣстѣ съ своими серебряными пятнами и узоромъ рѣшетки всю таинственную красоту этого скучнаго мѣста.

— Вечерялъ ай нѣтъ?—спросилъ казакъ у Толкачева. Это былъ десятникъ.

— Можетъ, до вѣтру сходишь? А то буду замыкать.

— Пожалуй, и повечерять можно,—сказалъ Толкачевъ.—заразъ, чадушка... я—заразъ.. Водочки бы теперь выпилъ, кабы ваканція была. Какъ ни говори, сердечный мой, а безъ водки кисло жить на свѣтѣ. Добра въ ней мало, а выпьешь—будто и веселѣй станешь, и моложе, и богаче, и все у тебя есть... Хе-хе... Диковина, что такое!.. Винополію-то теперь затворили, должно быть?

Десятникъ ухмыльнулся и сказалъ:

— Тутъ безъ винополіи чуть не въ кажнемъ дворѣ. Вотъ рядомъ, у Недомолкина, хочь залейся... Всегда имѣетъ... По полтинѣ бутылку жаритъ, с..... с....

— А коль такое дѣло,—сказалъ Толкачевъ, запуская руку въ карманъ:—лети!..

Онъ протянулъ десятнику на ладони полтинникъ.

— Мнѣ нельзя, — сказалъ казакъ: — кабы не отвѣчать... Я пошлю. Скачковъ!—крикнулъ онъ.

— А-о!—откликнулся звонкій голосъ изъ казармы.

— Ползи суда!

Вошелъ молодой казакъ въ голубой фуражкѣ, высокій, смуглый, съ чуть пробивающеюся растительностью на лицѣ...

— Чего изволъте?—спросилъ онъ лѣниво и небрежно.

— Сбѣгай-ка, братъ, къ Степкѣ Недомолкину. Вотъ дядюшка желаетъ...

Скачковъ молча взялъ деньги и ушелъ. Минутъ черезъ десять онъ вернулся съ бутылкой. Толкачевъ хлопнулъ дномъ бутылки о свою широкую ладонь, и пробка выскочила. Онъ потянулъ изъ горлышка, потомъ передалъ бутылку казакамъ, они тѣмъ же порядкомъ приложились къ ней, и послѣ всѣ трое стали закусывать рыбой.

— Тошно сердцу моему!—говорилъ Толкачевъ черезъ нѣсколько минутъ, снова держа въ рукахъ бутылку: — растревожилъ я самъ себя нынче... Пришелъ въ родные края... на родимую сторонку... и не дали мнѣ взглянуть на нее... обызрить очами... Моментально не дали!.. И вотъ опять въ проклятую Азію... Родина! а? вѣдь это... что же такое?.. Болѣзные вы мои чадушки! эту вотъ самую голову сѣдую преклонить негдѣ теперь, кромѣ тюрьмы... Вотъ этотъ самый старичишка былъ когда-то силенъ, громокъ и славенъ, а сейчасъ— безпріютный бродяга я на бѣломъ свѣтѣ...

И въ голосѣ его звучали искреннія, подкупающія своей скорбной жалобой ноты. Казаки сочувственно смотрѣли на него, съ уваженіемъ покашивались на бутылку и не знали, что́ сказать ему въ утѣшеніе.

— Конечно, на свою родину хребтится, — пробормоталъ десятникъ: — какъ говорится, родная сторона... она... мать... родимая матушка... Какъ говорится, нѣтъ милѣй той стороны, гдѣ пупокъ рѣзанъ...

И онъ забулькалъ изъ горлышка и крякнулъ, передавая бутылку Скачкову.

И такъ они всѣ трое мирно бесѣдовали. Толкачевъ, по обыкновенію, говорилъ много и краснорѣчиво; онъ говорилъ грустныя вещи, но на душѣ у него отъ выпитой водки стало легче и свѣтлѣе. Когда была кончена бутылка и рыба, когда съѣдены были арбузы и дыни,—онъ, тяготясь оставаться одинъ, началъ читать казакамъ свои стихи, которые написалъ днемъ.

Пишу жизню я стихами,
Какъ въ разлукѣ жилъ я съ вами, —

размѣреннымъ, глухимъ голосомъ раскольничьяго начетчика возглашалъ онъ.

Въ иныхъ мѣстахъ онъ останавливался, пояснялъ, пускался въ новыя воспоминанія. Пристальное вниманіе его слушателей подбодряло и увлекало его. Онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ разсказомъ и чтеніемъ облегчалась какъ-будто тяжесть и боль его сердца, расплывалось горе, и въ темной дали его будущаго опять занимался слабый свѣтъ какой-то надежды. Его безграмотные, нестройные стихи явно нравились его слушателямъ; они изумляли ихъ своей незатѣйливой музыкой и въ иныхъ мѣстахъ глубоко трогали ихъ наивныя, молодыя сердца. И когда кто-нибудь изъ нихъ сочувственно качалъ головой, или сокрушенно причмокивалъ языкомъ, или тихо восклицалъ,—Толкачеву становилось такъ пріятно-грустно, что голосъ его дрожалъ, слабѣлъ, почти замиралъ, и онъ смущался, чувствуя закипавшія въ горлѣ слезы.

Съ малолѣтства я страдаю
По чужимъ странамъ свой вѣкъ...
Вы взгляните, какъ на брата, —
Я—несчастный человѣкъ, —

читалъ Толкачевъ протяжно, почти пѣлъ: —

Кто мою жизню разсмотритъ, —
Горе, слезы и смѣшно...
Положа на сердце руку,
Сказать правду не грѣшно...

Переходя, послѣ длиннаго введенія о своей молодости, къ разсказу о ссылкѣ, онъ вздохнулъ и прочиталъ съ подавленнымъ чувствомъ:

А въ Сибири—страшный холодъ:
Вся природа ажъ дрожитъ...
Поселенецъ, какъ несчастный,
Въ свою родину бѣжитъ...
Двадцать лѣтъ и я въ Сибири —
Такъ ужасно я страдалъ!..
Ни малѣйшей тамъ отрады
Въ двадцать лѣтъ я не видалъ...

— Какъ же, говорятъ, житье будучи хорошее въ Сибири?—сказалъ десятникъ:—будучи просторъ, всего много?..

— Земли много, — сказалъ Толкачевъ: — только какая

земля? Глина, ржавь одна... Лѣсу много,—такъ и гудетъ, проклятый... круглый годъ гудетъ.. Звѣря много, а жизнь незавидная. Холодъ... Печальная жизнь. Все сковано: и земля, и воды, и люди. Лютый холодъ! Сколько я исходилъ земли, лучше нашего Дону не видалъ... Вотъ...

Онъ взглянулъ въ листъ и прочиталъ:

Донъ, родная сторона!
Всегда снилась мнѣ она...
Какъ засну, и вдругъ увижу,
Будто на тихомъ Дону
И отъ васъ привѣтъ я слышу,
Милыхъ сердцу моему...

Голосъ его сталъ глуше, точно угасалъ... Ноты страстной любви къ родинѣ бились и дрожали въ этомъ тоскующемъ признаніи, и рождали въ сердцахъ его слушателей мягкіе отзвуки жалости, сочувственной грусти и трепетнаго интереса къ его судьбѣ.

Вотъ неутолимая тоска погнала его на свою родную сторону; вотъ онъ добрался до нея, увидѣлся съ своими родными...

Не замедлилъ братъ, пріѣхалъ
Съ дорогой моей сестрой,
И отъ радости, въ тревогѣ,
Предо мною стали въ строй, —

читалъ Толкачевъ, склонивъ голову на бокъ, не отрывая отъ листа упорнаго взгляда черезъ очки:

Я увидѣлъ Спиридона
Въ неутѣшныхъ слезахъ,
У меня же отъ волненья
Потемнѣло все въ глазахъ.
Съ непритворной горькой скорбью
Сбокъ меня сестра сидитъ,
Заунывно, съ переборомъ,
Какъ по мертвому, кричитъ.
Сестры скорбь та неподдѣльна...
Въ слезахъ она говоритъ:
— «Ахъ ты, милый, родной братецъ,
Какъ подъ старость будешь жить?»
Я сестрѣ отвѣтилъ кратко:
— «Рокъ мой видно вамъ и мнѣ...
Изъ пяти сыновъ-героевъ
Только двое есть при мнѣ...
Остальные, то-есть трое,—

За убійства въ рудникахъ...
Про нихъ вспомню, какъ родитель,
И со вздохомъ скажу: ахъ!..»

Голосъ Ефима дрогнулъ. Онъ остановился, глубоко взволнованный, подавленный нахлынувшими на него горькими воспоминаніями, и махнулъ рукой. Слушатели его смотрѣли на него молча и растроганно. Черные, красивые глаза Скачкова ласкали его жалостливо и нѣжно, какъ объятія ребенка. Ефимъ рѣзкимъ движеніемъ бросилъ листъ на нары, всталъ и быстро отошелъ къ окну.

Наступила долгая пауза. Старикъ сморкался. Десятникъ, чтобы не подать виду, что онъ замѣтилъ его слезы, сказалъ усталымъ голосомъ:

— Кочета, должно быть, скоро будутъ кричать... Ай ужъ спать завалиться?..

Ему было жалко теперь замыкать въ каталажкѣ этого человѣка, который такъ трогательно разсказалъ о себѣ, у котораго было столько горя въ жизни. Пустить бы его теперь на всѣ четыре стороны...

А Толкачевъ все стоялъ у окна, пристально смотрѣлъ въ серебристый сумракъ ночи, ничего не видя, и по временамъ сморкался. Потомъ онъ сказалъ тихимъ, усталымъ голосомъ:

— Ну, ребятушки, на спокой — такъ на спокой. Пора... Кто со мной? провожайте...

— Скачковъ, покажи,—сказалъ десятникъ.

— Небось, и самъ найдетъ,—сказалъ Скачковъ.

Онъ сидѣлъ съ ногами на нарахъ, уткнувшись локтями въ колѣни, и неподвижнымъ, задумчивымъ взглядомъ глядѣлъ на старика, подперши кулаками голову.

— Порядокъ требуетъ,—сказалъ нехотя, но съ вѣсомъ десятникъ.

— Да вы не опасайтесь, ребятушки, — говорилъ Толкачевъ, выходя изъ казармы въ сопровожденіи десятника и Скачкова:—убѣчь захочу—все равно не удержите... Я—старый арестантъ! Семнадцать разъ бѣгалъ изъ тюремъ... Вотъ изъ этой самой каталажки два раза уходилъ малолѣткомъ. Но... не опасайтесь, чадушки мои... Убѣжать вздумаю, я знаю, гдѣ это сдѣлать. Тутъ не побѣгу, не способно... Меня изъ Кепинской провожали, дали двухъ казачатъ молоденькихъ, неслужалыхъ,—вовсе ребятишки... Идемъ по лѣсу, я и гляжу на нихъ: стража! одного пихнуть, а на другого топнуть,—вотъ и нѣтъ ихъ... Чего они со мной могутъ? котята—не больше, не меньше—противъ меня...

Онъ договорилъ уже на ходу. Когда онъ оглянулся,

Скачковъ стоялъ на крыльцѣ и глядѣлъ въ небо своими задумчивыми глазами. Десятникъ отошелъ къ углу и занялся своимъ дѣломъ. Кругомъ было тихо, безмятежно и красиво. Въ водянистой и прозрачной синевѣ высокаго неба терялись рѣдкія и неяркія звѣзды, какъ тоненькія восковыя свѣчки. Въ воздухѣ, нѣжномъ, ласковомъ, гдѣ-то вдали то дрожала, то угасала пѣсня двухъ или трехъ голосовъ,— разобрать было трудно.

Ефимъ остановился, вслушиваясь въ пѣсню. Она была знакома ему. Онъ подумалъ съ завистью:

— Играютъ... Счастливые люди... вольные!.. И я когда-то игрывалъ ее... Э-э-о-о-й кабы мо-о-жно имѣть си-зы кры-и-луш-ки... э-о-о-й воз-вил-си-и-и бы да я по-ле-тѣ-ѣ-алъ...—тихо запѣлъ онъ фальцетомъ, вслушиваясь въ виляющіе, кудрявые переливы подголоска.

И почувствовалъ, что снова къ глазамъ подступаютъ слезы, и въ сердцѣ занимается жгучая тоска и жажда воли. Онъ оглянулся. На крыльцѣ рядомъ съ Скачковымъ стоялъ десятникъ и говорилъ дребезжащимъ соннымъ голосомъ:

— Должно быть, Самошка гуляетъ съ степными. Либо пашнями мѣняются...

Ефимъ прошелъ пожарный сарай, вошелъ въ тѣнь, которая густо падала отъ высокой кучи дровъ, и подошелъ къ маленькому досчатому строеньицу. За угломъ сарая ему уже не видно было казаковъ, но онъ слышалъ ихъ голоса.

Онъ глянулъ впередъ. За узкой прогалиной между дровами и сараемъ темнѣли густыя рощи садовъ.

— Кабы можно имѣть сизы крылья,—подумалъ онъ словами пѣсни, которая красиво плавала въ воздухѣ, колыхалась и трепетала, рождаясь въ одной сторонѣ и умирая въ другой.

А вѣдь нѣсколько прыжковъ, и онъ будетъ тамъ, въ этой черной, таинственно-молчаливой гущѣ... А что дальше?.. Да не все-ли равно? хуже не будетъ!.. Дальше — перебѣжать поляну и—лѣсъ... А тамъ видно будетъ...

Сердце его забилось часто и громко.. Мелкая, мгновенная дрожь волненія пронизала его... Двѣ—три секунды раздумья и... онъ хлопнулъ дверью досчатаго строеньица и подъ стѣной сарая пробрался къ яру, цѣпляясь за вѣтки наваленныхъ въ кучу пеньковъ. Съ яру онъ быстро и мягко, по сваленнымъ кучамъ навозу и золы, спустился внизъ, перескочилъ черезъ низкое старое прясло, которое досадливо крякнуло подъ нимъ, и утонулъ въ черной тѣни старыхъ грушъ.

Онъ бѣжалъ быстро и легко, какъ молодой; легко перескакивалъ черезъ низкіе плетни и огорожи, обрывая ногами

плети ежевики и ползучихъ травъ, выскакивая на поляны, засаженныя арбузами и капустой, и опять погружаясь въ тѣнь, въ которой мягкія пятна луннаго свѣта были похожи на разбросанные клочки бумаги.

Онъ взялъ вправо отъ дороги и, добѣжавши по садамъ до перваго озерка, на минуту пріостановился, чтобы перевести духъ. Отъ станицы, какъ будто, доносились смутные голоса, а можетъ быть—это только чудилось... И пѣсня, какъ будто, все еще плавала въ воздухѣ... Сердце Ефима стучало молотами, и въ ушахъ стоялъ шипящій звонъ. Но онъ не боялся погони. Онъ зналъ, что пока казаки сходятъ къ атаману сообщить о побѣгѣ арестанта, пока разбудятъ его, пока онъ одѣнется и придетъ въ правленіе,—пройдетъ много времени, и онъ будетъ далеко...

Онъ думалъ теперь, какое ему взять направленіе: въ степь-ли къ своему хутору, или къ Хопру. Потомъ онъ подсучилъ шаровары, перекрестился, засмѣялся тихо и радостно, рѣшивъ не думать о будущемъ, и перебрелъ мелкое озерцо. Онъ пошелъ опушкой лѣса, а вправо отъ него разстилалась степь, ровная, тихая, звенѣвшая монотонной трелью кузнечиковъ, залитая прозрачнымъ серебристымъ туманомъ луннаго свѣта.

И ея просторъ ласково манилъ стараго арестанта въ свои объятія...

Ѳ. Крюковъ.

---

* * *

Если-бъ сердце, какъ солнце, могло
Вспыхнуть свѣтомъ горячимъ и яснымъ,
Чтобы всѣмъ обойденнымъ, несчастнымъ
Стало вдругъ и тепло, и свѣтло;
Если-бъ міръ, міръ страданья и зла,
Орошенный слезами и кровью,
Я согрѣть хоть на мигъ яркой искрой могла,—
Я бы сердце мое безъ раздумья сожгла
Этой свѣтлой и чистой любовью!

Г. Галина.

Сельское общество и волость

въ трудахъ кохановской коммиссіи.

III.

Приступая къ обсужденію волостного устройства, совѣщаніе, прежде всего, остановилось на вопросѣ: подлежитъ ли сохраненію и впредь нынѣшняя волость, какъ высшая единица сословно-крестьянскаго самоуправленія.

На этотъ вопросъ совѣщаніе отвѣтило отрицательно: нынѣшняя сословно-крестьянская волость должна быть упразднена. При этомъ совѣщаніе руководствовалось слѣдующими соображеніями.

Какъ единица сословно-крестьянскаго самоуправленія, нынѣшняя волость фактически не имѣетъ никакого значенія; условія крестьянской жизни таковы, что наряду съ сельскимъ общественнымъ управленіемъ волостному самоуправленію нѣтъ и не можетъ быть мѣста.

Всѣ общественно-административные вопросы крестьянской жизни вѣдаются сельскими обществами. Никакихъ спеціально-крестьянскихъ интересовъ, касающихся всего населенія волости, не существуетъ. Волостныя имущества и заведенія (школы, больницы, богадѣльни etc.) имѣются далеко не во всѣхъ волостяхъ. При такихъ условіяхъ для волостныхъ сходовъ, кромѣ дѣлъ, вызываемыхъ самымъ существованіемъ волостного управленія (выбора должностныхъ лицъ, назначенія и раскладки суммъ на ихъ содержаніе и т. п.), никакого живого общественнаго дѣла не остается. Вслѣдствіе этого, кромѣ ежегодныхъ сходовъ, созываемыхъ для производства выборовъ, сходъ собирается очень рѣдко, въ неполномъ составѣ и притомъ далеко не изъ лучшихъ крестьянъ. Волостное правленіе въ коллегіальномъ своемъ составѣ *вовсе не существуетъ* и не собирается даже для тѣхъ немногихъ исключительныхъ дѣлъ, по которымъ ему предоставленъ закономъ рѣшительный голосъ. Сословно-общественныя обязанности волостныхъ старшинъ равнымъ образомъ весьма незначительны; поскольку онѣ существуютъ, онѣ выполняются весьма

неудовлетворительно. Развившаяся, благодаря ничтожности значенія волостныхъ сходовъ и правленій, единоличная власть старшинъ служитъ источникомъ всякаго рода злоупотребленій и вымогательствъ,—въ особенности, въ виду совершенной зависимости волостныхъ старшинъ, нерѣдко безграмотныхъ и неразвитыхъ, отъ волостныхъ писарей, опредѣляемыхъ весьма часто на должность безъ всякаго въ этомъ участія волостного общества.

Не будучи единицей сословно-крестьянскаго самоуправленія, современная волость является фактически единицей обще-государственнаго, — преимущественно полицейскаго и фискальнаго управленія.

При такихъ условіяхъ сохраненіе нынѣшней сословной организаціи волости представляется невозможнымъ; прежде всего, потому, что при такой организаціи содержаніе волостного управленія, вѣдающаго обще-государственное дѣло, всею своею тяжестью ложится на однихъ крестьянъ; а затѣмъ и потому, что сословная организація не обезпечиваетъ надлежащаго состава должностныхъ лицъ волостного управленія, способныхъ успѣшно вести порученное ему государственное дѣло.

Еще болѣе невозможно сохраненіе сословной организаціи волости съ осуществленіемъ предположенной совѣщаніемъ реформы сельско-общественнаго строя,—т. е. съ обращеніемъ сельскихъ обществъ изъ сословныхъ единицъ крестьянской въ безсословныя единицы сельско-общественной жизни.

Сословно-крестьянская волость подлежитъ поэтому, во всякомъ случаѣ, упраздненію *).

Нужна ли, однако, вообще, волостная единица и если нужна, чѣмъ она должна быть? На этотъ вопросъ даетъ категорическій отвѣтъ сама жизнь. Волость необходима, какъ мелкая единица общегосударственнаго управленія. Сельскія общества и города не могутъ быть поставлены въ непосредственныя отношенія къ управленію уѣздному. Успѣшный ходъ административнаго дѣла требуетъ существованія сильныхъ исполнительныхъ органовъ на мѣстѣ, находящихся въ непосредственной связи съ населеніемъ, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и нуждами. Волостное управленіе должно служить посредствующимъ органомъ для управленія уѣзднаго. Волость должна образовать не существующее у насъ въ настоящее время для дѣлъ общаго управленія (во всей ихъ совокупности) территоріальное дѣленіе уѣзда. Для дѣлъ общаго управленія должна быть создана мѣстная организація, на выборномъ началѣ, изъ людей, близко знакомыхъ съ мѣстными нуждами и непосредственно заинтересованныхъ въ правильномъ ихъ удовлетвореніи **).

---

*) *Объяснительныя записки.* II. Волостное управленіе, стр. 1—6.

**) *Объяснительныя записки.* II. О. волостномъ управленіи, стр. 7—11.

Казалось бы, что вышеизложенными соображеніями, опредѣляющими, по мнѣнію совѣщанія, *существо* волостной единицы, опредѣляется въ то-же время и ея организація.

Вѣдающая обще-административныя дѣла, т. е. дѣла, касающіяся благоустройства и благосостоянія мѣстности, волостная единица, по своей компетенціи, ничѣмъ не отличается отъ уѣздной и губернской земскихъ единицъ. Ничѣмъ она не отличается отъ нихъ и по своему составу. Подобно уѣздному и губернскому земству, волость является *территоріальной* единицей безсословнаго управленія. Наконецъ, на земскихъ-же началахъ строится совѣщаніемъ и волостное управленіе; подобно земскому, оно должно состоять изъ „мѣстныхъ (земскихъ) людей, близко знакомыхъ съ мѣстными нуждами и непосредственно заинтересованныхъ въ правильномъ ихъ удовлетвореніи“. При такихъ условіяхъ, казалось-бы, волость не можетъ и не должна быть чѣмъ либо инымъ, какъ, именно, *мелкой земской единицей.*

Два типа *общественной* организаціи *) волости—приходскій и земскій—имѣлись въ виду совѣщаніемъ.

Стремленіе „разбудить давно уснувшіе въ Россіи элементы приходскихъ обществъ“, по мнѣнію совѣщанія, объясняется, съ одной стороны, размышленіями о великой исторической роли англійскаго прихода, а съ другой — воспоминаніями о великомъ значеніи старорусскаго прихода въ вѣчевой и Московской Руси. Не отрицая того, что на религіозно-нравственной почвѣ, дѣйствительно, лучше развивается способность населенія къ правильному участію въ мѣстномъ управленіи, совѣщаніе высказалось, однако, рѣшительнымъ образомъ противъ приходской организаціи волостной единицы. Приходское общество, по его мнѣнію, не имѣетъ неизмѣнныхъ, связанныхъ съ существомъ управленія, цѣлей; разнообразіе же цѣлей дѣлаетъ его непригоднымъ для введенія въ сѣть органовъ мѣстнаго управленія.

Съ другой стороны, признанію приходовъ низшими единицами управленія препятствуетъ ихъ крайняя неравномѣрность, незначительность ихъ средней величины, и, наконецъ, существованіе въ Россіи различныхъ исповѣданій и религіозныхъ толковъ.

Отвергнувъ, такимъ образомъ, приходскую организацію низшей единицы управленія, совѣщаніе остановилось на обсужденіи другого предположенія,—объ устройствѣ, такъ называемой, всесословной волости, *или, другими словами, мелкой земской единицы.*

По мнѣнію совѣщанія, наиболѣе вѣскіе изъ доводовъ, представляемыхъ въ защиту такой организаціи, сводятся къ слѣдующему:

---

*) Обще-административныя дѣла постоянно противополагаются въ совѣщаніи дѣламъ полиціи въ тѣсномъ смыслѣ, при чемъ подъ первыми понимается все, что касается благоустройства и благосостоянія мѣстности, а подъ вторыми—все, что касается мѣстной безопасности.

Уѣздъ слишкомъ обширная территоріальная единица для того, чтобы управленіе, сосредоточенное въ уѣздномъ городѣ, могло дѣйствительно знать и успѣшно удовлетворять потребности и нужды населенія той или другой отдѣльной мѣстности уѣзда. При устройствѣ мелкой земской единицы отдѣльныя части уѣзда не будутъ обременять другихъ мѣстностей требующимися исключительно для нихъ сборами и, съ своей стороны, не будутъ участвовать въ тягостяхъ платежей по спеціальнымъ нуждамъ другихъ мѣстностей. Только при условіи образованія мелкой земской единицы, мѣстное управленіе можетъ быть названо живымъ и надлежащимъ, такъ какъ все населеніе мѣстности будетъ участвовать въ управленіи, направляя и контролируя избранныхъ имъ же изъ своей среды должностныхъ лицъ. Съ другой стороны, только при этомъ условіи избраніе гласныхъ въ уѣздное управленіе явится вполнѣ сознательнымъ, и самое земское собраніе приблизится къ жизни съ ея реальными потребностями. Наконецъ, только при образованіи „маленькихъ (волостныхъ) земствъ" уѣздное земство получитъ истинный свой смыслъ установленія для управленія тѣми дѣлами, которыя касаются не одной, но нѣсколькихъ или всѣхъ волостей, т. е. значительной части или всего пространства опредѣленной территоріи уѣзда.

Не отвергая „теоретической справедливости" изложенныхъ соображеній въ пользу мелкой земской единицы, совѣщаніе не признало, однако, возможнымъ созданіе такой единицы въ виду цѣлаго ряда говорящихъ противъ нея практическихъ соображеній. Прежде всего, всесословная волость въ настоящее время фактически невозможна. Въ большинствѣ волостей имѣется, кромѣ крестьянъ, лишь крайне незначительное число землевладѣльцевъ, вліяніе которыхъ и было бы совершено подавлено численнымъ превосходствомъ крестьянъ. Наоборотъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нашлось бы сравнительно большое число землевладѣльцевъ, въ пренебреженіи оказались бы интересы крестьянъ, такъ какъ дѣло управленія попало бы въ руки случайныхъ личностей, избраніе которыхъ облегчалось бы незначительностью избирательнаго участка *). Далѣе, увеличеніе числа самоуправляющихся собраній неизбѣжно вызвало бы увеличеніе расходовъ на управленіе, въ значительной части непроизводительныхъ. Наконецъ, съ образованіемъ всесословной волости, уѣздное управленіе оказалось бы неспособнымъ ни соглашать разнорѣчивыя и весьма часто себялюбивыя требованія столь мелкихъ самоуправляющихся единицъ, ни осуществлять необходимый надзоръ надъ ихъ дѣятельностью.

*) Въ засѣданіи казанскаго губернскаго земскаго собранія, посвященномъ обсужденію проекта всесословной волости, гласный Н. П. Геркенъ удачно выразилъ эту мысль, замѣтивъ, что у насъ въ Россіи можетъ идти рѣчь объ учрежденіи развѣ лишь *двухсословной волости*, а никакъ не всесословной (*Матеріалы*, т. II, стр. 186).

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній, совѣщаніе пришло къ тому выводу, что „какъ ни заманчива по многимъ сторонамъ идея всесословной волости, она не можетъ быть примѣнена нынѣ же въ Россіи; идея эта можетъ себѣ найти примѣненіе развѣ только тогда, когда значительно разовьются сельскія общества, какъ самостоятельныя единицы общественной жизни, когда возвысится экономическій и, въ особенности, умственный уровень населенія, и когда на территоріи такой предполагаемой волости будутъ, болѣе или менѣе повсемѣстно и, при томъ, въ достаточномъ числѣ, лица состоятельныя и просвѣщенныя, готовыя взять на себя *безмездный* трудъ управленія ея дѣлами“ *).

Въ вышеприведенныхъ сужденіяхъ совѣщанія по вопросу о безсословной волости бросается, прежде всего, въ глаза—весьма характерное не только для совѣщанія, но и, вообще, для нашихъ законодательныхъ коммиссій—противоположеніе *теоретическихъ* аргументовъ аргументамъ *практическимъ*. Теоретическими обыкновенно называются аргументы, идущіе въ глубь, касающіеся внутренняго существа нормируемыхъ отношеній; практическими—аргументы, скользящіе по поверхности, считающіеся не съ природой нормируемыхъ отношеній, а съ условіями и модусомъ самой нормировки. Практическіе аргументы, поскольку они выступаютъ противъ реформы, въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствуютъ объ одномъ,—о безсильной инертности законодательной мысли, пугливо спотыкающейся о каждую кочку на законодательномъ пути. Всякая реформа, сколько нибудь серьезная, сопровождается, въ большей или меньшей степени, ломкой существующаго; всякая представляетъ свои затрудненія и неудобства. То, что есть, то, что „практикуется“, всегда кажется „практичнѣй“ того, что должно быть, чего практика еще не знаетъ. Нѣтъ такой реформы, которой нельзя было бы утопить въ вязкой трясинѣ „практическихъ“ соображеній.

Соображенія совѣщанія, направленныя противъ мелкой земской единицы, являются своего рода „общимъ мѣстомъ“. Они столько уже разъ опровергались и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, что останавливаться на нихъ представляется лишнимъ.

Чрезмѣрное уваженіе совѣщанія къ „практическимъ соображеніямъ“, въ значительной мѣрѣ, объясняется свойственной ему, вообще, *непринципіальной* постановкой подлежащихъ обсужденію вопросовъ.

Единство въ общественной организаціи мѣстнаго управленія—таково начало, долженствующее лечь въ основу всякой раціональной попытки реорганизаціи мѣстнаго строя. Если, вообще, законодатель признаетъ необходимость учрежденія въ Россіи низшей *общественной* единицы управленія, — болѣе мелкой,

*) Объяснительныя записки, II, стр. 8—10

чѣмъ уѣздъ,—eo ipso онъ *долженъ* признать, что эта единица не можетъ быть построена иначе, какъ на земскомъ началѣ. Только при такомъ условіи возможно взаимодѣйствіе, необходимый обмѣнъ соковъ между различными, расширяющимися кверху, кругами самоуправленія. Только при такомъ условіи возможенъ тотъ *внутренній* контроль высшей единицы самоуправленія надъ низшей, который является единственно дѣйствительнымъ,—стимулирующимъ, а не разслабляющимъ, интегрирующимъ, а не дезорганизующимъ контролемъ. У насъ часто говорятъ о контролѣ надъ самоуправленіемъ, но при этомъ всегда имѣютъ въ виду *чисто-внѣшній* административный контроль,—властное вмѣшательство бюрократическихъ органовъ. А между тѣмъ, въ самомъ существѣ земской организаціи заключается возможность внутренняго, полнаго и всесторонняго, контроля,—контроля не только надъ законностью (въ этомъ отношеніи необходимъ и административный контроль), но и надъ цѣлесообразностью тѣхъ или иныхъ дѣйствій органовъ земства. Въ сторону надлежащей постановки и развитія *такого* контроля и должны быть направлены усилія законодателя. Само собою разумѣется, что необходимымъ условіемъ такого контроля является единство организаціи общественнаго управленія.

Мы твердо убѣждены въ томъ, что если бы совѣщаніе остановилось на указанной выше, единственно-правильной, принципіальной точкѣ зрѣнія, оно подвергло бы переоцѣнкѣ ходячія, практическія возраженія противъ мелкой земской единицы; а, съ другой стороны, оно не предложило бы своего проекта волостного устройства,—устройства общественной единицы управленія на не-земскомъ началѣ.

Какъ уже упомянуто выше, управленіе волости должно имѣть, по мнѣнію совѣщанія, общественный характеръ; оно должно быть поручено мѣстнымъ людямъ, непосредственно заинтересованнымъ въ надлежащемъ удовлетвореніи хорошо имъ извѣстныхъ мѣстныхъ потребностей.

Совѣщаніемъ предположена слѣдующая организація волостной единицы. Волость является административно-территоріальнымъ подраздѣленіемъ уѣзда, не имѣющимъ правъ юридическаго лица,—и, въ частности, права самообложенія. Управленіе волостью должно быть поручено *единоличному* органу, ибо „коллегія, съ рѣшающимъ голосомъ ея членовъ, тормозила бы дѣятельность этого управленія, ослабляла бы его законную отвѣтственность, стоила бы дорого и могла бы не осуществиться по недостатку на мѣстахъ соотвѣтствующихъ лицъ. По тѣмъ же соображеніямъ совѣщаніе высказалось противъ учрежденія въ волости коллегіи даже только съ совѣщательнымъ голосомъ и съ правомъ наблюденія за дѣйствіями единоличнаго органа волостного управленія. Созданіе совѣщательнаго органа въ волости, по мнѣнію совѣщанія,

„трудное, а, можетъ быть, и не выполнимое въ дѣйствительности дѣло“; оно могло бы сразу открыть въ волостномъ устройствѣ нежелательный путь къ разнымъ личнымъ проискамъ и поколебало бы значеніе лица, которое завѣдывало бы дѣлами волостного управленія.

Единоличный органъ этого управленія, *волостель*, является исполнительнымъ органомъ общаго управленія, какъ земскаго, такъ и коронмаго. Лица, занимающія должность волостеля, считаются на государственной службѣ, со всѣми правами, ею предоставляемыми, не исключая и права на пенсію. Они состоятъ въ непосредственномъ подчиненіи уѣздному (административному) управленію.

Для того, чтобы сохранить общественный характеръ волостного управленія, совѣщаніе *бѣлыми нитками*, наскоро и слегка, пришиваетъ его къ земству: волостель избирается на опредѣленный срокъ, примѣрно шестилѣтній, уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. И, кромѣ того, расходы по содержанію волостного управленія покрываются мѣстными земскими средствами *).

Таковъ проектъ совѣщанія; его невозможность совершенно очевидна. Отвергнувъ идею волостного земства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считая возможнымъ организовать волостную единицу на чисто-бюрократическихъ началахъ, совѣщаніе пошло на компромиссъ: оно попыталось создать единицу управленія, которая, не будучи бюрократической, въ то же время не была бы и земской. Оно упустило изъ виду, что избирательное начало въ примѣненіи къ бюрократическимъ органамъ безповоротно осуждено нашей исторіей, что правительство не можетъ возложить на земство избраніе административныхъ органовъ, входящихъ въ составъ бюрократической іерархіи, и что, съ другой стороны, земство не можетъ нести отвѣтственности за дѣйствіе органовъ, не ему подчиненныхъ. Какой смыслъ имѣетъ право избранія, не сопровождаемое правомъ руководства и контроля? Осуществленіе проекта совѣщанія только увеличило бы безъ всякой пользы для дѣла то—въ высокой мѣрѣ нежелательное—треніе между администраціей и земствомъ, которое и въ настоящее время является одною изъ важнѣйшихъ причинъ мѣстнаго нестроенія.

Вопросъ объ организаціи низшей подъ-уѣздной единицы управленія поступилъ на обсужденіе коммиссіи, въ полномъ составѣ, въ октябрѣ 1884 года. Обсужденію этого вопроса посвящено было коммиссіей 12 засѣданій **).

---

*) Объяснительныя записки, II. стр. 11—25.

**) Засѣданія 30 октября и 3, 6, 10, 13, 17, 20, 24 и 27 ноября 1884 г. (*Журналъ* коммиссіи № 5); засѣданіе 19 января 1885 г. (*Журналъ* № 6); засѣданіе 14 марта 1885 г. (*Журналъ* № 14); засѣданіе 15 марта 1885 г. (*Журналъ* № 16). Мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ организаціи

И по этому вопросу, какъ по вопросу о сельскомъ устройствѣ, въ коммиссіи высказаны были прямо противоположные взгляды, исключающіе возможность какого бы то ни было соглашенія.

Три типа организаціи низшей единицы управленія предложены были членами коммиссіи.

Такъ, прежде всего, 7 членовъ коммиссіи высказались въ пользу отвергнутаго совѣщаніемъ проекта организаціи *всесословной волости* *).

Исполнительный органъ волости, волостель, долженъ избираться самимъ участкомъ-волостью, какъ единицей территоріальной, обнимающей собою всѣхъ проживающихъ въ ея предѣлахъ лицъ, безъ всякаго различія, и завѣдывающей своими внутренними дѣлами чрезъ свои выборные органы. Распорядительнымъ органомъ въ волости является волостной сходъ, организованный такимъ образомъ, чтобы, по возможности, каждая категорія собственности въ участкѣ находила себѣ представительство на сходѣ. Къ компетенціи волостного схода, кромѣ избранія волостного головы и его помощниковъ, а также опредѣленія имъ содержанія, относится завѣдываніе имуществомъ волости, дѣла по благоустройству, обсужденія нуждъ волости и представленіе о нихъ уѣздному земскому собранію. Что касается права самообложенія, то, по мнѣнію одного изъ членовъ (И. А. Горчакова), этого права волость могла бы и не имѣть: установленіе сборовъ должно бы зависѣть отъ земства, а раскладка и расходованіе ихъ производится волостнымъ сходомъ съ утвержденія органовъ уѣзднаго управленія. По мнѣнію же остальныхъ 6 членовъ, волость должна имѣть и право самообложенія,—при чемъ, конечно, это право должно быть обставлено надлежащими гарантіями,—каковыми являются, напр., примѣненіе земской оцѣнки при установленіи волостныхъ сборовъ, предоставленіе плательщикамъ права обжалованія въ земское собраніе, установленіе нормальнаго высшаго процента обложенія и т. п.

Какъ и слѣдовало ожидать, огромное большинство коммиссіи—предсѣдатель и 23 члена высказались, однако, противъ всесословной волости, какъ самостоятельной земской единицы. Кромѣ аргументовъ, уже бывшихъ въ виду совѣщанія, коммиссія руководствовалась при этомъ еще однимъ, новымъ аргументомъ: въ случаѣ учрежденія всесословной волости, одновременное существованіе и уѣзднаго, и губернскаго земствъ представлялось бы, по мнѣнію коммиссіи, почти излишнимъ и во всякомъ случаѣ крайне обременительнымъ для населенія. Почему излишнимъ и крайне обременительнымъ, на этотъ вопросъ коммиссія вовсе не даетъ отвѣта.

крестьянскаго волостного суда, обсужденію котораго посвящены были засѣданія 19 и 22 января 1885 года (*Журналъ* № 7),

*) Ѳ. Л. Барыковъ, Н. Г. Принтцъ, М. А. Домонтовичъ, С. А. Ольхинъ, Д. А. Наумовъ, И. А. Горчаковъ и Н. А. Чаплинъ.

Необходимость трехъ-степенной организаціи мѣстнаго управленія (волость или участокъ—уѣздъ—губернія) является въ глазахъ коммиссіи, неоспоримымъ фактомъ; но въ такомъ случаѣ, фактъ этотъ отнюдь не мѣняетъ своего значенія въ зависимости отъ устройства управленія,—на бюрократическомъ или земскомъ началѣ. Что касается крайней обременительности для населенія мелкой земской единицы, то достаточно указать, что, взамѣнъ такой единицы, противниками ея проектировано устройство участковаго управленія по бюрократическому типу, одновременно съ сохраненіемъ нынѣ существующихъ крестьянскихъ волостей; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такая реформа является гораздо болѣе обременительной для населенія, нежели устройство всесословной волости, предполагающее, конечно, упраздненіе волости сословной *).

Слѣдующимъ типомъ организаціи низшей единицы управленія, предложеннымъ нѣкоторыми членами коммиссіи, является типъ, впослѣдствіи, въ 1889 году, осуществленный Положеніемъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Именно потому, что проектъ, о которомъ идетъ рѣчь, получилъ впослѣдствіи осуществленіе, представляется чрезвычайно интереснымъ познакомиться съ преніями по его поводу въ коммиссіи ст. секр. Каханова. Несомнѣнно, что при осуществленіи этого проекта въ 1889 г. законодателемъ имѣлись въ виду соображенія *pro* и *contra*, высказанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ названной коммиссіи.

Основныя начала разсматриваемаго проекта заключаются въ слѣдующемъ:

1. Единица низшаго управленія должна быть значительно больше проектированный совѣщаніемъ волости.

2. Во главѣ участка долженъ стоять единоличный органъ, *участковый*, или *участковый начальникъ*, главной функціей котораго является *надзоръ надъ спеціально крестьянскимъ управленіемъ* **).

3. Въ рукахъ участковаго должна быть сосредоточена не только административная, но и принадлежащая мировымъ судьямъ судебная власть ***).

4. Замѣщеніе должности участковаго должно быть, по преимуществу, сословной привилегіей дворянства ****).

---

*) *Журналъ* коммиссіи № 5, стр. 3—8.

**) Первый и второй пункты предложены А. Е. Зарнымъ, кн. А. Д. Оболенскимъ, С. С. Бехтѣевымъ и А. Д. Пазухинымъ.

***) Вопросъ о совмѣщеніи судебной и административной власти въ лицѣ участковаго возбужденъ былъ въ коммиссіи С. С. Бехтѣевымъ. Въ пользу такого совмѣщенія высказались: Ѳ. М. Маркусъ, Т. И. Филипповъ, А. Я. фонъ-Гюббенетъ, кн. М. С. Волконскій, А. Н. Кислинскій, С. Н. Гудимъ-Левковичъ, Г. В. Кондоиди, кн. А. Д. Оболенскій, С. С. Бехтѣевъ, А. Д. Пазухинъ.

****) Установленіе *сословнаго ценза* для замѣщенія должности участковаго предложено было въ коммиссіи А. Д. Пазухинымъ. Предложеніе это было

Аргументація въ пользу изложеннаго проекта, въ общихъ чертахъ, но, по возможности, въ подлинныхъ выраженіяхъ его защитниковъ, сводится къ слѣдующему:

Увеличеніе размѣра волости необходимо, во 1-хъ, въ виду отсутствія въ уѣздѣ „людей" и, во 2-хъ, въ виду финансовыхъ затрудненій, вызываемыхъ образованіемъ большого числа участковъ.

Для того, чтобы участковый могъ, въ предѣлахъ значительно увеличенной территоріи, успѣшно исполнять возложенныя на него функціи, эти функціи должны быть, по возможности, сокращены. Принимая во вниманіе, что главная и самая существенная причина нынѣшняго неустройства на мѣстахъ заключается въ отсутствіи совершенно необходимой, близкой къ населенію власти, защищающей его какъ отъ разныхъ хищниковъ, такъ и отъ массы стоящихъ надъ нимъ лицъ и установленій, въ сущности совершенно безконтрольныхъ и безотвѣтственныхъ, необходимо придти къ тому заключенію, что первѣйшія обязанности участковаго должны бы заключаться не въ исполненіи земскихъ и правительственныхъ порученій, а въ наблюденіи за крестьянскимъ управленіемъ, касающимся 80% населенія Россіи. Участковый долженъ если не исключительно, то преимущественно заботиться о нуждахъ крестьянъ. Онъ долженъ представить изъ себя такую силу, которая могла бы защитить крестьянъ и вывести изъ того „ужаснаго положенія", при которомъ крестьянское начальство—безотвѣтственно, а сами крестьяне—беззащитны. Организованная, такимъ образомъ, должность участковаго привлечетъ къ себѣ всѣ лучшіе элементы мѣстнаго общества—просвѣщенный классъ землевладѣльцевъ-дворянъ, и можно разсчитывать, что на нее пойдутъ люди, нынѣ проживающіе въ городахъ и не принимающіе участія въ мѣстной общественной жизни. Естественными помощниками участковаго при такой организаціи участка явились бы *волостные старшины*. Неудовлетворительная въ настоящее время постановка должности волостныхъ старшинъ существенно измѣнитъ свой характеръ, когда уменьшено будетъ число возложенныхъ на старшинъ обязанностей, и, кромѣ того, уничтожено безконтрольное положеніе этой должности, съ одной стороны, и совершенная беззащитность ея противъ всѣхъ начальствъ—съ другой.

При такихъ условіяхъ предлагаемая реформа явилась-бы вѣрнымъ шагомъ на пути возвращенія къ порядку 60-хъ годовъ, — къ оставившему по себѣ свѣтлыя воспоминанія институту мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Если впослѣдствіи этотъ институтъ и палъ, то только потому, что ему стало трудно и даже невозможно дѣйствовать при новыхъ условіяхъ среди мировыхъ судей и земскихъ установленій.

поддержано С. Н. Гудимъ-Левковичемъ, Г. В. Кондоиди, кн. А. Д. Оболенскимъ и С. С. Бехтѣевымъ.

*) *Журналъ* № 5, стр. 9—15.

Между тѣмъ, именно мировые посредники представляютъ тотъ желательный типъ начальника въ участкѣ, при наличности котораго исчезнетъ существующая теперь неурядица и путаница отъ многоначалія и постоянныхъ пререканій между властями. Для возсозданія такого типа необходимо соединеніе въ рукахъ начальника участка судебной и административной власти.

Упраздненіе мирового института путемъ передачи функцій его начальникамъ участка является лучшимъ средствомъ къ осуществленію дѣйствительной реформы мѣстнаго управленія. Проектъ возсоединенія судебныхъ и административныхъ функцій, по мнѣнію ст.-секр. Гюббенета, представляетъ *единственную свѣтлую точку* въ трудахъ коммиссіи по упорядоченію мѣстнаго управленія на благо населенія. Этимъ проектомъ устраняются два весьма важныхъ препятствія къ осуществленію мѣстной реформы,—недостатокъ средствъ и недостатокъ людей.

Сліяніе должности участковаго начальника съ недешево оплачиваемою должностью мирового судьи избавитъ правительство отъ необходимости требовать отъ крестьянскаго населенія новыхъ жертвъ изъ своихъ, тяжелымъ трудомъ добываемыхъ, скудныхъ средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря такому сліянію, откроется путь къ избранію на должность участковыхъ лучшихъ людей изъ ограниченнаго контингента лицъ, пригодныхъ для столь трудной должности. Если-же сохранить должность мировыхъ судей, то на должность участковыхъ, болѣе отвѣтственную и менѣе самостоятельную, не найдется соискателей изъ желательнаго круга лицъ.

Соединеніе судебной и административной власти устранитъ важнѣйшіе недостатки мѣстнаго управленія; — многочисленность органовъ, отсутствіе руководящей и надзирающей надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ власти, беззащитность крестьянства отъ разныхъ эксплуататоровъ и хищниковъ, постоянныя пререканія отдѣльныхъ органовъ управленія и т. д. Въ рукахъ же новой объединенной власти были-бы сосредоточены всѣ важнѣйшія дѣла въ участкѣ, вслѣдствіе чего и *пререкаться было-бы некому и не изъ-за чего.*

Опасаться со стороны участковыхъ начальниковъ, въ случаѣ соединенія судебной и административной власти, произвола нѣтъ основаній; если теперешнихъ судей никто не обвиняетъ въ произволѣ, то почему бы тѣ же судьи стали допускать произвольное превышеніе власти при возложеніи на нихъ нѣкоторыхъ административныхъ функцій.

Противопоставляемый проектируемой мѣрѣ принципъ раздѣленія властей является принципомъ *книжнымъ*, „безплодной фантазіей“ составителей книгъ. Жизнь этого принципа не знаетъ, и крестьяне до сихъ поръ не могутъ съ нимъ сжиться. И въ настоящее время право экзекуціи и наложенія штрафовъ принадлежитъ волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ. Въ

свое время нѣкоторые изъ составителей судебныхъ уставовъ признавали полезнымъ соединить функціи мирового посредника и мирового судьи въ одномъ лицѣ; хотя это предположеніе не осуществилось, тѣмъ не менѣе самый принципъ нашелъ себѣ „ясное и твердое" выраженіе въ прим. къ ст. 9 учр. суд. уст., которымъ на мирового судью возлагаются нѣкоторыя административныя обязанности. Въ виду вышеизложеннаго, нельзя утверждать, что проектируемая мѣра идетъ въ разрѣзъ съ основными началами судебныхъ уставовъ; напротивъ, она совпадаетъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ лицъ, работавшихъ надъ ихъ составленіемъ и признаваемыхъ по справедливости гордостью Россіи.

Таковы аргументы, приведенные въ коммиссіи ст.-секр. Каханова въ пользу проекта соединенія судебной и административной власти въ рукахъ участковаго начальника *). Въ тѣсной связи съ этимъ проектомъ стоитъ другой—о введеніи *сословнаго ценза*, въ смыслѣ предоставленія преимущественнаго права для занятія должности участковаго лицамъ, принадлежащимъ къ мѣстному дворянству. Подобно должности бывшихъ мировыхъ посредниковъ, являющейся прототипомъ для новой должности участковыхъ начальниковъ, и эта послѣдняя должность должна считаться *прерогативой* мѣстнаго дворянства; только въ случаѣ недостатка на мѣстахъ въ лицахъ дворянскаго сословія она можетъ быть замѣщаема лицами другихъ сословій,—при чемъ для послѣднихъ необходимо установленіе образовательнаго ценза, признаваемаго излишнимъ для дворянъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію одного изъ членовъ коммиссіи (А. Д. Пазухина), должность участковыхъ должна замѣщаться либо изъ числа мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, имѣющихъ право голоса на дворянскихъ собраніяхъ, либо изъ числа личныхъ дворянъ, получившихъ среднее образованіе, либо изъ числа лицъ всѣхъ сословій съ высшимъ образовательнымъ цензомъ. Необходимость сословнаго ценза подтверждается, по мнѣнію его защитниковъ, соображеніями троякаго рода: во-первыхъ, дворянскому сословію, и только ему одному, присущи тѣ особенныя качества, которыя безусловно необходимы для управленія такимъ дѣломъ, какъ крестьянское; во-вторыхъ, введеніе сословнаго ценза способствовало бы возвышенію значенія дворянскаго сословія, и, наконецъ, въ третьихъ, при организаціи мѣстнаго управленія нельзя не принимать въ разсчетъ существующаго сословнаго строя въ Россіи **).

Таковы соображенія, высказанныя въ коммиссіи ст.-секр. Каха-

*) *Журналъ* № 5, стр. 23—24; прил. 1. (заявленіе ст.-секр. А. Я. фонъ Гюббенета), стр. 62 и сл. *Журналъ* № 16. Приложеніе (докладъ особаго совѣщанія по вопросу о предоставленіи участковому судебной или админ.-карательной власти), стр. 7 и сл.

**) Журналъ № 5, стр. 49—50.

нова, въ пользу организаціи низшей единицы управленія на началахъ, впослѣдствіи осуществленныхъ Положеніемъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ.

Проектъ такой организаціи коммиссіей ст.-секр. Каханова былъ отвергнутъ. По мнѣнію коммиссіи, осуществленіе этого проекта не только нежелательно, но „едва-ли даже *возможно* въ настоящее время"... То, что казалось коммиссіи невозможнымъ въ 1885 г., оказалось вполнѣ возможнымъ четыре года спустя.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась коммиссія противъ предоставленія участковому органу власти *преимущественно* надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Главный недостатокъ мѣстнаго строя—въ отсутствіи исполнительной власти на мѣстахъ по дѣламъ общаго, какъ коронннаго, такъ и земскаго управленія. Власть участковаго должна распространяться на всю территорію участка и на всѣхъ проживающихъ въ его предѣлахъ лицъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали.

Возвращеніе къ эпохѣ 60-хъ годовъ, безпорно лучшей въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ, невозможно. Значеніе первыхъ мировыхъ посредниковъ объясняется тѣми исключительными условіями, въ которыхъ имъ приходилось дѣйствовать. Съ установленіемъ поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, съ утвержденіемъ уставныхъ грамотъ, институтъ мировыхъ посредниковъ потерялъ свой raison d'être.

Совершенно невозможно помощниками участковаго органа оставить нынѣшнихъ волостныхъ старшинъ. Подчиненные такому надзирающему органу, какимъ, по проекту нѣкоторыхъ членовъ, является участковый начальникъ, волостные старшины окажутся совсѣмъ не исполнительными *органами* уѣзднаго управленія, а просто *исполнителями приказаній* участковаго, почти разсыльными, и въ результатѣ окажется, что правительство и земство попрежнему останутся безъ надлежащихъ исполнителей на мѣстахъ, а въ этомъ именно главная цѣль учрежденія участка.

Значительная величина участка, рекомендуемая изъ-за финансовыхъ соображеній нѣкоторыми членами коммиссіи, представляется безусловно нежелательной, такъ какъ только въ небольшомъ участкѣ, состоящемъ примѣрно изъ 3-хъ или 4-хъ волостей, участковый можетъ быть дѣйствительной рабочей силой, какъ близко стоящей къ населенію и потому имѣющей возможность хорошо изучить всѣ нужды и потребности этого населенія. Принимая во вниманіе, что, по проекту совѣщанія, съ введеніемъ участковой организаціи нынѣшняя волость подлежитъ упраздненію, нельзя не придти къ тому заключенію, что созданіе участковаго управленія вовсе не вызоветъ увеличенія расходовъ, или, въ крайнемъ случаѣ, вызоветъ увеличеніе *весьма незначительное*; во всякомъ случаѣ, это обстоятельство не можетъ считаться пре-

пятствіемъ къ введенію новой организаціи, являющейся безусловно необходимой *).

Столь же рѣшительныя возраженія вызвала въ коммиссіи и другая мѣра, предложенная А. Д. Пазухинымъ,—а именно, установленіе для должности участковаго *сословнаго ценза*. Большинство коммиссіи справедливо указывало, что вопросы, касающіеся исключительно устройства мѣстнаго управленія, не могутъ получить сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія на сословной почвѣ; созданіе исключительныхъ привилегій для дворянства въ дѣлѣ, затрогивающемъ интересы всѣхъ сословій, нисколько не будетъ способствовать успѣху этого дѣла и не послужитъ къ пользѣ самого дворянства. Должность участковаго не должна, вообще, имѣть ничего общаго съ должностью мировыхъ посредниковъ, и, слѣдовательно, въ примѣненіи къ ней сословный цензъ совершенно неумѣстенъ. Создавать особыя привилегіи для невѣжественныхъ дворянъ—значитъ способствовать пониженію образовательнаго уровня дворянства.

Всего болѣе горячія и продолжительныя пренія вызваны были въ коммиссіи вопросомъ о совмѣщеніи участковымъ судебныхъ и административныхъ функцій. Необходимо замѣтить, что въ пользу такого совмѣщенія высказались не только сравнительно немногочисленные въ коммиссіи сторонники „крестьянскаго участка", но и нѣкоторые изъ членовъ, согласные во всемъ остальномъ съ проектомъ участковой организаціи, предложеннымъ совѣщаніемъ. Въ виду недостаточной доступности мировой юстиціи, а равно многочисленныхъ формальностей, какими обставлено судопроизводство въ мировыхъ установленіяхъ, означенные члены считали необходимымъ предоставленіе права юрисдикціи по маловажнымъ дѣламъ близкому къ тяжущимся административному органу, избираемому самимъ населеніемъ и потому пользующемуся его полнымъ довѣріемъ. Выборный характеръ такого органа, по ихъ мнѣнію, обезпечивалъ бы въ достаточной мѣрѣ его самостоятельность и независимость, необходимыя для судьи. Впослѣдствіи, когда точнѣе обрисовалась физіономія проектируемаго коммиссіей участковаго начальника,—и въ частности, выяснилось, что большинство коммиссіи противъ выборнаго его характера,—означенные члены не могли не признать совершенной невозможности предоставленія ему судебныхъ функцій. Въ подкоммиссіи, избранной для подробной разработки разсматриваемаго вопроса, одинъ изъ такихъ членовъ, сен. И. И. Шамшинъ, категорически заявилъ, что „при проектированной коммиссіею постановкѣ должности участковаго врученіе сему органу судебной власти могло бы оказаться возвращеніемъ къ прежнему полицейско-судебному разбирательству, съ тою, однако, разницей, что послѣднее представ-

*) *Журналъ* № 5, стр. 15—23.

ляло гарантіи коллегіальности разсмотрѣнія дѣлъ и письменности его производства *).

Большинство коммиссіи (предсѣдатель и 21 членъ противъ 10 членовъ) высказались, однако, противъ совмѣщенія судебныхъ и административныхъ функцій *при какой бы то ни было* организаціи должности участковыхъ начальниковъ.

Не ограничиваясь указаніемъ на практическія неудобства такого совмѣщенія, коммиссія на этотъ разъ остановилась подробно на выясненіи *принципіальной* его недопустимости.

Совмѣщеніе судебныхъ и административныхъ функцій невозможно потому, что судья въ своей дѣятельности долженъ руководствоваться принципомъ законосообразности, администраціи соображеніями цѣлесообразности.

Судья долженъ быть независимъ; независимость административнаго органа рождаетъ произволъ. Подчиненіе, въ порядкѣ отвѣтственности, судьи-администратора министерству внутреннихъ дѣлъ отразится чрезвычайно вредно на отправленіи правосудія; подчиненіе его судебнымъ мѣстамъ поведетъ къ невозможности вліянія на мѣстное управленіе со стороны управленія центральнаго.

Всякая дѣятельность требуетъ опредѣленныхъ навыковъ; одни навыки—у судьи, другіе—у администратора. Судья-администраторъ не будетъ ни администраторомъ, ни судьей.

Закономѣрность управленія требуетъ, чтобы каждый отвѣтствовалъ *только* за неисполненіе *законныхъ* требованій власти. Судья-администраторъ явился бы судьей закономѣрности собственныхъ своихъ распоряженій. Для обезпеченія населенія противъ произвола властей безспорно необходимо, чтобы взысканія за неисполненіе законныхъ требованій этихъ властей налагались не ими самими, а судомъ, стоящимъ внѣ всякой зависимости отъ органовъ администраціи, непосредственно заинтересованныхъ въ томъ или иномъ исходѣ дѣла.

Простота мѣстнаго управленія, достигаемая объединеніемъ судебной и административной власти, была бы куплена слишкомъ дорогою цѣной. Нельзя разсчитывать на то, что большинство лицъ, занимающихъ столь могущественное положеніе, будетъ пользоваться имъ въ предѣлахъ закона; въ результатѣ реформы оказался бы *такой произволъ на мѣстахъ, отъ котораго только и оставалось бы бѣжать изъ уѣзда и тѣмъ, кто въ немъ еще остается, не говоря о положеніи, въ которомъ могли бы оказаться крестьяне.*

Сомнительна и другая выгода, приводимая въ защиту разсматриваемаго проекта,—дешевизна управленія. Возложеніе на участковыхъ, кромѣ очень сложныхъ административныхъ обязан-

*) *Журналъ* № 16. Прилож., стр. 12.

ностей, не менѣе сложныхъ обязанностей судебныхъ повлечетъ за собой крайнее обремененіе ихъ дѣлами и вызоветъ необходимость значительнаго увеличенія числа участковъ, а, слѣдовательно, и числа не дешево оплачиваемыхъ судей-администраторовъ. Если же участковые будутъ обращать преимущественное вниманіе на отправленіе правосудія, то, не смотря на это, дѣйствительно необходимаго въ участкѣ органа управленія не будетъ создано вовсе. Ссылка на недостатокъ людей уже потому неубѣдительна, что и при осуществленіи реформы сумма дѣла останется все та же и потребуетъ все тѣхъ же силъ.

Принципъ раздѣленія властей не является *книжнымъ* принципомъ. Какъ выводъ изъ фактовъ дѣйствительной жизни, онъ подсказанъ многовѣковымъ опытомъ самой жизни. Принципъ этотъ и у насъ въ свое время былъ признанъ за коренное начало, положенное въ основу преобразованія судебной части; на немъ зиждутся судебные уставы Императора Александра II. Невозможно осуществленіе разсматриваемой реформы безъ коренной ломки этихъ уставовъ.

Таковы соображенія, въ виду которыхъ большинство коммиссіи высказалось рѣшительнымъ образомъ противъ проекта соединенія судебной и административной власти въ одномъ лицѣ *). Эти соображенія исчерпываютъ вопросъ: ихъ можно подробнѣе развить, но нельзя къ нимъ ничего добавить. Правильность тѣхъ основаній, которыя заставили коммиссію отвергнуть проектъ „крестьянскаго участка", со всѣми свойственными ему аттрибутами, доказана, въ достаточной мѣрѣ, опытомъ истекающаго съ 1889 г. двадцатипятилѣтія...

Отвернувъ разсмотрѣнные типы организаціи низшей единицы управленія—и мелкую земскую единицу, и спеціально-крестьянскій участокъ,—коммиссія остановилась на обсужденіи предложенной совѣщаніемъ организаціи.

По основному вопросу, касающемуся назначенія и существа низшей единицы управленія, коммиссія вполнѣ присоединилась къ мнѣнію совѣщанія. Участокъ, — прежняя волость совѣщанія— долженъ образовать территоріально-административное подраздѣленіе уѣзда по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ общаго, какъ короннаго, такъ и земскаго, управленія. Стоящій во главѣ участка органъ, — волостель совѣщанія, участковый коммиссіи — долженъ имѣть, прежде всего и главнымъ образомъ, значеніе органа исполнительнаго по обще-административнымъ дѣламъ правительственныхъ и земскихъ установленій, поставленнаго въ надлежащую подчиненность и къ уѣздному управленію, и къ власти губернской. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на него должны быть возложены нѣкоторыя спеціальныя функціи по надзору за крестьянскимъ управленіемъ.

*) *Журналъ* № 5, стр. 27—34; *Журналъ* № 16, стр. 9—11.

Въ двухъ весьма существенныхъ вопросахъ коммиссія разошлась, однако, съ совѣщаніемъ. Признавая участковаго административнымъ органомъ, іерархически зависимымъ отъ уѣзднаго и губернскаго начальства, большинство коммиссіи (предсѣдатель и 20 членовъ противъ 11 членовъ) вполнѣ послѣдовательно предпочли выборному способу замѣщенія этой должности способъ правительственнаго назначенія. Предоставленіе замѣщенія должности участковаго уѣздному земскому собранію, по мнѣнію большинства, сопряжено со значительными неудобствами; оно не соотвѣтствуетъ ни характеру власти, ни постановкѣ должности завѣдывающаго участкомъ *).

Другой вопросъ, по которому коммиссія разошлась съ совѣщаніемъ, касается предоставленія участковому административно-карательной власти, т. е. права наложенія „маловажныхъ“ взысканій за нарушеніе собственныхъ его распоряженій. Въ то время, какъ совѣщаніе, „въ виду неудобства предоставленія волостелю какой-либо общей для всѣхъ обывателей карательной власти“, признало соотвѣтственнымъ вооружить его лишь правомъ привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности предъ подлежащимъ судомъ, коммиссія большинствомъ голосовъ (предсѣдатель и 14 членовъ противъ 5 членовъ) нашла необходимымъ снабдить участковаго извѣстной карательной властью, „не касаясь вопроса о ея размѣрахъ и формѣ ея проявленія“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое рѣшеніе коммиссіи явилось своего рода уступкой вліятельному въ ея средѣ мнѣнію о необходимости полнаго соединенія судебной и административной власти въ лицѣ участковаго. Не рѣшаясь идти такъ далеко, коммиссія сочла соотвѣтственнымъ предоставить участковому, какъ суррогатъ судебной, административно-карательную власть **).

Проектъ участковой организаціи, окончательно установленный коммиссіей имѣетъ одно несомнѣнное преимущество по сравненію съ первоначальнымъ проектомъ совѣщанія. Это преимущество — опредѣленность и недвусмысленность постановки должности участковаго. Участковый—правительственный органъ, вѣдающій въ предѣлахъ участка обще-административныя функціи, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ становой приставъ въ предѣлахъ стана вѣдаетъ функціи полицейскія. Отъ *кажущейся* самостоятельности, обезпечиваемой будто бы выборнымъ началомъ, отъ *мнимоземскаго* характера участковаго органа не остается слѣда. Нѣтъ той фальсификаціи, той *поддѣлки подъ земство*, которая, несомнѣнно, присуща проекту совѣщанія. Тотъ результатъ, къ ко-

*) *Журналъ* № 5, стр. 44 и сл. Любопытно замѣтить, что въ пользу системы назначенія въ коммиссіи высказались предсѣдатель и нѣкоторые изъ членовъ (напр., проф. И. Е. Андреевскій), стоявшіе въ совѣщаніи за выборное начало.

**) *Журналъ* № 5, стр. 36—40; *Журналъ* № 16, стр. 4 и сл.

торому пришла коммиссія, только подтверждаетъ безспорную до очевидности истину: *единственно-возможной* земской организаціей участка является мелкая земская единица,—самоуправляющаяся территоріальная единица, стоящая въ такомъ же отношеніи къ уѣздному земству, въ какомъ уѣздное стоитъ къ губернскому; всякая другая организація не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, кромѣ административнаго участка правительственно-бюрократическаго типа.

Намъ остается еще остановиться на вопросѣ объ отношеніи проектированнаго коммиссіей административнаго участка къ сословно-крестьянской волости.

Какъ извѣстно, совѣщаніе, отрицательно относившееся, вообще, къ сословному началу въ организаціи мѣстнаго управленія, упразднившее сословность сельскаго общества, пришло къ тому выводу, что съ организаціей обще-административной волости крестьянская волость, равнымъ образомъ, подлежитъ упраздненію.

И въ коммиссіи мнѣніе совѣщанія поддержано было значительнымъ числомъ членовъ (предсѣдатель и 14 членовъ), видѣвшихъ въ упраздненіи крестьянской волости conditio sine qua non правильнаго устройства мѣстнаго управленія. По мнѣнію одного изъ членовъ (И. И. Шамшина), изъ всѣхъ мѣстныхъ установленій наиболѣе требуютъ немедленнаго, безотлагательнаго переустройства крестьянскія волости, при чемъ въ отношеніи къ нимъ мыслима одна только мѣра — совершенное ихъ упраздненіе. Съ такого упраздненія слѣдуетъ начать,—и только затѣмъ уже можно думать о лучшемъ устройствѣ управленія въ мѣстахъ. Считая доказаннымъ, во 1-хъ, что современная волость утратила значеніе сословно-крестьянскаго управленія, и, во 2-хъ, что она является крайне несовершеннымъ исполнительнымъ органомъ по дѣламъ общаго управленія, означенные члены полагали, что съ устройствомъ участковаго органа спеціально для дѣлъ общаго управленія дальнѣйшее существованіе крестьянской волости теряетъ всякій смыслъ.

Упраздненіе волости, по ихъ мнѣнію, тѣмъ болѣе необходимо, что въ противномъ случаѣ участковый будетъ отдѣленъ отъ населенія посредствующей волостной инстанціей и обратится въ органъ скорѣе наблюдательный, чѣмъ исполнительный.

Наконецъ, упраздненія крестьянской волости требуютъ и соображенія финансоваго свойства. Расходуемыя нынѣ на содержаніе волостного управленія суммы вполнѣ достаточны на покрытіе расходовъ по участковому управленію. Если же съ созданіемъ участковъ сохранить и волости, то содержаніе мѣстнаго управленія окажется совершенно непосильнымъ для населенія *).

Не смотря на приведенные аргументы, большинство коммиссіи—

*) *Журналъ* № 5, стр. 56—60.

20 членовъ *)—высказалось въ пользу сохраненія нынѣшней крестьянской волости. Единственная уступка, которую они сочли возможнымъ сдѣлать „реформаторамъ", заключается въ упраздненіи—и безъ того de facto не существующихъ—волостныхъ правленій. Тѣ самые члены, которые считали для населенія совершенно непосильнымъ содержаніе мелкой земской единицы, не задумались возложить на него гораздо болѣе тягостное содержаніе и волостного, и участковаго управленія. Лучшее доказательство того, что въ аргументаціи, направленной противъ земской волости, финансовыя соображенія играютъ роль предлога, маскирующаго соображенія совершенно иного рода.

Весьма характеренъ единственно-существенный аргументъ защитниковъ крестьянской волости. Участковый начальникъ не можетъ справиться съ порученнымъ ему дѣломъ общаго управленія. Упразднить волость значитъ лишиться и того управленія, которое имѣется теперь въ видѣ волостныхъ органовъ, *не создавъ при этомъ никакой власти, дѣйствительно могущей ихъ замѣнить* **).

Но, въ такомъ случаѣ, какой, вообще, имѣетъ смыслъ созданіе новой участковой единицы, требующей отъ населенія, во всякомъ случаѣ, новыхъ матеріальныхъ жертвъ? Сохраненіе крестьянской волости—testimonium paupertatis участковой реформы. Коммиссія не могла, очевидно, отдѣлаться отъ смутнаго сознанія безплодности проектируемой ею мѣры. Только самоуправляющаяся все сословная волость, постановленная въ непосредственную связь съ земствомъ, можетъ явиться, *на смѣну крестьянской волости*, дѣйствительнымъ, жизнеспособнымъ органомъ активнаго управленія на мѣстахъ.

Проектъ участковой реформы Кахановской коммиссіи не былъ осуществленъ; это не значитъ, конечно, что попытки къ его осуществленію не могутъ быть повторены.

Собственно говоря, всякая „половинчатая" реформа института земскихъ начальниковъ—вродѣ освобожденія ихъ отъ судебныхъ функцій, ограниченія ихъ правъ въ области крестьянскаго управленія и т. под.—явилась бы не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ къ первоначальной „Кахановской" идеѣ административнаго участка.

Мысль о возможности возвращенія къ этой идеѣ лежитъ въ основѣ встрѣчающейся нынѣ въ земской средѣ оппозиціи противъ все болѣе и болѣе ростущаго движенія въ пользу мелкой земской единицы. Необходимость такой единицы не отрицается никѣмъ; но многіе боятся, что, созданная въ настоящее время, она

---

*) Къ 19 членамъ, поименованнымъ на стр. 53 *Журнала* № 5, долженъ быть присоединенъ С. А. Ольхинъ (стр. 61 тамъ же).

**) *Журналъ* № 5, стр. 53—55.

будетъ въ такомъ же смыслѣ „земской“, въ какомъ „земскимъ“ является земскій начальникъ.

Нельзя, конечно, отрицать, что нѣкоторыя основанія такая оппозиція имѣетъ. Намъ кажется, однако, что она напрасно направлена по адресу тѣхъ, кто требуетъ настоящей, а не фальсифицированной земской единицы. Долженъ ли врачъ отказываться отъ лѣченія больного только потому, что аптекарь прописанное лѣкарство можетъ подмѣнить какимъ-нибудь вреднымъ суррогатомъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что созданіе административнаго участка нанесло-бы тяжелый ударъ и безъ того расшатанному послѣдними реформами земскому началу. Не можетъ одно и тоже дѣло осуществляться въ высшихъ единицахъ органами самоуправленія, въ низшей—бюрократическимъ органомъ. Никакое взаимодѣйствіе не мыслимо между выборнымъ органомъ, который руководствуется указаніями своихъ избирателей, и бюрократическимъ, который руководствуется предписаніями своего начальства. О контролѣ уѣзднаго земства надъ участковымъ управленіемъ не можетъ быть и рѣчи. Самое существованіе уѣзднаго и губернскаго земствъ теряетъ смыслъ, разъ въ участкѣ „лучше и цѣлесообразнѣй“, *по губернаторскимъ указаніямъ,* управляетъ административный органъ. И въ настоящее время земство оторвано отъ земли, но пока оно отдѣляется отъ нея, такъ сказать, *пустымъ мѣстомъ;* съ осуществленіемъ участковой реформы между земствомъ и землей выросла бы непроницаемая перегородка административнаго участка. И если въ настоящее время лишенное исполнительныхъ органовъ на мѣстахъ, земство нерѣдко оказывается въ лучшихъ своихъ начинаніяхъ безсильнымъ,—оно будетъ вдвойнѣ безсильнымъ, когда исполненіе его мѣропріятій сосредоточится въ рукахъ управляющаго самостоятельно и независимо отъ земства, сильнаго „бюрократическимъ превосходствомъ“ участковаго органа...

IV.

Въ исторіи нашей внутренней политики коммиссія ст.-секр. Каханова представляется во многихъ отношеніяхъ знаменательнымъ моментомъ.

Эта коммиссія является ареной, на которой впервые открыто и рѣшительно вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу представители двухъ противоположныхъ, взаимно исключающихъ другъ друга направленій...

И реакціонныя, и прогрессивныя начинанія Кахановской коммиссіи—одинаково поучительны: въ первыхъ—корень того, что есть; во вторыхъ—зародышъ того, что будетъ. Въ частности, весьма поучительны и первоначальныя предположенія совѣщанія,

и окончательныя—коммиссіи по вопросу о сельской и волостной реформѣ.

Ближайшее ознакомленіе съ трудами Кахановской коммиссіи по этому вопросу приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Сельское общество, подобно городу, должно быть признано самоуправляющимся *населеннымъ центромъ*,—сельскою коммуной, управленіе которой лишь постольку отличается отъ управленія городской коммуны, поскольку это необходимо въ виду простоты и бѣдности сельскаго быта.

2. Отсюда—выводы: a) завѣдываніе поземельными отношеніями крестьянъ должно быть отдѣлено отъ завѣдыванія мѣстными „пользами и нуждами" сельскаго общества; b) сельское общество должно быть организовано на безсословномъ началѣ; c) территорія сельскаго общества, какъ населеннаго центра, должна быть ограничена чертою селенія, какъ предѣломъ совмѣстнаго жительства его обывателей.

3. Крестьянская волость подлежитъ упраздненію.

4. Необходимо созданіе низшей единицы управленія, болѣе тѣсной и близкой къ селу, чѣмъ уѣздъ.

5. Низшая единица управленія *территорріально* можетъ быть пріурочена къ нынѣшнимъ волостямъ; въ виду незначительности размѣра послѣднихъ, быть можетъ, окажется необходимымъ соединеніе нѣсколькихъ (2-хъ или 3-хъ) волостей въ одну единицу.

6. Организація низшей единицы управленія должна быть *вполнѣ аналогичной* организаціи уѣзднаго и губернскаго управленія. Отсюда выводъ: завѣдываніе дѣлами благоустройства и благосостоянія („мѣстными пользами и нуждами") въ низшей единицѣ не можетъ быть предоставлено ни приходской организаціи, ни организаціи чисто-правительственной, или смѣшаннаго типа, правительственно-земской.

7. Дѣла благоустройства и благосостоянія *въ такой же мѣрѣ* должны вѣдаться мѣстными людьми въ низшей единицѣ, какъ и въ единицѣ уѣздной и губернской. Мелкая земская единица,—т. е. самоуправляющійся территоріальный союзъ, стоящій въ прямой и непосредственной связи съ уѣзднымъ и губернскимъ земствомъ,—является *единственно правильной* организаціей низшей единицы управленія.

Влад. Гессенъ.

НА СѢВЕРѢ.

I.

Холодное море... Песчаныя горы
И темныя ели стѣною;
И сѣраго моха сѣдые уборы,
И алой брусники живые узоры
И верескъ подъ грустной сосною.
Вечерняго неба румянецъ багровый,
Въ лѣсу золотая дорога
И дикій цвѣтокъ—колокольчикъ лиловый...
Все это въ душѣ моей будитъ такъ много
Своей красотою суровой!

II.

Еще послѣдними лучами
Горитъ на западѣ закатъ,
И сосны красными стволами
Сквозь зелень хвойную глядятъ.
А сѣверъ ужъ погасъ—и, сонный,
Онъ голубую ночь зоветъ.
И мѣсяцъ, будто утомленный,
Туманнымъ призракомъ плыветъ,
Въ прозрачной тучкѣ тихо таетъ
И умираетъ, не горя...
И зорьку раннюю встрѣчаетъ
Вечернимъ отблескомъ заря.

Г. Галина.

КАЛАЧОВЫ.

(Повѣсть).

I.

Рано утромъ поднялась семья сапожника Калачова; два дня тому назадъ умеръ ихъ трехмѣсячный ребенокъ, и сегодня надо было его хоронить.

Ребенокъ хворалъ почти съ самаго рожденія и въ теченіе своей недолгой жизни успѣлъ порядочно намотать всѣмъ руки,—тѣмъ не менѣе, какъ самъ Степанъ, такъ и жена его были въ томъ тягостно-подавленномъ настроеніи, въ которомъ, обыкновенно, люди не любятъ признаваться другъ другу; какъ будто какую-то вину передъ этимъ младенцемъ чувствовали они въ своей душѣ...

Только Гриша, мальчикъ лѣтъ четырнадцати—пятнадцати, съ блѣднымъ, худымъ, но чрезвычайно подвижнымъ лицомъ и живыми черными глазами, отъ поры до времени съ любопытствомъ заглядывалъ въ желтое личико со впалыми глазами, заостреннымъ носикомъ и темной полоской запекшихся губъ.

Гриша былъ сегодня въ приподнятомъ настроеніи; похороны маленькаго братишки вносили большое разнообразіе въ монотонную жизнь семьи и обѣщали ему кой-какія развлеченія: Гриша зналъ, что пойдетъ съ отцемъ и сестрой въ церковь, а потомъ они отправятся на кладбище на извозчикѣ,—перспектива, сулившая ему огромное удовольствіе...

— Да посидишь-ли ты на мѣстѣ-то?—чуть не въ десятый разъ прикрикивала на него Дарья.

Гриша утихалъ, но черезъ минуту природная живость брала верхъ вопреки суровымъ предостереженіямъ матери.

— Оставь его, мать...—вмѣшался Степанъ.

— Да что жъ онъ, какъ юла, цѣлое утро вертится?.. Могъ-бы хоть полчаса-то спокойно посидѣть...

И она принялась порывисто раздувать самоваръ.

— Что, Дуня-то встаетъ?—помолчавъ, обратился къ женѣ Степанъ.

— Разбудила, надо быть, встаетъ... А, впрочемъ, кто ее знаетъ... Дуня, а Дуня!.. Встаешь, что-ли?.. Будетъ дрыхнуть-то!.. Успѣешь въ другой разъ выспаться...

Эта маленькая женщина, съ полной грудью, круглымъ загорѣлымъ лицомъ, живыми сѣрыми глазами и короткимъ, чуть-чуть приподнятымъ носомъ, съ какой-то нервной торопливостью суетилась, переходя отъ печки къ столу, потомъ къ досчатой перегородкѣ, отдѣлявшей общую комнату отъ другой, маленькой, служившей спальней дочери.

Во время чая, который пили наскоро, супруги обмѣнивались короткими дѣловыми замѣчаніями, касавшимися предстоящихъ поминокъ.

Встала и Дуня, дѣвушка лѣтъ семнадцати, съ лицомъ, очень похожимъ на мать.

— Пей поскорѣе чай-то, да и въ церковь пора,—сказала Дарья.

Дуня, молча, не поднимая глазъ, принялась за чай, и по ея лицу видно было, что она недовольна раннимъ вставаньемъ.

— Ну, покамѣстъ довольно, пора и собираться,—промолвилъ Степанъ, вставая изъ-за стола.

— Паспортъ-то не забудь...

— Взялъ...

Кончили свой чай и Гриша съ Дуней; всѣ были готовы, но почему-то дѣлали видъ, что за чѣмъ-то дѣло стало... Всѣ инстинктивно откладывали послѣднюю минуту.

— Ну что жъ, простимся да и въ путь...—сказалъ, наконецъ, Степанъ, и его голосъ дрогнулъ.

Онъ первый подошелъ къ гробику, открылъ кисею и приложился губами къ ледяному лбу.

За нимъ подошла Дарья; сдавленное рыданіе вырвалось изъ ея груди, когда она склонилась надъ гробомъ. Въ эту минуту она не могла-бы уяснить себѣ чувства, внезапно вспыхнувшаго въ ея душѣ: было-ли оно запоздалой жалостью къ ребенку или же къ себѣ, къ своей собственной сѣрой, унылой, полной скучнаго труда жизни... А, можетъ быть, это было то и другое...

Кто можетъ объяснить ту таинственную цѣпь сложныхъ, странныхъ ощущеній, что живетъ въ душѣ человѣка?.. Слезы заразительны,—и ея скорбь передалась Степану.

— Ну, полно, Даша... Что-же дѣлать?.. Не жилецъ, видно, онъ былъ...

Когда всѣ простились, Степанъ прикрѣпилъ молоткомъ

крышку гроба, потомъ, перекрестившись, взялъ его и, въ сопровожденіи Дуни и Гриши, вышелъ на улицу.

Дарья, какъ окаменѣлая, стояла нѣсколько минутъ посреди комнаты, потомъ, быстро распахнувъ окно, стала глядѣть вслѣдъ ушедшимъ.

Что-то жалкое, покорное было въ удалявшейся фигурѣ Степана, безъ шапки, съ развѣвавшимися отъ вѣтра волосами,—и у Дарьи снова на глаза навернулись слезы. Но вотъ они всѣ трое завернули за уголъ, а она все еще смотрѣла въ окно, словно видѣла передъ собою высокую фигуру Степана съ маленькимъ желтымъ ящикомъ, съ закрытымъ въ немъ бѣднымъ трупикомъ, частицей ея самой...

Было яркое, бодрое утро.

Бѣлыя, легкія облачка плыли по ясной синевѣ неба.

Откуда-то, издали, доносился одинокій, будничный благовѣстъ къ обѣднѣ. На широкой, пыльной улицѣ Марьиной слободки уже начался трудовой день; бѣдно одѣтыя, съ увядшими и некрасивыми лицами, женщины выходили изъ воротъ, направляясь въ лавки за провизіей. Съ одного изъ сосѣднихъ дворовъ доносился меланхолическій голосъ татарина-старьевщика.

Дарья тяжело вздохнула и отошла отъ окна. Этотъ вздохъ былъ послѣдней данью тому тягостному настроенію, которое она переживала въ послѣдніе дни; надо было приниматься за дѣла, впереди предстояло столько хлопотъ, и некогда было отдаваться печали.

Въ теченіе восемнадцатилѣтняго замужества Дарьѣ приходилось хоронить уже девятаго ребенка. И всякій разъ она переживала то-же самое чувство вины и неловкости—чувство, мало-по-малу тонувшее въ сѣрыхъ, безотрадныхъ впечатлѣніяхъ трудовой жизни.

Въ тѣсной невзрачной комнатѣ, съ низкимъ, потрескавшимся и закоптѣлымъ потолкомъ и порванными грязными обоями, было душно, не смотря на раскрытыя окна; рой мухъ съ тоскливымъ жужжаньемъ носился надъ столомъ, гдѣ въ безпорядкѣ стояла чайная посуда.

На широкой скамьѣ, на которой всегда работалъ Степанъ, и возлѣ нея, на полу валялись обрѣзки кожи, разной величины колодки, кусочки дратвы, тесьмы. За темнымъ ситцевымъ, съ крупными цвѣтами, занавѣсомъ виднѣлась неприбранная постель. Безпорядокъ еще больше увеличивалъ убожество комнаты.

Дарья очнулась отъ раздумья и съ лихорадочной поспѣшностью принялись за работу: сначала она подмыла полъ, а потомъ, умывшись, выложила изъ глинянной банки тѣсто и стала валять его на доскѣ; подъ ея сильными мускули

стыми руками, тѣсто вздымалось пушистой массой; подкинувъ еще, Дарья оставила его въ покоѣ и невольно полюбовалась на свою работу: тѣсто было пышное, сильное.

Послѣдніе остатки гнетущаго настроенія разсѣялись у Дарьи, когда она принялась топить печь; теперь это была лишь хлопотливая хозяйка, поглощенная заботой, чтобы поминки вышли, какъ слѣдуетъ, чтобы не ударить передъ людьми лицомъ въ грязь.

Часа черезъ два печка была истоплена, и на загнеткѣ стояла стопка пышныхъ румяныхъ блиновъ. Дарья умылась, надѣла чистое платье, обыкновенно надѣваемое ею по праздникамъ. Повязывая платокъ, она машинально взглянула на себя въ зеркало, отразившее румяное возбужденное лицо и блестящіе глаза; что-то вродѣ горделиваго тщеславія зашевелилось у нея на душѣ,—самодовольное чувство бѣдняка, возбужденное сознаніемъ, что, не смотря на тяжелый гнетъ жизни, годы не успѣли еще придавить его здоровье, силы, энергію...

Когда Дарья, въ ожиданіи самовара, сѣла на стулъ, то почувствовала усталость; впрочемъ, это ощущеніе происходило не отъ той массы дѣла, которая лежала на ея обязанности,— нѣтъ, оно копилось въ ней въ продолженіи долгихъ недѣль, мѣсяцевъ, годовъ...

Тонкій, жалобный звукъ зашумѣвшаго самовара вывелъ ее изъ раздумья; суевѣрное предчувствіе невольно сжало ей сердце.

— Съ нами крестная сила... Къ чему завылъ?..—пробормотала она и, взявъ лучину, протолкала угли.

Въ невзрачной комнатѣ было прибрано и не напоминало уже „котухъ",—какъ обыкновенно называла ее Дарья, но непривычная тишина и пустота наводили на нее невольно тоску. Ей казалось, что сильно измѣнилось что-то, какъ въ окружающей обстановкѣ, такъ и во всемъ укладѣ ея жизни... Вонъ тутъ, возлѣ кровати, какихъ нибудь два дня тому назадъ, висѣла люлька, въ которой жалобнымъ, слабымъ голосомъ плакалъ ребенокъ; возлѣ печки, на „оборкѣ", висѣли пожелтѣлыя пеленки, одѣяльца и тряпки, а теперь вотъ ничего этого нѣтъ...

Что-то загрызло сердце Дарьи.

Бѣдный Васютка!.. Намучился таки въ свой недолгій вѣкъ и другихъ помучилъ... Хорошо, что Богъ прибралъ... хворый мальчишка былъ... никому, бывало, покоя не давалъ: все кричитъ, все кричитъ... И Господь его знаетъ, какая въ немъ боль была... А тутъ лѣто подошло, дѣти вездѣ мерли, какъ мухи, ну и онъ убрался...

Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди.

Господи, Господи!.. И къ чему это при бѣдности дѣти?.. Вѣдь ей ужъ сорокъ первый пошелъ... людей-то стыдно... Родятся, а не на радость... Докторъ разъ сказалъ, почему они такія хилыя родятся,—да какъ-то мудрено, не упомнишь. Да оно, можетъ, и къ лучшему, что они не живутъ; достатки у нихъ небольшіе, жизнь дорога,—какъ-же тутъ жить?.. Степанъ, нѣтъ-нѣтъ, да и зашибаетъ...

Дарья отъ души завидовала всѣмъ, кто имѣлъ уютный, чистый уголокъ и обезпеченный кусокъ хлѣба; она никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что они живутъ за заставой, въ скверной квартирѣ, не смотря на то, что мужъ больше двадцати лѣтъ занимается своимъ ремесломъ, — и если они не голодаютъ, такъ благодаря изворотливости Дарьи, работавшей, не покладая рукъ.

Дверь отворилась, и вошла Дуня, раскраснѣвшаяся отъ жары.

— Ты одна пришла?

— Тетя идетъ съ дѣдушкой Осипомъ...

— Съ дѣдушкой? Такъ и знала... безъ дѣдушки у насъ ни одно дѣло не сдѣлается.

Она стала нарѣзывать черный хлѣбъ.

Дуня молча стояла возлѣ матери. Она очень походила на нее; у обѣихъ былъ одинаковый окладъ лица, черты, цвѣтъ волосъ; Дунѣ только что минуло семнадцать лѣтъ; немного выше средняго роста, прекрасно сложенная; выраженіе ея глубокихъ темно-карихъ глазъ было отцовское: казалось, они вѣчно таили въ себѣ какую-то безпокойную мысль. Волосы ея, мелко завитые на шпилькахъ, пышной волной поднимались надъ широкимъ, невысокимъ лбомъ. Что-то неуловимо-задорное было въ очертаніи ея полныхъ розовыхъ губъ, придававшее ея цвѣтущему лицу необыкновенно жизненное, привлекательное выраженіе. На дѣвушкѣ была надѣта сѣрая шерстяная юбка и голубая „англійская" кофточка, туго стянутая у таліи чернымъ поясомъ и обрисовывавшая стройную, пышную грудь.

Дарья бѣглымъ взглядомъ окинула дочь и, видимо, осталась довольна.

— Не знаешь, отецъ позвалъ Семена-то? — спросила она.

— Не знаю,—сухо сказала Дуня, сдвинувъ брови, и пошла было за перегородку.

— Постой-ка, что я хочу спросить у тебя...—остановила ее мать.

— Что?

— Что у васъ съ Семеномъ-то вышло?

— Ничего.

— Какъ ничего? Вижу вѣдь,—почти и не разговариваете...

Дуня молчала, опустивъ голову и теребя конецъ обшлага.

— Что-жъ я съ нимъ буду говорить?

— Не годится такъ-то, дѣвка...—укоризненно замѣтила мать.—Росли почти все время вмѣстѣ, мы его за родного считали, а ты вонъ какъ повернула,—что далѣ, то хуже... Нѣтъ, не ладно ты дѣлаешь; хорошій онъ парень; лучше его мужа не найдешь: смирный, тихій, непьющій, мастерство знаетъ... Вонъ какъ лавочка-то его хорошо торгуетъ, съ нимъ бѣдности никогда не увидишь...

Злые огоньки вспыхнули въ темныхъ глазахъ Дуни.

— Замужъ!.. Да, можетъ быть, я вовсе не хочу замужъ идти?—съ досадой сказала она, вскинувъ на мать глаза.— Экая доля, подумаешь, съ горшками возиться да съ пеленками, рожать да хоронить... Лучше ужъ я въ горничныя уйду...

Дарья изумленно глядѣла на дочь.

— Будетъ, умолкни!.. Дѣвчонка, а какія рѣчи непутныя городишь!.. Такая, значитъ, наша доля женская,—не нами началось, не нами и кончится... А что-жъ, вѣковушей, что-ли, оставаться, али на худое идти?

— Что-жъ, лучше ужъ вѣковушей быть, чѣмъ жить такъ, какъ вы съ отцомъ...

— Не всѣ-же такіе, какъ твой отецъ; безпокойство его одолѣло, да тоска; въ отца онъ такой; вишь родъ ихъ весь такой непутевый... Семенъ не такой...

Брови Дуни сдвинулись; всякое напоминаніе о Семенѣ, видимо, раздражало ее.

— Раньше ты къ нему лучше была,—продолжала возбужденно мать,—а съ тѣхъ поръ, какъ вернулась отъ своей пѣвички,—все по другому пошло... И знаю вѣдь я, отчего все это: Дятловъ этотъ тебѣ голову вскружилъ... Охъ, дочка, гляди, чтобы бѣды не вышло: не возьметъ вѣдь онъ тебя замужъ; имъ-бы только поиграть съ нашей сестрой...

Густой румянецъ залилъ лицо Дуни, злыя искорки снова вспыхнули въ ея глазахъ, ноздри дрогнули.

— Мама!.. Оставь ты меня въ покоѣ!.. Не маленькая я,— сама за себя отвѣчу!—рѣзко сказала она.

Дарья въ нѣмомъ удивленіи глядѣла на дочь; эта вспышка Дуни чрезвычайно напоминала вспышки отца.

Дуня быстро ушла за перегородку.

Дарья не успѣла еще, какъ слѣдуетъ, оправиться отъ изумленія, вызваннаго выходкой дочери, когда вошелъ Степанъ съ Гришей и дѣдушкой Осипомъ, высокимъ сутулымъ старикомъ, съ худощавымъ морщинистымъ лицомъ и лохматыми сѣдыми волосами, безпорядочными космами падавшими на впалые желтые виски; маленькіе, безцвѣтные, но юркіе глазки съ опухшими вѣками безпокойно бѣгали по сторонамъ; жид-

кая сѣдая бороденка торчала на остромъ выдавшемся подбородкѣ; красный опухшій носъ обличалъ яраго алкоголика. Ветхая ситцевая рубаха, подпоясанная ремнемъ, обрисовывала острые углы худого костляваго тѣла; такіе-же ветхіе, испещренные заплатами, сѣрые шаровары и опорки на тонкихъ, худыхъ ногахъ довершали его костюмъ. Это—Осипъ, отецъ Степана, давно уже бросившій всякое дѣло и пробивавшійся нищенствомъ.

Войдя въ комнату, онъ бросилъ на лавку старый порыжѣлый картузъ и, помолившись на образъ, поклонился хозяйкѣ.

— Здорово, Дарьюшка!.. какъ живешь-можешь?..

— Живемъ, какъ допрежъ жили,—сухо отвѣтила Дарья.

— Такъ, такъ...

— Охъ, и уморился-же я,—сказалъ Степанъ, отирая вспотѣвшій лобъ рукавомъ своего потертаго сѣраго пиджака.— Жаркій день нонче... Ну, вотъ и похоронили Васютку... одинъ теперь остался тамъ, бѣдный.

— Ну, Степа, садитесь, все готово,—поспѣшно молвила Дарья.

— А Семена ты звалъ, Степа?..

— Какже, вчера вечеромъ говорилъ ему: небось, не забылъ... Ну, отецъ, садись; выпьемъ сейчасъ, закусимъ...

На столѣ уже дымилась горячая кулебяка, по сосѣдству съ которой стояли блины, колбаса, селедка и бутылка водки. Семья и дѣдушка Осипъ усѣлись за столъ.

Степанъ налилъ рюмки.

Старикъ зорко и любовно смотрѣлъ на прозрачную жидкость, и рука его слегка тряслась, когда онъ подносилъ рюмку ко рту.

Выпила и Дарья.

— Ты что-жъ, Гришутка, на бутылку воззрился? Выпей, что-ли, помяни братишку...—сказалъ старикъ, хитро подмигивая Гришѣ.

— Что-ты, что-ты, развѣ можно?—испуганно возразилъ Степанъ.

— Вотъ еще!.. Спаивать мальчишку!..—сердито замѣтила Дарья.

— На что спаивать!.. Привыкнетъ къ вину съ измальства,— къ старости броситъ...

— Сказывай тамъ!.. Тебя, видно, мало поили, когда ты мальчишкой былъ... Весь вашъ родъ пьяный, непутный!..

На щекахъ Дарьи выступили красныя пятна, глаза возбужденно блестѣли: выпитая водка давала себя знать.

— Полно, Дарья, не ссорься,—мягко остановилъ ее Степанъ.

— И ты—гусь хорошъ!..—обратилась Дарья къ Гришѣ.— Нешто въ твои годы пьютъ водку?..

— А въ какіе годы начинать ее надо?..—дерзко бросилъ Гриша.

Степанъ и старикъ разсмѣялись.

— Такъ, Гринька, такъ... Никогда не лазь за словомъ въ карманъ... Что бабу слушать?..

— А мнѣ что!.. Спаивайте мальчишку-то!..—озлобленно крикнула Дарья. — Выйдетъ такой-же непутный, какъ вы!..

— Ну, не ворчи, не ворчи!..—примиряющимъ тономъ сказалъ Степанъ,—выпей-ка лучше съ нами...

Выпили.

— Ну, Гришка, больше не дамъ... а то, мотри!..—погрозилъ внуку Осипъ,—нечего на насъ глядѣть... Ты, Степа, никакъ взгрустнулся?..

Степанъ сидѣлъ, устремивъ угрюмый взглядъ куда-то въ уголъ; двѣ морщины рѣзче обозначились на его высокомъ лбу.

— Да о Васюшкѣ вздумалъ...

— Ну, что-жъ объ немъ думать?.. Богъ далъ, Богъ и взялъ: Его святая воля... Еще будутъ...

— Ну да, какъ же!..—обидѣлась Дарья.—Куда какъ весело крестить да хоронить ихъ... Вамъ, мужикамъ, что больше дѣлать-то...

— Жалко мнѣ мальчишку, — задумчиво молвилъ Степанъ,—случай все одинъ изъ головы не выходитъ... Однова держу я его на рукахъ... День вотъ такой-же ясный былъ, солнышко припекало... Вышелъ я съ нимъ на дворъ, а онъ-то радуется, онъ-то радуется... Глазенки по сторонамъ такъ и бѣгаютъ; нѣтъ-нѣтъ, да и улыбнется... А я-то думалъ, что онъ у насъ поправится... Эхъ, жизнь, жизнь!...

Двѣ крупныя слезы скатились у него по щекамъ.

— Ну, что-жъ дѣлать-то?.. — возразила Дарья...—Аль о махонькихъ тужатъ?.. Господь съ нимъ, что убрался... намоталась я вдоволь съ нимъ...

Степанъ быстро поднялъ голову; его черные глаза вспыхнули.

— Не говори такъ!.. Аль хорошо?.. Беречь мы ребятъ не умѣемъ... Выросъ бы, — работалъ, надѣялся, радовался... Ну къ чему, подумаешь, родится человѣкъ, проживетъ мѣсяца два-три,—и умираетъ... И опять его нѣтъ... Кому это надобно?.. Для чего?.. И кто можетъ это объяснить?.. Никто... Скрыто это отъ насъ... Темные мы, неученые...

— Ну да, говори тамъ!..—возбужденно заговорила вдругъ Дарья.—Беречь не умѣемъ!.. Какъ еще лучше беречь въ нашей нуждѣ?.. Недостатки, горе, тѣснота... Пилъ бы ты по-

меньше — можетъ, и дѣти здоровѣй бы были... А то вишь, кровь-то больная въ вашемъ роду... не живутъ у насъ дѣти... только эти двое и уцѣлѣли... Молчи ужъ лучше!..—Щеки ея пылали, горѣвшіе глаза злобно были устремлены на Степана.

Степанъ не отвѣчалъ; его голова какъ-то безсильно склонилась, двѣ рѣзкія морщины прорѣзали лобъ. Горькій упрекъ жены больно рѣзнулъ его по сердцу. Что онъ могъ сказать въ свое оправданіе?.. Развѣ не приходила ему самому зловѣщая мысль? Въ то самое время, когда онъ сидѣлъ за работой, или же въ глухую, безмолвную ночь, когда все кругомъ покоилось крѣпкимъ сномъ, эта мысль, подобно отравѣ, капля по каплѣ точила его душу...

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Семенъ, бывшій подмастерье Степана, около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ открывшій лавку обуви и сапожнаго товара въ началѣ слободки.

У него было безцвѣтное добродушное лицо, съ мелкими, но замѣтными веснушками, сѣрые глаза, всегда глядѣвшіе съ однимъ и тѣмъ-же вялымъ, соннымъ выраженіемъ, бѣлые усы и свѣтлая, чуть-чуть пробивающаяся растительность на подбородкѣ и щекахъ. Желтоватые прямые волосы были расчесаны косымъ проборомъ. Одѣтъ онъ былъ въ щеголеватую синюю пару; поверхъ жилета—серебряная цѣпочка отъ часовъ.

— Вотъ и нашъ Семенъ!.. А я было думалъ, что не придешь... Ну, присаживайся!.. — привѣтливо сказалъ Степанъ, отряхиваясь отъ тяжелыхъ мыслей.

Семенъ смущенно поздоровался со всѣми и, взявъ стулъ, придвинулся къ столу.

Время шло... Напились чаю,—и мужчины снова перешли къ водкѣ.

Степанъ пилъ рюмку за рюмкой, и лицо его все больше блѣднѣло, а взглядъ дѣлался мрачнымъ, блуждающимъ.

Дарья съ возраставшей тревогой смотрѣла на него. Опять запьетъ... опять броситъ на недѣлю работу, и ей придется ходить на поденщину... И мрачная забота все тяжелѣй ложилась ей на сердце... Бутылка водки быстро подвинулась къ концу, когда въ комнату вошелъ господинъ въ форменномъ пальто и фуражкѣ, съ блѣднымъ одутловатымъ лицомъ, длинными бакенами, въ бѣлыхъ очкахъ, сквозь которыя сурово глядѣли сѣрые глаза.

— Что, здѣсь, кажется, живетъ сапожникъ?—спросилъ онъ, остановившись у порога и обводя сидѣвшее общество брезгливымъ взглядомъ.

Степанъ обернулся къ нему.

— Сапожникъ?.. Здѣсь... А на что онъ вамъ?..—медленно спросилъ онъ.

— Мнѣ надо штиблеты заказать...

— Та-акъ... Не работаетъ нонче Степанъ, поминки по сынѣ справляетъ... Коли желаете,—на той недѣлѣ пожалуйте...—отчеканилъ Степанъ, устремивъ на гостя насмѣшливый взглядъ.

— Да?.. Вотъ что...—пробормоталъ смущенно посѣтитель и, повернувшись, быстро вышелъ изъ комнаты.

Осипъ залился долгимъ беззвучнымъ смѣхомъ; ему вторилъ Семенъ. Странная усмѣшка блуждала по губамъ Степана.

Дарья накинулась на него:

— ...Отказаться отъ заказа!.. Вѣдь это семь съ полтиной!.. Ну, сказалъ бы, что придешь завтра мѣрку снять!.. А то нà, не работаю.!. Да ты съ ума сошелъ!..

Усмѣшка исчезла съ лица Степана.

— Молчать!.. — крикнулъ онъ грозно.—Много ты понимаешь!.. Не хочу!.. Сказано, — не хочу!.. И ни слова!.. Моя воля!..

Его лицо было блѣдно; глаза горѣли дикимъ безпокойнымъ блескомъ; волнистые темные волосы въ безпорядкѣ падали на высокій, умный лобъ; ноздри тонкаго съ горбинкой носа дрожали. Вся его стройная сухощавая фигура дышала страстью, нервной силой...

Дарья со страхомъ отшатнулась отъ него, зная, какъ опасно противорѣчить мужу въ такомъ состояніи.

Порывъ какой-то стихійной удали налетѣлъ на Степана. Въ головѣ, возбужденной спиртомъ, шумѣло; кровь быстрѣе приливала къ сердцу.

И самъ онъ, и все окружающее представлялось Степану въ другомъ, заманчивомъ свѣтѣ; какія-то крылья выросли у него. Поднимался духъ, ежедневно забиваемый тяжелымъ молотомъ жизни; пробуждалась отвага, энергія, и куда-то далеко уходило чувство мучительнаго трепета передъ жизнью,—чувство, такъ часто преслѣдовавшее его...

Въ окно заглянуло чье-то бородатое лицо въ черномъ картузѣ и, окинувъ рысьими глазками сидѣвшихъ за столомъ, тотчасъ скрылось.

— Кто это?..—спросилъ Семенъ,—никакъ Дятловъ?..

— Онъ, онъ, нашъ почтенный хозяинъ... чортъ его возьми!.. Все надо людямъ знать... Вотъ кому на свѣтѣ жить хорошо... Выжига, скряга!..

— Услышитъ... онъ, кажется, за окномъ стоитъ,—осторожно замѣтилъ Семенъ.

— И пусть услышитъ, я не боюсь... Я деньги плачу исправно... Да, скряга, аспидъ!.. Изъ своихъ рабочихъ послѣдніе соки выматываетъ; потомъ, кровью людской деньгу

зашибаетъ... Съ насъ беретъ девять рублей въ мѣсяцъ за двѣ каморки... Изъ оконъ несетъ, въ полу мыши гнѣзда понадѣлали, а онъ за шесть лѣтъ щепы гнилой на насъ не потратилъ... Ничего, говоритъ, и такъ проживете, а съѣдете, тогда и ремонтъ буду дѣлать... Одно слово—аспидъ...

— А небось, тыщи копитъ...—замѣтилъ старикъ.

— Какъ не копить... Нашему брату не скопить, а эти іуды... И сынокъ такой-же...

Семенъ быстро оглянулся, — но Дуни не было въ комнатѣ...

— Нѣтъ, не завидую я такимъ людямъ,—продолжалъ Степанъ съ одушевленіемъ.—Развѣ пользуются они своими деньгами?.. Ѣдятъ, пьютъ, сколько влѣзетъ, а живутъ, какъ скоты... А потомъ?.. Въ могилу вѣдь не возьмешь денегъ... Душу онѣ давятъ, эти деньги... Я вотъ, къ примѣру, сытъ,— и доволенъ... У меня душа,—какъ птица вольная... Да вотъ бы работать поменьше...

До поздняго вечера продолжалась пирушка въ жилищѣ сапожника.

II.

День, такой-же яркій, какъ и наканунѣ, склонялся къ закату. Жизнь Калачовыхъ снова входила въ свою колею,— скучныхъ, сѣрыхъ, убійственно-однообразныхъ будень. Вчерашнія поминки закончили собою время хлопотъ и суеты, связанныхъ со смертью ребенка.

Степанъ сидѣлъ на широкой скамьѣ и чинилъ старый стоптанный сапогъ.

Было душно, не смотря на раскрытыя окна. Съ улицы отъ поры до времени врывались докучные крики разносчиковъ, лай собакъ, веселые дѣтскіе возгласы. Иногда раздавался рѣзкій свистъ промчавшагося поѣзда съ ближняго недавно проведеннаго пути.

Степанъ, не спѣша, продѣвалъ дратву, невольно прислушиваясь къ непріятному, съ самаго утра сверлившему въ его душѣ, чувству. Отъ вчерашняго возбужденія осталось лишь тягостное ощущеніе угара, пустота и горечь въ желудкѣ, да какая-то разбитость во всемъ тѣлѣ. Работалось съ самаго утра ему плохо; онъ брался и за чинку, и за новые заказы, но все валилось какъ-то изъ рукъ, и тоскливое знакомое ощущеніе все сильнѣе овладѣвало имъ. Ему казалось страннымъ не слышать обычнаго скрипа люльки и слабаго, жалобнаго плача. Какъ ни мало жилъ на свѣтѣ ребенокъ, но Степанъ успѣлъ страстно привязаться къ нему, а болѣзненность мальчика съ самаго рожденія еще больше

вызывала нѣжность и состраданіе отца; онъ до послѣдняго времени надѣялся, что настанетъ весна—и Васька поправится; да не такъ вышло...

И Степану казалось, что совершилось что-то жестокое и несправедливое.

А въ глубокихъ извилинахъ мозга уже формировалась зловѣщая мысль...

Она не приходила ему почему-то въ голову, когда рождались и умирали другія дѣти... Вѣроятно, вчерашній горькій упрекъ Дарьи натолкнулъ его на эту мысль...

Неужели она права?..

И вотъ, словно въ подтвержденіе словъ жены, въ головѣ Степана одно за другимъ выплывали воспоминанія...—длинная цѣпь годовъ, цѣпь всевозможныхъ жизненныхъ неудачъ, тоски, малодушія и слѣдовавшіе за ними дни безпробуднаго пьянства... Какъ это ему въ голову не приходила мысль о дѣтяхъ?.. А пожаръ, лѣтъ пять тому назадъ, поглотившій его мастерскую?.. Надо удивляться, какъ его организмъ перенесъ то количество спирта, которое онъ употребилъ тогда?.. Неужели-же это прошло безслѣдно для рождавшихся чуть не ежегодно дѣтей?..

Онъ бросилъ въ уголъ сапогъ, сознавая полнѣйшую неспособность къ работѣ, и тоскливымъ взглядомъ оглянулся кругомъ: тѣсно, убого, не смотря на цѣлые снопы веселыхъ солнечныхъ лучей, врывавшихся въ комнату. Такъ же тѣсна и убога была его жизнь.

И всетаки тонкая, незамѣтная для другихъ полоска свѣта пробивалась въ тѣснотѣ и мракѣ ихъ жизни...

Мысль безпрестанно возвращалась къ Васѣ. Ушелъ онъ отъ нихъ, какъ и тѣ, другіе... Родятся, проглянутъ на свѣтъ Божій,—и захирѣютъ, какъ былинки... Воздухъ у нихъ тяжелый, жизнь тѣсная...

Только и остались двое; у этихъ вѣрно больше силъ для жизни!..

При воспоминаніи о Гришѣ у Степана свѣтлѣетъ на сердцѣ; морщинки на лбу разглаживаются и глаза смотрятъ мягко, ласково... Но вотъ, внезапно выраженіе тревоги омрачаетъ ихъ, какъ туча ясную поверхность озера; вновь глубокія борозды врѣзываются въ высокій, умный лобъ; лицо темнѣетъ, отражая мелькнувшую мысль...

А если?.. Нѣтъ, нѣтъ... не можетъ быть... Вѣдь Гришѣ уже скоро пятнадцать лѣтъ... Несчастная слабость отца не отразится на его здоровьи...

Чтобы разсѣять сколько нибудь тяжелыя мысли, Степанъ прошелся по комнатѣ, а потомъ, пройдя темныя, неудобныя сѣни со скрипучими половицами, вышелъ на крыльцо.

Дворъ, безъ того небольшой, былъ заваленъ грудами досокъ, бревенъ и цѣлыми ворохами стружекъ; здѣсь шла стройка: воздвигался новый двухъ-этажный флигель, предназначенный для мелкихъ квартиръ, въ которыхъ будетъ ютиться слободской пролетаріатъ...

Не смотря на сухую погоду, на дворѣ всегда грязно, неопрятно. Женщина въ старомъ линючемъ платьѣ развѣшивала на протянутой веревкѣ какія-то жалкія мокрыя тряпки. Изъ открытыхъ оконъ, гдѣ жили бахромщицы, неслась звонкая пѣсня, а изъ другихъ, немного дальше, слышалися грубые голоса: тамъ жилъ портной Швецовъ, каждый день ссорившійся со своей сожительницей. Вонъ вышла стряпуха маляровъ и шумно выплеснула ведро помой. Стая жадныхъ галокъ, едва давъ ей отойти, съ громкимъ радостнымъ крикомъ опустилась съ ближайшей крыши на землю.

На крыльцо вышелъ самъ домохозяинъ Дятловъ — разбогатѣвшій подрядчикъ малярныхъ работъ,—низенкій, толстый старикъ, съ одутловатымъ краснымъ лицомъ и круглой головой, посаженной, казалось, прямо, безъ посредства шеи, на туловище; слѣдомъ за нимъ, — сынъ его, рослый молодецъ съ грубо-красивымъ лицемъ; оба они подошли къ срубу и о чемъ-то толкуютъ съ плотниками. Еще не хватаетъ старухи Дятловой или „Дятлихи", какъ ее заочно называютъ въ слободѣ, а то бы вся семейка была на лицо.

Степанъ отъ всей души ненавидѣлъ этихъ людей, набившихъ себѣ карманы трудами другихъ и теперь гордо, съ презрѣньемъ взиравшихъ на тѣхъ бѣдняковъ, которымъ они сдавали свои жалкія каморки. Степанъ не зналъ — кто больше внушаетъ ему отвращеніе: этотъ-ли старикъ съ пронырливыми, свѣтлыми рысьими глазками, или этотъ молодецъ, съ красивыми наглыми глазами, съ самоувѣренностью, начиная съ кончиковъ лихо закрученныхъ, темныхъ усовъ. Что-то злое, ѣдкое всегда поднималось у Степана при видѣ этихъ людей; онъ вообще чувствовалъ непріязнь ко всѣмъ сильнымъ и богатымъ людямъ, — но Дятловъ-сынъ, кромѣ того, возбуждалъ въ немъ особое чувство отвращенія; какое-то тайное чувство подсказывало Степану, что этотъ человѣкъ когда-нибудь оставитъ большой слѣдъ въ его жизни...

Степану не хотѣлось лицомъ къ лицу встрѣтиться съ Дятловымъ, и онъ ужъ поднялся, чтобы уйти, какъ увидѣлъ Дуню, возвращавшуюся изъ мастерской. Какое-то смутное чувство заставило его инстинктивно податься назадъ за косякъ двери.

Что это?.. Она остановилась возлѣ младшаго Дятлова...

Вотъ онъ, наклонившись, что-то тихо говоритъ ей; на ея лицѣ смущенная, потерянная улыбка...

Что-то непріятное кольнуло Степана.

Что онъ говоритъ ей?.. И что общаго можетъ быть между ними?..

Дуня поспѣшно вошла на крыльцо. Увидавъ отца, она испуганно отшатнулась и, опустивъ голову, быстро прошла мимо.

Когда нѣсколько минутъ спустя, Степанъ вернулся въ комнату, за перегородкой слышался торопливый стукъ швейной машины.

Онъ порывисто подошелъ къ Дунѣ.

— О чемъ ты шушукалась съ Дятловымъ?—сурово спросилъ онъ.

Стукъ машины прекратился. Дуня испуганно взглянула на отца и, молча, опустила голову.

— Смотри, коли что замѣчу, — голову оторву... Слышишь?.. — крикнулъ онъ и, тотчасъ же, устыдившись своего раздраженія, отвернулся и, снявъ картузъ съ гвоздя, быстро вышелъ изъ комнаты.

Когда замолки шаги въ сѣняхъ, Дуня выглянула изъ окна,—отецъ направился, видимо, къ трактиру.

Она съ ненавистью смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся въ дверяхъ.

Мимо окна прошла группа рабочихъ съ какой-то фабрики съ угрюмыми, почернѣвшими отъ копоти лицами; одинъ изъ нихъ близко заглянулъ въ окно и свистнулъ.

Дуня отодвинула свою работу и, опершись на локоть, неподвижнымъ взглядомъ уставилась въ одну точку; ея лицо, подернутое здоровымъ загаромъ, выражало томительную скуку; проносились мысли, но всѣ онѣ тонули въ общемъ тоскливомъ настроеніи.

Тяжело было у нея на душѣ; никогда она не чувствовала такъ сильно своей отчужденности отъ семьи. Она вспомнила слова отца, и злыя слезы выступили у нея на глазахъ.

— Ишь ты, еще грозится... За что?.. За то, что жить хочется... Слова ни съ кѣмъ сказать нельзя,—вотъ злые-то!.. Мало имъ, что помѣшали устроиться... Кабы не они,—жила-бы себѣ у мамзели; въ Питеръ-бы съ ней уѣхала,—вѣдь какъ звала, какъ звала!..

И при воспоминаніи о той жизни еще тяжелѣе стало на душѣ Дуни.

Три недѣли тому назадъ она оставила мѣсто горничной у m-lle Adel,—пѣвицы въ одномъ изъ лѣтнихъ театровъ. Тѣ пять мѣсяцевъ, что прожила у нея Дуня, много способ-

ствовали измѣненію ея понятій о жизни вообще и о своей жизни въ частности.

Пѣвица каждый вечеръ участвовала въ представленіи, и Дунѣ приходилось часто провожать ее въ театръ. А по окончаніи представленія у нихъ часто собирались гости, большею частью, мужчины; пѣли, играли въ карты, ужинали, и жизнь госпожи казалась Дунѣ вѣчнымъ праздникомъ.

Находясь ежедневно въ красивыхъ, роскошно убранныхъ комнатахъ, исполняя свои не особенно сложныя обязанности, Дуня чувствовала себя прекрасно; жалованье она получала небольшое, но гости часто давали ей на чай; кромѣ того, хозяйка Дуни часто дарила ей красивыя кофточки и платья. Дѣвушка все больше свыкалась съ своей жизнью и все рѣже ходила домой, гдѣ на нее такъ непріятно дѣйствовала убогая, невзрачная обстановка.

Вдругъ все неожиданно измѣнилось...

Госпожа Дуни уѣзжала въ Петербургъ, гдѣ она получила выгодный ангажементъ, и звала съ собой Дуню, но какъ отецъ, такъ и мать слышать не хотѣли объ ея отъѣздѣ.

Дуня просила, плакала, но все оказалось напраснымъ.

Она должна была вернуться домой.

Переходъ изъ полупраздной сытой жизни въ бѣдную сѣрую домашнюю обстановку былъ рѣзокъ, — и первые дни Дуня глазъ не осушала отъ слезъ. И всетаки въ ея душѣ жила надежда, что не сегодня-завтра съ ней случится какая-нибудь перемѣна...

Но дни смѣнялись днями, принося лишь одни сѣрыя тусклыя впечатлѣнія.

Но вотъ на ихъ уныло-безотрадномъ фонѣ неожиданно блеснулъ яркій лучъ. Въ сердцѣ Дуни вспыхнула любовь, яркимъ заревомъ освѣтившая окружавшія ее сумерки...

Чтобы она дома не болталась даромъ, ее отдали въ ученье къ одной модисткѣ, имѣвшей мастерскую дамскихъ нарядовъ. Дуня работала тамъ съ восьми часовъ утра до шести-семи вечера. Здѣсь ее заставляли распарывать, выдергивать нитки, посылали въ магазины съ образчиками матерій. Однако новая среда и условія жизни не вытѣснили изъ головы Дуни воспоминаній о прежней жизни.

Въ мастерской Дуня видѣла одинъ изъ уголковъ жизни, казавшейся ей прекрасной, недостижимой мечтой.

Словно отголоски шумнаго, блестящаго праздника доносились до нея. Приходили нарядныя барыни и приносили заказы; шились богатыя, красивыя платья съ дорогой отдѣлкой; цѣлые дни она слышала безконечные разговоры о фасонахъ и отдѣлкахъ,—и Дуня невольно уносилась мечтами въ другой міръ; разгорѣвшимися отъ восторга глазами

глядѣла она на бархатъ и атласъ, на волны кружевъ и газа; часто, смотря на какую-нибудь заказчицу, примѣрявшую платье, Дуня съ завистью воображала себя на ея мѣстѣ и думала, какъ бы хороша была она въ этомъ платьѣ...

Эти наряды казались ей верхомъ человѣческихъ желаній, прекрасной мечтой, несбыточнымъ сномъ; она воображала, какъ на нее будутъ смотрѣть, любоваться, завидовать...

Дуня представляла себѣ, какъ она возбуждаетъ такой-же восторгъ, какъ m-lle Adel; въ концѣ концовъ она даже не отдѣляла себя отъ нея и воображала себя и бывшую госпожу однимъ и тѣмъ лицомъ...

Дѣвушка при этомъ не замѣчала, конечно, оборотной стороны медали, не вдумывалась, напримѣръ, въ то, что блѣдныя, изнуренныя мастерицы засиживались за-полночь надъ этими красивыми нарядами...

Рѣзкій, властный голосъ хозяйки приводилъ Дуню въ себя,—и она упадала съ облаковъ на землю: надо было выдергивать наметочныя нитки или бѣжать съ образчикомъ шелка въ магазинъ. Дуня съ трудомъ отрывалась отъ грезъ и шла по порученію, но и дорогой ея мысли и душа были заняты той-же мечтой.

Тѣмъ сильнѣе ненавидѣла она убогую домашнюю обстановку, и ея завѣтнымъ желаніемъ было вырваться отсюда какимъ бы то ни было способомъ.

Дуня такъ углубилась въ свои невеселыя думы, что вздрогнула всѣмъ тѣломъ, когда чья-то тѣнь заслонила ей окно.

Она пугливо подняла голову и увидала Дятлова.

— Яша!.. Зачѣмъ ты здѣсь?.. — упрекнула она, вскочивъ съ мѣста и вся вспыхнувъ.—Еще увидятъ...

— Небось, отецъ ушелъ...

— Сейчасъ мать вернется...

— Выйдешь сегодня?..

— Выйду, коли можно... Отецъ сейчасъ и то забранился, что съ тобой давеча перемолвилась... Что-нибудь, видно, замѣтилъ...

— Ну, чего тамъ замѣтить...

Здоровый, жизнерадостный, съ пышащимъ румянцемъ лицомъ, съ веселыми карими глазами и двумя рядами крѣпкихъ, бѣлыхъ зубовъ, блестѣвшихъ изъ-подъ темныхъ усовъ, онъ казался ей привлекательнымъ, какъ никогда, — и все существо ея инстинктивно стремилось къ нему...

— Ну, выходи, буду ждать...

Онъ скрылся, а Дуня неподвижно стояла, устремивъ взглядъ въ окно. Глаза ея были влажны, губы полуоткрыты, грудь порывисто вздымалась.

Ее вдругъ охватило неудержимое желаніе оставить эту комнату и уйти за тѣмъ сильнымъ, радостнымъ человѣкомъ.

Ей казалось, что онъ ничего не боится, что для него не существуетъ запрета для достиженія своихъ желаній, — и она смѣло, безъ борьбы подчинилась ему, не заглядывая въ будущее, не думая о послѣдствіяхъ...

Въ комнату вошла Дарья съ пустой корзиной и валькомъ; высоко подобранный подолъ ея стараго платья былъ мокрый; лицо выражало сильную усталость и недовольство, руки съ засученными выше локтя рукавами были красны отъ воды. Бросивъ корзинку и валекъ, Дарья заглянула за перегородку.

— Дуня, аль ты одна?

— Одна.

— А отецъ-то гдѣ?

— Ушелъ.

— А куда?

— Не знаю, кажется, въ трактиръ,—нерѣшительно отвѣтила дѣвушка.

Дарья всплеснула руками.

— Въ трактиръ?.. О, Господи!.. Такъ и знала я, что опять у него началось...

Дуня молчала, сдвинувъ брови. Ей было непріятно, что въ ея яркое, радостное настроеніе врывались отголоски домашней неурядицы и скучной заботы.

Дарья, постоявъ съ минуту, стала переодѣваться.

— И Гришутка не приходилъ?—продолжала она, вѣшая мокрую юбку на веревку, возлѣ печки.

— Не видала я.

Дарья начала ставить самоваръ, и по тому ожесточенію, съ какимъ она ломала сухую лучину, видно было, какъ расходилось ея сердце. Немного погодя самоваръ уже шумѣлъ, и Дарья принялась подметать вѣникомъ полъ.

— Экой котухъ, срамота!.. Не глядѣли бы мои глаза!.. Съ бѣльемъ-то цѣлый почти день провозилась, а домой пришла,—опять за уборку принимайся!.. Чѣмъ вотъ пригорюнившись у окна сидѣть, — надумалась бы лучше матери помочь... Мы по шеѣ въ грязи сидѣть будемъ, а за собой не приберемъ... Барышня!.. Привыкла у своей пѣвицы-то, сложа руки, сидѣть!..

Дуня не подавала голоса, и раздраженіе матери понемному улеглось. Раза два Дарья украдкой заглянула за перегородку; Дуня сидѣла, подперевъ голову руками, вся углубившись въ думу; участіе къ дочери зашевелилось въ душѣ Дарьи, смѣнивъ чувство досады.

— Ишь сидитъ и голову повѣсила... Второй мѣсяцъ

пошелъ, а она все тоскуетъ... Совсѣмъ отъ дома отвыкла дѣвчонка... Недаромъ давно Степанъ тростилъ, что не гоже ей тамъ жить, — такъ оно и вышло... Вонъ, сидитъ и объ работѣ забыла... О-охъ, дѣла, дѣла!.. Дуня!.. ступай чай-то пить, чего раскисла?..

Дѣвушка вздрогнула, словно ее только разбудили отъ сна, и медленно поднялась со стула.

— И что съ тобой?.. Аль годится молодой дѣвкѣ голову вѣшать?... Бери ситнаго-то... Вотъ, коли хошь, съ леденцами пей,—давеча на пятачекъ взяла... Что это Гришки нѣтъ?.. Привыкъ день-деньской шляться... Съ Петькой Усачевымъ сдружился, научится у него уму-разуму... Бѣда моя съ нимъ...

Какъ-бы то ни было, раздраженіе и недовольство Дарьи за чаемъ мало-по-малу разсѣялось; вообще, чаепитіе играло огромную роль въ жизни Дарьи. Самоваръ допѣвалъ послѣднюю нотку пѣсни, выпивалась чашка за чашкой, и невольно домашняя жизнь не казалась Дарьѣ скверной и тяжелой; въ душѣ пробуждалась и все больше крѣпла надежда на лучшее будущее; чай прогонялъ и усталость, и дурное настроеніе духа.

— Что, не дошила кофточку-то?—снова нарушила молчаніе Дарья, поднося блюдечко ко рту.

— Нѣтъ...

— Къ завтраму-то не посѣетъ...

Дуня промолчала. Въ ея душѣ усиливался съ каждымъ днемъ глухой протестъ противъ тѣхъ рамокъ, въ которыя замыкалась ея жизнь; ей, такъ страстно жаждавшей яркихъ, сильныхъ впечатлѣній, казалось, что она задыхается въ темномъ, душномъ погребѣ. Та будущность, которую прочила ей мать, внушала ей отвращеніе: какъ? всю жизнь работать на другихъ, гнуть спину, надрывать здоровье, — и это жизнь?!. Пусть лучше другіе работаютъ на нее...

Дуня не чувствовала никакой жалости къ матери, а лишь легкое презрѣніе; мать сама виновата въ томъ, что не сумѣла лучше устроить свою жизнь...

Солнце давно уже сѣло, и наступавшія сумерки усиливали невзрачность комнаты; Дуня быстро накинула шаль и пошла къ двери.

— Ты куда, Дуня?..

— На улицу,—не оборачиваясь, отвѣтила дѣвушка.

— Коли увидишь Гришу, посылай,—черезъ полчаса ужинать станемъ...

Дуня не отвѣтила, спѣша выдти на воздухъ.

Дарья скорбно покачала головой.

— Вотъ ушла — и все тутъ... Охъ, дочка, дочка!.. не на-

творила-бы ты чего!.. Тебѣ-же придется расхлебывать кашу...

Въ сѣняхъ послышались шаги, потомъ распахнулась дверь и вошелъ Семенъ.

— Здравствуй, Дарья Петровна!.. Аль ты одна?

— Одна... садись, Семенъ...

— И Дуни нѣтъ?..

— На улицу ушла. Я думала, ты видѣлъ ее...

— Нѣтъ, не видѣлъ...

Онъ нерѣшительно мялъ въ рукахъ фуражку.

— А я съ тобой насчетъ Дуни хотѣлъ поговорить...

Дарья глядѣла на плоское веснушчатое лицо и безцвѣтные глаза и думала:

— А вѣдь, правду молвить, неказистъ-же онъ... недаромъ Дунино сердце не лежитъ къ нему... А впрочемъ, не дураки говорятъ вѣдь, что съ лица не воду пить...

— Дарья Петровна... Какже на счетъ Дуни-то?.. Пойдетъ она за меня, аль нѣтъ?..—вдругъ рѣшился Семенъ.—Надо, чтобы одно что-нибудь, а то что неизвѣстность-то...

— Чтожъ, скажи ей... а то, хочешь, я скажу?..—предложила Дарья, чувствуя, какъ встрепенулось ея сердце.

— Нѣтъ, ужъ лучше я самъ... а то еще подумаетъ, что робѣю...

— И вправду, парень...

Онъ немного поднялся и всталъ медленно и неуклюже.

— Ну, прощай покуда, Дарья Петровна!..

— Прощай, голубчикъ!..

И опять Дарья осталась одна.

Намѣреніе Семена, такъ опредѣленно высказанное, возбудило въ ней волненіе. Цѣлый рой мыслей нахлынулъ въ голову.

— Да какъ-бы хорошо было, если-бы Дуня вышла за него замужъ... Надежный парень, хорошій; съ нимъ не придется терпѣть бѣдность, нужду... Что толку въ красивомъ, да безпутномъ мужѣ?..

Много испытавшая невзгодъ въ своей жизни, Дарья видѣла единственное прочное счастье въ обезпеченной жизни,—тепломъ, уютномъ углу, сытномъ, вкусномъ обѣдѣ, забывая, что двадцать лѣтъ тому назадъ она безъ ума влюбилась въ высокаго черноволосаго сапожника Степана, съ глубокими черными глазами, и готова была идти съ нимъ на нужду, лишенья и всѣ превратности жизни...

— Однако, что-же такъ долго нѣтъ Дуни?.. Ужъ совсѣмъ стемнѣло; надо собирать ужинать...

Дарья зажгла огонь и стала торопливо собирать ужинъ. Сердце ея усиленно билось, сообщая нервную подвижность всѣмъ ея движеніямъ.

А мысль все время была занята Дуней.

— Чудная она какая-то... Отъ отца и матери держится въ сторонѣ, ровно чужая... Не знаешь, какъ съ ней быть, какъ подойти...

Ей вспомнился случай изъ ранняго дѣтства Дуни. Какъ-то она больно обидѣла Гришу,—тогда пятилѣтняго ребенка,— и отецъ приказалъ ей просить прощенья. Дѣвочку никто не могъ уломать, и отецъ больно прибилъ ее,—но и вся избитая, она не произнесла ни одного слова и, забившись въ въ уголъ, сверкала оттуда своими глазенками.

— Да, характеръ у нея,—не дай Богъ... И какъ она будетъ жить на свѣтѣ?.. Гриша тоже какой-то дикій растетъ,— все норовитъ поменьше на глазахъ быть, дружится съ первыми озорниками... Да, не далъ намъ Богъ счастья въ дѣтяхъ...

Въ сѣняхъ раздались быстрые шаги, и въ комнату вошла Дуня. Дарья мелькомъ взглянула въ лицо дочери и невольно остановилась: ей никогда еще не приходилось видѣть такого оживленія и возбужденнаго блеска въ ея глазахъ.

— Что, не видала Гришу?..

— Онъ у воротъ сидитъ,—небрежно бросила Дуня, снимая шаль.

Дарья нерѣшительно помолчала.

— Дуня... что я тебя спрошу... Не говорилъ съ тобой Семенъ?...

— Семенъ?.. Видала я его у воротъ... Что-то сталъ мнѣ говорить, да я убѣжала...

Дарья гнѣвно всплеснула руками.

— Хорошо!.. нечего сказать!.. Съ ней говорятъ, а она убѣгаетъ... Да что-ты... Вовсе, что-ль, очумѣла?..

Дуня съ удивленіемъ поглядѣла на мать.

— Да что жъ тутъ такого?.. Аль я все должна слушать, что онъ мнѣ скажетъ?..—возразила она уже совсѣмъ весело, съ задоромъ.

Дарья молча глядѣла на нее.

— Что съ ней?.. Ровно пьяная,—море по колѣно...

Но злость все сильнѣе начинала клокотать въ ней.

— Смотри, дѣвка, какъ бы потомъ не спокаяться... Больно ты что-то людьми стала швырять!..

Въ это время вошелъ Степанъ, а за нимъ Гриша.

Дарья мелькомъ, исподлобья окинула взглядомъ блѣдное лицо и мутные глаза мужа и подавлено вздохнула.

— Что, ужинъ готовъ?.. Отлично, давай...

Дуня ушла въ свою комнату.

— Что-жъ ты, аль не хочешь?..—окликнула ее Дарья.

— Не хочу...

— Какъ не хочешь?.. Что за причина?..—сурово вмѣшался Степанъ.

— Брось...—тихо сказала Дарья, ставя на столъ миску со щами.

— Брезгуешь?.. Разносоловъ захотѣла?..

— Это она у пѣвицы къ сладостямъ привыкла,—усмѣхнулся Гриша.

— Мало ли что!.. Можно отвыкнуть... Должна ѣсть то, что я ѣмъ... Мой хлѣбъ честный, трудовой...

Онъ такъ сильно ударилъ по столу кулакомъ, что задребезжала посуда.

Черезъ полчаса всѣ улеглись спать, и въ жилищѣ сапожника водворилась тишина; изъ сѣней, дверь въ которыя, ради прохлады, была отворена, доносился густой храпъ Степана, покрывавшій легкое, ровное дыханіе Гриши; на полу въ комнатѣ крѣпко спала измучившаяся за день Дарья.

Лишь къ одной Дунѣ не приходилъ желанный сонъ. Она лежала, разметавшись, на сундукѣ, служившемъ ей кроватью.

Было невыносимо душно.

Въ тишинѣ ночи рѣзко раздавалось отчетливое тиканье маятника, да гдѣ-то въ углу стрекоталъ сверчокъ. Голова Дуни горѣла, кровь горячей волной переливалась въ жилахъ; какія-то тяжелыя, смутныя грезы тревожили ее; въ воображеніи вставало то измученное лицо Семена, то неподвижный, тяжелый взглядъ Якова. Горячая волна заливала ей грудь,—становилось трудно, тяжело дышать.

Вдругъ дѣвушка вздрогнула всѣмъ тѣломъ: ей послышался тихій, чуть слышный стукъ въ окно. Она приподнялась на постели и, скрестивъ руки на груди, съ замирающимъ сердцемъ стала прислушиваться. Кругомъ царила прежняя тишина, нарушаемая лишь тиканьемъ часовъ да ровнымъ стрекотаньемъ сверчка. Изъ-за бѣлой, не доходившей до верха занавѣски на полу легли длинныя белесоватыя пятна луннаго свѣта.

Вотъ донесся протяжный гулкій ударъ колокола, отбивавшаго полночь, и глухо замеръ въ воздухѣ; вотъ другой, третій... Всѣ они одинъ за другимъ тонули въ тихомъ ночномъ воздухѣ...

Неслышно ступая босыми ногами, Дуня подошла къ окну и, вся дрожа отъ волненія, отдернула край занавѣски, – тамъ никого не было... Короткая лѣтняя ночь проходила. Было еще темно, но тамъ, вдали, на краю подернутаго сѣроватой мглой неба,—занималась узкая, свѣтлая полоска зари. По дорогѣ со скрипомъ медленно тянулись возы съ овощами къ

завтрашнему базарному дню; возлѣ возовъ шли молчаливые, сумрачные люди. Глубокій, таинственный покой ночи смѣнялся трезвымъ утреннимъ разсвѣтомъ. Просыпались люди, начиная свой ежедневный трудъ,—но въ сердцѣ Дуни не утихала тоска. Лишь къ утру она забылась тяжелымъ, полнымъ видѣній, сномъ.

III.

Слѣдующій день былъ праздничный. Дуня только что вернулась отъ обѣдни. Дарья, вся красная отъ жары и работы, вынимала пироги изъ печки; Степанъ у стола курилъ трубку; лицо у него было сумрачно: онъ не успѣлъ еще опохмѣлиться и чувствовалъ себя сильно не въ духѣ.

— Ну что, намолилась?—сказалъ онъ вошедшей въ комнату Дунѣ.

Она что-то пробормотала въ отвѣтъ.

— Обѣдня отошла, надо Гришку въ винную послать...

Онъ высунулся въ окно.

— Гриша, а Гриша!.. поди-ка сюда!.. Да подойди-ка хоть къ окну-то!.. На вотъ, возьми посудину, да сбѣгай въ винную, да смотри,—живѣй!..

Дарья метнула недовольный взглядъ въ сторону мужа, но ничего не сказала.

Дуня медленно сняла платокъ и пелеринку и все бросила на постель. Потомъ подошла къ окну, откуда виднѣлась пыльная улица съ группами одѣтыхъ по праздничному обывателей, и подумала о томъ, что когда-нибудь она не будетъ видѣть этого; что настанетъ время, когда она избавится и отъ убогой квартиры, и отъ пьяницы-отца, и отъ настойчиваго ухаживанія Семена. Какъ и когда это сдѣлается, Дуня не знала, но ея увѣренность, что это рано или поздно случится, была тверда.

Почему это случится? Да просто потому, что не ко двору она здѣсь, съ этими людьми, которыхъ она не любила и не жалѣла, по милости которыхъ переносила эту жизнь...

И снова страстное стремленіе къ счастью охватило ея существо... Ей хотѣлось новыхъ, яркихъ впечатлѣній, хотя она не сумѣла бы воплотить ихъ въ ясное представленіе...

Въ комнату вошла Дарья съ полотенцемъ въ рукахъ.

— Иди, сейчасъ садимся,—сказала она, крѣпко вытирая загорѣлое лицо съ рѣзкой бѣлизной висковъ и шеи, большею частью закрытыхъ платкомъ.

— Что-жъ ты не раздѣваешься? Аль цѣлый день въ этомъ платьѣ думаешь ходить?..

— Я на гулянье пойду...

— На гулянье?.. Съ кѣмъ-же это?

— Съ Полей...—отвѣтила, подумавъ, Дуня.

— Такъ-то такъ, а все же не годится наряды-то швырять... Какъ пришла отъ обѣдни,—швыркъ все на постель... Аль за тобой горничная есть прибирать-то?..

Дуня молча повернулась отъ окна, повѣсила на гвоздь пелеринку, а платокъ сунула въ сундукъ. Стоило-ли много заботиться объ этомъ? Когда-нибудь у нея будутъ наряды лучше и дороже этихъ...

Къ обѣду позвали и Семена, къ неудовольствію Дуни.

Надъ столомъ, накрытомъ ради праздника чистой скатертью, носился паръ отъ жирныхъ щей.

Семья сидѣла еще за первымъ блюдомъ, когда явился старый Осипъ.

— Здравствуйте, родные мои... Съ праздникомъ... хлѣбъ да соль!..—привѣтствовалъ онъ, перекрестившись по обычаю на икону.

Дарья искоса метнула на него глазами, не промолвивъ ни слова.

— Садись-ка, отецъ... Только что сѣли...

Старикъ бѣгло окинулъ своими юркими глазками столъ, медленно положилъ мѣшокъ на лавку, подвинулъ стулъ и сѣлъ. Лицо его было красно и лоснилось, точно вымазанное саломъ; глаза блестѣли; отъ него пахло виномъ.

Дрожащей рукой онъ взялъ налитую сыномъ рюмку и поднесъ ко рту.

— За обѣдней былъ у Ивана Крестителя...—началъ онъ, утеревшись рукавомъ.—Покойника тамъ отпѣвали, б-о-огатаго... купца Корнилова... Подачка намъ была: по пятачку на брата, да по пирогу за упокой души... Хе-хе-хе... Это богача-то вспомянуть... У него, можетъ, не одинъ милліонъ,—пожилъ, покойникъ, на бѣломъ свѣтѣ всласть... какъ-то теперь его грѣхи замаливать станутъ... Бывало, будни-ли, праздникъ-ли,—а у него въ хороминахъ чуть не до зари гости, музыка, угощенье всякое... А бѣднымъ всегда по субботамъ его приказчики семики раздавали... А вотъ теперь и—капутъ... Какъ-то на томъ свѣтѣ потанцуешь!.. Хе, хе, хе!..

— Да, всѣмъ намъ одинъ конецъ...—задумчиво молвилъ Степанъ,—богатъ-ли, бѣденъ-ли человѣкъ, а въ концѣ концовъ—четыре доски да три аршина земли!.. Ну-ка, выпьемъ, что-ли!..

— На добрыя дѣла жертвовалъ, храмы Божіи создавалъ, богадѣльню какую воздвигъ... Да попасть-то туда такъ же легко, какъ богатому въ царство небесное... Попробуй-ка, толкнись въ хоромину,—скажутъ,—прошенье подавай; подалъ,—лѣтъ десять жди вакансіи, а покамѣстъ,—

коли копѣйки на ночлегъ не добылъ,—подъ заборомъ валяйся...

— Ну ѣшь, а то щи простынутъ,—сказалъ Степанъ, желая прекратить озлобленное разглагольствованіе старика.

Осипъ умолкъ и принялся за ѣду.

Дуня съ презрѣньемъ смотрѣла на него. Старикъ ѣлъ съ жадностью, и до крайности неряшливо; жирныя щи брызгали у него изо рта, капали съ подбородка на грудь. Онъ громко чавкалъ челюстями съ гнилыми обломками зубовъ и шлепалъ губами; у Дуни пропали остатки аппетита, и она вышла изъ-за стола.

— Это еще что за мода? обѣдъ не конченъ, а ты выходишь?—замѣтилъ Степанъ.

Семенъ, желая отвратить грозу, заговорилъ о цѣнѣ на товаръ, и маневръ удался. Дуня глядѣла на часы, и по мѣрѣ того, какъ минута бѣжала за минутой,—ея волненье возрастало. Ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ, концы пальцевъ дрожали.

Какъ ей уйти, не возбудивъ чьего-нибудь вниманія? Что, если Семенъ или Гриша увяжутся за нею?.. Или,—что очень возможно, — Поля или Ариша вздумаютъ зайти за нею? Нѣтъ, надо идти, медлить дольше нельзя...

Она поспѣшно сняла съ гвоздя накидку, повязала платокъ и, взявъ зонтикъ, съ замирающимъ сердцемъ вышла изъ комнаты.

— Чай-то развѣ не станешь пить?—спросила ее мать.

— Нѣтъ, мама, не хочу я...—на ходу отвѣтила Дуня и поспѣшно захлопнула за собою дверь.

Минутъ десять спустя послѣ ея ухода, ушелъ и Семенъ.

— Что, Даша, скоро самоваръ-то поставишь?—спросилъ Степанъ.

— Вотъ соберу со стола и поставлю,—сухо отвѣтила Дарья.

Она была сильно не въ духѣ. Помимо присутствія старика, всегда раздражавшаго ее,—ее угнетала мысль о Дунѣ. Послѣднее время, вообще, ею все чаще овладѣвалъ страхъ за дочь, она не могла не видѣть съ каждымъ днемъ развивавшейся красоты Дуни, а вмѣстѣ съ тѣмъ ея задумчивости и постояннаго стремленія замкнуться въ себѣ.

— Что-то есть на умѣ у дѣвки... Того и гляди, натворитъ чего нибудь... О, Господи, спаси и помилуй...

Дарья волновалась тѣмъ сильнѣе, что ея опасенія за дочь имѣли реальную почву: для нея не было тайной взаимное тяготѣніе Дуни и Дятлова.

„Осрамитъ, осрамитъ, — думала она со скорбью. — Вотъ пошла гулять, сказала, что съ Полей, а кто ее знаетъ?

Дѣвка молодая,—долго-ли до грѣха?.. Случись что нибудь,—сраму не оберешься отъ людей... Ужъ на что бы лучше Семенъ,—тихій, смирный, работящій... Отдать бы замужъ—и съ рукъ долой,—заботы бы убавилось... Такъ нѣтъ, сердце, видно, не лежитъ... Да, можетъ, это такъ только, капризъ... Нельзя отъ такого жениха отказываться... Надо ее уломать"...

Изъ горькаго раздумья Дарью вывелъ шумный разговоръ за столомъ.

— Что еще тамъ? Опять, небось, старичишка что-нибудь задираетъ... Скверный...

И она вышла изъ-за перегородки. Отецъ и сынъ сидѣли за полуостывшимъ самоваромъ и вели, видимо, горячій разговоръ. Тутъ-же, разставивъ локти на столѣ и упершись подбородкомъ въ ладони, сидѣлъ Гриша, переводя внимательный взглядъ съ отца на дѣда.

— Что-жъ, по-твоему выходитъ, не надо учить Гришутку,—заговорилъ Степанъ, и по его блестѣвшимъ глазамъ и нервной игрѣ лица видно было, что онъ задѣтъ за живое.

— Конечно, напрасно... Знаетъ читать, писать—и довольно... Коли въ чердакѣ у него есть что-нибудь,—выйдетъ въ люди и безъ науки; а свихнется, такъ тутъ ничего не поможетъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу... Лучше бы ремеслу училъ.

— Ремеслу?!—вскричалъ Степанъ.—Это чтобы онъ помоему цѣлые дни спину гнулъ?.. Не хочу!..

И онъ бѣшено стукнулъ кулакомъ по столу; разнокалиберныя чашки жалобно и пугливо задребезжали.

— Не хочу я этого!.. Мой сынъ долженъ въ люди выйти, долженъ вровень съ другими сидѣть у стола, а не крохами питаться...

Старикъ залился долгимъ беззвучнымъ смѣхомъ, отъ котораго такъ и прыгали его морщины, глаза спрятались за припухшими вѣками, а острая сѣдая бороденка дрожала на подбородкѣ. Степанъ, весь блѣдный, смотрѣлъ на отца.

— Ахъ ты, забавникъ!.. Вотъ уморилъ меня... Ишь чего захотѣлъ,—наравнѣ съ другими!.. Да ты оглянись на себя... Ты скажи мнѣ: кто ты?.. Калачовъ... А весь нашъ родъ трухлявый... Всѣ мы смолоду кверху башку деремъ, людьми хотимъ быть, повыше, молъ, нашихъ родныхъ... А жизнь-то, сынокъ, возьметъ свое; она хитрая, мудреная... Сначала, быдто, погладитъ по головкѣ, а потомъ тебя по шапкѣ, да щелчокъ за щелчкомъ... Вотъ тебѣ, не забывайся, не тянись за другими, не гордись... Помни, что ты горсть земли — и больше ничего... И землею будешь... И я вотъ тоже мечталъ не плоше тебя, а теперь, вотъ видишь, рабъ Божій Осипъ — и нагъ, и босъ, и бываетъ время — подъ

заборомъ ночую... А ты—на, сына въ училище гоняешь; у тебя и газета водится, и книжечки какія-то,—въ небеса смотришь, хе, хе, хе!.. Отецъ-то мой, молъ, пьяница, бродяга, а я—лучше его; жену не колочу, вину знаю мѣру, книжки умныя читаю. Ахъ ты дурракъ неразумный!.. Такъ больше отца хочешь быть?.. Аль думаешь отъ своей доли уйти?.. Нѣ-ѣтъ, сынокъ, не уйдешь... Живи, какъ Богъ судилъ, не то сгинешь, какъ былинка; не сносишь головы,—больно тяжела будетъ...

Онъ стукнулъ худымъ кулакомъ по столу...

Старикъ вошелъ въ азартъ: онъ больше не хихикалъ; глаза его блестѣли злобой, сухія желтыя губы дрожали.

Степанъ, съ блѣднымъ возбужденнымъ лицомъ и мрачно сверкавшими глазами, молча слушалъ злобную, брызгавшую слюной, рѣчь старика.

Дарья, до сихъ поръ молча слушавшая споръ, не выдержала.

— Полно браниться тебѣ, старикъ!.. Что тебѣ человѣкъ сдѣлалъ?.. Приходишь только затѣмъ, чтобы браниться да безобразничать.. Только Степана разстраиваешь... Аль тебѣ завидно, что ему по-своему жить хочется?.. Ишь ты какой...

Старикъ, видимо, опѣшилъ отъ неожиданнаго вмѣшательства невѣстки, но это продолжалось лишь съ минуту.

— Ишь, заступница нашлась... Боишься, что я обидѣлъ его? Твое-ли дѣло мѣшаться въ разговоръ мужиковъ... Не я твой мужъ,—а то бы указалъ тебѣ мѣсто... Какъ не живи онъ, а отца завсегда почитать и слушать должонъ... Помнишь: чти отца твоего и матерь твою? А?..

— Видно, ты часто указывалъ своей женѣ, что она ушла отъ тебя?—съ злорадствомъ сказала Дарья.

Ея слова попали въ больное мѣсто старика; онъ какъ-то захлебнулся, затрясся, жилы на вискахъ вздулись. Онъ крѣпко выругался.

— Ушла!.. Такимъ не мѣсто въ дому бѣднаго, честнаго человѣка... А ты много знаешь? Можетъ, я самъ прогналъ ее...

— Будетъ вамъ,—твердо сказалъ Степанъ, поднявъ низко склоненную голову.—Не спорь, Даша... Зачѣмъ эта злоба, брань?.. И то тяжело жить, а вы еще...

— А, жить тяжело?..—подхватилъ старикъ..—А зачѣмъ высоко голову дерешь?.. Живи проще, не мечтай, слушай отца,—отецъ тебѣ худа не пожелаетъ.

— Оно и видно,—негромко замѣтила Дарья.

— Выпей-ка рюмку, отецъ,—сказалъ миролюбиво Степанъ, протягивая руку къ бутылкѣ.

Старикъ выпилъ съ жадностью. Его сморщенное темное

лицо на мгновеніе освѣтилось выраженіемъ наслажденія; немного погодя, глаза посоловѣли, губы отвисли и голова качнулась на бокъ.

— Можетъ, соснуть хочешь?—заботливо сказалъ Степанъ.

— Что-жъ, я, пожалуй, вздремну, — согласился старикъ, съ трудомъ поднимаясь съ мѣста.

Степанъ положилъ на лавку одѣяло, подушку, помогъ старику лечь,—и черезъ минуту громкій храпъ далъ понять, что старикъ уснулъ.

— Слава Богу, угомонился,—сказала Дарья, сердито глядя на спящаго.—Ишь разошелся, старый, ровно въ своемъ домѣ...

— Будетъ тебѣ, — сурово замѣтилъ Степанъ. — Брань на вороту не виснетъ... Выпилъ лишнее, ну и взбудоражился.

— Выпилъ лишнее!.. А зачѣмъ ты его подчивалъ?

— Ну что-жъ, жалко тебѣ, что-ли?. Одна отрада у старика—водка... И надо стерпѣть, коли что и непріятное скажетъ... Можетъ, и жить-то ему недолго осталось...

— Да, какъ же, насъ съ тобой переживетъ...—проворчала Дарья.

— Одинокій онъ; мы вотъ съ тобой хоть небогаты, да живемъ семьей, надѣемся на лучшее, а у него что? старость да могила впереди.

— У всѣхъ будетъ старость да могила... А кто виноватъ, что жена на третій годъ бросила его?.. „Науки“, видно, не выдержала... Да что толковать, одно слово—вредный старикъ... Ну, я къ Никитишнѣ на полчасика забѣгу, а то съ вами сидѣть—тоска возьметъ...

Дарья ушла. Степанъ неподвижно, склонивъ голову, сидѣлъ у стола.

Смутное, тяжелое настроеніе все сильнѣе овладѣвало имъ; одна за другою проносились въ его головѣ мрачныя мысли; злобныя слова стараго нищаго, по обыкновенію, сдѣлали свое дѣло; онъ чувствовалъ, какъ съ неуклонной послѣдовательностью приближается къ нему что-то большое, темное и безобразное, обволакивая его душу. Это ощущеніе все чаще охватывало его въ послѣднее время. Это былъ страхъ передъ жизнью, передъ ея неожиданными случайностями, опасеніе за любимыхъ существъ... Не умѣя ни разобраться въ охватившемъ его настроеніи, ни бороться съ нимъ, Степанъ зналъ лишь одно лѣкарство—водку, къ которой и прибѣгалъ въ этихъ случаяхъ.

„Родъ нашъ трухлявый“,—вспомнилось ему, — неужели это правда?..

И какъ бы въ подтвержденіе словъ отца, ему припомнилось, что дѣдъ его по отцу, слесарь Антипъ, былъ горчайшій пьяница и, въ концѣ-концовъ, умеръ подъ заборомъ.

Сынъ его Тихонъ пилъ смолоду и въ припадкѣ бѣлой горячки зарѣзалъ жену; сестра его и Осипа — Анисья — женщина вполнѣ опустившаяся, о которой родные не говорятъ.. А его отецъ? Сначала, правда, онъ былъ хорошимъ, дѣльнымъ ремесленникомъ, но потомъ, съ тѣхъ поръ, какъ его бросила жена послѣ двухлѣтней совмѣстной жизни—онъ началъ пить и въ концѣ-концовъ опустился до степени бездомнаго профессіональнаго нищаго. Всѣ родные со стороны отца—горькіе пьяницы...

Степанъ похолодѣлъ. Его охватилъ ужасъ. Неужели-же и онъ, и его дѣти осуждены на гибель?.. Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть... Онъ не погибнетъ... напасть не коснется его семьи... Вретъ старикъ, озлобленъ онъ на жизнь, на людей, вотъ и шипитъ на всѣхъ... Погруженный въ тяжелое раздумье, Степанъ забылъ, что онъ не одинъ, что изъ дальняго угла на него въ упоръ глядятъ темные глаза.

Гриша не уходилъ изъ комнаты, но когда старика уложили спать, онъ ушелъ въ дальній уголъ. Его дѣтскій умъ упорно работалъ надъ различными, волновавшими его вопросами, на которые впервые навелъ его горячій споръ между отцомъ и дѣдомъ. Онъ видѣлъ, какъ все ниже и ниже подъ тяжестью мрачныхъ думъ опускалась голова отца, и, не будучи въ состояніи владѣть больше своимъ любопытствомъ, мальчикъ подошелъ къ отцу.

— Тятя, что-жъ это такое дѣдушка про насъ толковалъ?..

Степанъ вздрогнулъ и дико уставился на сына; ему показалось, что вопросъ предложилъ кто-то незримый, угадавшій его мысли.

— Развѣ ты тутъ?—глухо спросилъ онъ.

— Я тутъ былъ,—отвѣтилъ Гриша, съ изумленіемъ глядя на отца.

Степанъ медленно провелъ рукой по лбу, покрытому холоднымъ потомъ, и понемногу пришелъ въ себя.

— Какъ ты меня испугалъ...

— Ну, что жъ такое говорилъ дѣдушка?—повторилъ сгоравшій отъ любопытства и нетерпѣнія Гриша.

— Брось это, Гришутка, не понять тебѣ... Вздорное дѣдъ говорилъ; видалъ, небось, что онъ выпивши... — медленно и спокойно говорилъ Степанъ, словно приходя въ себя послѣ тяжелаго сна. — А я тебѣ вотъ что, Гриша, скажу... Учись хорошенько, баловство всякое брось; выростешь, выйдешь въ люди—самъ отцу спасибо скажешь... Ученье, грамота — великое дѣло... Оно свѣтъ въ душу вноситъ... Я вотъ мало учился, — вотъ потому и гну горбъ надъ чужими обутками; а душа свѣта проситъ,—охъ, какъ проситъ. Оттого и скучно, и тоскливо бываетъ мнѣ...

Гриша внимательно слушалъ отца, въ первый еще разъ говорившаго съ нимъ такъ; онъ никогда не слыхалъ прежде этого растроганнаго, полнаго чувства, голоса...

— А теперь, Гришутка, иди на улицу, поиграй, побѣгай; чего тебѣ наши рóзсказни слушать да голову надъ ними ломать...

Гриша медленно отошелъ отъ стола, но потомъ оглянулся на отца.

— Ну, что тебѣ?.. На орѣхи, что-ли, дать?..

— Тятя, дай мнѣ пятачокъ... Пашка часы разыгрываетъ, по пятачку билетъ, такъ я билетикъ хотѣлъ взять...

— Ишь ты, часовъ захотѣлъ,—замѣтилъ съ добродушной усмѣшкой Степанъ.—Ну нà, возьми... Только напрасно деньги бросишь,—не выиграешь вѣдь...Лучше-бы орѣховъ купилъ...

Гриша ушелъ, а Степанъ съ грустью смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Онъ питалъ какую-то болѣзненную привязанность къ сыну; ему нравились въ немъ бойкость, жизнерадостность, избытокъ кипѣвшихъ въ немъ силъ; Гриша служилъ цѣлью, оправданіемъ его собственной, незадавшейся жизни, полной ненужной сутолоки, тоски, ежедневной заботы. Гришѣ Степанъ прощалъ дерзость и грубость, все чаще и сильнѣе проявлявшіяся въ мальчикѣ.

И надо замѣтить, Гриша отлично зналъ слабость отца и всегда угадывалъ удобную минуту, когда можно подойти къ отцу съ какой-нибудь просьбой.

Тѣмъ не менѣе, отецъ плохо зналъ сына; правда, Гриша часто спрашивалъ объясненія отца о томъ или другомъ заинтересовавшемъ его предметѣ; правда, не сморгнувъ, слушалъ его разсужденія,—но сердце и душа его были ревниво закрыты отъ родныхъ. Гриша, какъ губка, воспринималъ въ свою душу впечатлѣнія окружающей его жизни, но самъ не любилъ дѣлиться своими наблюденіями; онъ никогда не ласкался ни къ отцу, ни къ матери, что не мало огорчало Степана.

— Лѣта такія у него; въ это время всѣ мальчишки грубые да озорники бываютъ; выравняется—тогда и отца станетъ жалѣть, и поласковѣе будетъ...

Старикъ зашевелился на лавкѣ, засопѣлъ и, приподнявшись, обвелъ комнату мутнымъ взоромъ.

— Никакъ совсѣмъ смерклось... Эва, какъ я долго спалъ...

Онъ равнодушно, мелькомъ взглянулъ на сына и сталъ торопливо искать свой мѣшокъ.

— Ну, прости, Степа, покуда,—сказалъ онъ, взявъ палку въ руки и нахлобучивая картузъ.

— Прощай, отецъ...

Въ комнатѣ снова водворилась глубокая тишина; густыя

сумерки все больше обволакивали предметы. Издали, съ улицы, доносились голоса, обрывки разговоровъ, разгульные возгласы.

Тоскливое, жуткое чувство съ силой охватило Степана; ему страшно стало своего одиночества; казалось, что всѣ проявленія жизни гдѣ-то тамъ далеко отъ него, и онъ заброшенъ здѣсь, въ этой темной, какъ могила, комнатѣ.

Казалось, будто что-то страшное и грозное по своей неизбѣжности зорко подстерегаетъ его...

Ему страстно захотѣлось видѣть людей, слышать ихъ разговоры, суету, движенье,—и онъ вышелъ на улицу.

Было душно. Проносившійся порою со стороны рѣки вѣтерокъ не освѣжалъ воздуха, все еще, казалось, пропитаннаго дневнымъ зноемъ и пылью. На темномъ небѣ кой-гдѣ слабо мерцали звѣзды.

На улицѣ еще не затихло праздничное оживленіе; у воротъ группами сидѣли обыватели, дѣлившіеся своими тусклыми, сѣрыми дневными впечатлѣніями. Кой-гдѣ слышались звуки гармоники, смѣхъ, веселые возгласы. Изъ ближайшаго трактира доносились хриповатые звуки органа, наигрывавшаго какой-то вульгарный мотивъ; вотъ пьяный, охрипшій голосъ подхватилъ его и далеко разнесся по улицѣ...

Такъ веселилось населеніе Марьиной слободки,—обитатели жалкихъ домишекъ, отдыхавшіе въ праздникъ отъ ежедневнаго скучнаго труда... Быстро идетъ впередъ жизнь, до безконечности мѣняя свои разнообразныя формы; время разрушаетъ сѣрые невзрачные домишки, воздвигаются другіе; новые пути прокладываются по непроходимымъ, глухимъ мѣстамъ, а устои Марьиной слободки все тѣ-же, что были 15—20 лѣтъ тому назадъ... И Богъ знаетъ, сколько еще времени пройдетъ, пока лучи свѣта проникнутъ за мутно-зеленоватыя стекла покривившихся лачугъ и разгонятъ тамъ сѣрыя сумерки... А издали глухимъ рокотомъ доносится шумъ большого города, гдѣ лихорадочно работаетъ человѣческая мысль, гдѣ съ неуклонной послѣдовательностью пробивается впередъ прогрессъ, блестящимъ метеоромъ пронизывая тьму ночи...

Этотъ шумъ жизни доносился въ слободку лишь въ видѣ неясныхъ звуковъ, пробуждая смутную тревогу въ обитателѣ сѣраго домишка... Степанъ сидѣлъ на скамьѣ, устремивъ прямо предъ собой неподвижный взоръ.

Темнота вечера, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовала его тяжелому настроенію. Онъ чувствовалъ себя маленькимъ и слабымъ, безсильнымъ бороться противъ того большого, страшнаго и темнаго, что медленно надвигалось на него... Злобныя слова бросили мрачный свѣтъ на то непонятное ощущеніе,

что давно уже смутно бродило въ его душѣ, что мѣшало спокойно отдаваться труду.

Онъ взглянулъ на небо, инстинктивно ища въ немъ поддержки, ободренія, помощи,—но оно было такое холодное, непроницаемое. Медленно ползли одна за другою мрачныя, уродливыя тучи, заслоняя собою маленькія, безстрастно мерцавшія звѣздочки...

И зловѣщій страхъ все сильнѣе овладѣвалъ Степаномъ, и все больше онъ казался себѣ жалкимъ, маленькимъ и безсильнымъ отвратить неизбѣжное...

. . . .

Дарья поспѣшно возвращалась домой. Подходя къ калиткѣ, она замѣтила на скамейкѣ согнувшуюся фигуру, не то дремавшаго, не то крѣпко задумавшагося человѣка.

— Степа!.. ты, что-ли?..—окликнула она, всматриваясь.

— Я...—глухо отвѣтилъ онъ.

Онъ всталъ и медленно пошелъ за нею.

Молча прошли они дворъ, темноту котораго прорѣзывали двѣ длинныхъ полосы свѣта изъ оконъ квартиры бахромщицъ.

Тревожно замирало сердце Дарьи. Нѣсколько разъ она хотѣла спросить мужа о Дунѣ и не рѣшалась. Однако, видъ неосвѣщенныхъ оконъ убѣдилъ ее, что Дуня еще не возвращалась.

Сердце Дарьи тоскливо сжалось; предположенія, одно мрачнѣе другого, приходили ей въ голову.

„И отчего ее до сихъ поръ нѣтъ?.. Пора-бы возвратиться... Ушла вѣдь съ самаго обѣда... Никогда, помнится, такъ не запаздывала...“

Мимо окна прошелъ кто-то, ухарски насвистывая, и немного погодя въ комнату вошелъ Гриша.

Степанъ молча сидѣлъ за столомъ, вперивъ въ уголъ мрачный, сосредоточенный взглядъ.

Дарья гремѣла заслонкой, подавая ужинъ. Обоимъ, занятымъ своими мыслями, не хотѣлось говорить.

Сѣли ужинать; мужъ и жена, видимо, по привычкѣ отдавали дань заведенному порядку, хотя ни тому, ни другой не хотѣлось ѣсть. Одинъ лишь Гриша съ аппетитомъ уписывалъ щи, отъ поры до времени бросая пытливые взгляды на хмурыя, озабоченныя лица отца и матери. Отъ его худого, нервнаго лица, съ блестящими, возбужденными глазами, и подвижной фигуры такъ и отдавало суетливой жизнью улицы...

— А гдѣ-же Дуня-то?..—вдругъ спросилъ Гриша, нарушая царившее молчанье.

„Вотъ поганецъ - то“!.. мысленно выбранилась Дарья, украдкой взглянувъ на хмурое лицо Степана.

Онъ очнулся отъ думъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ она?..

— Да не приходила еще съ гулянья... Скоро, должно, придетъ...—робко отвѣтила Дарья, кинувъ злобный взглядъ на Гришу.

— На гуляньи?.. Съ кѣмъ-же это?

— Съ подругами, съ кѣмъ больше-то... Можетъ, и въ гости къ кому зашла... Нельзя-же дѣвкѣ не повеселиться...

— А все-же надо знать время, когда веселиться... Не годится это... Что балуешь дѣвчонку?..

Дарья сочла за лучшее молчать.

Послѣ ужина Степанъ и Гриша улеглись спать. Дарья, убравшись по хозяйству, сѣла у окна и ждала. Тоскливо и медленно тянулись минуты ожиданія.

„Господи, не случилось-ли съ ней чего?..“ мелькала тревожная мысль, и сердце тоскливо замирало.

Вотъ съ Кладбищенской колокольни раздались густые, тягучіе удары.

Одиннадцать часовъ, а Дуни все нѣтъ...

И она напрасно смотрѣла въ темноту ночи съ рѣдкими, тускло мерцавшими фонарями. Вотъ прошла съ гармоніею толпа уличныхъ гулякъ съ громкой, веселой пѣснью; вотъ дальше уносятся звуки пѣсни и, наконецъ, — все смолкло...

А мысли бѣгутъ, бѣгутъ...

Что это?.. Невдалекѣ, по дорогѣ, слышенъ стукъ колесъ извозчичьей пролетки... Въ слободкѣ это большая рѣдкость... Вотъ она остановилась, видимо, у воротъ... Чу!.. разговоръ, шаги... вотъ ближе, ближе...

— Дуня!..—чуть не крикнула Дарья, прижавъ обѣ руки къ сердцу.

Она хотѣла бѣжать, встрѣтить, но ноги отказались слушаться... Еще нѣсколько томительныхъ минутъ.

Чуткое ухо различаетъ осторожные шаги въ сѣняхъ, и какая-то посторонняя сила поднимаетъ Дарью съ мѣста. Она отперла дверь, и Дуня быстро вошла въ комнату.

Дарья молча, дрожащими руками, зажгла огонь и вслѣдъ за Дуней пошла за перегородку.

Дуня, не раздѣваясь, какъ-то устало опустилась на стулъ.

— Что-жъ ты дѣлаешь съ нами, а?..—тихо вырвалось у Дарьи.

Что-то особенное, непонятное было въ молчаньи Дуни, и Дарья, не бросивъ больше ни одного упрека, тихо отошла прочь.

IV.

Прошло около двухъ недѣль.

Жизнь семьи снова вошла въ свою колею. Смерть ребенка и сопряженная съ нею масса хлопотъ лишь ненадого всколыхнули сѣрые, полные заботъ и засасывающей суеты, будни, и вновь побѣжали одинъ за другимъ дни, однообразные, тоскливые, снова потекла жизнь, направленная на удовлетвореніе насущныхъ потребностей.

Принялся за работу и Степанъ. Минутный подъемъ возмущеннаго духа, проявившись у него во время поминокъ, безслѣдно угасъ, смѣнившись усталостью, упадкомъ нервовъ, энергіи.

Много работы накопилось у Степана; за скамьей, въ углу, громоздилась груда сапогъ и ботинокъ самаго безнадежнаго вида, настоятельно требовавшая починки.

Обитатели Марьиной слободы носили обувь самымъ добросовѣстнымъ образомъ; изъ вещи извлекалась польза, пока была хоть какая-нибудь возможность, а потомъ она выкидывалась вмѣстѣ съ отбросами или же, смотря по практичности владѣльца, сбывалась за гроши старьевщику. И вотъ, Степану надо было изощрить все свое искусство, чтобы изъ негоднаго сапога сдѣлать нужную вещь.

Вставъ часовъ въ шесть, Степанъ, послѣ чаю, принимался за работу. Дарья въ это время топила печь и готовила незатѣйливый обѣдъ; Дуня уходила въ мастерскую; исчезалъ изъ дому и Гриша, широко пользовавшійся лѣтними каникулами, и мужъ съ женой оставались одни.

Иногда они обмѣнивались незначительнымъ разговоромъ; иногда же Степанъ, если бывалъ въ духѣ, затягивалъ пѣсню. Пѣлъ онъ сначала тихо, но потомъ, незамѣтно для себя, все больше увлекаясь звуками собственнаго голоса, давалъ ему полную волю.

Громче и громче разливался этотъ звучный, полный затаенной тоски, голосъ, и тѣсно ему было въ неровныхъ, покрившихся стѣнахъ комнаты, а неудержимая, за сердце хватавшая тоска искала выхода...

Дарья за своей печкой, затаивъ дыханіе, слушала пѣсню; что-то поднималось у ней къ горлу, и глаза невольно застилались слезой... И еще тяжелѣе, еще безотраднѣе казалась жизнь...

— Эхъ,—скажетъ иногда Степанъ,—и для чего мы, собственно, живемъ?.. Трудимся, плодимся... Для чего?..

— Эка, что молвилъ... Всѣ такъ живутъ: пьютъ, ѣдятъ, работаютъ, а потомъ...

— Что потомъ?..

— Потомъ умрутъ, — извѣстно... А послѣ нихъ будутъ жить другіе...

— Знаю я это... — съ тоской говорилъ Степанъ. — И вотъ не пойму: зачѣмъ это?.. Кому это надобно?.. Ну что прибудетъ или убудетъ на свѣтѣ отъ того, что я живу, а потомъ умру?..

— Стало быть, это Богомъ устроено, и нечего надъ этимъ голову ломать.

— Мало ли что!.. А вотъ меня это безпокоитъ... я хочу знать...

— Да ну тебя, отстань!.. — отмахивалась нетерпѣливо Дарья. — Съ тобой говорить — только тоску на себя наводить...

Степанъ умолкалъ, но его мозгъ работалъ усиленно, съ какой-то болѣзненной настойчивостью. Одна за другой роились мысли, до сихъ поръ не приходившія ему въ голову. Необходимость жить по заведенному порядку и невозможность что-либо измѣнить въ немъ возмущали его, и страстная тоска охватывала его; все ему тогда становилось ненавистнымъ: жизнь, окружающее и особенно его ремесло. Степанъ мучительно ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ: какимъ образомъ сдѣлать свою жизнь осмысленнѣе, чтобы она не сводилась къ одной заботѣ о кускѣ хлѣба?..

Изрѣдка случалось, что Степанъ дня два, три подрядъ не принимался за работу; какое-то озлобленное равнодушіе находило на него. Онъ покупалъ номеръ газеты и съ жадностью принимался читать, страстно желая найти отвѣтъ на свой вопросъ; но газета, отвлекая его отъ тоски, не давала желаннаго отвѣта.

— Никакъ праздникъ сегодня, что ты не работаешь?.. — замѣчала ему Дарья.

— Нѣтъ... праздника, кажись, нѣтъ, а такъ, руки что-то не ходятъ... Эхъ, Даша, какъ бы хорошо вотъ хоть недѣльку, другую не работать... Вотъ такъ бы сидѣть и думать...

Дарья молча глядѣла на него минуты двѣ.

— Ничего, губа-то, видно, у тебя не дура... Можетъ, мѣсяцъ-другой еще лучше не работать... Нѣтъ, Степушка, не про насъ это... Отдыхъ господамъ надобно предоставить...

— Господамъ!.. Да чѣмъ я хуже ихъ?.. — возмущенно говорилъ Степанъ. — Тѣмъ, что не учился, не могу столько заработать, сколько они... Да вѣдь моя-то душа тоже нуждается въ отдыхѣ, разнообразіи, что ли... Это только волъ можетъ работать, пока духъ изъ кожи вонъ...

— Говори тамъ... Вотъ накопи денегъ, да и устрой жизнь получше... Да на винище меньше трать...

— Ну ты, молчать!.. Тебѣ только дай волю!..—сверкнувъ глазами, говорилъ Степанъ.

— То-то, молчать!.. Правда глаза колетъ...

Практичная, чуждая душевныхъ порывовъ, Дарья не понимала тоски и безпокойства, находившихъ внезапно и, повидимому, безпричинно на мужа. Она все въ жизни измѣряла на свою мѣрку и сообразно съ нею дѣйствовала и дѣлала свои выводы.

— Эхъ-ма!..—говорилъ иногда Степанъ,—и къ чему это я женился?.. Такъ вотъ, здорово живешь, свалялъ дурака...

— Вона, когда вздумалъ каяться, — съ принужденной усмѣшкой возражала Дарья, — спустя лѣто по малину... А что-жъ ты сталъ бы дѣлать безъ жены да безъ семьи?..

— Ну женъ-то я, положимъ, сколь угодно найду... Чего другого, а бабъ...

— А, вонъ что, — говорила Дарья, задѣтая за живое:— что-жъ, окрутила бы тебя какая-нибудь да и помыкала бы тобой всю жизнь... Человѣкъ ты безхарактерный, слабый, за тобой нуженъ уходъ, какъ за дитей, а то въ грязи и въ голодѣ насидишься...

— Не такой я раньше былъ... Одна голова, говорятъ, не бѣдна; не было бы заботы, пошелъ бы странствовать... посмотрѣлъ бы, какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ; да есть ли доля да счастье вотъ такимъ, какъ мы...

Дарья съ досадой махала рукой.

— Говори тамъ... ишь странникъ!.. Много такихъ - то шляются по бѣлому свѣту, счастья — доли ищутъ... Такъ вѣдь тѣ люди пустые, отъ ремесла всякаго отбились, ну и бродятъ; небось, всякому бѣдняку, который уголъ да кусокъ хлѣба имѣетъ, завидуютъ...

Степанъ смотрѣлъ на полную, статную фигуру жены, на ея блестящіе глаза и возбужденное лицо и, усмѣхаясь, говорилъ:

— Ну, конечно, конечно... Вотъ мнѣ, небось, всякій бродяжка позавидуетъ: баба у меня аккуратная, хлопотливая, хоть куда... Такъ вѣдь?..

— Да ужъ заговаривай зубы... — полусердито говорила Дарья, но по искрящимся глазамъ и выраженію лица видно было, что досада ея проходитъ.

Вообще, Дарья не могла долго сердиться на мужа. Неумѣвшій устроиться въ жизни такъ, какъ ей хотѣлось, безпокойный, вѣчно томимый какимъ-то непонятнымъ ей стремленіемъ, онъ часто казался ей страннымъ, недоступнымъ для нея,—и всетаки она любила его за вспышки, за силу,

за то, что онъ умѣлъ, не смотря на кажущуюся безхарактерность, держать ее въ рукахъ. И вотъ около двухъ десятковъ лѣтъ они шли рука объ руку по трудной дорогѣ жизни и, не смотря на несходство натуръ, умѣли находить общіе интересы и цѣнить другъ друга.

Съ того самого вечера, какъ Дуня вернулась съ гулянья, Дарья переживала тяжелые дни.

Дуня, какъ раньше, въ обычное время уходила въ мастерскую, попрежнему была молчалива и скрытна, но мать инстинктомъ понимала, что въ жизни Дуни совершился какой-то переломъ; тысячи неуловимыхъ мелочей говорили ей объ этомъ.

И то, что Дуня иногда исчезала изъ дома вечеромъ,— только лишній разъ подтверждало подозрѣнія бѣдной женщины и усиливало ея зловѣщее предчувствіе.

И вотъ, когда уже болѣе не оставалось сомнѣній, ею овладѣло отчаяніе. Ей казалось, что происходитъ что-то ужасное, непоправимое, и она украдкой горько и неутѣшно плакала.

Она была увѣрена, что Дуня теперь погибла, и ждала ужасныхъ послѣдствій.

— Довертится, непремѣнно до худого довертится, — думала она про себя.—Пропадетъ дѣвка ни за грошъ.

Дарьѣ было тѣмъ тяжелѣе, что не съ кѣмъ было подѣлиться своей тревогой.

Разъ, когда Дуня вернулась изъ магазина часа на два позже обыкновеннаго, Дарья, воспользовавшись минутой, когда онѣ были однѣ, попробовала заговорить съ дочерью.

— Дуня... Что-жъ ты это дѣлаешь-то? А?

Дуня изъ-подлобья взглянула на мать.

— Что дѣлаю? Ничего...—угрюмо отвѣтила дѣвушка.

— Да что ты?—вскипѣла внезапно Дарья.—Аль мать-то дурой совсѣмъ считаешь?.. Вижу вѣдь я... Охъ, дочка, остановись, пока не поздно, а то много горя увидишь, да и отцу съ матерью принесешь...

Дуня быстро взглянула на мать; въ первое мгновеніе рѣзкій отвѣтъ готовъ былъ сорваться съ ея губъ и замеръ: что-то жалкое, хватающее за сердце было въ лицѣ Дарьи, чего Дуня до сихъ поръ ни разу не замѣчала у нея.

— Мама!..—промолвила Дуня дрожащимъ голосомъ, но мать махнула рукой и, поникнувъ головой, отошла отъ нея.

Дуня стояла неподвижно. Что могла сказать она матери? Что она безмѣрно счастлива, что ни на что не промѣняетъ своего счастья, и ни о чемъ не думаетъ и не боится... Но, развѣ мать поняла бы ее?..

С. Лесскисъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТЕПКА.

(Разсказъ).

I.

На станціи ждали прибытія поѣзда. У кассы III класса толпился народъ.

— Долго чавой-то билетовъ-то не даютъ, кабы не опоздать!—говорила баба въ полушубкѣ другой бабѣ, привязывая къ мѣшку огромные стоптанные сапоги, подбитые гвоздями.

— Поспѣешь, милушка, народу-то не такъ што бы,—отвѣтила та.

Въ сторонѣ, прижавшись къ стѣнкѣ, стоялъ блѣднолицый, обтрепанный парнишка лѣтъ тринадцати, съ бѣлокурыми жидкими волосами, торчащими изъ-подъ рваной шапки, и тревожно слѣдилъ глазами за толпой у кассы.

Наконецъ, открылось окошечко, защелкала машинка кассира, толпа задвигалась, зашаркала, затопала ногами по полу, переливаясь отъ кассы къ запертымъ дверямъ, ведущимъ на платформу.

Пронзительный свистокъ прорѣзалъ сырой тяжелый воздухъ, и къ станціи съ лязгомъ и грохотомъ подкатилъ поѣздъ.

Толпа прорвалась въ только что открытыя двери и бѣгомъ бросилась къ вагонамъ.

— Эй, вы, кавалеры, проходи дальше! Дальше, говорю, проходи!—крикнулъ имъ кондукторъ, и сѣрые кавалеры съ мѣшками за плечами послушно побѣжали дальше. За ними, не отставая, бѣжалъ и парнишка.

— Дунька, идешь, што ли?—крикнулъ на ходу мужикъ.

— Ну, а што жъ?—откликнулась, шагая за нимъ, баба, согнувшись подъ ношей.

Толпа, напирая другъ на друга, полѣзла въ задній вагонъ.

Въ вагонѣ расползался ѣдкій дымокъ махорки. Было душно и тѣсно. Гдѣ-то въ углу, надрываясь, кричалъ ребенокъ, слышалось галдѣнье нѣсколькихъ голосовъ, дружеская ругань и раскатистый смѣхъ.

— Эй, Явдоха, вали сюды! Эвонъ мѣстовъ-то сколь!— обрадовался мужикъ, сбрасывая съ плеча котомку на лавку.

— Занято, занято! Нѣшто не видишь: котомки положены!— крикнулъ сверху сѣдой старикъ, и свѣтлые добродушные глаза его какъ будто улыбались изъ-подъ нависшихъ бровей.

— А намъ плевать на твои котомки! Человѣковъ нѣтъ,— значитъ, слободно.

— Значитъ—пристяжная скачетъ! Будетъ еще слободнѣе, какъ тебя по загривку отселя. Здѣсь потеряешь, въ другомъ мѣстѣ прозѣваешь. Вотъ тѣ и выйдетъ слободно!

— Чаго по загривку, мы чай такіе же капиталы платили, какъ и другіе прочіе!

— Ну, такъ и требуй мѣста, а на голову другому не лѣзь.

— Кому это? Тебѣ, што ли? Чай и самъ въ три погибели согнумшись, однѣ ноги болтаются!

— Ну, ну, проваливай!

И мужикъ съ бабой снова схватили свои котомки и побрели дальше. Парнишка, шедшій за ними, остановился, быстро оглянулся, какъ-то жалко-растерянно улыбнулся старику, глядѣвшему на него сверху, и вдругъ безшумно припалъ къ полу и въ одно мгновеніе подползъ подъ лавку.

— Эко, дѣло-то какое! Заяцъ!—покачалъ головою старикъ, покосился на галдѣвшихъ пассажировъ слѣва, на бабу, сидѣвшую напротивъ, уткнувшуюся въ окошко и съ кѣмъ-то переговаривавшуюся во всю глотку.

„Не видали! Ну и ладно! Я тоже не видѣлъ... Эхъ, глупый!"... оборвалъ онъ свою мысль, проворно слѣзая на полъ. Онъ осторожно заправилъ предательски высунувшійся наружу уголъ ватной кацавейки и прошелся по вагону, украдкой заглядывая подъ лавку: „ничего, убрался ловко!"... подумалъ онъ и снова забрался на свое мѣсто, подъ потолокъ.

Раздался звонокъ. Въ вагонъ торопливо входили пассажиры. Вбѣжала баба съ жестянымъ чайникомъ въ рукахъ и усѣлась на лавку, подъ которой лежалъ мальчуганъ. Съ нею рядомъ помѣстился подкутившій мастеровой.

— Ну что, молодки, чай стосковались по мнѣ?—обратился онъ къ бабамъ.

— Какъ, поди, не стосковаться по экому красавчику, мотри, харя-то какими вавилонами расписана!

— То-то и оно-то!—ухмыльнулся мастеровой, облизывая губы,—эхъ вы бабы, бабы, взять бы васъ всѣхъ за хвостъ да объ мостъ, потому что мущинскому сословію жить мѣшаете... А ты, поштенный, все спалъ?—повернулся онъ къ старику.

— Ну, што жъ, больше спишь—меньше грѣшишь. Спокойнѣе. На каждой станціи выскакивать не надо.

— И мнѣ теперича не надо, потому—во!—мастеровой показалъ на горлышко бутылки, торчавшей изъ кармана.

А поѣздъ уже шелъ полнымъ ходомъ. Подъ лязгъ и грохотъ его раздавался людской говоръ и смѣхъ.

Завизжала гармоника, но проходившій кондукторъ прикрикнулъ на музыканта. Гармоника свирѣпо рявкнула и замолкла.

— Спрашивается, чаво нельзя-то? Не-е-льзя! А чаво нельзя?..—прорывался изъ общаго гула хриплый протестующій голосъ.

Летитъ поѣздъ, летитъ впередъ, а съ нимъ вмѣстѣ летитъ и время. Въ вагонѣ полумракъ и еле мелькаютъ тусклые огни фонарей. Пассажиры утихомирились, скорчились кое-какъ на лавкахъ, между своими мѣшками. Какой-то молодецъ растянулся на полу, головой подъ лавку, ногами подъ другую и храпитъ во всю ивановскую.

Хлопаютъ двери. Несетъ холодкомъ по вагону. Идутъ кондуктора.

— Билеты, билеты приготовьте, эй, вы!—громко выкрикиваетъ кондукторъ съ фонарикомъ въ рукѣ.

Сѣрая публика тревожно закопошилась. Защелкали щипчики „обера“.

— Какая станція?—спросилъ старикъ, подымаясь.

— Станція Долгово,—громко отвѣтилъ оберъ, простригая билеты.

Заспанная баба щурила глаза на свою сосѣдку, снова повалившуюся головой на котомку.

Кондуктора ушли. Пассажиры одинъ за другимъ свертывались на своихъ мѣстахъ.

Старикъ сползъ на полъ и, громко позѣвывая, сталъ одѣваться.

— Ишь-ты, просторнѣй стало,—сказала баба, укладываясь на свое мѣсто,—а ты, дяденька, на эту станцію?

— Да, я на Долгово...

Въ это время изъ-подъ лавки робко высунулась бѣлобрысая голова парнишки, затѣмъ руки съ шапкой, черезъ мгновеніе парень выкатилъ изъ своей засады и бросился вонъ изъ вагона.

— Что это, Господи батюшки; изъ-подъ лавки-то кто-то

выбѣгъ, — испуганно заговорила баба, приподымаясь съ мѣста.

— Ну, кто тамъ выбѣгъ, никто не выбѣгъ,—равнодушно сказалъ старикъ, подвязывая на спину кожаную сумку.

— Какой тамъ!.. Ой, тошнехонько! Ужь не жуликъ ли грѣхомъ?—и баба съ безпокойствомъ начала оглядывать свои пожитки.

— Слышь, тетка, чего дрыхнешь?

— Гм... чаво?—откликнулась баба соннымъ голосомъ.

— Глянь-ка, все ли у тебя цѣло-то?

Баба испуганно вскочила на ноги.

— Ишь васъ бросаетъ. Мечутся словно одурѣлыя овцы. Придумали тоже: жу-у-ликъ,—говорилъ старикъ, неторопливо выходя изъ вагона.

Ночь была темная. Онъ остановился на тормозѣ и опустилъ голову на встрѣчу вѣтру, свиставшему ему въ уши.

Станція подплывала къ поѣзду, привѣтливо улыбаясь ему освѣщенными окнами и весело мигающими фонарями. Толчокъ—и поѣздъ остановился. Мимо старика, чуть не сбивъ его съ ногъ, проскочилъ мальчуганъ, кубаремъ скатился со ступенекъ и исчезъ въ потемкахъ.

— Чтобъ тебя разорвало!—сердито крикнулъ ему старикъ вдогонку,—ужь и впрямь не жуликъ ли?—подумалъ онъ и, невольно ощупавъ свой боковой карманъ, облегченно вздохнулъ и направился черезъ плохо освѣщенную залу третьяго класса къ выходу.

Остановившись на грязной и скользкой ступени лѣстницы, онъ невольно съежился отъ пронизывающаго вѣтра. Дождь лилъ уныло и настойчиво.

„Ну, и весна“! подумалъ старикъ, безнадежно устремивъ глаза въ ночной сумракъ, съ тускло-мигающими въ немъ красноватыми огнями фонарей; постоявъ съ минуту, онъ крикнулъ извозчика. Гдѣ-то вдали задребезжали колеса, залаяла собака, и снова все стихло. Только дождь лилъ, неутомимый въ своемъ однообразіи. Постоявъ немного, пріѣзжій пошелъ обратно. Въ дверяхъ онъ столкнулся не то съ носильщикомъ, не то со сторожемъ, въ грязномъ передникѣ поверхъ солдатской шинели.

— Не знаешь ли, любезный, далече ли до чугунно-литейнаго?

Сторожъ остановился, передвинулъ на головѣ шапку и раздумчиво поскребъ въ затылкѣ.

— Чугунный тебѣ?

— Да, чугунно-литейный...

— Это, братецъ, черезъ рѣку буде.

— А какъ далече?

— А не такъ, чтобъ очень далече, да и не близко... Главное дѣло—за рѣкой...

— А можно ли лошадокъ достать?

— Лошадокъ-то? Теперича?..

— Ну, да, теперича...

— Ну, это, братецъ ты мой, того... Не повезутъ поди: перво дѣло—ночь, второе—черезъ рѣку. По рѣкѣ-то, другъ ты мой милый, полынья на полыньѣ: утресь мужикъ съ лошадью чуть подъ ледъ не угодилъ: еле-еле выволокли. Пѣшіе-то, кажись, еще ходятъ, да и то съ опаской: ледъ-то подъѣло...

— Гм!.. Вотъ такъ исторія! Что-жъ я буду теперича дѣлать?

— Чего?.. До утра подождать. Можетъ, утречкомъ перейдешь, а можетъ—и не перейдешь, бабушка на двое сказала. Вишь, дождь-то какой ядовитый...

Сторожъ забралъ пріютившуюся у дверей метлу и пошелъ на платформу. Пріѣзжій вздохнулъ и направился къ буфету, гдѣ еще тихо допѣвалъ свою пѣсню огромный пузатый самоваръ, пуская легкія струйки пара. Толстая женщина за стойкой вслухъ пересчитывала деньги; молодецъ въ красной рубахѣ и холстинномъ передникѣ громыхалъ посудой.

Купивъ кое-что изъ съѣдобнаго и захвативъ чаю, старикъ отошелъ къ сторонкѣ и только что успѣлъ расположиться на лавкѣ, какъ передъ нимъ, словно изъ земли, выросла жалкая фигурка мальчугана.

Сѣрые, глубоко впавшіе глаза робко глядѣли на старика изъ-подъ бѣлесоватыхъ бровей.

— А-а, заяцъ!.. Ты чего тутъ шатаешься? Чего тебѣ надо? А?—сурово спросилъ старикъ, пытливо оглядывая его.

Мальчуганъ съежилъ узкія плечи, словно ожидая удара въ голову и стараясь уйти отъ него подъ защиту грязной кацавейки, болтавшейся на немъ, какъ на вѣшалкѣ.

Это движеніе показалось старику жалкимъ, оно напоминало движенія голодной собаки подъ ударомъ. Старикъ быстрымъ взглядомъ окинулъ еще разъ тщедушную фигурку зайца съ зеленоватымъ лицомъ, съ краснымъ носомъ и руками, въ большихъ стоптанныхъ сапогахъ съ загнутыми кверху носками, и ему стало почему-то неловко и больно...

— Ну, чего тебѣ?—спросилъ онъ мягче.—Христа ради, что ли, просишь?

Мальчуганъ сдѣлалъ движеніе.

— Нѣтъ, дяденька, не прошу я,—отвѣтилъ онъ робко.

— Ну, такъ чего же тебѣ?..

— Да ты, дяденька, туточки сказывалъ—на чугунный?

Мальчикъ говорилъ тихо и заикаясь.

— Да, на чугунный, а тебѣ что?

— Да и мнѣ, дяденька, туды же... Боязно одному-то... Ужъ ты меня, дяденька, возьми съ собой, я тебѣ сумку потащу.

— Ишь ты, ухарь какой! Су-у-мку потащу... Ладно ужъ, садись-ко рядкомъ, да потолкуемъ ладкомъ: чей, да откуда? А теперь, перво-наперво: ѣсть хочешь?

— Хочу, дяденька...

— На вотъ, садись и ѣшь.

Мальчуганъ сѣлъ на краешекъ лавки, бережно взялъ въ руки хлѣбъ съ колбасой, поданный ему старикомъ, и сталъ ѣсть поспѣшно, съ жадностью, не сводя глазъ съ куска.

— А вотъ тебѣ и чайку стаканчикъ, поди—зазябъ... Да вытри соплю-то, не жалѣй, Боженька другую пошлетъ,—пошутилъ старикъ.

Мальчуганъ провелъ подъ носомъ длиннымъ рукавомъ кацавейки, взялъ стаканъ и, весело смѣясь, съ видимымъ наслажденіемъ обжигалъ свои иззябшіе пальцы.

— Мотри, стаканъ-отъ не расшиби.

— Ладно ужъ..—кивнулъ головой парнишка. Глаза его засвѣтились, щеки покрылись легкимъ румянцемъ. Онъ, не спѣша, глотокъ за глоткомъ, пилъ чай и, когда стаканъ былъ опорожненъ, съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на дно и опрокинулъ стаканъ на блюдечко. Потомъ мальчуганъ повернулся къ образу и началъ размашисто креститься, при каждомъ поклонѣ встряхивая волосами, какъ продѣлываютъ это взрослые мужики. Исполнивъ это, онъ забрался на лавку и, запахнувъ поплотнѣе кацавейку, поджалъ подъ себя ноги.

— Какъ тебя звать-то?—спросилъ старикъ, попивая чай.

— Степка...

— Чей ты?

— Маткинъ.

— А отчего не батькинъ?

— Оттого, что маткинъ, — отвѣтилъ уклончиво Степка и нахмурился.

— Откуда идешь?

— Изъ своей деревни, Панфилкой прозывается.

— Зачѣмъ на заводъ-то? Аль работы искать?..

— Родитель у меня тамъ, на заводѣ-то... Иваномъ прозывается, корявый такой и на тальянкѣ гораздъ играть. Ты, дяденька, можетъ, не слыхалъ ли?.. Можетъ, знаешь?

— Нѣтъ, братъ, никого я тамъ не знаю, не былъ еще на заводѣ. А ты, видно, не въ первой по чугункѣ-то этакъ зайцемъ катаешься?

— Не ѣзжалъ еще, — серьезно проговорилъ Степка, — а

вотъ пришлось. Хотѣлъ было пѣшой дорогу-то обломать; да шелъ, шелъ, присталъ—страхъ!.. Въ какой-то деревнѣ заночевалъ. Тамъ меня напоили, накормили и спать уложили, какъ въ сказкѣ, на утро подняли, сунули хлѣба и указали, какимъ трахтомъ идтить. Ну, пошелъ, опять шелъ, шелъ; хлѣбушко съѣлъ и опять ѣсть захотѣлось. А тутъ, какъ на грѣхъ, дорога-то пошла все лѣсомъ, да лѣсомъ. Жуть такая — оборони Богъ! Вдругъ, думаю, волкъ! Что тогда?... Хоть бы одна душа крещеная, только пташки гомозятся по вѣткамъ... А тутъ дождь началъ падать; темнѣть стало. Ну, думаю, пропала моя голова съ затылкомъ—заплуталъ, видно. И такой на меня страхъ! Такой страхъ! Повалился я на мокрую землю и давай вопить, какъ баба. Вопилъ это я, вопилъ, и слышу телѣга торохтитъ, а я и башки не подымаю. Вдругъ, слышу: „чего ревешь?"—Смотрю, а это мужикъ въ телѣгѣ сидитъ и кнутикомъ помахиваетъ. „Лѣзь, говоритъ, ко мнѣ, я тебя изъ лѣса-то вывезу". Обрадовался я—полѣзъ, онъ меня рогожей прикрылъ. Ну, поѣхали. „Куда, говоритъ, пробираешься?" На Долгово, говорю, на заводы. „Дуракъ, говоритъ, да вѣдь до Долгова-то, кажись, верстовъ шестьдесятъ буде, не дойдешь. Ты лучше, говоритъ, садись на чугунку, да и айда со Христомъ". Ну, сталъ мнѣ сказывать, какимъ манеромъ мнѣ на чугункѣ-то схорониться. Все, какъ слѣдоваетъ быть, обсказалъ. Довезъ онъ меня до этого самаго... какъ его... изба, куда чугунка-то пристаетъ?..

— Къ вокзалу?

— Вотъ, вотъ, къ этому самому. Подвезъ, да и ссадилъ, да и говоритъ: „ты, мотри, за господами-то не лазь; господа—не свой братъ, живо въ кутузку сволокутъ, да тамъ и выволочку зададутъ; а ты за своимъ братомъ, сѣрыми мужиками трафь: увидишь, куда мужики попрутъ, туда и ты. Понялъ?" Ладно, молъ, понялъ, а у самого душа въ пятки... Поджилки трясутся... Такъ вотъ и кажется, что всѣ на тебя зенки таращатъ. Ну, одначе, кое-какъ, кое-какъ пробрался я... Прижался въ уголъ, да и жду, когда чугунка пріѣдетъ. Ждалъ это, ждалъ... А самому жутко таково! Смотрю, слава тѣ Господи, ѣдетъ чугунка и оретъ во всю пасть! Затарабанилъ колокольчикъ, чугунка остановилась, пыхтитъ, отдувается и пошла потѣха... Вижу—мужики съ котомками въ чугунку полѣзли, я перекрестился, да за ними. А у самого сердце-то, какъ овечій хвостъ, трепыхается. Влетѣлъ я въ чугунку, увидалъ тебя, дяденька, и еще пуще испужался, да ужъ и не помню, какимъ манеромъ подъ лавкой очутился, словно бы меня кто подкатилъ-туды... Лежу это я, а самъ кацавейкой морду покрываю... Ни живъ, ни мертвъ... Вотъ, вотъ сейчасъ, думаю, меня за волосья выволокутъ и драть

зачнутъ. Одначе, слышу—затарабанило, затарабанило что-то подъ ухомъ, закачало; страшно таково. Подумалось мнѣ, словно бы мы куда-то внизъ летимъ; голова закружилась, мутить зачало... Опосля отошло... Чую, что ѣдемъ: гудетъ чугунка... Какая-то баба узелъ стала подъ лавку подсовывать, да прямо мнѣ въ брюхо, чуть не заверещалъ я. Одначе, ничего... Лежу это я и не дышу — боюсь, а самъ слушаю. Какъ остановится чугунка, такъ сердце и захолонетъ:—а ну, какъ Долгово, думаю... А пойди-ко, вылѣзи, какъ разъ сцапаютъ въ кутузку. Лежалъ я такъ, лежалъ — надоѣло. Вдругъ, слышу, мужикъ какой-то закричалъ: „Долгово"! Ну, думаю, Степка, высаживайся, пріѣхали... Слышу — заходили, загомонили тутъ около меня, а чугунка, знай себѣ, торохтитъ. Лежу и слушаю, а сердце такъ и трепыхается. Стало тихо. Я высунулъ башку, а самому боязно: а ну-ко, думаю, за вихры хватятъ? Смотрю — дяденька снаряжается. Чугунка словно тише ѣдетъ... Осмѣлѣлъ я, да какъ дамъ стрекача!.. Да за двери... А тутъ, скоро и чугунка остановилась. Обрадовался я; да кубаремъ, кубаремъ со ступенекъ-то!—смѣясь, закончилъ Степка, показывая руками, какъ онъ—кубаремъ.

Всѣ пережитые страхи и волненія казались ему теперь забавными.

— А и натерпѣлся же я страху! И-и-и!..

— А отецъ-то, видно, недавно на заводѣ-то? — спросилъ старикъ.

— Да кто его знаетъ, кажись бы, и не такъ давно, — отвѣтилъ Степка, громко позѣвывая. — Охъ-хти-хти! Въ нашей деревнѣ спятъ, одна Лушка не спитъ, на лавкѣ сидитъ, глазомъ не мигаетъ, няньку поджидаетъ. А нянька-то вотъ она: чаекъ попивала, колбасой заѣдала,—улыбнулся Степка, съ веселымъ задоромъ, глядя въ лицо старика.

— А кто же это Лушка-то?

— Лушка да Ванька—ребятенки наши. Я съ ними нянчусь... Куда дѣваться? Мать-то все по работамъ ходила, ну, а я съ ними воевалъ. Вѣдь малыши, глупые. Одновà Лушка-то въ корчагу со щелокомъ чуть не угодила... Щелокъ-то мамка только что изъ печи выволокла, да на полъ поставила... Было тутъ крику-то... Ну, мамка-то съ перепугу и меня, и Лушку отлупила здорово...

— Стало быть, на заводъ-то тебя мамка послала?

— Да, мамка, когда помирала, такъ наказала, чтобы я разыскалъ его.

— Такъ мать-то умерла у тебя?.. Охъ вы, бѣдные, бѣдные! А отецъ-то? Али бросилъ васъ?

— Бросилъ... Почитай—пятый годъ, какъ изъ деревни

ушелъ... Мать-то вотъ все по работамъ ходила, пока здорова была, а потомъ, слышь, надорвалась: подъ лѣвый вздохъ ей подкатывало... Ну, все чахла да чахла, а объ масляной слегла, да и померла... Мы и до сей поры не знали бы, гдѣ отецъ болтается, да одинъ землякъ, встрѣтилъ его, все разузналъ, да мамкѣ и разсказалъ: сказывалъ — полюбовницу себѣ завелъ... Дѣвченка есть. Вотъ, мамонька-то, когда помирала, такъ и велѣла мнѣ къ ему пойтить: „ты, говоритъ, Степка, старшій: долж́онъ позаботиться о Ванькѣ съ Лушкой..."

— Охъ, грѣхи, грѣхи! Послѣднія времена переживаемъ!.. Драть бы этакихъ отцовъ-то!..

— Ну, чего тамъ драть-то, не махонькій вѣдь, самъ разумѣетъ,—степенно замѣтилъ Степка.—Потомъ, когда мамку-то на погостъ стащили, — продолжалъ онъ, — сходъ собирали; опосля схода-то кресный къ намъ въ избу пришелъ, и другой народъ... Кресный мой старостой ходитъ. Кресный-то и говоритъ: „ничего, братцы, не удумаешь умнѣе покойницы: пусть, говоритъ, парнишка идетъ, его лучше послушаетъ—пожалѣетъ. Какъ ни какъ, все же отецъ, говоритъ. Да и матка его на то благословила передъ смертью... Хлѣба ему дадимъ, а не хватитъ—Христосъ пошлетъ. Ты, Степка, говоритъ, встрѣтишь отца-то, такъ Богомъ моли, чтобъ малыхъ пожалѣлъ... Съ голоду, молъ, пропадемъ всѣ... Міръ, скажи, отказался насъ кормить, потому — не о́бвязанъ... Такъ и скажи, мотри..." Ну, я и пошелъ... Мнѣ бы вотъ только найтить-то его! Тогда бы что-о-о! Ребятъ къ нему притащу, самъ работать стану...

— Ну, Господь поможетъ. Все по хорошему будетъ. Господь защитникъ сирыхъ и неимущихъ.

— А когда мы на заводъ-то пойдемъ, дяденька?

— Да до утра подождать надоть. Чуть свѣтъ забрезжитъ, мы съ тобой въ путь-дорогу: ты отца разыскивать, я — книжечки продавать.—Старикъ хлопнулъ рукою по сумкѣ.

— Сказки у тебя, дяденька?

— И-и! Господь спаси! Священныя книжечки, житія святыхъ, Евангеліе.

— Это что въ церкви-то читаютъ?

— Да, эти самыя... Читать-то умѣешь?

— Разбирать-то разбираю, а такъ, чтобъ по всамдѣлишнему—не умѣю. Учился у нашего учителя, Михаила Иваныча... Хорошій онъ, добрый, да, вотъ, въ школу-то ходить не пришлось.

— Что такъ?

— Да такъ ужъ... Съ ребятишками надо было!..— Степка потянулся, зѣвнулъ и, сдвинувъ на ухо шапку, долго царапалъ голову.

— Что, видно, спать захотѣлъ? Ляжь-ко, молодчикъ, утро вечера мудренѣе. И усталъ же, поди!

— Чего тамъ усталъ... Мнѣ бы вотъ только найтить-то его,—проговорилъ Степка раздумчиво.

— А ты вотъ съ вѣрою помолись Господу, попроси Его, такъ по просту: „Господи, молъ, Ты позвалъ къ себѣ нашу мать, да будетъ на то воля Твоя святая, но, Господи, верни намъ отца, смягчи сердце его, Господи!..“ И такъ скажи Ему, какъ умѣешь, скажи все, что у тебя на душѣ. Онъ услышитъ тебя и поможетъ, и сжалится... Онъ, батюшка, одинъ намъ печальникъ...

Степка сошелъ съ лавки и долго, усердно крестился на озаренный огонькомъ лампадки ликъ Спасителя.

Старикъ сидѣлъ на лавкѣ, опустивъ голову, и прислушивался къ его шопоту, покручивая длинными сухими пальцами сѣдую бороду.

Кончилъ Степка молиться, забрался на лавку и, подложивъ подъ голову шапку, изъ которой клочьями торчала грязная вата, сладко зѣвнулъ.

— А что, дяденька, а какъ вдругъ насъ съ тобой отсель попрутъ?—спросилъ онъ боязливо.

— Не бойсь, спи, не попрутъ: я здѣшняго начальника станціи знаю,—позволитъ.

— Это что въ красной шапкѣ?

— Да, въ красной шапкѣ.

— Ишь ты!—удивился мальчуганъ и почти съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на старика, водившаго знакомство съ такими важными лицами.

— У тебя, Степка, поди ноги-то мокрыя, ты бы снялъ сапоги да портянки-то развѣсилъ, за ночь-то попросохнутъ.

— Портянокъ нѣтъ... Сапоги вотъ сыму.—Степка взялся было за ноги, а потомъ подумалъ: а ну, какъ сволокутъ? —Плевать, почитай, ужъ просохли...—проговорилъ онъ и повалился на лавку.

Подогнувъ подъ себя ноги, онъ, не мигая, смотрѣлъ на мерцающій огонекъ лампады и мечталъ. Мечты его были неясны; проходили передъ нимъ туманными обрывками, а, между тѣмъ, были свѣтлы и радостны: грезился ему разысканный отецъ, Ванька съ Лушкой... Ясный солнечный день, родная деревня съ зеленой муравой на огородѣ, народъ по деревнѣ... Самъ онъ, Степка, въ кумачевой рубахѣ и настоящихъ сапогахъ... Хорошо! Не то Пасха, не то имянины... Отецъ на гармоніи играетъ; Степка слушаетъ... Звуки все тише, тише, все дальше и выше куда-то несутся, чуть слышные, словно жаворонокъ поетъ высоко, высоко тамъ, въ золотистыхъ облакахъ, купается, радуется теплому

солнышку и счастью жизни, шлетъ свою пѣсеньку серебряную на землю... Какъ хорошо!.. Стоитъ Степка, а кругомъ рожь колышется высокая, высокая; идетъ Степка по межѣ, а его всего, съ головы до ногъ, закутали пахучіе, колючіе колосья; тянутся къ нему, обнимаютъ и шекочутъ лицо... „Хлѣбушка-то сколько буде“! думаетъ онъ и такъ радостно бьется сердце... А серебристая пѣсня жаворонка все льется и льется сверху и словно разбивается на тысячи серебряныхъ колокольчиковъ и разсыпается во ржи... Вотъ, словно теплая волна подхватила его и, покачивая, нѣжно и тихо плеща, понесла за собою куда то... Изможденное лицо Степки радостно улыбается, сухія, блѣдныя губы слегка вздрагиваютъ.

Старикъ задумчиво посмотрѣлъ на мальчика.

„Видно однолѣтки съ моимъ внукомъ Васяткой“, —подумалъ онъ, и теплая улыбка расползлась по его морщинистому лицу,—„а что ежели бы да съ нимъ такое приключилось“?—мелькнуло въ его умѣ, и словно холодная рука прошлась по его старой спинѣ. — „А вѣдь и онъ, Степка-то, не хуже, а можетъ и лучше моего Васятки, а ему вотъ этакое въ жизни: ни любить, ни беречь некому, словно былинка въ чистомъ полѣ: люди мимо пройдутъ—ногами притопчутъ!... И отчего, Господи Боже мой, у нашего брата, маленькаго человѣка, горя — море, а счастья — лужа, не выкупаешься, только вымараешься. Или за то, что мы маленькіе? Зачѣмъ есть маленькіе и большіе, не всѣ-ли мы, Господи, передъ лицомъ Твоимъ ровныя дѣти?.. Что это я? Прости, Господи, прегрѣшенія наша вольныя и невольныя“!..

Старикъ обнажилъ лысую голову, набожно помолился и рѣшилъ спать. Но заснуть онъ не могъ. Ему вдругъ вспомнилась чугунка, биткомъ набитая народомъ. Подъ лавкой человѣкъ. И онъ еще тогда поймалъ себя на мысли: „ишь, дескать, какой я добрый человѣкъ, вижу, что парнишка подъ лавку хоронится, а буду молчать.“ На старика напала тоска. Онъ долго лежалъ съ открытыми глазами и думалъ: отчего люди не живутъ межъ собою по заповѣдямъ Христа, какъ братъ съ братомъ, каждый живетъ въ себя и для себя, и даже гораздо хуже, обижая, грабя, убивая другъ друга... Наконецъ, старику удалось задремать, но подошедшій поѣздъ разбудилъ его. Старикъ тревожно опустилъ ноги съ лавки: по залѣ суетливо пробѣгали люди. Слышалось тяжелое дыханіе паровоза.

„Поѣздъ“—сообразилъ старикъ, стараясь въ то же время припомнить, уяснить себѣ что-то, разобраться въ чемъ-то. Но въ чемъ?.. Что такое?.. Да, вотъ что! — почти вслухъ проговорилъ онъ, увидавъ скорченную фигуру Степки, и тоскливое чувство снова закопошилось у него въ душѣ...

Ни говоръ, ни ходьба, ни завыванье локомотива не заставили Степку даже пошевельнуться. Онъ спалъ, какъ убитый.

II.

Мутно-сѣрое раннее утро, словно нехотя, заглянуло въ высокія окна вокзала.

Старикъ-книгоноша наклонился надъ спящимъ мальчуганомъ и шевельнулъ его за плечо.

— Эй, Степашка, чего разоспался, вставай, братъ, пора и въ путь.

Мальчуганъ съ трудомъ поднялся и долго протиралъ глаза и почесывалъ въ затылкѣ.

— Ну, ну, очухайся! Эдакъ я къ твоему батькѣ какъ разъ одинъ уйду,—пошутилъ старикъ.

Мальчуганъ мигомъ вскочилъ и, ежась отъ холода, надвинулъ на голову шапку.

— Ну, Господи благослови,—перекрестился старикъ на образъ,—перекрести рыло-то, глупый.

Оба путника вышли на улицу.

Сѣрыя тучи тяжело ползли по небу и плакали холодными ядовитыми слезами. Казалось, надъ землей была разлита безпросвѣтная тоска. Она падала мелкимъ дождемъ, робко глядѣла чахлой травой изъ-подъ грязнаго снѣга, лежала на полусгнившемъ коврѣ прошлогоднихъ листьевъ. На улицахъ было пусто и тихо. Только воробьи, громко чирикая, прыгали по кучамъ навоза, да гдѣ-то протяжно кричалъ пѣтухъ.

Путники наши, ежась отъ холода и сырости, храбро шлепали по лужамъ.

Вотъ и рѣка. Широкая, почернѣвшая дорога, изрѣзанная глубокими колеями, вьется, поблескивая грязными лужами.

Ни души на рѣчномъ просторѣ, только вороны, каркая и тяжело маша крыльями, кружились надъ какою-то черной грудой.

Съ веселымъ говоромъ срывались съ крутого берега суетливые ручейки и, журча и звеня, вливались въ широкую промоину.

Остановился старикъ на берегу, оглядѣлся вокругъ и, снявъ шапку, началъ креститься. За нимъ перекрестился и мальчикъ.

— Ну-ка, Господи, благослови! Въ добрый часъ, во святой! Ты, Степка, за мной слѣдомъ. Да, мотри, не отставай! Слышишь?

— Слышу, дяденька.

— Старайся слѣдъ въ слѣдъ, не сворачивай! Слышишь?

— Слышу, дяденька, слышу.

Старикъ, скользя по липкой грязи, осторожно спустился съ берега.

Степка, какъ мячикъ, скатился за нимъ.

— Ты, мотри, по рѣкѣ-то не вздумай такимъ ухаремъ!— погрозилъ ему старикъ.

Степка улыбнулся.

Обойдя широкую промоину, отдѣлившую дорогу отъ берега, старикъ, постукивая по льду тяжелой дубинкой, осторожно двинулся впередъ.

Мальчуганъ храбро шагалъ за нимъ.

Но путь былъ не легкій: почти на каждомъ шагу подтаявшій снѣгъ расползался подъ ногами, и путники по щиколку погружались въ воду. Ледяная вода успѣла просочиться въ дырявые сапоги Степки, и ноги его закоченѣли. Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ страшнѣе дѣлалось Степкѣ. Мѣстами ему казалось, что ледъ трещитъ подъ его ногами и вздрагиваетъ. Наконецъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, остановился онъ, окинулъ взоромъ безлюдный просторъ рѣки, и безпредѣльный ужасъ охватилъ его душу...

— Дяденька, миленькій! Ледъ-то трещитъ, вотъ те Христосъ трещитъ!—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ.

— Не призывай имени Господа Бога твоего всуе!.. Иди, знай!..—строго отвѣтилъ старикъ, не оглядываясь.

Строгій голосъ „дяденьки“ ободрилъ мальчугана, и онъ снова старательно вышагивалъ слѣдъ въ слѣдъ за своимъ вожакомъ. Долго шли они, поворачивая то вправо, то влѣво. Ледъ мѣстами дѣйствительно трещалъ, угрожая разступиться подъ ногами дерзкихъ прохожихъ.

Измученный старикъ, наконецъ, остановился, тяжело перевелъ духъ; оглянулся назадъ: больше половины рѣки осталось за ними.

— Чего, дяденька, аль не дойтить?—спросилъ Степка, еле ворочая языкомъ: его била лихорадка.

— Господь милостивъ, дойдемъ! Айда впередъ со Христомъ! Шагай, шагай, молодчикъ, тятьку увидишь.

Степка силился пріободриться.

Но чѣмъ дальше—тѣмъ хуже: все чаще и чаще полыньи пересѣкали дорогу, приходилось далеко и съ большой осторожностью обходить ихъ. Скользя по льду и купаясь чуть не по колѣно въ ледяной водѣ, Степка полуживой плелся за старикомъ. Ему казалось, что онъ съ дяденькой до скончанія вѣка будутъ шагать по рѣкѣ, проваливаясь въ снѣгу, купаясь въ лужахъ, коченѣя отъ холода... А тамъ, за нимъ,

въ родной деревнѣ, въ убогой избушкѣ, куда крещеные подаютъ кусочки, ждутъ его ребятенки.

„Къ нимъ бы теперича, домой“!—подумалъ онъ. И такъ милы, такъ дороги казались ему и осиротѣлая избушка, и Лушка съ Ванькой, поджидающіе возвращенія няньки. Степкѣ мерещутся ихъ чумазыя рожицы въ мутно-зеленомъ стеклѣ маленькаго оконца. „Неужели я не увижу ихъ“? Эта мысль больно толкнула его въ сердце, вызвала изъ полубезчувственнаго состоянія, и ему захотѣлось закричать, зарыдать отъ душевной муки, но онъ удержался и голосомъ, полнымъ тоски и отчаянія, проговорилъ:

— Дяденька, родненькій, утонемъ! Вотъ те кре́стъ, утонемъ!..

Старикъ молчалъ и съ мучительнымъ вниманіемъ постукивалъ дубинкой, едва подвигаясь впередъ.

„Ты, Господи, помощникъ страждущимъ“!—вдругъ затянулъ онъ. Это неожиданное пѣніе дико нарушило грозную тишину ледяного простора.

Старческій голосъ дрожалъ и обрывался; вѣтеръ подхватывалъ его надорванныя, неестественно-высокія ноты и, словно подпѣвая и смѣясь, уносилъ ихъ куда-то далеко, далеко...

А старикъ все шелъ, повторяя только первыя слова молитвы: „Ты, Господи, помощникъ...“.

Вдругъ Степка остановился, въ ужасѣ растопырилъ закоченѣвшія руки, какъ бы стараясь сохранить равновѣсіе, зашатался и дико крикнулъ:

— Дяденька, родненькій, ледъ-то уходитъ! Вотъ-те Христосъ, уходитъ!

Старикъ оборвалъ свое „Ты, Господи“, оглянулся, сердито стукнулъ палкой и громко крикнулъ:

— Стоитъ!.. Шагай шире!.. Ну-у!..

Степка съ отчаянной храбростью рванулся впередъ, нѣсколько разъ провалился по колѣно и, наконецъ, добрался до старика.

— Ну, теперь смотри: видишь, передъ нами берегъ! Иди и не отставай, а не то пропадешь...

Степка молчалъ. Онъ автоматически повиновался голосу вожака, шелъ за нимъ, съ трудомъ передвигая ноги.

На берегу собрались люди, они что-то кричали имъ, махали руками; но вѣтеръ заглушалъ голоса.

Прошло еще четверть часа мучительнаго перехода. Степка терялъ силы и сознаніе, онъ безпрестанно спотыкался и падалъ, подымался съ трудомъ и опять шелъ, ничего не видя кромѣ мелькавшихъ ногъ старика.

До слуха мальчугана донеслись голоса: „правѣй бери, правѣй!“

Широкая черная полынья отрѣзала путниковъ отъ берега.

— Братцы, помогите! Дайте лодку!—закричалъ старикъ охрипшимъ голосомъ.

— Волоки, Ефимка, челнокъ! — скомандовалъ весь черный, прокопченый рабочій, толкая молодого парня въ спину.

— А какъ ледъ-то тронется, такъ вѣдь затретъ...

— Братцы, перевезите, не обойти такъ-то! — молилъ старикъ, снявъ шапку, а вѣтеръ кружилъ надъ его плѣшивой головой, поднимая и путая остатки сѣдыхъ волосъ. Степка тоже хотѣлъ присоединиться къ просьбѣ старика, но губы его не шевелились, и вмѣсто словъ вырвалось какое-то мычанье.

— Чего рты-то разинули, дьяволы! Волоки, говорятъ, челнокъ! аспиды окаянные!..—кричалъ рабочій.

Нѣсколько человѣкъ побѣжали вдоль берега.

Наконецъ, лодку приволокли, столкнули внизъ. Ледъ съ краевъ затрещалъ, разступился, лодка закачалась на водѣ и поплыла. Стоя на днѣ ея, рабочій мѣрно взмахивалъ весломъ.

— Погоди, не торопись, дѣдко! Я ледъ-то съ краевъ обламаю, не надеженъ больно—подмыло.—Подъ сильными ударами весла ледъ обламывался, какъ подмоченный сахаръ, и, шурша и блестя, расползался въ разныя стороны. Рабочій ударилъ еще разъ, два, ледъ не поддался, лодка причалила.

— Ну, дѣдка, переправь сперва парня: онъ легше...

Степка почти ползкомъ добрался до лодки. Рабочій ловко подхватилъ его за шиворотъ.

Слѣдомъ за Степкой осторожно пошелъ старикъ и только-что успѣлъ захватиться за протянутую ему руку парня и занести ногу, какъ ледъ подъ нимъ предательски затрещалъ и заколебался.

Старикъ потерялъ равновѣсіе. Лодка сильно накренилась и чуть не опрокинулась.

Степка пронзительно крикнулъ.

Рабочій сильнымъ движеніемъ, какъ мѣшокъ съ картофелемъ, перевалилъ старика на дно лодки.

Лодка закачалась и поплыла.

— Слава показавшему намъ свѣтъ! — лепеталъ старикъ и торопливо крестилъ грудь дрожащею рукою.

Лодка быстро переплыла полынью и врѣзалась въ грязь отлогаго берега.

Путники высадились.

— Ну, братцы мои,—говорили мужики,—мы такъ и ждали, что оба вы подъ ледъ нырнете. Вотъ те Христосъ! Только

что до васъ нашъ заводскій перешелъ, такъ онъ, братцы мои, два раза съ головой выкупался. Насилу, Богъ далъ, выкарабкался. Такъ, сказываетъ, и подсасываетъ, и подсасываетъ подъ ледъ-то.. Теперь товарищи откачивать его повели.

Старикъ радостно слушалъ и не понималъ говора мужиковъ, улыбался и благоговѣйно крестился на крестъ церковнаго купола, виднѣвшагося изъ-за деревьевъ.

— Господи Исусе, Христе, Боже нашъ!—шепталъ онъ.— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, не далъ погибнуть безъ христіанскаго покаянія грѣшнымъ душамъ, помогъ намъ. Пошли тебѣ, Господи!—съ чувствомъ сказалъ старикъ, низко кланяясь рабочему.—Кабы не ты, пожалуй, и не сдобровать бы намъ. Ты для Бога, а Богъ для тебя.

— Ну чего тамъ, лодка-то нѣшто моя? Ефимкина лодка-то.

— Вали, дѣдка, въ трактиръ. Въ трактирѣ-то тепло!

— Шевелись, шевелись, малый! — подгонялъ Степку перевозчикъ.

Но Степка съ трудомъ передвигалъ ноги. Сапоги его издавали какой-то странный пискъ. Намокшая кацавейка тяжело трепалась около ногъ. Какъ во снѣ слышалъ мальчуганъ говоръ толпы, онъ всѣмъ существомъ ушелъ въ проклятую дрожь и прислушивался, какъ зубы его отбарабанивали мелкую дробь.

Черезъ минуту наши путники были въ комнатѣ трактира „Якорь“. Ихъ обдало тепломъ, запахомъ капусты и пригорѣлаго сала.

За стойкой, расчесывая бобровую бороду, стоялъ хозяинъ и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на ввалившуюся ватагу, на Степку, оставлявшаго за собой мокрые слѣды.

— Послушай, хозяинъ, не для насъ, а для Бога, дай ты мальченкѣ какую ни на есть ветошь, чтобъ ему потомъ свою одеженку обсушить. Видишь, весь промокъ,—попросилъ старикъ, кланяясь трактирщику.

— Ужъ не знаю, есть ли?—лѣниво проговорилъ трактирщикъ снисходительно слушая разсказъ рабочаго о только что совершенномъ переходѣ черезъ рѣку.

— Окажи милость... можетъ, найдешь что.

— Не знаю... Вотъ у бабы поспрошаю. Эй, Власьевна! Слышь, что ли, подь сюды!—закричалъ трактирщикъ, глядя на перегородку.

— Ну, чего тамъ приспичило? Лба не дастъ перекреститъ!—ворчала толстая баба, вылѣзая изъ-за перегородки и на ходу застегивая на груди кофту.

— А ты вздыхать-то повремени. Сперва волоки сюда одеженку какую ни на есть, вотъ этому парнишкѣ просятъ.

— Держи карманъ шире, такъ я и припасла одежу для всякаго бродяги! Много ихъ здѣсь шатается!

— Да вѣдь отдадутъ, — горячо вступился какой-то мужикъ,—обсушитъ свою муницію и отдастъ!

А Степка, между тѣмъ, въ мокрыхъ, облѣпившихъ ноги холстинныхъ штанишкахъ и грязной ситцевой рубахѣ, стоялъ у топившейся печки.

Баба исподлобья поглядѣла на мальчугана и, переваливаясь, какъ утка, пошла за перегородку.

Черезъ нѣсколько минутъ измученные путники попивали чаекъ. Степка, въ розовой рубахѣ и широченномъ пиджакѣ на плечахъ, сидѣлъ, подогнувъ подъ себя голыя ноги. Онъ повернулся спиной къ чугунной печкѣ, отъ которой такъ и пыхало жаромъ; рядомъ съ нею сушились сапоги съ загнутыми носками; на спинкѣ стула были развѣшаны штаны, а владѣлецъ этихъ сокровищъ съ наслажденіемъ похлебывалъ горячій чай съ блюдечка и посматривалъ, какъ на днѣ его вздрагиваютъ и колышутся синіе голубки.

— Ну, что, Степка, согрѣлся?—спросилъ старикъ.

— Согрѣлся, дяденька.

— То-то. Бери ситный-то, чего же ты?

Мальчишка ѣлъ, пилъ и исподлобья поглядывалъ на рабочихъ, тоже тянувшихъ чай.

— Дяденька, а это тятькины товарищи?

— Можетъ, и товарищи, кто-жъ его знаетъ?

Степкѣ страхъ какъ хотѣлось заговорить съ предполагаемыми товарищами тятьки, но онъ трусилъ. Наконецъ, удобный случай представился: одинъ рабочій взялся за шапку и, проходя мимо ихъ стола, пріостановился.

— Ну что, сохнете?

— Со-о-хнемъ,—улыбнулся старикъ.

Степка вдругъ расхрабрился, поставилъ блюдце на столъ и спросилъ:

— Ты, дяденька, съ чугуннаго?

— Да, племянничекъ, съ чугуннаго.

— А у тебя, можетъ, есть товарищъ Иванъ, корявый такой и на тальянкѣ гораздъ играть?

— Какъ же, есть,—засмѣялся рабочій.

— Взаправду?

— Взаправду...

— Это мой тятька, Иванъ-то... Ты ему скажи: Степка, молъ, къ тебѣ пришелъ, въ трактирѣ, молъ, чай теперь пьетъ...

Рабочій опять засмѣялся.

— Да ты чего ржешь-то?—спросилъ Степка.

— Да ужъ больно ты простъ, парень: да вѣдь Ивановъ-

то у насъ хоть прудъ пруди, и корявыхъ не мало, и на гармоньяхъ много играютъ. Придешь, такъ самъ выберешь, который твой. Ну, а теперь, братцы, бывайте здоровы; на предки милости просимъ.

И рабочій, нахлобучивъ шапку, пошелъ къ двери.

Степка задумался.

— А что, дяденька, можетъ, его, отца-то, нѣтъ здѣся? Какъ тогда мнѣ съ ребятенками-то, а?

— А ты, Степка, переходя рѣку, думалъ-ли быть на берегу?

— Нѣтъ, дяденька, я такъ и думалъ, что мы оба утонемъ.

— Такъ скажу я тебѣ на это: во время оно апостолъ Петръ, идя по водамъ, испугался вѣтра и началъ тонуть и воскликнулъ: Господи, спаси меня! Господь сейчасъ же простеръ руку, поддержалъ его и сказалъ: „маловѣрный, чего усомнился". Такъ вотъ и тебя Господь ведетъ теперь глубокими водами, и тебѣ кажется, что ты долженъ утонуть въ нихъ, но стоитъ тебѣ съ вѣрою воскликнуть: „Господи, спаси меня", и Господь явится къ тебѣ на помощь. Все, что ты теперь переживаешь, пришло по волѣ Господа. Зачѣмъ? Когда-нибудь уразумѣешь, а уразумѣвъ—восхвалишь въ восхищеніи пути Его.—Старикъ досталъ изъ сумки евангеліе и началъ читать.

Опершись головой на руку, Степка во всѣ глаза смотрѣлъ въ лицо старика, внимательно слушалъ, умилялся сердцемъ, хотя не понималъ ничего. Одно только онъ понялъ отъ старика, что все отъ Бога и во всемъ Богъ...

Близь сидящіе гости прислушались. Двое изъ нихъ подошли къ столу.

— Это что же у васъ за книжечки?

— Евангеліе. Вотъ купите-ко, недорого.

Старикъ разложилъ книги въ синихъ, красныхъ, коричневыхъ переплетахъ съ золотомъ и сказалъ цѣны.

— Ишь ты, братцы мои, переплеты-то какіе красивые и цѣны дешевыя. Жаль вотъ, что я человѣкъ темный, а то безпремѣнно купилъ-бы.

— Да ты для Дуняшки купи, она у тебя даромъ что махонькая, а начнетъ читать, такъ только слушай.

— Ну, вотъ видишь, грамотѣй въ семьѣ есть, ты и купи. Она будетъ читать, ты—слушать, и будетъ тебѣ устами младенца Господь глаголать.

— И то, развѣ...

Мастеровой вздохнулъ и полѣзъ въ карманъ.

— Уступилъ бы, отецъ, семитку.

— Не могу, братецъ, цѣны не отъ меня... Да ты не жа-

лѣй, лучше лишній шкаликъ водки не выпей, а на слово Божіе не жалѣй. Слово Божіе не затемнитъ, а просвѣтитъ.

— Получай гривенникъ, дѣдка.

У стола образовалась цѣлая толпа покупателей, всѣ брали и разсматривали книги.

— Нѣшто и мнѣ купить? Только я грамотѣ не гораздъ...

— А ты у нашего отца Семена поучись. Вотъ, братцы мои, читаетъ-то! Слышалъ?

— Слышать-то слышалъ, да что—слабъ... А вотъ въ нашей деревнѣ отецъ-діаконъ, Ѳомой звать, такой, братцы мои, голосистый, словно вотъ изъ сороковой бочки голосъ-то изъ него лѣзетъ! Ну и пьетъ же здорово! Такъ вотъ онъ, братцы мои, читаетъ, такъ ужъ читаетъ, стекла въ окнахъ дребезжатъ, по церкви-то гулъ идетъ! А словъ, братцы мои, ни единаго не разберешь. Какъ возгласитъ: „во время оно", а потомъ и пошелъ, и пошелъ чесать такъ, что по церкви только и слышишь: „го-го-го", гудетъ только!

— Ахъ ты, миленькій, чтожъ тебѣ за корысть въ этомъ громогласіи, если ты, темный человѣкъ, словъ не разбираешь. Что тебѣ въ этомъ: „го-го-го"? Отъ этого тебѣ легче не станетъ. А ты возьми книгу, да помни, что ты слово Божіе читаешь, не торопясь — по-легоньку, да по-маленьку: каждое слово выговаривай ясно, отчетливо, вдумывайся и проникайся.

— Вотъ это правильно, отецъ, — проговорилъ трактирщикъ, умиляясь. — А ну-ко, дай-кось и мнѣ слово-то Божіе. Власьевна, шагай сюда, выбери на свой скусъ, какой переплетецъ...

Баба подошла и долго выбирала, не зная, на чемъ остановиться.

— Бери вотъ библію, рѣдкостная книга: тутъ—все.

— Говорятъ, эту книгу нельзя читать-то...

— А что?

— Да рехнуться можно. Много, говорятъ, такъ-то было— зачитывались.

— Ну это не библія, а чить минея.

— Нѣтъ, и библія тоже. Да вотъ, не далече ходить, сватъ Кузьмы Захарыча читалъ, читалъ, да и зачитался...

— Ну чего путаешь, не знамо чего; и вовсе не отъ той причины.

— Ужъ отъ той ли, не отъ той ли, а старые люди не зря говорятъ. Люди—ложь, ну и я тожъ...

— Полно тебѣ, язычница! Не грѣши грѣхомъ смертнымъ, не взводи хулу на священныя книги.

— Ну, что съ бабами: волосъ дологъ—умъ коротокъ. Та-

кими Богъ уродилъ ихъ, для домашняго обихода, — улыбнулся трактирщикъ.—Бери, что ли, книгу-то, тумба!

Трактирщица взяла библію и съ какимъ-то не то страхомъ, не то благоговѣніемъ бережно понесла ее за стойку.

Степка, между тѣмъ, досушивалъ штаны, встряхивая ихъ передъ чугункой.

— Дяденька, а на заводъ-то мы скоро?

— Погоди малость, вотъ я въ сосѣднюю горницу схожу, кажись, тамъ купцы есть.—Старикъ собралъ книги и вышелъ.

— А что, мальчишкина-то одежа просохла чай?—спросила баба у полового.

— Не то что просохла, поджарилась даже, — засмѣялся парень.

— Чего брешешь, непутный!

— Да, ей Богу: развѣсилъ я ее надъ плитой, а кацавейка-то тяжелая, ну, висѣла она, висѣла, а веревки возьми, да и лопни. Слышу гарью воняетъ, глядь, а кацавейка-то мальчишкина на плитѣ лежитъ—жарится.

— Да ну-у?..

— Вотъ те крестъ!

Степка опустилъ штаны, которые только что собирался надѣть, и лицо его вытянулось.

Половой замѣтилъ испугъ мальчугана и оскалилъ зубы.

— Дай мнѣ ее сюда, кацавейку-то!—дрожащимъ голосомъ попросилъ Степка.

— Ишь ты, баринъ какой голоштанный выискался! На-ко вотъ, выкуси! И самъ сходишь.

— А ну-ко, Ванька, и то принеси. Одежду-то перемѣнить ему надоть!—приказалъ трактирщикъ.

— А самъ-то онъ что? Не великъ баринъ — сходитъ! — огрызнулся Ванька.

— Дура-голова, да куда онъ нагишомъ-то?

Ванька нехотя пошелъ и черезъ минуту вернулся.

— На вотъ тебѣ салопъ атласный, воротникъ суконный красный!—балаганилъ Ванька, помахивая кацавейкой передъ самымъ носомъ Степки.

Степка нелѣпо махалъ руками и подпрыгивалъ, стараясь поймать ее.

— Отдай, говорятъ тебѣ, отдай!—кричалъ онъ.

Наконецъ, ему удалось вырвать кацавейку изъ рукъ парня. Степка развернулъ ее, да такъ и ахнулъ: въ нѣсколькихъ мѣстахъ она прогорѣла.

Мальчуганъ опустилъ руки и съ такою скорбью смотрѣлъ на одежду, словно видѣлъ передъ собою не старую тряпку, а дорогого покойника: „мамушка, — прошепталъ онъ, — ма-

мушка, кацавейка-то твоя, кацавейка!..“ Подбородокъ его дрожалъ, губы кривились.

Эта сцена нѣмого горя до крайности забавляла Ваньку. Заложивъ за спину руки, онъ, ухмыляясь, смотрѣлъ на Степку.

Вдругъ мальчуганъ поднялъ голову и встрѣтился съ нахальными глазами Ваньки.

Гнѣвъ, обида вдругъ всколыхнулись въ его душѣ. Онъ взвизгнулъ, рванулся съ мѣста и въ одно мгновеніе вцѣпился, какъ кошка, въ крѣпкую шею своего врага.

— Такъ, такъ, сыпь, молодчикъ, сыпь! Дуй его въ хвостъ и въ гриву!—весело подзадоривали дерущихся рабочіе.

— Ахъ ты, чортъ каторжный! Холера проклятая, такъ ты наскакивать! Такъ вотъ же тебѣ! Вотъ! вотъ! вотъ!—задыхаясь, шипѣлъ Ванька, подминая подъ себя Степку и тузя его кулаками.

Возвратившійся старикъ съ ужасомъ увидѣлъ эту безобразную сцену и бросился разнимать дерущихся.

Ему едва удалось вырвать изъ цѣпкихъ лапъ парня избитаго, запыхавшагося Степку.

Безъ штановъ, съ голыми, худыми, какъ палки, ногами, съ подбитымъ глазомъ, съ оборваннымъ воротомъ рубахи, обнажившимъ узкую впалую грудь, съ длинной, тонкой шеей, растрепанный,—онъ казался только что вырвавшимся изъ дома душевно-больныхъ.

Горящіе злобой глаза его были полны слезъ.

— Сволочь!.. Сволочь чортова!.. Сволочь...—шепталъ онъ весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

Трактирщикъ, схватившись за бока, хохоталъ во все горло.

— Чего хохочешь?.. на такое безобразіе хохочешь? Надъ кѣмъ глумишься? Смотри, надъ кѣмъ! Эхъ, люди!.. Допустилъ... Вотъ вѣдь какъ обработалъ малаго! Грѣхъ вѣдь такъ-то безобразить! Развѣ это потѣха? Это грѣхъ, соблазнъ! Эхъ, Господи, батюшка!—говорилъ старикъ взволнованно.

— Чего распѣтушился-то, дѣдка? Смотри, печонка лопнетъ! — переставая хохотать, сердито заговорилъ трактирщикъ,—лучше вотъ, прибавь своему озорнику на орѣхи: онъ первый затѣялъ.

— Ну, онъ самъ не полѣзъ бы, не такой. Ужъ, видно, этотъ жердило его раздразнилъ.

— И не думалъ дразнить! Ты, дѣдка, не видалъ, такъ и молчи! Чего грѣхъ-то заводить зря. Вотъ лучше добрыхъ людей спроси, они тебѣ скажутъ.

Добрые люди сидѣли и молчали, наблюдая за ходомъ событій.

— А я вотъ было тебѣ, какъ доброму, пиджакъ хотѣлъ дать,—съ злорадной усмѣшкой повернулся трактирщикъ къ Степкѣ,—ну, а теперь не дамъ, не дамъ за то, что ты, мразь нечесанная—забіяка, да ругатель! Лучше вотъ въ помойную яму брошу, а тебѣ не дамъ!.. Хорошъ и въ бабьей кацавейкѣ.

— Не надо мнѣ твоего пиджака! Не хочу, самъ не хочу! Черти!.. Сволочь!.. Вотъ и рубаха!..

Степка, весь дрожа, сорвалъ съ себя разорванную рубаху, швырнулъ ее на полъ, схватилъ свои полупросохшія тряпки и съ трудомъ сталъ напяливать ихъ на себя.

— Чего, чего ты, Степка? Не злобься, грѣхъ! Господь велѣлъ всѣмъ прощать, даже врагамъ прощать велѣлъ. А ты что?.. Эхъ, Степка!..—урезонивалъ старикъ мальчугана.

Но Степка не слыхалъ его словъ.

Вся горечь, накипѣвшая за послѣднее время, поднялась въ немъ, переполнила сердце, подступила къ горлу и рвалась наружу...

— Да я—Степка, я—Степка въ кацавейкѣ! —горячо выкрикивалъ онъ, надѣвая сапогъ и барабаня имъ по полу,— а вы?.. вы всѣ сволочи... сволочи!..

И съ трудомъ сдерживая рыданія, Степка, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ на улицу.

— Куда, Степа, куда? — кричалъ ему вслѣдъ старикъ, пріотворивъ дверь, а мальчуганъ, не оглядываясь, бѣжалъ по улицѣ, и слышно было, какъ онъ плакалъ и что-то выкрикивалъ.

— Ахъ ты, мразь нечесанная! Ишь ты какіе выверты завертываетъ!—услышалъ старикъ сзади себя.

— Это теперь? А что дальше? Это не то что мазурикъ, убивецъ будетъ!..

II.

Гудокъ завывалъ.

Далеко и грозно разносился этотъ вой, словно сказочное чудовище ревѣло отъ злобы, пытаясь сорваться съ мѣста, схватить, изорвать цѣпкими лапами, искрошить стальными зубами всю эту несчастную толпу, хлынувшую изъ широко открытыхъ дверей.

Толпы прокопченныхъ, грязныхъ рабочихъ, какъ муравьи, торопливо шли и разсыпались въ разныя стороны.

— Голубчикъ, Артёмычъ, дай мнѣ двугривенничекъ, сегодня получу—отдамъ! Вотъ, ей-Богу, отдамъ! — приставалъ молодой, съ впалой грудью и лихорадочно горящими гла-

зами, рабочій къ пожилому бородатому товарищу по несчастью.

— Откуда я тебѣ возьму? Вотъ, тоже подумаешь, богача какого нашелъ. Насилу самъ до получки дотянулъ, задолжался, а ему двугривенный! — ворчалъ пожилой, торопливо шагая впередъ; но молодой не отставалъ.

— Дай! Послушай, ну, дай хоть пятиалтынный... ну, гривенникъ... Ну, хоть пятачекъ, чортъ тебя побери!

— Пошелъ ты къ чертовой матери, говорятъ тебѣ: нѣтъ!

— Ну, такъ дай хоть цыгарку, анаѳемская твоя душа! Вотъ вѣдь сквалыга дьявольская! Вѣдь нутро все изныло!

— Ишь, смола! — проворчалъ пожилой, остановился, досталъ изъ кармана коробку съ табакомъ и бумажкой, присѣлъ на корточки въ сторонкѣ, свернулъ цыгарку и подалъ ее товаришу.

— Ну, и на томъ, братъ, спасибо. Дай раскурить.—Тотъ зажегъ спичку.

— Теперь куда? Небось опять къ Ѳомичу?

Молодой махнулъ рукой и, молча закуривъ, направился своей дорогой.

— Слышь, дяденька!—окликнулъ его дѣтскій голосъ. Чья то рука слегка дернула его сзади за блузу.

Мастеровой обернулся.

Передъ нимъ стоялъ мальчуганъ, грязный, съ подбитымъ глазомъ, въ изорванной одеждѣ.

— У меня, братъ, у самого ничего нѣтъ...

— Я тятьку свово ищу; здѣся, сказываютъ, на заводѣ... Можетъ, ты, дяденька, знаешь? Иваномъ звать, корявый такой... — Онъ тяжело вздохнулъ, какъ вздыхаютъ долго и горько плакавшія дѣти.

— А фамилію, прозвище знаешь?

— Да Иванъ Кузьминъ.

Мастеровой опустилъ голову, подумалъ, пощипалъ усики: „Кузьминъ... Кузьминъ...“

— Нѣтъ, такъ не вздумаешь сразу-то, много насъ здѣсь работаетъ... А Ивановъ страсть! Ты вотъ что: пойди-ка въ контору, да тамъ и справься. Тамъ разберутъ и тебѣ твоего Ивана Кузьмина разыщутъ. Понялъ?

— Понялъ. А гдѣ же эта самая контора будетъ?

— А вотъ иди ты, милый человѣкъ, этой самой улицей все прямо, прямо, пока не упрешься въ заборъ, а тамъ поверни налѣво, увидишь флигель съ вывѣской — это и будетъ заводская контора. Да тамъ спросишь,—укажутъ.

Мальчуганъ, скребя ссохшимися, какъ желѣзо, сапогами по проложеннымъ вдоль улицы доскамъ, замѣняющимъ троттуаръ, побрелъ по указанному направленію.

Гудокъ по прежнему завывалъ во всю пасть, и рабочіе выползали изъ черной утробы чудовища.

У мальчугана кружилась голова отъ гула и движенія. Онъ пытливо заглядывалъ въ лица рабочихъ, хотя зналъ, что, иди теперь отецъ между этими рабочими, онъ ни за что не узналъ бы его; всѣ они на одно лицо: всѣ черные, худые, замасляные.

Наконецъ, вотъ и заборъ; ни налѣво, ни направо не было видно вывѣски. Мальчуганъ остановился въ раздумьи.

— Тетенька, а гдѣ тутъ контора?—спросилъ онъ у проходившей мимо женщины, съ подбитымъ глазомъ и опухшей щекой.

Баба остановилась.

— А вонъ, видишь, гдѣ дерево-то?

— Вижу...

— А изъ-за дерева, видишь, на углу вывѣсочка бѣлѣется, ну, эта самая и есть контора. Вонъ мужики туда полѣзли... Ахъ, дуй тя горой!—вдругъ обругалась женщина и опрометью бросилась за какимъ-то рабочимъ, крича на всю улицу:—Ива-а-нъ! Ива-а-анъ!

Мальчуганъ перешелъ улицу и остановился передъ небольшимъ одноэтажнымъ флигелемъ съ точеными столбиками, которые поддерживали навѣсъ надъ крылечкомъ съ вывѣскою: „контора".

Мальчуганъ остановился, долго разбиралъ надпись и, наконецъ, нерѣшительно полѣзъ по грязнымъ, скрипучимъ ступенямъ.

— Дяденька, контора здѣся?—спросилъ онъ у мужиковъ, галдѣвшихъ о чемъ-то въ сѣняхъ.

— Тутъ, тутъ; вотъ въ эту дверь ступай.

Мальчуганъ вошелъ въ большую комнату, заставленную столами съ грудами бумагъ на нихъ. Нѣсколько молодыхъ конторщиковъ стучали счетами. У одного стояло нѣсколько мужиковъ съ какими-то листками въ рукахъ. Конторщикъ записывалъ что-то въ книгу и ругался. Мужики почесывали въ затылкахъ и переминались съ ноги на ногу.

Мальчуганъ остановился у дверей и теребилъ въ рукахъ шапку, не зная куда ему сунуться.

Никто изъ присутствующихъ не обращалъ на него вниманія; проходившіе мимо не замѣчали его.

Долго бы простоялъ онъ, если бы не рыжая собака съ рыжимъ господиномъ, съ ружьемъ за плечами. Неожиданно вырвавшійся изъ дверей сосѣдней комнаты рыжій сетеръ съ визгомъ и лаемъ, какъ бѣшеный, принялся скакать по комнатѣ, подбѣжалъ къ Степкѣ и ткнулъ его влажнымъ носомъ въ щеку.

Не ожидавшій собачьей ласки, Степка со страхомъ отступилъ; собака за нимъ; мальчуганъ отмахнулся отъ нея шапкой, песъ ловко вырвалъ ее зубами и принялся немилосердно трепать.

Степка заревѣлъ.

— Спивакъ, ісі! Дай сюда!—крикнулъ рыжій господинъ, наступая на пса. Сетеръ дѣлалъ неожиданные скачки и повороты, видимо рѣшивъ не уступать своей добычи безъ боя.

— Сидоренко, помоги мнѣ отнять отъ Спивка эту рвань.

Старикъ сторожъ и ожидавшіе мужики приняли живое участіе въ охотѣ за собакой.

— А, чтобъ ты подохла, анафема! — ругался Сидоренко, мечась изъ стороны въ сторону съ растопыренными руками.

Кое-какъ удалось вырвать изъ собачьихъ зубовъ злополучную шапку.

— На, дурында, самъ виноватъ. Нѣшто можно на пса замахиваться,—проворчалъ запыхавшійся Сидоренко, сунувъ въ руки Степки истерзанную и замусоленную шапку.

— Ты чего тутъ торчишь?—не особенно любезно обратился рыжій баринъ къ мальчугану. — Съ кѣмъ онъ, братцы?—Но „братцы“ молчали, поглядывая на взволнованнаго Степку, который безтолково и сбивчиво объяснялъ барину о своемъ дѣлѣ.

— Ѳоминъ, узнайте, въ чемъ дѣло, и отпустите его,—приказалъ баринъ:—Иди вонъ къ тому столу.

Степка предсталъ предъ лицомъ сердитаго конторщика.

Начались разспросы: „званіе, имя, фамилія“.

Степка плохо понималъ, чего отъ него хотятъ, сильно трусилъ, путался и заикался.

— Ну, не шмурыгай носомъ... Лобачевъ, распорядитесь, чтобы Сидоренко свелъ этого мальчишку въ казарму, да помогъ бы ему разыскать рабочаго Ивана Кузьмина изъ деревни Панфилки, Горѣлой волости. Иди вонъ къ тому столу!—указалъ Ѳоминъ куда-то въ пространство, швырнулъ перо и началъ собирать бумаги. — Ну, пошли всѣ къ чорту! Завтра утромъ приходите. Бухгалтеръ ушелъ, подписать некому.

— Такъ чего жъ ты морилъ насъ столько времени? Вѣдь булахтеръ-то тутъ былъ, чего не сказалъ?

— Мало бы чего. Говорятъ вамъ: завтра, ну и никакихъ! Поняли?

Мужики потоптались, поворчали и побрели къ выходу.

А Степка, между тѣмъ, стоялъ у сосѣдняго стола.

Молодой конторщикъ кончилъ щелкать на счетахъ и закричалъ:

— Сидоренко!

Явился Сидоренко.

— Отведи-ка этого парнишку въ казарму, спроси тамъ Ивана... Ну тамъ онъ самъ тебѣ скажетъ кого.

— А нехай его чортъ!.. И пожрать не дадутъ!—ругался Сидоренко, хватаясь за шапку и направляясь къ выходу.

— Ну, чего стоишь, ротъ разиня, иди за сторожемъ!— крикнулъ на Степку конторщикъ.

— Эй, кумъ, кумъ, поди сюда!—пройдя нѣсколько шаговъ, закричалъ Сидоренко молодому рабочему.

Тотъ остановился.

— Въ казарму?

— Въ казарму.

— Ну такъ, для Бога, захвати съ собой мальчишку, отецъ тамъ у него... Мнѣ треба до кумы на часъ.

Рабочій кивнулъ головой и, не оглядываясь, пошелъ по деревянному троттуару.

Шагая за нимъ, Степка съ любопытствомъ оглядывалъ кирпичныя зданія завода съ большими окнами, огороженными желѣзными рѣшетками. „Ишь ты, какая махина, мужики-то, что муравьи, тамъ копошатся. Туда бы пойтить— тятьку разыскать, да поди заплутаешь“,—разсуждалъ онъ про себя.

Рабочій проворно шагалъ, и Степка, скребя сапогами, торопился за нимъ.

Вотъ двухцвѣтная вывѣска пивной метнулась въ глаза, изъ пріотворенныхъ дверей неслись голоса, смѣхъ. Рабочій постоялъ съ минуту въ раздумьи, вдругъ круто повернулся и вошелъ въ гостепріимное общественное учрежденіе. Степка послѣдовалъ за нимъ.

— Антипычъ, дай-кось мнѣ кружечку пивка.

— А вотъ этого хочешь?—показалъ ему приказчикъ выразительную фигуру изъ трехъ пальцевъ.

— Этимъ ты самъ закуси, а мнѣ лучше пива.

Сидѣвшіе за столиками рабочіе засмѣялись.

— Мало бы чего намъ лучше; мнѣ бы вотъ лучше, что бы ты сюда не шлялся.

— Ну, чего лаешься, давай пива. Сегодня получка, разсчитаюсь, не бойсь.

— Получишь съ вашего брата шишъ съ масломъ. Поди, не хватитъ на раздачу.

— Нынче хватитъ!..

Антипычъ ломался, но рабочій не отставалъ, все просилъ и все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да будетъ тебѣ мелькать-то передъ глазами! Теперь Антипычъ такой, сякой, не мазаный, а придетъ дѣло къ разсчету: „Антипычъ приписалъ, Антипычъ обобралъ“... Знаемъ

мы васъ, архаровцевъ, оченно даже хорошо знаемъ: только тогда и Антипычъ, когда въ карманѣ вошь на арканѣ, а въ другомъ—блоха на цѣпи.

— Охъ, ей Богу! Да не мозжи ты, ради Христа! Душу всю вымоталъ! Сказалъ—отдамъ, такъ и отдамъ! Вѣдь за мной не пропадало еще?—вспылилъ рабочій.

— А ты хлопушку-то закрой, не испугаешь вѣдь... Ладно ужъ, Васька, нацѣди ему кружку.

Успокоенный рабочій усѣлся за столъ.

Степка усѣлся къ стѣнкѣ и, пока рабочій тянулъ изъ кружки желтую, пѣнистую жидкость, съ тоскою думалъ: „вотъ вѣдь какъ ихъ тутъ много, и неужели никто не знаетъ моего тятьку!“.

Ему было жутко, какъ-то не по-себѣ, въ ушахъ звенѣло, все тѣло ныло, вотъ такъ бы и свернулся гдѣ нибудь тутъ въ углу, если бы не прогнали, и заснулъ...

Вдругъ изъ сосѣдней комнаты донеслись звуки гармоники и немного гнусливый голосъ запѣлъ:

И—ахъ тальяночка, тальяночка,
Твой чистый голосокъ!
Не дала ты мнѣ, тальяночка,
Заснуть одинъ часокъ!..

Степка забылъ своего чичероне, который, видимо, на долго расположился за столомъ, и весь блѣдный, вытянувъ шею прислушивался.

— Ну-ка, барыню, барыню!—кричало нѣсколько голосовъ

Гармонія вдругъ заревѣла, какъ-то заухала:

Барыня, барыня,
Сударыня барыня!
А-ай барыня чай пила
Съ чаю дочку родила!
Барыня, барыня,
Сударыня барыня!..

Выразительно выкрикивалъ мужской голосъ.

— Охъ, бодай тебя мухи съ комарами! Сами ноги такъ и ходятъ! Зажаривай, зажаривай! И-ухъ, на!

Затопало нѣсколько ногъ, послышались нецензурныя восклицанія.

И-ахъ барыня, барыня!..

Но вотъ ревъ гармоники вдругъ оборвался, гамъ и топотъ ногъ разомъ затихли, и черезъ нѣсколько мгновеній полились заунывные, тягучіе звуки. Гармонія точно плакала,

за нею плакалъ тихо, жалобно нѣсколько хриплый, но мягкій и глубокій контральто.

„Лу-у-чина, лу-у-чи-нушка бе-ре-зо-ва-я...“. Степка всполошился, сердце въ груди его забилось. Ему вспомнилось, какъ эту пѣсню пѣвала мать, сидя въ праздничный день подъ окошкомъ, пѣла и сама плакала.

Степка забылъ свою слабость, свою робость и пробрался въ сосѣднюю комнату. Тамъ, за столикомъ, въ углу сидѣлъ всклокоченный рабочій, растягивая гармонію, покачивался слегка изъ стороны въ сторону и крутилъ головою. Передъ нимъ сидѣла баба съ подбитымъ глазомъ и опухшей щекой и, облокотясь на руку, пѣла: „Или тебя моя свекро-ву-ушка водой облила!“.

Плакала, причитала пѣвица, а за нею плакала и причитала гармонія, и тихо, какъ отдаленные раскаты грома, гудѣлъ, подпѣвая, густой басъ гармониста.

Степка, прижавшись къ косяку двери, во всѣ глаза смотрѣлъ на рабочаго, сидѣвшаго къ нему въ полъ-оборота, и съ замираніемъ сердца слушалъ „Лучинушку“. Ему вдругъ стало чего-то или кого-то жаль, такъ жаль, что слезы подступили къ горлу и одна за другой поползли по щекамъ.

„А мнѣ, мо-ло-о-дешенькой, всю ночьку не спать!..“—уже рыдала гармонія, за нею рыдалъ и обрывался голосъ пѣвицы, гудѣлъ и рокоталъ, замирая, басъ гармониста.

Рабочій вдругъ круто оборвалъ, брякнулъ гармонію на столъ и крѣпко выругался.

Степка смотрѣлъ на него и думалъ: „голосъ будто тятькинъ, а морда будто не тятькина—сивый, шаршавый“.

— Эхъ ты, фефела, чего сморкаишься! На вотъ, трескай лучше пиво,—повернулся гармонистъ къ своей дамѣ.

— Тятька!—тихо окликнулъ Степка, дѣлая шагъ впередъ.

Рабочій взглянулъ на мальчугана. Степка несмѣло подошелъ ближе.

— Тятька, да это ты! Вотъ тѣ Христосъ, ты!

Глаза рабочаго широко раскрылись и не то со страхомъ, не то съ недоумѣніемъ уставились на оборванца.

— Да неужто Степка?—наконецъ, выговорилъ онъ глухо,—да какъ ты попалъ сюда?

Степка молчалъ, ему было почему-то боязно и неловко, хотѣлось плакать и смѣяться, было и грустно, и весело...

Глѣбъ Моргунъ.

Новый взглядъ на происхожденіе общества.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ — какъ фактически-данныхъ, такъ и идеальныхъ—личности, индивида, и общества, естественно всегда занимавшій мыслящихъ людей, въ послѣднее время привлекаетъ къ себѣ особенно много вниманія. Въ значительной степени онъ обязанъ этимъ интересу, возбужденному философіей Ничше. Но и независимо отъ нея, онъ продолжаетъ горячо дебатироваться и сторонниками, и противниками органической теоріи общества, и изслѣдователями такъ называемой коллективной психологіи, и моралистами разныхъ школъ, и политическими теоретиками, и юристами. Окончательное и общепризнанное рѣшеніе проблемы, если оно когда нибудь и будетъ дано, во всякомъ случаѣ, еще очень далеко отъ насъ. Не говоря о самостоятельныхъ умахъ, вновь и вновь принимающихся за пересмотръ задачи, то или другое ея рѣшеніе едва успѣваетъ получить широкую популярность, какъ его вытѣсняетъ новое и часто прямо противоположное, съ чѣмъ мы, русскіе, даже слишкомъ хорошо знакомы. Недавно умершій нѣмецкій ученый Генрихъ Шурцъ, въ своемъ интересномъ предсмертномъ трудѣ (Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellchaft. Berlin, 1902), полагаетъ, что мы переживаемъ или уже пережили моментъ завершенія послѣдней изъ тѣхъ двухъ крайностей, среди которыхъ вращались до сихъ поръ, другъ друга перебивая, различныя рѣшенія основного вопроса соціологіи. Первая изъ этихъ крайностей, все сводящая къ нашему *я*, какъ единственно достовѣрному во всей пестротѣ бытія, и представляющая общество какъ бы функціей индивида, достигла своего высшаго выраженія въ ученіи Руссо объ общественномъ договорѣ. Затѣмъ маятникъ откачнулся въ противоположную сторону, до другой крайности, по которой индивидъ есть только продуктъ своей среды, функція общества, его создающаго и во всѣхъ отношеніяхъ его опредѣляющаго, такъ что и мы-

слитъ, и дѣйствуетъ не индивидъ, а общество, проявляющее въ немъ свою мысль и волю. „Предстоитъ,— заключаетъ Шурцъ,— дальнѣйшая, свободная и вспомоществуемая новыми средствами работа по изысканію истины, которая лежитъ не въ той и не въ другой крайности“.

Предстоитъ дальнѣйшая работа, это несомнѣнно. Но, не говоря о слишкомъ рѣзкой схематичности, съ которою изложена мысль Шурца, можно съ увѣренностью сказать, что онъ не правъ, утверждая, что нами уже изжиты обѣ указанныя имъ крайности. Повидимому, напротивъ, маятникъ опять откачнулся къ первой крайности, и ея не чуждъ самъ Шурцъ, хотя спеціальный, чисто этнографическій или, точнѣе, этнологическій характеръ его книги и закрываетъ собою эту черту; до такой степени закрываетъ, что намъ едва ли даже понадобится подчеркивать ее. Но если индивидуализмъ Ничше былъ встрѣченъ одними рѣшительно враждебно, другими критически, но съ признаніемъ высокой цѣнности нѣкоторыхъ его идей,—то въ обширномъ слоѣ такъ называемой просвѣщенной, интеллигентной публики, слишкомъ пристально слѣдящей за умственной модой, онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Мало того, онъ успѣлъ уже истрепаться, обтереться, какъ монета, побывавшая въ тысячахъ рукъ и кошельковъ. Какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, особенно привились два наиболѣе слабые пункта Ничше, а именно ученіе о сверхъ-человѣкѣ и противоположеніе индивидуализма альтруизму. Логически альтруизму можетъ быть противопоставленъ только эгоизмъ. Индивидуализмъ есть понятіе гораздо болѣе широкое по объему и глубокое по содержанію, такъ что слѣдуетъ, по малой мѣрѣ, различать индивидуализмъ эгоистическій и индивидуализмъ альтруистическій (Читатель благоволитъ припомнить хоть статью Фулье „Ничше о Гюйо“, напечатанную въ № 1 „Русскаго Богатства“ за нынѣшній годъ). Но это различіе, конечно, слишкомъ тонко для держателей стертой монеты, и они, напротивъ, стараются еще выскрести все на той же монетѣ— кто декадентскіе узоры, кто узоры идеалистической метафизики,—и тѣ, и другіе, мимоходомъ сказать, особенно ненавистные Ничше. Это не мѣшаетъ нашимъ доморощеннымъ сверхъ-человѣкамъ гордо разгуливать въ видѣ павлиновъ, раскрывшихъ свой цвѣтной хвостъ. И если идивидуализмъ получаетъ нынѣ распространеніе и популярность, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко превосходящія тѣ, которыми онъ пользовался въ моментъ, завершившійся, по мнѣнію Шурца, общественнымъ договоромъ Руссо, то, несмотря на это, а вѣрнѣе именно поэтому, онъ болѣе, чѣмъ когда нибудь нуждается въ выясненіи. Нѣкоторые матеріалы для такого выясненія мы хотимъ предложить вниманію читателей, а именно по вопросу о самомъ происхожденіи общества.

Человѣка внѣ общества мы не знаемъ. И даже въ моменты, казалось бы, полнаго одиночества человѣкъ находится въ постоянномъ мысленномъ общеніи съ другими людьми, любимыми или ненавистными: тоскуетъ въ разлукѣ, радуется при мысли о свиданіи или, наоборотъ, волнуется при этой мысли страхомъ, обидой, горемъ, вспоминаетъ полученныя имъ оскорбленія, мечтаетъ о мести, переживаетъ общеніе, давно похороненное, и даже сквозь тьму вѣковъ поддерживаетъ общеніе съ тѣми или другими историческими и порожденными творческой фантазіей личностями. Что же именно составляетъ тотъ цементъ, который связываетъ людей другъ съ другомъ и побуждаетъ ихъ—равно какъ и животныхъ—складывается въ общества? Понятно, что искать этого корня общежитія въ чувствахъ злобы или ненависти нельзя, сами по себѣ это чувства разъединяющія, а не объединяющія, они возникаютъ уже въ готовомъ обществѣ. И даже Ницше, при всей своей склонности къ реабилитаціи злобныхъ чувствъ, видитъ источникъ общежитія не въ нихъ, а въ слабости, побуждающей людей „жаться“ другъ къ другу.

Было время, когда первоначальною формою общества признавалась семья, и именно въ патріархальной ея формѣ. Время это прошло, успѣли расшататься и нѣкоторыя теоріи, смѣнившія этотъ взглядъ. Но и донынѣ крѣпко держится мысль о семейныхъ—родительскихъ и супружескихъ чувствахъ, какъ объ источникѣ всѣхъ общественныхъ чувствъ, общественнаго инстинкта. Вотъ нѣсколько образчиковъ изъ новѣйшей литературы (о болѣе старой нечего и говорить):

„Самый лучшій примѣръ того, какъ природа можетъ проложить и образовать основу тому, что этически важно или нужно,—говоритъ Гефдингъ,—даетъ слѣдующее обстоятельство: наиболѣе задушевное и совершеннѣйшее изъ всѣхъ родовъ человѣческихъ обществъ обязано своимъ возникновеніемъ одному изъ сильнѣйшихъ инстинктовъ человѣческой природы. Царство человѣчности, этотъ высочайшій идеалъ этики, имѣло въ семейныхъ отношеніяхъ не только свой зародышъ и постоянный источникъ, но, когда семейная любовь достигла своей высочайшей формы,—она осуществилась въ семьѣ такъ, какъ невозможно указать ни въ какой другой общественной формѣ. Развитіе всѣхъ другихъ общественныхъ формъ измѣряется по той степени, въ какой онѣ напоминаютъ сердечность и крѣпость семейныхъ отношеній... Всеобщее человѣколюбіе есть только расширеніе того чувства, которое возникло въ семьѣ, — расширеніе, которое, конечно, не всегда происходитъ безостановочно, но, тѣмъ не менѣе, всегда имѣетъ своимъ предшественникомъ зародышъ, заложенный въ болѣе тѣсномъ кругу отношеній“. (Этика. Переводъ Л. Е. Оболенскаго. Стр. 153, 155).

У Бурдо читаемъ: „Единство индивидуальности становится

двойственностью въ двухполой парѣ, а затѣмъ множественностью въ потомствѣ. Все дальнѣйшее развитіе въ нарожденіи общества вытекаетъ изъ этой начальной группы, безъ которой невозможно было бы никакое общество" (Вопросъ о жизни. Переводъ Е. Предтеченскаго. Стр. 76).

У Сутерланда: „Родительская симпатія является основой всѣхъ другихъ симпатій, а симпатія вообще составляетъ основу всего моральнаго чувства... Но существуетъ другая форма симпатіи, возникающая между самими родителями, развитіе которой способствуетъ удивительнымъ образомъ, почти удвоиваетъ дѣйствительность материнской и отцовской любви" (Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Переводъ Н. Кончевской. Стр. 166, 165).

Читатель знаетъ, что я могъ бы значительно увеличить число подобныхъ цитатъ. Выражаемое ими мнѣніе принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ не только въ такъ называемой большой публикѣ, но и въ мірѣ науки и философской мысли. Недавно, однако, двое нѣмецкихъ ученыхъ, совершенно другъ отъ друга независимо и съ разныхъ точекъ зрѣнія, но одинако рѣшительно провели рѣзкую границу между семейными и собственно общественными инстинктами. Это, во первыхъ, Аммонъ („Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Grundlage. Entwurf einer Social-Anthropologie" и „Der Ursprung der socialen Triebe" въ „Zeitschrift für Socialwissenschaft" за 1901 годъ) и вышеупомянутый Шурцъ. Работы Аммона извѣстны мнѣ только по указанію Шурца, который, повидимому, и самъ былъ знакомъ только со второй половиной статьи въ Zeitschrift für Socialwissenschaft, и по краткому изложенію г. Гальперина въ „Обзорѣ соціологической литературы за 1901 годъ" (Екатеринославъ, 1902) *). Упоминаю о нихъ ради слѣдующаго заключенія Шурца: „Приведенныя соображенія (мы ихъ увидимъ. Н. М.) были уже изложены, когда появилась статья Аммона. Въ ней Аммонъ, исходя изъ другой точки зрѣнія, приходитъ къ такому же заключенію о различіи между семейнымъ и общественнымъ инстинктомъ. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что „общественные инстинкты не имѣютъ ничего общаго съ семейными и совершенно отъ нихъ независимы. Общественные инстинкты могутъ быть на лицо при отсутствіи семьи, семейные—при отсутствіи общества". Такое совпаденіе результатовъ изслѣдованія можетъ служить доказательствомъ вѣрности вывода".

---

*) Предлагаемая статья была уже написана, когда я познакомился съ новой книгой г. Гальперина: «Современная соціологія (Обзоръ соціологической литературы за *1902 г.*)». Перенеся сюда изъ предыдущаго «Обзора» свой отчетъ о трудахъ Аммона цѣликомъ, авторъ присоединилъ къ нему и отчетъ о книгѣ Шурца, котораго онъ, мимоходомъ сказать, называетъ *Шюртцъ* (по-нѣмецки Schurtz, безъ Umlaut'а).

Обратимся къ Шурцу. Какъ уже сказано, сочиненіе его имѣетъ спеціально этнографическій характеръ и завалено подавляющею массою фактическаго матеріала, касающагося „возрастныхъ классовъ“ (Altersklassen) и „союзовъ мужчинъ“ (Männerbünde) у разныхъ народовъ всѣхъ пяти частей свѣта. Но въ начальныхъ главахъ книги изложены общіе взгляды автора.

Культурный человѣкъ,—говоритъ Шурцъ,—входитъ въ составъ цѣлаго ряда общественныхъ группъ. Онъ членъ семьи, которая въ свою очередь связана съ другими семьями какой нибудь территоріальной единицы, націи, церковнаго союза; онъ можетъ быть временнымъ или постояннымъ членомъ военнаго сословія и, въ составѣ его, той или другой его подгруппы, можетъ быть чиновникомъ и въ качествѣ такого подниматься по ступенямъ служебной іерархіи, можетъ быть членомъ гимнастическаго общества, акціонерной компаніи и т. д. Даже, сойдя съ законнаго пути, онъ можетъ попасть въ шайку воровъ или разбойниковъ, пока государство не помѣститъ его въ общество обитателей тюрьмы. Всегда и вездѣ онъ состоитъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ съ разными обществами, хотя бы жертвуя нѣсколько грошей на благотворительность или уплачивая ихъ въ кассу своей партіи. И если бы культурный человѣкъ черпалъ все свое содержаніе изъ общественной среды, то онъ состоялъ бы изъ лоскутьевъ всякаго вида и всѣхъ цвѣтовъ. До извѣстной степени онъ именно таковъ. Но есть въ немъ нѣкоторое *я*, которое мало пострадаетъ, если онъ сброситъ съ себя большую часть этихъ лоскутьевъ. Конечно, то, что глубоко коренится въ прошедшихъ поколѣніяхъ, не легко сбросить, какъ и то, что воспринято въ дѣтствѣ изъ окружающей среды и стало частью души. Но къ этой средѣ принадлежатъ не только современники; книги, авторы которыхъ давно умерли, могутъ оставить по себѣ болѣе сильныя впечатлѣнія, чѣмъ длиннѣйшія рѣчи несимпатичныхъ учителей и воспитателей; памятники прошлаго, говорящіе о величіи, могутъ незамѣтно вліять на душевную жизнь и, затѣмъ, внезапно блеснуть въ сознаніи. Сила вліянія различныхъ общественныхъ средъ очень различна. Нельзя, повидимому, и сравнивать значенія, напримѣръ, національныхъ вліяній и вліянія какого нибудь кружка любителей пѣнія. Мы знаемъ, однако, людей, способныхъ совершенно проникнуться чуждыми имъ по рожденію національными чертами, а съ другой стороны, есть люди, на которыхъ дѣла ихъ кружка вліяютъ сильнѣе, чѣмъ какія бы то ни было другія общественныя отношенія. Надо признать во всякомъ случаѣ, что существуютъ въ высшей степени различныя по своему происхожденію и первоначальному значенію общественные союзы, но что это первоначальное ихъ значеніе еще не предуказываетъ ихъ исторической роли: слѣды позже возникшихъ союзовъ могутъ пересилить въ душѣ человѣка и даже совсѣмъ вы-

тѣснить изъ нея впечатлѣнія болѣе ранней и коренной общественной среды.

Читателямъ „Русскаго Богатства“ знакомы эти соображенія; въ полемикѣ съ положеніями: „личность есть quantité négligeable“ и „мыслитъ не человѣкъ, а группа, къ которой онъ принадлежитъ“, намъ не разъ приходилось указывать на множество концентрическихъ и перекрещивающихся группъ, въ составъ которыхъ входитъ современный культурный человѣкъ. Все это множество разнообразныхъ союзовъ, не позволяющихъ свести психическое содержаніе личности къ содержанію одной какой нибудь группы, само собой дѣлится на два отдѣла: во первыхъ, кровные или родственные союзы, имѣющіе въ своемъ основаніи функціи размноженія и не подлежащіе свободному выбору индивидуума; во вторыхъ, тѣ, въ которые индивидуумъ вступаетъ болѣе или менѣе добровольно. Первые Шурцъ называетъ естественными, вторые искусственными. Онъ оговаривается, однако, что послѣднее выраженіе не совсѣмъ правильно, и предлагаетъ употреблять названія: Geschlechtsverbände („половые“ союзы, что едва-ли также правильно) и Geselligkeitsverbände (общественные союзы), или же „первичные“ и „вторичные“. Вновь возникающіе путемъ брака союзы занимаютъ промежуточное положеніе, но и вообще нельзя установить рѣзкую границу между этими двумя видами общества. Крайнія формы опредѣляются легко, но между ними находится рядъ смѣшанныхъ формъ. За образецъ крайней формы можно взять, напримѣръ, маленькую семью какого нибудь народца вродѣ бушменовъ, состоящую сплошь изъ кровныхъ родственниковъ и поддерживающую съ другими человѣческими группами лишь самыя поверхностныя отношенія. Здѣсь о выборѣ не можетъ быть и рѣчи, и пребываніе въ родственной средѣ разумѣется само собой. Съ другой стороны, можно себѣ представить общество, преслѣдующее цѣли заморской торговли и состоящее изъ представителей разныхъ народностей,—англичанъ, русскихъ, китайцевъ, персовъ и т. д. Здѣсь, повидимому, взаимная связь членовъ общества очень слаба. И, однако, члены эти могутъ всю душу свою класть въ то или другое предпріятіе общества, совершенно упуская изъ вида всѣ другія связи и отношенія и даже дѣйствуя въ ущербъ наиболѣе, повидимому, прочнымъ и кореннымъ изъ нихъ. Такъ, англичанинъ, какъ членъ этой компаніи, можетъ участвовать въ продажѣ оружія народу, съ которымъ его отечество находится въ войнѣ. Но и только что упомянутая бушменская семья не неразрывна. Отдѣльные ея члены могутъ попасть въ плѣнъ къ другому народу и тамъ, вдали отъ своихъ, болѣе или менѣе приспособиться къ условіямъ чужой жизни; могутъ вступить тамъ въ бракъ съ представительницей другой расы и т. д. Существуютъ даже противообщественныя натуры, совершенно удаляющіяся отъ общенія съ людьми,

какъ индусскіе кающіеся или христіанскіе анахореты. И при чемъ останется тутъ,—иронически спрашиваетъ Шурцъ,—таинственная душа группы, которою мыслитъ и дѣйствуетъ индивидуумъ?

Случается, что оба вида общественныхъ союзовъ болѣе или менѣе совпадаютъ. Такъ, напримѣръ, въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ образуется музыкальный кружокъ. Члены этого послѣдняго суть, по всей вѣроятности, соотечественники, и въ этомъ смыслѣ отдаленно связаны узами крови. Однако, непосредственной причиной образованія кружка послужили не эти узы крови, отступающіе въ этомъ случаѣ совсѣмъ на задній планъ, а единство вкусовъ, наклонностей, призванія. Даже родные братья могутъ въ общественномъ отношеніи идти совершенно разными дорогами. Чисто на кровномъ родствѣ, по крайней мѣрѣ, повидимому, основывается родъ, эта выступающая за предѣлы семьи общественная организація. Но замѣчательно, что съ развитіемъ культуры она постепенно уступаетъ мѣсто болѣе свободнымъ союзамъ. Если гдѣ и сохранились родовыя организаціи, то основою ихъ служатъ не родственныя отношенія, а матеріальные интересы сословія и семейной собственности. Вообще, узы крови и собственно склонность къ общенію имѣютъ между собою мало общаго.

Ко всему этому Шурцъ прибавляетъ еще одно соображеніе, играющее въ его теоріи особенно важную роль. Онъ указываетъ на слабость общественныхъ склонностей у представительницъ женскаго пола. Это звучитъ парадоксомъ,—говоритъ онъ,—но надо различать естественныя и искусственныя, первичныя и вторичныя общественныя связи. Только послѣднія и имѣются въ виду авторомъ, когда онъ утверждаетъ, что въ мужчинѣ общественныя склонности сильнѣе, чѣмъ въ женщинѣ. „Нѣкоторыя женскія черты,—говоритъ онъ,—могутъ при поверхностномъ наблюденіи затушевать этотъ фактъ: материнская любовь съ сопровождающею ее готовностью жертвовать собой ради другихъ, а также извѣстные недостатки (Untugenden), какъ болтливость, страсть къ нарядамъ, пустое любопытство, побуждающее больше, чѣмъ нужно, интересоваться чужими дѣлами и легко превращающееся въ сплетничанье,—могутъ показаться свидѣтельствами сильнаго общественнаго чувства. Но уже тотъ общеизвѣстный фактъ, что женщины рѣдко дружатъ между собою, что онѣ, напротивъ, съ трудомъ преодолѣваютъ взаимное недовѣріе и даже недоброжелательство, наводитъ на сомнѣніе, такъ какъ общественный инстинктъ долженъ бы былъ сближать подобное съ подобнымъ, что мы дѣйствительно видимъ у мужчинъ. Одного взгляда на дѣйствительную жизнь достаточно, чтобы убѣдиться въ малосиліи женщинъ въ дѣлѣ образованія обществъ. Изъ безчисленныхъ вторичныхъ союзовъ подавляющее большинство принадлежитъ мужчинамъ; немногіе союзы, въ которыхъ выступаютъ исключительно

женщины или на равныхъ правахъ съ мужчинами, представляютъ собою только слабое подражаніе чисто мужскимъ обществамъ; вполнѣ самостоятельныхъ женскихъ созданій этого рода почти нѣтъ. Съ другой стороны, половыя чувства и особенно родительская любовь, составляющія корень естественныхъ группъ, развиты въ женщинахъ сильнѣе и разностороннѣе, чѣмъ въ мужчинахъ, и несомнѣнно существующая въ женскомъ полѣ потребность въ обществѣ развита именно въ этомъ направленіи.“

Было бы очень соблазнительно,—замѣчаетъ Шурцъ,—свести разнообразными путями возникающіе вторичные общественные союзы къ союзамъ семейнымъ, но это невозможно; и именно это неправильное обобщеніе имѣло своимъ результатомъ безплодную точку зрѣнія, въ силу которой индивидъ объявляется простой функціей „общества“. Ошибочность этой точки зрѣнія выясняется при взглядѣ на міръ животныхъ. Лишь нѣкоторые, правда, очень многочисленные виды животныхъ выработали себѣ общественный инстинктъ, становящійся иногда непреодолимою силою, которая, какъ у домашнихъ овецъ, можетъ повести къ полному подавленію индивидуальной самостоятельности. Среди какъ высшихъ, такъ и низшихъ животныхъ есть виды общественные и не-общественные. Послѣдніе, повинуясь половому инстинкту, а также часто и родительскому, соединяются во временныя небольшія группы, но эти слабые зачатки не развиваются въ болѣе крупныя и прочныя общественныя единицы. Какъ мало половыя связи имѣютъ общаго съ общественными, видно на примѣрѣ многихъ низшихъ животныхъ, размножающихся не половымъ путемъ, а дѣленіемъ и почкованіемъ и, однако, образующихъ, какъ полипы, въ своемъ родѣ очень развитыя общества.

Центръ всѣхъ тяготѣній женщины („оставляя въ сторонѣ ненормальные или патологическіе экземпляры“,—замѣчаетъ Шурцъ въ скобкахъ) лежитъ въ сферѣ половой жизни, тогда какъ мужчина вноситъ въ свою дѣятельность общественный элементъ единенія подобнаго съ подобнымъ, и любовь къ женщинѣ есть для него только эпизодъ. Въ этомъ заключается глубокая, почти неустранимая противоположность между обоими полами, ведущая то къ трагическимъ, то къ комическимъ столкновеніямъ. Но, разумѣется, и между мужчинами не у всѣхъ одинаково развито общественное чувство, и отсюда рождаются противорѣчія, имѣющія важное значеніе для хода культуры. Рядомъ съ общественною склонностью, предполагающею подчиненіе личности большинству, развиваются то инстинктъ власти, господства, то жажда индивидуальной свободы, и, такимъ образомъ, въ результатѣ получается чрезвычайно пестрая картина.

Какъ ни интересна мысль Шурца о рѣзко различномъ двоякомъ происхожденіи общества — путемъ родительски-семейныхъ связей и путемъ вольныхъ союзовъ, —надо признать, что вышеприведенныя его разсужденія о женщинѣ довольно таки банальны. Онъ ссылается, въ подтвержденіе, на великолѣпную прозу Шопенгауэра и Ничше, на красивые стихи Леопарди, даже на знаменитое „où est la femme?“ — въ чемъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ все это есть давнишнее достояніе толпы. Но онъ не ограничивается этими банальностями, а приводитъ и доводы отъ науки. Доводы эти двоякаго рода. Во-первыхъ, этнографическіе, составляющіе развитіе и фактическое подтвержденіе его замѣчанія о слабости, немногочисленности и неоригинальности вторичныхъ, вольныхъ женскихъ союзовъ; къ этимъ доводамъ мы вернемся ниже. Во-вторыхъ, въ главѣ „Значеніе половыхъ различій“, онъ дѣлаетъ экскурсію въ область біологіи. Мы этой экскурсіи совсѣмъ не тронемъ, такъ какъ она не оригинальна и вдобавокъ оканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Ревнивый характеръ самцовъ способствуетъ образованію семей, но не большихъ общественныхъ союзовъ. Если, не смотря на это, въ человѣчествѣ именно мужчина является носителемъ общественной склонности, то это есть результатъ вторичнаго развитія. Драчливый характеръ мужского пола, самъ по себѣ враждебный общественности, повидимому, легко принимаетъ другое направленіе, какъ только главною задачею становятся не борьба съ соперниками, а защита отъ внѣшнихъ враговъ и охота,—и та, и другая естественно выпадающія на долю мужчины. Передъ враждебными ордами и огромными животными ледяного періода одинокій человѣкъ былъ безсиленъ; здѣсь только тѣсное сближеніе, братское и самоотверженное единеніе могло вести къ цѣли. Постепенно эта сторона мужского характера заняла первое мѣсто и сильно заглушила старую ревность. Конечно, и теперь иной крестьянскій парень до полусмерти избиваетъ соперника, но на внѣшнихъ враговъ онъ идетъ съ нимъ рядомъ, тѣсно съ нимъ связанный сознаніемъ высшаго и сильнѣйшаго единства. Естественно, что это качество можетъ съ теченіемъ времени преобразоваться, какъ это было со многими другими, постепенно перейти къ женскому полу, такъ что различіе между полами на этомъ пунктѣ сгладятся; но для этого нужно долгое время, а мы здѣсь интересуемся только данными отношеніями.“ Любопытно еще слѣдующее замѣчаніе Шурца: „У европейскихъ культурныхъ народовъ, у которыхъ трудъ—въ томъ числѣ и механическій—становится все болѣе почетнымъ дѣломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все улучшается положеніе женщины, потому что въ трудѣ женщина равна мужчинѣ, а въ механически-точномъ исполненіи обязанностей даже превосходитъ его.“

Такимъ образомъ, біологическая экскурсія Шурца, имѣвшая

цѣлью показать, что характеръ женщины есть нѣчто самою природою разъ навсегда предопредѣленное, бьетъ мимо цѣли. Не въ обиду будь сказано прекрасному полу, въ мнѣніи Шурца есть извѣстная доля правды, но изъ этого не слѣдуетъ, что женщина всегда была и всегда будетъ такою, какова она, вообще говоря, теперь въ такъ называемомъ культурномъ обществѣ. Надо признать, что половыя особенности женщины кладутъ на нее свою печать, но надо также признать, что характеръ ея достаточно гибокъ, а сила культуры достаточно могуча, чтобы произвести въ немъ измѣненія, какихъ мы даже предвидѣть не можемъ; и Шурцъ, очевидно, слишкомъ торопится обзывать „близорукимъ и плоскимъ“ взглядъ, по которому современная женщина есть продуктъ воспитанія въ длинномъ ряду поколѣній. И, однако, онъ еще разъ возвращается къ своей мысли о рѣзкомъ, въ самой природѣ заложенномъ не только различіи, но и антагонизмѣ между мужчинами и женщинами.

Шурцъ слишкомъ человѣкъ факта, чтобы отрицать присутствіе элемента благожелательности въ томъ цементѣ, который связываетъ людей въ общества; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слишкомъ находится подъ вліяніемъ Ничше, о которомъ, впрочемъ, едва упоминаетъ, чтобы обойти отрицательные элементы въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Онъ пишетъ: „Съ присущею ему склонностью къ общественной жизни, человѣкъ охотно соединяется съ человѣкомъ, онъ радъ подобному себѣ *). Это не должно, однако, скрывать отъ насъ того факта, что вмѣстѣ съ тѣмъ ничто не становится человѣку такъ непріятнымъ и даже отвратительнымъ, какъ именно человѣкъ“. Положеніе это, можетъ быть, казалось бы, иллюстрировано множествомъ фактовъ, такъ какъ несомнѣнно ни одно явленіе природы не способно вызвать въ насъ столько злобы, ненависти, отвращенія, презрѣнія, какъ человѣкъ при извѣстныхъ условіяхъ. Но страннымъ образомъ Шурцъ останавливается только на растущемъ вмѣстѣ съ культурою физическомъ отвращеніи къ нечистоплотности и къ виду и запаху человѣческихъ отдѣленій и выдѣленій. Странность эта объясняется тѣмъ, что нашъ авторъ находитъ удобнымъ повернуть разговоръ съ этого пункта на свою излюбленную тему о различіи и антагонизмѣ между мужчиной и женщиной. Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, оба пола „способны взаимно восполнять и обогащать другъ друга; но *когда восполненіе не удается или не имѣется въ виду*, ихъ различіе легко переходитъ въ антипатію“. „Женщина обладаетъ болѣе богатыми половыми функціями, а вмѣстѣ съ ними и непріятною стороною животной жизни. Какъ разъ то, что составляетъ очарованіе въ глазахъ чувственно-возбужденнаго мужчины, становится по отрезвленіи противнымъ“.

---

*) Hat Freude an seinesgleichen.

Съ своей стороны и женщина, правда, въ меньшей степени, часто непріятно возбуждается активною чувственностью мужчины. Столь же велика, если еще не болѣе значительна психическая противоположность между полами. И здѣсь есть нѣчто чарующее, легко превращающееся въ непріятное. То, что рисуется поэту чудной загадкой, въ глазахъ разочарованнаго является нелогичнымъ, капризнымъ, безхарактернымъ существомъ, отклоняющимъ мужчину отъ его стремленія къ высшимъ цѣлямъ. Съ своей стороны и женщина, смотря по настроенію, видитъ въ мужчинѣ то грубость, то спокойную силу, то заносчивость, то правомѣрное самосознаніе, то ослѣпленіе, то глубокую проницательность. *„Тамъ, гдѣ въ брачныхъ отношеніяхъ преобладаетъ чувственность,* эти колебанія и разочарованія особенно часты, какъ съ безпощадною ясностью показалъ это Толстой въ своей „Крейцеровой сонатѣ".

Двѣ только что подчеркнутыя мною фразы Шурца опредѣлительно указываютъ условія, отъ которыхъ зависятъ случаи взаимной антипатіи людей, соединенныхъ половою любовью, а слѣдовательно, и тѣ ограниченія, которымъ подлежитъ тезисъ Шурца: когда взаимное восполненіе не удается или не имѣется въ виду; когда въ брачныхъ отношеніяхъ преобладаетъ чувственность, — иначе говоря, когда людей связываютъ только половыя отношенія, а во всѣхъ остальныхъ они чужіе другъ другу. Художественная литература даетъ этому много иллюстрацій, въ своемъ родѣ даже болѣе яркихъ, чѣмъ „Крейцерова соната". Таковы, напримѣръ, отношенія гр. Мюффа и Нана у Золя или Санина и Полозовой у Тургенева. У того же Тургенева герой „Переписки" Алексѣй Петровичъ такъ резюмируетъ свой любовный опытъ съ пустенькой итальянской танцовщицей: „Любовь даже не чувство, она — болѣзнь... Въ любви нѣтъ такъ называемаго свободнаго соединенія душъ и прочихъ идеальностей, придуманныхъ на досугѣ нѣмецкими профессорами... и недаромъ поэты толкуютъ о цѣпяхъ, налагаемыхъ любовью. Да, любовь—цѣпь, и самая тяжелая". Если чувственность составляетъ естественную и необходимую основу любви, то человѣкъ существо слишкомъ сложное, чтобы любовь могла исчерпываться чувственностью. Разумъ, чувство и воля требуютъ своей доли участія въ томъ „восполненіи", о которомъ говоритъ Шурцъ, и когда эти алканія высшихъ способностей души остаются неудовлетворенными,—любовь дѣйствительно становится „болѣзнью" и „цѣпью", въ бряцаніи которой слышится и злоба, и отвращеніе, но разорвать которую, по крайней мѣрѣ у многихъ, не хватаетъ силъ. При современныхъ условіяхъ это очень обыкновенный случай, но изъ этого не слѣдуетъ, что такое положеніе вещей составляетъ предѣлъ, его же не прейдетъ человѣчество на дальнѣйшемъ пути своего развитія. И самъ Шурцъ, не смотря на свою вѣру въ непоколебимость природныхъ данныхъ,—мимоходомъ сказать, странно контрастирующую

съ его убѣжденіемъ, что девизомъ этнолога должно быть древнее изреченіе: „все течетъ“,—самъ Шурцъ провидитъ на этомъ пунктѣ въ будущемъ нѣчто отличное отъ настоящаго. Говоря о такъ называемомъ „феминистскомъ“ движеніи, онъ замѣчаетъ, что, за исключеніемъ патологическихъ случаевъ, женщина, уподобляясь мужчинѣ, выигрываетъ (мужчина, уподобляясь женщинѣ, проигрываетъ) и что на этомъ пути „половая антипатія“ должна, по крайней мѣрѣ, ослабѣть, если не исчезнуть.

Итакъ, общество имѣетъ двоякій источникъ: кровныя узы, связывающія людей помимо ихъ воли и выбора, и удовлетворяющія собственно общественному инстинкту, болѣе или менѣе подлежащія свободному выбору. Половыя связи составляютъ нѣчто промежуточное, такъ какъ, будучи сами по себѣ, если не въ дѣйствительности, то въ возможности, дѣломъ свободнаго выбора, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ кладутъ начало узамъ по крови. Впрочемъ, половыя связи, какъ таковыя, независимо отъ семейныхъ, Шурцъ склоненъ и совсѣмъ не включать въ кругъ отношеній общественныхъ. Какъ бы то ни было, своимъ взглядамъ на происхожденіе общества, несомнѣнно очень цѣннымъ, онъ придаетъ едва ли не чрезмѣрное значеніе. Онъ пишетъ въ предисловіи: „Выводы, которые могутъ сдѣлать изъ этой книги о сущности и будущности культурнаго общества, я на этотъ разъ едва намтѣилъ. Здѣсь я хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, указать на то, что альтруистическое ученіе о нравственности подлежитъ отнынѣ основательному пересмотру, такъ какъ изъ полового и семейнаго инстинкта, съ одной стороны, и чисто общественной склонности съ другой—должны вытекать два очень различные и часто совершенно противоположные рода нравственныхъ законовъ. Борьба между этими нравственными законами часто обращала на себя вниманіе и поэтически воспроизводилась, но разумѣніе ея дѣйствительнаго значенія возможно только на основаніи освѣщенныхъ мною фактовъ. И не только въ области морали, но и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности даетъ себя знать противоположность этихъ двухъ направленій, созидая и разрушая общественныя формы“.

Что ходячая, якобы альтруистическая и вся изъѣденная молью лжи и лицемѣрія мораль требуетъ пересмотра, въ этомъ для людей яснаго сознанія и до появленія книги Шурца не было сомнѣнія. И книга эта ничего не даетъ собственно по этому вопросу, она даже совсѣмъ не затрагиваетъ его. Если же Шурцъ говоритъ о „едва намѣченныхъ“ имъ выводахъ относительно „сущности и будущности культурнаго общества“, то общій итогъ этихъ выводовъ сводится къ слѣдующему положенію: „Вся исторія культуры сопровождается и во многихъ отношеніяхъ опре-

дѣляется освободительной борьбой, цѣль которой состоитъ въ разложеніи слишкомъ узкихъ и мало подвижныхъ естественныхъ союзовъ и въ замѣнѣ ихъ свободными и болѣе приспособленными къ культурному развитію группами". Въ этомъ отношеніи Шурцъ дѣйствительно дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ указаній.

Позволю себѣ напомнить, что слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, въ своей юношеской работѣ „Что такое прогрессъ?", я писалъ о двухъ рѣзко различныхъ формахъ общественности, а именно по типамъ простого и сложнаго сотрудничества, и различными сочетаніями этихъ двухъ типовъ объяснялась для меня вся исторія человѣчества (Позже эта теорія, сохраняя свои существенныя черты, развилась въ теорію борьбы за индивидуальность). При этомъ исходною точкою общества сложнаго сотрудничества признавались семейныя—брачныя и кровныя отношенія, а подъ именемъ обществъ простого сотрудничества разумѣлись вольные союзы охотниковъ и воиновъ. Между прочимъ, читаемъ: „Если въ союзъ простого сотрудничества вступаютъ нѣсколько семейныхъ дикарей, участвующихъ такимъ образомъ и въ системѣ простого, и въ системѣ сложнаго сотрудничества, то для нихъ слагаются два совершенно различныхъ кодекса" (Сочиненія, I, 86). Мысль эта иллюстрировалась единовременнымъ существованіемъ Запорожской сѣчи съ ея демократически-республиканскимъ строемъ и отсутствіемъ женщинъ, и казаковъ-горожанъ, земледѣльцевъ и пастуховъ. „Само собою разумѣется, что эта организація казачества можетъ дать только слабое понятіе какъ о первобытной жизни съ одной стороны, такъ и о дальнѣйшихъ, болѣе развитыхъ формахъ простого и сложнаго сотрудничества" (87).

Общая руководящая мысль Шурца почти буквально такова же, но онъ подходитъ къ ней на основаніи колоссальнаго фактическаго матеріала, правда, исключительно этнографическаго и очень однообразнаго. Это огромное собраніе свѣдѣній о существующихъ у разныхъ народовъ, рядомъ съ семьей и ея производными,—„возрастныхъ классовъ" и союзовъ мужчинъ съ ихъ видоизмѣненіями въ формѣ клубовъ и тайныхъ обществъ. Всѣ эти классы, союзы и общества Шурцъ, въ противоположность брачнымъ и кровнымъ узамъ, называетъ „симпатическими", основанными на чисто общественномъ инстинктѣ и болѣе или менѣе добровольными. Ихъ можно бы было назвать братскими, если бы не основная тенденція Шурца отдѣлить ихъ отъ всяческихъ кровныхъ союзовъ. Было бы утомительно, да и не нужно знакомить читателей со всей массой собранныхъ въ книгѣ Шурца фактовъ. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

У всѣхъ почти дикихъ народовъ моменты наступленія половой зрѣлости отмѣчаются особыми празднествами, религіозными церемоніями, обрѣзаніемъ, измѣненіями въ костюмѣ и т. п. И съ

этого момента юношѣ разрѣшаются половыя сношенія съ ровесницами, точнѣе съ созрѣвшими для половой жизни дѣвушками. Но это—практика свободной любви, а не настоящая брачная жизнь, которая наступаетъ позже, иногда гораздо позже, когда мужчина заработаетъ трудомъ или военной добычей достаточно средствъ для выкупа жены у ея семьи. Холостые юноши образуютъ особый классъ, живутъ отдѣльно отъ своихъ семей, въ общемъ помѣщеніи, куда иногда допускаются и женатые мужчины. Но послѣдніе составляютъ уже новый возрастный классъ. Затѣмъ слѣдуетъ старческій возрастъ, характеризующійся угасаніемъ половой способности и общимъ ослабленіемъ силъ. Судьба старцевъ очень различна. Иногда они оказываются безполезнымъ бременемъ для племени, и ихъ убиваютъ или предоставляютъ имъ добровольно покончить жизнь; иногда, напротивъ, въ нихъ цѣнится житейская опытность, а еще иногда ихъ просто выбрасываютъ изъ общества. „Выброшенные старцы вновь соединяются въ убогія общества подобно средневѣковымъ прокаженнымъ или слѣпымъ нищимъ въ Китаѣ, чтобы закончить горестный остатокъ существованія въ видѣ печальнѣйшаго возрастнаго класса. Это объединеніе несчастныхъ и заброшенныхъ показываетъ, какъ глубоко вкоренена въ самое существо человѣка общественность, какъ испытанное оружіе въ борьбѣ за существованіе. Кого общество выталкиваетъ, тотъ примыкаетъ къ подобнымъ ему несчастнымъ и ждетъ отъ нихъ, если не помощи, то участія, проистекающаго изъ тѣхъ же страданій и тѣхъ же надеждъ“.

Приведенныя слова Шурца подчеркиваютъ то, что онъ считаетъ сущностью „симпатическихъ“ или вторичныхъ союзовъ: тяготѣніе подобнаго къ подобному, независимо отъ кровныхъ узъ. При образованіи такихъ группъ возрастъ играетъ важную, но не единственную роль. Всякая сила, въ чемъ бы она ни состояла, выдѣляетъ изъ рядовъ общества ея носителей, безотносительно къ ихъ возрасту, и затѣмъ они образуютъ новую группу. Эта склонность къ единенію съ себѣ подобными свойственна, однако, преимущественно только мужчинамъ, женщины почти совсѣмъ лишены ея, и оттого такъ малочисленны и слабы женскія симпатическія группы. Правда, мужчина драчливъ и ревнивъ, но относительно половой ревности онъ же выработалъ рядъ ограниченій, предоставивъ, напримѣръ, свободную любовь холостымъ и установилъ болѣе или менѣе строгіе брачные порядки. Его „драчливость выражается болѣе во взаимной ревности группъ, тогда какъ женская имѣетъ чисто личный или семейный характеръ. Мужчина съ охотою борется за „хорошее дѣло“, то есть, за честь и благо свободныхъ общественныхъ группъ, а въ своей возвышеннѣйшей формѣ развитія—за благо всего человѣчества, отвѣтственнымъ членомъ котораго онъ себя чувствуетъ“. И, какъ истый нѣмецъ,

Шурцъ иллюстрируетъ эти свои положенія объединеніемъ Германіи „durch Blut und Eisen“, или, говоря словами либретто „Жизни за царя“, „послѣ драки молодецкой“.

Празднества по случаю наступленія половой зрѣлости, совпадающаго обыкновенно съ моментомъ пригодности къ воинскому дѣлу, имѣютъ торжественный, но отнюдь не исключительно радостный характеръ. Юноши, кромѣ болѣе или менѣе долгаго предшествующаго торжеству поста, претерпѣваютъ, какъ извѣстно, разныя мучительныя истязанія. Такъ, у нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ имъ выбиваютъ передніе зубы, продыравливаютъ носъ и губы, ихъ безпощадно бичуютъ; у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ мучаютъ муравьями и осами, вытягиваютъ подвѣшиваніемъ грудные и ручные мускулы и т. п. Претерпѣніе всѣхъ этихъ часто жесточайшихъ мучительствъ должно служить доказательствомъ выносливости, необходимой воину. Юноша, не выдержавшій пытокъ, не допускается въ союзъ себѣ подобныхъ по возрасту и развитію. Всѣ эти церемоніи не разъ описывались, но Шурцъ особенно останавливается на тѣхъ подробностяхъ, которыми символизируется отграниченіе мужского пола отъ женскаго. У разныхъ народовъ это дѣлается разно: то юноши являются на торжество въ женскихъ одеждахъ, которыя женщинами же и срываются съ нихъ; то женщины совсѣмъ не допускаются присутствовать на празднествѣ; то юноши продѣлываютъ комедію смерти и воскресенія. Это послѣднее знаменуетъ возрожденіе къ новой жизни: до этихъ поръ мальчики были на одномъ положеніи съ своими сверстницами и жили въ семьяхъ, при матеряхъ, а отнынѣ семейныя узы, представительницей которыхъ является женщина, разрываются, юноши становятся членами чисто общественной, „симпатической“ группы. Живутъ они, какъ уже сказано, въ отдѣльномъ общемъ помѣщеніи; въ немъ же проводятъ большую часть своего времени и женатые мужчины. Тутъ рѣшаются военные вопросы, тутъ хранится оружіе, тутъ собираются для бесѣдъ и проч., и въ концѣ концовъ собирающаяся въ этихъ „мужскихъ домахъ“ наиболѣе вліятельная часть племени имѣетъ гораздо болѣе общаго между собой, чѣмъ съ своими женами. Шурцъ съ большою тщательностью слѣдитъ за дальнѣйшею судьбою этихъ „мужскихъ союзовъ“, отмѣчая ихъ перекрещивающіяся столкновенія съ семейнымъ началомъ.

Въ Африкѣ существовалъ могущественный воинственный народъ Dschagga, который въ періодъ своего процвѣтанія не былъ народомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, то есть, большимъ союзомъ, состоящимъ изъ семей и родовъ. Это было своего рода разбойничье общество, состоявшее, правда, изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, но послѣднія не были потомки взрослаго населенія: собственныя дѣти Dschagga убивались тотчасъ послѣ рожденія, а на мѣсто ихъ брались подростки изъ побѣжденныхъ

и истребленныхъ племенъ. Такимъ образомъ, избѣгался трудъ воспитанія, и населеніе численно увеличивалось, собственно говоря, не размножаясь. Нѣчто подобное практиковалось и въ нынѣшнія времена нѣкоторыми воинственными кафрами. Мирные жители одного изъ Соломоновыхъ острововъ во избѣжаніе хлопотъ о воспитаніи также убиваютъ своихъ новорожденныхъ, покупая себѣ подростковъ у другихъ племенъ. Возможность такихъ явленій показываетъ,—говоритъ Шурцъ,—какъ сильны общественныя склонности въ сравненіи съ родственными: воинственная группа, члены которой совсѣмъ не родня другъ-другу и должны бы были другъ-друга ненавидѣть, образуютъ, благодаря привычкѣ, воспитанію и общественному инстинкту, замкнутое цѣлое, чувствующее и дѣйствующее за-одно, какъ и народъ, возникшій естественнымъ путемъ. Шурцъ оговаривается, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло, пожалуй, скорѣе съ нравственнымъ оскудѣніемъ (Verlumpung), чѣмъ съ побѣдой мужского общественнаго идеала надъ женскимъ, или свободной группировки надъ кровными узами. Но вотъ, въ древней Спартѣ дѣти возможно рано отрывались отъ семьи и группами отдавались на воспитаніе представителей государственной власти, и это было вполнѣ сознательное и цѣлесообразное подчиненіе семейныхъ чувствъ интересамъ воинственной общины. Въ европейскихъ государствахъ школа, распредѣляющая дѣтей и юношей по однороднымъ группамъ, также представляетъ опору общественному чувству противъ семейныхъ вліяній. И страннымъ образомъ соединяющій въ себѣ отголоски ничшеанства съ грубоватымъ нѣмецкимъ патріотизмомъ, Шурцъ заключаетъ эти соображенія хвалою „прекрасному обычаю прусскихъ государей отдавать своихъ принцевъ въ высшія школы, гдѣ они входятъ въ составъ однородныхъ группъ".

Прусскіе принцы слушаютъ лекціи въ университетахъ наравнѣ съ сыновьями простыхъ смертныхъ, а прусскія принцессы получаютъ, кажется, исключительно домашнее, семейное воспитаніе. Но дочери простыхъ смертныхъ обучаются и воспитываются въ различныхъ училищахъ, пансіонахъ, институтахъ и разныхъ другихъ наименованій низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ также складываются въ однородныя по возрасту, знанію и способностямъ группы, иногда вмѣстѣ съ юными представителями другого пола, иногда совершенно изолированно. Объ этомъ Шурцъ даже не упоминаетъ, хотя съ его точки зрѣнія представляло бы особенный интересъ рѣшеніе вопроса, — какъ отзывается на женщинахъ эта оторванность отъ вліяній семьи и замѣна ихъ вліяніемъ „симпатической" группы. Вообще, что касается женщины, то всѣ относящіеся къ нимъ факты, параллельные тѣмъ, которые особенно занимаютъ нашего автора, когда дѣло идетъ о мужчинахъ, онъ проходитъ какъ-то бѣгомъ. Такъ, напримѣръ, онъ указываетъ, что и дѣвушки, до

стигшія зрѣлости, подвергаются жестокимъ пыткамъ: ихъ заставляютъ поститься, держатъ въ одиночномъ заключеніи, бичуютъ и натираютъ потомъ раны перцемъ и т. п., и затѣмъ происходятъ извѣстныя церемоніи; но въ то время, какъ изъ празднованія мужской зрѣлости онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ вѣрныхъ или невѣрныхъ выводовъ (мы привели далеко не всѣ), объ этихъ женскихъ испытаніяхъ и празднествахъ онъ только упоминаетъ. Мы узнаемъ далѣе, что у многихъ народовъ существуютъ женскія параллели для мужскихъ домовъ, мужскихъ союзовъ, клубовъ и тайныхъ обществъ, что есть и случаи совмѣстной, но не на половыхъ отношеніяхъ основанной жизни и дѣятельности мужчинъ и женщинъ. Но все это отмѣчается мимоходомъ, и Шурцъ довольствуется указаніемъ на слабость, малую вліятельность, неоригинальность этихъ явленій. Эти-то свойства женскихъ союзовъ и составляютъ для него научное подтвержденіе его взглядовъ на роль и характеръ женщины.

Вообще, надо сказать, что огромный фактическій матеріалъ, собранный Шурцемъ, разработанъ имъ далеко неравномѣрно. Нѣкоторыя частности обставлены у него даже съ излишнею роскошью, тогда какъ иные, весьма важные вопросы чуть затронуты. Такъ, напримѣръ, его оригинальные взгляды на происхожденіе и значеніе рода требовали бы гораздо болѣе обстоятельной разработки. Но насъ здѣсь интересуютъ только тѣ два основные столпа, на различныхъ комбинаціяхъ которыхъ онъ строитъ все сложное зданіе общества и всю исторію культуры. Думаю, что его разграниченіе семейныхъ и чисто общественныхъ „симпатическихъ“ чувствъ должно стать прочнымъ и плодотворнымъ достояніемъ науки. Но въ его изложеніи эта мысль требуетъ большихъ и серьезныхъ поправокъ. Во-первыхъ, на ней есть, по малой мѣрѣ, совершенно ненужный наростъ,—та мизогинія, которая вдохновляетъ его чуть не на каждой страницѣ. Не смотря на постоянное возвращеніе къ тезису о неспособности женщины къ чисто-общественнымъ чувствамъ, онъ не доказалъ его. Пусть въ прошломъ— и въ какомъ отдаленномъ прошломъ! у разныхъ австралійскихъ и африканскихъ дикарей, живущихъ жизнью чуть не каменнаго вѣка!—женщина есть только самка и, самое большое, мать, хотя позволительно и въ этомъ сомнѣваться; пусть въ извѣстныхъ кругахъ современнаго общества женщина есть, уже безъ всякаго сомнѣнія, самка. Все это еще не рѣшаетъ принципіальнаго вопроса о способности или неспособности женщины къ „симпатическимъ“ союзамъ, какъ въ своей, женской средѣ, такъ и безъ различія пола. И мы не мало знаемъ образцовъ и тѣхъ, и другихъ.

Затѣмъ, если, какъ справедливо утверждаетъ Шурцъ, немыслимо видѣть въ супружеской и родительской любви корень всѣхъ общественныхъ чувствъ,—въ выясненіи этого отрицательнаго положенія и состоитъ его главная заслуга, — то не менѣе

вѣрно, что невозможно свести всѣ общественныя формы къ переплету двухъ указанныхъ Шурцемъ началъ. Онъ говоритъ, между прочимъ, и характерно именно то, что между прочимъ: „Обособленіямъ и новообразованіямъ внутри естественныхъ группъ противостоятъ явленія, объединяющія различные не родственные между собою союзы въ организмы высшаго порядка. Полное объединеніе получается этимъ путемъ обыкновенно очень поздно и съ большимъ трудомъ. Различныя связанныя между собою группы долго остаются взаимно чуждыми другъ-другу и образуютъ въ общемъ организмѣ народа отдѣльныя общественныя наслоенія. Такъ бываетъ, въ особенности, въ случаяхъ насильственнаго объединенія, когда или цѣлый народъ подчиняется другому народу или же образуется подчиненный слой изъ военноплѣнныхъ. Сюда же относится добровольная иммиграція, какъ это было у насъ съ евреями и цыганами, или въ нѣкоторыхъ странахъ съ армянами. Такъ какъ образующіеся при этомъ новые классы обыкновенно имѣютъ опредѣленный родъ занятій, то легко возникаютъ союзы, подобные кастамъ, которые вдвойнѣ рѣзко выдѣляются изъ остального населенія страны... Всякій кастовый строй, расцвѣтъ котораго мы видимъ въ Индіи, имѣетъ тенденцію сливать естественныя и симпатическія группы воедино, другими словами, совмѣщать одинаковое происхожденіе съ одинаковымъ родомъ занятій и воздвигать почти непреодолимыя границы между отдѣльными классами“.

Послѣднее замѣчаніе совершенно вѣрно и принадлежитъ къ числу давно общепризнанныхъ. Но завоеваніе, какъ факторъ возникновенія своеобразныхъ союзовъ, заслуживало бы гораздо большаго вниманія, чѣмъ то, которое ему удѣляетъ Шурцъ. Роль этого элемента въ исторіи, конечно, огромна, между тѣмъ узы, связывающія побѣдителей и побѣжденныхъ, нельзя отнести ни къ кровнымъ, родственнымъ,—такъ какъ тѣ и другіе часто принадлежатъ даже къ различнымъ расамъ,—ни къ „симпатическимъ“, добровольнымъ. Правда, Шурцъ занятъ преимущественно такъ называемыми первобытными народами и низшими ступенями общежитія, а роль завоеванія вполнѣ обнаруживается только съ образованіемъ государствъ. Но побѣдители и остающіеся при нихъ въ качествѣ рабовъ военноплѣнные существуютъ и на отдаленной зарѣ исторіи. Шурцу и приходится упоминать мимоходомъ о рабахъ. Такъ, въ главѣ о тайныхъ обществахъ, существующихъ у многихъ австралійскихъ и африканскихъ дикарей, онъ говоритъ, что большинство ихъ имѣетъ цѣлью охраненіе нѣкоторыхъ религіозныхъ тайнъ, скрытыхъ отъ непосвященныхъ, главнымъ образомъ, женщинъ и рабовъ. Но если отношеніямъ между мужчинами и женщинами онъ удѣляетъ даже слишкомъ много вниманія, то отношенія между господами и рабами, побѣдителями и побѣжденными остаются у него безъ всякого освѣщенія. Далѣе,

дѣлаетъ же онъ экскурсіи въ исторію культурныхъ народовъ, доходя въ этомъ направленіи, какъ мы видѣли, не только до древней Спарты, но даже до обычая прусскихъ государей отдавать своихъ принцевъ въ университеты. Между тѣмъ, о государствѣ, какъ особой формѣ общественнаго союза, мы находимъ у него только одно замѣчаніе. А именно, говоря о разложеніи родового быта, онъ пишетъ: „Разложеніе можетъ происходить очень различными путями. Укрѣпленіе семейныхъ склонностей и соотвѣтственныхъ общественныхъ формъ часто измѣняетъ родовой бытъ въ томъ направленіи, что материнское право уступаетъ мѣсто патріархальнымъ отношеніямъ, какъ это было въ древней Греціи и въ Римѣ. Инымъ образомъ измѣняется общество подъ вліяніемъ болѣе крѣпкаго сростанія съ территоріей: изъ родовъ вырабатываются, какъ въ большей части Африки, деревенскія общины, внутри которыхъ опять-таки сильнѣе развиваются семейныя начала. А изъ общества и территоріи образуется, какъ блистательно доказалъ Фридрихъ Ратцель, государство, въ которомъ мы имѣемъ великую, всеобъемлющую общественную форму культурнаго міра; и въ немъ родовые союзы оказываются излишними, они замѣняются частью семейными группами, частью же свободными, основанными на чисто общественной склонности“.

Несомнѣнно, что тѣ и другія есть въ государствѣ. Допустимъ, что къ нимъ и къ различнымъ комбинаціямъ ихъ можно свести группы профессіональныя, сословныя, классовыя, національныя. Но и за всѣмъ тѣмъ въ государствѣ есть нѣчто, что не можетъ быть сведено ни къ семейнымъ, ни къ добровольнымъ союзамъ, что часто, въ особенности, трудно уживается съ послѣдними и что именно и составляетъ въ немъ формально объединяющее начало. Это—право и обязанность государства принудительно воздѣйствовать какъ на отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и на цѣлыя племена, народы и всякаго рода союзы, входящіе въ его составъ, въ интересахъ цѣлаго. Такова теорія. На практикѣ, въ дѣйствительной жизни, интересы цѣлаго не легко уловимы. Они могутъ пониматься и толковаться очень различно и часто подмѣниваются интересами какой-либо одной или нѣсколькихъ группъ, принудительно объединенныхъ государствомъ.

Книга Шурца ничего не даетъ для разъясненія этихъ сложныхъ явленій. А для возвѣщеннаго имъ пересмотра альтруистической морали даетъ только одно: мораль эта вытекаетъ не изъ семейныхъ отношеній, какъ обыкновенно думаютъ, по крайней мѣрѣ, не изъ нихъ однихъ, а и изъ свободнаго тяготѣнія къ себѣ подобныхъ.

Ник. Михайловскій.

НА ЗАКАТѢ.

Слѣжу съ печалью каждый день,
Какъ солнце гаснетъ за горою,
И по долинѣ стелетъ тѣнь
Ночь, пролетая надъ землею.
И каждый разъ, когда съ тоской
Мнѣ солнце лучъ послѣдній броситъ,
Я чувствую—оно съ собой
Частицу силъ моихъ уноситъ...
Въ душѣ моей встаетъ вопросъ:
А гдѣ же ты, осуществленье
Моихъ святыхъ надеждъ и грезъ,
Родного края возрожденье?
Ахъ! силы мысли и труда
Нужна еще большая трата,
А голова моя сѣда,
И недалекъ мой часъ заката!..

С. Синегубъ.

ПЕПЕЛИЩЕ.

Романъ *Ст. Жеромскаго.*

Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова.

Путешествіе.

Не смотря на предостереженія кучеровъ и совѣты самыхъ опытныхъ и смѣлыхъ горцевъ, князь Гинтултъ рѣшилъ продолжать путешествіе. Де-Витъ не возражалъ. Онъ былъ равнодушенъ и, повидимому, безпеченъ. Суровая улыбка не сходила съ его устъ. Рано утромъ они выѣхали изъ Ваазена. Нѣсколько крестьянъ шли впереди, чтобы разгребать обвалы, порою преграждавшіе путь, а оба путешественника шли слѣдомъ за ними, подъ охраной трехъ сильныхъ швейцарцевъ. Когда вошли въ каменное ущелье Рейсса за Гешененомъ, проводники потребовали строгаго молчанія. Всѣ шли медленно, пробираясь на цыпочкахъ. На вершинахъ утесовъ, съ карнизовъ и въ изломахъ скалъ спускались внизъ и дремали на солнцѣ лавины. Чудный утренній свѣтъ солнца золотилъ ихъ края надъ самой пропастью, какъ будто они остановились здѣсь и прислушивались къ дикому шуму горной рѣки, которая бѣшеными прыжками неслась по сѣрымъ камнямъ, между громадными, какъ самыя скалы, глетчерами. Съ обнаженными головами и дрожью, переходили швейцарцы черезъ Чортовъ мостъ надъ скользкой щелью бездны, гдѣ пронзительный свистъ вѣтра захватываетъ дыханіе. Оба путешественника шли съ зажмуренными глазами. Смертельная тревога не покидала ихъ. Изъ-подъ нависшихъ льдовъ на нихъ, казалось, смотрѣли тѣни погибшихъ въ этомъ мѣстѣ людей.

Могучій шумъ дикой рѣки какъ будто разсказывалъ исторію происходившей здѣсь битвы. Когда они прошли мостъ и каменныя галлереи, де-Витъ поднялъ глаза и съ востор-

гомъ смотрѣлъ на скалы и бѣснующуюся рѣку, думая о скрытомъ въ этомъ мѣстѣ таинственномъ прошломъ.

— Какъ здѣсь хорошо!..—обратился онъ къ князю.

— Да...

— Ты говорилъ мнѣ, что въ этомъ мѣстѣ сражался Лекурбъ съ Суворовымъ?

— Да. Хочешь прослушать исторію этого происшествія?

Де-Витъ утвердительно кивнулъ головой, но черезъ минуту глаза его приняли снова равнодушное выраженіе. Князь замолчалъ.

Въ этотъ день имъ удалось дойти только до Госпенталя. Солнце уже зашло за хребетъ Фурки. Никто изъ крестьянъ и слышать не хотѣлъ о продолженіи путешествія. Пришлось заночевать въ послѣдней деревнѣ передъ С.-Готардской цѣпью, гдѣ еще слышна нѣмецкая рѣчь. Въ маленькой, ветхой избушкѣ съ покривившимся поломъ было невѣроятно душно. Князь не могъ спать. Въ полудремотѣ онъ слышалъ, какъ ночной сторожъ черезъ каждую четверть часа громко распѣвалъ стихи изъ кантаты всѣмъ святымъ. Какъ только разсвѣло, они двинулись въ путь.

Черезъ Готардскій хребетъ уже проходила новая, проведенная въ 1830 году, дорога, но въ этотъ день нельзя было замѣтить и слѣдовъ ея. Мятели засыпали долину громадными сугробами. Поперекъ дороги, которая поднималась на вершину, нагромоздились новыя ледяныя горы, образовались новые хребты, цѣпи и долины. Путешественники ѣхали сначала верхомъ, а потомъ пересѣли въ сани. Но холодъ заставилъ ихъ на половинѣ пути выйти и пойти пѣшкомъ. Въ гору подымались съ большимъ трудомъ.

— Мы стоимъ въ центрѣ Европы, какъ будто на самомъ верху ея крыши...—замѣтилъ князь.

Де-Витъ мечтательно улыбнулся.

— Зачѣмъ эти горы, эти безпредѣльныя, едва доступныя уму каменныя цѣпи и пропасти? Зачѣмъ эти сугробы? Зачѣмъ нужна была эта ужасная мятель, которая нанесла ихъ?

Мастеръ каѳедры смотрѣлъ своими ясными глазами на снѣжное поле, какъ будто искалъ тамъ отвѣта. Потомъ онъ встряхнулъ по-дѣтски головой и, обратившись къ князю, сказалъ:

— Я не знаю.

— Для человѣка: чтобы человѣкъ...

— Теперь я ничего не знаю.

На вершинѣ, около мертвыхъ озеръ, которыя въ это время скрывались подо льдомъ и глыбами снѣга, поднялась такая страшная мятель, что оба путешественника отчаявались даже въ своемъ спасеніи. Они стояли среди тучъ ледяного снѣга

и не знали, что на землѣ: ночь или день? Страшный вѣтеръ, со свистомъ пролетая съ сѣвера на югъ, скользилъ по горнымъ цѣпямъ, врываясь въ щели ледяныхъ пещеръ, гдѣ исчезла всякая жизнь.

Сердца путниковъ ускоренно бились, ноги дрожали. Полуокоченѣвшіе, смертельно уставшіе, на каждомъ шагу проваливаясь въ сугробы, путники добрели, наконецъ, до убѣжища. Проводники съ большими усиліями развели огонь, вскипятили воду и приготовили кое-какую пищу. Эту ночь путешественники провели въ дремотѣ возлѣ костра, закутавшись въ мѣховые плащи. На слѣдующій день съ такимъ же трудомъ спустились въ Айроло на итальянскомъ склонѣ Альпъ. И тамъ лежали сугробы, и мятель застилала свѣтъ. Черезъ Біаску, Беллинцону и Лугано они съѣхали внизъ на лошадяхъ. Только въ Ломбардской долинѣ повѣяло тепломъ и запахомъ итальянскихъ садовъ. Земля была еще сыра и холодна. На влажныхъ равнинахъ сонно стояли оливковыя деревья, напоминавшія сѣверныя вербы. Кое-гдѣ сверкала яркая мурава въ тепломъ затишьѣ овраговъ, обращенныхъ къ югу. Крестьяне выходили уже на работу въ поле и съ улыбкой поглядывали на теплую, широкую одежду людей, пришедшихъ изъ-за горъ. Нигдѣ болѣе не останавливаясь на долго, путешественники прошли низменность рѣки Течино, которую замѣтили еще тамъ, гдѣ она выбѣгала изъ снѣжныхъ ущелій Готарда, и переправились черезъ лѣнивую, покрытую иломъ и камнями По.

Въ первыхъ числахъ марта они достигли лигурійскихъ Альпъ и въѣхали въ ихъ ущелья. По горнымъ дорогамъ тащились нагруженныя двухколесныя телѣги, съ старинными древне-римскими тормазами, запряженныя ослами, мулами и лошадьми. Возницы шли рядомъ, весело похлопывая бичами. Безконечныя оливковыя рощи серебристо-сѣрымъ покровомъ закрывали сухія, каменистыя возвышенности. На солнцѣ блестѣли ноздреватыя, какъ высохшая земля, стѣны крестьянскихъ строеній. То здѣсь, то тамъ попадались скученные поселки съ свѣтло-желтыми домами. Съ садовыхъ стѣнъ свѣшивались вьющіяся растенія съ треугольными листьями, а изъ-за вѣтвей кое-гдѣ виднѣлись цвѣты, похожіе на нашъ чертополохъ. Безобразный кактусъ изъ щели въ скалѣ выставлялъ на солнце свои кривыя, плоскія лапы. Изъ-за желѣзныхъ рѣшетокъ домовъ доносился запахъ розовыхъ кустовъ и виднѣлись разноцвѣтные левкои и цвѣтущія камеліи, разсыпавшія вокругъ себя бѣлые и пунцовые лепестки. Де-Витъ, бывшій въ этихъ мѣстахъ въ первый разъ въ жизни, смотрѣлъ на все апатичнымъ взглядомъ, какъ будто передъ нимъ были давно примелькавшіяся стѣны его

квартиры. На его сѣромъ лицѣ горячій вѣтеръ вызывалъ слабый румянецъ. Между бровями по-прежнему оставалась угрюмая складка. Путники въѣхали въ предѣлы Лигурійской, бывшей Генуэзской республики. Горы становились все выше и недоступнѣе.

Наконецъ, спустя много дней, скалы разступились и открылись глубокія долины. На горизонтѣ блестѣло далекое море. У князя загорѣлись глаза и крикъ радости сорвался съ его губъ. Онъ невольно воскликнулъ:

— Какъ ничтоженъ край, который былъ нашей колыбелью!.. Вотъ страна, достойная человѣка! Здѣсь все говоритъ душѣ, здѣсь исторія начертала свои великія событія. Не скрою: я люблю этотъ край. Я живу въ немъ настоящей жизнью. Взгляни...

Передъ ними растилался морской берегъ, въ видѣ натянутаго лука. Въ тетивѣ его сверкала огненная стрѣла солнца. Волны колыхались подъ нимъ и, пересѣкаемыя голубыми полосами, пѣли пѣснь моря.

Со скалистыхъ береговъ громадныя сосны склоняли надъ водой свои длинныя вѣтви, а выше подымалась къ небу группа кипарисовъ. Съ береговъ Ниццы бѣлѣли въ туманѣ лигурійскіе Альпы, а на левантинскомъ берегу растянулись массы Аппениновъ и черныя, какъ бы сожженыя, вершины Рокка, Джуго, Санта-Кроче...

— Генуэзскій заливъ...—говорилъ князь.—Мелодіей своихъ волнъ онъ баюкалъ дѣтскія и юношескія мечты Христофора Колумба. Его бури закаляли въ немъ желѣзную волю. Отсюда онъ вышелъ въ таинственныя равнины безконечнаго океана, направляясь къ странѣ своей мечты, къ Индіи... Мы, пигмеи, едва способны охватить своимъ умомъ пройденный имъ путь до того пункта, гдѣ онъ могъ написать королевѣ Изабеллѣ эти гордыя, по истинѣ царственныя слова: „Земля не такъ велика, какъ думаютъ люди; напротивъ, она мала". Это-же голубое море привело на материкъ корсиканца, перваго консула, который теперь наполняетъ ужасомъ Францію...

Де-Витъ терпѣливо слушалъ и изъ вѣжливости поддакивалъ.

Экипажъ свернулъ направо и выѣхалъ на большую дорогу, которая вела въ Геную. Вскорѣ путешественники были уже на ея узкихъ, какъ тѣсные корридоры, улицахъ, спускавшихся съ горы къ открытому морю. Цѣлью ихъ путешествія было имѣніе „брата" Вичини въ окрестностяхъ города. Переодѣвшись въ гостиницѣ, они отправились по указанному имъ направленію. Вилла Вичини лежала на горѣ, среди густой зелени.

Былъ полдень, когда они остановились у ея рѣшетки.

Они вошли въ садъ черезъ старинныя желѣзныя ворота и нѣкоторое время шли въ гору узкимъ проходомъ между двумя высокими стѣнами. Вѣтви плюща свѣшивались со стѣнъ и, падая длинными гирляндами до самой земли, образовали величественную и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно уютную галлерею. Она вела къ двери дома. Іонійскія и коринѳскія колонны бѣлѣли на солнцѣ, выдѣляясь на темномъ фонѣ темной зелени. Слуга предложилъ путешественникамъ обождать въ нижнихъ покояхъ или въ саду, пока проснется маркграфъ. Они предпочли ждать въ саду и направились въ гору по тропинкѣ, усыпанной мелкими камешками. Маленькія ящерицы то и дѣло перебѣгали по солнечнымъ площадкамъ и, останавливаясь по временамъ, смотрѣли зелеными глазками на неизвѣстныхъ людей. Люди шли медленно, съ восторгомъ любуясь красивыми деревьями. Въ одномъ мѣстѣ стѣна была низка и, приподнявшись на пальцахъ, можно было видѣть, чтó по другую сторону. Тамъ на южномъ склонѣ горы, окруженный со всѣхъ сторонъ стѣнами, раскинулся фруктовый садъ. Весна уже коснулась его.

У противоположной стѣны стройныя вѣтки персиковаго дерева были усыпаны свѣтло-розовыми цвѣтами. Князь зажмурилъ глаза, какъ бы ослѣпленный, и замечтался. Въ сладкихъ мечтахъ ему представилась чистая, невинная дѣвушка. Была ли это сестра или чужая, видѣлъ ли онъ ее когда-нибудь, или нѣтъ, но она такая-же, какъ эти цвѣты: вся розовая, чистая, нѣжная... Она стоитъ передъ его глазами, и счастье проникаетъ въ его очерствѣвшее сердце.

Все пространство за оградой покрыто было раскидистыми апельсинными и лимонными деревьями. Каждая вѣточка была обременена плодами. Свѣтло-серебристые лимоны были многочисленны, какъ листья. Уже смоковница пустила молодые побѣги, а сладкій каштанъ украсилъ почками концы голыхъ и искривленныхъ вѣтвей.

Гинтултъ и де-Витъ вошли въ садъ. Передъ ними былъ эвкалиптъ, съ прямымъ и стройнымъ, какъ мечта, стволомъ. Онъ, казалось, поднимался до половины горы. Вверху виднѣлась его необъятная корона и вѣтви съ листьями, какъ у тополя, темными и твердыми, какъ пергаментъ. Сквозь кусты букса виднѣлся лавръ, съ мелкими и слабыми листочками, а рядомъ — магнолія, громадная, какъ вѣковая липа. На каждомъ шагу встрѣчалось что-нибудь новое. Въ одномъ мѣстѣ самшитъ кивалъ своими желтыми цвѣтами и мясистыми, какъ бы вырѣзными изъ кожи, листьями. Въ другомъ—дремали бразильскія и африканскія пальмы, а въ ихъ листвѣ висѣли уже на золотистыхъ вѣтвяхъ круг-

лые, не созрѣвшіе еще, тяжелые плоды финиковъ. Путешественники вошли въ глубокую тѣнь громаднаго ливанскаго кедра. Съ вершины горы кедръ смотрѣлъ на лигурійское побережье уже тысячу, а можетъ быть, и двѣ тысячи лѣтъ, посаженный здѣсь первымъ финикійскимъ мореплавателемъ или выросшій, можетъ быть, изъ зерна, случайно занесеннаго сюда вѣтромъ...

Кое-гдѣ между кустами и деревьями открывались широкія площадки, усѣянныя цвѣтами тимьяна и розмарина. Изъ-за деревьевъ доносился веселый плескъ небольшого фонтана и тихое журчанье воды, стекавшей въ плоскую цистерну изъ бѣлаго мрамора. Никто не удивился бы, если бъ изъ влажныхъ блестящихъ зарослей вышелъ голый фавнъ, съ коричневымъ, лохматымъ тѣломъ, или на мраморномъ карнизѣ водоема появилось бѣлоснѣжное тѣло нимфы. Ухо невольно прислушивалось, не раздастся ли гдѣ-нибудь звукъ свирѣли или крикъ весенней радости...

Въ глубинѣ листьевъ мелькнули бѣлыя руки. Тутъ была мраморная статуя человѣка. Приблизившись къ ней, путешественники увидѣли, что глаза статуи отъ времени и дождей превратились въ безформенныя ямы. Губъ уже не было, а застежка тоги на обнаженномъ плечѣ поросла мхомъ, такъ-же какъ лобъ и брови.

— Спи мирно могущественный патрицій...— сказалъ Гинтултъ, отходя отъ статуи.

Шелестъ тонкихъ, какъ шелкъ, листьевъ бѣлаго бамбука вывелъ путешественниковъ изъ задумчивости. Чувствительные къ каждому дуновенію, они жалобно шептали что-то и съ тревогой прижимались другъ къ другу синеватыми поверхностями. Бѣлые, круглые стебли ихъ росли кучей отдѣльно отъ остальныхъ растеній, какъ чужеземцы, выброшенные на негостепріимный берегъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ чернѣли, блестя и сверкая, кусты чернаго бамбука.

Продолжительный подъемъ въ гору сильно утомилъ путешественниковъ, и они присѣли на каменную скамью. Князь Гинтултъ вынулъ бумажникъ и началъ разсматривать рекомендательныя письма и бумаги, которыя надлежало вручить „брату“ Вичини, когда они познакомятся съ нимъ.

Вдругъ онъ поднялъ глаза и выронилъ бумаги изъ рукъ. Противъ скамейки, по другую сторону площадки, усыпанной сѣрой галькой, стояла группа кипарисовъ, образовавшая нѣчто въ родѣ мрачной часовни. Остроконечныя верхушки деревьевъ подымались къ небу. Въ тѣнистой глубинѣ, между ихъ стволами, стояло раскидистое деревцо рододендрона, не выше человѣческаго роста. Онъ весь былъ усыпанъ громадными красными цвѣтами, съ нѣжными зелеными листочками,

которые терялись между ними. Этотъ огненный кустъ стоялъ въ своемъ темномъ уединеніи, какъ жрецъ, возносящій къ небу таинственныя молитвы.

Оба путешественника встали и подошли къ нему. Съ наслажденіемъ и восторгомъ смотрѣли они на огромные, пурпуровые цвѣты, испещренные черными точками, какъ бы отъ укусовъ насѣкомыхъ. Князь Гинтултъ сорвалъ цвѣтущую вѣтку и подалъ ее своему спутнику. Де-Витъ на одно мгновеніе погрузился было въ созерцаніе цвѣтовъ.

Вдругъ сильная дрожь охватила все его тѣло. Онъ уронилъ вѣтку на землю и, понуривъ голову, стоялъ, какъ надъ открытой могилой. Князь понялъ его страданіе.

— О, братъ мой,—сказалъ де-Витъ,—нѣтъ уже той, которая была достойна этихъ цвѣтовъ. Для нея бы рости имъ, ее бы украшать!

Онъ еще больше согнулся, еще больше сгорбился. Конвульсивно прижалъ онъ руки къ груди, и изъ глазъ его полились слезы.

— Ты пренебрегла мною и ушла, ты разбила мое сердце и душу... — шепталъ онъ.—Отпускается тебѣ вина твоя, все равно, жива ли ты, или мертва. Да будешь ты благословенна во всемъ, что бы ты ни сдѣлала... А если тебя уже нѣтъ на землѣ,—миръ праху твоему... на вѣки... на вѣки...

Низменность.

Въ началѣ сентября 1804 года Рафаилъ Ольбромскій вышелъ изъ заключенія въ Оравскомъ замкѣ, гдѣ просидѣлъ больше года, какъ обыкновенный разбойникъ, хотя не совершилъ никакихъ преступленій. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ онъ упорно молчалъ и не хотѣлъ назвать даже своей фамиліи. По новому австрійскому уложенію 1803 года, его карали тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ за одно только молчаніе. Между тѣмъ, онъ иначе не могъ поступить, потому что пришлось бы открыть всю глубину своего несчастья, открыть тайну смерти Елены де-Витъ и исторію своей любви. Для своего спасенія пришлось бы обезславить ту, которая погибла по его винѣ. Это казалось ему отвратительнымъ и невозможнымъ, и онъ рѣшилъ не измѣнять своего поведенія, сидѣть въ тюремной клѣткѣ и ждать конца. Презрѣвъ самую смерть, онъ ждалъ ее равнодушно. Но смерть не приходила, а выслала впередъ слугу свою—болѣзнь. Тюремный тифъ захватилъ его въ свои когти и держалъ долго. Во время его болѣзни дѣло раскрылось

внезапно и просто. Отрядъ пѣхоты, выслѣживая карпатскихъ разбойниковъ, обнаружилъ въ хатѣ стараго горца, у котораго проживалъ Рафаилъ въ періодъ своего счастья, его паспортъ и нѣкоторыя вещи. Предусмотрительный горецъ припряталъ деньги на всякій случай, а о бумагахъ мало заботился. Судья, который велъ въ ближайшемъ округѣ Венгріи дѣла о разбойникахъ, получилъ эти документы долго спустя послѣ ареста Рафаила, однако, сразу догадался, что они принадлежатъ таинственному арестанту. Установленіе личности было уже только вопросомъ времени. Когда при допросѣ судья назвалъ Рафаила по фамиліи, — онъ задрожалъ и уставился на судью безумными глазами. Его спросили, гдѣ женщина, съ которой онъ, по показанію горца жилъ въ Подгальѣ. Рафаилъ просто и съ наивностью отвѣтилъ, что это была дѣвушка легкаго поведенія, встрѣченная имъ на улицахъ Кракова. Она ему надоѣла, и онъ прогналъ ее. Дѣвушка ушла въ городъ. Гдѣ она теперь, онъ не знаетъ. Должно быть, по-прежнему занимается своимъ ремесломъ. Свой разбойничій костюмъ онъ объяснилъ легко, искусно извративъ дѣйствительность. Его выпустили на свободу. Въ качествѣ дворянина, онъ не получилъ даже обычной порціи палокъ, какою австрійское правосудіе благословляло въ путь своихъ тюремныхъ питомцевъ. Изъ всего своего имущества онъ получилъ лишь свой прусскій паспортъ и нѣсколько лохмотьевъ разбойничьей одежды, которую невозможно было надѣть. Тюремный надзиратель, изъ сожалѣнія, пожертвовалъ ему рваные венгерскіе сапоги, казенный картузъ безъ нашивокъ и кантовъ и короткій, истрепанный кучерской кафтанъ. Одѣвшись въ этотъ костюмъ, Рафаилъ взялъ въ руки палку и отправился въ путь. Онъ даже не оглянулся на оставленную имъ тюрьму... Онъ былъ разбитъ и утомленъ до крайности. Лицо отъ долгаго заключенія было желтое, съ синими кругами у глазъ, волосы на головѣ порѣдѣли, за то отросла борода. Онъ такъ ослабѣлъ, что подгибались ноги, а въ рукахъ чувствовался жаръ. Одно только желаніе бѣжать было въ немъ сильно и непреодолимо. И онъ шелъ, не останавливаясь. Иногда онъ отдыхалъ немного на возу проѣзжаго словака, взбиравшагося въ гору, и тѣмъ немного сокращалъ свой путь. Иногда присаживался на еврейскую телѣгу и проѣзжалъ нѣсколько сотъ шаговъ. Рѣдко спрашивая о направленіи, онъ шелъ къ Кракову, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и населенныхъ деревень, чтобы кто-нибудь не узналъ его. Въ теплыя ночи онъ спалъ въ стогахъ сѣна, на кучѣ скошенной травы или подъ скирдами хлѣбовъ. Питался, чѣмъ только могъ. Заходилъ въ уединенные домики ксендзовъ въ захудалыхъ

приходахъ и, притворяясь рабочимъ, который идетъ на заработки въ Польшу, получалъ миску похлебки или ломоть хлѣба. Разъ въ одномъ монастырѣ его хорошо накормили и дали ночлегъ подъ крышей. Нѣсколько разъ ему удавалось на какомъ-нибудь отдаленномъ огородѣ накопать рѣпы или картофеля и испечь на разсвѣтѣ въ лѣсу. Въ крестьянскія избы заглядывалъ онъ, только когда испытывалъ сильный голодъ. Просить у крѣпостного мужика у него не хватало духу. И, тѣмъ не менѣе, онъ вынужденъ былъ просить у нихъ милостыню и ѣлъ крестьянскія галушки съ молокомъ, любезно приглашенный къ общей трапезѣ. Онъ разсказывалъ этимъ рабамъ печальныя, съ удивительнымъ искусствомъ сочиненныя исторіи и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ихъ открытые отъ изумленія рты...

Наконецъ, онъ спустился въ туманныя долины.

Рафаилъ привѣтствовалъ ихъ и съ ненавистью думалъ о горахъ. Долины предвѣщали ему перемѣну, будили надежду на лучшее будущее.

Былъ пасмурный день. Облака плотной пеленой застилали небо, а сѣверо-западный вѣтеръ уныло покачивалъ въ поляхъ высохшіе стебли. Кругомъ разстилались опустѣвшія нивы, съ высокими зарослями чертополоха на межахъ. Тамъ и сямъ стройныя березы не потеряли еще листьевъ, но ежились и сгибались, когда вѣтеръ качалъ ихъ красивыя, кудрявыя одѣянія.

Узкая дорожка съ глубокими колеями вела въ деревню. Вдали виднѣлись избы, крытыя соломой, сѣрыя, какъ высохшій мохъ. Кое-гдѣ высился шпиль колокольни костела, а дальше виднѣлся опять туманный горизонтъ. На немъ привычный глазъ различалъ синѣющую полосу лѣсовъ, а ближе—сѣрые сухіе скелеты тополей и вязовъ, торчавшіе на стражѣ у какой-нибудь фермы. Мертвую тишину нарушалъ только издалека доносившійся хриплый лай собаки, да порою ворона, увидѣвъ необычную фигуру путника, съ пугливымъ крикомъ слетала съ ближайшихъ кустовъ.

Эта убогая, сѣрая мѣстность, тѣмъ не менѣе, казалась путнику уютной, какъ родная сторона. Онъ полной грудью вдыхалъ ея воздухъ, поминутно останавливался; закрывалъ отъ свѣта глаза рукой и смотрѣлъ вдаль. На душѣ становилось теплѣе. Тяжелыя чары спадали съ сердца. Если бы еще услышать родной сандомирскій говоръ, если бы добраться до своего гнѣзда!

Въ одномъ мѣстѣ проселокъ вывелъ его на большую, оживленную дорогу. Онъ быстро шагалъ по боковой тропинкѣ, не жалѣя ногъ. Онъ былъ въ грязи до колѣнъ, промерзъ до костей, былъ голоденъ, какъ бездомная собака. По боль-

шой дорогѣ то и дѣло проѣзжали то карета четверкой, то краковская бричка, или легкая пролетка. Тащились возы съ товарами, плелись на наемныхъ клячахъ евреи. Подъ вечеръ онъ увидѣлъ въ открытомъ полѣ каменное зданіе харчевни, передъ которой останавливались почти всѣ проѣзжающіе. Рафаилъ, не долго думая, безъ гроша денегъ за душой, пробрался черезъ липкую лужу грязи у входа и вошелъ въ большую комнату. Здѣсь было сыро и холодно. У стѣнъ стояли широкія скамьи и тяжелые столы на козлахъ. Въ одномъ углу помѣщался прилавокъ съ водкой, пивомъ и коллекціей висѣвшихъ старыхъ колбасъ. За прилавкомъ суетился тощій человѣкъ, съ бѣгавшими во всѣ стороны глазками. Онъ упорно молчалъ и былъ золъ, точно его гости были членами карпатскихъ разбойничихъ шаекъ.

Рафаилъ небрежно кивнулъ трактирщику головой и усѣлся въ темномъ углу. Запахъ колбасъ терзалъ его внутренности, его тошнило отъ голода, а ароматъ водки вызывалъ шумъ въ головѣ и головокруженіе. Въ харчевнѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Какой-то кучеръ съ лакеемъ въ ливреѣ ссорились и кричали, играя замасленными картами. Передъ ними лежали деньги. Рядомъ стояли кружки съ пивомъ, въ мискѣ дымилась жирная свинина съ капустой, а въ зеленой бутылкѣ искрилась водка.

Ольбромскій послѣ тифа испытывалъ приступы болѣзненнаго голода. Еще минута, и онъ боялся, что бросится, сорветъ колбасы, висѣвшія въ полумракѣ прилавка, и мгновенно проглотитъ ихъ... Но онъ сидѣлъ неподвижно. Наконецъ, самъ не сознавая, что дѣлаетъ, онъ всталъ, потянулся, нехотя зѣвнулъ, и высокомѣрно обратился къ трактирщику:

— Послушай-ка... эй... пане, что у тебя тамъ будетъ поѣсть?

Трактирщикъ на время оставилъ рюмки и равнодушно отвѣтилъ вопросомъ:

— А что бы къ примѣру... панъ... приказалъ?

— Ну, что-нибудь мясное, вареное или жареное...

Трактирщикъ немного помолчалъ, какъ будто припоминая, какія у него могутъ быть кушанья, затѣмъ смѣрилъ взглядомъ оборвыша и отвѣтилъ:

— Нѣтъ ни варенаго, ни жаренаго мяса.

— А то, чтò ѣдятъ эти господа? Оно какое?

— Что они ѣдятъ? Они ѣдятъ вареное.

— Ну, такъ и мнѣ подай сейчасъ того же, безъ разговоровъ!—крикнулъ Рафаилъ повелительно.—Слышишь?

— Слышать-то слышу...

— Ну, такъ живѣе! Мнѣ некогда.

Кабатчикъ старательно вытиралъ какой-то стаканъ.

— Ты, можетъ быть, думаешь, что мнѣ нечѣмъ заплатить за твою стервятину? — прибавилъ Рафаилъ съ искреннимъ пренебреженіемъ, какъ будто у него карманы были полны червонцевъ.

— Я ничего не думаю, — пробормоталъ трактирщикъ. — Само собой, платить надо. Что подавать?

— Давай, что есть, только живѣй!

Онъ говорилъ совершенно спокойно, не думая о томъ, что будетъ дальше. Лишь бы только поѣсть... мяса, которое дымится, хлѣба, который трещитъ на зубахъ...

Люди, игравшіе въ карты, не прекращая своего занятія, посматривали въ сторону сердитаго оборванца. Съ снисходительными улыбками, иронически прижмуривая глаза, они тихо обмѣнивались по поводу его какими-то замѣчаніями.

Трактирщикъ скрылся черезъ маленькую дверь въ свое таинственное помѣщеніе, и его мѣсто заняла блѣдная дѣвушка въ грязномъ фартукѣ и истоптанныхъ башмакахъ. Рафаилъ быстрымъ движеніемъ приблизился къ игрокамъ и въ видѣ привѣтствія кивнулъ имъ головой, какъ шляхтичъ-помѣщикъ киваетъ иногда милостиво головой, отвѣчая на поклонъ мужика. Игравшіе отвѣтили на этотъ кивокъ нерѣшительно и, продолжая играть, покряхтывали и покашливали, не зная, что имъ дѣлать. Рафаилъ съ высокомѣріемъ, которое при всемъ желаніи не могъ подавить въ себѣ, заглянулъ въ карты.

— Какая отчаянная яма эта корчма!—сказалъ онъ.

— Это вѣрно...—отвѣтилъ кучеръ.

— Вы здѣшній?

— Нѣтъ, не здѣшній.

— Издалека?

— Издалека.

— Откуда именно?

— А вы, пане, откуда?

— Я иду съ венгерской стороны прямо на Краковъ.

— Съ венгерской стороны?—съ нѣкоторымъ почтеніемъ переспросили игроки.

— Ну, да! Отъ Пешта... Чацы,—прибавилъ онъ тише.

— Далекій путь! Я даже понять не могу, гдѣ это можетъ быть.

— Вотъ видишь! Я страшно утомился, а этотъ злодѣй еще ѣсть не даетъ.

— Ну, онъ, навѣрно, сейчасъ принесетъ...

— Что онъ тамъ готовитъ?—думалъ Рафаилъ, искоса поглядывая на свиной бокъ, лежавшій въ мискѣ.

Не спрашивая разрѣшенія, онъ вдругъ отломилъ хлѣба, отрѣзалъ порядочный кусокъ мяса и началъ быстро и рѣ-

шительно ѣсть. Оказалось, что кушанье ничего себѣ. Тогда Рафаилъ налилъ себѣ рюмку водки и съ небрежнымъ видомъ випилъ за здоровье челяди.

— Ѣсть хочется чертовски, а обезьяна-трактирщикъ такъ долго возится...—ворчалъ онъ, принимаясь за лучшую, болѣе жирную часть свиного бока.

Хлѣбъ исчезалъ огромными кусками.

— Ты, пане, у кого служишь?—спросилъ онъ кучера, наливая себѣ вторую рюмку водки.

— Я жду своего барина.

— Какого барина?

— Жду съ перекладными лошадьми...—отвѣчалъ возница, съ недоумѣніемъ смотря на поведеніе Рафаила.

— Откуда, панъ, ѣдешь?

— Изъ Вѣны.

— Какъ же, чортъ восьми, называется твой баринъ?

Кучеръ на мгновенье поколебался, и затѣмъ, притворяясь, что не разслышалъ вопроса, обратился къ своему партнеру:

— Ну! Теперь ты сдаешь...

Ольбромскій больше не настаивалъ.

Трактирщикъ вынесъ, наконецъ, изъ своей лабораторіи желѣзный котелокъ на трехъ ножкахъ и подалъ гостю шипѣвшій въ темномъ жирѣ кусокъ колбасы и краюху чернаго хлѣба. Замѣчательно вкуснымъ и удивительно ароматнымъ показалось Рафаилу это блюдо! Онъ уничтожилъ его безъ остатка, жиръ вытеръ хлѣбомъ до послѣдней капли, но голода всетаки не утолилъ. Онъ лишь настолько подкрѣпилъ себя, что могъ теперь думать о своихъ дальнѣйшихъ планахъ. Началъ онъ съ того, что изслѣдовалъ взглядомъ трактирщика, измѣряя его силы, на случай единоборства, если бы пришлось уходить изъ харчевни, не простившись. Онъ намѣревался снова подойти къ кучерамъ и какъ-нибудь воспользоваться ими. Съ этой цѣлью онъ сталъ пододвигаться уже къ нимъ, какъ вдругъ послышался грохотъ подъѣзжавшаго экипажа. Кучеръ и его товарищъ выглянули въ окно и стремглавъ бросились къ двери.

Рафаилъ подумалъ, что ему удастся воспользоваться суматохой и выйти въ дверь, но предусмотрительный собственникъ колбасъ скромно стоялъ у выхода и почтительно сгибалъ спину передъ невидимыми еще пріѣзжими. Ничего больше не оставалось, какъ забиться въ темный уголъ и ждать. Дверь широко растворилась и въ комнату медленно вошелъ стройный господинъ, красиво одѣтый по послѣдней модѣ. Его шляпа, плащъ, высокіе сапоги въ этой корчмѣ производили впечатлѣніе роскоши, хотя все было въ грязи и

измято въ дорогѣ. Юноша прижмуренными глазами обвелъ комнату и началъ разспрашивать слугъ о здоровьи своей семьи, о хозяйствѣ, о тысячѣ мелочей. Видно было, что онъ возвращается изъ далекаго путешествія, послѣ продолжительнаго отсутствія.

Ольбромскій всматривался въ него съ болѣзненнымъ страхомъ. Онъ съ перваго взгляда узналъ пріѣзжаго, но еще утѣшалъ себя, что глаза, быть можетъ, обманываютъ его. Пріѣзжій былъ Крыштофъ Цедра, товарищъ по сандомирской школѣ, другъ и пріятель... Стыдъ, какъ раскаленная игла, пронизалъ Рафаила. Очутиться лицомъ къ лицу съ старымъ товарищемъ, въ такой одеждѣ, въ такомъ положеніи и въ такую минуту! Онъ не могъ даже скрыться, потому что тогда его позоръ сталъ бы еще больше. Рафаилъ невольно закрылъ лицо руками.

Между тѣмъ, Крыштофъ Цедра сбросилъ плащъ и ходилъ по комнатѣ, задавая слугамъ вопросы. Шагая такимъ образомъ изъ угла въ уголъ, пріѣзжій замѣтилъ Рафаила. Онъ сейчасъ же обратился къ трактирщику и спросилъ, не можетъ ли онъ остаться одинъ въ харчевнѣ. Онъ заплатитъ за все, лишь бы обѣдать безъ свидѣтелей. Трактирщикъ подбѣжалъ къ Рафаилу и болѣе, чѣмъ настойчиво, сталъ требовать, чтобы тотъ заплатилъ деньги и сейчасъ же убрался вонъ. Рафаилъ медленно повернулъ къ нему голову и процѣдилъ сквозь зубы, что не намѣренъ уходить.

— Заплачу тебѣ, когда захочу, и уйду, когда захочу, а теперь, пожалуйста, отойди отъ меня, если хочешь быть цѣлъ.

Трактирщикъ взбѣсился и челюсти его задрожали, какъ у собаки.

— Послушай, братъ, — сказалъ онъ ласковымъ шопотомъ:—иди по хорошему. А то позову парней и велю тебѣ кости переломать. Слышишь?

Рафаила взорвало. Внезапнымъ движеніемъ руки онъ нанесъ трактирщику такой ударъ въ лицо, что тотъ отлетѣлъ къ прилавку. Потомъ онъ всталъ и, подойдя къ Цедрѣ, спросилъ:

— Узнаешь меня, коллега Крысь?

Цедра съ крикомъ отступилъ назадъ и, доставъ стеклышко въ роговой оправѣ, сталъ всматриваться въ Рафаила, съ полуоткрытыми губами.

— Помнишь?.. Сандомиръ, Висла, ночное путешествіе въ Завихость...

— Рафаилъ... — тихо отвѣтилъ Крысь, приближаясь къ нему и тараща свои близорукіе глаза.

— Все тотъ-же, братъ...

— Что же ты тутъ дѣлаешь?—съ изумленіемъ спросилъ Цедра, разсматривая его.

— Длинная исторія, а свидѣтелей слишкомъ много. Хочешь помочь мнѣ въ несчастьи?

— Конечно!.. Боже мой... Рафаилъ... Ольбромскій... Это ты!

— Все разскажу тебѣ со временемъ, только сейчасъ ни о чемъ меня не спрашивай.

— Одно скажи мнѣ, ради Бога: какъ ты сюда попалъ?

— Иду въ сторону Кракова.

— Идешь?

— Да.

— Почему же ты идешь пѣшкомъ?

— Потому что я совсѣмъ нищій.

— Рафаилъ!

— Я умираю съ голоду.

— Боже милосердный!.. Яцекъ, погребецъ! Валекъ...—кричалъ Цедра, приближая къ Рафаилу свое красивое лицо, видимо, намѣреваясь поцѣловать его, и вдругъ отшатнулся съ чувствомъ брезгливости, услышавъ запахъ грязнаго бѣлья и пота.

Прислуга, между тѣмъ, внесла погребецъ съ дорожными припасами, накрыла столъ скатертью, и, минуту спустя, Рафаилъ, въ присутствіи изумленныхъ свидѣтелей, жадно пилъ бургундское, уничтожалъ цыплятъ, жареное мясо и лакомства. Цедра самъ торопливо прислуживалъ ему. Немного погодя, онъ обернулся къ трактирщику и спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ отдѣльной комнаты?

— Нѣтъ, ясный пане, отдѣльной нѣтъ.

— Я вѣдь просилъ, чортъ возьми!—крикнулъ онъ,—чтобы всѣ отсюда вышли. Я хочу остаться одинъ съ пріятелемъ. Принесите сюда чемоданъ и убирайтесь всѣ вонъ!

Вскорѣ передъ Рафаиломъ на столѣ лежало чистое бѣлье.

— Не знаю, что дѣлать...—говорилъ Цедра:—невозможно, чтобы мои слуги видѣли тебя переодѣтымъ въ мое платье. Оставайся лучше въ томъ, что́ на тебѣ, только поскорѣе перемѣни бѣлье!

Онъ отвернулся и стоялъ у двери, пока Рафаилъ переодѣвался. Отвратительное, гнилое тряпье, бывшее на немъ, онъ свернулъ въ комокъ и спряталъ подъ полой кафтана.

— Давай это сюда. Слуга выброситъ,—сказалъ Цедра.

— Нѣтъ!

— Ну, давай,—я самъ...

— Нѣтъ, только я могу сдѣлать это... — прошепталъ Рафаилъ съ горькой усмѣшкой,—это моя прошлая жизнь. Только я одинъ могу ее отбросить...

Рафаилъ вышелъ во дворъ. Обойдя вокругъ дома, онъ

нашелъ выгребную яму и бросилъ туда отвратительный свертокъ. Потомъ онъ прислонился къ стѣнѣ и задумался. Все время его давила душевная тяжесть, какъ глыба гранита. Онъ хотѣлъ встряхнуться, хотѣлъ вѣрить, что отнынѣ настанетъ спокойствіе, и не могъ этого сдѣлать. Тяжело вздохнувъ, онъ вернулся къ товарищу, который уже собирался въ дальнѣйшій путь.

— Ты говорилъ, что направляешься въ сторону Кракова,— сказалъ Цедра.—Я ѣду домой на Тарновъ, мимо Кракова. Хочешь—довезу тебя до Кракова?

— Боже сохрани!—воскликнулъ Ольбромскій.—Мнѣ совсѣмъ не надо въ Краковъ.

— Можетъ быть... ты хотѣлъ бы вернуться домой, въ Тарнины?

Рафаилъ глубоко задумался.

— Правду говоря,—отвѣтилъ онъ медленно,—я не имѣлъ этого намѣренія ни сегодня, ни вчера, ни третьяго дня... Я думалъ только о томъ, какъ бы не умереть съ голода на большой дорогѣ... А теперь поневолѣ нужно будетъ ѣхать домой... хотя явиться туда въ такомъ видѣ... Брр!..

— Ну, да, да, конечно!—поспѣшно сказалъ Крыштофъ.

— Что-же мнѣ дѣлать? Я чувствую себя трупомъ послѣ тяжелой болѣзни, которую перенесъ...

— Вотъ это-то я и имѣю въ виду. Знаешь, что? Ѣдемъ ко мнѣ!..

— Что ты? въ Ольшину?

— Не въ Ольшину, а прямо ко мнѣ. У меня есть собственный фольваркъ. Называется Стоклосы!

— Богъ съ тобой... Если мнѣ стыдно возвращаться въ родной домъ, то какъ же я поѣду къ тебѣ? Что скажетъ, при видѣ меня, твой отецъ?

— Прежде всего поѣдемъ въ Тарновъ. Тамъ ты превратишься въ франта чистой воды. Отецъ-же, повѣрь мнѣ, приметъ тебя, какъ родного сына. Вѣдь ты мой кузенъ. Умоляю тебя, ѣдемъ.

Въ этой просьбѣ Рафаилу послышался прежній, дѣтскій голосъ товарища.

— Я радъ бы всей душой, но подумай только...

— Я все предусмотрѣлъ. Говорю тебѣ, что у меня собственный фольваркъ. Тамъ я живу, по возвращеніи изъ Вѣны, и дѣлаю, что̀ мнѣ угодно.

— Развѣ ты постоянно живешь въ Вѣнѣ?

— Почти...

— Что-же ты тамъ дѣлаешь?

Цедра съ горечью улыбнулся.

— Дѣлать ничего не дѣлаю, но... хлопочу...

— О женитьбѣ?

— Къ счастью, еще не о женитьбѣ. Хотя и это скоро свалится на мою голову; пока же, видишь ли... я хлопочу о камергерствѣ...

— Однако!

— Кстати... До насъ доходили слухи, что ты живешь въ Варшавѣ и бываешь въ лучшемъ обществѣ. Кто-то даже говорилъ, что ты принадлежишь къ обществу Бляхи.

— Да, да... я былъ въ Варшавѣ. Но это уже старая исторія.

— Ты думаешь опять вернуться туда?

— Въ Варшаву? Никогда!—страстно воскликнулъ Рафаилъ, вспомнивъ князя Гинтулта, масоновъ и ихъ мастера: онъ ясно понималъ, что вернуться теперь въ Варшаву и вообще въ предѣлы Южной Пруссіи значило бы попасть подъ уголовную отвѣтственность или, въ лучшемъ случаѣ, подъ слѣдствіе по поводу безвѣстнаго исчезновенія Елены де-Витъ. При одномъ воспоминаніи о тюрьмѣ, кровь застывала у него въ жилахъ. О, нѣтъ! Лучше скрыться въ далекомъ фольваркѣ пріятеля, въ глуши, притаиться, какъ затравленному звѣрю, и не заботиться ни о чемъ... Онъ поднялъ глаза на Крыштофа и сказалъ:

— Если тебѣ удобно, то я съ удовольствіемъ, съ истиннымъ наслажденіемъ поѣду къ тебѣ.

— Ну, и отлично! Это я люблю.. Яцекъ, запрягать!

Скоро удобный экипажъ, запряженный парой гнѣдыхъ лошадей, везъ ихъ по той-же большой дорогѣ, по которой Рафаилъ пришелъ пѣшкомъ. Ольбромскій достигъ того, чего желалъ: онъ больше не думалъ ни о чемъ. На немъ была бурка его пріятеля, защищавшая отъ дождя, который еще сегодня утромъ былъ его злѣйшимъ врагомъ. Онъ не чувствовалъ ни голода, ни жажды. Утомленіе исчезло отъ мѣрной, пріятной качки экипажа.

Рѣдкія капли дождя время отъ времени брызгали въ лицо. Дулъ прохладный вѣтеръ. Рафаилъ, отдохнувъ отъ своихъ приключеній, только теперь началъ сознавать свое несчастное положеніе. Онъ смотрѣлъ на тропинку вдоль грязной дороги, и вспоминалъ, какъ онъ шелъ по ней. Вспоминалъ, какъ его больныя ноги, въ обрывкахъ обуви, пожертвованной ему въ тюрьмѣ, шагали по жесткой землѣ и отдыхали потомъ на глинистыхъ обрывахъ... А еще раньше ничтожныя, гнусныя чувства оставляли грязный осадокъ въ душѣ. И въ немъ вспыхивалъ гнѣвъ и возмущеніе. Кто же виноватъ во всемъ этомъ? Кто?

Сытые кони фыркали, быстро и бодро несясь по дорогѣ. Спины кучера и лакея мѣрно колыхались на козлахъ. Въ

головѣ Рафаила снова забродили мысли, такія же неустойчивыя, какъ колебанія экипажа. Онѣ текли длинными вереницами, обрываясь и мѣняясь каждую минуту.

Вотъ поля, такія печальныя осенью. Ихъ избороздила новая запашка. Красноватая глина пробивается изъ-подъ унылаго сѣраго песку, еще болѣе безплодная, чѣмъ этотъ песокъ.

Среди поля пасутся двѣ коровы, а возлѣ нихъ сидитъ на корточкахъ дѣвочка-пастушка, накрывшись мѣшкомъ отъ дождя и холода. Издали она похожа на сѣрый комъ земли или камень. Она поджала подъ себя босыя ноги, а руки засунула за пазуху и закрылась еще сверху изорванной юбченкой.

Вотъ пустырь, до того безплодный, что ничья рука не хочетъ касаться его. Кое-гдѣ только пробивается тощая трава. Все пустынно, уныло, безобразно.

Путешественники въѣхали въ лѣсъ. Спускались сумерки, и дорога, уходя въ глубину лѣса, утопала совершенно во тьмѣ. Тонкія сосны едва были видны; голубоватый дымъ наполнялъ воздухъ и заволакивалъ деревья. Непріятное чувство овладѣло всѣми: кучеръ что-то шепталъ лакею. Цедра плотно закутался въ плащъ. Вверху, по вершинамъ деревьевъ пробѣгалъ и шумѣлъ вѣтеръ. Въ чащѣ царило спокойствіе, какъ подъ крышей дома. Только трескотня кузнечиковъ нарушала тишину. И Рафаилъ чувствовалъ, какъ сердце его постепенно успокаивается. Судьба сжалилась надъ нимъ, и ему казалось, что быстрыя колеса брички уносятъ его отъ прошлаго къ тихому и спокойному будущему...

Возвращеніе.

Нѣсколько дней спустя, оба пріятеля подъѣзжали къ Ольшинѣ. Они пробыли одинъ день въ Тарновѣ, гдѣ Рафаилъ превратился въ элегантнаго юношу, и затѣмъ, дважды перемѣнивъ лошадей, уже не останавливаясь, продолжали путь. Нѣкоторое время они ѣхали по берегу рѣки, протекавшей въ узкой долинѣ, и потомъ спустились къ самому ея руслу. Рафаилъ почувствовалъ запахъ насыщенной водой земли. Они проѣзжали мимо богатыхъ, густо населенныхъ деревень, по аллеямъ густо разросшихся вербъ и березъ. Отъ экипажныхъ фонарей падали полосы свѣта, и тогда путникамъ видны были огромные подсолнечники, какъ будто удивленно смотрѣвшіе изъ-за заборовъ. Высокія мальвы и яркія георгины напоминали Рафаилу родныя деревни.

Такъ-же, какъ и тамъ, до земли гнулись фруктовыя деревья подъ тяжестью плодовъ. Сухіе листья уже всюду шелестѣли на деревьяхъ и наполняли сердце какой-то особенной тоской по родному дому и тревогой о близкихъ, родныхъ.

Крыштофъ разсказывалъ пріятелю разныя подробности объ этихъ мѣстахъ, ихъ исторію, легенды, старыя преданія. Въ воображеніи слушателя всѣ эти села, холмы, луга, лѣса, придорожные кресты заволакивались какимъ-то таинственнымъ покровомъ...

Ночью съ рѣки поднялся сильный вѣтеръ, и вѣковыя аллеи тяжело и громко завздыхали. Рафаилъ подставилъ свое лицо на встрѣчу этому рѣчному дыханію. Бодро забилось его сердце, но тотчасъ же воспоминанія опять придавили его.

Подъѣзжая къ Ольшинѣ, Цедра не могъ усидѣть на мѣстѣ. Онъ вставалъ въ экипажѣ, перегибался то въ одну, то въ другую сторону, о чемъ-то разспрашивалъ кучера. По временамъ онъ выскакивалъ на дорогу и быстро шелъ подъ гору, посвистывая и напѣвая. Съ одного изъ холмовъ въ отдаленіи показался огонекъ.

— Не спятъ!—крикнулъ Крыштофъ почти дѣтскимъ дискантомъ. Но сейчасъ же устыдился своего волненія и прибавилъ дѣланнымъ холоднымъ и насмѣшливымъ тономъ:

— Ты, братецъ, долженъ будешь присутствовать при всѣхъ нашихъ нѣжныхъ семейныхъ сценахъ отъ начала до конца...

Экипажъ съѣхалъ съ горы и остановился передъ запертыми воротами. Но прежде, чѣмъ слуга успѣлъ слѣзть съ козелъ, чтобы открыть ихъ, они съ шумомъ растворились прибѣжавшими навстрѣчу людьми. Послышался отчаянный лай собакъ, голоса и возгласы людей. Вскорѣ оба путника были уже на ступеняхъ широкаго крыльца. Крыштофъ бросился въ объятія стоявшаго впереди человѣка. Онъ шепталъ ему нѣжныя слова, цѣловалъ его самымъ трогательнымъ образомъ. Рафаилъ, сконфуженный, стоялъ въ сторонѣ. Онъ чувствовалъ себя неловко и сердился на пріятеля.

— Начинается представленіе... — подумалъ онъ раздраженно.

Крыштофъ схватилъ его за руку, потащилъ къ дверямъ и представилъ отцу, со словами:

— Вотъ, папа, мой спаситель, извлекшій меня изъ волнъ Вислы. Собственной своей особой—Рафаилъ Ольбромскій!

— Прошу пожаловать... Мое почтеніе!—дружелюбно говорилъ старый панъ, стоявшій передъ Рафаиломъ.

— Я силой перехватилъ его въ дорогѣ...

— Входите же, входите въ комнату, а то холодно. А гдѣ вы встрѣтились? Какъ хорошо, что вы пріѣхали, пане Ра-

фаилъ... Я вдвойнѣ радъ, потому что мы вѣдь состоимъ съ вами въ родствѣ, хотя и далекомъ. Вашего отца я помню еще съ... позвольте, съ какого года...

Рафаилъ видѣлъ, какихъ усилій стоило старику проявлять вниманіе къ нему въ такой моментъ, когда онъ былъ занятъ своимъ сыномъ: онъ спотыкался на порогахъ, ударялся о косяки и задѣвалъ за столы. Это былъ худощавый старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ тонкимъ болѣзненнымъ, но еще красивымъ лицомъ. Голову его покрывалъ гладкій парикъ, а на верхней губѣ росли маленькіе, подкрашенные усики. Одѣтъ онъ былъ во французское шелковое платье, въ чулки и туфли. Жабо и шейный платокъ, кружевныя манжеты, холенные ногти и руки, — все это сразу обличало, что старый элегантный панъ Цедра принадлежитъ къ избранному обществу. Глаза его были затуманены слезами радости, онъ смотрѣлъ и не могъ наглядѣться на сына. Когда путешественники сѣли ужинать, изъ двери, скрытой въ углу буфетомъ, выбѣжала дѣвочка лѣтъ четырнадцати-пятнадцати, въ ночномъ капотѣ и бросилась въ объятія къ брату.

— Мери! — воскликнулъ юный Цедра съ чувствомъ радости.

Дѣвочка подняла голову и съ улыбкой взглянула на брата.

— Какъ я счастлива!—прошептала она.

— Ты одѣта, какъ пастушка Филисъ. Однако... позволь представить тебѣ нашего кузена Рафаила Ольбромскаго.

— Кузена?.. — проговорила она съ изумленіемъ, откидывая кудри и уставившись на Рафаила.

— Ты должна его почитать и любить, такъ какъ онъ спасъ отъ смерти твоего брата, будущаго камергера его величества; кромѣ того, онъ представитель высшаго варшавскаго общества, и мы попросимъ его высказать свое мнѣніе о твоей прическѣ. Ну, а гдѣ же Куртивронка?

— Она спитъ... — проговорила сестра, не спуская глазъ съ Рафаила.—Сложила ручки... и спитъ.

Крыштофъ съ шутливой миной изобразилъ, какъ прелестно складываетъ на груди ручки шестидесятилѣтняя дѣвица, о которой шла рѣчь.

— Сколько разъ она зѣвнула передъ сномъ?

— Семнадцать разъ въ басовомъ ключѣ и три—въ скрипичномъ.

— Садитесь, садитесь за столъ!.. — приглашалъ отецъ. — Завтра еще будетъ время для новостей и вѣнскихъ, и ольшинскихъ. Смотри-ка, Крысь, что намъ подаютъ...

Старшій лакей, нѣжно улыбаясь, наливалъ на тарелку Крыштофу фруктовый супъ, заправленный сметаной. Юноша поднялъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Наконецъ-то, наконецъ!.. О, нѣмцы, никогда не прошу я вамъ, что почти годъ не пробовалъ человѣческой пищи... Вы—только народъ философовъ и скверныхъ генераловъ! Накажи меня громовержецъ Юпитеръ, лиши меня надежды получить камергерскій ключъ, вырви изъ груди моей графское сердце...

— Крысь, ты уже второй разъ... такъ легкомысленно...— замѣтилъ отецъ, торжественно поднимая палецъ кверху.

— Молчу, папа, ибо я есмь образецъ любящихъ сыновей... А есть картофель, поджаренный въ салѣ?

— Въ свѣженькомъ, молоденькомъ сальцѣ! — шепнулъ ему на ухо тотъ же лакей.

Младшіе слуги съ благоговѣйнымъ, рабскимъ удовольствіемъ слѣдили, какъ ихъ ясный паничъ уничтожаетъ мужицкій супъ.

— А что, если-бъ предполагаемый камергеръ.. извини, папа!.. — пробормоталъ Крыштофъ, — если-бъ вашъ молодой панъ и помѣщикъ, прибывшій изъ далекой Германіи, могъ получить еще тарелку супу? Что вы на это скажете?

— Пожалуйте!..—улыбнулся лакей, ставя новую тарелку. Отецъ и сестра молча, съ любовью слѣдили за юношей. Мери иногда отводила глаза отъ его лица и взглядывала на Рафаила.

— Посмотрите, папа, какова куафюра! — сказала она, смѣясь и показывая на остриженную голову брата, украшенную на темени завитымъ чубомъ.

— Не смѣйся надъ вѣнскими франтами, — отвѣтилъ братъ,—а то останешься старой дѣвой и будешь передъ сномъ зѣвать семнадцать разъ въ басовомъ ключѣ и три въ скрипичномъ. — Рафаилъ, почему ты не ѣшь?—говорилъ Крысь, набрасываясь на свои любимыя кушанья. – Ради Бога, не медли, потому что я за себя не ручаюсь: могу все съѣсть. А будетъ печеный картофель?

— Уже подаютъ...

— Я думала, что въ Вѣнѣ ты отдѣлаешься отъ своихъ кучерскихъ вкусовъ...—подсмѣивалась сестра.

— Ну, только печеный картофель... Что̀ за картофель!.. Только въ Польшѣ и можно ѣсть эту американскую сиротку... А нѣмцы, если, вообще, ѣдятъ...

— Потомъ будешь ругать нѣмцевъ, а теперь лучше разсказывай. Ну, начинай. Предупреждаю только, что если не интересно,—не получишь пирожнаго тети Матыни.

— Все разскажу, только давайте пирожнаго тети Матыни, какъ можно больше!.. Рафаилъ, ты еще не жилъ на свѣтѣ, если не знаешь этого пирожнаго.

— ...Гдѣ же вы, господа, встрѣтились?—спросилъ старый панъ.

— Въ Тарновѣ,—быстро отвѣтилъ Криштофъ.—Рафаилъ возвращался изъ Бардіова, гдѣ на водахъ веселился съ пріятелями и подыскивалъ себѣ... сказать, что ли?

— Въ этомъ-то весь секретъ...—смѣялся старикъ.

— Но ничего не нашелъ. Нѣмочки, чешки, венгерки... Все это не для насъ. Онъ хотѣлъ уже изъ Тарнова возвращаться къ себѣ въ Сандомиръ, но я уговорилъ его, вмѣсто того, чтобы киснуть у родителей, ѣхать ко мнѣ посмотрѣть на оригинала Трепку. Чтобы заманить его, я обѣщалъ ему, папа, что вы придумаете для него какую-нибудь подходящую карьеру... — прибавилъ, не задумываясь, Крысь, видя, какъ отецъ сдѣлалъ было гримасу и пожалъ плечами.

— Разсказывай...—настаивала Мери, продолжая внимательно разсматривать Рафаила.

— Сейчасъ, сейчасъ... Нельзя же сразу! Съ чего же начинать? Впрочемъ, коль скоро графъ Крыштофъ Цедра появляется въ родительскомъ домѣ...

Щеки стараго пана покрылись румянцемъ, а глаза, слегка прикрытые рѣсницами, весело смѣялись.

— Коль скоро графъ Крыштофъ Цедра появляется въ родительскомъ домѣ, то съ чего же ему начинать свою вѣнскую эпопею, какъ не съ поисковъ въ архивахъ. Оказывается, что Мартинъ Цедра...

— Ну, да, да...—бросилъ отецъ съ дѣланной небрежностью,—мы хорошо знаемъ, кто былъ Мартинъ Цедра...

— Да, но я узналъ о такой его миссіи, какой еще не слышали. При Михалѣ Корыбутѣ онъ ѣздилъ съ секретнымъ порученіемъ *).

— Кто въ наше время обращаетъ вниманіе на такія вещи!..—сентенціозно замѣтилъ отецъ.—Мы должны держаться того же принципа, что и во время Рѣчи Посполитой: шляхетскаго равенства. Шляхтичъ на загородѣ равенъ воеводѣ. Послушай, что̀ говоритъ Трепка... Не правда ли, племянникъ?

Рафаилъ пробормоталъ что-то неопредѣленное.

— Политикъ вы, папаша...—шепнулъ Крыштофъ, наклоняясь къ отцу и цѣлуя его руку.—Съ нынѣшняго дня, разбойники,—громко сказалъ онъ, обращаясь къ лакеямъ:—вы должны титуловать пана не иначе, какъ паномъ графомъ, паненку—панной графиней, а меня... меня пока еще никакъ! Коли равенство, такъ равенство. Я вѣдь шляхтичъ „на

---

*) Графскаго титула не существовало у поляковъ; но его можно было купить у австрійскаго правительства, когда претендентъ представлялъ доказательства, что его предки во времена Рѣчи Посполитой имѣли какое-нибудь соотвѣтственно высокое званіе, напр., воеводы, старосты, были посылаемы съ важными дипломатическими миссіями и т. под.

загородѣ", значитъ, и такъ равенъ... нашимъ графу и графинѣ.

Старый панъ съ улыбкой поправлялъ манжеты и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ фыркалъ носомъ.

— Ты—графиня по моей милости!..—сказалъ Крыштофъ, обращаясь къ сестрѣ.—Принеси-ка за это еще пирожнаго. Если бъ не я, сидѣла бы ты себѣ между провинціальными пигалицами, какъ равная первой встрѣчной „на загородѣ"... Да! Прикажи Куртивронкѣ, чтобы она къ тебѣ не подходила безъ „comtesse".

— Ну, теперь разскажи что-нибудь о Вѣнѣ, Крысь...— умоляла сестра, вѣшаясь ему на шею.

Рафаилъ смотрѣлъ на эту дѣвочку, когда она съ горящими глазами принимала участіе въ разговорѣ, съ неуловимымъ непріятнымъ чувствомъ. Ея локоны, бѣлый лобъ, розовыя щеки, красивое, тонкое лицо, — все это напоминало ему о существованіи женщинъ, наполняло душу какимъ-то неяснымъ, тягостнымъ чувствомъ, съ которымъ онъ не могъ справиться среди оживленнаго разговора. Когда она наклонялась къ брату и впивалась въ него своими глазами, Рафаилъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ чувствовалъ, какъ мука все сильнѣе овладѣваетъ его душой.

Послѣ ужина всѣ перешли въ парадныя комнаты. Повидимому, въ ожиданіи совершеннолѣтія Мери,—онѣ были отдѣланы въ англійскомъ вкусѣ. Вся мебель была изъ краснаго дерева, безъ всякихъ украшеній, стѣны раскрашены арабесками или видами какихъ-то развалинъ и блѣдныхъ пейзажей. Два маленькихъ кабинета особенно отличались изящной простотой: они были выкрашены въ блѣдный цвѣтъ, съ тонкими каемками, и украшены картинами итальянской школы. Но въ домѣ сохранились еще старыя, не ремонтированныя комнатки-гостиныя, не разсчитанныя на показъ, гдѣ уцѣлѣли потертые, старомодные обои и старинная мебель во французскомъ вкусѣ, на выгнутыхъ ножкахъ, съ разными цвѣтами и букетами. Тамъ еще дремали, мечтая о минувшемъ блескѣ, китайскіе столики и старые инкрустированные шкафики съ разными бездѣлушками. Лишившись правъ на существованіе въ парадныхъ гостиныхъ, они, казалось, скрывали свое жалкое существованіе въ наименѣе замѣтныхъ углахъ. Проходя мимо большого трюмо въ первой гостиной, Рафаилъ бросилъ взглядъ въ зеркало,—и отшатнулся при видѣ своей фигуры. Хотя и переодѣтый въ приличное и даже роскошное платье, онъ походилъ на замаскированнаго преступника. Распухшее лицо было покрыто сине багровыми пятнами, рѣдкіе волосы прилипали къ изборожденному морщинами лбу, а глаза смотрѣли дико и злобно.

Онъ быстро перешелъ въ сосѣднюю гостиную. Старому пану очевидно доставляло удовольствіе похвастаться новомоднымъ устройствомъ дома передъ далекимъ и несостоятельнымъ родственникомъ. Дѣйствительно, гостиная была обширна и прекрасно меблирована, но не произвела впечатлѣнія на Рафаила. Лакеи зажгли свѣчи въ стѣнныхъ канделябряхъ и стоячихъ подсвѣчникахъ. Крыштофъ бросился къ стоявшему въ углу фортепіано и заигралъ какую-то старинную пѣсенку.

Старый панъ усѣлся въ кресло, зажмурилъ глаза и съ улыбкой наслажденія и слезами радости на глазахъ сталъ слушать. Его ноги, обутыя въ туфли и чулки, неподвижно покоились на коврѣ; сложенныя на груди руки, казалось, прижимали къ сердцу дѣтей.

Панна Мери, опершись на плечо брата, сначала робко, а потомъ все отчетливѣе и звучнѣе стала подпѣвать. Ея кудрявая головка склонилась къ брату, но постепенно подымалась и, наконецъ, изъ ея груди вырвались слова мелодичной пѣсни...

Старый панъ молчалъ. Онъ какъ будто боялся встревожить глубокое счастье, до краевъ наполнившее тихія комнаты его сельскаго дома...

Чудакъ.

Молодые люди провели въ Ольшинѣ всего нѣсколько дней. Крыштофъ рвался въ свои Стоклосы, расположенныя въ пяти верстахъ отъ Ольшины. Хотя ему не дурно жилось въ родительскомъ домѣ, но онъ торопился похвастаться передъ Рафаиломъ своимъ собственнымъ хозяйствомъ и хотѣлъ освободить его отъ довольно церемонной жизни въ усадьбѣ отца.

Фольваркъ лежалъ въ лѣсахъ, въ долинѣ небольшой рѣчки. Трудно было представить себѣ что-нибудь болѣе прекрасное, чѣмъ эти лѣса. Каждый оврагъ былъ покрытъ чащами буковъ, дубовъ, березъ, грабовъ, кленовъ. Каждый холмъ представлялъ чудный паркъ. Теперь, осенью, эти холмы и овраги точно пылали желтымъ и багровымъ цвѣтомъ. Самая усадьба въ Стоклосахъ лежала въ лѣсу, между соснами, на высокомъ берегу рѣки. Крыша дома порядочно обветшала. Стѣны осѣли. Вокругъ раскинулся садъ, переходившій прямо въ лѣсъ. Подъ самыми окнами цвѣли, какъ и передъ крестьянскими избами, высокія мальвы, желтыя или пурпуровыя георгины и огненные кусты настурцій.

Когда бричка остановилась передъ крыльцомъ, на встрѣчу

пріѣхавшимъ вышелъ человѣкъ неопредѣленнаго возраста, съ поблекшимъ лицомъ. Ему можно было дать и сорокъ, и шестьдесятъ лѣтъ. Лицо было смуглое. Густые волосы были перевязаны на затылкѣ, по старой нѣмецкой модѣ. Длинный носъ торчалъ надъ тонкими губами, а глаза блестѣли въ глубокихъ щеляхъ подъ густыми, черными бровями.

Одѣтъ онъ былъ въ довольно странное платье: на немъ былъ нѣкогда блестящій жакетъ французскаго покроя, съ шелковыми отворотами и жилеткой, грубые сапоги съ голенищами до колѣнъ, обильно смазанные жиромъ. Вмѣсто жабо, неизбѣжнаго при французскомъ костюмѣ, на немъ былъ шерстяной шарфъ, закрывавшій воротничекъ рубашки.

— Въ ноги кланяюсь, пане графъ!..—сказалъ онъ, неторопливо спускаясь съ крыльца.—Наконецъ-то, панъ графъ изволилъ вспомнить о своемъ гнѣздѣ... ха-ха!.. Я уже былъ увѣренъ, что вы, пане...

— Графъ...—поправилъ Цедра.

— Что вы, пане... ха-ха!.. никогда къ намъ не загля нете.

Было очевидно, что этотъ человѣкъ умышленно подчеркиваетъ титулъ и смѣется надъ нимъ. Къ удивленію Рафаила, Крыштофъ тоже началъ смѣяться, хотя и не искренно.

— Привѣтствую и я пана депутата, благодѣтеля и учителя... Какъ драгоцѣнное здоровье?..

— Панъ графъ простираетъ на насъ свои милости, какъ солнце свои лучи. Пріятно погрѣться въ лучахъ его милости.

— Вы, пане депутатъ, сѣдѣете не на шутку...

— Отъ заботъ о панскомъ добрѣ... ха-ха!.. Осмѣлюсь, въ свою очередь, справиться о здоровьи... хотя съ перваго взгляда видно, что мы жирѣемъ на нѣмецкихъ хлѣбахъ...

— Неужели?

— Правду говорю.

— Позвольте, добрѣйшій депутатъ, представить вамъ пана Рафаила Ольбромскаго, моего школьнаго товарища и друга, и просить не отказать ему въ гостепріимствѣ въ Стоклосахъ. А это, Рафаилъ, панъ Степанъ Неканда-Трепка, бывшій собственникъ большого имѣнія, которое онъ ухлопалъ на политическія дѣла, почти депутатъ палаты, большой циникъ, вольтерьянецъ, энциклопедистъ и вѣчный пересмѣшникъ...

— Очень радъ знакомству съ пріятелемъ пана графа и готовъ служить ему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ отказаться отъ приписываемаго мнѣ званія: никогда въ палатѣ депутатовъ я не засѣдалъ.

— Но могъ засѣдать. Былъ выбранъ... Но разныя тамъ... препятствія...

Они вошли въ выбѣленныя известкой комнаты съ маленькими окнами. Старая деревянная мебель—столы, скамьи и шкафы—содержалась въ порядкѣ. Крыштофъ Цедра сбросилъ плащъ и нѣжно обнялъ Трепку. Оба они смѣялись до упаду, не выпуская другъ друга изъ объятій.

— Долго ли, графъ, намѣренъ прожить въ этой дырѣ?

— О, долго, старый пріятель сатаны, очень долго! Мы съ Рафаиломъ—оба сядемъ тебѣ на шею. Будемъ хозяйничать, примемся за обработку земли.

— Даже вы, графъ?

— А ты думаешь, что только ты имѣешь право хозяйничать, потому что легкомысленно спустилъ свою землю!

— Стоитъ ли объ этомъ говорить! Вашъ пріятель въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что я лишился какого-то большого имѣнія. Совсѣмъ нѣтъ! Было посредственное шляхетское имѣньице. Климатическія и иныя условія уменьшили его размѣры, а въ концѣ концовъ наше люблинское „упорство" лишило меня и вовсе родной Вульки *). Теперь у меня ничего не осталось, кромѣ желанія, чтобы нынѣшній собственникъ Вульки подавился ея доходами. Вотъ и все.

— Не все. Разскажи въ историческомъ порядкѣ.

— Содержаніе не стоитъ формы. Развѣ по приказанію графа? Видите ли, былъ я въ стадіи бродяжества по чужимъ краямъ, когда мое имѣніе превратилось уже въ извѣстное количество печатныхъ произведеній, трактующихъ объ оздоровленіи того, что уже сгнило въ могилѣ. Тогда вотъ этотъ милостивый панъ Крыштофъ Цедра, встрѣтивъ меня въ тяжеломъ положеніи въ Вѣнѣ на рынкѣ, пригласилъ къ себѣ... Иди, говоритъ, старый бродяга, править Стоклосами... Я пошелъ по неволѣ. Мало того, послалъ работниковъ въ Вульку забрать изъ стараго подвала двѣ корзины печатной бумаги и рукописей и привезти въ этотъ Тускуланъ. Въ моемъ прадѣдовскомъ гнѣздѣ въ это время уже сидѣлъ какой-то фертикъ, и вмѣстѣ съ своими книжками я нашелъ гостепріимство здѣсь...

— Совсѣмъ не гостепріимство! Началъ онъ здѣсь править, Рафаилъ, какъ у себя дома! Хозяйничаетъ въ имѣніи, вмѣшивается въ семейныя дѣла, усчитываетъ насъ, выдѣляетъ доходы, какъ скупой дядя. Я долженъ былъ изъ Вѣны засыпать его самыми нѣжными письмами, чтобы онъ прислалъ мнѣ хоть нѣсколько рублей на конфекты. Повѣренными нашими помыкаетъ такъ, что ни одинъ съ нимъ не можетъ ужиться...

*) У уніатовъ, «упорствующихъ», русское правительство конфисковало имѣнія и отдавало ихъ русскимъ чиновникамъ или военнымъ.

— Преувеличиваешь!

— Въ искусствѣ возбуждать пейзанъ противъ помѣщиковъ превзошелъ даже чиновниковъ „крайзамта". Строитъ имъ хаты съ окнами, какъ въ дворцахъ, приглашаетъ къ нимъ фельдшеровъ, когда они до крови передерутся въ корчмѣ, барщину уменьшилъ до абсурда...

Трепка чмокалъ губами.

— Но забавнѣе всего... ха-ха!.. школу задумалъ выстроить въ Стоклосахъ. Скажи, пожалуйста, Рафаилъ, могу ли я допустить такое мотовство въ своемъ имѣньи?.. Теперь я самъ тутъ и посмотрю на твои дѣлишки!

— Прежде всего вамъ, пане, нужно было посмотрѣть на такія дѣлишки въ законченномъ видѣ. Но этого въ Вѣнѣ не найдешь.

— А куда же нужно для этого ѣхать? Въ Парижъ?

— Нѣтъ, — только въ Пулавы, въ Влостовицы, Пожогъ, Консковолю, Целеіовъ... ха-ха!..—смѣялся Трепка.

— Что же я увидѣлъ бы въ твоей Консковолѣ?

— Настоящую культуру. Работа давно уже начата и коекакія дѣлишки уже сдѣланы... А нашъ польскій панокъ рыскаетъ по всему свѣту, ищетъ, чего не потерялъ, а если найдетъ, то...

— Графскій титулъ...—докончилъ Цедра.

— А ваша милость тоже изъ Вѣны пожаловали въ наши края?—спросилъ Трепка Рафаила.

— Нѣтъ, онъ не изъ Вѣны, а изъ Варшавы,—отвѣтилъ Цедра.

— Представители двухъ столицъ на одного меня. Горе мнѣ, бѣдному!.. А какъ же панъ графъ думаетъ приниматься за обработку земли, нельзя ли узнать?

— Руками и ногами, конечно.

— Что же это—новая вѣнская мода?

— А хоть бы и такъ?

— Навѣрно какой-нибудь Турнъ-Таксисъ закопался въ свое имѣніе, и пошла эта мода среди молодежи.

— Угадалъ! Тебѣ бы ходить на храмовые праздники и собирать пятиалтынные за предсказанія.

— Когда же вы возвращаетесь въ придунайскую столицу?

— Ничего неизвѣстно... Ахъ, Неканда, Неканда, если бъ ты зналъ...

— Чортъ возьми!.. Что же такое?

— Если бъ ты зналъ, какъ мнѣ скучно... Скажи-ка, вы уже пускали собакъ въ поле?

— Чего захотѣлъ!..

— Говори же!

— Пускать—пускали.

— Летку?

— Была Летка, былъ и Доскочъ.

— Кто же ѣздилъ?

— Я, не въ похвалу мнѣ будь сказано, и Гжесикъ.

— На чемъ ты ѣздилъ?

— На каремъ.

— Мой любимый конь! Ходитъ?

— Ходить-ходитъ...

— А я съ моими близорукими глазами не свалюсь съ него въ первый же день?

— Конь осторожный, умный... остальное зависитъ отъ ѣздока.

— А съ какой стороны вы гнали?

— Отъ Яловцоваго ручья къ Бѣлямъ.

— Великолѣпное поле! Значитъ, погуляемъ во всю! А что, панъ, ты думаешь о моихъ гончихъ?

— Гончія—легки, какъ тѣни! — съ жаромъ проговорилъ Трепка, и глаза его заблестѣли.

— Ну, депутатъ, а что ты теперь изучаешь? Скажи правду.

— Панъ графъ пріѣхалъ изъ Вѣны и меня спрашиваетъ о новостяхъ? Это мнѣ слѣдовало бы услышать что-нибудь новое!

— Ты вѣдь знаешь, что я—не книжная крыса, такъ чего-жъ ты пристаешь ко мнѣ! Если хочешь новаго, то могу одно сообщить: я привезъ тебѣ такой штуцеръ, какого еще твои глаза не видѣли... Теперь твоя очередь: говори, что читаешь?

— Штуцеръ...—пробормоталъ Трепка, прижмуривая одинъ глазъ:—это интересно. Но гдѣ же онъ?.. пусть увидятъ его мои глаза!.. Что я читаю? такъ, въ перемежку... То какую-нибудь главу изъ „Мистическаго города" Маріи Агреда, то для разнообразія какую-нибудь проповѣдь ксендза Лускины... Вотъ и все.

— Ты, вольтерьянецъ, читаешь ксендза Лускину!.. Если бъ я тебя не зналъ, то принялъ бы это за чистую монету. Развѣ проповѣди для тебя? Мы каждый день ждемъ, что тебя унесетъ сатана и на твоемъ мѣстѣ останется только мокрое пятно.

— Панъ графъ изволитъ неприлично шутить.

— Пожалуйста, довольно ужъ о графѣ!..

— Почему?

— Трепка! смотри, чтобы я не изломалъ тебѣ костей...

— Въ такомъ случаѣ, нельзя ли титуловать васъ, по крайней мѣрѣ, нѣмецкимъ или австрійскимъ графомъ—какъ же такъ безъ ничего?.. Неприлично быть безъ титула даже мелкой шляхтѣ, что же сказать о наслѣдникѣ столькихъ придворныхъ званій!..

— У меня нѣтъ ни нѣмецкаго, ни какого другого титула! Я совсѣмъ не графъ! — воскликнулъ Крысь, краснѣя, какъ дѣвушка. — Ты самъ хорошо знаешь, что моему отцу хотѣлось титула; такъ... я долженъ былъ... Онъ получилъ то, что хотѣлъ, а не я.

Трепка опустилъ голову и исподлобья иронически смотрѣлъ на Крыся. На плотно сжатыхъ губахъ его скользила насмѣшливая улыбка.

— Чего ты такъ смотришь?—крикнулъ Цедра.

— Смотрю и ничего больше.

— Не совѣтую смотрѣть слишкомъ долго!

— Рѣшилъ и я купить себѣ австрійскій титулъ, чортъ возьми! Вѣдь Трепки, Неканды, Топорчики изъ Гжегожевицъ самыя старыя въ Польшѣ фамиліи: во времена Леховъ были воеводами!

— Ты, можетъ быть, не знаешь, Рафаилъ, что жена Пяста была урожденная Трепка?

— Утверждаю!

— Они же съ королемъ Смѣлымъ *) засѣкли святого Станислава.

— Ложь!

— И съ тѣхъ поръ всѣ вольтерьянцы... Чего ты такъ смотришь?

— Смотрю, откуда вылѣзаетъ изъ васъ, пане, нѣмецкій умъ.

— А вотъ увидишь, когда я примусь за тебя и начну обучать тебя политикѣ.

— Ну, нѣтъ, всему, кромѣ политики. Не занимаюсь этимъ. Мой слухъ не годится для такого концерта. Сажать картофель, пахать, жать, лѣчить лошадей и овецъ—это мое дѣло.

— Не спорю. Но я занимаюсь политикой...

— Признаюсь, я не этого ожидалъ.

— Однимъ картофелемъ не проживешь.

— Согласенъ.

— Если бы мы всѣ зарылись въ кучи навоза и скирды хлѣба, то измельчали бы до конца.

— Правда! Поэтому мы должны лѣзть къ нѣмцамъ?

— Конечно! Ты самъ развѣ не лазилъ? Не шатался по Франціи, Италіи и Германіи?

— Я шатался по приказу старшихъ, выпрашивалъ милостыню... Не напоминай мнѣ лучше, пане, моихъ хожденій къ разнымъ дьяволамъ!

---

*) Іезуиты объявили святымъ Станиславомъ епископа Щепановскаго, котораго король Болеславъ Смѣлый со своими придворными изрубилъ въ храмѣ саблями за его постоянную оппозицію.

— Я, — проговорилъ Цедра сквозь зубы, — не прошу милостыни и путешествую не по своей волѣ. Отцовское приказаніе для меня законъ. Мое же убѣжденіе, — что мы должны знакомиться со свѣтомъ, съ европейской жизнью. Мы идемъ къ нѣмцамъ, въ ихъ дома, присматриваемся къ ихъ жизни, изучаемъ ихъ силу. Какъ же иначе готовиться къ борьбѣ? Нужно пріобрѣтать связи, чтобы пользоваться ими. Если бъ ты зналъ, сколько разъ я, маленькій человѣкъ, былъ полезенъ. Не хвастаюсь этимъ, а говорю, чтобы ты зналъ. Не разъ приходилось выжидать часами въ пріемныхъ, дѣлать визиты, разъѣзжать, ходить, просить...

Лицо Трепки искривилось язвительной улыбкой.

— Нисколько мнѣ не жаль васъ, пане...—процѣдилъ онъ, зажмуривъ глаза.—Напрасно вы это дѣлали.

— Напрасно дѣлалъ?!

— Совершенно.

— Такъ по твоему лучше замкнуться въ усадьбѣ и на все плюнуть? Пусть все пропадаетъ? Какое мнѣ дѣло?.. Не при мнѣ началось, не при мнѣ и кончится!

— Вы правдой обмолвились, пане: пусть пропадаетъ. Повернитесь къ прошлому спиной и дѣлайте свое дѣло—вотъ и все. Не надо ни подлаживаній, ни компромиссовъ! Работы столько, что мало жизни для исполненія хоть ничтожной доли ея, а вы, пане, тратите время, силу, душу и разумъ на высиживаніе по переднимъ... Хватаетъ у людей гонора, чтобы пріобрѣтать за деньги иностранный титулъ, а нѣтъ его настолько, чтобы разбудить въ себѣ человѣческое достоинство.

— Развѣ ты можешь сказать, что я только изъ за этого...

— Я не говорю, что только изъ за этого... Но знаю человѣческую натуру. Часто средство черезъ нѣсколько лѣтъ становится цѣлью, особливо подъ мягкой дланью подруги жизни.

— Ну, попалъ на своего конька!

— Да, на конька... Всегда какъ ты, пане, возвращаешься съ синяго Дуная, я съ трепетомъ смотрю, не ѣдутъ ли за тобой нѣмецкія перины и люльки.

— Ну, сатана!.. Не буду съ тобой больше разговаривать. Пойдемъ, Рафаилъ, я покажу тебѣ нору этой старой крысы.

— Что ты выдумалъ!

— Да, хочу показать тебя во всей наготѣ.

Съ этими словами Цедра открылъ дверь въ сосѣднюю комнату. Эта комната, повидимому, давно не бѣлилась, потому что изъ-подъ известки всюду виднѣлись голыя, крѣпкія балки. Вся стѣна противъ двери была уставлена огромными полками самой простой, плотничьей работы, а на нихъ

безъ всякаго порядка стояли и лежали разныя книги. Кучи журналовъ и газетъ валялись на широкомъ столѣ посреди комнаты. Кое-гдѣ висѣли по стѣнамъ карты, старыя иллюстраціи и каррикатуры. Въ темномъ углу стояла сосновая кровать съ жалкой постелью, а надъ нею висѣло оружіе: пистолеты, штуцеры, двустволка и охотничьи принадлежности.

— Здѣсь онъ сидитъ и въ тайнѣ рождаетъ свои гнусныя мысли,—сказалъ Цедра.

— О болѣзняхъ лошадиной морды и копытъ, о чумѣ и сапѣ...—отрѣзалъ Трепка.

Рафаилъ при видѣ книгъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе, подобно тому, какъ и въ былыя времена. Ему казалось, что онъ задыхается. Трепка, какъ наблюдательный человѣкъ, не далъ развиться въ гостѣ этому чувству и началъ показывать ружья и охотничьи принадлежности, чтобы отвлечь вниманіе гостей отъ книгъ, столь непріятныхъ шляхетскому глазу.

— Значитъ, только о сапѣ и чумѣ трактуетъ весь этотъ бумажный хламъ?—все еще приставалъ Крыштофъ.

— Нѣтъ, говорится и о вертячкѣ...

— А политики—ни на грошъ!

— За грошъ, пожалуй, можно бы купить, но самъ продавецъ не совѣтуетъ покупать такой скверный товаръ.

— Такъ ты въ ней разочаровался, забавляясь столько лѣтъ этой дребеденью?

— Совершенно... Политики, предсказатели, мудрецы! Да одно хорошо вспаханное поле, одна толково проведенная канава для осушки болота имѣетъ по мнѣ больше значенія, чѣмъ сотня брошюръ объ управленіи государствомъ.

— Ты слѣпъ. Сто разъ повторю: ты слѣпъ! — кричалъ Цедра, приближая свое лицо къ пріятелю и впиваясь въ него своими близорукими глазами.

— Нѣтъ! Я знаю, что говорю.

— Не знаешь! Ты не знаешь нѣмцевъ! Это не народъ, а какой-то мудро организованный суровый орденъ: такихъ какъ мы, землепашцевъ-мечтателей, они уничтожатъ шутя.

— Видѣлъ я ихъ. И не боюсь я нѣмца, пока сижу на землѣ, на своей или на чужой—все равно. Что за польза, если ты и будешь знать ихъ порядки, а своихъ собственныхъ не заведешь? Не думаешь-ли ты, что наша славянская душа превратится въ нѣмецкую оттого, что мы будемъ смотрѣть на нихъ и учиться? Никогда! Мы совсѣмъ другіе. Ты дѣлай то, что долженъ дѣлать, живя на родинѣ, клади свою силу въ землю, и если сумѣешь извлечь изъ нея все, что надо, то весь нѣмецкій орденъ на тебѣ одномъ сломаетъ свои зубы.

— Не понимаю, что ты говоришь. Я въ отчаяніи отъ

того, что они стремятся уничтожить, извести нашъ народъ. Какой-нибудь господинъ говоритъ со мною вѣжливо, любезно, смѣется, а вмѣстѣ съ тѣмъ я вижу, что онъ зондируетъ меня.

— Уничтожить!—смѣялся Трепка, — извести.!. Кто меня уничтожитъ, изведетъ въ Стоклосахъ? Милости просимъ: пусть приходятъ съ своими планами и замыслами. А крестьяне, наученные мною работать, жить, мыслить, дадутъ отпоръ,—говорилъ онъ, хватая за руку Цедру.

— Увѣряю тебя, что ты страшно заблуждаешься! Я изучилъ ихъ, притворяясь простакомъ. Среди шуршанья шелка въ гостиныхъ, на богатыхъ балахъ я слѣдилъ за ихъ помыслами. Эти люди не остановятся ни передъ чѣмъ. Знаешь?—вскрикнулъ онъ, блѣднѣя отъ ужаса, — они могутъ сдѣлать такъ, что эти самые твои крестьяне явятся ночью въ твою комнату, стащатъ тебя съ постели и убьютъ топоромъ! Ихъ политика можетъ довести до этого.

Трепка смѣялся.

Зимородокъ.

Нѣсколько недѣль Рафаилъ провелъ въ Стоклосахъ въ полномъ бездѣйствіи: онъ былъ боленъ. Трепка, среди массы знаній имѣвшій и кой-какія медицинскія, не могъ понять, что съ нимъ, и не давалъ ему никакого лѣкарства. Онъ велѣлъ только днемъ ставить ему подъ соснами походную кровать, и Рафаилъ цѣлые дни лежалъ одѣтый, глядя въ небо. Онъ самъ не могъ разобрать, чѣмъ онъ боленъ. Онъ ничего не чувствовалъ, сердце билось спокойно. Одно только желаніе: исчезнуть со свѣта—не покидало его ни днемъ, ни ночью.

Какъ близкая, такъ и далекая жизнь не представляла для него рѣшительно никакого интереса. Прекрасныя лошади, которыхъ прежде онъ такъ любилъ, гончія собаки, оружье, охотничій пылъ, разсказы о приключеніяхъ Крыштофа и Трепки, когда они возвращались съ охоты съ борзыми,—все это только мучило его и заставляло все больше и больше замыкаться въ себѣ. Изъ всѣхъ силъ принуждалъ онъ себя улыбаться, разговаривать, приноравливаться къ тону и ходу жизни здоровыхъ и сильныхъ людей, и напрасно. Къ счастью, никто не спрашивалъ объ его тайнахъ.

Осень была чудная.

Ежедневно, когда утромъ открывались ставни, въ комнаты врывался прохладный воздухъ, сверкавшій золотомъ. Вѣтви сосенъ заглядывали въ окна и своимъ шумомъ,

заглушали докучную мысль. Сороки стрекотали въ вѣтвяхъ, бѣлки бѣгали у самыхъ оконъ, зяблики и синицы посвистывали надъ крышей, на которой лежалъ толстый слой мха. Вся земля въ лѣсу была покрыта сухими иглами, по которымъ нога скользила, какъ по паркету. Запахъ грибовъ и смолы, стекавшей по сосновымъ стволамъ, наполнялъ воздухъ.

Рафаилъ просыпался раньше всѣхъ. Онъ слышалъ, какъ поютъ первые пѣтухи; при закрытыхъ ставняхъ, не открывая глазъ, онъ зналъ, когда восходитъ солнце. Онъ судилъ по усиливающемуся шуму деревьевъ, по смѣнѣ голосовъ въ природѣ. Онъ слышалъ каждый звукъ въ деревнѣ, каждое дуновенье вѣтра. Но все это слабо отражалось на немъ, только по временамъ! изъ его груди вырывался тяжелый вздохъ. Камень лежалъ на сердцѣ. Только физическія усилія, сила сопротивленія животнаго существа могла ослабить печаль, и Рафаилъ не разъ пытался уничтожить свое равнодушіе къ голосамъ жизни, къ цвѣту растеній, къ невыразимой прелести свѣта и тѣней, но напрасно! Живой взглядъ и слухъ замерли въ немъ, все для него было чужое. Солнечный лучъ, форма и цвѣтъ предметовъ перестали отражаться въ его душѣ. И душа была одинока среди развалинъ прошлаго. Постепенно все теряло свою цѣну и становилось враждебнымъ. Рафаилъ закрывалъ глаза, сжималъ губы и погружался въ молчаніе.

Однажды, въ послѣднихъ числахъ сентября, онъ всталъ на разсвѣтѣ и вышелъ изъ дому. Было холодно. Отъ южнаго вѣтра шумѣли сосны. Рафаилъ безсознательно направился къ рѣкѣ, которая протекала на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ дома. Онъ еще никогда не былъ тамъ. Широко разлившаяся рѣка безъ малѣйшаго шума несла свои быстрыя волны между длинными полосами песковъ, которые кое-гдѣ преграждали ей теченіе. Берега были сплошь закрыты высохшими кустами ольхи. Рѣка вилась въ ихъ тѣни, какъ будто скрываясь отъ свѣта. Мѣстами она терялась подъ свѣшенными вѣтвями, точно въ гротѣ, оставляя за собой серебристый слѣдъ. Стрѣльчатыя и плакучія березы, громадные привислянскіе тополи и вербы купали свои вѣтви въ холодной водѣ. Между ними гордо высилась столѣтняя сосна. Посерединѣ русла рѣки были островки, поросшіе деревьями, покрытые дѣвственными лужайками. Въ разныхъ мѣстахъ мелькали мели съ торчащими на нихъ сухими стволами и корнями срубленныхъ ольхъ, на подобіе чудовищныхъ клыковъ. На нихъ висѣла тина, гніющее сѣно,—признаки бывшихъ наводненій. Возлѣ мелей вода извивалась и текла безъ малѣйшаго звука. Су-

хой песокъ лежалъ одиноко и ни малѣйшая вѣточка не приставала къ его безплодной поверхности.

Солнце острыми лучами падало уже на рѣку, пронизывая пустыя заросли. Живая вода вспыхнула огненнымъ свѣтомъ. Тѣни стали гуще. Ольхи стояли надъ поворотомъ рѣки, какъ недоступная стѣна. Запахъ гніющихъ листьевъ носился въ воздухѣ. Рафаилу показалось, что это пахнетъ роса, бѣлымъ покровомъ лежавшая на землѣ и на листьяхъ.

Воспоминаніе о чемъ-то далекомъ, — о Выгнанкѣ, Вырвахъ, Тарнинахъ, или, вѣрнѣе, не воспоминанье, а вновь переживаемое счастье прежнихъ дѣтскихъ дней охватило его, какъ объятія сестры. На мгновенье онъ поддался этому чувству. Сердце смягчилось, глаза затуманились слезами облегченія. Съ наслажденіемъ, которое раньше онъ всегда испытывалъ при видѣ новыхъ мѣстъ, онъ сквозь слезы смотрѣлъ на извилины рѣки, на дикіе ольховые кусты. Онъ вдыхалъ полной грудью влажный воздухъ и впервые послѣ давнихъ поръ вслушивался, какъ шелестятъ осеннія листья. Издалека, съ полей, долеталъ холодный вѣтерокъ.

Рафаилъ неподвижно остановился и вдругъ засмѣялся отъ всей души.

Онъ думалъ о томъ, какъ хорошо жить, какъ прекрасенъ міръ, какое великое и благословенное чудо—жизнь. Временное страданіе усиливаетъ только жажду жизни, радость при видѣ земли...

Въ то же мгновеніе надъ водой, въ чащѣ березъ и ольхъ, пролетѣлъ зимородокъ съ рѣзкимъ, шумнымъ и громкимъ крикомъ. Полетъ его едва можно было уловить глазомъ: такъ быстро пронесся онъ въ воздухѣ. Казалось, лазурно-голубая нить, съ чуднымъ, яркимъ крикомъ радости обняла и связала весь букетъ земли. Крикъ этотъ до дна проникъ въ душу Рафаила. Ужъ онъ давно замеръ, но долго еще трепеталъ въ немъ и навсегда остался въ душѣ...

Рано утромъ.

Какъ молнія, пролетѣлъ годъ жизни Рафаила въ Стоклосахъ. Осенью онъ охотился, зиму танцовалъ, а весной хозяйничалъ уже, какъ помощникъ управляющаго, вмѣстѣ съ Трепкой, и отчасти съ Крыштофомъ. Здоровье и веселое настроеніе духа не покидали его. Особенно зимой чувствовалъ онъ себя, какъ въ раю. Не проходило недѣли, чтобы въ окрестностяхъ гдѣ-нибудь не устраивался вечеръ. Рафаила приглашали нарасхватъ, какъ хорошаго танцора, ловкаго

и изящнаго кавалера изъ Варшавы. Пользуясь этимъ, онъ кое-гдѣ принялся ухаживать за дѣвицами, съ разсчетомъ на большое приданое: перебиралъ, разсчитывалъ, а пока веселился, какъ никогда.

Трепка полюбилъ его. Онъ постепенно передавалъ ему хозяйство въ Стоклосахъ, самъ же все больше зарывался въ свои книги. Охота, лѣченіе крестьянъ и скота, путешествіе изъ одной избы въ другую—были его развлеченіемъ. Молодой Цедра зиму провелъ съ отцомъ и сестрой во Львовѣ, гдѣ пана Мери выѣзжала въ свѣтъ. Трепка не мало смѣялся надъ львовскими карнавалами, но, въ сущности, былъ радъ, что его юный пріятель не въ Вѣнѣ.

Между тѣмъ, осенью 1805 года Крыштофъ, повинуясь волѣ отца, опять отправился въ дунайскую столицу. Трепка и Ольбромскій проводили всѣ дни верхомъ на охотѣ съ собаками, а вечерами играли въ шахматы или читали.

Трепка оказывалъ большое вліяніе на своего товарища. Въ его разговорахъ, въ смѣхѣ, въ шуткахъ и насмѣшкахъ всегда чувствовалось жало. Чтобы не испытывать уколовъ его, Рафаилъ старался вникнуть въ мысли стараго чудака, и чѣмъ больше понималъ ихъ, тѣмъ. большее испытывалъ удовольствіе. Трепка былъ симпатичный и глубоко-интересный человѣкъ. Съ нимъ можно было говорить обо всемъ, отъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ до самыхъ простыхъ и даже пустяшныхъ вещей. Онъ умѣлъ придавать любому предмету освѣщеніе, какое хотѣлъ, а благодаря его юмору и остроумію, живя даже съ нимъ вмѣстѣ, невозможно было угадать его.

Послѣ продолжительныхъ ливней, въ концѣ октября, выдался теплый день безъ дождя. Осенній туманъ лежалъ на поляхъ и лѣсахъ. Дороги такъ размыло, что только верхомъ, и то на хорошей лошади, можно было пробраться черезъ образовавшіяся болота. Оба пріятеля въ высокихъ сапогахъ, забрызганные грязью, ѣхали раннимъ утромъ, намѣреваясь спустить борзыхъ, если бы оказалось, что на возвышенныхъ мѣстахъ обсохла земля.

Трепка ѣхалъ впереди и напѣвалъ себѣ подъ носъ какой-то старый романсъ.

Грустное лѣсное безмолвіе, тишина равнинъ, покрытыхъ осеннимъ туманомъ, угрюмый день,—все это гармонировало съ его напѣвомъ.

Они выѣхали на равнину и направились къ большой дорогѣ. Борзыя, которыя шли на свободѣ, вдругъ понеслись внизъ. Ѣздоки бросились за ними въ мглу, лежавшую на поляхъ, и вдругъ остановились, какъ вкопанные. Изъ этой

мглы во всю длину дороги выступала сплошная масса людей, сверкая тысячью цвѣтовъ.

— Какія-то войска...—прошепталъ Трепка, остановивъ лошадь. И, всмотрѣвшись, прибавилъ: — Но это не австрійцы!..

Ноздри его нервно вздрагивали, и глаза дико блестѣли изъ своихъ щелей. Онъ пустилъ шагомъ своего коня.

Борзыя, вытянувшись, какъ струны, неслись въ томъ же направленіи, но вдругъ также остановились, будто вросли въ землю. Насторожившь уши и вытянувъ шеи, онѣ неподвижно нюхали воздухъ.

Покинувъ болотистый трактъ, шли вдоль него, по полямъ, гренадеры, неправильно вытянутыми колоннами, съ тяжелыми винтовками на плечахъ и съ ранцами за спиной. Громадные двуцвѣтные султаны на киверахъ, въ формѣ ведра вверхъ дномъ, колыхались, какъ лѣсъ. Бѣлыя ноги, въ суконныхъ гамашахъ до самыхъ колѣнъ, въ тактъ мѣсили жидкую глину. За гренадерами шли полки егерей, безъ султановъ, въ киверахъ такой же формы, навьюченные большими ранцами, лядунками, манерками и саблями. Ихъ штыки казались подвижнымъ озеромъ, которое среди тумана колышется стальными волнами въ тишинѣ. Кое-гдѣ волны этого озера вдругъ дѣлали полукругъ, вертѣлись, какъ омутъ и клубились вокругъ какого-то центра. Неканда догадался, что тамъ застряли пушки. Дѣйствительно, всмотрѣвшись, пріятели замѣтили цѣлый рядъ орудій, увязшихъ въ болотѣ. Около нихъ суетились артиллеристы, въ темныхъ коротенькихъ фракахъ, пачкая въ грязи суконныя гамаши. Широкіе бѣлые пояса, на-крестъ перевязанные на груди, были забрызганы грязью, а большія шапки касались земли, когда они, подкладывая шесты, вытаскивали изъ болота колеса, лафеты, передки и ящики. Сзади, за пѣхотой и артиллеріей, тянулась въ сторонѣ конница. Драгуны съ высокими султанами, уланы въ четырехгранныхъ шапкахъ, въ блестящихъ роскошныхъ костюмахъ, наконецъ, полки бѣлыхъ кирасиръ на высокихъ коняхъ. Ихъ большія каски съ волосатыми гребнями сверкали. Казалось, это движутся римскіе легіоны, идутъ безъ конца, выступая изъ непроглядной ночной тьмы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Бѣжитъ впередъ желѣзная змѣя,
И встрѣчныхъ селъ мелькаютъ вереницы...
Такъ нашей жизни пестрыя страницы
Уходятъ въ даль небытія.
У ногъ моихъ вчера шумѣло море,
И на песокъ сердито набѣгалъ
Косматый валъ; съ землею въ вѣчномъ спорѣ,
Онъ бушевалъ и пѣнился у скалъ.
Синѣли горъ зубчатыя вершины,
Крикливо пѣлъ усталый муэдзинъ,
И мгла ползла на горы изъ долинъ,
И тучи съ горъ спускались на долины...

Мелькнулъ разъѣздъ. Мелькнулъ чумацкій возъ.
Поля, поля, какъ даль рябая моря...
Прощай, страна каштановъ, миртъ и розъ,
Привѣтъ странѣ соломы, вьюгъ и горя!
Въ окно глядитъ осенній тихій день,
Краснѣетъ лѣсъ багряною листвою,
И отъ родныхъ полей и деревень
Знакомою повѣяло тоскою...

А. Тулубьевъ.

— Вамъ теперь лучше? Вы уже не чувствуете себя несчастнымъ?

— Лучше, гораздо лучше, отъ души благодарю васъ за эту прогулку.

— Надо быть здоровымъ, счастливымъ и нужно завтра пойти къ Шаѣ, хорошо?—говорила она и материнскимъ движеніемъ погладила его по лицу.

Горнъ поцѣловалъ ея руку и отправился домой, но шелъ медленно и апатично, хотя его серьезно безпокоило продолжительное отсутствіе Малиновскаго, съ которымъ онъ жилъ вмѣстѣ и близко сошелся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ ожиданіи мѣста.

Малиновскаго не оказалось дома. Обстановка ихъ квартиры свидѣтельствовала, что люди здѣсь бѣдствовали. Горнъ поссорился съ отцомъ, и тотъ пересталъ высылать ему деньги, чтобы заставить его вернуться. Но Горнъ уперся, рѣшилъ жить собственнымъ трудомъ, и пока держался кредитомъ и постепенной продажей мебели и вещей.

Малиновскій часто куда-то таинственно исчезалъ и возвращался блѣдный, взволнованный, но никогда еще такъ долго ни отсутствовалъ, какъ въ этотъ разъ.

Горнъ обошелъ многихъ знакомыхъ, но за послѣдніе дни Малиновскаго никто не видѣлъ; родителей его безъ крайней необходимости онъ не хотѣлъ безпокоить.

Наконецъ, Горнъ вспомнилъ про Яскульскихъ. Они переѣхали на новую улицу, между полотномъ желѣзной дороги и фабриками Шайблера. Улица эта примыкала къ лѣсу и тянулась еще среди полей, между кучами навоза и мусора, среди ямъ, изъ которыхъ брали песокъ. Четырехъэтажные кирпичные дома, очень неряшливой кладки, краснѣли рядомъ съ деревянными хибарками и навѣсами для склада товара, сколоченными изъ досокъ. Внизу небольшого холма струился цвѣтной ручей фабричныхъ отбросовъ, заражавшій воздухъ. Онъ составлялъ границу между городомъ и полями.

Яскульскіе жили подъ самымъ лѣсомъ, въ деревянномъ домишкѣ. Теперь ихъ положеніе улучшилось, потому что старикъ зарабатывалъ пять рублей въ недѣлю на постройкѣ у Боровецкаго, а жена торговала въ лавочкѣ, получая квартиру и десять рублей жалованья.

Передъ дверями сидѣлъ закутанный въ одѣяло Антось и печальнымъ, мечтательнымъ взглядомъ смотрѣлъ на серпъ луны, которая, выглянувъ изъ-за тучъ, серебрила влажныя отъ дождя крыши домовъ.

— Юзефъ дома?—спросилъ Горнъ, пожимая его высохшую, чахоточную руку.

— Дома... дома...—съ трудомъ прошепталъ больной, не выпуская его руки.

— Тебѣ лучше теперь, чѣмъ зимой?

— Тамъ никого нѣтъ? — спросилъ мальчикъ, указывая глазами на мѣсяцъ.

— Можетъ быть, послѣ смерти и будутъ... — отвѣтилъ Горнъ, быстро входя въ лавочку.

— Я чувствую... какъ тамъ страшно тихо... — шепталъ Антось, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Онъ замолчалъ, безсильно опустилъ руки, оперся головой о дверь, погрузившись душой въ безпредѣльную глубину неба...

Юзекъ сидѣлъ въ маленькой, тѣсной комнатѣ, заставленной кроватями, стульями, столами. Тутъ было такъ душно, что не помогали даже открытыя двери и окна.

— Онъ недѣли двѣ не былъ у насъ, а не видѣлъ я его съ недѣлю,—отвѣтилъ Юзекъ на вопросъ о Малиновскомъ.

— А Зоська?

— Она къ намъ не ходитъ. Мама на нее разсердилась... Марыся, разобьешь окно! — крикнулъ онъ въ маленькій садикъ, гдѣ мелькнула женская фигура.

— Что̀ она тамъ дѣлаетъ? — спросилъ Горнъ, смотря въ сторону лѣса, который находился всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ домика. Свѣтъ лампы падалъ на землю длинной золотой полосой и блестѣлъ на стволахъ сосенъ.

— Копаетъ землю; это—Марыся, ткачиха, наша землячка. Мама уступила ей садикъ, и она послѣ фабрики заходитъ работать въ немъ. Ей кажется, будто она въ деревнѣ.

Горнъ уже не слушалъ, все думая, гдѣ же найти Адама, и машинально осматривалъ комнату и лавочку съ блестящими жестянками для молока. На прощанье онъ спросилъ шутливо:

— Что-же, ты не получилъ какого-нибудь любовнаго письма?

— Получилъ...—покраснѣлъ Юзекъ.

— Ну, будь здоровъ!..

— Я тоже пойду.

— Можетъ быть, на свиданіе?—улыбнулся Горнъ.

— Да, да... только не говорите такъ громко, а то мама услышитъ.

Юноша быстро одѣлся.

Теплый іюньскій вечеръ выгналъ народъ изъ домовъ: вездѣ виднѣлись силуэты — на порогахъ грязныхъ сѣней, на пескѣ дороги.

Фонарей не было, ихъ замѣняли только мѣсяцъ, свѣтъ изъ оконъ домишекъ, открытыхъ кабаковъ и лавочекъ.

По улицѣ бѣгали и кричали дѣти, а отъ одного изъ отдаленныхъ кабаковъ доносился хоръ пьяныхъ голосовъ,

сливавшійся съ звуками гармоніи, на которой играли въ какой-то мансардѣ, и все покрывалось грохотомъ поѣздовъ.

— Гдѣ же у тебя свиданье? — спросилъ юношу Горнъ, когда они проходили мимо поля, засаженнаго картофелемъ.

— Недалеко, около костела.

— Желаю успѣха!

Горнъ зашелъ къ родителямъ Адама и засталъ тамъ бурную сцену.

Мать, стоя посреди комнаты, громко кричала; Зоська плакала возлѣ печки, а Адамъ сидѣлъ за столомъ, закрывъ лицо руками.

Смущенный Горнъ поспѣшилъ удалиться.

Адамъ побѣжалъ за нимъ.

— Дорогой мой, подождите меня нѣсколько минутъ у воротъ... Пожалуйста! — лихорадочно проговорилъ онъ и вернулся въ комнаты.

— Я спрашиваю тебя,—возбужденно кричала мать,—гдѣ ты была эти три дня?

— Я уже сказала вамъ, что въ деревнѣ подъ Петроковымъ, у знакомой.

— Зоська, не лги!—сказалъ Адамъ, и зеленые глаза его загорѣлись гнѣвомъ.—Я знаю гдѣ!—тише прибавилъ онъ.

— Ну, гдѣ?—спросила дѣвушка, тревожно поднимая на него заплаканные глаза.

— У Кеслера!—отвѣтилъ онъ тихо, но съ такою болью, что мать съ отчаяніемъ развела руками, а Зоська вскочила и нѣкоторое время стояла молча, обводя всѣхъ высокомѣрнымъ взглядомъ.

— Ну, да, у Кеслера! я его любовница! ну, такъ что!— крикнула она, наконецъ, такъ рѣзко и рѣшительно, что мать отшатнулась къ окну. Нѣсколько мгновеній Зоська гордо глядѣла на нихъ и вдругъ вся затряслась нервной дрожью. Ноги ея подкосились, она опустилась на прежнее мѣсто и разразилась рыданьями.

Мать очнулась, схватила ее за руки и, потянувъ къ лампѣ, быстро, лихорадочно проговорила:

— Ты—любовница Кеслера! ты, моя дочь!

Старуха схватилась за голову и начала кричать отъ невыносимаго страданія.

— Господи Іисусе! — стонала она, ломая руки. Потомъ снова подбѣжала къ дочери и принялась трясти ее изо всѣхъ силъ, шепча охрипшимъ отъ волненія голосомъ:

— Значитъ, всѣ эти поѣздки къ теткѣ, всѣ эти прогулки, хожденія съ подругами въ театръ, эти наряды... Теперь понимаю, понимаю! И я все позволяла!.. Господи Іисусе! Не карай меня за слѣпоту, не казни меня, Боже милостивый,

за грѣхи моихъ дѣтей, я невинна! — безумно молилась она, упавъ передъ иконой Божьей Матери, освѣщенной лампадой.

Въ комнатѣ на-время водворилась тишина.

Адамъ угрюмо смотрѣлъ на лампу; Зоська стояла у стѣны, пришибленная, разбитая; слезы струились по ея лицу; вздрагивая отъ рыданій, она отбрасывала безсознательнымъ движеніемъ волосы, которые разсыпались по ея плечамъ.

Мать поднялась съ полу. Ея блѣдное, распухшее лицо было искажено гнѣвомъ и ненавистью.

— Снимай сейчасъ этотъ бархатъ!—закричала она.

Зоська сперва не поняла, но мать уже начала срывать съ нея бархатный лифъ.

— Это клеймо твоего позора, распутная!—кричала она и, охваченная безуміемъ, стащивъ съ нея платье, принялась рвать его въ клочья; потомъ бросилась къ комоду, вытащила изъ него и изорвала все, что принадлежало дочери. Зоська остолбенѣвшимъ взглядомъ смотрѣла на это разрушеніе.

— Онъ меня любитъ... онъ обѣщалъ жениться... — отрывисто говорила она:—Я не могла больше выдержать на фабрикѣ... я не хочу умирать въ прядильнѣ... не хочу быть ткачихой всю жизнь... Мама дорогая, прости меня, мама, сжалься!—вдругъ вскрикнула она, бросаясь къ ея ногамъ.

— Можешь идти теперь къ Кеслеру, у меня нѣтъ больше дочери! — сухо отвѣтила старуха, широко распахивая дверь и вырываясь изъ объятій.

Зоська, охваченная ужасомъ, съ нечеловѣческимъ, дикимъ воплемъ снова грохнулась къ ногамъ матери; она цѣплялась за ея руки, за юбку, ползала за ней на колѣняхъ, моля о прощеніи.

— Убей меня, но не гони! Я этого не выдержу! лучше убей меня. Адамъ, братъ мой! Отецъ мой, сжальтесь надо мною!

— Убирайся сейчасъ же и никогда не показывайся сюда! — бѣшено шипѣла мать,—я прогоню тебя, какъ собаку, и отдамъ полиціи!

Адамъ сидѣлъ неподвижно. Его глаза уже потеряли выраженіе гнѣва и покрылись слезами.

— Прочь!—еще разъ крикнула мать.

Зоська съ безумнымъ воплемъ бросилась въ корридоръ. Сосѣди начали открывать двери и прислушиваться. Зоська сбѣжала внизъ, во дворъ и въ темномъ уголку, подъ цвѣтущими акаціями, упала въ обморокъ отъ овладѣвшаго ею животнаго страха.

Адамъ кинулся за ней и сталъ приводить въ чувство.

— Зоська, иди ко мнѣ! Я тебя не оставлю, — мягко сказалъ онъ, когда она очнулась.

Она молча стала вырываться.

Адамъ съ трудомъ успокоилъ ее. Онъ принесъ изъ дому какой-то платокъ, закуталъ въ него сестру, такъ какъ дѣвушка осталась въ однихъ лохмотьяхъ, и, крѣпко держа ее подъ руку, повелъ къ извозчику.

Горнъ, все время ждавшій въ воротахъ, подошелъ къ нимъ.

— По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, Зоська временно будетъ жить у меня,—сказалъ Адамъ Горну:—не можете-ли вы пріискать себѣ квартиру на нѣсколько дней?

— Я устроюсь у Вильчека, у него большая квартира, — отвѣтилъ Горнъ.

Они ѣхали все время молча, но когда поровнялись съ домомъ Кеслера, Зоська прижалась къ брату и тихо заплакала.

— Не плачь, все уладится! Не плачь, мать проститъ тебя, а съ отцомъ я самъ поговорю! — утѣшалъ братъ, цѣлуя заплаканные глаза сестры и гладя растрепавшіеся волосы.

На нее такъ подѣйствовала эта нѣжность, что она обняла Адама и, спрятавъ лицо на его груди, какъ ребенокъ, принялась жаловаться на свою несчастную судьбу, не обращая вниманія на Горна.

Ее сейчасъ же устроили въ комнатѣ Адама, а онъ перешелъ къ Горну. Она немедленно заперлась и отказалась выйти къ чаю, который Горнъ приготовилъ. Адамъ самъ отнесъ ей все.

Послѣ чая Зоська бросилась въ постель и скоро уснула.

Малиновскій заглядывалъ къ ней поминутно, поправлялъ одѣяло, вытиралъ платкомъ ея лицо, потому что она плакала даже во снѣ, и, наконецъ, вернувшись совсѣмъ, тихо спросилъ Горна:

— Вы догадываетесь, что случилось?

— Нѣтъ, нѣтъ, и прошу васъ не говорить мнѣ: я вижу, какъ вамъ больно! Я сейчасъ ухожу.

— Посидите еще... Вы слышали, должны были слышать, какіе слухи ходили о Зоськѣ?

— Я не обращаю вниманія на сплетни и никогда ихъ не слушаю,—уклончиво отвѣтилъ Горнъ.

— Это не сплетни, а правда!—рѣзко сказалъ, вставая, Адамъ.

— Что же вы будете дѣлать?—сочувственно спросилъ Горнъ.

— Сейчасъ же иду къ Кеслеру!—твердо произнесъ Малиновскій, и его глаза сверкнули такъ же, какъ дуло револьвера, который онъ спряталъ въ карманъ.

— Это безполезно; съ животнымъ нельзя разговаривать по человѣчески.

— Попробую, а если не удастся...

— Тогда что́?—быстро спросилъ Горнъ, испуганный его тономъ.

— Тогда поговоримъ иначе...

Горнъ хотѣлъ что-то возразить, но Адамъ не сталъ даже слушать и только, разставаясь у воротъ, крѣпко пожалъ ему руку.

Онъ направился къ дворцу Кеслера. Того не оказалось дома, и никто не могъ сказать, гдѣ онъ.

Съ ненавистью посмотрѣвъ на великолѣпныя стѣны, на блестѣвшіе при лунѣ золоченные балконы, на завѣшенныя бѣлыми шторами окна, Малиновскій пошелъ на фабрику къ отцу.

Старикъ, по обыкновенію, стоялъ возлѣ громаднаго махового колеса, которое вертѣлось въ полутемной залѣ, то погружаясь во мракъ, то выбѣгая изъ темноты и блестя искрящейся холодной сталью...

Отъ шума Адамъ едва разслышалъ вопросъ отца:

— Нашелъ Зоську?

— Привезъ сегодня вечеромъ,—отвѣтилъ Адамъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него долгимъ взглядомъ, оглядѣлъ машину, смазалъ нѣкоторыя части, справился съ монометромъ, вытеръ рычаги, которые шипѣли, что-то крикнулъ внизъ, въ слуховую трубу машинистамъ и, повернувшись къ сыну, произнесъ сдавленнымъ голосомъ:

— Кеслеръ?

У него было такое лицо, какъ будто онъ собирался укусить.

— Да, но онъ—мой! Вы, отецъ, оставьте его!—горячо сказалъ Адамъ.

— Глупъ ты! У меня съ нимъ счеты, и ты не смѣй его трогать! Слышишь?

— Слышу, но своего не уступлю.

— Не смѣй даже думать!—заворчалъ старикъ, поднимая черный, громадный кулакъ, будто собираясь ударить.—Гдѣ она теперь?

— Мать выгнала ее.

Старикъ прошепталъ какое-то проклятіе; его впавшіе глаза горѣли подъ густыми бровями, которыя бросали мрачную тѣнь на желтое, сухое лицо.

Сгорбившись, онъ сталъ медленно ходить вокругъ колеса, которое съ бѣшенствомъ порабощенной силы ревѣло и рвалось среди дрожащихъ стѣнъ.

Сквозь маленькія запыленныя окна залы лился серебря-

ный свѣтъ луны, въ которомъ, какъ призракъ, вертѣлось чудовищное колесо.

Адамъ не могъ больше добиться отъ старика ни слова и пошелъ домой, но отецъ, догнавъ его, сказалъ уже за порогомъ:

— Займись ею... вѣдь она—наша кровь...

— Я взялъ ее къ себѣ.

Онъ обнялъ его своими желѣзными руками и прижалъ къ сердцу.

Зеленые, нѣжные глаза сына съ любовью остановились на суровыхъ глазахъ отца. Нѣсколько мгновеній оба смотрѣли другъ на друга и разошлись молча.

Старикъ быстро двигался возлѣ машины, вытирая замасленными пальцами набѣгавшія слезы.

V.

— Дѣло несложное, но чистое золото, доложу вамъ. Я пріобрѣлъ участокъ, который Грюнспанъ долженъ, — понимаете-ли, долженъ перекупить за какую мнѣ угодно цѣну,— объяснялъ на другой день утромъ Стахъ Вильчекъ ночевавшему у него Горну.

— Почему долженъ?—спросилъ сонно Горнъ.

— Потому что этотъ участокъ примыкаетъ къ его фабрикѣ съ двухъ сторонъ, съ третьей—владѣнія Шаи Мендельсона, а спереди улица. Онъ сегодня придетъ ко мнѣ, и посмотрите — съ какой физіономіей! Онъ приторговывалъ этотъ участокъ три года и каждый разъ набавлялъ по сто рублей: хотѣлъ купить подешевле, не торопился. Случайно узнавъ объ этомъ, я сдѣлалъ хорошую надбавку и втихомолку кончилъ; теперь могу выжидать: мнѣ не къ спѣху... ха, ха, ха!— весело заливался Вильчекъ, потирая руки.

— А сколько же всей земли?

— Четыре морга! Пятьдесятъ тысячъ рублей—въ карманѣ.

— Конечно, если фантазировать, такъ ужъ во всю! — засмѣялся Горнъ, нѣсколько пораженный этой цифрой.

— Я никогда не ошибаюсь въ разсчетахъ. Грюнспанъ собирается пристроить два павильона на двѣ тысячи человѣкъ. Если ему придется купить землю въ другомъ мѣстѣ, хотя бы на нѣсколько сотъ шаговъ дальше, расходы по оборудованію павильоновъ, по администраціи увеличатся вдвое... Хотите еще чаю?

— Пожалуй, если только горячій... Но для будущаго милліонера у васъ чертовски старыя чашки.

— Это пустяки! будемъ когда-нибудь пить изъ севр-

скаго фарфора,—отвѣтилъ Вильчекъ и, взглянувъ въ окно, прибавилъ:—Я на минуту васъ оставлю...

Въ садикѣ передъ домомъ, между полузасохшихъ вишенъ, его поджидало нѣсколько старухъ съ корзинами въ рукахъ.

Горнъ принялся осматривать помѣщеніе будущаго милліонера. Это была простая изба, съ кривыми, выбѣленными известкой стѣнами и глинянымъ поломъ, застланнымъ краснымъ бумазейнымъ половикомъ. Кривое оконце съ грязной занавѣской давало такъ мало свѣта, что комната и жалкая обстановка тонули во мракѣ, среди котораго лишь ярко блестѣлъ на плитѣ большой самоваръ.

На столѣ лежало нѣсколько книжекъ и тутъ же валялись куски стараго желѣза, обрывки ремней и катушки съ образцами разноцвѣтной хлопчато-бумажной пряжи.

Горнъ сталъ было пересматривать книги, но за окномъ раздался плаксивый женскій голосъ, и онъ, отложивъ ихъ, началъ прислушиваться:

— Дайте мнѣ, пане, десять рублей! Вы знаете, Рухля Вассерманъ честная женщина. Если я сегодня не достану денегъ, мнѣ нечѣмъ будетъ торговать, а намъ надо жить цѣлую недѣлю.

— Безъ заклада не могу.

— Пане Вильчекъ! Я отдамъ, клянусь вамъ, отдамъ... Намъ нечего ѣсть... Мои маленькія дѣти, мой мужъ, моя мать ждутъ, что я принесу хлѣба! Если вы не дадите, откуда я возьму...

— Пусть сдохнутъ. Что мнѣ за дѣло!

— Какое слово, какое недоброе слово вы сказали! —стонала еврейка.

Вильчекъ сѣлъ на лавочку подъ окномъ и началъ принимать деньги отъ остальныхъ.

По рублю, по два, самое большее — по пяти, мѣдью и гривенниками, вытаскивали женщины изъ узелковъ и глубокихъ кармановъ.

Вильчекъ внимательно пересчитывалъ и поминутно отбрасывалъ ту или другую монету.

— Гитля, этотъ пятачекъ не годится, давайте другой!

— Честное слово, это же совсѣмъ хорошій! Я получила его отъ барыни, которая всегда покупаетъ у меня апельсины. Ну, чѣмъ онъ плохъ?.. Даже блеститъ!—кричала еврейка, послюнивъ пятачекъ и вытирая его фартукомъ.

— Давайте скорѣй другой, мнѣ некогда!

— Пане Вильчекъ, вы благородный человѣкъ, вы мнѣ одолжите...—умоляла Вассерманъ.

— Пани Штейнъ, не хватаетъ пятнадцати копѣекъ! —

крикнулъ Вильчекъ маленькой, старой еврейкѣ въ замасленномъ чепчикѣ.

— Не хватаетъ? Не можетъ быть! Было ровно пять рублей, я провѣряла.

— Давайте и баста! Вы всегда такъ говорите, и всегда не достаетъ; мы вѣдь давно знакомы.

Еврейка начала увѣрять, что деньги всѣ сполна. Раздраженный Вильчекъ быстро сгребъ ихъ и бросилъ на песокъ къ ея ногамъ.

Старуха съ крикомъ и плачемъ принялась собирать деньги.

Вассерманъ опять подошла къ Вильчеку и, трогая его за локоть, упрашивала тихимъ, плачущимъ голосомъ:

— Я жду!.. Я знаю, что панъ будетъ милостивъ...

— Безъ заклада не дамъ ни рубля. Что вы не займете у своего зятя?..

— Зачѣмъ вы вспоминаете про этого мошенника! Вы знаете, я дала за дочерью цѣлыхъ сорокъ рублей, а онъ, злодѣй, меньше, чѣмъ въ полгода все прожилъ! Слышите, пане, все! Куда онъ дѣвалъ такую уйму?

Вильчекъ принималъ возвращаемыя ему ссуды съ процентами за недѣлю и, давая новыя, вписывалъ фамиліи и цифры въ памятную книжку.

Онъ равнодушно слушалъ жалобы Вассерманъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ третируя эту толпу нищихъ.

Его не трогали ихъ красные отъ солнца и вѣтра глаза, ихъ лохмотья, выраженіе вѣчной заботы и голода на лицахъ, виднѣвшихся изъ-подъ париковъ и грязныхъ платковъ....

Изумленный Горнъ съ сочувствіемъ смотрѣлъ на этихъ несчастныхъ, стоявшихъ подъ окномъ, и съ возрастающимъ возмущеніемъ знакомился съ оборотами Вильчека.

Онъ не могъ больше выдержать: когда Вильчекъ вернулся, Горнъ молча взялъ шляпу и направился къ выходу.

— Посидите,—остановилъ его хозяинъ.

— Мнѣ нужно къ Шаѣ, при томъ, — скажу вамъ откровенно,—все, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ, возбуждаетъ во мнѣ глубокое негодованіе. Прошу васъ не считать меня, а вмѣстѣ со мной и всю нашу компанію, вашими знакомыми,— сказалъ онъ рѣзко, окинувъ Вильчека презрительнымъ взглядомъ.

— Я не пущу васъ: вы должны меня выслушать!—крикнулъ Вильчекъ, поспѣшно загораживая ему дорогу. Онъ покраснѣлъ, но говорилъ спокойно.

Горнъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, сѣлъ, не снимая шляпы, и сухо сказалъ:

— Я слушаю.

— Я хочу объясниться съ вами. Я не ростовщикъ, какъ

вы думаете: я только служу у Гросглюка и оперирую на его средства и страхъ. Вамъ я первому говорю это: никогда еще не приходилось мнѣ оправдываться въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Зачѣмъ же вы теперь оправдываетесь? Никто васъ не заставляетъ! Я не слѣдователь.

— Затѣмъ, чтобы обо мнѣ не судили ложно. Вы можете считать или не считать меня своимъ знакомымъ, — это вопросъ посторонній, но я не хочу, чтобы меня считали ростовщикомъ.

— Можете быть увѣрены, что мы совсѣмъ не будемъ думать о васъ.

— Такъ же, какъ я о презрѣніи, которое звучитъ въ вашихъ словахъ.

— Зачѣмъ же вы меня задерживаете?

— Задерживалъ!—поправилъ Вильчекъ съ удареніемъ.— Я только сказалъ въ свое оправданіе, что служу у Гросглюка... Конечно, не даромъ.

— Ни за какое вознагражденіе нельзя согласиться обирать нищихъ.

— Такъ говорятъ въ гостиныхъ и при барышняхъ... Такія фразы звучатъ красиво и ни къ чему не обязываютъ.

— Это не фразы, а простая порядочность, пане Вильчекъ.

— Можно и такъ назвать. Я не стану спорить о словахъ. Вы считаете меня мошенникомъ за то, что я помогаю наживаться Гросглюку? А я вамъ докажу, что этотъ мошенникъ больше дѣлаетъ для бѣдныхъ людей, чѣмъ вы всѣ вмѣстѣ... Пожалуйста, загляните въ эту книжку: вотъ годовой итогъ ссудъ и процентовъ до меня, а вотъ при мнѣ съ новаго года. Сравните цифры.

Горнъ невольно заглянулъ и увидѣлъ, что сумма прибылей во второмъ случаѣ была вдвое меньше.

— Чтó же это значитъ, почему?

— Это значитъ, что я беру на сто пятьдесятъ процентовъ меньше, т. е. изъ собственнаго кармана даю бѣднымъ отъ ста до двухсотъ рублей въ мѣсяцъ, составляющихъ мое вознагражденіе. Я отказался отъ него и не хвастаюсь своимъ поступкомъ.

— Вы возвращаете имъ ихъ же собственныя деньги: удивительная милость!

— Вы говорите, какъ человѣкъ, не имѣющій понятія о дѣлахъ.

— Я только не вижу геройства — брать сто пятьдесятъ процентовъ, вмѣсто трехсотъ!

— Хорошо, не будемъ спорить!— сказалъ Вильчекъ раздраженно и, бросивъ книги въ несгораемый шкафъ, стояв-

шій въ углу, началъ барабанить пальцами по столу, посматривая на деревья, качавшіяся за окномъ.

Вильчикъ былъ сильно не въ духѣ: онъ боялся, какъ бы черезъ Горна не распространился слухъ объ его ростовщичествѣ и не закрылъ ему доступъ въ знакомые дома.

Горнъ глядѣлъ на него, забывъ, что пора уходить; возмущеніе уступило мѣсто любопытству. Вильчекъ представлялся ему теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ: отъ него вѣяло желѣзной волей, которой раньше Горнъ не замѣчалъ, вообще мало интересуясь имъ.

— Ага, вы такъ смотрите на меня, какъ будто видите въ первый разъ!—сказалъ Стахъ.

— Признаюсь, что въ первый разъ такъ внимательно смотрю не васъ.

— Интересный экземпляръ, не правда-ли? Хамъ, жидовскій батракъ, парень на всѣ руки; грязный, скверный, гнусный! Что̀ дѣлать, пане, я родился въ избѣ, а не въ дворцѣ; я не красивъ, не симпатиченъ, я не вашъ, и потому даже мои добродѣтели, если онѣ есть, кажутся преступленіями, но... это не мѣшаетъ вамъ занимать у меня деньги,— прибавилъ онъ со смѣхомъ, и его маленькіе глазки заблестѣли ироніей.

— Пане, васъ зоветъ Вассерманъ! — крикнулъ въ дверь мальчикъ.

— Войтекъ!—распорядился Вильчикъ: — пусть ѣдутъ на вокзалъ; дай вотъ накладную Антесу; я буду тамъ черезъ полчаса. Скажи Вассерманъ, чтобы вошла сюда.

Еврейка принесла въ обезпеченіе займа подсвѣчники и янтарныя украшенія,, и Вильчекъ выдалъ ей деньги, удержавъ рубль процентовъ за недѣлю.

— Вы, конечно, назовете это ростовщичествомъ? — спросилъ Вальчикъ.—А если бы я отказалъ ей, она умерла бы съ голоду. Такихъ женщинъ, живущихъ займами, у насъ нѣсколько десятковъ; у каждой изъ нихъ дѣти, матери, мужья, которые или только молятся, или ни къ чему не способны.

— Повидимому, общество должно быть благодарно вамъ за такую щедрую благотворительность?

— Нѣтъ, только могло бы оставить насъ въ покоѣ, когда мы безкорыстно помогаемъ ему.

Онъ цинично отъ души засмѣялся.

— Пане, идетъ тотъ жидъ, Грюнспанъ!—крикнулъ опять въ дверь мальчикъ.

— Посидите минутку, пане Горнъ: будете свидѣтелемъ веселой сценки.

Горнъ не успѣлъ отвѣтить, какъ уже вошелъ Грюнспанъ.

— Здравствуйте, пане Вильчекъ; у васъ гости... я, можетъ быть, мѣшаю?—говорилъ онъ еще на порогѣ, не выпуская изо рта сигары и протягивая руку.

— Пожалуйте! Это—мой пріятель Горнъ, —отрекомендовалъ Стахъ.

Грюнспанъ быстро вынулъ сигару изо рта и окинулъ Горна проницательнымъ взглядомъ.

— Вы работали у Бухгольца? — спросилъ онъ довольно высокомѣрно.—Сынъ „Горнъ и Веберъ" въ Варшавѣ?—спросилъ снова фабрикантъ, не получивъ отвѣта.

— Да.

— Очень пріятно... Мы ведемъ дѣла съ вашимъ отцомъ.

Грюнспанъ милостиво протянулъ Горну концы пальцевъ.

— А я, пане Вильчекъ, гулялъ и зашелъ къ вамъ, какъ къ сосѣду...

— Хорошая сегодня погода. Садитесь же, пане,—радушно приглашалъ Вильчекъ; онъ не могъ скрыть удовольствія, какое доставилъ ему этотъ визитъ.

Грюнспанъ осторожно отвернулъ полы своего длиннаго халата и сѣлъ, вытянувъ ноги въ высокихъ сапогахъ.

Его хитрое лицо лоснилось отъ жира, маленькіе черные глазки безпокойно бѣгали по комнатѣ, заглядывали въ окно, въ садикъ, останавливались на красныхъ стѣнахъ фабрикъ, на Горнѣ и Вильчекѣ, поочередно, то съ неудовольствомъ, то съ тревогой.

Онъ исчезалъ въ густыхъ клубахъ дыма, покашливалъ, усаживался поудобнѣе въ креслѣ и не зналъ съ чего начать.

Вильчекъ молча расхаживалъ по комнатѣ, улыбался, облизывая толстыя губы и поглядывая взглядомъ сообщника на Горна, который сидѣлъ, нахмурившись, и слѣдилъ за движеніями Вильчека.

— Какъ хорошо у васъ, прохладно!—проговорилъ, наконецъ, Грюнспанъ, вытирая клѣтчатымъ платкомъ потное лицо.

— Садъ защищаетъ меня отъ солнца. Вы видѣли его, пане?

— Нѣтъ еще... Все не было времени. Дѣловой человѣкъ вѣдь связанъ работой, какъ ломовая лошадь.

— Пойдемте, если хотите. Я вамъ покажу свое поле и огородъ.

— Хорошо, очень хорошо! — оживился Грюнспанъ, направляясь къ выходу.

Тѣсный дворъ былъ покрытъ кучами навоза и мусора, полусгнившими балками, досками, старымъ желѣзомъ, жестью и битыми горшками, которые два человѣка нагружали на большіе возы.

Съ одной стороны двора были жалкіе, съ соломенными

крышами, сараи для цемента, а съ другой, подъ стѣной фабрики Грюнспана, такія же жалкія конюшни.

— Не скаковыя лошади!—со смѣхомъ воскликнулъ Вильчекъ, замѣтивъ, что Горнъ съ брезгливымъ чувствомъ смотритъ на одровъ, стоявшихъ, свѣсивъ головы, возлѣ конюшни.

— Тутъ непріятный запахъ,—замѣтилъ Грюнспанъ, потянувъ въ себя воздухъ.

Они осмотрѣли пустырь, съ котораго вѣтеръ сдулъ всю плодородную землю, и теперь тутъ желтѣлъ лишь песокъ, будто посыпанный охрой.

Здѣсь были городскія свалки, и въ большихъ кучахъ мусора рылись тощія собаки.

— Золото, не земля! Лукъ выростаетъ здѣсь съ кошачью голову!—замѣтилъ Вильчекъ, насмѣшливо улыбаясь.

— А видъ красивый,—говорилъ Горнъ, показывая на линію городскихъ лѣсовъ, покрытыхъ синевато-опаловымъ отблескомъ солнца, и на золотистыя волны хлѣбовъ, изъ-за которыхъ выступали красныя шеи фабричныхъ трубъ.

— Что̀ вы говорите! Какой тамъ видъ! Эта земля продается!—живо воскликнулъ Грюнспанъ, задѣтый насмѣшкой Вильчека.

— Вы правы, но мой участокъ всетаки лучше, потому что рядомъ съ вашей фабрикой и почти въ городѣ: можно будетъ разбить на немъ прекрасный паркъ...

— Ну, что же, моимъ рабочимъ будетъ гдѣ отдыхать въ праздники...

Они вернулись къ дому и сѣли на лавочку.

Горнъ простился и ушелъ, а Грюнспанъ и Вильчекъ нѣкоторое время сидѣли молча, будто наслаждаясь воздухомъ, насыщеннымъ запахомъ дыма и испареніями ѣдкихъ фабричныхъ отбросовъ, наполнявшихъ глубокія ямы.

По дорогѣ тянулись непрерывной цѣпью возы съ кирпичомъ и неслась красноватая пыль, осѣдавшая на листьяхъ и на травѣ, а отъ фабрики Грюнспана безпрестанно поднимались клубы чернаго дыма и путались между деревьями садика, растягиваясь въ грязный, сѣрый балдахинъ, сквозь который съ трудомъ пробивалось солнце.

— У меня къ вамъ было маленькое дѣльце,—первый началъ Грюнспанъ.

— Да, я знаю: мнѣ передавалъ мой пріятель, Морицъ Вельтъ.

— Если знаете, то будемъ говорить прямо, — небрежно произнесъ фабрикантъ.

— Хорошо. Сколько вы даете за этотъ участокъ, который вамъ такъ нуженъ?

— Онъ мнѣ не нуженъ! Я покупаю его, чтобы снести эту

безобразную хату и вырубить деревья, изъ-за которыхъ отъ меня не видно лѣса. Я очень люблю лѣсъ.

— Ха, ха, ха!—не выдержалъ Вильчекъ.

— Вы, пане, заразительно смѣетесь; хорошій смѣхъ — признакъ здоровья,—замѣтилъ Грюнспанъ, сдерживая раздраженіе.—Однако, мнѣ некогда,—прибавилъ онъ, вставая.

— Мнѣ тоже некогда: надо на вокзалъ.

— Какъ же наше дѣло?

— Ну, сколько даете?

— Я не люблю тянуть; я дамъ вамъ за эту мусорную кучу вдвое дороже, чѣмъ вы заплатили, — быстро проговорилъ онъ, протягивая руку.

— Мнѣ некогда, пане Грюнспанъ, а вы шутите.

— Ну, пять тысячъ; согласны?

— Очень благодаренъ вамъ, пане, что вы навѣстили меня, но я, въ самомъ дѣлѣ, тороплюсь: мои возы уже давно отправились и ждутъ меня на вокзалѣ.

— Вотъ мое послѣднее слово: десять тысячъ, деньги сейчасъ же на столъ; ну, что же, кончимъ?

Онъ схватилъ руку Вильчека и хлопнулъ по ней въ знакъ завершенія сдѣлки.

— Ничего не выйдетъ, потому что я не имѣю времени для шутокъ.

— Пане Вильчекъ, это — мошенничество! —воскликнулъ старикъ, отступая на нѣсколько шаговъ.

— Пане Грюнспанъ, кажется, вы не совсѣмъ здоровы?

— Прощайте!

— До свиданія!—отвѣтилъ Вильчекъ, съ довольной улыбкой смотря на фабриканта, который въ бѣшенствѣ швырнулъ сигару и быстро пошелъ по саду. Полы его халата развѣвались, какъ крылья, хлопали о деревья и цѣплялись за кусты крыжовника, росшіе вдоль тропинки.

— Вернешься еще!—прошепталъ Вильчекъ и весело потеръ руки.

Допивши чай, онъ спряталъ въ кассу груду мелочи, переодѣлся, надушился, выдавилъ передъ исцарапаннымъ зеркальцемъ нѣсколько угрей, и, изящный, сіяющій радостью, направился къ вокзалу.

V.

Фабрика Шаи Мендельсона находилась за высокой, на каменномъ фундаментѣ, желѣзной оградой изъ переплетенныхъ стеблей, листьевъ и цвѣтовъ съ золочеными лепестками. За этой превосходной, „стильной растительностью“

шелъ рядъ лужаекъ съ темной зеленью, на которой ярко выдѣлялось нѣсколько клумбъ съ піонами.

Громадная масса главнаго корпуса отступала въ глубину двора. Это было четырехъэтажное зданіе изъ краснаго кирпича, углы котораго представляли что-то вродѣ средневѣковыхъ бастіоновъ со множествомъ зубцовъ.

Большія ворота, шедевръ слесарнаго искусства,—вели на просторные внутренніе дворы четырехэтажныхъ павильоновъ, а надъ ними, точно стройные тополя, возвышались красныя трубы, которыя окутывали все сѣрой пеленой дыма.

Главная контора была у воротъ и выходила фасадомъ на улицу.

Горнъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ записавъ свою фамилію и суть дѣла, на спеціальномъ бланкѣ, поданномъ швейцаромъ, сѣлъ въ ожиданіи своей очереди: пріемная была полна.

Не смотря на яркій солнечный день, здѣсь стоялъ полумракъ, такъ какъ единственное окно въ садъ затѣнялось кустами акацій, розовые кисти которыхъ при каждомъ дуновеніи вѣтра заглядывали въ комнату.

Черезъ открытую дверь конторы, при мутномъ, желтоватомъ свѣтѣ газа, виднѣлось нѣсколько десятковъ склоненныхъ головъ, а за ними рядъ узкихъ оконъ, обращенныхъ въ сторону угрюмыхъ красныхъ павильоновъ фабрики.

У темныхъ стѣнъ, обшитыхъ деревомъ, тянулись ряды черныхъ шкафовъ, похожихъ на саркофаги. Въ душномъ, раскаленномъ воздухѣ пахло сырой пряжей и хлоромъ. Въ конторѣ стояла нѣмая тишина: служащіе двигались, какъ автоматы, ходили наципочкахъ, разговаривали вполголоса; только могучій, далекій гулъ фабрикъ пробѣгалъ дрожью по стѣнамъ и колебалъ пламя газа.

Посрединѣ пріемной бесѣдовала тихонько группа обывателей, не обращая вниманія на сѣрую толпу, ожидавшую своей очереди на скамьяхъ, въ глубокой нишѣ между шкафами. Тутъ собрались изъ самыхъ различныхъ сферъ люди, искавшіе работы, и всякій разъ, какъ открывалась дверь въ кабинетъ Шаи, они машинально вскакивали съ своихъ мѣстъ, бросая на дверь лихорадочно горящіе взгляды.

Дверь закрывалась быстро, безъ шума, и они снова садились на свое мѣсто и продолжали безсмысленно смотрѣть въ окно на розовые цвѣты акацій, между которыми проглядывали контуры дворца Мендельсона, сверкавшіе при свѣтѣ іюньскаго солнца позолотой баллюстрадъ, балконовъ и венеціанскими стеклами. Лакей поминутно выкликалъ какую-нибудь фамилію, обладатель которой или вскакивалъ и быстро

шелъ на зовъ съ горячей надеждой, или же медленно отдѣлялся отъ группы, стоявшей по срединѣ.

Такъ же поминутно изъ кабинета выходилъ то какой-нибудь важный посѣтитель, крупный купецъ, котораго провожали съ почетомъ, подобающимъ деньгамъ, то бѣднякъ, блѣдный, ни на кого не глядя и почти шатаясь.

За дверью кабинета слышались неясный говоръ, звонки телефона, а порой хриплый голосъ самого Шаи,—и тогда въ конторѣ и въ пріемной все умолкало и слышалось только шипѣнье газа и грохотъ возовъ, въѣзжавшихъ въ фабричные дворы.

Вдругъ дверь кабинета быстро распахнулась и оттуда выбѣжалъ высокій, съ большимъ животомъ, маленькой головой и тонкими, кривыми ногами Станиславъ Мендельсонъ, старшій сынъ Шаи и главный директоръ. Онъ заглянулъ въ контору и на кого то набросился.

— Я васъ спрашиваю, что это значитъ?—кричалъ Станиславъ во все горло, тряся передъ испуганнымъ, будто замшей обтянутымъ лицомъ конторщика свою паспортную книжку.

— Мнѣ выдали ее въ канцеляріи для пана директора, я и привезъ,—отвѣтилъ конторщикъ.

— А у васъ нѣтъ разума? Нѣтъ деликатности! Вы нарочно хотѣли сдѣлать мнѣ непріятность, привезя подобную безсмыслицу! Вы читали?

— Читалъ; но я не виноватъ, если они написали: Шмуль Шаевичъ Мендельсонъ, съ женой Рухлей, она же Регина, я не могъ имъ запретить...

— Вы просто животное!.. Поѣзжайте немедленно въ Петроковъ и привезите мнѣ настоящій паспортъ. Я васъ не спрашиваю, сколько это будетъ стоить, а говорю только, что онъ мнѣ нуженъ завтра къ 12 часамъ, такъ какъ я уѣзжаю съ курьерскимъ. Отправляйтесь сейчасъ же!.. Ну, господа,—обратился онъ къ служащимъ,—неужели это не возмутительно: меня, доктора философіи и химіи, Станислава Мендельсона, переименовали въ Шмуля, а мою жену Регину въ Рухлю?.. Шмуль Шаевичъ Мендельсонъ съ женой Рухлей, она же Регина!—машинально повторялъ Станиславъ и большими шагами, покачиваясь, какъ слонъ на тонкихъ ногахъ, пробѣжалъ черезъ контору, жалуясь по дорогѣ всѣмъ и каждому.

Старшіе поддакивали ему полусловами, а младшіе смотрѣли на него тупымъ, безсмысленнымъ взглядомъ.

Онъ продолжалъ бы еще распространяться о нанесенной ему обидѣ, но вдругъ изъ кабинета раздался рѣзкій электрическій звонокъ и голосъ Шаи, нѣсколько заглушенный чьимъ-то крикомъ:

— Сторожа́!

— Пусть только тронутъ меня пальцемъ, — кричалъ низкій, плотный господинъ, размахивая металлической линейкой, взятой со стола,—я всѣмъ головы разобью, такъ же, какъ и тебѣ, старый воръ! Не выйду отсюда, пока не заплатишь мнѣ!

Онъ остановился въ дверяхъ и не давалъ запереть ихъ; сторожа стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи, не зная, что дѣлать.

— Позвать полицію!—холодно распорядился Шая, отступивъ назадъ, такъ какъ изъ конторы множество глазъ смотрѣли на эту сцену.

— Пане Піотровскій, — быстро заговорилъ Станиславъ, прорвавшись въ кабинетъ,—напрасно вы кричите, мы васъ не испугаемся. Вы получили, сколько слѣдуетъ: за такую скверную работу больше не платятъ, а если вы будете скандалить, у насъ найдутся успокаивающія средства.

— Отдайте мнѣ мои пятнадцать рублей!

— Бери назадъ свои водосточныя трубы и убирайся, пока цѣлъ!

— Что ты мнѣ тыкаешь, паршивецъ! Я тебѣ не товарищъ, я честный ремесленникъ. Сговорились за сорокъ рублей, а дали двадцать пять! Грабители, піявки!

— Тащи его въ участокъ!—крикнулъ Станиславъ.

Сторожа накинулись всѣ сразу и схватили Піотровскаго. Онъ сперва вырывался, какъ связанный звѣрь, но, уступивъ силѣ, черезъ пріемную шелъ уже спокойно, только ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ.

Въ кабинетѣ водворилось молчаніе.

Шая смотрѣлъ въ окно на садъ, залитый солнцемъ, на газоны, пестрѣвшіе тюльпанами.

Станиславъ, засунувъ руки въ карманы и посвистывая, ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Это все къ тебѣ относилось, Станиславъ,—сказалъ старикъ, садясь за столъ.

— Возможно; но за то онъ поплатится пятнадцатью рублями и мѣсяцемъ-двумя тюрьмы.

Станиславъ иронически улыбнулся и надѣлъ пенснэ. Лакей доложилъ о Горнѣ, который, наконецъ, дождался своей очереди.

При входѣ, Горнъ поклонился и молча выдержалъ проницательный взглядъ Шаи.

— Вы приняты съ сегодняшняго дня,—сказалъ Шая. — Мюллеръ далъ о васъ хорошій отзывъ. Вы знаете по-англійски?

— Да, я велъ англійскую корреспонденцію у Бухгольца.

— То-же самое будете сначала дѣлать и у насъ; потомъ мы воспользуемся вами для чего-нибудь другого. Первый мѣсяцъ безъ жалованья, въ видѣ пробы... согласны?

— Согласенъ,—быстро отвѣтилъ Горнъ, хотя на него непріятно подѣйствовала перспектива цѣлаго мѣсяца даровой работы. Онъ хотѣлъ уйти, но Шая остановилъ его.

— Не торопитесь, поговоримъ немного; я знаю фирму вашего отца.

Но разговоръ прервалъ Высоцкій, быстро вошедшій въ кабинетъ и, по обыкновенію, сразу приступившій къ дѣлу. Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ служилъ у Мендельсоновъ фабричнымъ врачомъ.

— Садитесь, докторъ,—пригласилъ Шая.

Но Станиславъ предупредилъ его: самъ занялъ стулъ, а больше стульевъ въ кабинетѣ не оказалось.

— Я пригласилъ васъ, докторъ, по маленькому дѣлу,—началъ Станиславъ, засовывая руки глубоко въ карманы и вытаскивая оттуда пукъ измятыхъ рецептовъ и длинный счетъ.—Это рецепты за послѣднюю четверть года... Я люблю все знать, просмотрѣлъ счета и пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя заставили меня пригласить васъ.

— Весьма любопытно.

— Счетъ очень внушительный: тысяча рублей за четверть года! Мнѣ это кажется слишкомъ.

— Какъ это понимать?—быстро спросилъ Высоцкій, покручивая усы.

— Успокойтесь, пане; нужно понимать мои слова такъ, какъ я говорю, т. е., что слишкомъ много израсходовано...

— Что же я могу сдѣлать? Рабочіе болѣютъ, да и несчастные случаи бываютъ довольно часто: нужно лѣчить людей.

— Но какъ лѣчить?

— Ну, это уже касается только меня.

— Безспорно, ваше дѣло... Но я говорю о способахъ лѣченія, о методѣ, котораго вы придерживаетесь, — нѣсколько возвысилъ голосъ Станиславъ, не глядя на Высоцкаго и накручивая на палецъ шнурокъ своего пенснэ,—наконецъ, о средствахъ, какими вы пользуетесь.

— Такими, какія имѣются въ распоряженіи медицины,—довольно рѣзко отвѣтилъ Высоцкій.

— Вотъ, напримѣръ, первый попавшійся рецептъ: рубль двадцать копѣекъ. Это очень дорого, безусловно дорого за рабочаго, который получаетъ пять рублей въ недѣлю. Мы на него не можемъ столько тратить.

— Если бы были болѣе дешевые и столь же раціональные медикаменты, я употреблялъ бы ихъ.

— При дороговизнѣ совсѣмъ не надо употреблять.

— Въ такомъ случаѣ, лучше вовсе не лѣчить?

— Успокойтесь, пане Высоцкій! Пожалуйста, садитесь. Поговоримъ, какъ хорошо воспитанные люди, какъ джентльмэны. Вотъ, напримѣръ, вы прописываете настоящій эмсъ. Рабочій выпилъ двадцать бутылокъ, т. е. на десять рублей. Вы предполагаете, что вода помогла ему?—спросилъ Станиславъ съ нѣкоторой ироніей, расхаживая по комнатѣ и играя пенснэ.

— Онъ выздоровѣлъ, уже мѣсяцъ, какъ ходитъ на фабрику.

— Очень утѣшительно! Но вы не думаете, что онъ могъ бы поправиться и безъ этой воды?

— Да, но понадобилось бы вдвое больше времени, и ему пришлось бы ѣхать въ деревню.

— Вотъ это и слѣдовало посовѣтовать ему: тогда бы онъ стоилъ намъ на десять рублей меньше, а былъ бы такъ же здоровъ.

— Чего же вы хотите?—съ живостью спросилъ Высоцкій, встряхивая лацкана своего сюртука и покручивая усы.

— Прежде всего, я лично не вѣрю въ аптечную кухню, не вѣрю въ пользу засоренія человѣческаго организма посторонними веществами. Если важно, чтобы намъ лѣченіе рабочихъ не обходилось очень дорого, то еще важнѣе, чтобы оно приносило пользу, чего я не признаю. Природа лучшій цѣлитель, и я совѣтовалъ бы вамъ впредь руководствоваться этимъ соображеніемъ...

— Вы могли сказать это безъ всякихъ околичностей!—раздраженно отвѣтилъ Высоцкій.

— Я и говорю прямо: мы не можемъ играть въ филантропію.

— А я заявляю, что не считаю возможнымъ полагаться на одну природу и буду помогать ей, не справляясь съ цѣнами на лѣкарства. Совѣсть не позволяетъ мнѣ гнать на работу полубольного человѣка... Съ этой минуты мое мѣсто у васъ свободно.

— Ахъ, докторъ, какой вы... недобрый! Неужели нельзя говорить откровенно, по-пріятельски. У васъ одно мнѣнье, у меня другое. Садитесь, прошу васъ, покуримъ, — говорилъ Станиславъ, беря у него шляпу. Онъ почти насильно усадилъ его и придвинулъ ему папиросы и спички.

Пане Высоцкій,—радостно сообщилъ Шая, прочитавъ какую-то телеграмму:—сегодня возвращаются моя дочь и панна Грюнспанъ. Онѣ телеграфируютъ изъ Александрова и просятъ, чтобы вы встрѣтили ихъ на вокзалѣ...

— Насколько я знаю, онѣ хотѣли вернуться въ воскресенье,—сказалъ Мецекъ.

— Сумасшедшія!—проворчалъ Станиславъ.

— Это сюрпризъ: Меля хочетъ быть на именинахъ у пани Травинской,—отвѣтилъ Шая.—Что-же, вы будете на станціи?

— Съ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, поѣдемте вмѣстѣ. Поѣздъ придетъ въ пять часовъ.

— Хорошо. Я зайду въ амбулаторію и скоро вернусь.

Станиславъ проводилъ его до двери и крѣпко пожалъ ему руку на прощанье.

— Ты оставь его въ покоѣ, Станиславъ,—сказалъ Шая:— Высоцкій протежэ Розы, она питаетъ къ нему какую-то слабость.

— Пусть она принимаетъ его, ѣздитъ съ нимъ кататься, если это нравится ей, но зачѣмъ намъ приплачивать за его фантазіи.

— Ну, будетъ!.. Скажи домой по телефону, чтобы привезли сюда дѣтей; я возьму ихъ на вокзалъ.

Лакей торжественно доложилъ о какомъ-то Старжа Стажевскомъ, который вошелъ очень медленно и, прижимая шляпу къ груди, изысканно раскланялся.

Пріятная улыбка мелькала на его длинномъ, безусомъ лицѣ, украшенномъ безцвѣтными баками à la принцъ Іосифъ; полинявшіе, будто вываренные глаза глядѣли съ глубокимъ изумленіемъ; остроконечная голова была покрыта едва замѣтнымъ пухомъ; даже голосъ у него былъ какой-то безцвѣтный, беззвучный, который съ трудомъ можно было разслышать.

— Я Старжа-Стажевскій!—отрекомендовался онъ.—Графъ Генрихъ писалъ вамъ обо мнѣ...

— Садитесь...—пригласилъ Шая.—Правда, не на чемъ,— прибавилъ онъ,—ну, и стоя поговоримъ. Мой сосѣдъ, графъ Генрихъ, писалъ о васъ... Что же прикажете?

— Генрихъ мой близкій родственникъ; онъ двоюродный братъ моей матери...

Голосъ его оборвался, и, машинально прижавъ шляпу обѣими руками къ груди, Старжа взглянулъ на Шаю безцвѣтными глазами.

— Очень пріятно...

— Мой Старжовъ рядомъ съ имѣніями графа. Это золотое дно, но... наступили очень тяжелыя времена для земледѣлія... Вы знаете, какой конкуррентъ Америка?.. Долженъ прибавить, что Старжовъ былъ въ нашемъ владѣніи четыреста лѣтъ...

— Слишкомъ долго! — проворчалъ Шая, грызя ногти: его раздражала эта излишняя канитель.

Старжа началъ разсказывать о своихъ несчастіяхъ, о необ-

ходимости прожить нѣсколько лѣтъ на югѣ, вставляя ни къ селу, ни къ городу эпизоды изъ своей жизни, переминался съ ноги на ногу и моргалъ вѣками, лишенными рѣсницъ.

— Въ концѣ-концовъ... какая ваша спеціальность и какого мѣста вы ищете?—прервалъ его Станиславъ.

— Не мѣшай пану!..—сказалъ Шая и представилъ Станислава:—Мой сынъ.

Старжа, услышавъ рѣзкій вопросъ Станислава, поднялъ удивленные глаза и уставился на него и на Горна, стоявшаго у окна; но когда ему представили Станислава, онъ блѣдно улыбнулся и наклонилъ голову.

— Я учился въ Хировѣ, въ Галиціи...

— У іезуитовъ!..—шепнулъ отцу Станиславъ, наклоняясь къ столу за папиросой.

— И хотя программа этой школы обширна, но общаго характера... Потомъ я былъ на нѣсколькихъ факультетахъ, но какъ-то не могъ выбрать спеціальности по душѣ, и ничего изъ этого не вышло...—объяснялъ онъ, добродушно улыбаясь, и опять перешелъ къ хозяйству, къ неизбѣжности продать имѣніе, къ поискамъ подходящихъ занятій, къ культурѣ кроликовъ и т. п.

— Мнѣ очень жаль, что я ничего не могу сдѣлать для моего любезнаго сосѣда графа Генриха,—сказалъ Шая:—въ нашей фирмѣ нѣтъ ничего, соотвѣтствующаго вашимъ способностямъ и происхожденію. Есть, правда, мѣсто бухгалтера-техника, но это не для васъ: и жалованье маленькое, и требуется спеціалистъ. Обратитесь къ намъ черезъ годъ: будущей весной мы расширяемъ фабрику, тогда, быть можетъ, найдется какая-нибудь работа.

— Право, мнѣ жаль... Но, можетъ быть, мѣсто бухгалтера?.. Видите ли, милостивый государь, мнѣ очень необходимо... ознакомиться съ бухгалтеріей...

Онъ раскраснѣлся и замолчалъ.

— Шестьсотъ рублей жалованья при двѣнадцатичасовомъ трудѣ! Нѣтъ, я не могу предложить такую тяжелую работу для племянника моего милѣйшаго сосѣда, графа Генриха! — быстро проговорилъ Шая и, чтобы избавиться отъ шляхтича, который судорожно прижималъ къ груди шляпу, что-то безсвязно бормоча, всталъ и очень любезно проводилъ его до двери.

— Не попытать ли вамъ счастья у пана Боровецкаго? Онъ строитъ фабрику, и ему навѣрное нужны люди...—любезно посовѣтовалъ Шая. Онъ съ ироніей поклонился ему и, усѣвшись на прежнее мѣсто, расхохотался.

— Почему онъ не идетъ къ своимъ учителямъ-іезуи-

тамъ?.. — смѣялся Станиславъ. — Они могли бы пристроить его къ дипломатіи..

— Знаете, пане Горнъ,—сказалъ Шая,—почему мы даемъ мѣсто вамъ, а не разнымъ Старжа-Стажевскимъ? потому что мы демократы. Такой графскій племянникъ, важный аристократъ-голышъ, хорошъ для декораціи, какъ красивый кучеръ для кареты. А на фабрикѣ нужно работать. Случись что-нибудь съ такимъ паномъ, сломай онъ по собственной винѣ хоть ноготь за нашей работой, получишь, пожалуй, запросъ отъ европейскихъ дворовъ... Намъ не къ лицу дипломатическія сношенія!... Мы любимъ скромныхъ людей, у которыхъ нѣтъ дяденекъ графовъ...

Въ кабинетъ вошли дамы. На встрѣчу имъ Станиславъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, а Шая всталъ со стула.

Это были мадамъ Эндельманъ и Травинская. Онѣ пришли просить денегъ на лѣтнія колоніи для дѣтей рабочихъ.

Мадамъ Эндельманъ славилась умѣніемъ рисовать страданія тысячъ этихъ дѣтей, гніющихъ въ подвалахъ, безъ солнца и воздуха.

Она обмахивала вѣеромъ свое сильно напудренное лицо, поправляла золотые браслеты и затѣйливую прическу, и ея толстыя губы не закрывались ни на минуту.

Травинская была сегодня необыкновенно красива. Она больше молчала, посматривая на красные ястребиные глаза Шаи и на его грубые пальцы, нетерпѣливо постукивавшіе по столу, и бросала взгляды на Горна.

— А твой Берекъ, Ройза, много даетъ тебѣ на бѣдныхъ?— оборвалъ Шая, не выдержавъ длиннаго приступа m-me Эндельманъ. Еврейскія имена онъ выговорилъ умышленно съ удареніемъ.

— Да, много и постоянно, но онъ не любитъ хвастаться!— воскликнула она, возмущенная его грубостью.

— А я люблю, чтобы люди знали, сколько я даю... Хорошо, ты получишь сто рублей. За сто рублей эти дѣти могутъ получить много свѣжаго воздуха... Пане Горнъ, принесите, пожалуйста, изъ кассы сто рублей, вотъ вамъ чекъ.

— Если бы вы пожертвовали еще какіе-нибудь остатки коленкора для дѣтскаго бѣлья, мы были бы вамъ очень благодарны,—сказала Травинская низкимъ, мелодичнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ имъ бѣлье? Въ моихъ имѣньяхъ деревенскіе ребятишки ходятъ почти голыми и очень здоровы.

— Панъ Кнолль далъ намъ пять штукъ ситца.

— Кнолль можетъ дать пятьдесятъ, если хочетъ, а я не могу больше... шести... нѣтъ, даже пяти... Станиславъ, напиши приказъ въ магазинъ, чтобы выдали четыре штуки,— быстро и злобно сказалъ Шая.

— Благодаримъ васъ отъ лица бѣдныхъ дѣтей!—воскликнула m-me Эндельманъ.

— Нечего болтать пустяки! Я даю сто рублей и четыре штуки коленкору, но прошу васъ, сударыни, чтобы въ газетахъ прямо было напечатано: Шая Мендельсонъ далъ на лѣтнія колоніи сто рублей и четыре штуки товара. Я не хвастаюсь, но пусть люди знаютъ, что у меня доброе сердце...

Мадамъ Эндельманъ начала опять патетически благодарить, а Нина обернулась къ Горну, который принесъ деньги:

— Я сегодня послала вамъ приглашеніе, но еще разъ прошу пожаловать къ намъ завтра вечеромъ. Вы не забудете?

— Явлюсь съ удовольствіемъ.

Дамы ушли. Немного погодя, Станиславъ замѣтилъ Горну

— У васъ, пане, славныя знакомства! Эта пани Травинская—настоящая бомбоньерка съ конфектами.

— А эта Ройза походитъ на напудренную корову. Будь ея мужъ такъ уменъ, какъ она болтлива, они были бы вдвое богаче,—замѣтилъ Шая и обратился къ новому посѣтителю, толстому купцу, въ кафтанѣ со складками вокругъ таліи, и съ хитрыми татарскими косыми глазками.

Шая былъ съ нимъ предупредителенъ и вѣжливъ, даже уступилъ свое кресло, Станиславъ же не только подалъ ему сигару, но самъ зажегъ спичку.

За купцомъ прослѣдовала еще цѣлая вереница посѣтителей.

Горнъ едва дождался конца пріема и, получивъ, наконецъ, позволеніе отъ Шаи посѣщать фабрику, отправился къ Малиновскому узнать о Зоськѣ.

Малиновскій былъ въ прядильнѣ, возлѣ машины, которую торопливо чинили.

Тонкая пыль покрывала всѣ предметы, окутывая залы сѣроватымъ облакомъ, въ которомъ мелькали люди, какъ призраки.

Солнце жгло черезъ стеклянныя крыши, съ рабочихъ катился потъ градомъ, удушливый воздухъ былъ пропитанъ запахомъ машиннаго масла.

— Съ сегодняшняго дня я служу у васъ на фабрикѣ,— сказалъ ему Горнъ.

— Да? это хорошо! — тихо отвѣтилъ Адамъ, наклоняясь надъ частью машины, которую слесарь скрѣплялъ винтами, и уже больше не заговаривалъ, такъ какъ машину быстро начали собирать, смазывать и пробовать; немного погодя она уже работала вмѣстѣ съ остальными.

Малиновскій нѣкоторое время всматривался въ работу

машины, глядѣлъ пряжу и, только послѣ провѣрки ея дѣйствій, направился въ длинный проходъ, увлекая за собой Горна.

— Что же съ сестрой? видѣли вы ее сегодня?—спросилъ Горнъ на ухо: шумъ прядильни, свистъ передаточныхъ ремней и тяжелый грохотъ колесъ наполняли залу страшнымъ шумомъ, среди котораго пропадали голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ... нѣтъ...—съ болью прошепталъ Адамъ.

Они вошли въ маленькую комнату, черезъ стекла которой видно было всю залу, изрѣзанную вверху полосами передаточныхъ ремней, а внизу подвижными контурами машинъ, покрытыхъ пылью отъ хлопка.

— Что съ вами? — спросилъ Горнъ, замѣтивъ угрюмый видъ Адама.

— Ничего... что же могло со мной случиться?

Онъ прижался лицомъ къ стеклу и безсмысленно смотрѣлъ на какое-то колесо, съ бѣшеной быстротой мелькавшее на солнцѣ.

— До свиданья. Вы съ фабрики прямо домой?

— Знаете, ея уже нѣтъ! — вдругъ шепнулъ Адамъ, поднимая глаза на Горна.

Онъ говорилъ спокойно, но губы его дрожали.

— Нѣтъ?—невольно переспросилъ Горнъ.

— Я возвращаюсь съ обѣда, а сторожиха отдаетъ мнѣ ключъ и говоритъ: барышня, которая была у васъ, велѣла передать, чтобы ее не искали, потому что не найдете... Слышите! Убѣжала къ Кесслеру, къ своему любовнику! Ну, пусть идетъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ; мнѣ теперь все равно, а только жаль... жаль...—онъ вдругъ оборвалъ себя и вышелъ, потому что опять остановилась какая-то машина. Малиновскій быстро направился къ ней, стараясь заглушить боль, которая терзала его душу.

Горнъ двинулся и пошелъ было за нимъ, но долженъ былъ прижаться къ стѣнѣ: везли вагонетки, нагруженныя освобожденными отъ желѣзныхъ обручей кипами хлопка, который, точно грязный снѣгъ, сваливался на полъ.

Малиновскій не возвращался. Страшная жара и раздражающій свистъ ремней заставили Горна направиться къ выходу.

У дверей его нагналъ Адамъ и со слезами въ голосѣ прошепталъ:

— Пожалуйста, не говорите никому.

И, пожавъ ему руку своими горячими руками, Малиновскій удалился въ царство машинъ, чтобы среди нихъ скрыть свой стыдъ и мученья.

Горну хотѣлось чѣмъ-нибудь его утѣшить, но не находи-

лось словъ, къ тому же онъ чувствовалъ, что для такихъ ранъ время и молчаніе—лучшія лѣкарства...

На дворѣ Горну попался Высоцкій, вышедшій изъ фабричной амбулаторіи.

— Вы, докторъ, будете въ воскресенье у Травинскихъ?— спросилъ Горнъ.

— Непремѣнно: это единственное мѣсто въ Лодзи, гдѣ не занимаются сплетнями.

— И единственная гостиная, гдѣ, кромѣ фабрикантовъ, бываютъ люди.

Они поспѣшно простились, такъ какъ карета Шаи уже стояла передъ подъѣздомъ.

Шая еще сидѣлъ въ конторѣ, играя съ внучками, дочками Станислава, который сосредоточенно что-то писалъ и только по временамъ, поднимая голову, улыбался дѣвочкамъ, рыжеватыя головки и розовыя личики которыхъ прижимались къ широкой груди дѣдушки.

Шая былъ въ прекрасномъ настроеніи. Онъ подбрасывалъ дѣтей вверхъ, цѣловалъ ихъ поминутно и разражался веселымъ смѣхомъ. Его красные, ястребиные глаза сдѣлались нѣжными и выражали искреннее удовольствіе.

— Вотъ видите, докторъ, какая мука быть дѣдушкой!— весело обратился онъ къ Высоцкому.

— Славныя дѣти!

— Правда? Я всегда утверждаю это.

— Немного похожи на панну Розу.

— Цвѣтомъ волосъ,—да, а вообще—гораздо красивѣе ея.

— Однако, ѣдемъ: черезъ восемь минутъ придетъ поѣздъ,— напомнилъ Мецекъ.

Бонна, скромно стоявшая у окна, взяла дѣвочекъ, и всѣ отправились.

Американскіе рысаки Шаи неслись, какъ вихрь, но поѣздъ уже подходилъ къ платформѣ, переполненной публикой.

Передъ Шаей всѣ разступались, голоса умолкали, а взгляды съ любопытствомъ останавливались на его высокой фигурѣ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ. Онъ поглаживалъ бороду, кивалъ знакомымъ и шелъ между образовавшимися шпалерами съ видомъ короля.

Впереди шли внучки, напоминавшія въ своихъ костюмахъ розовыхъ мотыльковъ.

Высоцкій уже издалека замѣтилъ въ окнѣ перваго класса Розу и Мелю и сейчасъ же бросился къ вагону.

Первой вышла Роза, таща на цѣпочкѣ маленькую пепельнаго цвѣта обезьянку, которая неловко подпрыгивала и поминутно садилась на платформу.

— Здравствуй, здравствуй!—говорилъ Шая дочери, и когда

Роза поцѣловала его, онъ взялъ ея подбородокъ двумя пальцами, погладилъ другой рукой по лицу и взволнованно прошепталъ:—Ты хорошо выглядишь!.. И хорошо, что ты пріѣхала, наконецъ.

— Коко, сюда! Коко!—кричала Роза обезьянкѣ, которая, испугавшись толпы и шума, стала такъ рваться, что пришлось взять ее на руки.

— Вы ждали насъ?.. — тихо спросила Меля Высоцкаго, когда они медленно шли къ экипажу, пробираясь черезъ толпу.

— Васъ ждалъ... — Высоцкій не рѣшился назвать ее по имени.—Ждалъ васъ цѣлыхъ два мѣсяца... — шепнулъ онъ, сильно взволнованный ея пріѣздомъ.

— И я ждала два длинныхъ, предлинныхъ мѣсяца...

Они шли рядомъ, такъ близко, что руки ихъ касались, но говорить больше было нельзя: они стояли уже около кареты.

Высоцкій сталъ прощаться. Видъ Мели охватилъ его страннымъ волненіемъ. Онъ былъ счастливъ и глядѣлъ на нее затуманенными глазами, сердце его билось; онъ хотѣлъ было скрыться, чтобы не выдать себя, но дѣвушки не пустили его.

Ему пришлось сѣсть въ карету на передней скамейкѣ, противъ Мели, и онъ смотрѣлъ на ея пепельные волосы, выбѣгавшіе волнами изъ-подъ большой свѣтлой шляпы, на слегка загорѣлое лицо, смотрѣлъ такъ упорно, что смущенная Меля то и дѣло отворачивала голову, поправляла шляпу и отъ полноты счастья разражалась веселымъ смѣхомъ при видѣ гримасъ обезьяны, которая вцѣпилась въ плечи Розы. Иногда большіе сѣрые глаза Мели скользили по лицу Высоцкаго, и она, испуганная, старалась скрыть свой взглядъ.

Роза поочередно цѣловала дѣвочекъ, ласкала обезьянку и разсказывала разныя дорожныя приключенія, не замѣчая восторженнаго лица Мели.

— А тетка гдѣ? Мы потеряли ее! — вскрикнула Роза, останавливая карету; онѣ только теперь вспомнили про тетку Мели, которая сопровождала ихъ въ путешествіи.

— Нужно вернуться. Поворачивай!—крикнулъ Шая.

— Позвольте, я выйду и поищу ее, — поспѣшно предложилъ Высоцкій, радуясь случаю остаться одному, и выскочилъ изъ экипажа.

— Хорошо, но вы должны тогда привезти тетю сами.

— Я приду въ воскресенье, вамъ нужно же отдохнуть...— пробормоталъ Мецекъ.

— Ну, такъ и быть, если вы упорствуете; но въ воскресенье, въ обычный часъ, мы ждемъ васъ въ черномъ кабинетѣ. Захватите съ собой и Бернарда.

— Бернардъ уѣхалъ въ Берлинъ.

— Ну, такъ Богъ съ нимъ; въ послѣднее время онъ пересталъ быть забавенъ.

— Скоро я услышу о себѣ подобный приговоръ?

— Относительно васъ голосъ принадлежитъ Мелѣ...

— Тѣмъ хуже для меня...

Онъ не разслышалъ отвѣта: карета тронулась, тѣмъ не менѣе, выразительный взглядъ Мели, говорившій совсѣмъ иное, наполнилъ его душу сладкой тревогой.

Высоцкій разыскалъ тетку. Старуха сидѣла среди груды чемодановъ и коробокъ, въ ожиданіи прислуги, которая получала багажъ. Онъ помогъ ей забрать вещи, усадилъ на извозчика, даже по разсѣянности поцѣловалъ ея руку и долго стоялъ на ступенькахъ вокзала, думая о Мелѣ.

Еще не формулируя своихъ чувствъ, но побуждаемый безсознательной жаждой одиночества, онъ отправился за городъ, по какой-то только что разбитой вчернѣ улицѣ среди загоновъ, на которыхъ уже строили дома и фабрики.

— Да, я люблю ее! — думалъ Высоцкій, останавливаясь и всматриваясь въ ряды вѣтряныхъ мельницъ. Крылья ихъ вращались медленно, точно усталыя руки, тяжело поднимались и опускались на фонѣ свѣтлаго неба.

Въ полѣ, куда направился Высоцкій овесъ переливался темными волнами; желтая стѣна ржи съ шелестомъ кланялась до земли и сыпала иголки съ своихъ колосьевъ; на зеленыхъ лужайкахъ возвышались сѣрые домики съ блестѣвшими на солнцѣ окнами; жаворонки вылетали изъ-подъ ногъ и звенѣли въ безоблачномъ небѣ. Мецекъ смотрѣлъ, какъ трепещутъ ихъ крылышки, пока жаворонки не исчезали въ безконечной вышинѣ, и снова шелъ, охваченный пріятнымъ чувствомъ отдыха и движенія; грудь его была полна тѣмъ же счастьемъ жизни, которымъ вѣяло отъ свѣжей травы, отъ синихъ васильковъ, отъ крика кузнечиковъ и ласковыхъ порывовъ вѣтра.

Высоцкаго охватила такая нѣжность, что на глазахъ у него выступили слезы. Онъ нарвалъ полную горсть колосьевъ и, охлаждая ими горящія губы, все шелъ и шелъ, пока ему не преградила путь полуразрушенная изба. Передъ нею, въ тѣни большой березы, лежалъ какой-то человѣкъ на кучѣ соломы; голова его покоилась на плоской клѣтчатой подушкѣ, а глаза были устремлены на тонкія вѣтви березы, похожія на струи льющейся зелени. Онъ пѣлъ слабымъ голосомъ:

„Восхвалите, уста наши, Дѣву святую,
Воспойте славу Ей, непорочной.“

Высоцкій остановился.

Голосъ пѣвца журчалъ, какъ вода по камнямъ, поминутно обрываясь и переходя въ тяжелый хриплый шопотъ. Онъ перебиралъ четки, поднося къ губамъ ихъ металлическій крестикъ, и смотрѣлъ на стѣну ржи, которая съ шелестомъ склонялась къ нему и, вздрогнувъ, убѣгала волной назадъ...

— Что съ вами?—спросилъ Высоцкій, садясь рядомъ съ больнымъ.

— Ничего со мной, пане... ничего... только умираю себѣ помаленьку,—медленно произнесъ больной, не удивившись его присутствію, и поднялъ на него сѣрые, печальные глаза.

— Чѣмъ вы больны? — спросилъ Мецекъ, тронутый простотой отвѣта.

— Вотъ этимъ,—сказалъ больной, приподнимая лохмотья и показывая отрѣзанныя выше колѣнъ ноги, закутанныя въ грязныя тряпки.—Отхватила мнѣ ихъ фабрика, сперва вотъ по эти косточки, потомъ доктора обрѣзали до колѣнъ... Но смерть всетаки шла; ну, обрѣзали ихъ еще выше, а она себѣ все идетъ, пане... и придетъ, о чемъ прошу я милосерднаго Господа Іисуса и Пресвятую Матерь...

Онъ поднесъ къ губамъ крестикъ четокъ.

— И ничего не болитъ у васъ?

— Ничего, пане; чему и болѣть-то? Ногъ нѣтъ, мяса нѣтъ, рукъ тоже не чувствую. Вотъ! — показалъ онъ двѣ палки, обтянутыя сѣрой кожей, и такія тощія ладони, что онѣ походили на кривыя высохшія вѣтки. — Немножко ещѐ есть дыханья въ груди, а когда и этого, дастъ Богъ, не станетъ, тогда успокоюсь по христіански.

Онъ говорилъ съ трудомъ, то и дѣло останавливаясь, и улыбка, напоминавшая гаснущій дневной свѣтъ, скользила по его лицу, такому же сѣрому, какъ земля, на которой онъ лежалъ.

— Кто же за вами тутъ смотритъ?—спросилъ изумленный Высоцкій.

— Христосъ меня бережетъ, а ухаживаетъ жена... Цѣлый день ея нѣтъ, она ходитъ на работу къ каменщикамъ... Вернется вечеромъ, утащитъ меня въ избу, сваритъ поѣсть...

— Дѣтей у васъ нѣтъ?

— Были... — проговорилъ онъ тише, и глаза его засверкали слезами.—Четверо... да, четверо. Антеку оторвала голову машина... Марыся, Ягна и Войтекъ померли отъ лихорадки...

Онъ долго молчалъ, смотря стеклянымъ взглядомъ на волнующійся хлѣбъ, со всѣхъ сторонъ окружавшій избу, и на его сѣромъ лицѣ, застывшемъ въ выраженіи крестьянскаго терпѣнія, отразилась тоска...

— Стерва!..—проговорилъ онъ со злобой, погрозивъ кулакомъ въ сторону города.

— Нужно бы посмотрѣть ваши ноги,—сказалъ Высоцкій и началъ развертывать тряпки, не смотря на протесты больного. Тотъ сперва было испугался, но, видя, что ничего не подѣлаешь, замолчалъ и смотрѣлъ на доктора страннымъ взглядомъ.

Гангрена была въ полномъ развитіи, но, благодаря страшному истощенію организма, двигалась медленно.

Высоцкій, охваченный жалостью, принесъ воды изъ колодца, обмылъ раны растворомъ карболки, которую всегда носилъ съ собой, и хотѣлъ опять завязать, но тряпки оказались невыносимо грязны и пропитаны кровью.

— Нѣтъ-ли у васъ почище?—спросилъ докторъ.

Больной отрицательно покачалъ головой: онъ не могъ говорить отъ волненія.

Тогда Высоцкій, не задумываясь, снялъ съ себя рубашку, и, разорвавъ ее на куски, забинтовалъ ноги.

Больной не произнесъ ни слова, только грудь его подымалась и сдержанныя рыданія сжимали горло, потрясая все тѣло.

Высоцкій, торопливо одѣвшись, поднялъ воротникъ пальто. Потомъ положилъ бывшія съ нимъ деньги въ руку больного, наклонился къ нему и прошепталъ:

— Будьте здоровы, я приду къ вамъ завтра.

— Іезусъ мой милосердный, Іезусъ!—вскрикнулъ больной, бросаясь всѣмъ тѣломъ къ ногамъ доктора и обнимая ихъ въ порывѣ благодарности.—О, добрый мой пане, ангелъ святой мой!..—бормоталъ онъ сквозь слезы.

Высоцкій уложилъ его, запретивъ двигаться, вытеръ его мокрое отъ слезъ лицо, пригладилъ ему рукой волосы и быстро удалился, точно сконфуженный.

Больной смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ не исчезъ между хлѣбовъ; затѣмъ перекрестился и долго глядѣлъ на ниву, на дрожащія вѣточки березы, на стаю воробьевъ, на солнце, которое уже низко спустилось надъ полями, и трогательно запѣлъ:

„Восхвалите, уста наши, Дѣву святую...“

— Ужъ я теперь стонать не буду... Ты смиловался надо мной, Христе... Ужъ я теперь умру... тихо... тихо,—шопотомъ повторялъ больной. Словно сквозь туманъ видѣлъ онъ волны хлѣбовъ, съ шелестомъ склонявшихся надъ нимъ... Ему казалось, что сѣро-голубое небо обнимаетъ его, и послѣдніе лучи золотого солнца шлютъ ему прощальный привѣтъ...

VII.

Боровецкій, Горнъ и Максъ Баумъ входили къ Травинскимъ, устроившимъ первый разъ въ именины торжественный пріемъ.

Нина была въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, отъ котораго ея прозрачная, нѣжная кожа приняла оттѣнокъ блѣдно-розовыхъ лепестковъ камеліи; зеленоватые глаза искрились, какъ и брилліанты въ маленькихъ розовыхъ ушахъ, а каштановые волосы, собранные въ греческій узелъ, образовали золотистый шлемъ на головѣ. Въ профиль она напоминала изящную камею, вырѣзанную на блѣдномъ сицилійскомъ кораллѣ.

— У меня для васъ очень пріятный сюрпризъ,—сказала Травинская Карлу.

— Тѣмъ интереснѣе для меня, что онъ пріятенъ,—отвѣтилъ онъ съ ироніей, стараясь заглянуть черезъ ея плечо въ гостиную.

— Нѣтъ, угадайте, а не смотрите.

Она заслонила дверь.

Но въ то же мгновеніе оттуда показалось улыбающееся лицо Анки.

— А теперь, такъ какъ я потерпѣла неудачу, оставляю васъ однихъ,—проговорила Нина и увела за собой Горна и Макса.

— Когда вы пріѣхали?—спросилъ Боровецкій Анку.

— Сегодня утромъ. Я пришла къ Нинѣ съ мадамъ Высоцкой.

— Что у насъ дома? — спросилъ онъ довольно равнодушно.

— Отецъ не совсѣмъ здоровъ, скучаетъ. А ксендзъ Либератъ, знаете, умеръ.

— Давно пора. Старый дуракъ!—небрежно сказалъ Карлъ.

— Что вы говорите. Ну, развѣ такъ можно! — порывисто воскликнула Анка.

Чтобы смягчить рѣзкость своихъ словъ, Боровецкій взялъ ее за руку и подвелъ къ окну.

— Вотъ видите стѣны; это моя... наша фабрика!—сказалъ онъ, указывая на стеклянную крышу прядильни Травинскаго, изъ-за которой выступали высокіе лѣса.

— Я уже видѣла: какъ только пришла, Нина сейчасъ же показала вашу фабрику. Она говоритъ, что вы страшно работаете, по цѣлымъ днямъ... Зачѣмъ слишкомъ утомлять себя... не нужно...

— Къ сожалѣнію, приходится: напримѣръ, сегодня мы всѣ трое съ самаго разсвѣта расплачивались съ рабочими.

— Отецъ прислалъ вамъ двѣ тысячи. Сейчасъ я ихъ отдамъ.

Она отвернулась, чтобы вынуть изъ-за корсета пачку кредитокъ.

— Откуда же онъ взялъ столько?—поинтересовался Боровецкій, пряча деньги.

— Были, только онъ не говорилъ. А какъ только вы написали, что приходится занимать, онъ сейчасъ же далъ мнѣ и велѣлъ отвезти. Я только потому и пріѣхала, — говорила смущенная, раскраснѣвшаяся Анка. Эти двѣ тысячи она выручила отъ залога и продажи разныхъ вещей, о чемъ было извѣстно лишь отцу Карла, который, какъ она разсчитывала, ея не выдастъ.

— Не знаю, какъ и благодарить тебя, Анка: никогда еще деньги не были такъ кстати.

— Очень рада, очень рада...—радостно повторяла дѣвушка.

— И какая ты добрая: сама даже привезла.

— По почтѣ шли бы дольше, а я не могла перенести мысли, что вы тутъ мучитесь, хлопочете... Это же такъ просто.

— Просто для тебя, другой бы не сдѣлалъ.

— Потому что никто другой не любитъ васъ такъ, какъ отецъ... и я...—смѣло докончила она, смотря на него такимъ яснымъ, любящимъ взглядомъ, что Боровецкій осыпалъ горячими поцѣлуями ея руки.

— Карлъ... нельзя... кто-нибудь войдетъ...—защищалась она, отворачивая покраснѣвшее лицо.

Когда они вошли въ гостиную, Нина дружелюбно улыбнулась имъ, видя, какъ горятъ счастьемъ сѣро-голубые глаза Анки.

Анка была сегодня восхитительна: сознаніе, что она помогла дорогому человѣку и что ея „милый мальчикъ“ сегодня такъ нѣженъ съ нею, усиливало ея красоту, и всѣ обращали на нее вниманіе.

А она не могла усидѣть на мѣстѣ; ей хотѣлось идти въ садъ, въ поле и пѣть тамъ отъ избытка своего счастья. Подъ вліяніемъ этого желанія и своихъ привычекъ, дѣвушка очутилась на крыльцѣ, но, увидѣвъ мощеный дворъ и море домовъ, опомнилась. Вернувшись въ гостиную, Анка взяла Нину подъ руку и стала ходить съ нею, прижимаясь къ ея плечу.

— Какой ты, ребенокъ, Анка!—сказала Травинская.

— Сегодня я счастлива... я люблю,—порывисто отвѣтила она, разыскивая взглядомъ Карла.

Боровецкій разговаривалъ съ Мадой Мюллеръ и съ Мелей Грюнспанъ, около которой стоялъ Высоцкій.

— Тише, ребенокъ... могутъ услышать... Кто же признается въ любви такъ громко!..

— Я не умѣю скрывать, да любви и нечего стыдиться.

— Стыдиться не надо, но скрывать слѣдуетъ подальше отъ людскихъ глазъ.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы ея не касались равнодушные или завистливые взгляды. Я не всякому покажу даже любимую бронзу и свои лучшія картины... Мнѣ кажется, что если люди не поймутъ ихъ красоты, то это запачкаетъ ихъ. Тѣмъ болѣе я не позволю заглянуть въ мою душу.

— Почему?—спросила Анка, не понимая такой впечатлительности.

— Да, напримѣръ, что такое большинство моихъ сегодняшнихъ гостей? Фабриканты, спеціалисты въ разныхъ фабричныхъ областяхъ, люди только аферы... только денегъ. Для нихъ любовь, душа... красота... добро—пустой звукъ, вексель безъ поручителя, подписанный жителемъ Марса, какъ сказалъ сегодня Куровскій.

— А Карлъ?

— О немъ я ничего не скажу, ты знаешь его лучше... Но вонъ явилась меценатка дешевыхъ произведеній искусства, со своимъ штабомъ. Нужно пойти къ ней.

Нина направилась къ мадамъ Эндельманъ, появленіе которой обратило на себя общее вниманіе: за нею, въ нѣкоторомъ отдаленіи, шли двѣ молоденькія, хорошенькія, одинаково одѣтыя компаньонки.

Одна изъ нихъ держала носовой платокъ, другая—вѣеръ, и обѣ кланялись, какъ автоматы, внимательно слѣдя за каждымъ движеніемъ своей госпожи. Эндельманъ не удостоила даже представить ихъ хозяйкѣ дома, а упала въ кресло и, смотря въ черепаховый лорнетъ, принялась громко восхищаться красотой Нины и обстановкой квартиры...

— Она настоящая королева, совсѣмъ Марія... Марія Магдалина,—замѣтилъ Гросглюкъ.

— Вы хотѣли сказать: Марія Тереза,—тихо поправилъ банкира Куровскій.

— Это все равно... Здравствуй, Эндельманъ! Дорого тебѣ стоитъ такой парадъ?—спросилъ Гросглюкъ.

— Я здоровъ, спасибо... что?—сказалъ тотъ, прикладывая руку къ уху.

— Пане Боровецкій, вы не знаете, когда вернется Морицъ Вельтъ?—освѣдомился банкиръ.

— Онъ ничего не говорилъ и не пишетъ.

— Меня немного безпокоитъ: не случилось ли чего съ нимъ?

Проблемы идеализма въ русской литературѣ.

III.

Въ предыдущей главѣ я старался бросить свѣтъ на причины возникновенія новаго теченія русской общественной мысли; я показалъ далѣе, что это направленіе страдаетъ склонностью къ отождествленію идеализма и метафизики; и, наконецъ, поставилъ вопросъ: смогутъ ли наши новѣйшіе представители метафизическаго идеализма достигнуть помощью новаго міровоззрѣнія лучшаго обоснованія раздѣляемаго ими и нынѣ стараго соціальнаго идеала? Обращаясь за разрѣшеніемъ этого вопроса, прежде всего къ статьѣ г. С. Булгакова „Основныя проблемы теоріи прогресса“, я долженъ замѣтить, что работа эта отличается достоинствами чисто-внѣшняго свойства. Красивый литературный языкъ, мѣстами не лишенный изящной образности, чувствуемая въ каждой строкѣ искренность автора, иногда достигающаго силы истиннаго одушевленія,—все это качества, обладающія несомнѣнною цѣнностью. Къ сожалѣнію только, внутреннее содержаніе работы, взятое со стороны научной обоснованности и логической убѣдительности, оставляетъ желать весьма многаго. Можетъ быть, это и не простая случайность, а естественное послѣдствіе новаго міровоззрѣнія автора... За то содержаніе статьи настолько широко, что она по праву занимаетъ въ сборникѣ первое по порядку мѣсто. Въ рамкахъ, сравнительно частнаго вопроса—теоріи прогресса—г. Булгаковъ задался цѣлью рѣшить борьбу между двумя основными типами міросозерцанія—точно научнымъ, положительнымъ, съ одной стороны, и метафизически-религіознымъ, съ другой. Задача важная и трудная. Какъ же выполнилъ ее г. Булгаковъ?

Въ полномъ соотвѣтствіи съ основною цѣлью своей работы г. Булгаковъ начинаетъ съ критики установленнаго Ог. Контомъ „мнимаго“ закона трехъ состояній, согласно которому человѣчество переходитъ въ своемъ развитіи отъ теологическаго понима-

нія міра къ метафизическому, а отъ метафизическаго къ позитивному или научному. Автору, исходящему въ настоящую минуту изъ идеалистическаго и при томъ метафизически-религіознаго міровоззрѣнія, естественно представляются неправильными и набросанная въ законѣ Конта картина развитія человѣческой мысли, и установленное въ этомъ законѣ взаимоотношеніе трехъ типовъ мышленія. Каковъ же, однако, собственный взглядъ г. Булгакова на возможное соотношеніе элементовъ въ этой области? Нельзя сказать, чтобы проведенный въ статьѣ взглядъ автора отличался достаточной устойчивостью. Съ одной стороны, г. Булгаковъ не склоненъ покушаться на значеніе точнаго знанія. „Позитивная наука",—готовъ признать онъ,—„имѣетъ совершенно опредѣленное и при томъ огромное значеніе" (41). Недостатокъ ея лишь въ томъ, что она изучаетъ „обрывки дѣйствительности", въ виду чего и возникаетъ потребность въ метафизически-религіозномъ мышленіи, являющемся, такимъ образомъ, безусловно необходимымъ наряду съ точнымъ знаніемъ (2 — 4). До сихъ поръ, очевидно, идетъ рѣчь о признаніи равноправности за всѣми тремя типами мышленія, между которыми Контъ пожелалъ установить хронологическое и при томъ взаимно исключающее соотношеніе. Было бы, однако, неправильно представлять въ такомъ безобидномъ видѣ взгляды г. Булгакова на значеніе науки, метафизики, религіи. Конечно, г. Булгаковъ не дерзаетъ поднять перо свое для подрыва авторитета современнаго научнаго знанія во всей его, такъ сказать, полнотѣ и неприкосновенности. Но обходнымъ путемъ и въ замаскированномъ видѣ онъ отчасти это почтенное дѣло исполняетъ. Такъ, указывая на то, что разрѣшеніе цѣлаго ряда вопросовъ, оказывающихся не подъ силу современному научному значенію, „лежитъ въ области метафизическаго мышленія, отстаивающаго такимъ образомъ свои права *на ряду* (курс. мой, какъ и ниже) съ положительной наукой", онъ, однако, продолжаетъ: „компетенція метафизики *больше*, чѣмъ пожительной науки, какъ потому, что метафизика рѣшаетъ вопросы *болѣе важные*, нежели вопросы опытнаго знанія, такъ и потому, что, пользуясь умозрѣніемъ, она даетъ отвѣты на вопросы, которые *не подъ силу* опытной наукѣ" (3). Еще болѣе цѣннымъ источникомъ познанія является, по его мнѣнію, религія, почерпающую основу въ вѣрѣ. По его опредѣленію „вѣра есть способъ знанія безъ доказательствъ, уповаемыхъ извѣщеніе вещей, обличенія невидимыхъ, по превосходной характеристикѣ ея у апостола Павла. Кругъ доступнаго вѣрѣ шире, чѣмъ кругъ доступнаго дискурсивному мышленію: вѣрить можно даже въ то, что не только не доказано, но и не можетъ быть сдѣлано вполнѣ понятнымъ разуму; тѣ знанія, которыя даетъ вѣра, *богаче* и *шире* тѣхъ, которыя даетъ опытная наука и метафизика: если метафизика разрываетъ границы опытнаго знанія, то вѣра уничтожаетъ

границы умопостигаемаго“ (5—6). Вспомнимъ здѣсь ученія Якоби, Фихте второго періода и др., въ особенности же глубокомысленную теорію познанія Вл. Соловьева (5 – 6). Прежде чѣмъ воздать должное этому чрезвычайно характерному для русскаго неоидеалистическаго пера отрывку, необходимо освободить вопросъ отъ одного недоразумѣнія. Оказывается, что съ точки зрѣнія г. Булгакова „метафизика“ обладаетъ преимуществами передъ „положительной наукой“, какъ дисциплина, пользующаяся „умозрѣніемъ“. Иными словами, умозрѣніе объявляется исключительнымъ методомъ метафизическаго изслѣдованія и мышленія. Но что такое метафизика и что такое умозрѣніе? и существуетъ ли между ними отношеніе исключительной связи? Къ сожалѣнію, г. Булгаковъ, оперируя надъ цѣлымъ рядомъ понятій, допускающихъ разнородныя опредѣленія, послѣднихъ никогда не даетъ. Но опредѣленіе метафизики ясно: это есть познаваніе того, что лежитъ за предѣлами міра явленій, по ту сторону опыта. Что же касается умозрѣнія, то у признаннаго отнынѣ философскаго предшественника и единомышленника нашихъ метафизическихъ марксистовъ—г. Чичерина—мы находимъ слѣдующее его опредѣленіе: „умозрительнымъ мы должны считать все то, что заключается въ самомъ способѣ дѣйствія познающаго разума и что изъ него вытекаетъ... Способы дѣйствія разума въ познаніи вещей извѣстны давно и признаны всѣми: это—анализъ и синтезъ. Какой бы теоріи познанія мы ни держались фактъ. тотъ, что разумъ разлагаетъ получаемыя впечатлѣнія и снова ихъ слагаетъ, возводя ихъ къ общимъ понятіямъ. Слѣдовательно, мы должны признать умозрительнымъ все то, что заключается въ самомъ актѣ сложенія и разложенія независимо отъ содержанія“ *). Иными словами, подъ умозрѣніемъ слѣдуетъ разумѣть ту самостоятельную дѣятельность сознанія, которую, какъ я показалъ въ предыдущей главѣ, Кантъ характеризовалъ какъ трансцендентальную способность разума, строющаго понятія и сужденія независимо отъ опыта. Мы уже знаемъ, что этотъ трансцендентальный или „умозрительный“ методъ изслѣдованія не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ трансцендентнаго, со всѣмъ тѣмъ, что относится къ потустороннему міру, лежитъ за предѣлами міра явленій, т. е. съ метафизикой. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что такая наука, какъ математика, занимающая почетное и всѣми признанное мѣсто въ іерархіи современныхъ научныхъ дисциплинъ, черпаетъ свои истины, обладающія непоколебимою силой научной достовѣрности, изъ глубоко и послѣдовательно проведеннаго ею умозрѣнія. И кому же придетъ въ голову противопоставить математику, какъ отрасль метафизики, [illegible] я бы съ присовокупленіемъ къ послѣдней

*) Б. Н. Чичерин[illegible] ложительная философія и единство науки, стр. 29.

эпитета „положительной“? *) Очевидно, и г. Булгаковъ не избѣжалъ отождествленія понятій „трансцендентальный“ и „трансцендентный“, и слѣдовательно—идеализма и метафизики. Но и помимо этого болѣе или менѣе спеціальнаго дефекта, все приведенное выше сужденіе нашего автора страдаетъ крайне неправильнымъ взглядомъ на относительную цѣнность научнаго и метафизически-религіознаго знанія. Метафизика, утверждаетъ г. Булгаковъ, отвѣчаетъ на вопросы болѣе важные, нежели наука, и ея отвѣты шире. Отвѣты религіи еще шире. Согласенъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что многовѣковая гигантская работа научной мысли еще не докопалась до фундаментальныхъ проблемъ мірозданія, которыя современная наука честно и открыто признала неразрѣшенными и при настоящихъ условіяхъ знанія даже неразрѣшимыми. Можно, слѣдовательно, признать, что весьма важные, а, съ извѣстной точки зрѣнія, наиболѣе важные вопросы „не подъ силу наукѣ“, и здѣсь открывается широкій просторъ игрѣ метафизически-мистическаго воображенія. Но когда говорятъ о сравнительной цѣнности этихъ двухъ или трехъ типовъ мышленія, необходимо принимать во вниманіе не только качество вопросовъ, но и качество отвѣтовъ и при томъ въ опредѣленномъ смыслѣ.

«Религія (какъ и тѣсно связанная съ нею метафизика—М. Р.)—говоритъ Геффдингъ—и наука не относятся между собою, какъ центръ и периферія. Въ противномъ случаѣ онѣ лучше понимали бы другъ друга и въ существенныхъ чертахъ схватывались бы одной обобщающей концепціей. На самомъ дѣлѣ, пока что, каждая изъ нихъ говоритъ на своемъ собственномъ языкѣ. Понятіе причинности у нихъ не одно и то же; неодинаково, слѣдовательно, и понятіе объясненія, пониманія. Трудно въ виду этого связать какой-либо опредѣленный смыслъ съ утвержденіемъ, что религія въ состояніи разрѣшить ту загадку, которую наука разрѣшить не въ силахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если подъ «причиной» и «объясненіемъ» онѣ понимаютъ не одно и то же, то и подъ словомъ «загадка» или «проблема» онѣ должны разумѣть различныя вещи. Постановка вопросовъ у нихъ иная, а слѣдовательно, ихъ не могутъ удовлетворить тѣ же самыя рѣшенія. Поэтому, споръ между наукой и религіей и возникновеніе самой религіозной проблемы обусловливается не столько тѣми результатами, къ которымъ приходитъ или пришло научное изслѣдованіе, сколько всѣмъ кругомъ идей, всѣмъ интеллектуальнымъ складомъ, создаваемымъ точной наукой въ тѣхъ, кто развивается подъ ея вліяніемъ... Какъ

---

*) Можно пойти дальше и признать вмѣстѣ съ Соловьевымъ, что «въ наукѣ не только философской, но и положительной умозрѣніе играетъ роль первенствующую» (*Влад. Соловьевъ.* «Критика отвлеченныхъ началъ», Собр. сочиненій, т. II, стр. 255—6). Напомню еще слова несомнѣннаго позитивиста г. Н. Карѣева: «Умозрѣніе есть одинъ изъ видовъ нашего творчества, какъ процессъ, въ которомъ первая роль принадлежитъ уму, созидающему знаніе... Развѣ наука можетъ обойтись безъ умозрѣнія, и что станется съ умозрѣніемъ философіи, если опытъ и наблюденіе будутъ его побивать на каждомъ шагу» (*Н. Карѣевъ.* Философія, исторія и теорія прогресса, ст. въ сборн. «Историко-философскіе и соціологическіе этюды». Изд. 2-е, Спб. 1899, стр. 163—4).

религіозное, такъ научное пониманіе есть сведеніе незнакомаго къ знакомому; различіе состоитъ лишь въ томъ, что принимается за это знакомое... Религіозное объясненіе изслѣдуетъ свои причины не тѣмъ *критическимъ* способомъ, который составляетъ достояніе науки. Оно объясняетъ природу не самою природою; его причина есть нѣчто отличное отъ природы, стоящее внѣ ея и сообщающее ей извнѣ свой толчокъ» *).

Въ этихъ словахъ содержится ясное доказательство глубокаго различія, а потому и трудности сравненія, неправильности даже сопоставленія науки, съ одной стороны, религіи и связанной съ нею метафизики—съ другой. Но обо всемъ этомъ совершенно забылъ г. Булгаковъ. Какъ забылъ онъ и то, что новый *научный* методъ изслѣдованія не только достигнутъ вѣками прогрессировавшей человѣческой мысли послѣ долгихъ метафизическихъ и мистическихъ блужданій, но и купленъ тяжелой цѣной жизней тѣхъ мучениковъ и борцовъ за науку, которые головы свои сложили въ борьбѣ за этотъ методъ, объявленный ересью въ эпоху царства теологической мысли, теологическаго метода изслѣдованія. Такъ глубоко различны обѣ эти области. Мы видимъ, такимъ образомъ, сколь слаба попытка г. Булгакова реставрировать значеніе метафизики и теологіи по сравненію съ наукой. Правиленъ или неправиленъ законъ трехъ состояній Конта, но и принятый взамѣнъ того нашимъ авторомъ законъ соотношенія науки, метафизики и религіи тоже неправиленъ.

Но задача моя по отношенію къ затронутой части разбираемой статьи еще не исчерпана. Я долженъ оговориться, что всѣмъ до сихъ поръ сказаннымъ я нисколько не имѣлъ намѣренія ни игнорировать, ни затушевывать все огромное значеніе вѣры для нашего міровоззрѣнія. Вѣра нужна, необходима, неизбѣжна. Вѣра связываетъ наше настоящее съ будущимъ; она не только помогаетъ намъ проникать взоромъ въ туманъ грядущаго, но и придаетъ намъ живительныя силы для борьбы съ настоящимъ, безъ которой осуществленіе будущаго немыслимо. И, однако, я возражаю противъ той интерпретаціи роли вѣры, которая дана г. Булгаковымъ. Конечно, и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, авторъ этотъ не проявляетъ ни малѣйшей самостоятельности, а лишь рабски копируетъ соотвѣтствующія мѣста изъ философской системы Вл. Соловьева. Все содержаніе приведенной выше цитаты, гдѣ вѣра изображена какъ способъ знанія безъ доказательствъ, знанія не только того, что недоказуемо, но и того, что и не можетъ быть сдѣлано вполнѣ понятнымъ разуму; и въ особенности вѣнчающая эту цитату ссылка на „глубокомысленную“ теорію познанія Вл. Соловьева достаточно характеризуютъ совсѣмъ не оригинальный, но весьма любопытный взглядъ г. Булгакова на вѣру, какъ на одинъ изъ источниковъ познанія. И не только въ „Проблемахъ

*) Проф. *Г. Геффдинъ*. Философія религіи, перев. съ нѣм. 1903, стр. 21.

идеализма", но и въ цѣломъ рядѣ другихъ своихъ статей и замѣтокъ г. Булгаковъ не перестаетъ твердить, что его философскому вдохновителю Вл. Соловьеву принадлежитъ честь и заслуга возстановленія для современнаго человѣчества правъ вѣры въ познаніи и мышленіи. Между тѣмъ, какъ по моему глубокому убѣжденію, которое я сейчасъ постараюсь доказать, именно въ путаницѣ понятій, связанныхъ съ вопросомъ о вѣрѣ, и кроется источникъ всѣхъ крупныхъ недоразумѣній оригинальной философской системы русскаго мыслителя и неоригинальныхъ твореній его послѣдователей.

Вл. Соловьевъ начинаетъ съ утвержденія о необходимости вѣры въ качествѣ исходнаго пункта всякаго научнаго познанія. Никакое дѣйствительное познаніе, разсуждаетъ онъ, не исчерпывается данными нашего чувственнаго опыта (ощущеніями) и формами нашего мыслительнаго разума (понятіями); во всякомъ дѣйствительномъ познаніи о какомъ-либо предметѣ мы имѣемъ нѣчто большее того, что дано въ нашихъ ощущеніяхъ и понятіяхъ, относящихся къ этому предмету. Ощущеніе есть реальное, испытываемое отношеніе къ предмету, понятіе—нѣкоторое мыслимое отношеніе къ предмету. Ясно, что, получая ощущенія и строя понятіе, мы тѣмъ самымъ получаемъ увѣренность въ существованіи самаго предмета—объекта нашихъ ощущеній и понятій. Но въ ощущеніяхъ и понятіяхъ предметъ данъ намъ именно какъ объектъ этихъ ощущеній и понятій, какъ ощущаемый и мыслимый въ этихъ опредѣленныхъ отношеніяхъ, т. е. вообще „въ своемъ относительномъ бытіи". Между тѣмъ, познавая предметъ, мы утверждаемъ и его „безотносительное бытіе", мы утверждаемъ его не только какъ ощущаемое и мыслимое нами, но и какъ „сущее независимо отъ насъ". Мы получаемъ непосредственную увѣренность, что этотъ предметъ существуетъ независимо отъ того, ощущаемъ ли мы его или мыслимъ о немъ, что онъ существуетъ „самъ по себѣ". Такимъ образомъ, мы познаемъ предметъ троякимъ образомъ: какъ реально нами воспринимаемый (въ ощущеніяхъ), какъ идеально мыслимый (въ понятіяхъ), и—„какъ безусловный и сущій". „Мы *ощущаемъ* извѣстное дѣйствіе предмета, *мыслимъ* его общіе признаки и *увѣрены* въ его собственномъ или безусловномъ существованіи". Эта-то увѣренность въ самостоятельномъ, безусловномъ существованіи предметовъ—объектовъ нашихъ ощущеній и понятій, есть новый, третій родъ познанія, который правильнѣе всего можетъ быть названъ *вѣрою*. Только вѣра даетъ истинное познаніе. Въ ощущеніяхъ и понятіяхъ, въ чувственномъ опытѣ и умозрительномъ мышленіи создаются внѣшнія отношенія между познающимъ и познаваемымъ; познающій субъектъ здѣсь только граничитъ съ предметомъ, только соприкасается съ нимъ, поэтому такое познаніе не можетъ быть истиннымъ, объективнымъ. Только при

помощи вѣры субъектъ становится въ непосредственное отношеніе къ предмету, соединяется съ нимъ „существенною и внутреннею связью“ „въ самыхъ основахъ своего существа“. Вѣра, слѣдовательно, даетъ намъ знаніе истинное, безусловное—знаніе „*мистическое*“. Путемъ этой вѣры, посредствомъ мистическаго знанія мы познаемъ не *этотъ* ощущаемый или мыслимый предметъ, а познаемъ его *сущность*, *идею*. Вѣра это—„вещей обличеніе невидимыхъ“ *).

Мистицизмъ заключаетъ кругъ возможныхъ философскихъ воззрѣній, образуя *основу* истинной философіи. Мистицизмъ познаетъ независимое отъ реальнаго внѣшняго вещественнаго міра и отъ полнаго мышленія истинно, сущее, сверхкосмическое и сверхчеловѣческое начало, абсолютное первоначало. Надъ міромъ внѣшнимъ или эмпирическимъ, надъ міромъ внутреннимъ или психическимъ высится міръ иной, міръ *явленій мистическихъ*, „въ которыхъ мы чувствуемъ себя опредѣляемыми существенностью иною, чѣмъ мы, но не внѣшнею намъ, а такъ сказать еще болѣе внутреннею, болѣе глубокою и центральною, нежели мы сами“. Вотъ почему „явленія мистическія, какъ наиболѣе центральныя и глубокія, имѣютъ важность первостепенную и основную, за ними слѣдуютъ явленія психическія и, наконецъ, какъ самыя поверхностныя и несамостоятельныя явленія, физическія“. Вотъ почему—и вѣра, знаніе мистическое даетъ наиболѣе достовѣрное, дѣйствительное познаніе **).

До сихъ поръ ученіе Соловьева о вѣрѣ заключаетъ въ себѣ три важныхъ основныхъ положенія: 1) вѣра нужна для всякаго научнаго познанія; 2) вѣра даетъ познаніе идеи, сущности, первоначала вещей: 3) вѣра даетъ мистическое знаніе вещей, являющееся наиболѣе достовѣрнымъ. Противъ всѣхъ этихъ положеній сторонникъ общепризнаннаго взгляда на источники научнаго познанія можетъ сдѣлать серьезныя возраженія. Онъ можетъ прежде всего замѣтить, что Соловьевъ въ своей теоріи познанія слишкомъ рано заговорилъ о „вѣрѣ“. Получая ощущенія предмета и строя понятія о немъ, мы, конечно, тѣмъ самымъ допускаемъ предположеніе о существованіи предмета, къ которому относимъ наши ощущенія и понятія. Это не вѣра въ существованіе предмета, а *допущеніе* такого существованія,—допущеніе, которое затѣмъ уже совершенно не играетъ никакой роли въ процессѣ познанія явленій. Противъ этого Соловьевъ возражаетъ. „Эта увѣренность (въ существованіи предмета)“,—говоритъ онъ,—„нисколько не обусловлена ощущеніями, получаемыми нами отъ предмета, и

---

*) *Вл. Соловьевъ.* Критика отвлеченныхъ началъ. Собраніе сочиненій т. II, стр. 307—318.

**) *Его же.* Философскія начала цѣльнаго знанія, Собр. соч., т. I, стр. 77—294.

понятіемъ нашимъ о немъ, а напротивъ—объективное значеніе нашихъ ощущеній и понятій прямо обусловлено увѣренностью въ самостоятельномъ бытіи предмета". Почему? Единственнымъ доказательствомъ служитъ для Соловьева слѣдующее разсужденіе: „если бы я не былъ увѣренъ, что извѣстный предметъ существуетъ независимо отъ меня, то я не могъ бы относить къ нему своихъ понятій и ощущеній" *). Тутъ можно, конечно, замѣтить, что отнесеніе ощущеній и понятій къ предмету есть въ порядкѣ познанія фактъ послѣдующій, есть слѣдствіе ощущеній и понятій: я ощущаю предметъ, я строю понятія о немъ,—изъ этого я вывожу заключеніе о существованіи предмета или какъ состояніе сознанія, или въ видѣ самостоятельнаго существованія. Но и съ этимъ Соловьевъ не согласенъ. „Мы не только убѣждены въ существованіи извѣстнаго предмета",—настаиваетъ онъ,—„но и убѣждены въ этомъ *совершенно непосредственно, независимо ни отъ какихъ логическихъ разсужденій*, которыя являются уже потомъ, для изслѣдованія и оправданія нашей непосредственной увѣренности... Безусловное существованіе (предмета) утверждается въ нашемъ сознаніи именно какъ *непосредственная увѣренность*, нисколько *не вытекающая* ни изъ ощущеній, ни изъ понятій" **). Поэтому эта непосредственная увѣренность и есть вѣра или мистическое знаніе, какъ процессъ внутренняго единенія, внутренней связи субъекта и объекта,—процессъ, дающій наиболѣе достовѣрное, единственно объективное познаніе. Но въ такомъ случаѣ, чтобы всѣмъ этимъ словамъ и понятіямъ придать реальный смыслъ и силу общеобязательной логической убѣдительности, необходимо было бы разъяснить сущность, содержаніе, способы и случаи возникновенія этой невѣдомой связи субъекта и объекта, этого таинственнаго мистическаго воспріятія, дающаго намъ столь достовѣрное знаніе о предметахъ, при томъ же о предметахъ самихъ по себѣ, объ ихъ безотносительномъ бытіи, безусловной сущности, идеѣ, объ истинномъ, сущемъ, о сверхкосмическомъ и сверхчеловѣческомъ началѣ, объ абсолютномъ первоначалѣ. Но здѣсь мы наталкиваемся на камень преткновенія всей мистической теоріи познанія, на основной дефектъ гносеологіи Соловьева, признанный даже безусловными сторонниками мистицизма. Одинъ изъ такихъ сторонниковъ, проф. А. Введенскій, раздѣляя философскую дѣятельность Соловьева на два періода, замѣчаетъ, что „въ первомъ періодѣ мистицизмъ Соловьева остался недосказаннымъ, именно, ему не хватаетъ самаго важнаго пункта мистической философіи—психологіи мистическаго воспріятія... Мы напрасно стали бы искать тамъ (въ его сочиненіяхъ 1897 г.) опредѣленныхъ указаній, какъ каждому изъ насъ, при помощи

*) *Вл. Соловьевъ*. Критика отвлеченныхъ началъ, стр. 308.
**) Ibidem, стр. 311. Курс. всюду мой.

самонаблюденія, подмѣтить существованіе этой способности, т. е. какъ надо поступать для того, чтобы на дѣлѣ пережить мистическое воспріятіе" *). Но еще хуже обстоитъ это дѣло въ сочиненіяхъ Соловьева второго періода. Тутъ уже онъ вынужденъ былъ признать, что не у всѣхъ людей существуетъ „способность къ мистическому воспріятію", что „множество людей лишены дара мистическаго воспріятія"; что къ нему способны только тѣ немногія лица, дѣятельность которыхъ „въ современномъ обществѣ и государствѣ Соловьевъ приравниваетъ къ служенію пророковъ въ древнемъ Израилѣ, и которыхъ онъ называетъ, поэтому, пророками". У пророковъ этихъ (говоритъ Соловьевъ въ „Оправданіи добра") „цвѣты и плоды идеальной будущности не висятъ въ воздухѣ личнаго воображенія, а держатся явнымъ стволомъ настоящихъ общественныхъ потребностей и *таинственными* корнями *религіознаго* преданія" **).

Изъ послѣдней фразы, изъ словъ о „таинственныхъ корняхъ" религіознаго преданія можно вывести заключеніе о способѣ доказательства у Соловьева знаменитой философской проблемы бытія Божія. Конечно, и тутъ дается этимъ мыслителемъ мистическое обоснованіе. По его мнѣнію, и дѣйствительность божества не есть *выводъ* изъ религіознаго ощущенія, а *содержаніе* этого ощущенія,—*то самое, что ощущается*. Отнимите эту ощущаемую дѣйствительность высшаго начала—и въ религіозномъ ощущеніи ничего не останется. Его самого не будетъ больше. Но оно *есть*, и значитъ есть то, что въ немъ дано, то, что въ немъ ощущается. *Есть Богъ въ насъ—значитъ Онъ есть*" ***) (курс. всюду автора). Но не значитъ ли это также, что и тутъ нужно было бы дать „психологію мистическаго воспріятія"? Или же опять потребуется ссылка на избранниковъ—пророковъ? При томъ же существуютъ серьезныя основанія къ предположенію, что количество такихъ избранниковъ въ этой области окажется значительно меньшимъ. Ощущенія предметовъ получаются всѣми живыми существами; поэтому и существованіе предметовъ,—въ видѣ ли только состояніи, сознанія, или же какъ самостоятельныхъ существъ, путемъ ли мистической вѣры, или же посредствомъ умозаключеній,—существованіе предметовъ ни однимъ раз-

---

*) *А. Введенскій*. Философскіе очерки. Выпускъ I, Спб. 1901., стр. 56. Проф. Введенскій даетъ слѣдующее опредѣленіе мистицизма: «Мистицизмомъ я условливаюсь называть увѣренность въ существованіи мистическаго воспріятія. А мистическимъ воспріятіемъ я условливаюсь называть непосредственное, т. е. пріобрѣтаемое безъ помощи какихъ бы то ни было разсужденій и выводовъ знаніе того, что не составляетъ части внѣшняго міра, но что въ то же время не мы сами и не наши душевныя состоянія, и при томъ знаніе внутреннее, т. е. возникающее безъ помощи внѣшнихъ чувствъ» Ib., стр. 44).

**) Ibidem, стр. 64—65,

***) *Вл. Соловьевъ*. Оправданіе добра. Собраніе сочиненій, т. VII, стр. 179.

умнымъ существомъ отрицаемо быть не можетъ. Болѣе спорнымъ, какъ показано, является вопросъ о существованіи предметовъ въ качествѣ сущностей, идей и т. д. Но еще болѣе спорнымъ явится, конечно, существованіе тѣхъ высшихъ началъ, соотвѣтствующее ощущеніе которымъ не столь легко подобрать, по крайней мѣрѣ лицамъ, не снабженнымъ сверхъестественнымъ даромъ воспріятія.

Изъ предыдущаго—достаточно подробнаго—изложенія ясна теорія познанія Вл. Соловьева въ отношеніи къ вопросу о роли вѣры, какъ источника познанія, также какъ и очевидные и крупные недостатки этой теоріи. Соловьевъ постулируетъ вѣру, придавая ей огромное значеніе, какъ источнику научнаго познанія. Эту вѣру онъ даже прямо превращаетъ въ знаніе, называя его мистическимъ, придавая ему качества знанія наиболѣе достовѣрнаго, но не давая ему нигдѣ психологическаго обоснованія. При помощи такого знанія, наконецъ, Соловьевъ желаетъ достигнуть истиннаго познанія не только внѣшняго, мыслимаго міра, но и сверхъопытнаго, религіознаго,—познанія того, что „не только недоказуемо, но и не можетъ быть сдѣлано вполнѣ понятнымъ разуму“. Отсюда получились слѣдующіе гносеологическіе результаты. Вѣрѣ былъ приданъ „мистическій“, т. е. совершенно непонятный и, при томъ, не общеобязательный характеръ. Такая непонятная и не общеобязательная вѣра отождествлена со знаніемъ и, при томъ, наиболѣе достовѣрнымъ, чѣмъ совершенно нарушена граница между наукой и вымысломъ. Далѣе, та же вѣра или то же мистическое знаніе, оперируя надъ сущностями и идеями, а также надъ божествами, т. е. перемѣщенная изъ науки въ метафизику и религію, нарушила обязательно существующія границы между этими тремя областями человѣческаго мышленія *). И это полное смѣшеніе „трехъ состояній“ именуется „глубокомысленной теоріей познанія“, которою намъ рекомендуется пользоваться при изслѣдованіи жизненной теоріи прогресса.

Мы увидимъ сейчасъ, насколько выиграла теорія прогресса

*) Въ прекрасной художественной формѣ образчикъ смѣшенія различныхъ родовъ вѣры данъ въ разсказѣ Чехова «На пути». Герой разсказа, Лихаревъ, въ подтвержденіе той мысли, что вѣра «присуща русскимъ людямъ въ высочайшей степени», разсказываетъ о томъ, какъ самъ онъ всегда вѣрилъ: въ дѣтствѣ—матери, когда она говорила ему: «ѣшь! главное въ жизни супъ»; тогда же разсказамъ няньки о домовыхъ, лѣшихъ, всякой чертовщинѣ; научившись читать,—разсказамъ о разбойникахъ, объ Америкѣ, куда пытался бѣжать; потомъ въ гимназіи—истинамъ вродѣ той, что земля вертится вокругъ солнца; въ университетѣ—другимъ не менѣе научнымъ истинамъ; наконецъ, та же вѣра повела его въ народъ, сдѣлала его нигилистомъ, чернопередѣльцемъ, заставила его служить отрицанію собственности, непротивленію злу; наконецъ, онъ увѣровалъ въ женщинъ. И все это Лихаревъ разсказываетъ своей собесѣдницѣ Иловайской въ отвѣтъ на ея изумленіе: «Толкуютъ, что Бога нѣтъ»

самого г. Булгакова отъ пользованія столь научной теоріей познанія. Но, во избѣжаніе недоразумѣній, я считаю долгомъ предварить, что, какъ человѣкъ, быть можетъ, обладающій счастливымъ пророческимъ даромъ мистическаго воспріятія, г. Булгаковъ, конечно, можетъ вѣрить (или знать, что, впрочемъ, отнынѣ все равно) во что ему угодно и какъ ему угодно. Я же вынужденъ критиковать его теорію съ точки зрѣнія обычныхъ критеріевъ научной и философской достовѣрности: насколько автору удалось доказать *общеобязательнымъ образомъ* тѣ или иныя положенія, ту или иную мысль.

IV.

Изложенныя въ предыдущей главѣ положенія г. Булгакова о роли науки, метафизики и религіи представляютъ собою какъ бы общее гносеологическое введеніе въ его работу. Но независимо отъ этого мы находимъ въ послѣдней и введеніе болѣе спеціальное, нѣчто вродѣ пролегоменъ ко всякой будущей теоріи прогресса. Увы! и они столь же бездоказательны.

Начинаетъ здѣсь г. Булгаковъ съ правильныхъ, почти безспорныхъ указаній. Правильно онъ указываетъ на то, что наиболѣе яркое выраженіе позитивнаго міровоззрѣнія, именно механическое міропониманіе, усматривающее „всю разгадку тайны бытія“ въ механической причинности, само становится ученіемъ метафизическимъ, поскольку оно возводитъ эту механическую причинность „на степень абсолютнаго мірового начала“ (78). Не менѣе правильно и указаніе г. Булгакова на то, что философія механическаго міропониманія не въ состояніи довести до послѣдовательнаго конца своей точки зрѣнія, и на дѣлѣ, въ предѣлахъ этого пониманія, „рядомъ съ понятіемъ эволюціи, безцѣльнаго и безсмысленнаго развитія, создается понятіе прогресса, эволюціи телеологической“ (9). Правильность этихъ указаній можетъ идти въ сравненіе развѣ только съ ихъ общеизвѣстностью. И тѣмъ, кто не впервые читаетъ хотя бы „Русское Богатство“, должно быть памятно, какъ въ недоброе и не совсѣмъ старое время на страницахъ этого журнала совершенно тѣ же мысли выдвигались, какъ возраженія противъ г. Булгакова и К°, мечтавшихъ о теоретическомъ успокоеніи на признаніи экономической законосообразности самопроизвольнаго, слѣпого, стихійнаго шествія производительныхъ силъ, и въ собственномъ—тоже, вѣроятно, законосообразномъ—ослѣпленіи восклицавшихъ: дайте намъ формы производства и обмѣна и мы объяснимъ вамъ весь міръ!.. Нынѣшній, „телеологическій“ строй мыслей нашего автора является, конечно, гораздо болѣе правильнымъ. Бѣда только въ томъ, что въ концѣ-концовъ телеологія заводитъ его совсѣмъ не туда, куда

она обязана привести. Телеологическая точка зрѣнія, прорывающаяся даже сквозь рамки механическаго міропониманія, приводитъ къ построенію теоріи прогресса. И вотъ, по мнѣнію г. Булгакова, „значеніе теоріи прогресса состоитъ въ томъ, что она призвана замѣнить для современнаго человѣка утерянную метафизику и религію, точнѣе она является для него и тѣмъ, и другимъ". (9) И онъ возражаетъ противъ мнѣнія, будто теорія прогресса можетъ быть построена на научныхъ данныхъ, безъ перенесенія въ міръ сверхъопытный, трансценентный. Легко понять всю серьезность, великую важность подобнаго сужденія г. Булгакова. Если, дѣйствительно, телеологическая точка зрѣнія, или, что то же, теорія прогресса служитъ неотъемлемою частью нашего міровоззрѣнія, даже въ томъ случаѣ, если оно строится на почвѣ механическаго міропониманія, и если, съ другой стороны, теорія прогресса по существу метафизична, то вѣдь этимъ самымъ неминуемо доказывается не болѣе и не менѣе какъ необходимость, неизбѣжность метафизическаго типа мышленія вообще. Мысль г. Булгакова, такимъ образомъ, давая опредѣленную постановку и окраску теоріи прогресса, пріобрѣтаетъ и болѣе общее значеніе. Какъ же доказываетъ, чѣмъ обосновываетъ г. Булгаковъ это свое, болѣе чѣмъ смѣлое и, во всякомъ случаѣ, въ высокой степени важное утвержденіе? Нельзя сказать, чтобы доказательства, собранныя въ §§ III—IV разбираемой статьи, отличались той степенью силы и убѣдительности, какая необходима соотвѣтственно важности доказываемаго положенія.

Основной доводъ г. Булгакова простъ до прозрачности. Всякая теорія прогресса, говоритъ онъ, какъ и всякая религія, имѣетъ свое „Jenseits", свое представленіе о будущихъ судьбахъ человѣчества. Безъ такого представленія о грядущемъ немыслима никакая теорія прогресса, и, быть можетъ, наиболѣе яркое и конкретное выраженіе и доказательство этой идеи дано въ теоріи научнаго соціализма съ ея центральною мыслью о неизбѣжномъ наступленіи „Zukunftsstaat'а". Опираясь, однако, на анализъ Риккерта, такъ блестяще доказавшаго невозможность „историческихъ предсказаній" и даже „историческихъ законовъ", что „всякія дальнѣйшія доказательства по существу являются совершенно излишними", г. Булгаковъ, „оставляя безъ измѣненія настоящій параграфъ" своей статьи, написанный еще до появленія открытія Риккерта, на первыхъ же двухъ страницахъ этого параграфа безповоротно осуждаетъ всякую попытку историческаго прогноза, а слѣдовательно, и „научной" теоріи прогресса (11—12). Г. Булгаковъ еще готовъ признать нѣкоторое значеніе за часто трактуемымъ въ исторіи и соціологіи понятіемъ *тенденціи* развитія, но и то лишь въ смыслѣ „итога изученія отдѣльныхъ фактовъ"; „лишенная такого фактическаго содержанія, а лишь мысленно продолжаемая отъ настоящаго къ будущему, эта тенденція пре-

вращается тотчасъ же въ общее мѣсто, въ игру ума, лишенную всякаго серьезнаго значенія" (12). Но даже если „признать въ полной мѣрѣ справедливость научной теоріи прогресса... все же способна ли удовлетворить эта теорія тѣхъ, кто ищетъ въ ней твердаго убѣжища, основу и вѣры, и надежды, и любви?" (15) Пусть наука и отвѣтитъ намъ на вопросъ о томъ, что будетъ въ XXI, XXII, XXIII вв.,—ну, а дальше что? „Положительная наука не въ силахъ раскрыть будущихъ судебъ человѣчества, она оставляетъ насъ относительно ихъ въ абсолютной неизвѣстности (16). А между тѣмъ въ насъ живетъ убѣжденіе въ неминуемомъ торжествѣ добра, въ конечномъ осуществленіи прогресса. Секретъ въ томъ, что источникомъ такого убѣжденія является та *религіозная вѣра*, которая „тихомолкомъ, контрабандой прокрадывается даже въ позитивныя теоріи прогресса" (17). Выводъ очевиденъ: теорія прогресса не можетъ быть построена строго научнымъ путемъ; по самому существу тѣхъ вопросовъ, на которые она призвана отвѣтить, она неизбѣжно приводитъ къ метафизикѣ и религіи, въ нихъ почерпая свое конечное оправданіе.

Такова аргументація г. Булгакова. Разберемъ ее по составнымъ частямъ.

Въ доказательство и въ примѣръ невозможности историческаго прогноза, безусловно необходимаго для научной теоріи прогресса, г. Булгаковъ вполнѣ резонно сослался на идею Zukunftsstaat'а въ системѣ научнаго соціализма. Ему, однако, небезызвѣстно, вѣроятно, что съ мыслью о Zukunftsstaat'ѣ были связываемы предсказанія опредѣленнаго—какъ въ цѣломъ, такъ и въ своихъ частяхъ—соціальнаго строя въ опредѣленный моментъ времени и въ опредѣленномъ пунктѣ пространства; либо же предсказаніе, вѣрнѣе—утвержденіе возможности и даже необходимости извѣстнаго уклада жизни, какъ результата дѣйствія существующихъ силъ, какъ конечнаго выраженія наличной тенденціи развитія. Мысль о возможности предсказаній перваго рода осуждена безповоротно. Когда въ сравнительно недавнее время не кто иной, какъ г. Булгаковъ, увѣренно заявлялъ, что „познаніе причинной связи, управляющей человѣческой жизнью, дѣлаетъ возможнымъ предсказаніе будущихъ ея событій такъ же точно, какъ возможно это относительно явленій внѣшняго міра" *),—то всякій научный изслѣдователь вправѣ былъ надъ этимъ только посмѣяться. Но вѣдь этой мысли не только не придерживается никто въ настоящее время **), но ея не признавалъ, по крайней мѣрѣ, въ

*) Въ «Вопросахъ философіи и психологіи», 1896-го года, въ своей полемикѣ съ г. Струве по поводу книги Штаммлера.

**) Вотъ что говоритъ по этому поводу, напр., Бернштейнъ: «Современная соціалъ-демократія гордится тѣмъ, что она теоретически перешагнула утопическій соціализмъ, и поскольку дѣло идетъ о фантастическихъ планахъ будущаго государства (Zukunftsstaatsmodelei), она это дѣлаетъ конечно, съ

полномъ объемѣ, даже Каутскій въ своей совершенно устарѣлой эрфуртской программѣ *).

Совсѣмъ иное приходится замѣтить о „предсказаніяхъ" во второмъ изъ указанныхъ мною смысловъ. И противъ нихъ направлены возраженія г. Булгакова, въ данномъ случаѣ лишь повторяющаго Риккерта. Такія возраженія не новы. Буквально ими же воспользовался, какъ главнымъ боевымъ орудіемъ противъ марксистскихъ предсказаній, извѣстный предсказатель „конца марксизма"—Вейзенгрюнъ **) И, тѣмъ не менѣе, всѣ эти указанія никакъ нельзя назвать достаточно убѣдительными. Съ самой осторожной и строгой научной точки зрѣнія нельзя не признать вмѣстѣ съ Зиммелемъ и другими изслѣдователями „относительной цѣнности историческихъ законовъ" ***), а вѣдь это въ сущности все, что нужно и марксизму въ критическомъ къ нему отношеніи, и всякой иной „положительной" теоріи прогресса, не желающей частицы доступной, относительной истины принести въ жертву ничего не дающимъ метафизическимъ предположеніямъ. Если современная историческая и соціологическая критика подорвала вѣру въ правильность марксистскаго представленія о будущемъ или о путяхъ къ его достиженію, то вѣдь надо помнить, что и гораздо раньше многіе исходили изъ отрицательной критики той тенденціи развитія, которая была догматическими марксистами поспѣшно и, въ концѣ концовъ, неправильно установлена на основаніи скороспѣлаго обобщенія немногихъ фактовъ. Не въ томъ бѣда, что „предсказанія" дѣлались, а въ томъ, что дѣлались они не на достаточно широкомъ основаніи. Это во первыхъ. Во вторыхъ, въ критикѣ марксизма не разъ указывалось на тотъ произволъ, который привносился одностороннею теоріею экономическаго матеріализма: будущее „предсказывалось" на основаніи анализа однихъ экономическихъ отношеній (и то не всѣхъ, а лишь наиболѣе острыхъ и выпуклыхъ), совершающихъ будто бы свое торжественное шествіе съ силою непреоборимаго естественнаго процесса. При этомъ игнорировалось все опредѣляющее значеніе „надстройки", состоящей изъ переплета политическихъ, религіозныхъ, національныхъ отношеній, забывалась активная роль живой человѣческой личности, способной къ сознательному

полнымъ правомъ. Ни одинъ вмѣняемый соціалистъ не пишетъ теперь картины будущаго въ томъ смыслѣ, чтобы съ ея помощью сказать человѣчеству: такъ, а не иначе должно быть для господства совершеннаго счастья на землѣ, тутъ рецептъ, который быстрѣе и вѣрнѣе всего приведетъ къ желанной цѣли». *Eduard Bernstein*, Zur Geschichte und Theorie des Socialismus, Berlin 1901, S. 172.

*) См. объ этомъ *Karl Kautsky*, Das Erfurter Programm, Stuttgart 1892, S. 137—8 и др.

**) *Paul Weisengrün*. Der Marxismus und das Wesen der sozialen Frage. Leipzig 1900, S. 93—125; *Его же*. Das Ende des Marxismus. Leipzig 1899.

***) *G. Simmel*. Die Probleme der Geschichtsphilosophie, S. 70.

творчеству совершенныхъ формъ соціальной жизни, выбрасывалась, вообще, за бортъ вся плоть и кровь многообразной и многошумной человѣческой жизни во всей полнотѣ ея реальныхъ мотивовъ и кровныхъ интересовъ. А между тѣмъ, если бы, освободившись изъ-подъ гнета съуживавшей поле зрѣнія матеріалистической теоріи, свободно взглянуть на міръ Божій и путемъ научнаго анализа, точнаго, широкаго, многосторонняго, вскрыть тенденцію развитія современной жизни, то на этой почвѣ можно было бы найти точку опоры и для сознательнаго взгляда на будущее, для пониманія его общаго направленія, основныхъ мотивовъ, приблизительнаго плана. Не въ „предсказаніяхъ“ тутъ дѣло, не въ желаніи перескочить взоромъ въ XXI, XXII и даже XXXII вѣкъ, какъ это, очевидно, угодно г. Булгакову,—а лишь въ твердомъ, покоющемся на серьезныхъ научныхъ данныхъ убѣжденіи, что жизнь не знаетъ рѣзкихъ скачковъ, что въ ней, хотя часто и невидимо для нашего плохо еще вооруженнаго глаза, замѣчается постоянный закономѣрный переходъ отъ однѣхъ формъ къ другимъ. И для тѣхъ, кто въ этой постоянной смѣнѣ формъ жизни замѣчаетъ переходъ отъ низшаго къ высшему,—въ этомъ убѣжденіи кроется матеріалъ для теоріи прогресса, какъ ученія о томъ, что среди многошумнаго потока въ современной жизни тихо, но неумолчно пробивается, все расширяясь, струйка того, что мы называемъ *добромъ*, если не въ абсолютномъ, то въ относительномъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ. И въ этомъ передовая часть современнаго человѣчества находитъ реальное утѣшеніе и опору въ лучшихъ своихъ стремленіяхъ, въ этомъ она слышитъ мощный призывъ къ общественной дѣятельности непрестанной, напряженной. Г. Булгаковъ смотритъ на дѣло нѣсколько иначе. „Я думаю вообще“,—говоритъ онъ,—„что вѣдѣніе будущаго принесло бы не счастье, а несчастье для человѣка, ибо сдѣлало бы для него неинтересной, обезвкушенной жизнь и, особенно, будущее, которое теперь невозбранно можетъ заполнять фантазія“ (14). О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но самая мысль о заполненіи фантазіей пробѣла, образуемаго за скороспѣлымъ устраненіемъ „тенденціи развитія“,—самая мысль эта весьма характерна для нашего нео-идеалиста и, быть можетъ, для всего представляемаго имъ направленія. Нѣсколько ниже мы увидимъ, каковы тѣ конкретные результаты, которые получаются у г. Булгакова и у его единомышленниковъ отъ примѣненія ихъ фантастической точки зрѣнія на жизнь не только будущую, но въ значительной мѣрѣ и настоящую.

Теперь же я долженъ отмѣтить, что и только-что изло-
жен[illegible] безусловно позитивное пониманіе теоріи прогресса тре-
[illegible]ѣкоторыхъ принципіальныхъ дополненій. Въ смѣнѣ исто-
[illegible]къ основъ и формъ жизни можно видѣть лишь почву и
[illegible]ля прогрессивныхъ стремленій, для того или иного при-

мѣненія и направленія поступательной общественной дѣятельности. Но самыя эти стремленія и дѣятельность покоются на другихъ источникахъ, ничего общаго съ историческими законами не имѣющихъ. Эти источники — та нравственная сила, которая не только не зависитъ отъ состоянія историческихъ отношеній, но весьма часто направляетъ свою дѣятельность вопреки и наперекоръ послѣднимъ. Вотъ почему, среди всѣхъ неблагопріятныхъ условій и бѣдствій современной жизни, идея прогресса можетъ не оставлять ея носителей, можетъ питать въ нихъ надежду, внушать имъ силы для борьбы съ „необходимыми“ условіями настоящаго.

Тутъ насъ ловитъ на словѣ г. Булгаковъ. Начавъ за здравіе историческихъ законовъ, не кончили ли мы за упокой научной теоріи прогресса? Развѣ не пришли мы въ концѣ концовъ къ признанію *вѣры*, какъ первоначальнаго источника всякой идеи прогресса, и не доказывается ли этимъ справедливость положенія г. Булгакова о метафизическомъ, или, вѣрнѣе, религіозномъ характерѣ всякой теоріи прогресса? На такой вопросъ можно только отвѣтить новымъ вопросомъ: на чемъ же основано предположеніе, что если теорія прогресса имѣетъ своею основою вѣру, то необходимо въ томъ именно смыслѣ, какой онъ придаетъ слову вѣра? Не сталкиваемся ли мы здѣсь снова съ обрисованнымъ выше недоразумѣніемъ, связаннымъ съ взглядомъ на вѣру въ теоріи познанія Вл. Соловьева и его вѣрныхъ послѣдователей? Вѣра является, какъ я уже сказалъ, до того природной, присущей человѣческой натурѣ чертой, что отрицать ея значеніе, ея огромную роль въ жизни, какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и всего человѣчества, врядъ ли приходило въ голову кому-либо изъ позитивистовъ и вообще не-метафизиковъ. Неокантіанецъ, несомнѣнно, позитивнаго толка, Ланге прекрасно отмѣтилъ это въ своей критикѣ того „двусмысленнаго положенія“ которое занялъ Кантъ своими сбивчивыми разсужденіями о „вещи въ себѣ“ и „умопостигаемомъ мірѣ“. Кантъ, замѣчаетъ онъ, „не хотѣлъ понять того, чего не хотѣлъ понять и Платонъ, что *умопостигаемый міръ* есть міръ вымысла (Dichtung), и что на этомъ именно основано его значеніе и высота. Ибо вымыселъ въ высокомъ и широкомъ смыслѣ, въ какомъ онъ здѣсь долженъ быть принятъ, не можетъ быть разсматриваемъ какъ игра талантливаго произвола, съ цѣлью забавлять пустыми измышленіями; онъ неизбѣжное порожденіе духа, выростающее изъ глубочайшихъ жизненныхъ корней нашего рода—источникъ всего высокаго, святого и реальный противовѣсъ пессимизму, вытекающему изъ односторонняго пребыванія въ дѣйствительности“ *). „Міръ вы-

---

*) *Ф. А. Ланге.* Исторія матеріализма. Перев. подъ ред. Соловьева. Кіевъ 1900, т. II, стр. 43.

мысла", вытекающій, однако, „изъ глубочайшихъ жизненныхъ корней",—это именно и есть та вѣра въ результатъ тенденціи развитія, о которой я говорилъ выше. Напомню еще цитированныя мною въ первой статьѣ слова Н. К. Михайловскаго о томъ, что отвѣтъ на вопросъ: „что дѣлать"?—„въ главныхъ своихъ чертахъ лежитъ внѣ предѣловъ познанія", т. е. въ области вѣры. Наконецъ, о томъ же говоритъ позитивистъ г. Карѣевъ, высказывая мысль, что „будущее есть область внѣ-научная, и съ этой-то именно стороны историческая наука не даетъ вполнѣ цѣлостнаго знанія"; что наука, въ этомъ отношеніи, требуетъ дополненія „философіей", понимаемой какъ „творчество, колеблющееся между двумя полюсами—полюсомъ вѣры и полюсомъ знанія" *). Очевидно, вѣрою живутъ не одни метафизики-идеалисты, и не всякая вѣра есть вѣра мистическая. Есть вѣра и вѣра. И Ланге, и Н. К. Михайловскій, и г. Карѣевъ, какъ и пишущій эти строки,—всѣ мы полагали и полагаемъ, что та вѣра, которая движетъ людьми, одушевляя ихъ на трудномъ жизненномъ пути, имѣетъ своимъ источникомъ и своею цѣлью человѣка и его земные интересы, на людяхъ начинается, человѣчествомъ же и кончается. Обратнаго не доказалъ г. Булгаковъ.

Справедливость обязываетъ отмѣтить, что, установивъ безъ всякихъ доказательствъ, на основаніи „пророческаго" метода изслѣдованія, свой основной тезисъ о мистическомъ характерѣ той вѣры, которая лежитъ въ основаніи теоріи прогресса, г. Булгаковъ со свойственною ему вообще въ разбираемой статьѣ методологическою безпорядочностью, въ послѣдующемъ возвращается еще къ этой темѣ, и тамъ мы можемъ найти нѣчто вродѣ искомыхъ доказательствъ.

Коснусь самаго главнаго. Теорія прогресса требуетъ опредѣленнаго представленія о цѣли и смыслѣ жизни. Но г. Булгаковъ полагаетъ, что внѣ области религіозной вѣры, въ мірѣ опытнаго, чувственно-осязаемаго бытія, невозможно найти высшій, абсолютный смыслъ жизни (18). Почему? Потому, отвѣчаетъ авторъ, что въ этомъ мірѣ опытнаго и осязательнаго бытія нельзя добраться до высшаго понятія, нежели *человѣчество*. „Но что такое это *человѣчество*? и отличается ли оно чѣмъ-нибудь отъ *человѣка*? Нѣтъ, оно ничѣмъ отъ него не отличается, оно представляетъ просто большое, неопредѣленное количество людей, со всѣми людскими свойствами и такъ-же мало получаетъ новыхъ качествъ въ своей природѣ, какъ куча камней или зерна по сравненію съ каждымъ отдѣльнымъ камнемъ или зерномъ. То, что позитивистъ называетъ человѣчествомъ, есть повтореніе на неопредѣленномъ пространствѣ и времени и неопредѣленное

*) *Н. Карѣевъ.* Философія, исторія и теорія прогресса, въ сборн. «Ист.-филос. и соціол. этюды», стр. 179, 171.

количество разъ насъ самихъ со всей нашей слабостью и ограниченностью. Имѣетъ наша жизнь абсолютный смыслъ, цѣну и задачу, ее имѣетъ и человѣчество; но если жизнь каждаго человѣка, отдѣльно взятая, является безсмыслицей, абсолютной случайностью, то такъ же безсмысленны и судьбы человѣчества"—(19—20). Напуганный „позитивистъ", конечно, вправѣ спросить: да почему же человѣкъ и вся его жизнь, и даже все человѣчество и при томъ на неопредѣленномъ пространствѣ и времени—это все случайность, безсмыслица? Автору метафизической теоріи прогресса надлежало бы эту мысль доказать. Но такихъ доказательствъ въ разбираемой статьѣ не найдется. Съ пренебреженіемъ отбрасывая человѣчество, какъ негодный элементъ въ качествѣ цѣли и смысла, путеводной нити жизни, г. Булгаковъ просто постулируетъ идею безсмертія, какъ сверхъ-опытное, трансцендентное начало, единственно могущее лечь въ основу теоріи прогресса. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать доказательствомъ, приводимое г. Булгаковымъ, слѣдующее изліяніе Фихте: „то, что называютъ смертью, не можетъ внести перерывъ въ мое дѣло, ибо мое дѣло должно быть совершено, а потому и не опредѣлено время моего существованія, а потому я вѣченъ. Принявъ на себя эту задачу, я вмѣстѣ съ тѣмъ пріобщился вѣчности. Смѣло я поднимаю голову къ скалистому хребту или неистовому водопаду, или къ гремящимъ, въ морѣ огня плавающимъ облакамъ и говорю: я—вѣченъ и я противлюсь вашей власти" и т д., и т. д. (19).

Читатель, хотя нѣсколько прикосновенный къ философской литературѣ, безъ труда догадается, что излагаемая г. Булгаковымъ и доказываемая имъ путемъ ссылки на Фихте мысль есть только перефразировка кантовскаго доказательства безсмертія души, какъ постулата практическаго разума. Путь разсужденія Канта таковъ. На извѣстной стадіи изслѣдованія, Кантъ, для обоснованія своего моральнаго ученія, ощутилъ потребность въ отысканіи понятія *„высшаго блага"*, какъ конечной цѣли моральныхъ стремленій, какъ масштаба для этической оцѣнки поступковъ. Такое высшее благо мыслимо лишь при условіи соотвѣтствія воли дѣйствующаго субъекта съ требованіемъ моральнаго закона. Такое же соотвѣтствіе, въ свою очередь, мыслимо лишь при условіи *совершенства, святости,* недоступныхъ ни одному разумному существу въ человѣческомъ мірѣ. А такъ какъ это соотвѣтствіе, какъ практически необходимое, какъ вытекающее изъ абсолютныхъ велѣній практическаго разума, содержащаго нравственный законъ, всетаки требуется, то оно дается въ понятіи *прогресса,* идущаго по самому существу своему въ *безконечность.* А послѣднее возможно только при допущеніи безсмертія души, которая, такимъ образомъ, и становится необходимымъ тре-

бованіемъ или „постулатомъ практическаго разума“ *). Конечно, противъ такого постулата ничего нельзя возразить, если подъ „безсмертіемъ души“ разумѣть лишь метафизическое выраженіе идеи безконечной смѣны человѣческихъ поколѣній и ихъ дѣятельности по пути прогресса. Нѣкоторые и пытались давать подобное толкованіе изложенному только что ученію Канта. Но то же понятіе безсмертія души можетъ получить и совсѣмъ иной смыслъ, въ данномъ случаѣ особенно напрашивающійся, благодаря тому, что черезъ этотъ постулатъ безсмертія Кантъ далѣе переходитъ къ новому постулату, пріобрѣтающему явно метафизическій характеръ. Представленіе о совершенствѣ и святости, о безконечномъ стремленіи къ счастью, вызываютъ, по мнѣнію Канта, предположеніе причины адэкватной такому дѣйствію и создаютъ понятіе совершеннаго существа—Бога. Получается, такимъ образомъ, новый постулатъ практическаго разума—бытіе Божіе **), приводящій или, по крайней мѣрѣ, могущій привести къ признанію особаго рода причины, причинности и къ допущенію особаго *религіознаго* объясненія явленій, въ смыслѣ, указанномъ Гефдингомъ.

Послѣ сказаннаго ясно, что г. Булгаковъ поступилъ бы правильнѣе, если-бы, взамѣнъ выписки поэтическаго мѣста изъ Фихте, обратился къ разбору постулатовъ Канта, ихъ значенія, ихъ возможнаго толкованія. И тогда ему пришлось бы отмѣтить весь логическій произволъ перваго изъ допущенныхъ Кантомъ постулатовъ, безсмертія души, играющаго столь крупную роль въ собственной теоріи прогресса нашего автора. И сдѣлать это было бы тѣмъ болѣе легко, что шаткость и неудовлетворительность даннаго ученія Канта признана всѣми—его противниками, какъ и сторонниками. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о противорѣчіи самой идеи о „высшемъ благѣ“ системѣ автономной морали Канта (о чемъ я скажу въ другомъ мѣстѣ), нельзя не указать давно уже, впрочемъ, отмѣченный логическій произволъ, допущенный Кантомъ при построеніи постулата безсмертія души. Если въ предѣлахъ существованія современнаго общества или современныхъ поколѣній не можетъ быть достигнуто высшее благо, то не достижимо ли оно въ жизни будущей, но тоже человѣческой? Жизнь будущая есть продолженіе жизни настоящей и, какъ всякое продолженіе, оно есть опредѣленіе во времени и, какъ таковое, существуетъ и падаетъ вмѣстѣ со временемъ и чувственнымъ міромъ ***). Очевидно, идея прогресса, идущаго въ безконечность, можетъ привести къ мысли объ осуществленіи прогресса хотя

*) *Imm. Kant.* Kritik der praktischen Vernunft, S. 146—8.

**) Ibidem, S. 149 -158.

***) См. объ этомъ *Kuno-Fischer.* Geschichte der neuern Phliosophie, B. V, T. II, S. 556 — 60; *Fr. Paulsen.* Immanuel Kant, 2-3-4 Aufl. Stuttgart. 1899, S. 323—4.

бы въ безконечномъ будущемъ, но въ предѣлахъ времени и пространства, въ чувственно осязаемомъ мірѣ бытія. При чемъ же тутъ безсмертіе души? Не метафора ли это въ самомъ дѣлѣ?

Читатель видитъ всю недостаточность и неубѣдительность общей критики всѣхъ будто бы только „позитивныхъ“ теорій прогресса, апеллирующихъ къ понятію человѣчества. А между тѣмъ, авторъ этой бѣдной аргументаціи счелъ себя вправѣ сдѣлать ко всему этому заключеніе весьма рѣшительнаго свойства. Вѣра въ человѣчество, гласитъ оно, это—„неразумная, слѣпая вѣра; по сравненію съ вѣрою, въ основѣ которой лежатъ оправданныя разумомъ метафизическія истины, эта вѣра, не имѣющая такого разумнаго фундамента, является своего рода суевѣріемъ. Такимъ образомъ, позитивизмъ, стремящійся только къ положительному знанію и потому принципіально отрицавшій и метафизику, и религіозную вѣру, кончаетъ суевѣріемъ“ (21). Мысль о вѣрѣ въ человѣчество, какъ суевѣріи, разрушаемомъ доводами отъ метафизики, — по истинѣ, образецъ метафизическаго суесловія.

До сихъ поръ я разбиралъ установленныя г. Булгаковымъ общія предпосылки теоріи прогресса, клонящіяся къ доказательству неизбѣжности ея построенія на данныхъ метафизически-религіознаго характера. Но авторъ стремится доказать ту же мысль и другимъ путемъ: разборомъ отдѣльныхъ позитивныхъ теорій. Обратимся къ этому разбору.

На первомъ мѣстѣ стоитъ критика утилитаризма или эвдемонизма, т. е. ученія о возможно большемъ счастьѣ возможно большаго числа лицъ, какъ конечной цѣли прогресса. Сама по себѣ эта критика является достаточно поверхностною. Если оставить въ сторонѣ критику частныхъ выраженій эвдемонизма въ формѣ ученія Зомбарта и теоріи классовой борьбы (24—6), то окажется, что собственно критикѣ утилитаріанизма посвящены $2^1/_2$ страницы (22—4), на которыхъ выставлены два возраженія: во первыхъ, указаніе на моральность счастья лишь при условіи совпаденія его съ нравственною дѣятельностью, служеніемъ добру; во вторыхъ—упоминаніе о невозможности количественнаго исчисленія счастья. Такая критика и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ должна быть признана недостаточною. При томъ же противъ нея, въ свою очередь, можетъ быть сдѣлано два возраженія. Прежде всего въ главныхъ своихъ частяхъ и мотивахъ она касается наиболѣе грубой и слабой формы эвдемонистическаго ученія, развитаго Бентамомъ, той формы, которую Вундтъ правильно назвалъ „эгоистическимъ утилитаризмомъ“ *). Но вѣдь существуетъ и другой видъ того же ученія—по терминологіи Вундта—„альтруистическій утилитаризмъ“ **), къ которому не

*) *W. Wundt.* Ethik. 2—4. Aufl. Stuttgart, 1892, S. 413—15.
**) Ibidem, S. 415 ff.

можетъ быть, напримѣръ, отнесенъ упрекъ г. Булгакова въ подчиненіи служенія добру стремленію къ счастью: скорѣе этотъ видъ ученія страдаетъ обратнымъ недостаткомъ, и то при особаго рода толкованіи его. Но все это между прочимъ. Важно же то, что тотъ или иной результатъ критики утилитаризма необходимо признать довольно безразличнымъ для судебъ позитивной теоріи прогресса вообще. Чтобы не быть голословнымъ, я напомню о той безусловно обстоятельной, мѣстами уничтожающей критикѣ, которой былъ подвергнутъ утилитаризмъ со стороны такихъ несомнѣнныхъ позитивистовъ, какъ Лаасъ *) или Гюйо **), развившіе, не взирая на такую критику, вслѣдъ за нею свои собственныя позитивныя теоріи морали и прогресса ***).

Покончивъ столь неудачно съ утилитаризмомъ, г. Булгаковъ обращается къ критикѣ „болѣе возвышеннаго" ученія позитивистовъ, въ которыхъ цѣлью прогресса ставится уже не счастье, а „усовершенствованіе человѣчества". Съ этою теоріею авторъ расправляется совсѣмъ уже легкимъ указаніемъ на то, что усовершенствованіе человѣчества требуетъ хотя бы приближенія къ идеалу, а между тѣмъ имъ, г. Булгаковымъ, уже доказано, что идеалъ этотъ не можетъ лежать въ предѣлахъ самого человѣчества и, вообще, въ мірѣ опытнаго бытія. Здѣсь, такимъ образомъ, „истоптанная тропинка опыта съ необходимостью приводитъ насъ къ трудному и скалистому пути умозрѣнія", и „позитивизмъ еще разъ дѣлаетъ сверхсмѣтное позаимствованіе у метафизики" (37). Мы видѣли уже, однако, степень доказательности положенія о невозможности найти цѣль для человѣчества въ немъ самомъ, и критика данной теоріи, цѣликомъ сводящаяся къ ссылкѣ на это ничѣмъ недоказанное положеніе, конечно, можетъ быть оставлена безъ спеціальнаго разсмотрѣнія ****).

За „болѣе возвышеннымъ ученіемъ" слѣдуетъ „самая возвышенная" теорія прогресса, „согласно которой онъ состоитъ въ созданіи условій для свободнаго развитія личности" (27). Но отношеніе къ этой теоріи въ статьѣ самое легкомысленное. Г. Булгаковъ пытается увѣрить читателей, что въ сущности эта теорія метафизическая. Почему? — спроситъ недоумѣвающій читатель.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ авторъ считаетъ ссылку на то, что

---

*) *Ernst Laas.* Idealismus und Positivismus, B. II, Berlin 1882. S. 173—208.

**) *М. Гюйо.* Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. Перев. съ франц. Спб.

***) *Laas.* Op. cit. S. 208 ff.; *Гюйо.* Очеркъ морали. Спб. 1899.

****) Отмѣчу здѣсь только, что изъ представителей этой теоріи «усовершенствованія человѣчества» г. Булгаковымъ названы Кондорсэ и Ог. Контъ Однако же, Контъ является защитникомъ этой теоріи лишь въ положительной политикѣ. Въ курсѣ же положительной философіи онъ рѣзко возражаетъ противъ теоріи «усовершенствованія», признавая законнымъ лишь понятіе эволюціи.

„свободное развитіе личности, какъ идеалъ общественнаго развитія, есть основная и общая тема всей классической нѣмецкой философіи", что эта тема ярко разработана въ системѣ Фихте и есть „выраженіе другими словами основной мысли этики Канта объ автономности нравственной жизни, о самозаконности воли въ выборѣ добра или зла" (28). Просто поразительно, какъ г. Булгаковъ, написавшій эти строки, забылъ, что основная идея кантовской этики объ автономности нравственнаго закона и о цѣнности и святости человѣческой личности была выработана самимъ Кантомъ и, вообще, можетъ быть взята внѣ связи съ той метафизической оболочкой, которую эта идея получила—безъ достаточныхъ логическихъ основаній—отчасти у самого Канта и особенно въ позднѣйшихъ метафизическихъ системахъ, въ частности у Фихте. Но въ виду чрезвычайной поверхностности соотвѣтствующаго мѣста статьи г. Булгакова я предпочитаю отложить обсужденіе этого вопроса, чтобы остановиться на немъ подробнѣе при критикѣ статьи г. Бердяева, гдѣ этому самому вопросу удѣляется больше мѣста.

Вотъ и все. Вотъ и всѣ „позитивныя" теоріи прогресса, которыя оказались удостоенными вниманія метафизической критики. Не нужно быть слишкомъ преданнымъ дѣлу позитивизма человѣкомъ, чтобы имѣть право обидѣться за такое несправедливое отношеніе къ этому дѣлу. Куда дѣлись Бокль и Гизо, Тардъ и Лестеръ Уордъ и многіе другіе мыслители, имя же имъ легіонъ? Гдѣ русскіе представители теоріи „борьбы за индивидуальность"? Пусть отдѣльныя попытки, въ свѣтѣ критической мысли, и должны быть признаны неудовлетворительными; пусть далеко не всегда въ нихъ выдержана почва строгаго позитивизма. Но неужели все это не заслуживаетъ рѣшительно никакого вниманія, какъ идея, ждущая развитія, какъ начало, какъ намекъ на возможную теорію прогресса въ позитивномъ духѣ?

И развѣ, кромѣ позитивныхъ, съ одной стороны, и метафизически-идеалистическихъ теорій прогресса, съ другой стороны, невозможны и иныя ученія? Разъ существуетъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, система не метафизическаго идеализма, то невозможны ли и идеалистическія теоріи прогресса, не закутанныя въ облако метафизическаго обоснованія. Вѣдь все это было, есть и, вѣроятно, будетъ въ исторіи человѣческой мысли, представленной не только тѣми, которые, еще башмаковъ марксизма не износивши, превратились въ идеалистовъ самаго крайняго, метафизическаго оттѣнка.

Для примѣра могу напомнить извѣстнаго Виндельбанда, яраго кантіанца, для котораго *Критика чистаго разума* представляетъ „основную книгу нѣмецкой философіи", и который говоритъ, что „до сихъ поръ есть только двѣ философскія системы: греческая

и нѣмецкая, Сократа и Канта“ *), и этотъ Виндельбандъ, кстати относящійся отрицательно къ позитивизму **) и прямо третирующій утилизиризмъ ***),—тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что „метафизика религіозной вѣры, какъ и метафизика вообще, не допускаетъ научнаго обоснованія“; что „теоретическое познаніе не можетъ общеобязательнымъ образомъ опредѣлить цѣль и задачу общества ни ниже (unterhalb), ни выше (oberhalb) его“, а только „въ существѣ самого общества“. И, исходя изъ такого принципа, онъ набрасываетъ теорію, въ которой постепенное усвоеніе отдѣльными индивидуумами сознанія общности интересовъ и планомѣрное стремленіе гражданъ къ созданію „культурной системы“ (Cultursystem)—выставляется какъ конечная цѣль общежитія и какъ масштабъ для измѣренія моральной цѣнности даннаго общественнаго организма ****). Какая заманчивая теорія прогресса, на какихъ здоровыхъ идеалистическихъ началахъ она построена, и какъ въ то же время все это построеніе безконечно далеко отъ метафизическаго взгляда съ его мистическою вѣрою въ то невидимое, гадательное, туманное, что должно замѣнить изученіе реальныхъ нуждъ и кровныхъ интересовъ живущаго на землѣ человѣчества.

Впрочемъ, есть основанія предполагать, что фактъ существованія идеализма, чуждаго метафизическаго покрова, остался совершенно внѣ поля философскаго зрѣнія г. Булгакова. На это ясно указываютъ его разсужденія насчетъ того пункта, „гдѣ всего сильнѣе сказывается безсиліе или недостаточность позитивной теоріи прогресса“, именно—вопроса объ отношеніи бытія и долженствованія. „Не требуется много словъ“,—по мнѣнію нашего автора,—„чтобы показать, что опытная наука не въ силахъ справиться съ этой антитезой“, такъ какъ „изъ бытія никоимъ образомъ нельзя обосновать долженствованія“ (29—30). Съ этой послѣдней мыслью нельзя не согласиться. Но что изъ нея слѣдуетъ? Пусть это выставляется возраженіемъ противъ тѣхъ, для кото-

---

*) *Wilhelm Windelband.* Präludien, Freiburg u. Tübingen 1884, ст. «Immanuel Kant», S. 114, 117.

**) Ibidem, S. 123.

***) Ibidem, ст. «Vom Princip der Moral», S. 301—5. «Цинизмъ есть единственно правильный выводъ эвдемонизма», рѣшается здѣсь, между прочимъ, высказать Виндельбандъ.

****) Ibidem, S. 306—11.

Слѣдуетъ замѣтить, что Виндельбандъ въ сущности не свободенъ отъ склонности къ построеніямъ въ чисто метафизическомъ стилѣ. Это видно изъ написанной давно, но напечатанной лишь въ нынѣшнемъ году во второмъ изданіи «Präludien» статьи «Das Heilige (Skizze zur Religionsphilosophie)», занимающей мѣсто рядомъ съ не измѣненной ни въ чемъ статьею «Vom Prinzip der Moral», о которой я говорилъ въ текстѣ. Тѣмъ больше заслуги за авторомъ, умѣющимъ разграничивать области научнаго изслѣдованія и метафизически-религіознаго творчества.

рыхъ звеньями опыта и механической необходимости замыкается цѣпь человѣческаго познанія и мышленія. Но въ своемъ мѣстѣ мною уже было показано, что проблема отношенія бытія и долженствованія можетъ привести и, въ дѣйствительности, многихъ приводила къ идеалистическому типу мышленія, свободному отъ примѣси метафизическихъ элементовъ. Если, поэтому, эта „антитеза“ и можетъ явиться бѣльмомъ на глазу чистаго безпримѣснаго позитивизма, то, съ другой стороны, изъ нея не вытекаетъ еще общеобязательность метафизически-мистическаго міровоззрѣнія, въ частности—метафизической теоріи прогресса.

Г. Булгаковъ, однако, не замѣчаетъ существованія отдѣльныхъ видовъ идеализма и, вслѣдъ за указанною критикою „позитивныхъ“ ученій, переходитъ къ обоснованію собственной метафизически-идеалистической теоріи прогресса. Я вынужденъ послѣдовать за критикуемымъ авторомъ и въ эти метафизическія дебри: быть можетъ, тамъ найдется жемчужина истинно-правильнаго пониманія интересующей насъ доктрины.

Въ этой части изложеніе г. Булгакова превращается въ рядъ положеній, связанныхъ между собою чисто словеснымъ единствомъ, но лишенныхъ какой бы то ни было внутренной, логической связи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ легко замѣтитъ сколько-нибудь освѣдомленный читатель, аргументація автора здѣсь отнюдь не блещетъ новизною.

Съ точки зрѣнія теоріи прогресса, разсуждаетъ г. Булгаковъ, „исторія имѣетъ смыслъ, и историческій процессъ есть не только эволюція, но и прогрессъ. Теорія эта доказываетъ, слѣдовательно, тожество причинной закономѣрности и разумной цѣлесообразности и является, такимъ образомъ, по терминологіи Лейбница, *теодицеей*, т. е. раскрытіемъ высшаго *разума*, высшей *цѣлесообразности въ мірѣ*. Ясно, что это теорія не опытнаго происхожденія, а сверхъопытнаго, метафизическаго, и потому правильнѣе всего ее было бы назвать *метафизикой исторіи*“ (32—3; курс. всюду мой). Остановимся на минуту. Замѣтилъ ли читатель весь поистинѣ метафизическій произволъ приведеннаго разсужденія? А между тѣмъ, въ немъ, въ этомъ разсужденіи содержится основное доказательство положенія о метафизическомъ содержаніи теоріи прогресса; дальше пойдутъ уже выводы изъ этого положенія. Исторія есть не только эволюція, но и прогрессъ, она имѣетъ свой опредѣленный смыслъ. На это позитивистъ и идеалистъ не метафизическаго толка легко можетъ замѣтить: что исторія есть прогрессъ—это доказано для насъ многочисленными научными изслѣдованіями; а разъ въ исторіи есть прогрессъ, то она пріобрѣтаетъ смыслъ,—смыслъ для насъ, живыхъ людей, поскольку мы знаемъ, что въ исторіи есть прогрессъ, поскольку мы сами этотъ прогрессъ создаемъ, ставя исторіи опредѣленныя цѣли и жизнь свою кладя для достиженія этихъ цѣлей. Что же въ этой идеѣ,—идеѣ про-

гресса и смысла историческаго процесса—метафизическаго? Мы получили эту идею отчасти опытнымъ, отчасти умозрительнымъ путемъ; тѣмъ же путемъ мы дѣлаемъ изъ нея выводы, служащіе опорою нашей дѣятельности. Но всѣ эти положенія и выводы нами начинаются, нами же и кончаются, и метафизика исторіи здѣсь рѣшительно не при чемъ. Что же касается превращенія теоріи прогресса въ „теодицею", то вѣдь она достигнута путемъ подмѣна понятій, посредствомъ простой игры словъ. Мы констатировали смыслъ исторіи, ея разумную цѣль, сознательно ставимую, разрѣшаемую и осуществляемую нами, живыми людьми, а вы говорите о теодицеѣ, которая есть идея о высшемъ *божественномъ* разумѣ, вызывающемъ цѣлесообразность въ *мірѣ*. Но развѣ разумъ божественный и разумъ человѣческій, исторія и міръ— одно и то же? Чѣмъ доказаны смыслъ, разумная цѣль, цѣлесообразность окружающей насъ нѣмой природы? Чѣмъ доказано, что всѣмъ этимъ управляетъ внѣшняя для природы разумная сила? Чѣмъ доказано, что и соціальная жизнь есть частица разумно направляемой цѣлесообразности всего бытія? Конечно, для Лейбница, исходившаго изъ того взгляда, что и „физическая" и „моральная необходимость", вся вселенная и весь міръ человѣческихъ отношеній опредѣлены благою и разумною волею Создателя, подарившаго намъ этотъ лучшій изъ міровъ *)—отвѣты на всѣ поставленные вопросы не могли бы представить никакихъ затрудненій. Но вѣдь въ настоящую минуту однимъ только недоразумѣніемъ, крупнымъ и непонятнымъ, можетъ представляться попытка новѣйшаго, хотя бы и метафизическаго, автора одѣть теорію прогресса въ костюмъ теодицеи.

Дальше, какъ я сказалъ, идутъ выводы: они отличаются той же ненаучностью, тѣмъ же метафизическимъ произволомъ. Послѣдуемъ здѣсь за г. Булгаковымъ по пятамъ. Метафизика исторіи, какъ мы уже знаемъ, необходимо является теодицеей, тѣмъ болѣе, что такъ понималъ дѣло и Гегель. Теодицея есть ученіе о конечномъ смыслѣ чего-либо. Надо, слѣдовательно, найти смыслъ исторіи. Находка эта для метафизика не представляетъ никакихъ трудностей. „Это значитъ, прежде всего, показать, что исторія есть раскрытіе и выполненіе одного творческаго и разумнаго плана, что въ историческомъ процессѣ выражена міровая, провиденціальная мысль". Все это мы уже знаемъ, но вотъ идетъ выводъ: „поэтому",—увѣряетъ г. Булгаковъ,—„все, что только было и будетъ въ исторіи, все это необходимо для раскрытія этого плана, для цѣлей разума". Мало того, если все необходимо, то необходимо и зло. Вотъ почему въ теодицеѣ „должно быть дано *оправданіе добра*, которое должно вмѣстѣ съ тѣмъ явиться

---

*) См. Essais de Theodicée, Oeuvres *de Leibnitz*. Paris 1842, deuxieme serie, особ. стр. 26, 77, 103—5, 132—3, 194, 209 и мн. др.

оправданіемъ зла, зла въ природѣ, въ человѣкѣ, въ исторіи. Философія должна показать внутреннее безсиліе зла, его—страшно сказать—конечную разумность". И философія должна научить борьбѣ со зломъ во имя конечной правды окончательнаго добра (34). Добравшись до этого пункта, представляющаго собою лишь обрывки философіи Гегеля плюсъ Соловьева, г. Булгаковъ не въ силахъ оказался сдержать свой метафизическій экстазъ и гордо восклицаетъ: „Счастливъ, о, трижды счастливъ тотъ, кому честно и свято удалось дострадаться до этого отраднаго убѣжденія, ибо радостнѣе этого убѣжденія не можетъ быть ничего на свѣтѣ" (35). Я не желалъ бы нарушать счастье и смущать радость г. Булгакова, тѣмъ болѣе, что и счастье, и радость эти представляются мнѣ въ достаточной мѣрѣ невинными и наивными. Но все же да позволено будетъ спросить: на чемъ же основаны всѣ эти счастливыя и радостныя откровенія? И прежде всего: *неизбѣжность* зла въ современной жизни—фактъ, хорошо знакомый не только метафизикамъ, неужели доказываетъ и его *необходимость?* И что еще важнѣе; если даже это зло „необходимо", неужели же здѣсь возможно говорить о необходимости *моральной,* приводящей къ мысли объ „оправданіи" (?!) зла? Зло никогда не можетъ быть оправдываемо, а только осуждаемо; хотя бы оно и приводило въ концѣ концовъ къ добру, но оно остается зломъ и какъ таковое должно быть оцѣниваемо. Не чувствуетъ ли г. Булгаковъ, что въ этомъ пунктѣ онъ съ метафизическихъ высотъ внезапно упалъ въ трясину самыхъ грубыхъ позитивно-утилитарныхъ предразсудковъ: зло необходимо, ибо съ его помощью человѣчество въ концѣ концовъ доберется до всеобщаго благополучія, до возможно бо́льшаго счастья возможно большаго количества людей... И, наконецъ, повторяю отчасти уже поставленный вопросъ: пусть все, что было, и даже то, что будетъ, не исключая и зла, необходимо, пусть, далѣе, это необходимо именно для раскрытія плана и цѣли разума. Но чѣмъ же доказано, что кромѣ самого разумнаго существа, кромѣ человѣка, обладающаго разумомъ, существуетъ какая то міровая, провиденціальная сила, какой-то міровой разумъ, диктующій цѣли и рисующій планы историческаго процесса? На этотъ капитальный вопросъ, сколь онъ ни важенъ, г. Булгаковъ не даетъ никакого отвѣта, но за то вслѣдъ за цитатой о троекратномъ метафизическомъ счастьи онъ безстрашно продолжаетъ: „Если мы признаемъ, что исторія есть раскрытіе абсолюта, то тѣмъ самымъ мы уже признаемъ, что въ исторіи не царитъ случайность или мертвая закономѣрность, причинная связь, здѣсь есть лишь закономѣрность развитія абсолюта... И наши намѣренія и поступки оказываются средствами для цѣлей абсолюта... Вся исторія есть проявленіе абсолюта, вся она является живою рѣчью Божества" (35—6). Здѣсь необходимо остановиться. Корень найденъ. Какъ не вспомнить цитированныя уже слова трез-

ваго научнаго изслѣдователя и достаточно глубокаго философа Геффдинга: „религіозное объясненіе изслѣдуетъ свои причины не тѣмъ *критическимъ* способомъ, который составляетъ достояніе науки, оно объясняетъ природу не самою природою; его причина есть нѣчто отличное отъ природы, стоящее внѣ ея и сообщающее ей извнѣ свой толчокъ“. Г. Булгаковъ и въ теоріи прогресса, и для объясненія историческаго процесса нашелъ свою causa causarum, съ помощью которой онъ въ состояніи будто бы объяснить все существующее. Но объясненіе ли это? Что разъясняетъ вся эта ссылка на абсолютъ? Въ какомъ отношеніи все это стоитъ къ нашимъ конкрентнымъ объясненіямъ, нашимъ земнымъ дѣламъ, нашимъ реальнымъ интересамъ? Къ этимъ вопросамъ мы сейчасъ перейдемъ, но не ясно-ли и сейчасъ, что разсужденія г. Булгакова объ абсолютѣ, управляющемъ ходомъ міровой исторіи, сами по себѣ, an und für sich, вполнѣ подтверждаютъ остроумную характеристику всякой метафизики, данную въ слѣдующихъ словахъ Зиммеля: „какъ о чувствахъ говорятъ, что они не ошибаются, не потому, чтобы они всегда судили правильно, но потому, что они вообще не судятъ, точно такъ же можно сказать о метафизикѣ, что она не ошибается (verkennte) въ своихъ объектахъ не потому, чтобы она всегда правильно ихъ познавала, а потому, что она вообще не познаетъ“ *).

Контуры собственной теоріи прогресса г. Булгакова въ достаточной мѣрѣ очерчиваются изложеннымъ выше. И, думается мнѣ, будетъ вполнѣ законенъ тотъ выводъ, что какъ въ критической, такъ и въ положительной части своей работы разбираемый представитель „проблемъ идеализма“ не доказалъ метафизическаго характера теоріи прогресса и съ тѣмъ вмѣстѣ обязательности и неизбѣжности метафизическаго метода изслѣдованія и мышленія. Но мы къ тѣмъ же „проблемамъ идеализма“ подходимъ и съ другимъ вопросомъ не меньшей важности; мы спрашиваемъ проводниковъ новаго направленія: въ какомъ же смыслѣ и какимъ образомъ должна быть понимаема связь ихъ метафизически-религіозныхъ теорій съ жизнью, и дѣйствительно ли эти теоріи могутъ привести къ наиболѣе прочному обоснованію занимающаго насъ и понынѣ стараго соціальнаго идеала? Подойдемъ же съ этой стороны къ теоріи г. Булгакова.

Такое наше отношеніе къ разбираемой теоріи нисколько не будетъ искусственнымъ: оно непосредственно вытекаетъ изъ собственнаго ея построенія. Взобравшись на своего метафизическаго конька, именуемаго абсолютомъ, г. Булгаковъ въ концѣ-концовъ почувствовалъ потребность бросить взоръ и на нашу грѣшную землю съ ея относительными, конечными, но все же и для метафизиковъ обладающими притягательною силою интересами. Не

---

*) *G. Simmel.* Probleme der Geschichtsphilosophie, S. 104.

скрою, я ощутилъ сильное волненіе, дойдя до этого мѣста статьи г. Булгакова: вѣдь здѣсь, именно здѣсь должно было содержаться разъясненіе основного вопроса объ отношеніи метафизики къ соціальному вопросу; о томъ, въ какой мѣрѣ новыя метафизическія воззрѣнія могутъ замѣнить прежнія соціальныя ученія; о томъ, наконецъ, какую цѣнность представляетъ съ нашей точки зрѣнія новое теченіе русской общественной мысли. Къ сожалѣнію, однако, способъ разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, данный въ статьѣ г. Булгакова, вызываетъ большія разочарованія. При первомъ столкновеніи съ конкретною дѣйствительностью г. Булгаковъ неожиданно заявляетъ: „знать разумъ всего сущаго... доступно лишь всевѣдѣнію Божію. Для насъ же отдѣльныя событія какъ нашей собственной жизни, такъ и исторіи навсегда останутся ирраціональны", и „мы не можемъ цѣли абсолюта дѣлать прямо своими собственными цѣлями" (37). Послѣ такихъ словъ мы, казалось бы, вправѣ были бы заключить, что всякая связь дѣйствительной жизни съ абсолютомъ порвана. Но нѣтъ, утѣшаетъ насъ г. Булгаковъ, „абсолютное постоянно руководитъ нами въ жизни, постоянно даетъ намъ указанія, караетъ за непослушаніе себѣ и ошибки. Мы ежедневно и ежечасно слышимъ его властный голосъ, категорическій, суровый и неумолимый. Это совѣсть, нравственный законъ, категорическій императивъ, абсолютный характеръ котораго внѣ всякаго сомнѣнія поставленъ Кантомъ" (ib). Неподготовленному читателю, быть можетъ, съ трудомъ удастся подмѣтить ту игру словъ, которую опять нашъ авторъ подставилъ взамѣнъ доказательствъ. Ему нужно было доказать, что высшая разумная сила, тотъ абсолютъ, проявленіе котораго дано въ историческомъ процессѣ, дыханію котораго обязаны мы всею нашей дѣятельностью, управляетъ нами при помощи живущаго въ насъ нравственнаго закона. Иными словами, нужно было указать живую связь *абсолюта* съ нашею моральною жизнью. Каковы же доказательства, представленныя г. Булгаковымъ? Этимъ доказательствомъ служитъ ссылка на *абсолютный характеръ* нравственнаго закона, доказанный Кантомъ. Прежде всего голословная ссылка на Канта не убѣдительна. Можетъ быть, Кантъ и доказывалъ то, что утверждаетъ г. Булгаковъ, но это доказательство само по себѣ неправильно. А можетъ быть абсолютный характеръ нравственнаго закона дѣйствительно доказанъ Кантомъ, но это вовсе не имѣетъ отношенія къ затронутому г. Булгаковымъ вопросу. Я, напримѣръ, утверждаю, что „абсолютный" характеръ нравственнаго закона съ точки зрѣнія Канта обозначаетъ лишь его апріорность, трансцендентальную природу, невыводимость изъ эмпирическихъ условій, а потому и общеобязательность для всякаго разумнаго существа. А какъ намъ уже извѣстно, такая трансцендентальная природа „абсолютного" нравственнаго закона ни на волосъ не приближаетъ насъ

къ міру трансцендентному, сверхъопытному, къ сферѣ абсолютовъ, высшихъ силъ, незримыхъ разумовъ и т. п. дѣятелей метафизическаго царства. „Абсолютное“ Канта вообще не можетъ, въ силу чисто-словеснаго созвучія—и то только въ русской рѣчи—быть отождествляемо съ „абсолютомъ“ Гегеля, Соловьева и г. Булгакова. Ясно, что допущенная нашимъ авторомъ игра словъ не разрѣшаетъ вопроса и нисколько не подвигаетъ насъ въ доказательствѣ метафизическихъ или религіозныхъ источниковъ нашей конкретной, индивидуальной или исторической дѣятельности.

При томъ же, переходя къ обсужденію моральной проблемы въ примѣненіи ея къ конкретной дѣйствительности, г. Булгаковъ наталкивается на новое затрудненіе. Рѣчь идетъ о моральномъ законѣ, какъ двигателѣ реальной жизни, чѣмъ ставится вызвавшій столько философскихъ споровъ вопросъ объ осуществленіи нравственнаго закона. Но и этотъ вопросъ находитъ въ статьѣ весьма неудовлетворительное рѣшеніе. Съ одной стороны, тамъ имѣются бѣглыя замѣчанія относительно дуализма кантовской системы, разъясненнаго дальнѣйшими системами Фихте, Шеллинга и Гегеля (31). Изъ этого можно заключить, что г. Булгаковъ—и, конечно, вполнѣ послѣдовательно,—и вопросъ объ осуществленіи нравственнаго закона обосновываетъ метафизически (этой стороны вопроса мы коснемся подробнѣе ниже, въ критикѣ статьи г. Бердяева). Съ другой стороны, центръ тяжести этого вопроса перемѣщается тѣмъ же авторомъ въ совершенно другую область. „Нравственный законъ“,—говоритъ онъ,—„не смотря на абсолютный характеръ велѣній, осуществляется только въ конкретныхъ цѣляхъ, въ конкретной жизни. Этимъ ставится новая задача нравственной жизни—наполнить пустую форму абсолютнаго долженствованія конкретнымъ относительнымъ содержаніемъ“ (39). Мало того, въ заключительной, производящей впечатлѣніе нѣсколько пристегнутой, главкѣ, содержащей „нѣсколько замѣчаній относительно задачъ современной философіи“, г. Булгаковъ даетъ даже ближайшія указанія на родъ и характеръ этого конкретнаго содержанія. „Современная философія“,—говорится здѣсь, — „должна стать лицомъ къ великой соціальной борьбѣ нашихъ дней, быть ея выразительницей и истолковательницей“, тѣмъ болѣе, что современный кризисъ рабочаго движенія „не экономическаго и политическаго характера, но моральнаго, скажу даже—религіознаго“ (45). Но какъ все это сдѣлать? Какимъ образомъ наполнить исходящій отъ абсолюта нравственный законъ конкрентнымъ содержаніемъ? Почему такимъ содержаніемъ должно быть именно рабочее движеніе? Какая связь существуетъ между абсолютомъ и соціальной борьбой? Что онъ Гекубѣ, что она ему? Обо всемъ этомъ г. Булгаковъ краснорѣчиво умалчиваетъ.

Не привнося, такимъ образомъ, отъ своего метафизическаго

міровоззрѣнія никакихъ новыхъ элементовъ для освѣщенія соціальнаго вопроса, г. Булгаковъ, именно благодаря своей „метафизикѣ исторіи“, сдѣлалъ кое-что въ направленіи извращенія его глубокаго смысла и великаго значенія. Мы уже знаемъ взглядъ автора на метафизическій характеръ идеи о личности, какъ цѣли и мѣрила прогресса. Изъ этой идеи вытекаетъ „обязательность современныхъ стремленій къ политической и экономической демократіи“, вслѣдствіе чего г. Булгаковъ умозаключаетъ: „читатель понимаетъ, что это идея сверхъопытнаго, метафизическаго характера (потому высшую санкцію современному соціальному движенію даетъ метафизика“) (29). Такъ легко, за скобками, доказывается мысль, способная перевернуть вверхъ дномъ все современное отношеніе къ соціальному вопросу. Но на этомъ г. Булгаковъ не останавливается. Извѣстно, что „современное соціальное движеніе“ въ своей практической дѣятельности опирается на классовую борьбу, составляющую могущественный рычагъ новѣйшей политической и соціальной жизни. И вотъ, ради послѣдовательности, нашъ авторъ, который по части теоретическихъ своихъ воззрѣній сжегъ все, чему поклонялся, и поклонился всему, что сжигалъ, нынѣ выражаетъ сожалѣніе не только о томъ, что марксизмъ игнорировалъ этическій элементъ въ формулѣ классовой борьбы (25), но и о томъ, что „марксизмъ беретъ разсматриваемую формулу безъ всякаго метафизическаго содержанія“ (29). Мысль о классовой борьбѣ съ метафизическимъ содержаніемъ— это одно изъ многочисленныхъ въ статьѣ голословныхъ заявленій ея автора. Мимо этого замѣчанія, пожалуй, можно было пройти, игнорируя его, какъ не заслуживающій вниманія курьезъ. Дѣло, однако, въ томъ, что занятый метафизической стороной этого осязательно-конкретнаго вопроса, г. Булгаковъ въ дальнѣйшемъ обнаруживаетъ попытку затушевать весь историческій смыслъ и все соціальное значеніе классовой борьбы въ угоду нѣкоего предразсудка формальной теоріи. „Съ этической точки зрѣнія“,—говоритъ онъ,—„обѣ борющіяся партіи (пролетаріатъ и буржуазія) равны между собою, поскольку ими руководятъ не этическій и религіозный энтузіазмъ, а чисто-эгоистическія цѣли“ (25). Здѣсь одна ошибка помѣшала г. Булгакову установить правильный взглядъ на общественное значеніе классовой борьбы, даже въ той ея части, гдѣ пролетаріатъ, не одушевляемый этическими побужденіями, руководится только голымъ матеріальнымъ интересомъ (что, конечно, бываетъ не всегда и не вездѣ). Необходимо различать два вида „этической точки зрѣнія“: индивидуальную и соціальную. На взглядъ *индивидуально-этическій*, рабочій, стремящійся къ улучшенію своего матеріальнаго состоянія и только къ этому, совершаетъ дѣйствіе этически безразличное и, какъ таковой, заслуживаетъ этическаго одобренія не больше, чѣмъ буржуа, исходящій также изъ своихъ хозяйственныхъ раз-

счетовъ въ столкновеніи съ рабочими. Но поднимемся на высоту *соціально*-этическаго взгляда. Съ этой точки зрѣнія приходится уже оцѣнивать не только поступки отдѣльныхъ людей или группъ, а и встрѣчающіеся на каждомъ шагу конфликты между интересами справедливости, требованіями моральнаго закона—съ одной стороны, и условіями существующей дѣйствительности—съ другой. Если мы допустимъ, что тотъ строй, котораго трудящіяся массы, даже только въ силу своихъ эгоистическихъ побужденій, добиваются, будетъ отвѣчать требованіямъ справедливости, то ясно станетъ, что трудящіеся классы, осуществляя свои личныя цѣли, содѣйствуютъ воплощенію справедливости въ жизни, споспѣшествуютъ торжеству моральнаго закона. И потому ихъ дѣйствія по соображеніямъ *соціально*-этическимъ могутъ и должны быть квалифицируемы совершенно иначе, нежели хозяйственныя дѣйствія имущихъ классовъ, не содѣйствующихъ въ борьбѣ съ рабочими, а, наоборотъ, препятствующихъ осуществленію моральнаго закона. На этой именно идеѣ и покоится много разъ высказывавшійся взглядъ, что рабочее движеніе лежитъ „по линіи общественнаго прогресса" *). Впрочемъ, элементы *общественнаго* прогресса очень неясно вырисовываются въ туманѣ метафизической теоріи прогресса г. Булгакова. Немудрено, что занятый своими метафизическими и религіозными дѣлами, нашъ авторъ забылъ о томъ, къ какимъ рѣшительнымъ выводамъ можно придти при желаніи воспользоваться его неосторожными замѣчаніями относительно ничтожной цѣнности классовой борьбы, понимаемой въ висящемъ въ воздухѣ *индивидуально*-этическомъ смыслѣ. Кто знаетъ, можетъ быть, на этомъ одномъ примѣрѣ можетъ быть испытана пригодность метафизически-этической точки зрѣнія въ примѣненіи къ соціальнымъ проблемамъ.

Разборъ статьи г. Булгакова оконченъ. Авторъ задался цѣлью обосновать теорію прогресса на данныхъ метафизически религіознаго воззрѣнія. Я старался показать всю неудачу этой попытки. Мы видѣли, что ни общими своими соображеніями насчетъ относительнаго значенія науки, метафизики, религіи, ни анализомъ общихъ предпосылокъ теоріи прогресса, ни разборомъ отдѣльныхъ теорій позитивнаго характера, ни собственнымъ своимъ ученіемъ въ этой области г. Булгаковъ не обосновалъ своего довода о томъ, что теорія прогресса ведетъ неизбѣжно къ *метафизическому* идеализму. Съ другой стороны, мы видѣли и то, что метафизически-идеалистическая конструкція г. Булгакова въ рамкахъ теоріи прогресса не даетъ рѣшительно ничего

---

*) Я хорошо понимаю, что всѣмъ сказаннымъ я даю поводъ къ упрекамъ въ смѣшеніи объективно-этической точки зрѣнія автономной морали съ взглядомъ утилитарнымъ. Я думаю, однако,—и надѣюсь отчасти доказать это ниже—что между этими двумя точками зрѣнія не существуетъ въ дѣйствительности той пропасти, которая обыкновенно между ними разумѣется.

для освѣщенія соціальнаго вопроса и, слѣдовательно, для обоснованія стараго соціальнаго идеала. Метафизика-религія, съ одной стороны, и соціальной вопросъ—съ другой, какъ были раздѣльными, независимыми другъ отъ друга проблемами до г. Булгакова, такъ и остаются такими же и послѣ него.

Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи еще можетъ быть сдѣлано возраженіе. Могутъ сказать, что вопросъ объ отношеніи метафизическаго идеализма къ соціальному вопросу, требующій, между прочимъ, и даже главнѣе всего разрѣшенія антитезы бытія и долженствованія, детальнаго толкованія моральнаго ученія и т. д., и не входилъ въ спеціальную тему г. Булкакова. Но я хотѣлъ лишь подчеркнуть недоказанность всего этого и у даннаго автора, какъ у предыдущаго, г. П. Г. Теперь я обращусь еще къ г. Бердяеву, статья котораго носитъ какъ-бы спеціально къ тому приспособленное заглавіе: „Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма". И если и у г. Бердяева мы не найдемъ того, что намъ нужно, то не вправѣ ли мы будемъ высказать предположеніе, что виною всей этой неудачи является не г. П. Г., не г. Булгаковъ, не г. Бердяевъ и не еще какой либо авторъ, а что-то болѣе общее: сущность, характеръ, содержаніе исповѣдуемаго всѣми этими авторами ученія—метафизическаго идеализма?

М. Ратнеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Новыя книги.

А. Н. Будищевъ. Я и онъ. Разсказы. Спб. 1903.

Кромѣ перваго и самого большого разсказа „Я и онъ", занимающаго 225 страницъ изъ 340, въ этомъ сборникѣ имѣются еще семь мелкихъ разсказовъ. Заглавіе „Я и онъ" могло бы быть съ удобствомъ замѣнено названіемъ знаменитаго романа Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе"; и не только потому, что въ разсказѣ есть и преступленіе, и наказаніе, а потому, что авторъ, очевидно, находится подъ сильнымъ вліяніемъ Достоевскаго и, главнымъ образомъ, „Преступленія и наказанія". Какъ у Раскольникова, у Янычарова (фамилія героя разсказа г. Будищева) есть своя захватившая его идея, не лишенная оригинальности и остроумія. Въ юные годы Янычаровъ „съ увлеченіемъ

занимался науками". „Сперва",—говоритъ онъ,—„я особенно увлекался химіей, затѣмъ физикой и, наконецъ, зоологіей, гдѣ все свое вниманіе устремлялъ на переходныя формы; въ этомъ постепенномъ переходѣ одного вида въ другой я точно предчувствовалъ какую-то большую идею и во мнѣ словно созрѣвало что то". Изъ своего спеціальнаго зоологическаго багажа Янычаровъ—весь разсказъ ведется отъ его имени — приводитъ только одинъ фактъ, а именно, присутствіе плечевыхъ и тазовыхъ костей у безногой ящерицы—медяницы. По его толкованію, кости эти, совсѣмъ не нужныя мѣдяницѣ, суть показатели будущихъ ногъ, предсказаніе новой формы. Не смѣя спорить съ спеціалистомъ, мы только замѣтимъ, что другіе спеціалисты объясняютъ фактъ совсѣмъ иначе, а именно, какъ указаніе не на будущее, а, напротивъ, на прошедшее, но это не важно. Важна та „большая идея", которую Янычаровъ строитъ на этомъ шаткомъ фундаментѣ. А идея состоитъ въ слѣдующемъ: въ человѣческомъ организмѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на какіе либо новые органы, имѣющіе развиться въ будущемъ, какъ разовьются ноги у слѣдующей за змѣевидной ящерицы формы; въ физическомъ отношеніи человѣкъ есть форма законченная, но это потому, что работа прогрессирующаго начала перенесена у него въ область духа, гдѣ и надо искать указаній на грядущій, высшій типъ зачатковъ новаго органа. Такой зачатокъ, повидимому, намъ совсѣмъ не нужный и даже стѣсняющій насъ, но указывающій на грядущихъ намъ на смѣну, есть совѣсть.

Какъ и Раскольниковъ, Янычаровъ совершаетъ убійство, находящееся, правда, не такъ, какъ преступленіе Раскольникова, въ очень отдаленной и косвенной связи съ „большой идеей". Какъ Раскольниковъ, Янычаровъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшаетъ покаяться и самъ идетъ къ судебному слѣдователю. Какъ многіе герои Достоевскаго, Янычаровъ доводитъ своихъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ до слѣдующихъ репликъ: „Такъ ты нарочно все это сдѣлалъ, чтобы помучить меня"! Или: „Да замолчите же вы, мучитель!" Или еще: „Зачѣмъ ты такимъ ударомъ бьешь! зачѣмъ такимъ ударомъ!" Въ судьбѣ Янычарова большую роль играетъ нѣкто Полудворянчиковъ—копія съ Свидригайлова: такой же наглый циникъ, такая же смѣсь веселаго добродушія съ тѣмъ, что называется „себѣ на умѣ", такой же охотникъ до женскаго естества и такъ же не стѣсняется въ средствахъ для достиженія своихъ пакостныхъ цѣлей. Раскольниковъ и Свидригайловъ сталкиваются въ первый разъ на улицѣ, при чемъ замѣшана женщина (Соня Мармеладова); Янычаровъ и Полудворянчиковъ тоже сталкиваются въ первый разъ на улицѣ, при чемъ тоже играетъ роль женщина. Полудворянчиковъ, какъ и Свидригайловъ, немножко философъ, но свою философію онъ заимствуетъ изъ разныхъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, его „апелляціонныя жа-

лобы на Господа Бога“ очень напоминаютъ Карамазовское: „Не Бога я не принимаю, а только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю“. Въ разсказѣ г. Будищева фигурируетъ староста Прохоръ, мудрый и начитанный въ Св. писаніи старецъ-совѣтодатель — отголосокъ Зосимы въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ и Макара Ивановича въ „Подросткѣ“. Есть нѣкій Васенька, сынъ кучера, служащій управляющимъ въ имѣніи Янычарова и пишущій романъ изъ мексиканской жизни,—потому изъ мексиканской, а не изъ русской народной, какъ ему предлагаетъ Янычаровъ, что онъ эту народную русскую жизнь столь же глубоко презираетъ, какъ лакеи-поэты Достоевскаго, Смердяковъ, Видоплясовъ (въ „Селѣ Степанчиковѣ“). Наконецъ „Я и онъ“ — это Ормуздъ и Ариманъ въ душѣ Янычарова, то-есть тема внутренней раздвоенности, къ которой былъ такъ пристрастенъ Достоевскій, доведя ее въ Иванѣ Карамазовѣ до объективированія въ лицѣ „Чорта“.

Всякая копія по необходимости слабѣе оригинала. Въ настоящемъ-же случаѣ и подавно нечего искать въ разсказѣ г. Будищева яркости красокъ Достоевскаго и своеобразной глубины его міровоззрѣнія. Достоевскій есть Достоевскій, а г. Будищевъ хотя и не лишенъ таланта, но онъ всетаки только г. Будищевъ. Лучше удаются ему подражанія Мопассану въ нѣкоторыхъ маленькихъ разсказахъ — „Королева Марго“, „Любовь — преступленіе“.

Декаденты в Ялте. Разсказъ **Н. Благов—скаго.** М. 1903.

Съ внѣшнэй стороны книга эта отличается отсутствіемъ твердаго знака и буквы *ѣ*. Что же касается ея содержанія, то это разсказъ о ялтинскихъ похожденіяхъ нѣкоего Вышеловскаго, человѣка страннаго до непонятности. Вышеловскій — помѣщикъ, даровитый и энергичный либеральный земецъ, но все это у себя дома; а въ Ялтѣ, то есть на глазахъ читателей, онъ занимается исключительно ухаживаніемъ за дамами, каламбурами, сочиненіемъ шуточныхъ стиховъ, пѣніемъ и т. п. Онъ остроуменъ и, вообще, забавенъ, а потому пользуется благосклонностью дамъ; но такъ какъ онъ очень некрасивъ и человѣкъ уже пожилой, то дамы въ своихъ отношеніяхъ съ нимъ не идутъ дальше флирта, тогда какъ онъ требуетъ „реальной“ любви. Это не мѣшаетъ ему самымъ усерднымъ и добросовѣстнымъ образомъ сводить даму, за которою онъ ухаживаетъ, съ влюбленнымъ въ нее молодымъ красивымъ офицеромъ. Онъ врагъ флирта и декадентства и видитъ свою миссію, по крайней мѣрѣ въ Ялтѣ, въ борьбѣ съ ними. Но дама, которую онъ самъ рекомендуетъ очень умною, говоритъ о немъ: „Онъ проклинаетъ, любя,—и любитъ, проклиная; нѣтъ, это опасный человѣкъ и человѣкъ сумасшедшій. Не я декадентка, а онъ декадентъ“. Себя же онъ характеризуетъ, какъ

„своеобразнаго юродиваго, въ духѣ XVII столѣтія, россійскаго шута“. Вообще, загадочная натура...

Между прочимъ, узнаемъ отъ Вышеловскаго слѣдующее: „то, что за послѣднее время декадансом называется, изъ чего вытекает? Конечно, из противоестественнаго общенія съ женщиной. Вот и подумайте, как оно там... Соитіе производится совсем неестественным образом“. И Вышеловскій входитъ въ подробности, которыя мы затрудняемся передать, а затѣмъ продолжаетъ: „Все это в общей сложности осложняется еще одним самым важным фактором: это мужским безсиліем, истрепанностью“. Это наводитъ Вышеловскаго на оригинальную мысль: „Вот поговаривают в Ялте проводников уничтожить, да за что же, Господи Боже мой, неужели за то, что они еще не декаденты? Куда же тогда деться нормальной женщинѣ? Смотришь, у той истерики пошли, у этой неврастенія, девичья немочь, общій упадокъ сил отъ неестественнаго сожительства... поневоле надо в Ялту: тут татарин больше доктора невро-патолога нужен“. Въ связи со всѣмъ этимъ Вышеловскій говоритъ о „лагере декадентов всѣх сортов и оттѣнков: онанистов, педерастов, Гамлетов, табетиков и прочих нравственных кастратов“.

Оставляя размышленія Вышеловскаго на его собственной отвѣтственности, мы только прибавимъ для читателей, способныхъ соблазниться пикантностью темы, что въ общемъ разсказъ г. Благов-скаго очень растянутъ и скученъ.

А. Д. Апраксинъ. Большіе корабли. Романъ изъ петербургскихъ высшихъ сферъ. Спб. 1903.

Обыкновенно, романы изъ великосвѣтской жизни пишутся для горничныхъ и швеекъ, для которыхъ такъ называемый высшій свѣтъ представляется чѣмъ-то въ родѣ рая на землѣ, и пишутся такіе романы въ большинствѣ случаевъ людьми, столь же далекими отъ этого „рая“, какъ и сами швеи и горничныя. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ иного рода. Авторъ „Большихъ кораблей“ описываетъ своихъ героевъ и среду, въ которой происходитъ дѣйствіе, не только безъ завистливаго захлебыванія, но даже съ нѣкоторою долей холодной враждебности; кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что романъ менѣе всего предназначается для горничныхъ,—слишкомъ ужъ мало авторъ пользуется внѣшними эффектами, чтобы возбудить интересъ читателя къ описываемому дѣйствію. Между тѣмъ, въ романѣ есть намеки почти на истинныя происшествія и почти на живыхъ лицъ, и этимъ книга пріобрѣтаетъ интересъ именно для той самой среды, въ которой происходитъ дѣйствіе. Мы врядъ ли ошибаемся поэтому, если будемъ разсматривать лежащую передъ

нами книгу, какъ нѣкоторую попытку критики, исходящую изъ той же самой среды, противъ которой эта критика направлена.

Герой романа—„безукоризненно“ богатый человѣкъ, недурной по натурѣ, но настолько связанный условностями своей среды, что лишенъ возможности слѣдовать побужденіямъ своего индивидуальнаго темперамента и своей личной воли. Попытка шагнуть въ сторону отъ этого міра оканчивается полнымъ крушеніемъ добрыхъ намѣреній героя и возвращеніемъ его на лоно привычныхъ условностей. Для характеристики угла зрѣнія героя—а вмѣстѣ съ нимъ и автора—не лишне указать, въ чемъ именно заключался тотъ шагъ въ сторону, попытка сдѣлать который окончилась неудачею. Графъ Преклонскій въ сообществѣ съ какимъ-то старымъ литераторомъ затѣваетъ облагодѣтельствовать крестьянъ организаціей дешеваго мелкаго кредита, придавая этому значеніе панацеи отъ всѣхъ бѣдъ, падающихъ на голову мужика. Этотъ почтенный литераторъ въ романѣ г. Апраксина очень недалеко въ сущности ушелъ отъ разнаго рода современныхъ пророковъ и чудодѣевъ, занимающихся рѣшеніемъ неблагодарной задачи пріобрѣсти капиталъ и въ то же время соблюсти невинность. Намъ кажется, что дармоѣды, выведенные г. Апраксинымъ въ его романѣ, не столь опасны тогда, когда они транжирятъ деньги на великосвѣтскихъ кокотокъ, какъ тогда, когда имъ приходятъ въ голову фантазіи заняться соціальною дѣятельностью. Въ этомъ отношеніи мы, повидимому, совершенно расходимся съ авторомъ „Большихъ кораблей“.

О. Волжанинъ. Разсказы. М. 1903.

Такія книжки, какъ разсказы г. Волжанина, способны навести на грустныя размышленія. У насъ на Руси непочатый край хорошихъ людей, имѣющихъ чутье на то, чтобы отличать надлежащее отъ ненадлежащаго, и этимъ самымъ уже полезныхъ странѣ и способныхъ внести свою долю въ служеніе ея интересамъ на томъ или иномъ поприщѣ. Конечно, будь условія нѣсколько иными, оно такъ и было бы: колоссальная работа пріобщенія некультурной народной массы къ культурнымъ формамъ политическаго и соціальнаго бытія именно и могла бы быть произведена этими хорошими и здоровыми силами, метущимися теперь безъ дѣла и не находящими для приложенія своей энергіи иной сферы, какъ въ сущности совершенно непригодная для нихъ сфера литературно-художественнаго творчества. Почему-то литературная профессія въ глазахъ людей, не соприкасавшихся еще съ нею достаточно близко, представляется чѣмъ-то такимъ, къ чему не требуется ничего иного, кромѣ большаго или меньшаго природнаго дарованія. Никто не дѣлается художникомъ или композиторомъ безъ опредѣленно сознаннаго влеченія къ

этому, потому что раньше, чѣмъ пріобрѣсти возможность творить въ этихъ областяхъ, необходимо пройти такую подготовительную стадію, во время которой способности могутъ быть въ извѣстной мѣрѣ опредѣлены. А для того, чтобы писать повѣсти и разсказы, по мнѣнію массы, совершенно достаточно быть „сильно-грамотнымъ“.

Г. Волжанинъ, несомнѣнно, сильно грамотный человѣкъ, но этимъ и ограничивается его способность заниматься литературно-художественнымъ творчествомъ. Ни серьезнаго замысла, ни изобразительной художественности въ его разсказахъ нѣтъ и слѣда. Всѣ они производятъ впечатлѣніе какой-то безнадежной трясины, въ которую не радъ, что забрался. Подобно большинству слишкомъ юныхъ, въ литературномъ смыслѣ, сочинителей, г. Волжанинъ питаетъ особенное пристрастіе къ жалостливымъ сюжетамъ, но не говоря уже о полномъ отсутствіи красокъ и умѣнья ими распоряжаться, въ этихъ разсказахъ поражаетъ полная расплывчатость въ чисто-бытовыхъ описаніяхъ, свидѣтельствующая о томъ, что авторъ не располагаетъ даже сколько-нибудь сноснымъ фактическимъ матеріаломъ для писанія. Не менѣе туманнымъ багажемъ располагаетъ г. Волжанинъ и въ общественно-моральной сферѣ. Характерный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи разсказъ „Обновленіе“. На каждой строчкѣ этого разсказа идетъ трескотня объ „обновленіи“ какого-то провинціальнаго человѣка, но въ чемъ собственно это обновленіе должно заключаться,—читатель такъ и не узнаетъ. Нѣтъ, рѣшительно никакихъ данныхъ быть беллетристомъ у г. Волжанина не имѣется, и мы отъ души желали бы ему найти болѣе подходящую сферу для проявленія своей несомнѣнно впечатлительной и доброй души.

Сергѣй Хатунскій. Около волости (Очерки). М. 1903.

Большинство очерковъ въ этой книжкѣ связаны между собою какъ дѣйствующими лицами, такъ и общностью обстановки—волостнымъ правленіемъ одной изъ центральныхъ губерній, съ совершающимися около него дѣлами. Въ значительной мѣрѣ то, что мы сказали относительно разсказовъ г. Волжанина, можетъ быть отнесено и къ книжкѣ г. Хатунскаго. Какъ и тамъ, здѣсь очень мало литературнаго дарованія, но за то не мало добрыхъ намѣреній автора, приложенныхъ, впрочемъ, съ несравненно большею толковостью. Г. Хатунскій знаетъ, чего хочетъ, и во всей его книжкѣ опредѣленнымъ образомъ проводится мысль, что недостатки волостного строя являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крестьянскаго невѣжества и безправія. Въ сущности, вся книжка представляетъ собою скорѣе публицистическій трактатъ, чѣмъ беллетристическое произведеніе. Но, опять повторяемъ, у г. Хатунскаго много добрыхъ намѣреній, которыя, будучи примѣнены

надлежащимъ образомъ, несомнѣнно принесли бы пользу именно въ томъ направленіи, въ какомъ это желательно автору. Онъ знаетъ волость, знаетъ ея главные недочеты, ясно видитъ путь къ устраненію этихъ недочетовъ,—такіе люди не могутъ не быть весьма цѣнными, но для изящной литературы все это данныя совершенно побочныя. Для человѣка иной среды ознакомливаться съ волостью по такимъ книжкамъ, какъ очерки г. Хатунскаго,—дѣло врядъ ли подходящее. Съ большею пользой это можетъ быть достигнуто совершенно иными путями. Эстетическаго удовольствія читатель также не можетъ вынести изъ ея чтенія. Если же эта книжка предназначена для народа, имѣетъ цѣлью открыть самимъ крестьянамъ глаза на несовершенства системы ихъ такъ называемаго самоуправленія, то тѣмъ большій, по нашему мнѣнію, грѣхъ автора. Публицистическая беллетристика—это не смѣсь публицистики съ беллетристикою, или, вѣрнѣе, нѣкоторый межеумокъ того и другого,—это самостоятельная форма творчества, требующая столь же полной мѣры способностей, какъ беллетристика сама по себѣ и публицистика сама по себѣ, и съ пониженіемъ уровня развитія читателя можетъ только повышаться требованіе, предъявляемое къ пишущему.

К. Скальковскій. Очерки и фантазіи. Спб. 1903.

Эта книжка представляетъ собою одну изъ обычныхъ порцій винигрета, преподносимаго г. Скальковскимъ время отъ времени публикѣ, по мѣрѣ накопленія пропущеннаго черезъ газету фельетоннаго матеріала. Г. Скальковскій пишетъ рѣшительно обо всемъ, хотя душу свою вкладываетъ главнымъ образомъ въ темы порнографическія, которыя трактуются имъ съ замѣтнымъ вдохновеніемъ и любовностью. Весело начиная свою книгу анекдотами изъ области гастрономіи, онъ садится затѣмъ въ нордъ-экспрессъ и заноситъ въ записную книжку свои впечатлѣнія отъ разговоровъ со спутниками на политическія темы. Затѣмъ г. Скальковскій углубляется въ область дипломатіи, полемизируя въ цѣломъ рядѣ статей противъ идеи англо-русскаго сближенія. Эта область приходится автору на столько по вкусу, что онъ на пространствѣ доброй половины книги располагается въ прихожей европейской дипломатіи и, положивъ ноги на столъ, проводитъ передъ читателемъ калейдоскопъ характеристикъ кулинарно-порнографическаго свойства.

Намъ приходилось уже по поводу другихъ книгъ г. Скальковскаго высказываться объ ихъ авторѣ, и мы не считаемъ нужнымъ вдаваться лишній разъ въ характеристику произведеній этого boulevardier, съ дипломатическою серьезностью разсуждающаго о женскихъ dessous и съ игривостью папильона порхающаго по рощамъ дипломатіи. Курьеза ради мы отмѣтимъ лишь отзывъ г. Скаль-

ковскаго, помѣщающаго, какъ извѣстно, свои фельетоны въ „Новомъ Времени", о русской столичной и провинціальной прессѣ. „Въ Россіи, говоритъ онъ,

столичная печать, за рѣдкими исключеніями, до извѣстной степени руководствуется извѣстными правилами приличія. Провинціальная печать, а отчасти и московская, поражаетъ своею распущенностью, поразительнымъ невѣжествомъ и наглымъ тономъ».

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи. Спб. 1903.

Г. Литвиновъ-Фалинскій знакомъ русской читающей публикѣ, какъ авторъ двухъ трудовъ („Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи", Спб. 1900, и „Отвѣтственность предпринимателей за увѣчье и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ", Спб. 3-ье изд. 1902), посвященныхъ вопросу о дѣйствительно существующемъ, по закону и въ практикѣ, обезпеченіи рабочихъ въ Россіи. Въ новой, подлежащей нашему разбору, работѣ авторъ подходитъ къ тому же рабочему вопросу съ иной нѣсколько точки зрѣнія: его интересуютъ здѣсь „условія *возможнаго* обезпеченія рабочихъ въ Россіи". При этомъ г. Литвинова-Фалинскаго интересуетъ не логическая, такъ сказать, а практическая возможность осуществленія соотвѣтствующихъ реформъ въ Россіи. „Нами руководило (говоритъ авторъ) лишь искреннѣйшее желаніе помочь практическому разрѣшенію этихъ вопросовъ. Голое выясненіе необходимости прочнаго и широкаго обезпеченія рабочихъ меньше помогло бы дѣлу, чѣмъ выясненіе формъ обезпеченія, болѣе скромныхъ и менѣе совершенныхъ, но практически выполнимыхъ теперь же безъ всякихъ затрудненій" (VIII). Конечно, ради выполненія „*теперь же*" можно пожертвовать нѣкоторою широтою плана; но если на минуту подумать о томъ, что то, что въ глазахъ г. Литвинова-Фалинскаго представляется выполнимымъ сію же минуту и „безъ всякихъ затрудненій", такія затрудненія, однако, также встрѣтитъ на практикѣ, то, пожалуй, придется пожалѣть о сокращеніи плана, суженіи точекъ зрѣнія, замазываніи горизонта... Оппортунизмъ, если и умѣстенъ, то только на практикѣ, въ теоріи онъ только вреденъ и опасенъ.

Прообразомъ русскаго рабочаго законодательства является для г. Литвинова-Фалинскаго законодательство Германіи, на которомъ онъ и останавливается съ возможною подробностью. Этотъ отдѣлъ книги, составленный авторомъ главнымъ образомъ по трудамъ Lass'a и Jahn'a, читатель можетъ изучить съ интересомъ и пользой. Здѣсь (послѣ введенія, излагающаго общія сужденія объ отдѣльныхъ видахъ обезпеченія рабочихъ и краткую историче-

скую справку о Германіи) мы находимъ детальныя фактическія свѣдѣнія касательно организаціи страхованія рабочихъ въ Германіи по отдѣльнымъ его видамъ: страхованію болѣзней, несчастныхъ случаевъ и инвалидности и старости (27—76). По каждому изъ этихъ родовъ страхованія излагаются данныя, обрисовывающія кругъ застрахованныхъ лицъ, характеръ учрежденій, ихъ дѣятельность, порядокъ вознагражденія, способы разрѣшенія споровъ и т. д. Тутъ же мы находимъ особую часть книги (ч. II, стр. 120—86), посвященную анализу „практики страхованія рабочихъ въ Германіи“, гдѣ собраны обстоятельныя статистическія данныя, обрисовывающія организацію страхованія и участь страхователей по отдѣльнымъ отраслямъ. Въ указанныхъ мѣстахъ книги авторъ попутно помѣщаетъ и общія разсужденія, носящія принципіальный характеръ. Такъ, въ одномъ случаѣ г. Литвиновъ-Фалинскій кратко, но въ общемъ правильно, порицаетъ возраженія, раздающіяся противъ самого принципа обязательнаго страхованія, въ которомъ склонны были видѣть то орудіе чрезмѣрной государственной опеки, то начало, ослабляющее самодѣятельность рабочихъ и чувство отвѣтственности предпринимателей, то, наконецъ, учрежденіе чрезмѣрно дорогое (80—3). Въ другомъ случаѣ г. Литвиновъ-Фалинскій правильно отмѣчаетъ достоинство германскаго закона, съ точки зрѣнія котораго при несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ и заводахъ только *умыселъ* пострадавшаго исключаетъ право на вознагражденіе, чего совершенно нѣтъ въ случаѣ простой неосторожности со стороны тогоже пострадавшаго (98—99). Надо, однако, замѣтить, что общія разсужденія и теоретическія части составляютъ наиболѣе слабое мѣсто разбираемой книги. Это съ особенною яркостью сказалось на содержаніи въ высокой степени важной главы (ч. II, гл. IV, стр. 187—209), посвященной рѣшенію вопроса о „значеніи страхованія рабочихъ въ Германіи“. Вся эта глава проникнута своеобразнымъ бюрократическимъ утопизмомъ, не опирающимся на трезвый анализъ соотвѣтствующихъ фактовъ и идущимъ въ разрѣзъ съ требованіями объективнаго научнаго изслѣдованія. Авторъ отмѣчаетъ, напр., появившіяся въ результатѣ введенія страхованія рабочихъ увеличеніе заработной платы (187) и увеличеніе даже всего народнаго благосостоянія (188—9), улучшеніе положенія рабочихъ въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ (190), улучшеніе правового положенія рабочихъ (193) и т. д. Уже тутъ, однако, онъ по понятнымъ соображеніямъ считаетъ необходимымъ сдѣлать оговорку: „само собою разумѣется (говоритъ онъ), что указанное увеличеніе благосостоянія низшихъ классовъ населенія Германіи не находится въ прямой и исключительной связи со страхованіемъ рабочихъ“ (190). И тѣмъ не менѣе, въ книгѣ, посвященной именно вопросу о страхованіи рабочихъ, и при томъ въ главѣ, опредѣляющей значеніе этого

страхованія, мы читаемъ: „тяжелое настроеніе, подавленность духа и апатія являются рѣдкими исключеніями среди рабочихъ и членовъ ихъ семействъ, такъ какъ болѣзнь, увѣчья, инвалидность и старость теперь мало мѣняютъ матеріальное положеніе ихъ“ (193). Не слишкомъ ли „прямая и исключительная связь“ установлена здѣсь между наличностью страхованія германскихъ рабочихъ и ихъ психическимъ обликомъ? Далѣе идутъ разсужденія еще болѣе рѣшительныя и еще менѣе обоснованныя. „Страхованіе рабочихъ“, по мнѣнію нашего автора, „вселяетъ среди недостаточнаго класса населенія убѣжденіе въ томъ, что государство есть учрежденіе не только необходимое, но и благодѣтельное“ (197); съ другой стороны, „борьба между предпринимателями и рабочими въ Германіи въ значительной мѣрѣ ослабѣла со времени введенія страхованія рабочихъ и, во всякомъ случаѣ, она не ведется здѣсь съ тѣмъ упорствомъ и ожесточеніемъ, какъ это наблюдается въ другихъ странахъ“ (206). Здѣсь уже не только установлена не совсѣмъ правильная связь между различными элементами государственной жизни, но и невѣрно обрисованъ характеръ самой этой жизни, не понятъ ея смыслъ, ея внутренній характеръ... Послѣдняя часть книги (ч. III, стр. 210—60) занята обсужденіемъ вопроса объ „условіяхъ возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи“. Основаніемъ для практическаго разрѣшенія этого вопроса можетъ послужить, по мнѣнію автора, опытъ Германіи при условіи соображенія, однако, со всѣми особенностями Россіи. Къ такимъ особенностямъ относятся общая некультурность страны и въ частности ея рабочаго населенія, отсутствіе постояннаго состава рабочихъ силъ, крайнія различія въ размѣрахъ заработной платы по отдѣльнымъ отраслямъ; сюда же авторъ относитъ и вліяніе водворившихся у насъ иностранныхъ капиталовъ: „это обстоятельство не могло не вліять на образованіе среди нашихъ предпринимателей многочисленной группы лицъ, слабо привязанныхъ къ странѣ, къ ея общественнымъ и культурнымъ задачамъ... Общіе интересы страны, промышленности и рабочихъ трогаютъ ихъ постольку, поскольку это отвѣчаетъ ихъ личнымъ взглядамъ и интересамъ. Высокомѣріе и безучастное отношеніе ихъ къ рабочимъ—отличительная черта многихъ изъ нихъ“ (214). Въ противоположность утвержденію г. Литвинова-Фалинскаго, изслѣдователи (напр., г. Брандтъ въ своей книгѣ „Иностранные капиталы“) констатировали сравнительно благопріятныя условія труда именно въ иностранныхъ предпріятіяхъ Россіи. Точно также въ знаменитой борьбѣ лодзинскихъ фабрикантовъ съ московскими изъ-за фабричныхъ законовъ отечественные предприниматели далеко не обнаружили требуемыхъ патріотическихъ чувствъ по отношенію къ роднымъ рабочимъ. Какъ бы то ни было, всѣ указанныя выше особенности русской жизни, по мнѣнію автора, „не допускаютъ прямого перенесенія на нашу

почву германской организаціи, величественной и плодотворной, но не вполнѣ у насъ примѣнимой“ (228). А именно, г. Литвиновъ-Фалинскій находитъ осуществимымъ и даже „достаточно назрѣвшимъ“ у насъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ (238—56). Но онъ видитъ непреодолимыя препятствія и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайныя затрудненія къ немедленному проведенію у насъ на широкихъ началахъ другихъ видовъ страхованія—болѣзней и старости (228—38, 256—60). Но и здѣсь авторъ допускаетъ постепенное осуществленіе страхованія, которое, очевидно, не удовлетворяетъ его только съ точки зрѣнія возможности осуществленія его „теперь же, безъ всякихъ затрудненій“.

Въ общемъ, новый трудъ г. Литвинова-Фалинскаго раздѣляетъ съ прочими трудами того же автора всѣ ихъ достоинства и недостатки: спеціальное знакомство съ предметомъ идетъ въ нихъ объ руку съ недостаточною глубиною изслѣдованія и слабостью теоретическихъ выводовъ и обобщеній. Новую книгу отмѣчаетъ и старый недостатокъ изданій того же автора—чрезмѣрная дороговизна, могущая послужить препятствіемъ къ распространенію ея въ широкихъ слояхъ публики: книга занимаетъ 275 страницъ обыкновеннаго формата и разгонистаго шрифта, и стоитъ она 2 р. 50 к.

Проф. **П. И. Георгіевскій. Краткій учебникъ политической экономіи.** Второе изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1903.

Второе изданіе учебника проф. Георгіевскаго представляетъ собою переработанную въ краткомъ видѣ „Политическую экономію“ того же автора, вышедшую еще въ 1901 году третьимъ изданіемъ. Объ этомъ послѣднемъ большомъ трудѣ въ моментъ первоначальнаго появленія его на свѣтъ былъ данъ на страницахъ „Русскаго Богатства“ отзывъ въ формѣ статьи покойнаго Ефруси, убѣдительно доказавшаго фактъ полнѣйшей несамостоятельности экономическаго ученія петербургскаго профессора. Въ краткой рецензіи краткаго учебника того же автора остается освѣтить въ общихъ чертахъ вопросъ о научной состоятельности проведенныхъ въ учебникѣ воззрѣній, сколь бы заимствованный характеръ они ни носили.

Классификація матеріала въ трудѣ проф. Георгіевскаго отличается обычною шаблонностью. Въ послѣдовательномъ порядкѣ даны: введеніе, очеркъ предварительныхъ понятій, вступительныя главы (объ основахъ современнаго экономическаго строя и субъектѣ народнаго хозяйства) и, наконецъ, основные отдѣлы — производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе благъ. Во введеніи содержится ученіе о стадіяхъ экономическаго развитія. При этомъ авторъ довольствуется установленіемъ дѣленія хозяйственныхъ періодовъ на охотничій, пастушескій и осѣдлый, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на земледѣльческій, ремесленноторговый

говый и промышленный. Ни намека мы не находимъ здѣсь ни на проникающую въ самую глубь общественно-экономическихъ отношеній классификацію Маркса, ни на новѣйшіе попытки еще большаго углубленія и усложненія вопроса, данныя Бюхеромъ и Зомбартомъ. Въ главѣ, посвященной анализу предварительныхъ понятій экономической науки, мы сталкиваемся съ такими, напримѣръ, мѣткими и глубокими опредѣленіями этихъ понятій: „Обладаніе большимъ количествомъ цѣнностей, *большимъ* состояніемъ называется *богатствомъ*“ (14), — опредѣленіе, достойное міросозерцанія Гостиннаго ряда. Вся сила экономическаго мышленія г. Георгіевскаго удобно можетъ быть испытана по оцѣнкѣ его ученія о производствѣ. Соотвѣтствующій отдѣлъ учебника носитъ названіе „производство цѣнностей“ (41), и тутъ сейчасъ же напрашивается вопросъ: о производствѣ какихъ цѣнностей идетъ здѣсь рѣчь—цѣнностей потребительныхъ или мѣновыхъ? Авторъ, очевидно, не представляетъ себѣ всей важности вопроса, благодаря чему его изложеніе страдаетъ крайнею путанностью. Въ концѣ концовъ авторъ становится на почву принципіально неправильную, по скольку онъ полагаетъ, что съ „общеэкономической точки зрѣнія“ интересъ представляетъ именно ученіе о цѣнности потребительной (42): здѣсь очевидно смѣшеніе точекъ зрѣнія экономической или, по терминологіи г. Георгіевскаго, „общеэкономической“ и технической. Такое смѣшеніе приводитъ къ нѣсколькимъ печальнымъ результатамъ. Во первыхъ, авторъ пространно толкуетъ на страницахъ своего учебника о климатѣ, теплотѣ, влажности и т. д., усматривая во всемъ этомъ „элементы“ одного изъ „факторовъ производства“ (42 — 8). Далѣе собственно ученіе о „факторахъ производства“ грѣшитъ у г. Георгіевскаго, по той же причинѣ, крупными противорѣчіями и, вообще, дефектами. Такъ, „первымъ факторомъ производства“ г. Георгіевскій почитаетъ природу (42), изъ чего надо заключить, что, по мнѣнію этого автора, природа служитъ самостоятельнымъ источникомъ цѣнности. Но наряду съ этимъ авторъ признаетъ „совершенно правильной“ теорію ренты Рикардо и въ частности ту часть этой теоріи, гдѣ устанавливается, что рента является не причиной, а слѣдствіемъ высокой цѣнности продуктовъ (163 — 4). Надо, поэтому, думать, что г. Георгіевскій защищаетъ мысль о происхожденіи *потребительной* цѣнности изъ природы,—мысль, противъ которой никто никогда и не возражалъ. Ученіе о капиталѣ, какъ факторѣ производства, отличается тѣми же достоинствами. „Въ самомъ понятіи капитала, говоритъ авторъ, уже заключается представленіе о силѣ *производящей*“ (53), и вслѣдъ затѣмъ сообщается о томъ, что въ составъ капитала входятъ, кромѣ орудій и машинъ, матеріалы основные (напр., пряжа), побочные (напр., краска), вспомогательные (масло для смазки машинъ), а также условія существованія производи-

телей (напр., продовольствіе рабочихъ, ихъ жилье и т. д.) (153 — 54). Оказывается, такимъ образомъ, что съ точки зрѣнія г. Георгіевскаго — „въ самомъ понятіи“ пряжи, краски, масла, продовольствія, жилья и т. д. содержится „представленіе о силѣ производящей“... Важнѣйшее ученіе о происхожденіи капитала излагается въ учебникѣ въ такомъ смыслѣ, что „на первыхъ ступеняхъ развитія выдающуюся роль играетъ насиліе“, тогда какъ „при высшемъ развитіи культуры капиталы все болѣе своимъ происхожденіемъ обязаны бережливости и самоограниченію человѣка“ (54). Какой вѣрный и глубокій взглядъ на сущность и происхожденіе капиталистическаго строя! — Въ отдѣлѣ объ обмѣнѣ или обращеніи поражаетъ отсутствіе ученія о цѣнности, замѣненнаго поверхностнымъ разсужденіемъ о томъ, что *цѣна* получается въ результатѣ столкновенія спроса и предложенія (87 — 92). За то въ этомъ отдѣлѣ не оставлены безъ вниманія глубокія экономическія проблемы не только почты и телеграфа, но и телефона. Въ отдѣлѣ о распредѣленіи авторъ касается и условій жизни рабочаго класса. Здѣсь авторъ негодуетъ противъ „мошенничества“, практикуемаго въ фабричныхъ лавочкахъ (182); признаетъ, что „представители труда несомнѣнно имѣютъ право на участіе въ томъ, что прямо или косвенно, но во всякомъ случаѣ въ зависимости отъ приложенія ихъ труда получается“ (193); находитъ даже вообще положеніе рабочихъ неудовлетворительнымъ (168). И, однако же, весь смыслъ этихъ благожелательныхъ разсужденій омрачается при чтеніи слѣдующихъ строкъ, принадлежащихъ перу того же г. Георгіевскаго: „по нашему мнѣнію *коренная причина* неудовлетворительнаго положенія рабочаго класса устранится только при уменьшеніи размноженія его“ (173). Читатель легко представитъ себѣ характеръ выводовъ, которые получились бы при послѣдовательномъ проведеніи такой точки зрѣнія... Въ общемъ анализъ условій быта рабочаго класса слѣдуетъ признать, какъ и прочіе отдѣлы книги, крайне поверхностнымъ и недостаточнымъ; достаточно указать, что въ немъ не нашлось мѣста для простого даже упоминанія о стачкахъ; очевидно, это крупное явленіе современнаго хозяйственнаго строя осталось внѣ поля экономическаго зрѣнія русскаго профессора. Впрочемъ, это не единственный пробѣлъ въ разбираемомъ учебникѣ: въ немъ отсутствуетъ, напримѣръ, также и ученіе о кризисахъ.

Изъ изложеннаго видно, что трудъ проф. Георгіевскаго страдаетъ не только отсутствіемъ оригинальной мысли, но и крайней бѣдностью содержанія и принципіальной неправильностью защищаемыхъ ученій и положеній. Всѣмъ, искренно стремящимся къ серьезному изученію основъ современной экономической науки, мы совѣтовали бы не знакомиться съ нею по учебнику г. Георгіевскаго.

А. Гурьевъ. Основныя понятія политической экономіи. Популярный очеркъ. Спб. 1903.

А. Гурьевъ. Природа, населеніе, капиталъ—три фактора народной производительности. Популярный очеркъ. Спб. 1903.

Г. А. Гурьевъ извѣстенъ въ русской экономической литературѣ, какъ авторъ нѣсколькихъ трудовъ по вопросамъ прикладной экономіи—о денежномъ обращеніи, синдикатахъ, налоговой системѣ и т. д. Въ нихъ онъ обнаруживаетъ всегда весьма солидное знакомство съ литературою предмета, умѣлость въ классификаціи научнаго матеріала, обладаніе хорошимъ литературнымъ языкомъ, но при всемъ томъ—отсутствіе вполнѣ самостоятельной, оригинальной мысли. Мы сказали бы, что способностью къ теоретизированію менѣе всего располагаетъ г. Гурьевъ. А между тѣмъ, именно эта способность нужна прежде всего и главнѣе всего для того жанра научной литературы, къ которому относятся обѣ подлежащія нашему разбору книжки. Въ небольшой брошюрѣ, трактующей объ „основныхъ понятіяхъ политической экономіи", г. Гурьевъ предлагаетъ въ весьма удобопонятной и хорошей литературной формѣ рядъ элементарныхъ свѣдѣній о хозяйствѣ и наукѣ о немъ, о потребностяхъ, полезностяхъ и благахъ, о производствѣ и отдѣльныхъ факторахъ его—природѣ, трудѣ и капиталѣ, объ организаціи предпріятій, обмѣна и денежнаго обращенія, о цѣнности и цѣнѣ, торговлѣ, кредитѣ, средствахъ сообщенія, имуществѣ и богатствѣ, о доходѣ и его видахъ, о потребленіи. Разумѣется, обо всемъ этомъ автору приходится говорить весьма вкратцѣ, съ сосредоточеніемъ вниманія исключительно на основномъ и существенномъ. Нельзя при этомъ сказать, чтобы авторъ всегда стоялъ на высотѣ научнаго пониманія предмета. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. „Наука о народномъ хозяйствѣ", по мнѣнію г. Гурьева, „изучаетъ дѣятельность людей, направленную на удовлетвореніе однѣхъ лишь матеріальныхъ потребностей" (8). Въ такомъ опредѣленіи самого предмета экономической науки кроется несомнѣнная ошибка, правда, свойственная весьма многимъ экономистамъ, и русскимъ, и иностраннымъ. Въ дѣйствительности объектомъ политической экономіи служитъ дѣятельность людей, направленная на удовлетвореніе *всѣхъ* потребностей, но только *матеріальными средствами* (съ этой точки зрѣнія постройка школъ и театровъ, изготовленіе музыкальныхъ инструментовъ и т. д. не исключаются изъ состава хозяйственной дѣятельности и, слѣдовательно, изъ числа объектовъ экономической науки). Къ тому же, г. Гурьеву не мѣшало бы разъяснить читателямъ, что, собственно, экономическая наука изучаетъ не самую хозяйственную дѣятельность, а тѣ общественныя отношенія, которыя возникаютъ въ процессѣ такой дѣятельности. Впрочемъ, взглядъ на политическую экономію, какъ на опредѣленную *общественную* науку, совершенно чуждъ г. Гурьеву

поскольку можно судить объ этомъ по его книжкамъ... Спорный вопросъ о цѣнности, допускающій столько рѣшеній и вызвавшій столько отдѣльныхъ теорій, авторомъ разрѣшается весьма просто— въ духѣ полнѣйшаго эклектизма. По его мнѣнію, „условіями, сообщающими предметамъ извѣстную мѣновую цѣнность“, являются: 1) полезность, 2) способность къ освоенію, 3) рѣдкость, 4) затраты человѣческаго труда, при чемъ трудъ служитъ „главнымъ условіемъ, сообщающимъ предмету мѣновую цѣнность“ (33—5). Это, конечно, очень легкое рѣшеніе проблемы, но вопросъ въ томъ, что оно можетъ дать читателю, особенно начинающему? Въ параграфѣ объ „имуществѣ или богатствѣ“ авторъ устанавливаетъ различіе богатства мірового, національнаго и частнаго, но не разъясняетъ крупнаго различія между понятіями національнаго богатства и народнаго благосостоянія, въ чемъ также нельзя не видѣть отраженія непониманія авторомъ истинной соціальной природы экономической науки. Въ ученіи о доходѣ, которымъ, кстати сказать, покрывается для г. Гурьева весь отдѣлъ о распредѣленіи, мы находимъ опредѣленія отдѣльныхъ видовъ дохода—заработной платы, прибыли и процента и ренты. Но поражаетъ здѣсь полное отсутствіе ученія объ *источникахъ* этихъ видовъ дохода, чѣмъ совершенно затушевывается все глубокое содержаніе наиболѣе яркихъ и острыхъ экономическихъ проблемъ. Вторая книжка г. Гурьева, гораздо болѣе значительная по объему, трактуетъ о „факторахъ народной производительности“, каковыми, по мнѣнію автора, служатъ „природа, населеніе и капиталъ“. Книжка эта составляетъ расширенное содержаніе соотвѣтствующихъ отдѣловъ первой брошюры и въ общемъ отличается тѣмъ же характеромъ научной обработки матеріала. Считая природу „первымъ факторомъ производства“, г. Гурьевъ даетъ подробное изложеніе всевозможныхъ вліяній природныхъ силъ и условій на размѣры и результаты народной производительности. Здѣсь читатель найдетъ сужденія о морскомъ и континентальномъ положеніи страны, о распредѣленіи и свойствѣ внутреннихъ водъ, о наводненіяхъ, рельефѣ земной коры, геологическомъ строеніи и почвенномъ составѣ, о климатѣ и т. д. (стр. 1—32). Вторымъ факторомъ той же производительности служитъ, по мнѣнію разбираемаго автора, населеніе, о которомъ и идетъ рѣчь на стр. 33—167 книги. Здѣсь говорится о составѣ населенія половомъ и возрастномъ, о рождаемости, смертности, здоровьи, природѣ, о народонаселенческой политикѣ и теоріи Мальтуса, о статистикѣ населенія и переписяхъ, объ эмиграціи, иммиграціи и переселеніяхъ въ Россіи, о принудительномъ и свободномъ трудѣ, о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, объ уровнѣ культуры и просвѣщенія и, наконецъ—на трехъ страницахъ—объ „экономической группировкѣ населенія“, гдѣ разъясняется различіе между трудомъ производительнымъ и непроизводитель-

нымъ. Читая весь этотъ матеріалъ, обычно наполняющій страницы такъ называемыхъ коммерческихъ географій, приходишь къ заключенію, что все это несомнѣнно съ пользою можетъ быть прочитано начинающимъ читателемъ; но почему же именно этимъ занята книга, изслѣдующая вопросъ о „народной производительности"? Не правильнѣе ли было бы признать, вмѣстѣ съ самимъ г. Гурьвымъ въ его первой брошюрѣ, что факторомъ производства является собственно не „населеніе", понятіе географическое или этнографическое,—а *трудъ*, какъ проявленіе экономической дѣятельности населенія. А при такомъ пониманіи вопроса необходимо было бы, взамѣнъ всѣхъ перечисленныхъ понятій или отчасти рядомъ съ ними, дать читателю представленіе объ организаціи труда, формахъ и условіяхъ его сочетанія, о всѣхъ новѣйшихъ типахъ и видахъ трудовой дѣятельности, объ условіяхъ существованія и дѣятельности трудящихся массъ... Увы! обо всемъ этомъ мы не находимъ ни слова ни въ одной изъ разбираемыхъ книжекъ.—Послѣдній отдѣлъ книжки посвященъ вопросу о капиталѣ и занимаетъ сравнительно мало мѣста (стр. 168—184). Здѣсь мы находимъ нѣсколько общихъ замѣчаній о значеніи капитала, его происхожденіи, дѣленіи его на виды, а также о кризисахъ и кой о чемъ другомъ. Изложеніе автора и здѣсь не проникаетъ въ глубь предмета и не даетъ научнаго пониманія проблемъ.

Въ итогѣ оказывается, что книжки г. Гурьева сообщаютъ въ доступной формѣ и литературномъ изложеніи нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія изъ области политической экономіи въ ея болѣе техническомъ, чѣмъ соціологическомъ пониманіи. Кто хочетъ познакомиться съ этой наукой во всемъ богатствѣ ея общественныхъ проблемъ—тому разобранныя книжки дадутъ либо очень мало, либо—ничего не дадутъ.

Н. Новомбергскій. По Сибири. Сборникъ статей по крестьянскому праву, народному образованію, экономикѣ и сельскому хозяйству. Спб., 1903.

Авторъ настоящей книги справедливо пользуется репутаціей знатока сибирской жизни, въ продолженіи многихъ лѣтъ энергично и ярко живописуемой имъ на страницахъ различныхъ сибирскихъ изданій. Разбираемая книга и представляетъ собою сборникъ статей, напечатанныхъ въ разное время въ „Сибирской Жизни", „Восточномъ Обозрѣніи", „Иркутскихъ Вѣдомостяхъ", „Сибирскомъ Листкѣ". Содержаніе этихъ статей отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Въ серіи статей экономическаго содержанія мы находимъ и посвященныя такимъ общимъ вопросамъ, какъ вопросъ о крестьянской реформѣ, о неурожаѣ и народномъ продовольствіи, о податяхъ, объ экономическихъ нуждахъ Сибири и т. д., и наряду съ этимъ статьи о нѣкоторыхъ новыхъ законахъ,

о недостаткѣ сѣна, о засухахъ, о кобылкѣ и мѣрахъ борьбы съ нею въ Иркутскомъ уѣздѣ и т. п. Статьи, посвященныя вопросамъ права, трактуютъ о реформѣ крестьянскихъ учрежденій въ Сибири, о реформированныхъ инородческихъ судахъ, о волостномъ судѣ, о сельскомъ управленіи. Имѣются здѣсь и статьи, посвященныя вопросамъ народнаго образованія и, вообще, культурной жизни обширнаго и заброшеннаго края. Всюду изложеніе свидѣтельствуетъ о солидномъ знакомствѣ съ изображаемою жизнью, о внимательномъ и любовномъ отношеніи къ ея интересамъ, запросамъ, недугамъ. Сквозь каждую строчку любой статьи проглядываетъ интеллигентный, умный и вдумчивый наблюдатель, умѣющій проникать въ серьезность вопроса и способный, среди анализа разнообразныхъ мелочей бытовой обстановки, не терять нити общаго изображенія и цѣльнаго пониманія жизни. По всѣмъ затрагиваемымъ въ книгѣ вопросамъ и интересамъ авторъ располагаетъ опредѣленнымъ пониманіемъ жизни, прямо и послѣдовательно проводимымъ въ отдѣльныхъ статьяхъ. Въ области экономической г. Новомбергскій подчеркиваетъ интересы много-милліоннаго крестьянскаго населенія Россіи (17) и полагаетъ, что „секретъ финансоваго благополучія Россіи заключается не въ полномъ гумнѣ русскаго крестьянина, а въ пустомъ его желудкѣ" (68). При этомъ Сибирь далеко не представляется ему якоремъ спасенія Россіи. Мысль о возможности переселенія въ Сибирь нуждающагося и голодающаго крестьянства представляется ему несбыточной утопіей, основанной на незнакомствѣ съ условіями сибирской жизни. Въ сущности Сибирь доступна заселенію со стороны лишь богатыхъ сельскихъ хозяевъ, „маломощные же должны быть задержаны въ Россіи" (22). Вообще же, „по сравненію съ населенной Европейской Россіей свободная Сибирь представляетъ среду наибольшаго сопротивленія" (28). Въ самой Сибири хозяйство переживаетъ глубокій кризисъ. „Время готовило перемѣны, въ тайгу врѣзалось полотно желѣзной дороги, тревожные свистки первыхъ паровозовъ заставили встрепенуться для новой жизни и угрюмая замкнутость хозяйственнаго строя разсыпалась, расплылась, какъ дымъ нежданныхъ двигателей, какъ внезапныхъ звуковъ тревога" (77). И сибирское крестьянство не въ силахъ приспособиться къ новымъ условіямъ. „Неудержимой волной и притомъ неожиданной, новыя экономическія условія охватили не мудреный складъ жизни сибирскаго крестьянина, и трудно разсчитывать на то, чтобы онъ собственными слабыми силами могъ приспособиться къ запросамъ времени и болѣе или менѣе удачно видоизмѣнить свое хозяйство" (102). Дѣло въ томъ, что *условія* экономической жизни кореннымъ образомъ измѣнились, а *система* сельско-хозяйственнаго производства осталась прежняя (89). И авторъ въ рядѣ статей даетъ яркое изображеніе и этихъ условій, и этой системы.—Въ сферѣ правовыхъ интересовъ и юридическаго

быта Сибири авторъ желаетъ окончательнаго раскрѣпощенія личности крестьянина. Въ силу этого онъ требуетъ широкихъ законодательныхъ реформъ для ниспроверженія стѣснительной власти обычая въ деревнѣ. „Въ *овражѣ* деревенскихъ отношеній давно уже нѣтъ и намека на обычай; въ рѣшеніяхъ волостного суда отражается правообразовательная мысль писаря и чувствуется настойчивая апелляція къ общимъ нормамъ“ (191). Наконецъ, въ вопросахъ образованія г. Новомбергскій, признавая, конечно, всю великую важность спеціальныхъ знаній и профессіональной подготовки, все же настаиваетъ на необходимости и первостепенной важности самаго широкаго общаго образованія. Взглядъ этотъ опредѣленно проведенъ имъ, какъ въ статьяхъ „Мысли о гуманитарномъ образованіи“ (242—250), „Школа или ремесло“ (294—8) и другихъ, такъ и въ тепло написанной статьѣ „Татьянинъ день 1900 г. въ Иркутскѣ“, удачно заканчивающей въ общемъ весьма симпатичный сборникъ.

Предварительное слѣдствіе, произведенное судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ Бурцевымъ по дѣлу о насильственномъ лишеніи жизни румынской подданной Тятьяны Золотовой Спб. 1903. (Приложеніе къ № 6 «Журнала Министерства Юстиціи», іюнь 1903).

Русскій человѣкъ не вѣритъ начальству... Лежащій передъ нами увѣсистый томъ предварительнаго слѣдствія по дѣлу Татьяны Золотовой служитъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ высказаннаго сейчасъ положенія. Извѣстныя событія на станціи Тихорѣцкой, происходившія 1—9 мая прошлаго года, вызвали появленіе корреспонденцій, предъявлявшихъ тяжкія обвиненія къ слѣдственной административной власти станицы. Корреспонденціи эти были опровергнуты разъясненіемъ министерства юстиціи *). Дѣло какъ будто успокоилось. Но вотъ въ январѣ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ появляется письмо въ редакцію князя Андроникова и статья „Нельзя молчать“. Здѣсь опять поднимается тихорѣцкая исторія, опять утверждается, что прежнія обвинительныя корреспонденціи нисколько не опровергнуты министерствомъ юстиціи, что въ маѣ прошлаго года на Тихорѣцкой дѣйствительно совершилась страшная, вопіющая драма... Министръ юстиціи, „усматривая въ означенныхъ корреспонденціяхъ достаточное основаніе для производства предварительнаго слѣдствія о насильственномъ лишеніи жизни Татьяны Золотовой“, на другой же день (16 января) послѣ появленія корреспонденцій возлагаетъ на судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петер-

*) См. «Русск. Бог.» февраль текущаго года «Хроника внутр. жизни». стр. 193—195.

бургскомъ окружномъ судѣ д. с. с. Бурцова „согласно ст. 288[1] уст. угол. суд. производство предварительнаго слѣдствія по означенному дѣлу.“ Судебный слѣдователь Бурцовъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ производитъ слѣдствіе „исчерпывающей полноты“. Допрашивается почти 200 свидѣтелей. На основаніи ихъ показаній всѣ обстоятельства, предшествовавшія несчастному концу Золотовой, можно воспроизвести, такъ сказать, съ кинематографической точностью. Непричастность къ дѣлу объ отравленіи ранѣе инкриминированнаго корреспонденціями судебнаго слѣдователя Пусеппа возстанавливается вполнѣ. Фактъ самоотравленія Золотовой подтверждается во всѣхъ подробностяхъ. Самая личность ея воспроизводится въ такомъ полномъ освѣщеніи, которое доступно только художественному произведенію. Изъ массы сухихъ протоколовъ передъ глазами читателя живой картиной встаютъ раннее весеннее утро, приходы поѣздовъ, обычная суетня, пересадки, носильщики, буфетъ, жандармы... Не менѣе живо рисуется и своеобразная жизнь арестнаго помѣщенія при хуторѣ Тихорѣцкомъ, гдѣ караульные казаки въ теченіе пяти дней преисправнымъ образомъ „выпиваютъ и закусываютъ“ вмѣстѣ съ арестованной. Кромѣ казаковъ, къ Золотовой приходятъ и ея прежніе знакомые, даютъ ей деньги и тоже принимаютъ участіе въ общей выпивкѣ. Тутъ же являются и ухаживатели, по мѣстной терминологіи, „ухажеры“, почтовые чиновники, братъ хозяина сосѣдней лавочки, помощникъ станичнаго атамана... И вдругъ вся эта идиллія неожиданно заканчивается страшной драмой. Утромъ 6 мая Золотова отравляется карболовой кислотой. Картина ея смерти, подача ей медицинской помощи, обмываніе трупа возстановляется слѣдствіемъ во всѣхъ подробностяхъ. А потомъ — похороны, вскрытіе, чудовищно растущіе и поражающіе своей чудовищностью „слухи“, безпорядки, разгромъ арестнаго помѣщенія и квартиры урядника... Дальнѣйшее продолженіе дѣла переносится на страницы печати. Печать подтверждаетъ справедливость волновавшихъ населеніе „слуховъ“, министерство юстиціи ихъ опровергаетъ, печать и публика не вѣрятъ этимъ опроверженіямъ.

Отчего же все это произошло? Въ сущности совершилось два событія, не выдающіяся по своей исключительности. Одно событіе заключалось въ томъ, что Золотова, не бывшая ни профессіональной, ни случайной воровкой, „съ пьяныхъ глазъ“, какъ показывала ея подруга и спутница, взяла у одного пассажира свертокъ со шпагой и зонтикомъ. За это она была привлечена къ уголовной отвѣтственности и, какъ не могшая удостовѣрить свою личность, въ видѣ „мѣры пресѣченія“, была заключена подъ стражу. Другое событіе, какъ изобразилъ это въ своемъ рапортѣ товарищу прокурора урядникъ, заключалось въ томъ, что „самоотравилась карболовой кислотой препровождавшаяся при пакетѣ

судебнаго слѣдователя 2 уч. кавказскаго отдѣла за № 1160 арестантка Татьяна Золотова и, не смотря на оказанную медицинскую помощь, скончалась.“ Мало-ли такихъ дѣлъ совершается ежедневно на святой Руси? Почему же возникли безпорядки, почему такъ горячо принялась за это дѣло вся печать безъ различія оттѣнковъ и направленій, и либеральная, и консервативная? Для возникновенія безпорядковъ имѣлись причины характера чисто мѣстнаго. Всѣ близкіе къ дѣлу свидѣтели единогласно показываютъ о постоянной ожесточенной враждѣ между населеніемъ хутора Тихорѣцкаго и казаками. Болѣе подробно и мотивированно говоритъ объ этомъ оберъ-офицеръ для особыхъ порученій при Кубанскомъ областномъ правленіи, самъ производившій административное дознаніе по дѣлу о смерти Золотовой.

Вообще говоря, полное отсутствіе дисциплины у наряда казаковъ, отсутствіе всякаго надзора, порядка, благочинія, полная равнузданность и своеволіе, накопляясь изъ года въ годъ въ станицѣ и хуторѣ Тихорѣцкомъ, при наличности большого числа безправнаго иногороднаго элемента, могущаго себя защищать только силою и въ массѣ, должны были рано или поздно вызвать безпорядокъ. Случай съ Золотовой и ея смерть только ускорили это. Помогли этому много, конечно, и самые разнообразные слухи, но и для созданія подобныхъ слуховъ, а, главное, чтобы имъ повѣрили, должно же было быть основаніе—то нерасположеніе, то недовѣріе, просто даже презрѣніе, какое вообще выработалось у иногороднаго элемента въ отношеніи Тихорѣцкихъ казаковъ, и казаки или, вѣрнѣе, ихъ ближайшее начальство сами въ томъ виноваты (стр. 506).

Въ настоящее время помощникъ станичнаго атамана, приказный и караульные казаки привлечены къ судебной отвѣтственности за бездѣйствіе власти, но привлеченіе это состоялось уже послѣ того, какъ началось судебное слѣдствіе г. Бурцова (стр. 536). А раньше этого на запросъ главнаго управленія казачьихъ войскъ мѣстное начальство въ сентябрѣ прошлаго года доносило, что

та свобода, какой пользовалась Золотова во время ея ареста при Тихорѣцкомъ хуторскомъ правленіи, а также возможность ея посѣщенія посторонними лицами, свободное обращеніе съ нею караульныхъ казаковъ и выпивка въ караульномъ помѣщеніи, *объясняются распоряженіемъ судебнаго слѣдователя* 2 участка Кавказскаго отдѣла Пусеппа, отданнымъ имъ лично помощнику атамана Бганцеву, о предоставленіи Золотовой права свиданій и свободнаго выхода изъ арестнаго помѣщенія для пріисканія поручителя; ослушаться этого приказанія какъ Бганцевъ, такъ и подчиненные ему казаки не считали себя въ правѣ, такъ какъ престижъ судебнаго слѣдователя въ глазахъ простыхъ казаковъ настолько высокъ и безупреченъ, что исключаетъ всякую возможность со стороны послѣднихъ относиться къ дѣйствіямъ слѣдственной власти критически. (стр. 88).

Дальше еще два раза поминаются „неправильныя дѣйствія судебнаго слѣдователя“, столь пагубно повліявшія на казацкую нравственность, и рапортуется, что виновные подвергнуты аресту на гауптвахтѣ отъ трехъ до семи сутокъ.

Легко понять, что при такомъ отечески-милостивомъ воззрѣніи начальства на проступки своихъ подчиненныхъ, казакамъ сходило съ рукъ очень и очень многое. Мѣстное населеніе легко могло повѣрить всякому самому невѣроятному слуху о казаческихъ безобразіяхъ, ибо оно постоянно видѣло эти безобразія и видѣло, что они остаются безнаказанными. И вотъ народное негодованіе вылилось въ видѣ безпорядковъ, которые только случайно не сопровождались человѣческими жертвами.

Почему же теперь нелѣпымъ и лишеннымъ прямого основанія слухамъ такъ охотно повѣрила пресса, а вмѣстѣ съ ней и вся читающая публика? Почему съ такимъ скептицизмомъ отнеслись „писатели и читатели“ къ первоначальному опроверженію министерства юстиціи? На это можно отвѣтить, что тутъ дѣйствовало то „умаленіе значенія законности въ общественной жизни“ (хроника „Р. Б.“, ноябрь 1902, стр. 193), которое стало у насъ за послѣднее время явленіемъ обычнымъ и частымъ. Примѣры этого „умаленія“ приносятся намъ чуть не ежедневно газетами. Они перестали вызывать въ насъ чувство удивленія или недовѣрія, какъ бы чудовищны или невѣроятны они ни были. Министерство юстиціи, какъ будто предчувствуя, что и вторичное его опроверженіе, на основаніи подробнѣйшаго слѣдствія г. Бурцова, можетъ быть встрѣчено скептически, опубликовало подлинное слѣдствіе по дѣлу Золотовой и тѣмъ положило конецъ всѣмъ толкамъ и слухамъ, цѣлый годъ волновавшимъ русское общество.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что помимо своей прямой цѣли предварительное слѣдствіе по этому дѣлу представляетъ собой значительный интересъ и въ чисто бытовомъ смыслѣ.

Изъ массы протоколовъ, отношеній, рапортовъ, отзывовъ, справокъ, постановленій, предписаній и пр. передъ глазами читателя встаютъ полныя жизни бытовыя картины, интересные типы, любопытныя выраженія. И мы, можетъ быть, еще вернемся къ этимъ документамъ въ особой статьѣ.

Почта и телеграфъ въ XIX столѣтіи. Историческій очеркъ «Министерство Внутреннихъ Дѣлъ». Приложеніе второе. Спб. 1901 (?) *).

Въ столѣтнюю годовщину учрежденія министерствъ въ Россіи министерство внутреннихъ дѣлъ выпустило роскошное иллюстрированное изданіе исторіи министерства. Исторія почтъ и телеграфовъ выдѣлена при этомъ въ особое вполнѣ самостоятельное приложеніе. Помимо обособленности отъ другихъ предметовъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, и въ самой исторіи

*) Цензурное дозволеніе, подписанное министромъ внутреннихъ дѣлъ, помѣчено 8 сент. 1902.

почты есть достаточныя основанія для выдѣленія ея изъ общей исторіи министерства. Въ XVIII столѣтіи почта находилась преимущественно въ завѣдываніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ. При учрежденіи министерствъ (8 сент. 1802 г.) она была „препоручена въ непосредственное вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ". Въ 1819 году почтовый департаментъ отошелъ въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и въ скоромъ времени получилъ самостоятельное существованіе подъ главнымъ управленіемъ „главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ". Главноначальствующему были предоставлены права и степень министра. Въ 1865 году онъ получаетъ уже и оффиціальное названіе министра, а главное управленіе почтъ и телеграфовъ переименовывается въ министерство. Черезъ три года это министерство уничтожается и, въ видѣ почтоваго департамента, причисляется къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ періодъ времени съ 6 августа 1880 по 16 марта 1881 года у насъ опять существуетъ особое министерство почтъ и телеграфовъ, которое потомъ опять присоединяется къ министерству внутреннихъ дѣлъ, на лонѣ коего почты и телеграфы покоятся и по настоящее время. Нельзя не пожалѣть, что авторъ историческаго очерка обходитъ почти совершеннымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, какіе же собственно мотивы заставляли правительство составить почтово-телеграфному управленію такой пестрый „послужной списокъ".

Въ первой половинѣ XIX вѣка почтовое вѣдомство представлялось обособленнымъ не только оффиціально, но и по самому составу своихъ служащихъ. Это было какъ бы особое сословіе, доступъ въ которое былъ затрудненъ постороннимъ лицамъ. „Цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ узаконеній дѣти нижнихъ почтовыхъ служителей были причислены къ почтовому вѣдомству, которое учреждало для нихъ особыя школы или воспитывало ихъ на свой счетъ. По окончаніи курса дѣти почтовыхъ чиновъ обязаны были поступать на почтовую службу". Освобожденіе отъ этой почтовой зависимости произошло только при Александрѣ II. Впослѣдствіи доступъ на почту и телеграфъ пришлось открыть лицамъ всѣхъ состояній, „даже не имѣющимъ права поступать на государственную службу". Лица, имѣющія такое право, предпочитали служить въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ штаты почтово-телеграфнаго вѣдомства всегда отличались крайней скудостью. Въ 1871 году къ отправленію телеграфныхъ обязанностей были допущены и женщины. „Этой мѣрой съ достигнутыми ею результами, говорится въ очеркѣ, было положено начало допущенію вообще въ Россіи женщинъ на службу въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ въ видахъ доставленія бѣднымъ дѣвицамъ и вдовамъ способа зарабатывать честнымъ и постояннымъ трудомъ средства къ существованію и поддержанію своихъ семействъ". Нужно, однако, сказать, что это благодѣяніе было не

безвыгодно и для телеграфа и имѣло для него „существенное значеніе, такъ какъ за годовое жалованіе 200—300 рублей женщины усердно исполняли лежавшую на нихъ телеграфную службу, и при томъ среди нихъ былъ бо́льшій процентъ знающихъ основательно иностранные языки, чѣмъ между мужчинами".

Недостаточное развитіе почтово-телеграфныхъ операцій въ Россіи и малая доступность почты массѣ населенія настолько общеизвѣстны, что говорить объ этомъ много не приходится. „По сравненію съ другими цивилизованными государствами Западной Европы, говорится въ очеркѣ, отношеніе общаго числа почтовой корреспонденціи къ количеству народонаселенія все еще представляется незначительнымъ. Въ то время, какъ въ Германіи на каждаго жителя приходится въ годъ 61 почтовое отправленіе, а во Франціи 52, въ Россіи это „отношеніе не превышаетъ 5". Къ этому можно было бы прибавить, что въ другихъ странахъ (Соединенные Штаты, Швейцарія, Англія) отношеніе это еще выше. Въ Англіи, напр., по послѣднему отчету генералъ-почтмейстера, количество почтовыхъ отправленій на каждаго англичанина, считая и грудныхъ младенцевъ, доходитъ до 97 въ годъ *), въ Швейцаріи до 110 (свѣдѣнія 1899 года). Ниже Россіи въ этомъ отношеніи стоитъ только Турція. Авторъ историческаго очерка почты, не отрицая въ общемъ отсталости этого учрежденія, приходитъ, однако, къ заключенію, что „результаты столѣтней дѣятельности русскаго почтоваго управленія могутъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ принесенной ею пользы въ прошломъ и ручательствомъ ея успѣха въ будущемъ". Аргументомъ такого оптимистическаго взгляда служитъ для автора сравненіе начала XIX вѣка съ началомъ XX. Теперь вотъ на каждаго человѣка 5 почтовыхъ отправленій въ годъ приходится, а въ началѣ XIX вѣка 6—7 отправленій на 100 человѣкъ приходилось. Теперь письмо на Камчатку послать только семь копѣекъ стоитъ, а тогда нужно было заплатить 2 р. 14 к. Это ли не прогрессъ? Понятно, что такими утѣшительными соображеніями можно было бы доказать почтовое благоденствіе даже и въ томъ случаѣ, если бы почта въ Россіи была и втрое хуже организована, чѣмъ сейчасъ. Относительно развитія телеграфныхъ сообщеній можно допустить, что послѣднія у насъ, по крайней мѣрѣ въ Европейской Россіи, развивались быстрѣй и стоятъ въ общемъ выше, чѣмъ почтовыя. Извѣстную долю въ этомъ развитіи надо отнести и насчетъ того давленія, которое оказывали на наши телеграфы международныя телеграфныя конференціи.

Главнымъ тормозомъ въ дѣлѣ развитія почтово-телеграфныхъ учрежденій въ Россіи слѣдуетъ признать незначительность ассиг-

*) „Русскія Вѣдомости", 1903 г., августъ 7, № 216.

новокъ, отпускаемыхъ на этотъ предметъ казною. Съ 1895 года на развитіе сѣти мѣстныхъ учрежденій стала отпускаться особая сумма въ размѣрѣ $3^1/_2\%$ прибавки по кредиту предыдущаго года. Этой суммой покрываются: увеличеніе состава прежнихъ учрежденій, возрастающія годъ отъ году хозяйственныя потребности, и только треть этой прибавки въ размѣрѣ 200.000 рубл. идетъ на открытіе учрежденій новыхъ. При общемъ валовомъ доходѣ почтоваго вѣдомства, простирающемся до 30 милліоновъ рублей, сумма въ 200.000 является, конечно, крупицей. Вполнѣ возможно, что количество почтовыхъ операцій могло бы значительно возрасти и при пониженіи почтоваго тарифа на разные виды корреспонденціи. Вѣроятно, что пониженіе тарифа было бы прибыльно и въ чисто-финансовомъ отношеніи. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по тѣмъ примѣрамъ, которые приводятся въ историческомъ очеркѣ относительно повышенія и пониженія почтоваго и телеграфнаго сбора. Повышеніе сборовъ, вмѣсто ожидаемой прибыли, давало обыкновенно убытокъ, тогда какъ пониженіе, дѣлая обмѣнъ болѣе доступнымъ, вело къ увеличенію дохода.

Въ заключеніе нужно сказать, что, не смотря на нѣкоторую сухость изложенія и оффиціальную точку зрѣнія составителей историческаго очерка, чтеніе послѣдняго даетъ довольно полную картину постепеннаго развитія почтово-телеграфнаго дѣла и его современнаго положенія въ Россіи.

Лебедевъ А. И. Дѣтская и народная литература. Указатель книгъ для дѣтскихъ и народныхъ чтеній (Краткое руководство для устройства и веденія чтеній при помощи волшебнаго фонаря). Нижній-Новгородъ. 1903. Цѣна 50 к.

Новый выпускъ работы г. Лебедева по дѣтской и народной литературѣ посвященъ примѣрному каталогу народныхъ чтеній и содержитъ еще собраніе всѣхъ дѣйствующихъ правилъ относительно ихъ организаціи. Народныя чтенія принадлежатъ, какъ извѣстно, къ числу наиболѣе опекаемыхъ отраслей внѣшкольнаго образованія. Каталогъ дозволенныхъ чтеній такъ невеликъ, что при небольшомъ стараніи со стороны лекторовъ въ извѣстной аудиторіи, въ теченіе года, много двухъ, успѣваютъ перечитать все дозволенное и начинаютъ „повторять зады“. Такова, такъ сказать, количественная сторона каталога. Не лучше и качественная. „Огромное большинство народныхъ аудиторій, — говоритъ г. Лебедевъ,—повторяетъ на всѣ лады сказочные мотивы и устарѣвшія историко-географическія и духовно-моральныя „сочиненія“ неизвѣстныхъ авторовъ“. Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія самъ по себѣ не заботится о расширеніи каталога дозволенныхъ чтеній. Онъ кладетъ только

свою резолюцію на то, что ему представляютъ для разсмотрѣнія заинтересованныя въ чтеніяхъ лица или учрежденія. Теоретически въ этомъ смыслѣ частной иниціативѣ предоставляется большой просторъ. Хочешь прочесть въ народной аудиторіи извѣстную книгу,—представь ее въ ученый комитетъ и жди разрѣшенія. Къ сожалѣнію, намъ совершенно неизвѣстно, какъ обстоитъ это дѣло на практикѣ, т. е. часто ли возбуждаются такія ходатайства и насколько они бываютъ успѣшны. Принимая во вниманіе широту частнаго почина въ дѣлѣ расширенія каталога народныхъ чтеній, г. Лебедевъ включилъ въ свой указатель не только дозволенное, но и то, что, по его мнѣнію, было бы желательно видѣть въ числѣ дозволеннаго. Еще бо̀льшій просторъ частной иниціативѣ предоставляется правилами о народныхъ чтеніяхъ 28 января 1901 года, гдѣ въ особыхъ случаяхъ разрѣшается съ одобренія директора народныхъ училищъ производить чтенія не только по книгамъ, не вошедшимъ ни въ одинъ изъ министерскихъ каталоговъ, но даже и по рукописнымъ сочиненіямъ. Рекомендуя этотъ способъ составленія народныхъ лекцій, г. Лебедевъ предлагаетъ со своей стороны услуги по части ихъ изданія.

Въ указаніяхъ, дѣлаемыхъ авторомъ относительно организаціи чтеній, кромѣ оффиціальныхъ правилъ, изложены также и чисто практическіе совѣты по этому дѣлу. Совѣты эти очень кратки, но вполнѣ опредѣленны, удобопонятны и легко исполнимы *).

Что касается самаго указателя книгъ и брошюръ, пригодныхъ для употребленія на народныхъ чтеніяхъ, и содержащаго 1597 номеровъ, то уже одна эта цифра достаточно говоритъ объ его богатствѣ. При желаніи можно, конечно, найти здѣсь и кое-что недостающее, но это уже частности, а въ общемъ указатель настолько энциклопедиченъ, что по всякому вопросу, могущему занять вниманіе народной аудиторіи, здѣсь можно безъ затрудненія найти подходящій матеріалъ. Тѣмъ не менѣе, на указатель нельзя смотрѣть какъ на *руководство*. „Многія изъ приведенныхъ въ указателѣ книгъ,—говоритъ авторъ,—по своей величинѣ неудобны для чтеній, но могутъ читаться съ сокращеніями или въ отрывкахъ“. Такимъ образомъ, лектору, желающему познакомить своихъ слушателей съ извѣстнымъ отдѣломъ знаній, предстоитъ еще не малый трудъ предварительной выборки матеріала, его систематизаціи и включенія въ опредѣленные размѣры соотвѣтственно небольшой продолжительности каждаго чтенія. По двумъ отдѣламъ—русская исторія и географія Россіи—г. Лебедевъ даетъ

---

*) Г. Лебедевъ рекомендуетъ для фонарей исключительно ацетиленовое освѣщеніе, «такъ какъ съ керосиномъ всякій фонарь, даже очень дорогой, неудобенъ на чтеніяхъ: даетъ сильную копоть и портитъ воздухъ». Есть способъ избавиться отъ копоти и уменьшить силу жара, сдѣлавъ отъ фонаря вытяжную трубу въ печь.

примѣрныя программы систематическихъ чтеній и точно указываетъ, какія именно сочиненія и какія мѣста изъ другихъ большихъ сочиненій (по страницамъ) могутъ быть рекомендованы для извѣстнаго чтенія. Было бы, конечно, желательно имѣть такія же подробныя указанія и по части другихъ отдѣловъ. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что авторъ немного поскупился относительно библіографическихъ указаній о нѣкоторыхъ книгахъ, не вездѣ отмѣтивъ мѣсто, годъ печати, имя издателя и пр. Отсутствіе такихъ свѣдѣній иногда сильно затрудняетъ отыскиваніе или пріобрѣтеніе извѣстнаго сочиненія, и совершенно неумѣстно въ такой преимущественно справочной книгѣ, какъ указатель.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сочиненія ***А. Скабичевскаго.*** Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1903. Ц. 3 р.

Ада Негри. Стихотворенія въ переводѣ Ф. С. Шкулева. Съ портр. Ады Негри и краткимъ біографич. очеркомъ. М. 1904. Ц. 10 к.

Иванъ Печковскій. Откуда нѣтъ возврата. Драматич. этюдъ въ 2-хъ картинахъ. Новочеркасскъ. 1903. Ц. 30 к.

А. Ягодинъ. «Изъ древняго Рима». Трилогія. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Вальтеръ Скоттъ. Робертъ Парижскій. Переводъ съ англ. Андрея Вейнберга. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Изданіе картографич. заведенія А. Ильина. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Золя. Неизданные разсказы. Переводъ подъ ред. С. М. Брильянта. Изданіе Ѳ. И. Митюрникова. Спб. 1903. Ц. 1 р 25 к.

А. Конанъ-Дойль. Необычайное преступленіе. Уголовный романъ. Съ англ. перевелъ Г. В. Александровскій. Изданіе Ѳ. И. Митюрникова. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Гауптманъ.—Меримэ. — Д'Аннунціо. Три драмы. Переводы съ нѣм., франц. и итал. З. Венгеровой и П. Морозова, съ ихъ статьями о трехъ авторахъ, подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣч. проф. А. Трачевскаго. Изданіе картографич. заведенія А. Ильина. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Ольга Шапиръ. Безъ любви. Романъ. 2-е изданіе Ѳ. И. Митюрникова. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

А. Бахтіаровъ. Отпѣтые люди. Очерки изъ жизни погибшихъ людей. Изданіе Ѳ. И. Митюрникова. Спб. 1903. Ц. 1 р.

А. Чивонибаръ. Каторга. Тюрьма. Голодъ. Очерки и разсказы. Одесса. 1903. Ц. 50 к.

Я. Самъ. Томъ I. Не женись на русской! и другіе разсказы. Владикавказъ. 1903. Ц. 60 к.

Е. Щировская. На пути жизни. Сборникъ разсказовъ. Владикавказъ. 1903. Ц. 1 р.

Н. Покровскій. Культурное болото. Повѣсть-трилогія. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Изданія магазина «Книжное Дѣло». М. 1903. ***Л. Н. Толстой.*** Три смерти. Разсказъ. Съ 3 рис. въ текстѣ. Ц. 5 к.—***Н. Н. Блиновъ.*** На нивѣ народной. Разсказъ. Съ 7 рис. въ текстѣ. 3-е изданіе. Ц. 10 к.—***Н. Тим-***

ковскій. Вьюга. Авось и Небось. Ц. 20 к.

Война. Разсказъ дяди Жоржа. Переводъ съ франц. Н. И. Живаго. М. 1904. Ц. 45 к.

Изданія «Посредника». М. 1903. Двоеженецъ. Разсказъ. Съ англ. Перевела Е. Б.—Въ защиту животныхъ. Очерки и разсказы ***Эмиля Марріота.*** Переводъ Маріи Веселовской.

Ф. С. Шкулевъ (Писатель изъ народа). Кто виноватъ? и другіе разсказы и пѣсни. Книжка вторая. М. 1903. Ц. 50 к.

Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. Подъ редакціей ***С. Н. Южакова.*** Изданіе Мейера и т-ва «Просвѣщеніе». Т. XIII. Спб. 1903.

Мысли мудрыхъ людей на каждый день. Собраны гр. ***Л. Н. Толстымъ.*** Изданіе «Посредника». М. 1903. Ц. 80 к. Другое изданіе той же фирмы 30 к.

Гербертъ Спенсеръ. Факты и комментаріи. Переводъ съ англ. В. Л. Рапцова. Изданіе Д. Голова и А. Большакова. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія новѣйшей русской литературы 1848—1903. ***А. М. Скабичевскаго.*** 5-е изданіе. Ф. Павленкова, исправленное и дополненное. Съ 55 портретами въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Евгеній Журановскій. Симптомы литературной эволюціи. Критическіе очерки. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы (1800—1900 г.). Подъ общей редакціей проф. ***Л. Пти-де-Жульвилля.*** Перев. съ франц. подъ редакціей Ю. В. Веселовскаго, со вступительной статьей проф. А. Н. Веселовскаго. Изданіе «Книжнаго дѣла». Т. I. М. 1904. Ц. 4 р.

Гр. Л. Н. Толстой въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1903.

Н. И. Коробка. Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX вѣка. Пушкинъ-Лермонтовъ. Изданіе т-ва «Литература и наука». Спб. 1903. Ц. 60 к.

I. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. 2-е дополненное изданіе подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. I—III. М. 1902—1903. Подписная цѣна безъ перес. 5 р.

Н. Генкеръ. Леонидъ Андреевъ и его произведенія. Съ приложеніемъ автобіографическаго очерка. Изданіе М. Р. Козмана. Одесса. Ц. 25 к.

Алексѣй Плетневъ. Максимъ Горькій (Критическій очеркъ). 2-е изданіе. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Алексѣй Плетневъ. Еще о газетахъ (Очеркъ современной прессы). Спб. 1902. Ц. 20 к.

Д. П. Сильчевскій. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Съ портретомъ и изображеніемъ памятника. Изданіе В. Губинскаго. Спб. 1903.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Каталогъ книгъ для народныхъ чтеній. Нижній-Новгородъ. 1903. Ц. 50 к.

Руководство къ устройству и веденію публичныхъ народныхъ чтеній. Харьковъ. 1903. Ц. 25 к.

А. Симонова. Какъ я устроила акваріумъ. Новгородъ. 1903. Ц. 10 к.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Переводъ съ нѣм. Б. Юргенсона, подъ редакціей Ю. Энгеля. Вып. XIII.

Малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни, собранныя ***П. П. Сокольскимъ.*** Посмертное изданіе. Ц. 2 р.

Ал. Харузинъ. Жилище словинца Верхней Крайны. (Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ). Отд. оттискъ изъ «Живой Старины». Спб. 1903.

Семья и ея задачи. Книга для родителей и воспитателей, составленная друзьями дѣтей, подъ редакціей ***Ахилля Ареталя.*** Разработанный и дополненный для русскихъ читателей переводъ съ норвежскаго А. И. Ганзенъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

В. И. Добровольскій, присяжный повѣренный. Бракъ и разводъ. Очеркъ по дѣйствующему брачному праву и по проекту новаго гражданскаго уложенія. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Шарлота Стетсонъ. Экономическое рабство женщины. Изслѣдованіе экономическихъ взаимоотношеній мужчинъ и женщинъ, какъ фактора въ соціальной эволюціи. Переводъ съ англ. Изданіе М. Мамуровскаго. М. 1903. Ц. 1 р.

М. Н. Анзимірова (Маранъ). Причины нравственной физіономіи женщины. Историческій очеркъ, съ приложеніемъ обзора статей по женскому вопросу. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Н. Спиридонова. М. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Е. В. Тарле. Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго движенія въ XIX вѣкѣ. Съ портретами. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Александръ II царь-освободитель. Издалъ гр. Милорадовичъ. Спб. 1903. Ц. 25 к.

Е. Волкова. Бояринъ Матвѣевъ и его время. Историч. очеркъ. 3-е изданіе. М. 1903.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть первая. Изданіе редакціи «Міра Божія». Спб. 1903. Ц. 80 к.

Императоръ Александръ I. Очеркъ ***И. Катаева***. Изданіе Д. И. Тихомировскаго. М. 1903. Ц. 30 к.

Г. А. В—въ. О томъ, какъ защищать себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника. Защита въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ. Изданіе вятскаго товарищества. Вятка. 1903. Ц. 15 к.

Кн. ***Г. М. Тумановъ***. Разбои и реформа суда на Кавказѣ. (Изъ «Вѣстника Права»). Спб. 1903.

Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей I. В. Гессена и пр.-доц. А. И. Каминка. I. ***К. К. Арсеньевъ***. Законодательство о печати. Изд. Н. П. Гершунина и Ко. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Новомбергскій. Островъ Сахалинъ. Съ приложеніемъ автобіографіи и портр. убійцы Федора Широколобова. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Л. Елецъ. Желтое нашествіе. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Д-ръ ***Э. Бернадскій***. Медицина, врачи и публика. Переводъ съ польск. д-ра С. К. Лешкевича. М. 1903. Ц. 80 к.

Алексѣй Плетневъ. Врачебно-полицейскій комитетъ и его роль. (Нѣсколько документовъ). Спб. 1902. Ц. 20 к.

Женщина-врачъ ***М. И. Покровская***. Какъ я была городскимъ врачемъ для бѣдныхъ (Изъ воспоминаній). Спб. 1903. Ц. 40 к.

Городская медицина въ Европейской Россіи. Сборникъ свѣдѣній объ устройствѣ врачебно-санитарной части въ городахъ. Обработано для печати ***А. А. Чертовымъ***. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

А. Виноградовъ. Ариѳметика. Систематическій курсъ для учебныхъ заведеній и для самообразованія. Изд. 2-ое, исправленное. Владиміръ. 1903. Ц. 75 к.

Новѣйшія таблицы для быстраго вычисленія на письмѣ или на счетахъ. Умноженіе и дѣленіе на счетахъ всѣхъ цѣлыхъ чиселъ, простыхъ и десятичныхъ дробей. Составилъ ***А. А. Талалай***. Спб. 1903. Ц. 35 к.

А. Лаппаранъ. Общедоступная геологія. Съ рис. Перев. Е. А. Предтеченскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1903. Ц. 1 р. 20 к.

Проложеніе перваго телеграфа черезъ океанъ. По книгѣ Фонвіеля, изложилъ ***П. Д. Первовъ***. М. 1903. Ц. 35 к.

Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ редакціей Н. Горбунова-Посадова. Огородничество и садоводство. Составилъ ***И. Елинъ***. М. 1904. Вып. I. Какъ ухаживать за огородомъ и парникомъ. Ц. 15 к.—Вып. III. Какъ ухаживать за цвѣтами. Ц. 10 к.

А. Доярепко. Сахарная свекла въ крестьянскомъ хозяйствѣ. М. 1903.

Промышленность и техника. Энциклопедія промышленныхъ знаній. Т. VII. Вып. 8—10. Обработка камней и земель. Технологія химическихъ производствъ. Проф. ***М. Гари, Г. Гехта, Э. Крамера*** и ***Лассаръ-Кона***. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей В. В. Эвальда, А. А. Байкова и Н. К. Ремнена. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1903. Ц. 50 к. выпускъ или 5 р. томъ.

Комитетъ для помощи поморамъ русскаго сѣвера. Экспедиція для научно-промысловыхъ изслѣдованій у береговъ Мурмана. Отчетъ по ея дѣятельности за 1902 годъ. Начальника экспедиціи ***Л. Л. Брейтфуса***. Съ 88 рис. въ текстѣ, съ 12 табл. разрѣзовъ и 3 картами. Спб. 1903. Ц. 5 р. 50 к.

Отчетъ Черниговскаго о-ва потребителей за 1902 годъ. Черниговъ. 1903.

Псковская городская общественная библіотека. Годовой статистическій отчетъ за 1901 г.—Отчетъ съ 1-го янв. 1902 по 1 янв. 1903 г. Псковъ. 1903.

Бернардъ Шоу.

(*Изъ Англіи*).

1.

Въ первой статьѣ о современномъ англійскомъ театрѣ („Русск. Бог.“, VII, 1903) я пытался выяснить, насколько вѣрно утвержденіе критиковъ, главнымъ образомъ, Вильяма Арчера, что съ Джонеса, а, въ особенности, съ Пинеро началась „новая эпоха“ возрожденія сцены. Вильямъ Арчеръ въ послѣднемъ изданіи *Британской Энциклопедіи* утверждаетъ, что драма Пинеро „Вторая миссисъ Тэнкерей“ имѣетъ такое же громадное общественное значеніе, какъ „Столпы общества“ Ибсена или какъ любая изъ лучшихъ пьесъ Гауптмана. Сдѣлавъ подробный анализъ всѣхъ пьесъ Пинеро, я пришелъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ Вильямъ Арчеръ. Пьесы Пинеро не лишены таланта; но въ нихъ прежде всего бросается въ глаза скудость, если не отсутствіе, содержанія. Это тѣмъ болѣе любопытно, что критики и самъ авторъ увѣрены, что пьесы эти „тенденціозныя“. Пинеро, искренно желая выставить „высшее“ общество, предъ которымъ благоговѣетъ, въ идеальномъ свѣтѣ, невольно далъ намъ картину полнаго нравственнаго ничтожества своихъ героевъ, граничащаго съ банкротствомъ.

Перейду теперь къ другому современному англійскому драматургу, Бернарду Шоу, который, несомнѣнно, нѣсколькими головами выше и Пинеро, и Джонеса. Бываютъ иногда люди со странной репутаціей. Достаточно назвать ихъ имя, какъ всѣ не то съ добродушной, не то съ пренебрежительной полуулыбкой скажутъ, пожавъ плечами: „а, этотъ“! И этой полуулыбкой всѣ выражаютъ: „ну, можно ли говорить серьезно о такомъ-то“! Всѣ повѣрятъ, если услышатъ, что такой-то со странной репутаціей уѣхалъ неожиданно въ Парагвай искать тамъ таинственную коммунистическую колонію, существующую съ 1891 г., или что онъ на вечерѣ, гдѣ собралось много гостей, вдругъ, какъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, сталъ на головѣ и заболталъ ногами. Все это тѣмъ болѣе любопытно, когда такой репутаціей пользуется человѣкъ не только не глупый, но даже талантливый, знающій, отличный работникъ, при первомъ знакомствѣ производящій на васъ скорѣе впечатлѣніе угрюмаго, сдержаннаго и замкнутаго индивидуума. Такой почти репутаціей пользуется въ англійской литературѣ Бернардъ Шоу. Лектируетъ ли онъ въ

Фабіанскомъ обществѣ, пишетъ ли онъ такія эксцентричныя пьесы, какъ только что появившаяся философская драма „Man and Superman“ (человѣкъ и сверхъ-человѣкъ), снабжаетъ ли онъ собственныя произведенія громадными вступленіями и манифестами, обильно начиненными парадоксами,— печать не забываетъ прибавить въ отчетахъ: „такъ говоритъ Бернардъ Шоу“. Никого не удивитъ, если Бернардъ Шоу сегодня будетъ проповѣдывать „ибсенизмъ“ и ничшеанство, а завтра въ особой пьесѣ закатитъ и Ибсену, и Ничше вселенскую смазь; если въ одномъ произведеніи онъ намѣшаетъ Ибсена, Толстого, Ничше, Рескина и еще кого-нибудь. Это онъ самъ пробуетъ, что выйдетъ изъ всего этого. Нужно имѣть въ виду, что эксперименты производятся въ уравновѣшанной странѣ. Въ Англіи литераторъ, взгляды котораго нѣсколько напоминаютъ осеннія тучи, гонимыя вѣтромъ, не можетъ причинить такой вредъ, какъ на континентѣ.

А между тѣмъ, въ лицѣ Бернарда Шоу мы имѣемъ предъ собою очень умнаго, очень знающаго и очень чуткаго писателя, обладающаго, помимо всего, еще замѣчательнымъ талантомъ популяризатора. Мнѣ припоминается покойный Грэнтъ Алленъ, тоже обладавшій такимъ талантомъ. Но тотъ излагалъ картинно и ясно біологическіе законы; тогда какъ Бернардъ Шоу умѣетъ популяризировать самыя скучныя и самыя сухія экономическія гипотезы. И Грэнтъ Алленъ, и Бернардъ Шоу надѣлены недюжиннымъ художественнымъ талантомъ; но между ними есть громадная разница. По складу своей натуры Грэнтъ Алленъ напоминалъ нѣсколько лягушку-древесницу, которая имитируетъ то яркой лѣтней листвѣ, то желтому цвѣту умирающей осенней растительности. Въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ онъ старался поддѣлаться подъ вкусъ большой публики. Онъ ввелъ даже въ принципъ эту имитацію *). „Англійскій авторъ“,—часто говорилъ онъ,—„если только онъ не настолько богатъ, чтобы пренебрегать ненавистью миссисъ Гранди,—долженъ работать при условіяхъ, убивающихъ буквально душу“. „Господа“,—говоритъ своимъ застольнымъ собесѣдникамъ герой Грэнтъ-Аллэна, литераторъ Чарльзъ Пауэль (Ivan Greet's Masterpiece),—„въ нашъ вѣкъ человѣкъ, имѣющій что-либо новое высказать міру, долженъ быть богатъ и совершенно независимъ. Въ противномъ случаѣ, ему не позволятъ ничего высказать. Если онъ бѣденъ, то долженъ прежде всего зарабатывать средства къ существованію, а для этого приходится писать, что не хочешь. Приходится дѣлать такую работу, которая душитъ и заглушаетъ образы и мысли, роящіеся у писателя въ головѣ. Издатель является хозяиномъ положенія. То, чего онъ требуетъ,—оплачивается хорошо... Мы живетъ хлѣбомъ насущнымъ и прежде всего должны ѣсть, иначе

*) О Грэнтъ-Аллэнѣ я писалъ подробно въ 1898 г.

какъ же станемъ писать эпическія поэмы или философствовать. Нашъ вѣкъ требуетъ, чтобы мы пожертвовали нашей индивидуальностью. Быть можетъ, станетъ житься легче, когда Моррисъ и Беллами отольютъ міръ въ новую форму: жизнь будетъ проще и средства къ существованію станутъ добываться съ меньшимъ трудомъ. Но пока все по старому, я подчиняюсь неизбѣжному. Я стану писать, что мнѣ закажетъ издатель, и буду ѣсть и пить. Моя философія обождетъ, покуда разбогатѣю и добуду досугъ. Тогда я выскажу все, что думаю" *). Такъ именно и поступалъ Грэнтъ-Аллэнъ всю жизнь. Анализируя произведенія Бернарда Шоу, какъ его повѣсти (The Irrational Knot, Cashel Byron's Profession и др.), такъ пьесы и публицистическія статьи, появлявшіяся въ *Contemporary Review*, мы приходимъ къ заключенію, что, повидимому, онъ всегда руководствуется діаметрально противоположнымъ принципомъ, чѣмъ Грэнтъ-Аллэнъ. Повидимому, Бернардъ Шоу полагаетъ, что никогда не слѣдуетъ говорить ничего пріятнаго публикѣ, все равно, состоитъ ли она изъ враговъ или изъ своихъ. Обязанность литератора (думаетъ Бернардъ Шоу) заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы подносить публикѣ возможно больше непріятныхъ ей пародоксовъ. Когда публика склонна умиляться, не мѣшаетъ ей высунуть языкъ и хлопнуть ее хорошенько по головѣ пузыремъ. Отъ этого ей только прибудетъ,—полагаетъ Бернардъ Шоу. И нужно отдать справедливость автору, что онъ вѣрно слѣдуетъ своему правилу съ 1880 г., когда молодымъ человѣкомъ двадцати четырехъ лѣтъ впервые прибылъ изъ родной Ирландіи въ Лондонъ, чтобы начать здѣсь жизнь литературнаго „вольнаго наѣздника" (Free lancer). Ему часто приходилось хлопать по головѣ пузыремъ тѣхъ, за кого онъ вчера только заступался; онъ часто осыпалъ насмѣшками своихъ недавнихъ союзниковъ; но Бернардъ Шоу никогда, насколько мнѣ извѣстно, не сказалъ публикѣ ничего пріятнаго.

Когда Бернардъ Шоу явился въ Лондонъ, онъ мечталъ объ ученой литературной дѣятельности. Его тогда интересовали вопросы, главнымъ образомъ, экономическіе. Въ 1884 г. въ Лондонѣ основалось Фабіанское общество, объединившее тогда всѣхъ молодыхъ реформаторовъ, вышедшихъ изъ среднихъ и „вышесреднихъ" (high middle) классовъ. То была пора хожденій въ трущобы, университетскихъ поселеній и пр. рода культурной дѣятельности. Бернардъ Шоу сталъ душой молодого общества. Въ то время Сидней Веббъ, Беатриса Поттеръ (теперь—миссисъ Вэбъ), Сидней Оливьеръ (нынѣ—губернаторъ въ Ямайкѣ), Граамъ Уоллэсъ, Энни Безантъ, Вильямъ Кларкъ, Губертъ Блэндъ и др. были совсѣмъ молодыми людьми, которые сходились на всѣхъ

*) См. «Очерки современной Англіи», стр. 383.

пунктахъ. Тогда никто еще не могъ подозрѣвать, что пылкая энтузіастка Энни Безантъ, мечтавшая о всеобщемъ движеніи среди пролетаріата, станетъ верховной теософической жрицей, и что многіе фабіанцы договорятся черезъ шестнадцать лѣтъ до имперіализма. Молодое общество только что тогда выпустило первый свой памфлетъ „Why are the Many Poor"?

„Мы живемъ въ обществѣ, гдѣ все основано на соперничествѣ,—писалъ Бернардъ Шоу, авторъ этого памфлета,—и гдѣ капиталъ находится въ рукахъ немногихъ частныхъ лицъ. Каковы же результаты? Немногіе очень богаты; нѣкоторые—зажиточны; большинство—бѣдно, а громадная часть населенія живетъ въ лютой нищетѣ". Памфлетъ заканчивался горячимъ призывомъ къ совмѣстной дѣятельности. Молодые друзья рѣшили издать сборникъ экономическихъ статей, въ которомъ была бы изложена критика стараго порядка и общій абрисъ новаго. Сборникъ этотъ появился въ 1886 г. Каждая статья представляетъ (какъ всѣ Fabian Tracts) солидное, самостоятельное изслѣдованіе, а не поверхностную компиляцію. Въ этомъ сборникѣ („Fabian Essays in Socialism") Бернарду Шоу принадлежатъ двѣ статьи: „О рентѣ, цѣнности и заработной платѣ" и „Переходной періодъ". Послѣдняя заключаетъ, между прочимъ, изложеніе теоріи Маркса. И, безъ сомнѣнія, это—одна изъ самыхъ блестящихъ (если не самая блестящая) популяризацій капитала. Бернардъ Шоу излагаетъ отвлеченныя экономическія гипотезы такъ же картинно и такъ же увлекательно, какъ это дѣлаетъ Грэнтъ Аллэнъ по отношенію къ теоріи Дарвина.

У Бернарда Шоу слишкомъ живой и кипучій темпераментъ, чтобы Фабіанское общество, съ его нѣсколько чиновничьимъ отношеніемъ къ экономическимъ вопросамъ, могло бы его вполнѣ удовлетворить. Въ головѣ у молодого писателя роились парадоксы, гипотезы и образы, которыхъ даже самый блестящій популяризаторъ не отольетъ въ форму экономическихъ статей. И вотъ, работы по политической экономіи заброшены. Бернардъ Шоу ищетъ простора, чтобы высказаться сперва въ области публицистики, а затѣмъ—въ вольныхъ степяхъ беллетристики. Въ силу случайныхъ обстоятельствъ, о которыхъ дальше, Бернардъ Шоу ограничился нѣсколькими повѣстями и перешелъ потомъ къ драмѣ. Въ этой области, онъ, по преимуществу, работаетъ и теперь, хотя произведенія его рѣдко попадаютъ на сцену. Публика знакомится съ ними только тогда, когда онѣ выходятъ въ свѣтъ отдѣльными сборниками.

II.

Въ первомъ томѣ собранія своихъ драматическихъ произведеній *) Бернардъ Шоу обстоятельно разсказываетъ, почему именно они появляются отдѣльными сборниками, вмѣсто того, чтобы ставиться на сценѣ. Поясненіе это крайне любопытно и для личности самого автора. „Попытки ставить вымышленныхъ людей въ выдуманныя положенія,—говоритъ авторъ,—и создавать, такимъ образомъ, драматическія сцены встрѣчали помѣху только въ моей лѣни, а не въ отсутствіи способности. Но для того, чтобы зарабатывать на существованіе подобной сумасшедшей способностью, я долженъ былъ еще устроиться такъ, чтобы моими героями заинтересовались, кромѣ моего воображенія, по крайней мѣрѣ, семьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ современниковъ, посѣщающихъ лондонскіе театры. А именно это было выше моихъ силъ. У меня не было вкуса къ такъ называемому популярному искусству, не было уваженія къ канонизированному кодексу морали, къ традиціонной метафизикѣ. Герои толпы не вызывали во мнѣ восхищенія. Какъ ирландецъ, я не могъ похвалиться чувствомъ „патріотизма“—ни по отношенію къ Эрину, ни къ той странѣ, которая разорила Ирландію. Какъ человѣкъ мягкій, я ненавидѣлъ всякія формы насилія и убійства, все равно, будетъ ли то на войнѣ, на охотѣ или на бойнѣ. Какъ коллективистъ, я ненавидѣлъ нашу анархическую погоню за деньгами и вѣрилъ въ равенство, какъ въ единственный постоянный базисъ общественной организаціи, дисциплины, субординаціи и подбора подходящихъ людей для отвѣтственныхъ должностей. Я не выносилъ „фэшіонебельнаго“ общества, которое такъ снисходительно къ „блестящимъ“ бездѣльникамъ. Я зналъ, что вліяніе „свѣта“ дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на такихъ личностей, какъ я, напр., которыя себя постоянно должны держать въ рукахъ. Я не былъ ни циникомъ, ни скептикомъ, а просто понималъ жизнь иначе, чѣмъ обыкновенные „порядочные“ люди. И такъ какъ это служило для меня источникомъ наслажденія, то я и не чувствовалъ себя несчастнымъ вслѣдствіе того, что не могу уподобиться всѣмъ. Можете представить теперь, какъ трудно мнѣ было написать произведеніе, которое бы понравилось публикѣ“!

Молодой авторъ началъ, конечно, съ беллетристики. Онъ написалъ пять или шесть большихъ повѣстей, но не нашелъ ни редактора, ни издателя, которые согласились бы пріютить его дѣтища. Въ Англіи и въ Америкѣ, гдѣ предложеніе на литературномъ рынкѣ очень велико, молодой авторъ почти не можетъ

---

*) Plays: Pleasant and Unpleasant, v. I. London 1901—1903.

самъ попасть въ журналъ. Онъ обращается къ спеціальнымъ агентамъ, которые берутся помѣстить произведеніе за опредѣленное вознагражденіе въ „магазинѣ“, журналѣ, или найти издателя. Эти „агенты“—египетская язва для англійскихъ и американскихъ писателей. Каждому способному и преуспѣвающему литератору приходится потомъ выкупаться изъ крѣпостной зависимости. Дѣло въ томъ, что агенты, подмѣтивъ начинающаго литератора, котораго, вѣроятно, ждетъ успѣхъ, предлагаютъ ему авансъ и заключаютъ съ нимъ на много лѣтъ контрактъ, по которому авторъ долженъ отдавать имъ каждое свое новое произведеніе. Молодые авторы нуждаются въ деньгахъ. Авансъ представляетъ иногда такую сумму, какую начинающіе писатели еще никогда не имѣли въ рукахъ. И въ концѣ-концовъ создается настоящее литературное крѣпостное право, отъ котораго писатель потомъ освобождается съ трудомъ. „Агентъ“ изучилъ отлично вкусы средней публики и знаетъ, что ей понравится. Поэтому, „въ крѣпостные“ онъ забираетъ людей способныхъ, но среднихъ, не выходящихъ изъ шаблона. Какъ человѣкъ „коммерческій“, агентъ не даетъ ни фартинга за произведеніе, которое въ чемъ-нибудь отклоняется отъ установленнаго шаблона. Герои, героини, злодѣи, заговорщики, свѣтскіе люди,—все это должно быть у молодого писателя, „какъ у всѣхъ“. Понятно, поэтому, что молодой Бернардъ Шоу, ненавидѣвшій пуще всего шаблонъ, не находилъ для своихъ произведеній не только издателей, но и „агентовъ“.

„Всѣмъ извѣстно,—говоритъ Бернардъ Шоу,—что повѣсть не можетъ быть на столько плоха, чтобы не заслуживать появленія въ печати. Нужно только, чтобы это была повѣсть, а не сплошная нелѣпость. Бываетъ, конечно, и такъ, что повѣсти слишкомъ хороши, чтобы ихъ приняли; но мой неуспѣхъ объясняется не этимъ“. Авторъ дальше сообщаетъ, что вся бѣда состояла въ томъ, что у него „нормальное зрѣніе“. Знакомый окулистъ какъ то освидѣтельствовалъ глаза Бернарда Шоу и сказалъ ему, что они у него нормальные. „Я, конечно, понялъ такъ, что у меня зрѣніе, какъ у всѣхъ людей; но окулистъ опровергъ мое заключеніе, какъ парадоксальное. Нормальными глазами, т. е. способностью видѣть правильно, надѣлены, оказывается, не болѣе 10% современнаго человѣчества. У остальныхъ 90% зрѣніе ненормально. И я тотчасъ же понялъ причину моего неуспѣха въ области беллетристики. Мое умственное зрѣніе, какъ и физическое,—„нормально“: я вижу вещи иначе, чѣмъ большинство людей, и вижу при томъ правильно“ *).

*) Повѣсти Бернарда Шоу («Cashel Byron's Profession», «The Admirable Bashville» и др.) появились потомъ въ соціалистическихъ журналахъ, которые не могутъ платить гонорара. Онѣ были замѣчены, нашли издателей и поку-

Это открытіе, по словамъ Шоу, произвело на него „сильное впечатлѣніе". Вначалѣ онъ было подумалъ, что его беллетристику станутъ покупать тѣ немногіе, которые, какъ и онъ, обладаютъ нормальнымъ зрѣніемъ; но быстро убѣдился, что у этихъ, какъ и у него, нѣтъ ни гроша за душой. Явился настоятельный вопросъ, какъ прожить литературнымъ трудомъ? „Будь я практичнымъ, здравомыслящимъ, любящимъ деньги англичаниномъ,— говоритъ Бернардъ Шоу,—вопросъ разрѣшился бы очень легко, стоило только надѣть ненормальные очки, которые отклонили бы мое зрѣніе именно такъ, какъ нравится 90% покупающихъ книги. Но моя ненормальная нормальность такъ тѣшила меня; я такъ гордился ею, что даже мысль о лицемѣріи не приходила мнѣ въ голову. Лучше смотрѣть правильно и зарабатывать фунтъ въ недѣлю, чѣмъ косить и получать милліоны. Но весь вопросъ былъ въ томъ, откуда достать этотъ фунтъ. Разъ я отказался отъ беллетристики, найти литературный заработокъ было не трудно". Бернардъ Шоу рѣшилъ стать критикомъ. Эксцентричный авторъ имѣетъ нѣсколько своеобразное представленіе объ обязанности критики и, во всякомъ случаѣ, его взглядъ не вполнѣ совпадаетъ съ дѣятельностью ея въ Англіи. Деспотъ, по мнѣнію Шоу, долженъ имѣть такого смѣлаго подданнаго, который всегда говоритъ властелину правду въ глаза. Даже Людовикъ XI терпѣлъ откровенныя рѣчи своего духовника. Демократія теперь передала скипетръ деспота — народу, но и послѣдній нуждается въ духовникѣ, котораго зоветъ критикомъ. „Критика дерзаетъ высказать мысли, о которыхъ многіе думаютъ, но не смѣютъ произносить вслухъ. Эти мятежныя и разрушительныя мысли, если онѣ облечены въ изящную и красивую форму, приходятся даже по вкусу тѣмъ, противъ кого направлены. Такимъ образомъ, — говоритъ эксцентричный авторъ, — критикъ становится не только исповѣдникомъ, но и придворнымъ шутомъ, который высказываетъ рѣзкую правду, бряцая колпакомъ съ бубенчиками... Такимъ именно Пончемъ выступилъ я на литературное поприще". По словамъ автора, ему пришлось только пустить въ ходъ свое „нормальное зрѣніе", изображать вещи именно такъ, какъ онъ ихъ видѣлъ, чтобы весь Лондонъ прославлялъ его, какъ наиболѣе забавнаго парадоксальнаго писателя. Поклонники дѣлали ему только одинъ, но за то постоянный упрекъ: „почему вы не желаете быть серьезнымъ"? Бернардъ Шоу писалъ тогда въ еженедѣльномъ журналѣ, и редакторъ предоставилъ ему широкое право говорить, о чемъ онъ желаетъ и какъ желаетъ. Такъ продолжалась нѣсколько лѣтъ, покуда Бернардъ Шоу не убѣдился, что его кипучій талантъ

пателей. По выраженію автора, повѣсти эти „кормятъ его" до сихъ поръ Plays: Pleasant and Unpleasant, v. I, p. VI).

какъ будто бы остываетъ. Сказывалось переутомленіе. Пришлось повторять себя. Потускнѣлъ нѣсколько искрометный языкъ. „Къ великому ужасу“ автора въ похвалу ему сказали, что его „стиль начинаетъ становиться серьезнымъ“. Онъ становится „почтеннымъ писателемъ“. Ему предлагали даже выставить свою кандидатуру на выборахъ въ муниципальный совѣтъ. Изъ этого Бернардъ Шоу убѣдился, что для роли Пончa онъ устарѣлъ, и рѣшилъ... стать драматургомъ. Это было въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Всюду на континентѣ возникалъ свободный театръ, чтобы дать на своихъ подмосткахъ мѣсто пьесамъ, которыя казались толпѣ слишкомъ смѣлыми. Въ 1889 г. сдѣлана была и въ Англіи, являющейся съ XVIII вѣка классической страной мертвящаго шаблона въ области сцены, — попытка устроить новый театръ (New Theatre). Опытъ сдѣлали Чарльзъ Чэрингтонъ и миссъ Джэнетъ Ачёрчъ. Новаторы не пошли дальше „Кукольнаго домика“ Ибсена. Съ этой пьесой, значительно урѣзанной и подчищенной въ англійской передѣлкѣ, труппа Чэрингтона объѣхала англійскіе провинціальные города. Новый театръ потерпѣлъ крушеніе; Ибсенъ пришелся не по плечу публикѣ, привыкшей къ шаблонной мелодрамѣ. Но попытка не замерла. Вмѣсто новаго театра возникъ „Independent Theatre“ Грэйна. Репертуаръ былъ тоже ибсеновскій, т. е., собственно, одна пьеса „Привидѣнія“. Вотъ этому то независимому театру Бернардъ Шоу предложилъ свою пьесу, которую еще собственно не окончилъ. Онъ принялся за нее въ сотрудничествѣ съ другимъ драматургомъ и критикомъ Вильямомъ Арчеромъ *), но совмѣстная работа скоро прекратилась. Арчеръ отлично изучилъ вкусы большой публики, понимаетъ сцену и знаетъ, какъ развивать драматическія положенія, чтобы пьеса имѣла успѣхъ. Бернардъ Шоу же полагалъ, что дѣйствія должны развиваться согласно не вкусамъ большой публики, а художественнымъ требованіямъ. Такъ онъ и принялся за работу; но Арчеръ нашелъ, что его сотрудникъ только „портитъ хорошій матеріалъ“. Бернардъ Шоу тогда самъ закончилъ свою пьесу „Дома вдовицы“ (Widower's Houses), вошедшую въ первый томъ собранія драматическихъ сочиненій. Въ 1892 г. Independent Theatre поставилъ это произведеніе, которое вызвало громадный скандалъ. Большинство публики неистово и яростно свистало. Газеты на другой день „въ лоскъ“ разругали пьесу Газеты при этомъ проявили еще большую настойчивость, чѣмъ свиставшіе зрители Пьесу громили въ теченіе двухъ недѣль въ передовыхъ статьяхъ, въ отдѣлѣ театральной хроники и въ письмахъ въ редакцію. Шумный скандалъ не только не устрашилъ Бернарда Шоу, но, наоборотъ, привелъ его въ восторгъ

---

*) Взглядъ послѣдняго на англійскій театръ приведенъ въ моей статьѣ, помѣщенной въ іюльской книжкѣ «Русскаго Богатства».

и побудилъ написать въ 1903 г. новую пьесу „The Philanderer", которая явилась откликомъ на бурю, поднятую въ Англіи ибсеновской „Норой". „The Philanderer" на сцену совсѣмъ не попалъ. Неунывающій авторъ написалъ третью комедію „Mrs Warren's Profession", составляющую теперь послѣднюю пьесу перваго тома сочиненій. Но и она не попала на сцену, по той же причинѣ, что и вторая пьеса: по волѣ театральной цензуры. Читателей, знающихъ про безграничную свободу печати въ Англіи, это, вѣроятно, удивитъ. Дѣйствительно, англійскій авторъ можетъ съ полной свободой разбирать наиболѣе щекотливые, съ континентальной точки зрѣнія, вопросы соціальные, экономическіе, политическіе или теологическіе. Онъ можетъ критически относиться къ дѣятельности лицъ, какъ бы высоко ни было ихъ общественное положеніе. Но театральная цензура осталась, при томъ, въ крайне-курьезной формѣ. Съ одной стороны, со сцены, какъ на страницахъ журнала, возможно относиться критически къ такимъ вопросамъ, къ которымъ во многихъ мѣстахъ на континентѣ нельзя и приступиться; съ другой — англійскій драматургъ связанъ по рукамъ и по ногамъ. Театральная цензура возникла сравнительно поздно, въ 1737 г., когда Фильдингъ написалъ комедію, безпощадно обличавшую дворъ. У Фильдинга, судя по двумъ опытамъ, былъ удивительный талантъ драматурга. По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ литературы, онъ смѣло можетъ быть поставленъ рядомъ съ Шекспиромъ. Цензура отбила у Фильдинга охоту писать для сцены, и онъ сталъ романистомъ. Его громадный талантъ развился при этомъ вполнѣ, не встрѣчая препятствія ни въ условностяхъ драмы, ни въ требованіяхъ цензуры. Полтора вѣка прошло со времени перваго появленія „Джозефа Эндрьюса" или „Исторіи Тома Джонеса", между тѣмъ эти нравоописательные романы все еще читаются съ захватывающимъ интересомъ. Повидимому, соображеніями Фильдинга руководствовались и писатели послѣдующихъ поколѣній. Англійская сцена, огражденная цензурой, соблазняла только бездарностей и посредственностей. За то пышно расцвѣлъ романъ, ставшій одно время національной гордостью страны. Нужно прибавить еще, что романъ явился на смѣну драмѣ и потому также, что жизнь стала сложнѣе и не укладывалась уже больше въ тѣсныя и крайне *условныя* рамки сцены. Поступки современныхъ культурныхъ людей являются послѣдствіемъ тонкихъ душевныхъ, иногда едва уловимыхъ движеній. Талантливый романистъ можетъ отмѣтить самыя тонкія психологическія черты; тогда какъ для сцены, по условіямъ ея, требуются грубые, сильные, рѣзкіе мазки для обозначенія характеровъ. Всѣ тонкіе штрихи, очерчивающіе душевную дѣятельность героя, замѣтны при чтеніи, но теряются со сцены. Удивительное художественное произведеніе, которое произведетъ на насъ въ чтеніи страшное

впечатлѣніе, можетъ провалиться на сценѣ. Наоборотъ, на скоро сляпанное произведеніе, нагоняющее въ чтеніи смертельную скуку, можетъ имѣть на сценѣ колоссальный успѣхъ. Нужно вспомнить, что драма создалась и расцвѣла въ такое время, когда жизнь была проще, когда душевныя движенія людей были элементарнѣе, а зрители—болѣе непосредственны. Въ то время даже классическія три единства имѣли естественное и простое объясненіе въ условіяхъ самой жизни. Вдумываясь въ фактъ, что романъ расцвѣлъ тогда, когда драматическая литература всюду пришла въ упадокъ, мы все больше приходимъ къ заключенію, что это не случайное совпаденіе фактовъ. Формы литературнаго произведенія вырабатываются не капризомъ автора, какъ можетъ показаться, а требованіями самой жизни. Формы какого-нибудь археозавра вполнѣ соотвѣтствовали вторичному періоду, когда на безконечныхъ тропическихъ трясинахъ расли прямыя, какъ палки, гигантскія Sigillaria; но птеродактилы и tuceratops изчезли, когда внѣшнія условія измѣнились. Дубы, буки и пальмы вытѣснили въ третичномъ періодѣ гигантскіе папоротники. Безконечныя тропическія болота подсохли. И вотъ, новыя формы жизни, аноплотеріумы, мегатеріумы и др. замѣнили гигантскихъ ящеровъ, потому что лучше ихъ соотвѣтствовали окружающимъ условіямъ. Историку литературы, понимающему свой предметъ, какъ всесторонній обзоръ умственной дѣятельности народа въ извѣстную эпоху, въ связи съ основными причинами прогресса,—театръ, мнѣ кажется, долженъ представляться своего рода археозавромъ, существованіе котораго поддерживается искусственно. Давнымъ давно изчезли прямолинейныя древовидныя Sigellaria, въ незапамятныя времена высохли болота, къ которымъ животное было вполнѣ приспособлено. Явились новыя формы, болѣе соотвѣтствующія дѣйствительности. Между тѣмъ, народы искусственно поддерживаютъ жизнь археозавра; люди пытаются увѣрить и себя, и другихъ, что археозавръ очень изященъ, красивъ, естественъ и что одинъ видъ его дѣйствуетъ облагораживающимъ образомъ на всѣхъ... Но я нѣсколько уклонился въ сторону. Возвращусь къ англійской театральной цензурѣ.

III.

Въ настоящее время она является въ такомъ видѣ. Каждый англичанинъ можетъ написать и напечатать все, что онъ желаетъ; но если авторъ хочетъ, чтобы его произведеніе попало на сцену, онъ долженъ дать его на просмотръ театральному цензору, называющемуся *The King's Reader*. Авторъ платитъ ему за просмотръ двѣ гинеи (20 руб.) *King's Reader*, прочитавъ пьесу, докладываетъ лорду канцлеру, что „не нашелъ ничего безнрав-

ственнаго“ въ ней. Послѣ этого лордъ канцлеръ выдаетъ разрѣшеніе на постановку новаго произведенія. Въ 1893 г. обязанность театральнаго цензора занималъ джентельмэнъ, относившійся крайне враждебно къ Независимому Театру и считавшій Ибсена писателемъ, поставившимъ себѣ спеціальную задачу развращать человѣчество. Въ этомъ духѣ онъ составилъ даже петицію въ парламентъ, которая напечатана въ синей книгѣ (Blue Book № 240, p. p. 328—335) *). Цензоръ требуетъ, чтобы Независимому театру разрѣшили продавать только сезонные билеты, но не на отдѣльныя представленія. Такимъ образомъ, онъ думаетъ локализировать развращающее вліяніе произведеній Ибсена. Нечего было и думать, что такой цензоръ разрѣшитъ представленіе пьесы Бернарда Шоу „Mrs Warren's Profession“. Она вся шла въ разрѣзъ съ шаблономъ. Построена она на столкновеніи дочери и матери. Мать—двусмысленная особа, разбогатѣвшая содержаніемъ „первокласныхъ домовъ“ въ Брюсселѣ и въ Берлинѣ. „Дѣло“ ведется, какъ широкое капиталистическое предпріятіе. Пайщикомъ миссисъ Уорренъ является одинъ изъ ея любовниковъ, баронетъ сэръ Джорджъ Крофтсъ. Дочь миссисъ Уорренъ воспитывается вдали отъ матери, не подозрѣвая ничего. Это—спокойная, уравновѣшанная, крайне трудолюбивая дѣвушка, почти совершенно лишенная сантиментализма. Окончивъ съ отличіемъ математическій факультетъ, она послѣ многихъ лѣтъ встрѣчается съ матерью. Полунамеки знакомыхъ, пестрый характеръ ихъ,—все это заставляетъ дочь задуматься надъ тѣмъ, кто ея мать? Какъ натура спокойная и рѣшительная, дѣвушка рѣшаетъ переговорить съ матерью. Миссисъ Уорренъ—увядающая красавица 40 лѣтъ.

---

*) Подобные эксцентричные критики, хотя и рѣдко, но встрѣчаются. Недавно разбирался процессъ, порожденный передѣлкой для сцены романа «Сафо» Додэ. Въ двухъ театрахъ поставили одновременно двѣ передѣлки, и оба антрепренера обвиняли другъ друга въ плагіатѣ. Одинъ изъ адвокатовъ сказалъ магистрату, что лучше всего выяснится вопросъ, если сравнить передѣлки съ оригинальнымъ романомъ.

— Я романа Додэ не читалъ,—рѣзко отвѣтилъ магистратъ.—Тѣмъ болѣе не намѣренъ читать его теперь, потому что, судя по пьесамъ, это—безнравственная глупая, развращающая дребедень, съ которой слѣдовало бы знаться палачу. Если бы я преодолѣлъ отвращеніе и рѣшился прочитать романъ, то только для того, чтобы привлечь къ отвѣтственности виновниковъ. Къ сожалѣнію, авторъ его не страшится, повидимому, закона («Онъ—французъ и скончался уже»,—вставилъ адвокатъ); но я привлекъ бы къ законной отвѣтственности переводчика, печатника и книгопродавцевъ» (См. «Daily News», 25 іюня 1903 г. Замѣтка озаглавлена: «Мнѣніе магистрата о романѣ Альфонса Додэ»). Въ странѣ съ менѣе широкой гласностью, чѣмъ въ Англіи, такой суровый критикъ, при его общественномъ положеніи, могъ бы причинить крупныя непріятности печати, такъ какъ, несомнѣнно, занялся бы составленіемъ «донесеній». Въ Англіи ему остается только, по грубоватому выраженію, «to play a fool», т. е. ставить самого себя въ глупое положеніе предъ всѣмъ честнымъ народомъ.

Какъ многія ея профессіи, миссисъ Уорренъ надѣлена изряднымъ запасомъ сантиментальности. Сквозь такую призму она смотритъ и на дочь. Даже первая попытка откровенной бесѣды раздражаетъ мать. „Знаете ли вы, съ кѣмъ говорите, миссъ?"—отрѣзываетъ она дочери. *Виви* (спокойно). Нѣтъ. Кто вы? Кто вы? *Миссисъ Уорренъ* (вскочила, задыхаясь). Сатана! *Виви*. Каждый знаетъ мою репутацію, общественное положеніе и то, что я намѣреваюсь дѣлать. Я же ничего не знаю о васъ. Скажите мнѣ, къ какой жизни зовете вы и сэръ Джорджъ Крофтсъ меня? *Миссъ Уорренъ*. Берегитесь. Я могу сдѣлать такое, о чемъ и вы, и я потомъ пожалѣемъ. *Виви* (холодно). Хорошо. Отложимъ этотъ вопросъ до тѣхъ поръ, покуда вы сможете спокойно отвѣтить на него (Пытливо глядитъ въ лицо матери, которая начинаетъ хныкать. *Виви* вскакиваетъ).—Пожалуйста, не плачьте. Только не это. Я не выношу слезъ. Я уйду, если не перестанете. *Миссисъ Уорренъ* (жалобно). Голубка! Какъ можете вы быть такой жестокой со мной. Развѣ у меня нѣтъ особыхъ правъ, какъ у матери? *Виви*. А развѣ вы моя мать? *Миссисъ Уорренъ* (испуганно) Виви!—*Виви*. Въ такомъ случаѣ, гдѣ наши родные? Кто мой отецъ! Гдѣ друзья нашей семьи? Вы предъявляете требованія, какъ мать; желаете имѣть право называть меня ребенкомъ, дурочкой, какъ никто не смѣлъ меня называть до сихъ поръ. Вы хотите навязать мнѣ, какъ слѣдуетъ жить и знакомства, которыхъ я не хочу. Прежде, чѣмъ отказать вамъ въ этихъ требованіяхъ я хочу узнать, по какому праву вы мнѣ ихъ предъявляете?" Миссисъ Уорренъ внезапно начинаетъ говорить пылко, искренно. „Не желаю терпѣть этого! — восклицаетъ она.—Какое право имѣете вы ставить себя такъ высоко надо мною! Вы горды и забываете, что я дала вамъ возможность быть тѣмъ, что вы есть. Стыдно вамъ быть такой недотрогой по отношенію ко мнѣ. *Виви* (холодно и рѣшительно, но уже не съ прежней увѣренностью). Не думайте, что я ставлю себя выше васъ. Вы выдвинули противъ меня условный авторитетъ матери. Я отвѣтила условнымъ преимуществомъ честной женщины... Я всегда буду признавать ваше право на собственные взгляды и образъ жизни. *Миссисъ Уорренъ*. Мои взгляды и образъ жизни! Что она говоритъ! Ты думаешь, меня воспитывали, какъ тебя Развѣ я могла избрать собственный образъ жизни? Неужели ты думаешь, что мнѣ моя жизнь нравилась? Я тоже пошла бы въ колледжъ и тоже была бы лэди, если бы только могла... Знаешь ли, кто была твоя бабушка? *Виви*. Нѣтъ. *Миссисъ Уорренъ*.—Ты не знаешь, а я знаю. Она называла себя вдовой и кормила четырехъ дочерей доходомъ съ обжорки. Я и сестра Лиззи мы были здоровы и красивы. Вѣроятно, нашимъ отцомъ былъ человѣкъ, который всегда питался хорошо. Мать увѣряла, онъ былъ джентельмэнъ; но я его не знаю. Остальныя двѣ дѣвушки были замо

рыши, коротышки, уродливыя, вѣчно голодныя. Онѣ работали, не покладая рукъ. Лиззи и я заколотили бы сестеръ, если бы мать не колотила насъ постоянно, чтобы мы не трогали заморышей. Онѣ были честныя дѣвушки нашей семьи. И чего же онѣ добились своею честностью? Я тебѣ отвѣчу на это. Одна изъ нихъ работала по двѣнадцати часовъ въ день за девять шиллинговъ въ недѣлю на заводѣ, гдѣ приготовляются свинцовыя бѣлила. Работала до тѣхъ поръ, покуда не умерла отъ отравленія свинцомъ. Бѣдняжка разсчитывала, что отдѣлается только параличемъ рукъ, но умерла. Вторую дурнушку ставили намъ въ примѣръ: она вышла замужъ за работника въ Дептфордѣ и сводила концы съ концами съ 18 шиллингами въ недѣлю, покуда мужъ не сталъ запивать. Не правда ли, ради этого стоило быть честной!

Лиззи раньше сестры пошла „не респектабельнымъ путемъ". Обладая настойчивостью и рѣшительнымъ характеромъ, она постаралась извлечь все, что могла, изъ своихъ богатыхъ пріятелей. Она копила деньги. Миссисъ Уорренъ еще нѣкоторое время была подносчицей въ кабакѣ за четыре шиллинга въ недѣлю. Здѣсь ее нашла Лиззи, которая въ то время имѣла уже деньги, и предложила вмѣстѣ устроить „домъ" въ Брюсселѣ.

Миссисъ Уорренъ. „Домъ" этотъ былъ, дѣйствительно, первоклассный. Въ немъ женщинамъ жилось гораздо лучше, чѣмъ на томъ заводѣ, на которомъ отравилась моя сестра Джэйнъ. Ни съ одной изъ нашихъ дѣвушекъ мы не обращались такъ, какъ поступали со мною дома или въ томъ кабакѣ, гдѣ я служила. Неужели ты хотѣла бы, чтобы я осталась въ кабакѣ и стала бы старухой въ сорокъ лѣтъ? *Виви* (глубоко заинтересованная разсказомъ матери). Нѣтъ, но почему вы избрали такую профессію? При бережливости, трудолюбіи и заботливости пойдетъ всякое дѣло. *Миссисъ Уорренъ.* Да, при бережливости. Но въ какомъ же дѣлѣ женщина можетъ копить деньги? Можно ли сберегать, получая четыре шиллинга въ недѣлю, на которые нужно кормиться и чисто одѣваться? Конечно, другое дѣло, если знаешь отлично музыку, умѣешь играть на сценѣ или писать въ газетахъ. Но ни я, ни Лиззи ничего этого не умѣли. У насъ была только внѣшность, нравившаяся мужчинамъ. Мы не хотѣли быть дурами и служить продавщицами въ магазинѣ или подносчицами, чтобы другіе наживались нашими улыбками и красивыми лицами. Мы сами стали торговать этимъ и получать всѣ барыши... Лиззи и я мы должны были много работать, копить и разсчитывать, какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ. Иначе мы были бы также бѣдны, какъ обыкновенная пьяная уличная женщина, полагающая въ молодости, что ея удача будетъ продолжаться вѣчно. Я презираю такихъ людей. У нихъ нѣтъ воли. А больше всего я ненавижу въ женщинѣ—отсутствіе воли. *Виви.* По моему воля сказывается именно въ томъ, что женщины ненавидятъ подобный способъ зарабатыванія

денегъ. *Миссисъ Уорренъ.* Конечно, никто не любитъ необходимость работать и копить деньги; но приходится дѣлать. Я всегда жалѣла бѣдную дѣвушку, которая, не смотря на усталость и дурное расположеніе духа, должна стараться угодить какому-нибудь полупьяному господину, совершенно ей неизвѣстному. Этотъ дуракъ думаетъ, что любезничаетъ, когда дразнитъ и надоѣдаетъ чувствующей къ нему отвращеніе женщинѣ до такой степени, что никакія деньги тутъ не могутъ вознаградить. Женщина должна преодолѣть свое отвращеніе и быть пріятной точно такъ, какъ поступаетъ сидѣлка въ госпиталѣ, которой тоже противно иногда возиться съ больнымъ, покрытымъ язвами. Женщина избираетъ такъ называемый нечестный путь не потому, что онъ пріятенъ. Хотя, если послушаешь благочестивыхъ людей, можно подумать, что путь этотъ усыпанъ розами. *Виви* (Все болѣе и болѣе волнуясь). Предположимъ, мама, что мы были бы теперь снова такъ же бѣдны, какъ вы когда-то. Неужели вы не посовѣтовали бы мнѣ въ такомъ случаѣ поступить подносчицей, выйти замужъ за работника или даже начать работать на фабрикѣ? *Миссисъ Уорренъ* (съ негодованіемъ). Конечно, нѣтъ. За какую мать принимаешь ты меня? Какъ бы ты могла сохранить уваженіе къ самой себѣ въ рабствѣ, получая нищенское вознагражденіе. А чего же стоитъ женщина и стоитъ ли жить, если нѣтъ самоуваженія! Почему я независима и могу дать дочери самое лучшее воспитаніе, тогда какъ другія женщины валяются въ грязи? Потому что я всегда уважала себя и умѣла держать себя въ рукахъ. Лиззи теперь живетъ въ большомъ провинціальномъ городѣ, гдѣ къ ней всѣ относятся съ глубокимъ уваженіемъ. Чѣмъ бы мы были теперь, если бы слушали болтовню клэрджимэна. Мы мыли бы съ тобой полы за полтора шиллинга въ день и имѣли бы впереди одну надежду: рабочій домъ. Пусть тебя не сбиваютъ съ толку, дочурка, люди, не знающіе свѣта. Единственный путь, какимъ женщина можетъ успѣть въ жизни, это—быть ласковой съ какимъ-нибудь мужчиной, который можетъ обезпечить ее. Если она равна съ нимъ по общественному положенію, пусть выходитъ замужъ. Но если они не равны; если онъ джентельмэнъ, а она подносчица, то зачѣмъ ей стараться женить его на себѣ. Бракъ былъ бы несчастьемъ для нея. Спроси у любой лондонской лэди, имѣющей дочерей. Она скажетъ тебѣ то же самое, только не такъ откровенно и прямо, какъ я, а обинякам. Въ этомъ только вся и разница *)... Въ Англіи драматическій писатель не можетъ удивить публику никакими афоризмами или пародоксами политическаго, соціальнаго или теологическаго характера, даже такими, которые на конти-

---

*) Plays: Pleasant and Unpleasant. By Bernard Shaw. 1901, v. I, p.p. 182—196, 197.

нентѣ показались бы страшно смѣлыми и *сюбверсивными*: англичане привыкли къ самой широкой свободѣ слова въ этой области. Широкая терпимость къ чужому мнѣнію сдѣлалась жизненнымъ фактомъ, а не только отвлеченнымъ принципомъ. Ее признали, наконецъ, тѣ, которые много вѣковъ были противъ толерантности, вначалѣ прямо, потомъ косвенно. Но совершенно иначе разсуждаютъ англичане, когда дѣло касается области, давно открытой для критики даже въ наиболѣе отсталыхъ странахъ на континентѣ. „Мы—практическіе люди,—формулируетъ въ этомъ отношеніи Тэнъ взгляды англичанъ,—и не желаемъ имѣть литературы, которая развращала бы жизнь. Мы вѣримъ въ семейное начало и не хотимъ литературныхъ произведеній, подтачивающихъ его. Мы—протестанты и сохранимъ взгляды нашихъ предковъ-пуританъ на любовь". Послѣ Шарлотты Бронте являлись, хотя не часто, романисты, переступавшіе заповѣдную черту. „Миссисъ Гранди" брюзжала и негодовала; но вынуждена была терпѣть. За то сцена попрежнему ограждена отъ вторженія идей этой категоріи. Мы видимъ, что взгляды миссисъ Уорренъ нѣсколько своеобразны; но въ нихъ нѣтъ, конечно, ничего страшнаго и *сюбверсивнаго*. Мать скрываетъ отъ дочери, что и теперь получаетъ громадные доходы отъ „домовъ" въ Брюсселѣ и въ Берлинѣ. Когда Виви узнаетъ это, она порываетъ окончательно съ матерью, оставляетъ все и спокойно, обдуманно, безъ позировки, начинаетъ тянуть лямку интеллигентнаго пролетарія. Не смотря на такой конецъ, пьеса Бернарда Шоу никогда не могла попасть на сцену. „Mrs Warren's Profession" кажется слишкомъ смѣлой пьесой даже для „Независимаго театра". Просматривая это произведеніе, мы приходимъ къ заключенію, что у эксцентричнаго автора нѣсколько своеобразное представленіе о томъ, что такое оригинальность. Повидимому, авторъ полагаетъ, что она заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы красить бѣлобоговъ шаблонныхъ пьесъ въ черный цвѣтъ. Такъ, напр., у Джонеса и Пинеро, не говоря уже объ абсолютно-бездарныхъ поставщикахъ пьесъ, пасторы *всегда* являются образцами всѣхъ добродѣтелей. Они кротки, любвеобильны, постоянно поднимаютъ очи горѣ; но въ то же время, „настоящіе англичане": мужественны, отличные спортсмэны и всегда, поэтому, могутъ успѣшно обмѣнять библію на саблю. Въ драмѣ *Томми Аткинсъ*, имѣвшей громадный успѣхъ, пасторъ становится солдатомъ и заслуживаетъ эполеты въ битвѣ съ Магди. Въ драмѣ *The Fighting Parson*, которая держится уже больше года, центральная сцена заключается въ слѣдующемъ. Любвеобильный, кроткій клэрджимэнъ пытается образумить грубаго, здороваго буяна-пьяницу, который постоянно бьетъ свою жену. Буянъ не только не смягчается, но даже ударяетъ пастора въ самой церкви. И вотъ, священникъ снимаетъ бѣлый стихарь и у самыхъ дверей церкви, при общемъ восторгѣ зрителей, всту-

паетъ съ буяномъ въ кулачный бой. Клэрджимэнъ боксируетъ такъ хорошо, что верзила-противникъ падаетъ пластомъ и его уносятъ за кулисы. И нужно слышать бурные аплодисменты зрителей! Бернардъ Шоу тоже выводитъ пастора, достопочтеннаго ректора Самуэля Гарднера; но считаетъ прежде всего необходимымъ „перекрасить его“. Самуэль Гарднеръ—грубый, низкій, глупый, трусливый человѣкъ, отличающійся своимъ обжорствомъ и пьянствомъ. Въ былое время онъ, кромѣ того, еще распутничалъ. Въ комедіяхъ Джонеса и Пинеро баронеты всегда являются, прежде всего, „джентельмэнами“, въ томъ хорошемъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову англичане. Въ пьесѣ *Mrs Warren's Profession* тоже фигурируетъ баронетъ сэръ Джорджъ Крофтсъ, но Бернардъ Шоу заботится не столько о выясненіи его характера, сколько о томъ, чтобы „перекрасить его“ иначе, чѣмъ въ шаблонныхъ комедіяхъ. Сэръ Джорджъ—грубое, злобное животное. Онъ долго былъ въ связи съ миссисъ Уорренъ и, тѣмъ не менѣе, добивается руки ея дочери. Вмѣстѣ съ своей возлюбленной онъ содержитъ „дома“ и даже не понимаетъ, что въ этомъ зазорнаго. „Мать моя была очень бѣдна,—говоритъ ему Виви,—и не имѣла другого выхода. Вы же и тогда уже были богатымъ джентельмэномъ. А между тѣмъ, сдѣлали тоже самое ради 35%, которые вамъ дало „предпріятіе“. По моему мнѣнію, вы—заурядный, мелкій негодяй. *Сэръ Джорджъ.* Ха-ха ха! валяйте дальше, барышня! То, что вы говорите, совсѣмъ не оскорбляетъ, а только забавляетъ меня. Почему, чортъ возьми! мнѣ не помѣстить моихъ денегъ, гдѣ выгоднѣе? Я беру проценты на капиталъ, какъ всѣ. Конечно, я не стану пачкать рукъ и не самъ управляю „домами“. Вы, надѣюсь, не откажетесь вести знакомство съ моимъ двоюроднымъ братомъ герцогомъ Бельгравійскимъ, потому только, что часть ренты, которую онъ получаетъ, идетъ изъ несовсѣмъ чистыхъ источниковъ. Вы не раззнакомились бы съ архіепископомъ Кэнтерберійскимъ за то, что церковную землю у него въ городѣ арендуютъ мытари и блудницы. Въ Ньюнгэмскомъ колледжѣ, въ которомъ вы получили высшее образованіе, есть стипендія Крофтса. Ее основалъ братъ мой, членъ парламента. Онъ получаетъ 22% съ капитала, вложеннаго въ фабрику, на которой работаетъ 600 дѣвушекъ. И ни одна изъ нихъ не получаетъ достаточнаго заработка, чтобы прожить. Какъ вы думаете, чѣмъ пополняетъ большинство изъ нихъ свой заработокъ! Неужели же вы думаете, что я откажусь отъ 35% на капиталъ, тогда какъ другіе спокойно кладутъ доходъ въ карманы? Нѣтъ, я не такъ глупъ! *).

Вслѣдствіе этого желанія непремѣнно „перекрашивать“ шаблонныхъ героевъ, Бернардъ Шоу впадаетъ порой въ шаблонъ противоположнаго характера. У талантливаго автора не столько

*) «Plays: Pleasant and Unpleasant.», v. I. p. 212.

желанія, на основаніи опредѣленнаго міровоззрѣнія, переоцѣнить существующія общественныя цѣнности, сколько намѣренія высказать возможно больше эксцентричностей и нарисовать возможно больше каррикатуръ. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить комедія „Philanderer“, входящая въ составъ того же перваго тома „Пріятныхъ и непріятныхъ пьесъ“. Авторъ окаррикатурилъ увлеченіе Ибсеномъ, героинями его и новымъ театромъ, то есть, осмѣялъ то самое движеніе, къ которому принадлежитъ отчасти и самъ. Предъ нами „Ибсеновскій клубъ“, всѣ члены котораго психопаты и неврастеники. Новыхъ членовъ, по правилу, рекомендуютъ, если они мужчины—женщины, а если женщины—мужчины. При этомъ дается торжественное обѣщаніе, что въ мужчинахъ, добивающихся избранія, нѣтъ ничего мужественнаго, а въ женщинахъ—женственнаго. Въ клубѣ возможна поэтому такая сцена: одна изъ дамъ собирается потребовать отъ комитета исключенія изъ числа членовъ другой дамы. „Могу ли узнать причину?—спрашиваетъ одинъ изъ членовъ. *Грэйсъ*. Конечно. Миссъ Крэйвенъ—женщина, въ которой слишкомъ много женственности, поэтому она не можетъ оставаться членомъ Ибсеновскаго клуба. *Джулія*. Ложь! я не женственная женщина! За меня дали гарантію въ этомъ отношеніи, когда я баллотировалась въ клубъ“ *). Дамы отличаются необыкновенной влюбчивостью. Всѣ онѣ, въ особенности, гоняются за философомъ клуба, за неврастеникомъ Чартерисомъ. Оспаривая его, дамы доходятъ до бѣшенства, до угрозъ поколотить одна другую зонтиками и выцарапать глаза. Чартерисъ, стараясь спастись отъ чрезмѣрно-усердныхъ поклонницъ, напоминаетъ имъ, что ихъ идеаломъ должна быть Нора. „Какъ женщина передовыхъ взглядовъ,—говоритъ онъ своей поклонницѣ, психопаткѣ Джуліи, не позволяющей ему вступить въ бракъ съ соперницей Грэйсъ,—вы рѣшили быть свободной... Вы смотрѣли на бракъ, какъ на унизительную сдѣлку, при посредствѣ которой женщина продается мужчинѣ. Въ силу этой сдѣлки женщина получаетъ общественное положеніе жены и право на поддержку на старость лѣтъ на доходы мужа. Таковъ взглядъ передовыхъ людей, т. е. нашъ взглядъ. Кромѣ того, если бы вы вышли за меня замужъ, я легко могъ бы стать пьяницей, преступникомъ, слабоумнымъ и отравить ваше существованіе. Вы видите, что вы рисковали бы очень многимъ. Таковъ раціональный, т. е. нашъ взлядъ. Поэтому, вы сохранили за собой право оставить меня въ каждый моментъ, когда вы убѣдитесь, выражаясь вашими же словами, что связь мѣшаетъ развить вполнѣ вашу индивидуальность. Вѣдь вы такъ оформулировали ибсеновскій, т. е. нашъ, взглядъ?.. Неблагодарная! Какъ вы выражаете вашу признательность? Вспомните, чего я только не терпѣлъ отъ васъ!

---

*) Plays; etc., v. I, p. 134.

И все я переносилъ, какъ ангелъ. Черезъ двѣ недѣли я убѣдился, что всѣ ваши передовые взгляды только подлое украшеніе. Вы столько твердили про свободу, а между тѣмъ отравляли мнѣ жизнь больше, чѣмъ можетъ сдѣлать это самая ревнивая жена. Не было у меня такого друга-женщины, которую вы не обозвали бы старой, уродливой, отвратительной вѣдьмой. *Джулія* (быстро). Потому, онѣ были вѣдьмы! *Чартерисъ*. Я обвиняю васъ въ безпричинной ревности. Вы оскорбляли меня безъ всякаго повода, даже поколачивали порой. Вы таскали мои письма и проводили часы въ составленіи клочковъ, вытащенныхъ изъ моей сорной корзины. *Джулія*. Я имѣла право читать ваши письма. Развѣ не должно было существовать между нами полное довѣріе"? *) и т. д. Все это, какъ видитъ читатель, грубовато, не особенно оригинально и не особенно умно. А самое главное, трудно сказать, зачѣмъ вся эта каррикатура понадобилась автору. Между тѣмъ, судя по предисловіямъ къ каждой пьесѣ, Бернардъ Шоу особенно гордится сознаніемъ, что каждая комедія его имѣетъ ключъ и, кромѣ этого, она—своего рода бомба, брошенная въ лицо конвенціонализму и старому обществу. Судя по комедіи „Philanderer", можно думать, что эксцентричный авторъ далеко еще самъ не разобрался въ томъ, противъ чего именно онъ собирается протестовать. Невольно предъ глазами возникаетъ пестрый образъ, съ колпакомъ и бубенчиками и съ пузыремъ, наполненнымъ горохомъ, въ рукахъ; тотъ образъ, о которомъ Бернардъ Шоу говоритъ въ своемъ предисловіи къ первому тому. „Пончъ" иногда говоритъ злую правду въ глаза, но онъ не разбираетъ, надъ кѣмъ смѣется и кого именно бьетъ онъ пузыремъ по головѣ, своихъ или чужихъ; такихъ, которые заслужили ударъ или же тѣхъ, кого надлежитъ пожалѣть...

Въ комедіи „Philanderer", наприм., Бернардъ Шоу, этотъ смѣлый до дерзости революціонеръ, какимъ онъ самъ считаетъ себя, слѣдуетъ по стопамъ добродѣтельныхъ дѣвицъ и благочестивыхъ пасторовъ, вопящихъ теперь противъ вивисекціи. „Во всемъ виноваты глупые сантиментальные законы страны! — восклицаетъ каррикатурный докторъ Параноръ, научная гипотеза котораго не подтвердилась. Я не имѣлъ возможности произвести достаточное число опытовъ. Мнѣ дали разрѣшеніе оперировать только надъ тремя собаками и обезьяной. И это тогда, когда вся Европа переполнена моими профессіональными соперниками, горящими желаніемъ доказать, что я неправъ. Во Франціи можно производить опыты вивисекціи. Да здравствуетъ свободная, республиканская Франція! Одинъ французъ разрѣзалъ двѣсти обезьянъ, чтобы опровергнуть мою теорію **). Другой не пожалѣлъ

*) «Plays», etc., v. I, p.p. 82—84.

**) Въ Англіи, вслѣдствіе агитаціи анти-вивисекціонистовъ, ученые, же-

36 ф. ст.—триста собакъ по три франка за голову,—чтобы доказать невѣрность обезьяньей гипотезы. Третій доказалъ, что оба француза неправы однимъ опытомъ; для этого онъ понизилъ температуру печени живого верблюда до 30°. И вотъ теперь является этотъ проклятый итальянецъ, доканавшій меня. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ госпитали и правительственную субсидію на покупку животныхъ. Я не допущу, чтобы меня побилъ итальянецъ! Я самъ поѣду въ Италію и снова открою мою болѣзнь. Я знаю, она существуетъ. Я чувствую это и докажу опытами надъ всѣми животными, которыя только имѣютъ печень."

Первый томъ драматическихъ сочиненій Бернарда Шоу называется „Сборникомъ непріятныхъ пьесъ". Авторъ самъ предупредительно объясняетъ это нѣсколько вычурное и претенціозное заглавіе: „Причина, почему я назвалъ такъ мои пьесы, совершенно очевидна,—говоритъ Бернардъ Шоу. — Я употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить зрителя взглянуть прямо въ лицо крайне непріятнымъ для него фактамъ. Безъ сомнѣнія, всякая правдивая пьеса, вѣрно изображающая людей, разрушаетъ ихъ чудовищное самомнѣніе, которому по обязанности льстятъ (?!) романисты. Здѣсь мы сталкиваемся не только съ комедіей или съ трагедіей отдѣльныхъ индивидуумомъ, но также съ однимъ непріятнымъ фактомъ. Средній англичанинъ, какъ бы онъ ни былъ добродушенъ и благожелателенъ самъ по себѣ, какъ гражданинъ, оставляетъ желать многаго. Покуда дѣло касается словъ, онъ будетъ жаждать золотого вѣка, подъ условіемъ, что послѣдній достанется даромъ. Но средній англичанинъ закрываетъ глаза на самыя вопіющія явленія, если думаетъ, что для уничтоженія ихъ потребуется новый пенсъ подоходнаго налога. Чтобы платить налоги, его нужно заставить и обмануть... Въ комедіи „Philanderers" я показалъ, каковы тѣ причудливые сексуальные договоры, которые заключаются между мужчинами и женщинами; эти договоры многимъ изъ насъ (въ особенности, когда дѣло касается другихъ) кажутся политической необходимостью. Другіе видятъ въ этихъ союзахъ теологическій элементъ, третьи — романтическій идеалъ. Есть и такіе, которые усматриваютъ въ бракѣ своего рода профессію для женщинъ. Мы видимъ также людей, склонныхъ считать бракъ—величайшей ошибкой; по ихъ мнѣнію, общество переросло этотъ институтъ и въ силу этого

лающіе дѣлать опыты надъ животными, должны брать спеціальное разрѣшеніе. Оно дается неохотно. Заурядные врачи, изъ чувства профессіональной зависти, не преминули играть въ руку сантиментальнымъ дѣвицамъ и благочестивымъ пасторамъ. Эти врачи пишутъ для большой публики, что прогрессъ медицины не нуждается въ опытахъ надъ живыми животными; что Клодъ-Бернаръ былъ шарлатанъ, равно какъ Пастеръ и всѣ тѣ, которые «выдумали» бактеріологію.

„передовые“ индивидуумы должны уклоняться отъ него. „The Philanderers“ состоитъ изъ сценъ, проникнутыхъ такой атмосферой. И, я полагаю, въ нихъ зрители не усмотрятъ ничего лестнаго для себя. Въ комедіи „Mrs Warren's Profession“ я заставляю героиню доказывать, что въ настоящее время „женщина имѣетъ только одну возможность устроиться прилично: она должна быть ласковой съ тѣмъ мужчиной, который желаетъ обезпечить ее.“ Есть нѣкоторые вопросы, въ которыхъ я, какъ большинство коллективистовъ,—являюсь крайнимъ индивидуалистомъ, — продолжаетъ Бернардъ Шоу.—Я того мнѣнія, что каждое дѣйствительно передовое общество должно быть организовано такъ, чтобы всѣ индивидуумы, какъ мужчины, такъ и женщины, могли поддерживать себя своимъ личнымъ трудомъ и своей профессіей, не продавая своихъ чувствъ и убѣжденій.“

Мысль, какъ видите, совершенно вѣрная, но нѣсколько не новая. Для развитія ея отнюдь не нужно было писать претенціозной пьесы съ еще больше претенціознымъ „манифестомъ“—предисловіемъ. „Въ настоящее время, — продолжаетъ Бернардъ Шоу,—мы заставляемъ женщинъ подъ страхомъ голодной смерти въ случаѣ нежеланія подпадать по контракту или безъ контракта („незаконно“)—подъ власть „кормильца“. Мы имѣемъ также громадный классъ проституирующихъ мужчинъ. Сюда относятся, между прочимъ, драматическіе писатели и журналисты, къ которымъ принадлежу самъ, а также легіоны адвокатовъ, врачей, клэрджимэновъ, профессіональныхъ политиковъ, ежедневно употребляющихъ всѣ свои таланты, чтобы дѣйствовать противъ убѣжденія. Это такой грѣхъ, въ сравненіи съ которымъ грѣхъ женщины, продающей свое тѣло на часъ,— становится ничтожнымъ. Для современнаго общества безпринципные богатые люди гораздо опаснѣе, чѣмъ „безнравственныя“ женщины. Я доказываю это положеніе въ моихъ пьесахъ. И, конечно, врядъ-ли это можетъ быть пріятно зрителямъ“ *).

IV.

Мое первое письмо о Бернадѣ Шоу я закончу нѣсколькими словами о комедіи „The Widower's Houses“. Если читатель помнитъ, пьеса эта при появленіи своемъ произвела колоссальный скандалъ, который привелъ въ восторгъ автора. Бернардъ Шоу самъ обязательно поясняетъ въ предисловіи, что въ комедіи онъ желалъ „показать, что такое, въ сущности, респектабельность среднихъ классовъ.“ „Я хотѣлъ также демонстрировать, что „мягкіе“ люди богатѣютъ на счетъ нищихъ, какъ жирѣютъ мухи, питаясь нечистотами.“

*) The Three Unpleasant Plays, p. p. XXIV—XXVI.

Авторъ вывелъ, такъ называемаго, Slum-lord, арендатора цѣлыхъ улицъ, застроенныхъ полуразрушенными домами. Въ нихъ ютится перекатная голытьба, снимающая комнату или уголъ. Эти трущобы, приводящія въ отчаяніе санитарныхъ инспекторовъ, приносятъ лэндлордамъ гораздо больше выгоды, чѣмъ дома, заселенные состоятельными жильцами. Slum-lord — Сарторіусъ— вполнѣ респектабельный человѣкъ, твердо увѣренный въ правотѣ своего дѣла. Онъ очень разбогатѣлъ и теперь мечтаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за „вполнѣ джентльмэна" и такимъ образомъ, войти въ „большой", „настоящій" свѣтъ. „Взгляните на этотъ мѣшокъ съ деньгами,—говоритъ его сборщикъ Ликчизъ.— Здѣсь нѣтъ пенса, который не былъ бы вырванъ у матери съ голодными дѣтьми. Я выжималъ для хозяина эти деньги, грозилъ, надоѣдалъ, ругался, покуда получалъ гроши. Я привыкъ къ этому; но тутъ есть и такія деньги, которыхъ и я не выжималъ бы, не будь у меня голодныхъ дѣтей. И теперь хозяинъ прогналъ меня!" Сарторіусъ разсчиталъ своего сборщика за то, что тотъ затратилъ двадцать четыре шиллинга на починку лѣстницы въ одной изъ трущобъ. „На этой лѣстницѣ три женщины сломали себѣ ноги,—говоритъ сборщикъ.—Если бы я не починилъ ея, кто-нибудь навѣрное убился бы тамъ, и тогда хозяина привлекли бы къ суду за нечаянное убійство". „Вы выдирали деньги, на которыя нужно было купить хлѣбъ для голодныхъ дѣтей?—смущенно говоритъ женихъ дочери Сарторіуса, д-ръ Тренчъ.—Такъ вы имѣете теперь по заслугамъ! Будь я отцомъ одного изъ этихъ дѣтей, я задалъ бы вамъ. Мистеръ Сарторіусъ совершенно правъ, когда прогналъ васъ. *Ликчизъ*. Эхъ вы, простота! Неужели вы думаете, что меня прогнали за то, что я былъ жестокъ! Совсѣмъ нѣтъ. Меня не хотятъ, потому что я слишкомъ мягокъ. Никогда еще хозяинъ не сказалъ мнѣ, что доволенъ мною. Ему было бы мало, даже если бы я содралъ шкуру съ его жильцовъ. Я не скажу, что онъ самый плохой Slum-lord въ Лондонѣ. Есть еще и похуже его". Д-ръ Тренчъ допытывается, въ чемъ собственно состоитъ дѣятельность Сарторіуса. *Ликчизъ*. Онъ имѣетъ десятки домовъ и сдаетъ въ нихъ по-недѣльно комнаты и углы. Это приноситъ большія деньги, если знать, какъ взяться за дѣло. Самая скверная трущоба приноситъ больше дохода, чѣмъ дворецъ въ Park-Lane (улица въ самой аристократической части Лондона)... На всѣ свои свободныя деньги мистеръ Сарторіусъ покупаетъ старые, полуразвалившіеся дома. Мимо нихъ нельзя пройти, не зажавъ носъ. У него много такихъ домовъ въ самыхъ дикихъ кварталахъ Лондона, въ Бетналъ-Гринѣ, въ Мэрилебонѣ. Посмотрите, какъ богато живетъ мистеръ Сарторіусъ! Имѣть трущобы— выгодно. Онъ говоритъ, что купилъ себѣ этотъ домъ потому, что здѣсь процентъ смертности не высокъ. Я показалъ бы вамъ процентъ смертности въ трущобахъ, въ Робинсъ Роу!.. Д-ръ

Тренчъ въ отчаяніи. Онъ считаетъ себя честнымъ человѣкомъ и не можетъ помириться съ мыслью, что женится на дочери Сарторіуса и будетъ пользоваться деньгами, выжатыми такимъ образомъ въ Робинсъ Роу. Онъ объясняется съ своимъ будущимъ тестемъ, который крайне скандализированъ тѣмъ, что его дѣло находятъ не честнымъ.—Я доставляю квартиры очень бѣднымъ людямъ,—говоритъ онъ тономъ оскорбленной невинности.—Средства ихъ очень ограничены, но эти люди, подобно другимъ, тоже нуждаются въ кровѣ. Неужели вы думаете, что я долженъ сдавать имъ квартиры даромъ? *Тренчъ.*—Все это очень хорошо. Вопросъ весь въ томъ, *какія* квартиры вы сдаете бѣднякамъ за ихъ деньги... Вы заставляете людей платить за помѣщенія, не пригодныя даже для собакъ. Почему вы не выстроите порядочныхъ домовъ? Почему вы не даете эквивалента за получаемыя деньги. *Сарторіусъ* (тономъ, въ которомъ слышится снисхожденіе къ невѣдѣнію собесѣдника).—Эти люди, мой другъ, не умѣютъ даже жить въ порядочныхъ квартирахъ и разнесли бы ихъ въ одну недѣлю. Не вѣрите? Попробуйте сами. Если хотите, сдѣлайте на вашъ счетъ всѣ поправки: вставьте недостающія балясины на лѣстницахъ, придѣлайте тамъ перилы, поставьте сорные ящики. Черезъ три дня все это изчезнетъ. Эти жильцы истопятъ на дрова всѣ балясины, перилы и доски сорныхъ ящиковъ. Я не осуждаю бѣдняковъ: имъ нуженъ огонь, и они не имѣютъ другого горючаго матеріала подъ рукой. Но я не въ состояніи чинить имъ для этого квартиры. Да и съ какой стати, если и въ разоренномъ видѣ могу сдавать комнаты по 4½ ш. въ недѣлю. Это,—какъ всѣ признаютъ, честная рента для Лондона... Докторъ Тренчъ—младшій сынъ баронета. Какъ это дѣлается въ Англіи, старшій сынъ получитъ всѣ родовыя помѣстья. Младшему сыну дали возможность получить дипломъ; затѣмъ отецъ выдѣлилъ ему „маленькій“ (по англійскимъ понятіямъ) капиталъ въ 10,000 ф. ст., который приноситъ д-ру Тренчу 700 ф. ст. въ годъ. *Сарторіусъ.* Скажите мнѣ, д-ръ Тренчъ, откуда идутъ ваши доходы?.. *Тренчъ* (вызывающе). Не изъ трущобъ. Мой нотаріусъ отдалъ весь капиталъ подъ закладную. Я получаю 7% въ годъ. Мои руки честны. *Сарторіусъ.* А знаете ли вы, что закладная у васъ на мои дома. Если я, выражаясь вашими словами, „выколачиваю и выжимаю“ деньги, которыя жильцы, по своей доброй волѣ, согласились платить мнѣ,—то, прежде всего, дѣлаю это для того, чтобы уплатить вамъ, или вашему нотаріусу, 700 ф. въ годъ процентныхъ денегъ. Я дѣлаю для васъ то, что Ликчизъ—для меня. И онъ, и я являемся только посредниками. Принципалъ—вы. Вы имѣете возможность получать громадный доходъ въ 7% годовыхъ только потому, что я „выколачиваю“ ренту изъ бѣдняковъ. А между тѣмъ вы, докторъ Тренчъ, не задумываясь, рѣзко и презрительно отозвались о моей профессіи

хотя я честно веду мое дѣло... *). Мистеръ Сарторіусъ серьезно обиженъ. Онъ считаетъ себя вполнѣ корректнымъ человѣкомъ, съ твердыми правилами жизни. Въ Германіи, на Рейнѣ онъ искренно негодуетъ, когда узнаетъ, что церковь, которую видитъ изъ отеля, у Бедекера обозначена, какъ *Apollinaris Church*. Мистеръ Сарторіусъ знаетъ, что „Apollinaris"—столовая минеральная вода, и считаетъ профанаціей религіи то, что церковь назвали по напитку. Спутникъ успокаиваетъ Сарторіуса, объяснивъ ему, что не церковь названа по минеральной водѣ, а наоборотъ. *Сарторіусъ* (тономъ человѣка, слышащаго смягчающее обстоятельство, но не полное оправданіе).—Очень радъ слышать. Что же, это замѣчательная церковь? *Кокэйнъ*.—Бедекеръ говоритъ, что да. *Сарторіусъ* (почтительно). О, въ такомъ случаѣ, нужно осмотрѣть. *Кокэйнъ* (читаетъ по путеводителю): „Построена въ 1839 г. Цвираяромъ, послѣднимъ знаменитымъ архитекторомъ, закончившимъ Кельнскій соборъ, на иждивеніе графа Фюрстенбергъ-Штамгэйма. *Сарторіусъ* (факты произвели на него сильное впечатлѣніе). Мы, конечно, осмотримъ церковь **).

„The Widowers House's кончается „хорошо", согласно требованіямъ англійской сцены; но нужно отдать справедливость Бернарду Шоу, благополучнымъ концомъ онъ ухитрился разъярить публику больше, чѣмъ всѣмъ содержаніемъ пьесы. Сарторіусъ рѣшаетъ перестроить свои трущобы и затратить деньги на обновленіе домовъ. Не правда ли, какое великодушіе? Дѣло объясняется, однако, не „раскаяньемъ" Сарторіуса. Онъ узнаетъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что городской совѣтъ намѣренъ прорубить новую улицу черезъ тотъ кварталъ, гдѣ стоятъ дома Сарторіуса. Если бы эти дома были простыми трущобами, то совѣтъ имѣетъ право, признавъ ихъ вредными для здоровья населенія, требовать ихъ отчужденія. Владѣлецъ, конечно, при этомъ получаетъ вознагражденіе. Но если дома устроены вполнѣ, тогда совѣтъ можетъ только соблазнять владѣльца деньгами. Въ подобныхъ случаяхъ домовладѣльцы получаютъ иногда въ 2—3 раза больше дѣйствительной стоимости ихъ имущества. Совѣту остается только сказать: „Чортъ съ тобой, бери деньги, только убирайся съ дороги". Такимъ образомъ, Сарторіусъ, сдѣлавъ „доброе дѣло", т. е. перестроивъ дома, разсчитываетъ нажить на немъ по крайней мѣрѣ 300%.

Въ періодъ мрачнаго отчаянія у Искандера вырвались когда-то такія пессимистическія строки. „Вездѣ, гдѣ людскіе муравейники и ульи достигали относительнаго удовлетворенія и уравновѣшенія, движеніе впередъ дѣлалось тише и тише, фантазіи, идеалы потухали. Довольство богатыхъ и сильныхъ подавляло стремле-

*) The Widowers' Houses, Act II.

**) Widowers' Houses, Act I.

ніе бѣдныхъ и слабыхъ“... Народъ выходитъ тогда „изъ историческаго треволненія въ покойное statu quo жизни, продолжающейся въ безпорной смѣнѣ поколѣній—зимы, весны, лѣта“. По мнѣнію Искандера, „такимъ, невозмущаемымъ шагомъ идетъ Англія къ этому покою, къ незыблемости формъ, понятій, вѣрованій“. „Не оттого ли,—скорбно заканчиваетъ авторъ,—здѣсь (въ Англіи) дѣти *старше* своихъ дѣдовъ и могутъ ихъ назвать, à la Dumas jun, „блудными отцами“, что старасть-то и есть главная характеристика теперь живущаго поколѣнія? По крайней мѣрѣ, куда я ни смотрю, я вездѣ вижу сѣдые волосы, морщины, сгорбившіяся спины, завѣщанія, итоги, выносы, *концы* и все ищу, ищу *началъ*—они только въ теоріи и отвлеченіяхъ“. Писано это было въ 1862 г. Черезъ пять лѣтъ „дѣти“ показали, что они имѣютъ не хуже отцовъ, современниковъ чартистовъ, отстаивать свои права. И съ тѣхъ поръ поступательное движеніе новыхъ, молодыхъ поколѣній, являвшихся на смѣну старымъ, *никогда* не прекращалось. Каждый разъ новое поколѣніе являлось съ большимъ запасомъ силъ, съ большей увѣренностью въ себя, съ болѣе широкими идеалами, чѣмъ ихъ предшественники. „Дѣти“ за океаномъ основали такія новыя и мощныя демократическія общества, о которыхъ „отцы“ не могли даже мечтать. Въ Австралазіи „дѣти“ внесли въ свои общества, предоставляющія такой широкій просторъ трудящейся личности, элементъ дѣловитости и практичности, чего у „отцовъ“ не было. Такимъ образомъ, пессимизмъ Искандера не оправдался. Да и самъ на диво талантливый, блестящій и въ то же время глубокій авторъ потомъ измѣнилъ свой взглядъ. Онъ увидалъ не только *концы*, но и *начала*. Пинеро, безсознательно для себя, далъ намъ яркую картину отмирающихъ классовъ современнаго англійскаго общества. Онъ искренно желалъ сказать имъ пріятное, но вышелъ, своего рода, скорбный листъ. То, что Пинеро и Джонесъ дѣлаютъ безсознательно, Бернардъ Шоу дѣлалъ намѣренно. Но, по характеру своего таланта, авторъ не счелъ нужнымъ остановиться на положительномъ, т. е. на тѣхъ элементахъ англійскаго общества, которые являются носителями *начала*.

Діонео.

Дѣло Эмберовъ.

Процессъ Эмберовъ кончился. И приходится сказать, что большая публика, которая вотъ уже полтора года какъ лихорадочно интересуется этимъ грандіознымъ дѣломъ, была крайне разочарована его развязкой. Надежды, возлагавшіяся на „великую Терезу“ и ея участниковъ по части устроенія какого-нибудь еще неслыханнаго судебно-политическаго скандала или открытія какой-нибудь удивительной тайны, не оправдались. И для Наполеона финансовыхъ операцій, какимъ такъ долго являлась г-жа Эмберъ, юридическій эпилогъ былъ, вопреки ожиданіямъ многихъ, не Маренго и не Аустерлицемъ, а рѣшительнымъ Ватерло, больше того, безславнымъ отреченіемъ отъ столь блистательнаго трона стяжательствъ, на которомъ она возсѣдала болѣе двадцати лѣтъ, окруженная пестрой и почтительной свитой высшихъ представителей судебнаго сословія, адвокатуры, нотаріата, политическихъ дѣятелей и финансистовъ, ростовщиковъ-милліонеровъ и мелкихъ биржевыхъ зайцевъ, вплоть до преданныхъ привратниковъ, кучеровъ и лакеевъ.

Общественное мнѣніе, повидимому, какъ бы мстило Терезѣ за то, что ея „золотой“ романъ, такъ великолѣпно начатый, былъ испорченъ никуда негоднымъ финаломъ передъ присяжными засѣдателями. Что ни говорите, а публика и отъ жизни требуетъ соблюденія тѣхъ эстетическихъ правилъ, которыя придаютъ интересъ драматическому произведенію. Какъ? Томить людей въ теченіе двухъ недѣль и двѣнадцати засѣданій обѣщаніемъ сказать „страшный секретъ“ и—бросить въ заключеніе своей безсвязной, не то полудѣтской, не то полусумасшедшей рѣчи никому неизвѣстное имя „Ренье“, да что же это значитъ, какъ не объявить себя еще лишній разъ банкротомъ, но въ данномъ случаѣ банкротомъ уже передъ настроенной на таинственный ладъ и умирающей отъ нетерпѣнія большой публикой? И большая публика, и ея выразительница, ежедневная печать, оказались гораздо менѣе снисходительны къ развѣнчанной королевѣ мошенничества, чѣмъ тѣ кредиторы Терезы изъ разряда ростовщиковъ-милліонеровъ, которые даже на судѣ, даже въ виду все болѣе и болѣе раскрывавшейся въ своихъ деталяхъ эмберовской эпопеи безконечныхъ надувательствъ, выражали своей интересной должницѣ „полное довѣріе“ и льстили себя громогласно надеждой, что геніальная дама „выплатитъ“. „Тереза взяла, Тереза и отдастъ“—неизмѣнно заключали они, словно пародируя навыворотъ извѣстное изреченіе многострадальнаго Іова.

Но публика, но газеты далеко не отличались этимъ, правда, не совсѣмъ безкорыстнымъ долготерпѣніемъ („оправданная Тереза можетъ еще расправить свои орлиныя крылья и, пожалуй еще вознаградитъ меня, до другихъ же мнѣ дѣла нѣтъ"—вѣроятно, думалъ не одинъ изъ обѣлявшихъ Терезу кредиторовъ-ростовщиковъ). Въ общемъ, приговоръ надъ четырьмя дѣйствующими лицами Эмберіады общественное мнѣніе нашло скорѣе грѣшащимъ слабостью, чѣмъ строгостью. Реакціонныя газеты, правда, пытались взять громогласно обличительную ноту, вопія, что Эмберы не главные виновники, а ихъ надо искать гораздо выше, и указывали на „секретные документы", которые якобы составляютъ существенную часть „дѣла" и, въ случаѣ опубликованія, могли бы повалить и во всякомъ разѣ смертельно ранить большинство лицъ правящаго персонала республики. Но эти попытки представить читателю процессъ Эмберовъ въ видѣ новой Панамы звучали очень фальшиво. И страшныя слова, исходившія изъ катоновскихъ устъ Кассаньяка, Дрюмона и ихъ теперешняго постояннаго союзника Рошфора, ни въ комъ не возбуждали трепета. Даже адвокатскій пріемъ условной угрозы, къ которому прибѣгъ въ своей рѣчи Лабори, обѣщавшій вскрыть Пандоринъ ящикъ секретныхъ бумагъ самаго компрометтирующаго содержанія, если судъ не повѣритъ ему на слово, что дѣло Терезы заключаетъ въ себѣ много таинственнаго,—даже этотъ пріемъ былъ въ общемъ понятъ вполнѣ вѣрно, какъ тактическій ходъ талантливаго защитника.

Можно даже сказать, что люди, которые любили идейной любовью Лабори въ дни его величія,—во время дѣла Дрейфуса,—лишній разъ были огорчены этою черезчуръ хитрою тактикою человѣка, который былъ, главнымъ образомъ, силенъ искренностью и энергіею убѣжденія и много утратилъ своего обаянія съ тѣхъ поръ, какъ повелъ странную игру лавированія между двумя борющимися партіями—партіей прогресса и партіей реакціи—во имя якобы высшаго безпристрастія и абсолютной морали. Уже два года тому назадъ его попытка войти въ политическую жизнь путемъ основанія „партіи честныхъ людей" вызвала среди искреннихъ демократовъ недоумѣніе и ироническій вопросъ: что это за программа? да кто же изъ общественныхъ дѣятелей поставитъ задачею образованіе „партіи безчестныхъ людей"? Страннымъ показалось его поведеніе и наканунѣ этого политическаго шага, когда онъ, словно желая расположить къ себѣ противниковъ изъ націоналистическаго лагеря, обѣщалъ сдѣлать какія-то разоблаченія по дѣлу Дрейфуса, вступилъ по этому поводу въ загадочную полемику съ Жозэфомъ Рейнакомъ и (только-что умершимъ) Бернаромъ Лазаромъ и такъ же таинственно, какъ началъ это препирательство, его оборвалъ.

Вотъ и теперь въ своей защитительной рѣчи онъ неизвѣстно

съ чего пристегнулъ къ процессу Эмберовъ разсужденія на ту тему, что, молъ, и во время дрейфусовскаго дѣла съ обѣихъ сторонъ было „не мало славныхъ людей"; но все же Франція переживаетъ тяжелый нравственный кризисъ, и нѣтъ конца ему; что во всемъ теперь чувствуется банкротство правящихъ партій и т. д. Словомъ, всѣмъ мало-мальски безпристрастнымъ людямъ было видно, что угроза Лабори вскрыть содержаніе компрометтирующихъ бумагъ, которыя могутъ, молъ, оказаться неудобными для многихъ дѣятелей третьей республики, принадлежала къ категоріи пріемовъ, которыми этотъ крупный адвокатъ желаетъ привлечь къ себѣ симпатіи всей большой публики и своими комплиментами обезоружить ту часть ея, какая исповѣдуетъ „патріотическій" символъ вѣры и потому жарко ненавидитъ его со времени дрейфусовскаго процесса.

Какъ бы то ни было, новой Панамы изъ дѣла Эмберовъ, повторяю, создать не удалось. И скомпрометтированнымъ политическимъ дѣятелемъ явился въ сущности лишь Флурансъ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, а нынѣ націоналистскій депутатъ Парижа, скромно аттестующій себя отцомъ отечества и— франко-русскаго союза. Оказалось, что уже лѣтъ десять тому назадъ сей почтенный мужъ питалъ большую любовь къ конгрегаціямъ и обращался къ Терезѣ Эмберъ съ просьбой помочь ему вести кампанію въ пользу этихъ достойныхъ всяческаго интереса учрежденій, а въ то же время не забывалъ и себя, умоляя благодѣтельную даму выручить его въ „жесточайшіе дни его жизни" (les jours les plus cruels de sa vie).

Пусть не думаетъ, впрочемъ, читатель, что, говоря такъ, я хочу отрицать существованіе отношеній, и при томъ принимавшихъ порою даже очень дружескую форму, между Эмберами и и крупными столпами современнаго общества. Но характерная черта этихъ связей именно и заключается въ томъ, что тутъ и дѣло идетъ не о ненормальныхъ, не о преступныхъ отношеніяхъ между оффиціальными представителями различныхъ важныхъ спеціальныхъ категорій, съ одной стороны, и авантюристами—съ другой; а, наоборотъ, о правильныхъ, объ обычныхъ формахъ сношеній всѣхъ этихъ министровъ, префектовъ, членовъ государственнаго совѣта, предсѣдателей высшихъ судебныхъ учрежденій, знаменитыхъ адвокатовъ, богатѣйшихъ биржевиковъ и т. п., съ шайкой мошенниковъ, отливающихъ всѣми цвѣтами респектабельности, буржуазной добродѣтели и свѣтскаго шика, благодаря сіянію несуществующихъ милліоновъ.

Напр., еще въ 1883 г. Мано,—впослѣдствіи генеральный прокуроръ кассаціоннаго суда, проявившій во время дѣла Дрейфуса на этомъ посту много гражданскаго мужества и нравственной чуткости,—адресовалъ Фредерику Эмберу чувствительное письмо, сѣтуя на равнодушіе онаго Фредерика къ нему, Мано, и исправ-

шивая разрѣшенія „заявиться къ нему, чтобы выразить свои дружескія симпатіи г-жѣ Эмберъ“. Съ другой стороны, первый предсѣдатель парижскаго апелляціонаго суда въ дѣлѣ Дрейфуса, какъ разъ бывшій антиподомъ Мано,—я говорю о Перивье—въ свою очередь пишетъ необыкновенно любезную записку къ Терезѣ, придравшись къ впечатлѣнію, произведенному на него портретомъ ея свекра, старика Эмбера, на одной изъ парижскихъ выставокъ. Еще одинъ крупный судейскій—на сей разъ первый предсѣдатель одного изъ провинціальныхъ судовъ,—обращается къ Терезѣ за „благосклоннымъ покровительствомъ“ балетному либретто, которое упомянутый „магистратъ“ сочинилъ въ часы досуга.

Какъ видите, тутъ рѣчь идетъ о вполнѣ обычныхъ, свѣтскихъ и дружескихъ отношеніяхъ, въ которыя не только не брезговали вступать съ Эмберами, но завязать которыя даже добивались съ ними различныя лица, занимавшія высокое общественное положеніе и съ точки зрѣнія современнаго общества являвшіяся по самому рангу своему образцами безупречной нравственности.

Вотъ именно эта-то сторона и интересна въ дѣлѣ Эмберовъ, сторона общаго соціальнаго фона, созданнаго всѣмъ складомъ современной жизни и выражающагося въ почтительномъ, можно сказать, аффективномъ отношеніи къ владѣльцамъ милліоновъ, каковы бы ни были эти владѣльцы, лишь бы они не преступали границъ внѣшней благопристойности. А на этомъ фонѣ интересны тѣ фигуры, тѣ индивидуальные типы, которые представляютъ сами герои колоссальной эпопеи хищничества и второстепенныя лица ея, вращавшіяся въ различно наклоненныхъ и разно удаленныхъ орбитахъ вокругъ такихъ золотыхъ солнцъ, какими были Фредерикъ и Тереза. И замѣтьте, когда я говорю такъ, я вовсе не думаю лишь повторять общую мысль моралистовъ всѣхъ временъ и народовъ о гибельности денегъ. Меня занимаетъ игра современнаго соціальнаго механизма, благодаря которому владѣлецъ „всеобщаго эквивалента“,—какъ тонко опредѣляетъ деньги Марксъ, приводитъ въ движеніе въ нашемъ обществѣ, основанномъ на широко развѣтвленномъ обмѣнномъ хозяйствѣ, цѣлыя системы различныхъ коллективныхъ силъ и интересовъ, не частнымъ лицомъ созданныхъ, но отдающихъ свою соціальную мощь на служеніе этому отдѣльному лицу.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, напр., какую громадную роль играетъ въ современномъ обществѣ судейское сословіе, которому въ сущности принадлежитъ фактическая монополія распоряженія судьбою личностей и ихъ собственности. И смотрите, какъ эта сила, созданная и поддерживаемая коллективными интересами имущихъ и правящихъ, покорно слушается Эмберовъ и, по мановенію магической палочки воображаемыхъ милліоновъ, добросовѣстно и комично-серьезно продѣлываетъ все-

возможныя антраша, которыя требуются въ данный моментъ перипетіями логически развивающагося мошенничества.

Возьмите, съ другой стороны, такую силу, какъ кредитъ, которому воспѣвается столько восторженныхъ гимновъ мѣщанскими экономистами. И опять-таки посмотрите, какъ чутко эта гигантская сила, раздавливающая слабаго, прислушивается къ малѣйшимъ желаніямъ, исходящимъ изъ устъ новой Пиѳіи-Терезы, которая разсказываетъ порою самыя странныя сказки съ высоты своего треножника милліоновъ,—воображаемыхъ и предполагаемыхъ у нея милліоновъ! Какъ предупредительно рыцари биржи, банка и ростовщичества складываютъ къ ногамъ новаго оракула уже вполнѣ реальные золотые мѣшки, представляющіе собою кристаллизацію безконечнаго труда, усилій, лишеній, слезъ, узаконенной и беззаконной эксплуатаціи цѣлыхъ миріадъ маленькихъ людей!..

Разумѣется, это мановеніе чудеснаго жезла и эта вереница фантастическихъ сказокъ подразумѣваютъ первоначальный очень умѣлый, мастерской приступъ къ дѣлу. Для того, чтобы выплыть въ открытое море мошенническаго крейсерства, лодкѣ пиратовъ надо было прицѣпить себя и пойти на буксирѣ у какой-нибудь, повторяю, крупной общественной силы. Авантюристы располагаютъ довольно многочисленными пріемами этого первоначальнаго выступленія: одни подчеркиваютъ несуществующія связи съ важными лицами, другіе—знатность своего мнимаго происхожденія, и т. д. Что касается до Эмберовъ, то они, не пренебрегая только что упомянутыми средствами, остановились въ особенности на слѣдующей мистификаціи. Они выбрали для дураченья людей наиболѣе осязательную и въ то же время наиболѣе отвлеченную, можно сказать, метафизическую силу современнаго общества, а именно деньги, которыя представляютъ собою право на распоряженіе громаднымъ количествомъ общественнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ, при нашей сложной системѣ гражданскихъ отношеній, могутъ въ концѣ концовъ принимать форму нѣсколькихъ писанныхъ строкъ на листкѣ гербовой бумаги. Кромѣ того, этой и страшно реальной, и крайне отвлеченной силѣ Эмберы придали сантиментальный оттѣнокъ, затрогивающій чувствительныя струны современнаго мѣщанства. Они ввели въ свои измышленія принципъ наслѣдства, тотъ самый принципъ, который заставляетъ буржуазнаго экономиста съ умиленіемъ трактовать о правѣ бѣдняка передать своимъ дѣтямъ дешевое семейное кольцо и на этомъ основаніи считать совершенно естественнымъ наслѣдованіе какимъ-нибудь шалопаемъ или маніакомъ, въ родѣ хотя бы теперешняго „императора Сахары“, Лебоди, громаднаго капитала, сразу дѣлающаго его господиномъ жизни и чести цѣлой массы зависящихъ отъ него людей. А въ легендѣ Эмберовъ наслѣдство играло существенную роль: милліоны, видите ли, доста-

лись имъ по завѣщанію отъ таинственнаго лица, - или лицъ, такъ какъ пока развивалась эта Финансовая сказка Шехерезады, ея подробности были очень неопредѣленны и измѣнчивы, лишь съ теченіемъ времени закрѣпившись въ остроумной юридической фикціи.

Какъ легенда милліоновъ превратилась въ дѣйствительные милліоны, въ много милліоновъ, принесенныхъ Эмберамъ услужливыми кредиторами, о томъ достаточно разсказать въ общихъ чертахъ нашимъ читателямъ, которые уже, конечно, знакомы съ подробностями процесса изъ газетъ. Мнѣ хотѣлось бы лишь болѣе подчеркнуть бытовую сторону дѣла, остающуюся для русской публики нѣсколько въ тѣни.

Близъ Пизы, въ Италіи, въ мѣстѣ глухомъ,

или, выражаясь менѣе поэтически и болѣе точно, на югѣ Франціи, возлѣ Тулузы, на границѣ старой Гаскони, которая, согласно традиціи, славится удивительнымъ бахвальствомъ своихъ сыновъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ жилъ-поживалъ нѣкто Гильомъ Огюстъ, вскорѣ начавшій называться Дориньякомъ, а затѣмъ д'Ориньякомъ и, наконецъ, графомъ д'Ориньякомъ, какъ если бы его предкамъ принадлежало на правахъ леннаго владѣнія мѣстечко Ориньякъ. Это и былъ отецъ славной Терезы. Что же представлялъ онъ собою? Я позволю себѣ нѣсколько строкъ этнологическаго отступленія.

Гасконское хвастовство и склонность ко лжи разсматриваются зачастую во Франціи, какъ свойства, родственныя нормандской корыстной неправдивости. Но знатоки мѣстныхъ характеровъ населенія указываютъ на существенную разницу хитреца и сутяги нормандца, который вводитъ васъ въ заблужденіе скорѣе умышленнымъ умолчаніемъ, чѣмъ прямымъ враньемъ, и гасконца, который вретъ гораздо болѣе открыто и безкорыстно:

Пою, какъ птица межъ вѣтвей
Вольна и солнцу рада,
И пѣсни звукъ въ душѣ моей
За пѣсни мнѣ награда!..

Авторъ одной спеціальной монографіи о Гаскони такъ, дѣйствительно, обрисовываетъ нравственную физіономію типичнаго обитателя этой страны:

Притворство для него вещь довольно необычная, если онъ говоритъ то, чего нѣтъ, если онъ—оставимъ въ сторонѣ скрашивающее выраженіе—если онъ лжетъ, то не для того, чтобы скрыть дѣйствительность и не съ цѣлью надувательства и обмана; самое бóльшее, на что онъ способенъ, такъ это на мистификацію. Но лгать въ силу чрезвычайной увѣренности въ себѣ, лгать съ тѣмъ, чтобы вызвать восхищеніе или зависть, лгать, такъ сказать, съ

полу-убѣжденіемъ (avec une sorte de demi conviction) и, наконецъ, лгать изъ-за любви ко лжи и по неспособности возстановить снова истину, вотъ въ чемъ заключается характеристичная черта того, что вотъ уже два или три вѣка называется гасконадой *).

Несомнѣнно, что у нашего гасконца Дориньяка или д'Ориньяка—обычная черта его земляковъ была представлена очень сильно: ложь изъ-за тщеславія, изъ-за желанія возбудить зависть, играла большую роль въ его жизни. Но въ его гасконадахъ далеко не отсутствовала и та практическая сторона, которую привыкли встрѣчать у болѣе положительныхъ людей сѣвера. Эту черту унаслѣдовала и удачно культивировала его дочь Тереза. И надо было Дориньякамъ лишь встрѣтиться съ заправскими людьми сѣвера, чтобы изъ кооператіи двухъ темпераментовъ и двухъ семейныхъ ячеекъ выросла та мастерская и законченно-юридическая форма лжи, которая въ теченіе чуть не четверти вѣка приводила въ движеніе гигантскую машину судебной процедуры, выстукивавшей всѣми своими большими и малыми колесами: „сто милліоновъ... сто милліоновъ... процессъ между Эмберами и Крауфордами изъ-за стомилліоннаго наслѣдства“.

Этими людьми сѣвера явились Эмберы, отецъ и сынъ; и говоря такъ, я оставляю въ сторонѣ очень темный вопросъ, насколько старикъ Эмберъ, извѣстный юристъ и политическій дѣятель, умершій въ половинѣ 90-хъ годовъ, участвовалъ въ прямомъ сооруженіи колоссальнаго лабиринта мошенничества. Мы знаемъ во всякомъ случаѣ,—и намъ придется еще вернуться къ этому,—что онъ помогалъ „милымъ дѣтямъ“ своими рѣдкими юридическими знаніями; и при этомъ не мѣшаетъ, можетъ быть, прибавить, что по знаменательной случайности его ученыя работы были посвящены почти какъ разъ тѣмъ самымъ вопросамъ, которые приходилось впослѣдствіи разрѣшать на практикѣ молодой четѣ Эмберовъ. На это, если не ошибаюсь, до сихъ поръ не было обращено вниманія. Но, пробѣгая біографію „юрисконсульта и сенатора“, Густава-Амедея Эмбера, я былъ не мало пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что еще въ 1845 г. онъ получилъ на конкурсѣ докторовъ права первую премію за сочиненіе о „Послѣдствіяхъ уголовныхъ наказаній съ точки зрѣнія юридической правоспособности лицъ по римскому и французскому праву“; а въ 1857 г. былъ удостоенъ преміи же, на сей разъ Институтомъ, за мемуаръ, разрабатывающій тему о различныхъ формахъ „имущественныхъ отношеній между супругами“. Какъ видите, самая странная ассоціація идей связываетъ сюжеты научнаго изслѣдованія стараго Эмбера съ сутяжнической карьерой молодой четы. И трудно предполагать, чтобы такой свѣдующій законникъ ни

*) См. въ Paul Joanne, *Dictionnaire géographique et administratif de la France* статью «Gascogne», стр. 1640, т. III, Парижъ, 1894.

разу не полюбопытствовалъ узнать, какъ на самомъ дѣлѣ обстоитъ вопросъ о наслѣдствѣ его невѣстки: не грозятъ ли именно тутъ „послѣдствія уголовныхъ наказаній"? и какую форму „имущественныхъ отношеній между супругами" выбралъ его сынъ, на котораго свалилась куча милліоновъ вмѣстѣ съ рукою загадочной наслѣдницы?

Не будемъ, впрочемъ, забѣгать впередъ: мы пока еще присутствуемъ при самомъ первомъ зарожденіи легенды. „Графъ" д'Ориньякъ, которому этотъ титулъ не мѣшалъ заниматься ходатайствомъ по всевозможнымъ дѣламъ и дѣлишкамъ, былъ, между прочимъ, агентомъ и по матримоніальной части. Не мало браковъ было устроено и свадебныхъ контрактовъ составлено, благодаря посредничеству и практическимъ знаніямъ уже упомянутаго „графа". Даже вечеромъ, у себя дома, при свѣтѣ идиллической семейной лампы, Дориньякъ занимался съ дѣтьми тѣмъ, что игралъ въ брачные контракты, тутъ же писалъ ихъ и распредѣлялъ роли между своими сыновьями и дочерьми.

А другой любимой игрой были еще длинные семейные разговоры о какомъ-то наслѣдствѣ, и столь же колоссальномъ, сколь таинственномъ: не то самъ Дориньякъ, а не то его жена должны были получить громадное состояніе,—одинъ разъ, по ихъ словамъ, отъ какого-то загадочнаго старца съ сѣдой бородой, другой разъ отъ испанскаго изгнанника, и т. д. Во всякомъ случаѣ, на чердакѣ дома, занимаемаго Дориньяками, находилась, такъ сказать, матеріальная опора всего этого воздушнаго дерева вымысловъ и сказаній въ видѣ объемистаго стараго-престараго чемодана, набитаго запыленными и пожелтѣвшими отъ времени бумагами. Въ этой семейной реликвіи и заключались, по словамъ заинтересованныхъ лицъ, неопровержимыя доказательства, подлинные документы на наслѣдство. Около чемодана, словно около спасительнаго генія дома, дѣти играли въ ненастные дни, прислуживаясь къ таинственному шепоту золотой поэзіи, исходившей отъ пыльныхъ лоскутковъ; но имъ строго запрещалось касаться самого сокровища.

Такъ шли годы: въ 1871 г. умерла жена стараго Дориньяка, оставивъ дочь Марію и сыновей Эмиля и Ромэна на попеченіе старшей дочери Терезы, которая изъ молодыхъ была раннею. Ей въ то время было всего 16 лѣтъ, какъ говоритъ ея метрическое свидѣтельство, или даже не болѣе 11, какъ утверждаетъ сама кокетничающая заднимъ числомъ Тереза. Но семейная ладья сразу очутилась въ надежныхъ рукахъ, и отецъ не могъ нарадоваться практическому смыслу и жизненной проницательности дочери. Съ этого же момента эфирная легенда, благодаря умѣлому сотрудничеству стараго и молодого поколѣній, начинаетъ отвердѣвать и принимать болѣе опредѣленные контуры.

Въ Тулузѣ Тереза встрѣчается съ молодымъ Фредерикомъ

Эмберомъ, въ то время студентомъ на юридическомъ факультетѣ тулузскаго университета. И Тереза, и самъ Фредерикъ на судѣ старались доказать, что сынъ знаменитаго юриста питалъ отвращеніе къ практической сторонѣ жизни и изучать право взялся только ради того, чтобы не огорчить старика. желавшаго, чтобы Фредерикъ шелъ по его стопамъ. Въ сущности же, молъ, его душа стремилась всегда къ возвышеннымъ и безкорыстнымъ вещамъ: литературѣ, живописи и т. п. Длинный рядъ фактовъ показываетъ, однако, что Фредерикъ если и не увлекался чисто теоретической стороной права, то въ практическомъ отношеніи былъ несравненнымъ знатокомъ судебной процедуры, ровно какъ всевозможныхъ финансовыхъ операцій, являясь, такимъ образомъ, необходимымъ помощникомъ Терезы въ ея стяжательной карьерѣ.

Какъ произошло первое знакомство столь удивительно хорошо подобранной четы, исторія умалчиваетъ, или, вѣрнѣе сказать, говоритъ на разные лады. Завистники утверждаютъ, что студентъ Эмберъ встрѣтился съ юной Терезой въ прачешной, которую будто бы завела предпріимчивая дѣвица въ Тулузѣ, и немедленно же объявился ея „женихомъ". Сама же благородная Тереза увѣряетъ, что семья Эмберомъ познакомилась съ семьей Дориньяковъ въ „замкѣ" послѣднихъ, носившемъ поэтическое названіе „Гвоздики", но привлекшемъ будто бы Эмберовъ хорошимъ качествомъ продававшагося тамъ вина.

Здѣсь мы приходимъ къ узловому пункту карьеры Эмберовъ, и было бы интересно опредѣлить пропорцію, въ какой каждое изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ было кузнецомъ общаго счастія породнившихся семей. Колыбель этого счастія была во всякомъ случаѣ крайне скромная. Славный замокъ „Гвоздики", не смотря на свое идиллическое имя, далеко не поражалъ ни своимъ богатствомъ, ни размѣрами и былъ въ такой степени заложенъ и перезаложенъ, что ликвидація его оставила въ рукахъ Дориньяковъ крошечный капиталъ въ процентныхъ бумагахъ, не достигавшій и трехъ тысячъ франковъ на каждаго члена семьи.

Но, какъ бы то ни было, знакомство и взаимная любовь Фредерика Эмбера и Терезы Дориньякъ были чреваты важными финансовыми послѣдствіями. Желая расположить своего отца въ пользу Терезы и получить отъ него согласіе на бракъ, Фредерикъ развернулъ передъ старикомъ блестящія перспективы наслѣдства, которое ожидаетъ его невѣсту. И, дѣйствительно, Тереза сейчасъ же открыла свою серію знаменитыхъ замковъ въ Испаніи, сочинивъ несуществующій замокъ Маркоттъ, который долженъ былъ, якобы, перейти къ ней по завѣщанію отъ нѣкой старой дѣвицы и оставался пока лишь въ пользованіи другой еще болѣе старой, 80-лѣтней дѣвицы.

Въ какой степени спеціалистъ-юрисконсультъ повѣрилъ и этой

сказкѣ, это, опять-таки, очень темный вопросъ. Интересно во всякомъ случаѣ, что человѣкъ, если и не богатый, то жившій въ достаткѣ и занимавшій очень видное общественное положеніе, соглашается на бракъ своего сына съ дѣвицей, не только почти ничего не имѣющей, но, съ буржуазной точки зрѣнія, представляющей очень сомнительную партію. Въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ Фредерикъ былъ „женихомъ" интересной Терезы, онъ нѣсколько разъ принужденъ былъ писать своимъ роднымъ, особенно матери, письма съ просьбою выручить избранницу его сердца изъ затруднительнаго положенія присылкою нѣсколькихъ сотъ франковъ. Въ благодарность будущая невѣстка посылала своей новой семьѣ какихъ-то удивительныхъ каплуновъ,—разумѣется, изъ замка Маркоттъ,—которые, живя столь же реальною жизнью, какъ и прочіе продукты творческой фантазіи Терезы, къ сожалѣнію, никогда не доходили по назначенію...

Осенью 1878 г. невѣста стала женою Фредерика, при чемъ, вопреки обычаямъ почтенныхъ буржуа, чета не заключала никакого брачнаго контракта, касающагося имущества: его, очевидно, не было въ этомъ поэтическомъ бракѣ по симпатіи сердца. Молодые люди сначала живутъ въ скромной квартирѣ на улицѣ Монжъ; а противъ нихъ поселяется отецъ Терезы, большой, какъ мы видѣли, знатокъ по части матримоніальныхъ и т. п. дѣлъ, который не оставляетъ своими совѣтами молодую чету, пытающуюся летать на своихъ крыльяхъ. Первое время фортуна улыбается довольно кисло Эмберамъ: приходится обращаться къ роднымъ за денежной помощью, всюду должать, оставлять векселя опротестованными, просить кредиторовъ объ отсрочкѣ. И вдругъ, послѣ новаго и уже болѣе конкретнаго слуха, пущеннаго молодыми супругами о наслѣдствѣ въ Испаніи, Эмберы сразу являются въ другой крайне роскошной обстановкѣ, нанявъ по контракту цѣлый „отель" на улицѣ Фортюни, въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ города, за 20,000 фр. въ годъ.

Этотъ крупный переломъ въ жизни Эмберовъ относится къ зимѣ 1881—1882 гг.; и отнынѣ начинается покупка въ кредитъ, закладываніе и перезакладываніе уже не миѳическихъ, а вполнѣ реальныхъ имѣній и замковъ. Въ 1882 г. пріобрѣтается за 250,000 фр. замокъ „Живыхъ водъ" (Vives-Eaux), не особенно далеко отъ Парижа, возлѣ Мелэна, въ департаментѣ Сены и-Марны; и устраивается по Сенѣ спеціальная пристань для имѣнія, стоющая 150,000 фр. Въ 1884 г., для округленія „Живыхъ водъ", покупается въ сосѣдствѣ за 800,000 фр., а съ различными расходами по устройству за милліонъ громадная ферма Орсонвилля. Въ 1885 г. Эмберы платятъ 300,000 фр. за большой отель на такой модной артеріи Парижа, какова Аллея Великой Арміи. Немного позже покупается на югѣ Франціи, въ Одскомъ (Aude) де-

партаментѣ, замокъ Селэранъ, и на это тратится чуть не два съ половиною милліона.

Кстати, въ послѣднемъ изданіи фешенебельнаго—съ иллюстраціями—„адресъ-календаря замковъ" я еще въ 1902 г. нахожу указаніе на замокъ „Живыхъ водъ", принадлежащій „бывшему депутату Фредерику Эмберу и его супругѣ, урожденной д'Ориньякъ", и на той же страницѣ, но десятью именами ниже, упоминаніе о замкѣ Селэранъ, но принадлежащемъ уже просто нѣкоему Фредерику Эмберу, какъ если бы то было другое лицо *). Очевидно, по какимъ-то соображеніямъ чета Эмберовъ прибѣгала къ этой наивной хитрости страуса, создавая и въ адресъ-календарѣ какого-то двойника себѣ.

Откуда же полились золотой рѣкой на Эмберовъ всѣ эти милліоны, нужные для покупокъ столь крупныхъ недвижимыхъ имуществъ? Отъ кредиторовъ, и отъ кредиторовъ изъ категоріи тѣхъ людей, которые наживаютъ большія состоянія, не особенно заботясь о чистотѣ средствъ, и готовы пойти на любую сдѣлку, лишь бы въ концѣ ея они видѣли хорошій барышъ. Эти почтенные заимодавцы находили свою выгоду въ томъ, что заставляли Терезу платить ужасные проценты, доходившіе порою до 65% въ годъ „коммиссіонныхъ" и прочихъ болѣе или менѣе фантастическихъ рубрикъ. А Тереза оставалась еще менѣе въ накладѣ, потому что не только никогда не возвращала капиталовъ, но и ростовщическіе проценты, на которые великодушно соглашалась, платила лишь крайне неправильно, лишь прижатая къ стѣнѣ необходимостью и угрозами, да и платила-то новыми займами, добытыми на такихъ же условіяхъ.

Чтобы дать читателю понятіе о размахѣ этого своеобразнаго финансоваго предпріятія, скажу лишь, нѣсколько забѣгая впередъ, что Эмберы въ теченіе неполныхъ 15 лѣтъ, съ 1888 по 1902, перепустили черезъ руки колоссальную сумму въ 700 милліоновъ франковъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ бюджетъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ вродѣ Швеціи и Норвегіи, Бельгіи, Голландіи и т. д. Этому обороту соотвѣтствовалъ номинальный долгъ, достигавшій чуть не 180 милліоновъ, а цифра дѣйствительно полученныхъ авантюристами капиталовъ, не смотря на фантастическую лихву ростовщиковъ, простиралась до 50 милліоновъ.

Эмберы жили на чрезвычайно широкую ногу, какъ только могутъ позволять себѣ жить самые верхи общественной пирамиды. Ежегодные расходы семьи колебались между 400,000 и полумилліономъ франковъ, половина которыхъ издерживалась въ нѣсколько мѣсяцевъ свѣтскаго сезона. Собственный отель Эмбе-

*) *Annuaire des châteaux et des départements*; Парижъ, 1902, стр. 405 (изданіе, разсчитанное на тщеславіе снобовъ и стоющее цѣлые 25 франковъ).

ровъ и замки кишѣли дорогой прислугой и специальными мастерами, обойщиками и т. п.: лакеи получали до 500 фр. въ мѣсяцъ, мебельщикъ нѣсколько тысячъ въ годъ. Лучшіе профессора пѣнія были къ услугамъ дочери Эмберовъ. И когда на ихъ домашнемъ театрѣ давались спектакли, знаменитые актеры считали за честь быть въ числѣ дѣйствующихъ лицъ и помогать своимъ талантомъ и сценическими знаніями семьѣ просвѣщенныхъ любителей. „Экономная" г-жа Эмберъ, какъ она сама аттестовала себя на судѣ, издерживала каждые три мѣсяца лишь на однѣ перчатки около 600 фр.; и, конечно, всѣ остальныя статьи расхода были въ соотвѣтствіи. Всѣмъ еще въ памяти балы, блестящіе рауты въ Парижѣ и торжественныя охотничьи празднества въ помѣстьяхъ Эмберовъ, куда съѣзжались представители судебнаго, финансоваго, политическаго, литературнаго и просто свѣтскаго міровъ, принимавшихъ, въ свою очередь, Фредерика и Терезу съ распростертыми объятіями.

И, однако, тутъ невольно останавливаешься передъ вопросомъ: что же все-таки побуждало всѣхъ этихъ ростовщиковъ-милліонеровъ, людей разсчета и цифры, не повинныхъ въ излишней нѣжности къ человѣчеству вообще, снабжать Эмберовъ, почти не колеблясь, и снабжать въ теченіе столь долгаго времени, тѣмъ знаменитымъ золотымъ „нервомъ войны", который играетъ такую роль въ обществѣ, основанномъ на всеобщей конкурренціи? Два обстоятельства.

Во-первыхъ, тотъ фасадъ высокой буржуазной добропорядочности, который представляла жизнь стараго Эмбера, никогда не отличавшагося лично особымъ стремленіемъ къ роскоши и, вообще, деньгамъ и, однако, занимавшаго рядъ очень крупныхъ должностей. Мы знаемъ изъ его біографіи, что онъ родился въ Лотарингіи (въ городѣ Мецѣ) и былъ выдающимся юристомъ, профессоромъ правъ въ тулузскомъ университетѣ, республиканскимъ депутатомъ въ національномъ собраніи, затѣмъ несмѣняемымъ сенаторомъ, генеральнымъ прокуроромъ (а впослѣдствіи и предсѣдателемъ) контрольной палаты, наконецъ—въ теченіе 6 мѣсяцевъ—министромъ юстиціи въ кабинетѣ Фрейсинэ,—и умеръ вице-президентомъ Сената, окруженный ореоломъ честности и безкорыстія. Этотъ ореолъ бросалъ свои лучи и на молодую чету Эмберовъ. Въ семьѣ, основанной сыномъ Эмбера, видѣли какъ бы продолженіе безукоризненнаго существованія стараго юрисконсульта. Передъ ней, не смотря на скромность ея общественнаго дебюта, должны были рано или поздно раскрыться двери „всего Парижа". И такъ и случилось. Не забудемъ, кромѣ того, что старикъ Эмберъ, въ бытность свою министромъ, оставилъ при себѣ сына въ качествѣ „начальника кабинета", т. е. директора своей канцеляріи и руководителя непосредственныхъ сотрудниковъ министра. Понятно, какой, такъ сказать, оффи-

ціальный штемпель честности должна была наложить эта должность на Фредерика Эмбера. Это одна, нравственная причина довѣрія кредиторовъ къ молодой четѣ.

Другая была болѣе осязательнаго, строго дѣлового характера. И здѣсь-то проявился „несравненный геній“ Терезы,—какъ невольно вырвалось на судѣ изъ устъ прокурора, восхищеннаго необыкновенной ловкостью кампаніи, которую съ такимъ успѣхомъ вели двадцать лѣтъ противъ чужихъ кармановъ Эмберы. Оставляя нерѣшеннымъ вопросъ, насколько одной Терезѣ принадлежитъ честь инициативы этой кампаніи, я ограничусь лишь тѣмъ, что по возможности ясно и кратко изложу механизмъ гигантской юридической сѣти, раскинутой геніальными пиратами для ловли простаковъ и ихъ милліоновъ. Настоящая эпопея мошенничествъ начинается лишь съ тѣхъ поръ, какъ всѣ эти миѳическія наслѣдства, Маркотты и прочіе воздушные замки укладываются въ рамки сухой формулы завѣщанія и пріобрѣтаютъ видъ вполнѣ осязательныхъ милліоновъ, изъ-за которыхъ завязывается героическая борьба сонаслѣдниковъ, штурмующихъ другъ друга безчисленными орудіями юридическаго арсенала. „Я мыслю, слѣдовательно, я существую“, говорилъ Декартъ. „Изъ-за меня ведется гигантскій процессъ—стало быть, я—вещь глубоко реальная“—краснорѣчиво выговаривало на своемъ золотомъ языкѣ многомилліонное наслѣдство Эмберовъ. И, словно металлическія опилки, къ этому колоссальному магниту потянулись и стали прилипать уже вполнѣ реальные милліоны. Дѣло вотъ въ чемъ. Оказалось, что нѣкій чрезвычайно богатый американецъ, не то англичанинъ,—словомъ, человѣкъ, носящій вполнѣ англо-саксонскую фамилію Генриха-Роберта Крауфорда,—желая почему-то и за что-то выразить свою крайнюю симпатію родителямъ Терезы, оставилъ въ наслѣдство послѣдней очень крупную сумму, а для того, чтобы оформить этотъ актъ, написалъ завѣщаніе. Или, вѣрнѣе, по странному капризу, въ одинъ и тотъ же день,—роковой и счастливый для Эмберовъ день 6-го сентября 1877 г.—написалъ два противорѣчивыхъ завѣщанія. По одному изъ нихъ онъ передавалъ все свое имущество Терезѣ Дориньякъ; по другому дѣлилъ его на три равныя части и отдавалъ лишь одну треть Терезѣ, двѣ же другія трети оставлялъ своимъ племянникамъ Генриху и Роберту Крауфордамъ, но подъ условіемъ, чтобы оба только что упомянутые джентльмэны помѣстили во французскихъ бумагахъ капиталъ, достаточный для уплаты Терезѣ ежемѣсячной ренты въ 30.000 фр., т. е. въ 360.000 фр. годовыхъ...

Да, кромѣ этого условія, было еще другое условіе: каждые три мѣсяца сонаслѣдники должны были употреблять всѣ набѣгающіе за это время проценты съ капитала на покупку новыхъ бумагъ, непремѣнно въ формѣ французской ренты на предъявителя, и присоединять ихъ къ капиталу, который долженъ оста-

ваться все время нетронутымъ, и какъ бы совмѣстно секвестрованнымъ. Если же Тереза коснулась бы хоть одного сантима изъ такимъ образомъ секвестрованной суммы, то она лишалась права на наслѣдство, и ей оставалась бы только пожизненная — правда, довольно кругленькая—пенсія въ 30.000 фр. ежемѣсячныхъ.

Счастливые и вмѣстѣ озадаченные сонаслѣдники: что за оригиналъ, однако, былъ этотъ старый Крауфордъ, который ухитрился написать въ одинъ день два завѣщанія и, кромѣ того, обставилъ одно изъ нихъ такими странными условіями! Но дѣлать было нечего: хочешь кататься на милліонахъ, люби и саночки секверста возить!... Обсуждая, однако, свое горестно-радостное положеніе, сонаслѣдники рѣшили общими силами упростить свои удивительно хитро переплетенныя финансовыя отношенія. И одна изъ сторонъ—племянники Крауфорда—выразила другой сторонѣ—Терезѣ—свое желаніе признать завѣщаніе дяди недѣйствительнымъ, и отказаться отъ всякихъ правъ на наслѣдство, если только Тереза согласится выплатить племянникамъ сразу три милліона франковъ въ видѣ полюбовной сдѣлки. Тереза и ея мужъ соглашаются, и въ 1884 г. эта полюбовная сдѣлка была оформлена законнымъ порядкомъ, при чемъ, вслѣдствіе значительности суммы, составлявшей предметъ соглашенія, пришлось однѣхъ гербовыхъ пошлинъ уплатить 75.000 франковъ!

Теперь дѣло какъ будто упрощается: вмѣсто двухъ противорѣчивыхъ и странныхъ завѣщаній, на лицо имѣется правильно заключенный актъ „сдѣлки“ (transaction), представляющій, согласно французскому гражданскому праву, уже то преимущество передъ раздѣломъ (partage), упоминавшимся въ завѣщаніи, что ея условія не подлежатъ никакой послѣдующей перемѣнѣ, никакому дальнѣйшему иску, какъ бы ни оказалась она потомъ несправедлива сама по себѣ съ точки зрѣнія той или другой изъ заключившихъ ее сторонъ. А другая ея выгода—добавимъ мы для читателя, интересующагося „несравненнымъ геніемъ“ Терезы и ея сотрудниковъ—другая выгода та, что актъ сдѣлки, принявшій какъ нельзя болѣе реальный характеръ, благодаря внесеннымъ за него 75.000 фр. пошлинъ, получалъ вполнѣ самостоятельное существованіе и являлся краснорѣчивой гарантіей подлинности огромнаго наслѣдства, отодвигая тѣмъ самымъ на задній планъ или даже совершенно устраняя съ поля судебной процедуры оба загадочныя завѣщанія. И танецъ милліоновъ вокругъ Терезина сокровища начался. И, что всего забавнѣе, ему придали живость и разнообразіе тѣ самые таинственные, но корректные братья-джентльмэны, которые предложили Эмберамъ полюбовную сдѣлку.

Они—т. е. тѣ лица, которые играли ихъ роль—заявились къ одному крупному ходатаю по гражданскимъ дѣламъ (avoué) въ Гаврѣ и предложили ему повести процессъ противъ Эмберовъ.

Они не скрывали того, что, по самому характеру совершеннаго ими акта—полюбовной сдѣлки—они должны были проиграть этотъ процессъ. Но это имъ было безразлично: страсть болѣе возвышенная, чѣмъ жажда золота, а именно пламенная любовь Генриха Крауфорда къ младшей сестрѣ Терезы, Маріи, раздувала въ душѣ братьевъ огонь мщенія. Оказывается, что, заключая полюбовную сдѣлку, Эмберы не включили въ число условій важнаго секретнаго параграфа, принятаго ими во время переговоровъ: согласія на бракъ прекрасной Маріи съ бѣлокурымъ Генрихомъ. Заранѣе идя на проигрышъ милліоновъ, братья имѣли въ виду лишь одну цѣль: утомить всевозможными юридическими маневрами, проволочками и сутяжничествомъ вѣроломныхъ Эмберовъ и довести ихъ до того, чтобы они согласились на новую сдѣлку, включивъ въ нее руку Маріи. И потянулась безконечная процедура исковъ и встрѣчныхъ исковъ; и выросъ цѣлый лѣсъ приговоровъ первой инстанціи, и приговоровъ апелляціонныхъ судовъ, и приговоровъ кассаціоннаго суда. Времени было на то довольно, ибо, подобно герою одного изъ лирическихъ стихотвореній Гейне, нашъ любвеобильный Генрихъ Крауфордъ могъ бы воскликнуть, обращаясь къ жестокой избранницѣ своего вѣрнаго англо-саксонскаго сердца:

Проходятъ года за годами,
И въ гробъ родъ за родомъ идетъ,—
Одна лишь любовь не проходитъ,
Что сердце мнѣ пламенемъ жжетъ..

Джентльмэны, дѣйствительно, чуть не двадцать лѣтъ употребили на юридическую войну съ Эмберами, и бѣдные Эмберы принуждены были этимъ сутяжническимъ минамъ противоставлять такія же контръ-мины. А братья были поистинѣ неистощимы на придумыванье различныхъ уловокъ. Они избрали, напр., два различныхъ мѣстожительства, и одинъ поселился въ Лондонѣ, а другой въ Нью-Іоркѣ. Такъ какъ, по закону, живущіе въ Новомъ Свѣтѣ пользуются льготой въ 5 мѣсяцевъ для полученія актовъ и отвѣта на нихъ, и такъ какъ 2 мѣсяца дается на апелляцію, то лишь одни законные сроки между исками и встрѣчными исками превосходили полгода. А тутъ еще бывали гораздо болѣе продолжительныя паузы, наступали періоды сравнительно долгаго перемирія, когда фонды Крауфордовъ—я говорю о душевныхъ фондахъ—поднимались въ сердцѣ Маріи, и братья могли надѣяться на полюбовное рѣшеніе тяжбы. И такъ шло время, мѣсяцы за мѣсяцами и годы за годами.

Что же оставалось дѣлать Эмберамъ? Бороться съ сонаслѣдниками, отрицающими юридическую обязательность сдѣлки, а пока каждые три мѣсяца, согласно завѣщанію, рѣзать купоны секвестрованной суммы и покупать на нихъ новыя бумаги и при-

кладывать новыя пачки цѣнностей къ уже лежащимъ, не имѣя въ то же время никакой возможности коснуться все ростущихъ и ростущихъ милліоновъ. Какъ выйти изъ столь несноснаго, столь траги-комическаго положенія нуждающихся богачей? На сцену и явились спасители въ видѣ людей биржи и банка, которые съ восторгомъ принялись ссужать Эмберамъ милліоны за ростовщическіе проценты, видя въ этихъ операціяхъ прекрасную аферу. Да и какъ было иначе поступать этимъ проницательнымъ дѣльцамъ, когда безчисленныя рѣшенія всевозможныхъ инстинцій каждою строкою своею говорили о колоссальномъ состояніи, бывшемъ яблокомъ раздора между сонаслѣдниками; когда въ роскошномъ аппартаментѣ Терезы стоялъ даже громадный шкафъ, преемникъ стараго чемодана Дориньяковъ, въ которомъ хранились всѣ эти секвестрованныя и все набухающія сокровища; и когда каждые три мѣсяца заинтересованныя лица могли видѣть обрядъ торжественнаго открытія этой своеобразной темницы милліоновъ и не менѣе торжественнаго водворенія въ ней новыхъ плѣнниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ходатай братьевъ Крауфордовъ видѣлъ по долгу службы, во время одной изъ такихъ операцій, въ 1894 г., сумму около 700,000 фр., представлявшую проценты за три мѣсяца (вмѣстѣ съ трехмѣсячной же пенсіей Терезы) и присоединенную на его глазахъ—къ уже лежавшимъ сокровищамъ. Судя по этому, капиталъ долженъ былъ въ это время составлять около 90 милліоновъ-франковъ, наканунѣ же неожиданной развязки приближаться къ 110—115 милліонамъ. А одинъ богатѣйшій нотаріусъ, нѣкто Дюморъ, присутствовалъ при сличеніи Эмберами и однимъ изъ Крауфордовъ (?) номеровъ процентныхъ бумагъ съ листомъ ихъ, составленнымъ сонаслѣдниками, и самъ собственными руками „нащупалъ“, видите-ли, пачекъ, по крайней мѣрѣ, на 60 милліоновъ франковъ. Немудрено, что онъ не усомнился оказать денежную услугу такимъ солиднымъ кліентамъ и ссудилъ имъ лишь въ теченіе 9 лѣтъ, съ 1889 по 1898 г., около 8 милліоновъ, т.-е., какъ не безъ законной гордости буржуа онъ выразился самъ, „продуктъ двадцати лѣтъ его личнаго труда“; а, кромѣ того, доставилъ Эмберамъ не мало крупныхъ кредиторовъ. И такихъ Дюморовъ было вокругъ Эмберовъ нѣсколько. Разъ пущенная въ ходъ, эта махина довѣрія двигалась по инерціи все быстрѣе и быстрѣе, захватывала все болѣе и болѣе широкіе круги денежныхъ людей и въ концѣ концовъ втянула въ водоворотъ финансовыхъ операцій Фредерика и Терезы чуть не сотню болѣе или менѣе довѣрчивыхъ, болѣе или менѣе терпѣливыхъ заимодавцевъ.

Самъ безсребренный Аристидъ, самъ старый Эмберъ былъ приведенъ въ состояніе своеобразнаго говорливаго умиленія счастьемъ своихъ дѣтей. О наслѣдствѣ онъ дѣлился впечатлѣніями

со всѣми знакомыми. „Боже мой, Боже мой! Что за состояніе! Вѣдь цѣлыхъ тридцать милліоновъ“!—говорилъ онъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ одному своему пріятелю, и при этомъ схватывался руками за свою сѣдую голову, словно изнемогая подъ бременемъ незаслуженнаго счастія. Другому своему знакомому профессору права, который пришелъ справиться у него, не будетъ-ли онъ, Эмберъ, имѣть чего нибудь противъ него, профессора, если онъ поставитъ свою кандидатуру на мѣсто, которое могли предложить самому Эмберу, старый сенаторъ сказалъ тономъ самаго искренняго сочувствія: „о, нѣтъ, о, нѣтъ! Наоборотъ, я отъ души желаю вамъ успѣха. Подумайте, во главѣ какого состоянія я нахожусь теперь“!

[illegible] выраженіями экстаса старикъ не ограничивался. Онъ съ самаго начала принимаетъ дѣятельное участіе въ чрезвычайно счастливой, но исполненной всевозможными юридическими перипетіями судьбѣ молодыхъ Эмберовъ, и вскорѣ начинаетъ помогать имъ своими знаніями и опытностью въ безконечномъ процессѣ съ Крауфордами. Уже въ 1883—1884 г. онъ занятъ вопросомъ о странномъ завѣщаніи, и вскорѣ вступаетъ въ переговоры съ повѣреннымъ обоихъ братьевъ. Въ 1888 г. онъ ищетъ гражданскаго адвоката для выясненія нѣкоторыхъ подробностей дѣла. Въ 1890 г. самъ составляетъ юридическую записку. И все это время говоритъ о Крауфордахъ, какъ о вполнѣ реальныхъ личностяхъ, которыхъ онъ знаетъ, по крайней мѣрѣ, по ихъ кампаніи противъ молодыхъ Эмберовъ. Я нарочно употребляю эту нѣсколько неопредѣленную форму, потому что ни на судѣ, ни на слѣдствіи не выяснилось въ достаточной степени, дѣйствительно ли вице-президентъ сената видѣлъ лично Крауфордовъ или тѣхъ, кто съ такимъ успѣхомъ игралъ ихъ роль.

Довольно и того, что ихъ видѣли нотаріусы, повѣренные, служащіе у Эмберовъ. А разъ даже случилось, что сами кредиторы, приглашенные на торжественный „обѣдъ примиренія“ Эмберами, были свидѣтелями неудачнаго ухаживанія вѣчнаго жениха за жестоковыйной невѣстой, которая въ слезахъ выскочила изъ-за стола и рѣшительно заявила, что ни за что не станетъ женой тутъ же сидѣвшаго съ нею рядомъ претендента. Оказалось, что нетерпѣливый Генрихъ вздумалъ прибѣгнуть къ сомнительному акту публичнаго сватовства, попробовавъ силою надѣть заранѣе приготовленное имъ обручальное кольцо на розовый пальчикъ Маріи. И когда оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ дѣвица скрылась въ истерикѣ за дверью столовой, г-жа Эмберъ съ выраженіемъ несказаннаго горя подбѣжала къ ошеломленнымъ кредиторамъ и залепетала, по обыкновенію сюсюкая на своемъ южномъ нарѣчіи: „ахъ, ахъ, Боже мой, Боже мой! опять этотъ ужасный процессъ! опять вамъ придется ждать и ждать!“

Какъ бы то ни было, этой двадцатилѣтней юридической пьесы, которая разнообразилась нѣкоторыми патетическими сценами въ родѣ только что разсказанной, было совершенно достаточно, чтобы самые нетерпѣливые и скептическіе кредиторы продолжали ревностно поддерживать фирму Эмберовъ, и чтобы послѣдняя могла все болѣе и болѣе расширять свои операціи. Такъ, въ 90-хъ годахъ у Терезы явилась блестящая мысль—она отстаивала свои права но это юридическое материнство даже передъ лицомъ присяжныхъ засѣдателей—явилась, говорю, мысль найти какое-нибудь полезное и прибыльное, а главное „честное" занятіе для своихъ братьевъ. И въ результатѣ возникло анонимное общество „Пожизненной ренты", которое, какъ показываетъ само названіе, принимало отъ своихъ кліентовъ капиталы и въ замѣнъ обѣщало имъ очень высокую пенсію въ теченіе ихъ жизни, а въ обезпеченіе покупало недвижимую собственность, по большей части въ видѣ домовъ въ Парижѣ. До какой степени и это предпріятіе было ловко заправлено и пущено въ ходъ, видно изъ того, что когда неожиданный крахъ фортуны Эмберовъ поставилъ на очередь вопросъ о ликвидаціи, то назначенный для этой операціи представитель конкурса (или „синдикъ") опредѣлилъ недвижимую собственность общества въ 180 домовъ, представляющихъ стоимость, равную 8.600,000 фр. А вѣдь это было началомъ дѣла, такъ какъ Тереза съ свойственнымъ ей южнымъ воображеніемъ говорила, что лишь тогда почувствуетъ себя удовлетворенною, когда недвижимыя обезпеченія достигнутъ цифры 200 и даже 300 милліоновъ франковъ. Пока что, капиталы, притекавшіе въ кассу общества, были какъ нельзя болѣе полезны для общей устойчивости дѣлъ Эмберовъ. Эта касса помѣщалась какъ разъ въ домѣ № 61 по Аллеѣ Великой Арміи, т.-е. въ частномъ отелѣ Эмберовъ, даже гдѣ-то совсѣмъ по близости отъ знаменитаго шкафа, если не въ немъ самомъ. И въ случаѣ надобности Тереза черпала, не стѣсняясь, въ фондѣ „Пожизненной ренты".

И такъ—дѣло продолжалось-бы, вѣроятно, еще долго, если-бы не вышла маленькая случайность, опрокинувшая всю эту великолѣпную фантасмагорію милліоновъ. Въ послѣдніе годы было, правда, нѣсколько угрожающихъ симптомовъ, предвѣстниковъ паденія этого грандіознаго зданія, построеннаго на пескѣ,—нельзя даже сказать на золотомъ пескѣ, ибо въ основаніи аферы, какъ мы видѣли, именно золота-то ни въ какой формѣ и не было. Еще въ 1897 г. извѣстный Вальдэкъ-Руссо, одинъ изъ крупнѣйшихъ адвокатовъ Франціи по гражданскимъ дѣламъ, являясь повѣреннымъ одного кредитора, съ свойственною ему проницательностью усмотрѣлъ въ безконечномъ процессѣ Эмберовъ „самое колоссальное мошенничество XIX-го вѣка". Другой кредиторъ успѣлъ даже вырвать изъ рукъ Эмберовъ нѣсколько своихъ милліоновъ, пригрозивъ судомъ. Но все то были лишь

отдѣльныя грозовыя тучки на ясномъ небѣ финансовой карьеры Терезы и К°.

Громъ грянулъ лишь весной прошлаго года и—увы!—въ нѣсколько дней опрокинулъ всѣ эти картонные замки. Въ концѣ апрѣля 1902 года ежедневная газета „Le Matin“ открыла форменную кампанію противъ Эмберовъ, за подписью своего сотрудника Мутона, и съ самаго начала бросила въ публику массу документовъ, рисовавшихъ дѣятельность авантюристовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ кредиторовъ, нѣкто Морель, благодаря ловкимъ пріемамъ своихъ адвокатовъ и повѣренныхъ, успѣлъ поставить дѣло на новый и неожиданный путь. Вмѣсто того, чтобы вертѣться въ кругу безконечныхъ исковъ и встрѣчныхъ исковъ между сонаслѣдниками, онъ перенесъ вопросъ на иную почву и, предоставляя будущему рѣшить, кто и въ какой мѣрѣ явится обладателемъ многомилліоннаго сокровища, онъ просилъ судъ, основываясь на своихъ правахъ кредитора, пока только открыть законнымъ образомъ, въ присутствіи заинтересованныхъ сторонъ, знаменитый шкафъ и произвести подсчетъ находящимся тамъ милліонамъ. Такъ и было сдѣлано.

Получилось траги-комическое зрѣлище. Безчисленныя рѣшенія всевозможныхъ судебныхъ инстанцій двадцать лѣтъ ревниво стерегли таинственный кладъ. А когда, наконецъ, единственное простое и разумное рѣшеніе суда отогнало этихъ юридическихъ драконовъ отъ охраняемыхъ ими золотыхъ яблокъ Гесперидъ, то въ заколдованномъ мѣстѣ оказались, вмѣсто всякихъ сокровищъ, итальянская мѣдная монета и пуговица! Самихъ же Эмберовъ еще наканунѣ и слѣдъ простылъ. Громадный пустой шкафъ былъ со всевозможными предосторожностями спущенъ изъ оконъ на улицу на ломовика, и лакомые до зрѣлищъ парижане съ торжествомъ проводили цѣлой толпой эту реликвію до квартиры судебнаго слѣдователя; а по обыкновенію остроумный столичный Гаврошъ успѣлъ во время этой единственной въ своемъ родѣ процессіи нарисовать на шкафу мѣломъ колоссальнаго кролика, что соотвѣтствуетъ русскому выраженію „подложить свинью“. Эмберы „подложили“ своимъ кредиторамъ, магистратурѣ, пріятелямъ и знакомымъ и вообще „всему Парижу“ — дѣйствительно исполинскаго „кролика“. И символическая фигура, начертанная тароватымъ уличнымъ мальчишкой, точь въ точь воспроизводила отзывъ Вальдэка-Руссо о дѣлѣ Эмберовъ. Сіе историческое происшествіе имѣло мѣсто 7 мая 1902 г.

Остальное, конечно, извѣстно читателю. И бѣгство Эмберовъ, и ихъ проживаніе въ Мадридѣ, и ихъ выдача, и восьми-мѣсячное предварительное заключеніе, прерванное лишь процессомъ банкира Каттои, и судъ, и приговоръ, — все это уже принадлежитъ исторіи. Миѳическіе Крауфорды (роль которыхъ, какъ знаетъ, конечно, читатель, играли, болѣе или менѣе удачно гриммируясь,

а то и въ собственномъ видѣ братья Терезы) сданы окончательно въ архивъ. А когда „великая Тереза“ вздумала въ своемъ послѣднемъ словѣ превратить ихъ въ наслѣдниковъ „измѣнника Ренье“, который будто бы получилъ отъ Бисмарка милліоны за преступный сговоръ съ Базеномъ, то гомерическій хохотъ публики подчеркнулъ эту дѣйствительно неожиданную „гасконаду“. Играя послѣднюю карту, разбитая по всей линіи и утратившая свой геніальный нюхъ, авантюристка давала даже косвенно понять, что ей это наслѣдство досталось за романическое приключеніе ея матери (съ кѣмъ?); и что если милліоновъ не оказалось въ шкафу, то виною этому Крауфорды — Ренье, напуганные рѣшеніемъ суда по дѣлу Мореля и рѣшившіе скрыть сокровище отъ нескромныхъ взглядовъ и цѣпкихъ рукъ кредиторовъ. Такъ, сказываютъ историки, Наполеонъ въ послѣдніе дни своей военной карьеры утратилъ удивительный талантъ полководца и надѣлалъ ошибокъ за ошибками...

Намъ остается набросать психологическіе портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ и сдѣлать общественные выводы изъ дѣла Эмберовъ. Всякій разъ, какъ французскіе журналисты принимались за обрисовку героевъ Эмберіады, они невольно обращались за аналогіей къ той неподражаемой галлереѣ типовъ, которую даетъ „Человѣческая комедія“ Бальзака. Я долженъ сказать, что на сей разъ дѣйствительность превзошла самую геніальную фикцію; и что Бальзакъ дорого бы далъ, чтобы имѣть подъ рукой и подъ могучимъ объективомъ своего анализа дѣйствующихъ лицъ Эмберовской эпопеи. Дѣло въ томъ, что авторъ „Человѣческой комедіи“ изображалъ намъ міръ человѣческихъ страстей и интересовъ въ историческихъ рамкахъ реставраціи и монархіи Людовика-Филиппа, когда господство буржуазіи не сказало еще своего послѣдняго слова. Но съ тѣхъ поръ протекло чуть не три четверти вѣка, и вѣка, характеризовавшагося очень быстрымъ темпомъ общественной эволюціи. Вы можете судить поэтому, какъ рѣзко обозначились теперь черты тѣхъ героевъ, особенно героевъ стяжательства, которые наполовину лишь угадывались геніальнымъ романистомъ.

Для освѣженія памяти я взялся, напр., перечитывать интересный біографическій словарь къ сочиненіямъ Бальзака, заключающій въ алфавитномъ порядкѣ физическія и нравственныя примѣты всѣхъ дѣйствующихъ лицъ „Человѣческой комедіи“, ихъ жизнеописаніе и т. д. *). И перелистывая его, не могу не сказать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ герои Эмберіады пре-

*) Anatole Cerfberr et Jules Christophe, *Répertoire de la comédie humaine de Balzac*; Парижъ, 1893.

восходятъ своею типичностью, своею рельефностью наиболѣе удавшихся дѣтищъ неистощимой творческой фантазіи Бальзака.

Чего стоитъ одна Тереза Эмберъ, въ которой соединяется нѣсколько, повидимому, совершенно противорѣчивыхъ психологическихъ типовъ. Этимъ прежде всего и объясняется широта той гаммы отзывовъ, которою была встрѣчена „великая Тереза“ на судѣ и въ печати. Мы уже видѣли, что передъ ея удивительнымъ стяжательнымъ „геніемъ“ останавливался въ безкорыстномъ восхищеніи прокуроръ Блондель, считающійся очень выдающимся юристомъ. Но вотъ Корнели, несомнѣнно, опытный и талантливый журналистъ (я оставляю въ сторонѣ его изгибы направо и налѣво), называетъ Терезу въ одномъ изъ своихъ „парижскихъ писемъ“ въ „Journal de Genéve“ „монументальной консьержкой“. Какъ согласить эту тонкость ума финансоваго Наполеона въ юбкѣ съ грубой и наивной психологіей парижской привратницы, которая можетъ разсказывать самыя невѣроятныя исторія и сама вѣрить имъ, но врядъ ли въ состояніи возбудить довѣріе въ мало-мальски смѣтливомъ человѣкѣ? И, однако, я нахожу, что если правъ Блондель, то не ошибается и Корнели.

Дѣло въ томъ, что у знаменитой Терезы встрѣчаешь очень интересную амальгаму различныхъ свойствъ. Своимъ дѣловымъ нюхомъ она напоминаетъ знаменитыхъ финансистовъ, спекуляторовъ и ростовщиковъ Бальзака, всѣхъ этихъ Бидо, Нюсинженовъ и Гобертэновъ. И если Бальзака упрекали за то, что его герои любятъ прибѣгать къ самымъ сложнымъ финансовымъ операціямъ, для полнаго пониманія которыхъ читателю надобны спеціальныя свѣдѣнія, то Тереза тоже бралась порою за самые рѣдкіе пріемы сдѣлокъ. Критика извела, напр., не мало бумаги, подсмѣиваясь надъ запутанностью условной продажи съ правомъ выкупа (vente a réméré), къ которой одинъ изъ бальзаковскихъ героевъ прибѣгъ словно нарочно для того, чтобы дать возможность романисту перебрать одна за другою статьи 1658—1673 гражданскаго кодекса. Но Тереза перещеголяла по этой части дѣльцовъ „Человѣческой комедіи“, она пустила въ ходъ по отношенію къ одному изъ своихъ кредиторовъ такую исключительную операцію залога, а именно такъ называемую „антихрезу“, что предсѣдатель во время допроса Эмберовъ на судѣ принужденъ былъ подчеркнуть эту необычную форму сдѣлки и объяснить присяжнымъ засѣдателямъ смыслъ ея по статьямъ 2085—2091 кодекса Наполеона.

Въ то же время Тереза поражаетъ наивною неправдоподобностью своихъ измышленій и грубымъ, почти дѣтскимъ складомъ своей фантазіи. Въ этомъ отношеніи она по праву заслуживаетъ эпитета, который она сама приложила къ себѣ: „я — дитя природы“,—и надо прибавить „вульгарной природы“, воспроизводящей въ едва отшлифованномъ видѣ типичныя черты наполовину

сознательно лгущей, наполовину вѣрящей своимъ собственнымъ росказнямъ консьержки. Надо было слышать ее, когда, наряду съ очень ловкими и тонкими диверсіями, которыя она дѣлала на судѣ, при допросѣ ея предсѣдателемъ, она вдругъ пускала въ ходъ, словно припѣвъ куплета, десятокъ стереотипныхъ фразъ: г. предсѣдатель, гг. судьи, наслѣдство существуетъ, милліоны существуютъ, но ихъ унесли; а я самая честная женщина во Франціи; я жертва адвоката Валлэ, ставшаго министромъ; я восемь мѣсяцевъ не ѣмъ и не сплю, все пла́чу, гг. судьи, все пла̀чу, потому что я честная женщина, и всѣ мои родные честнѣйшіе люди; и я хочу уплатить всѣмъ кредиторамъ, и всѣмъ уплачу; а пока все проливаю слезы, думая о людской несправедливости и т. д.; но милліоны существуютъ, ихъ отдадутъ мнѣ, и я со всѣми расквитаюсь до послѣдняго сантима; и т. д., и т. д.

Слушая ее, когда она произносила эти рубленыя фразы, все однѣ и тѣ же фразы, съ дикой энергіей, съ упрямствомъ отчаянія, то словно умоляя кого-то, то кому-то грозя, произносила, сюсюкая на южный ладъ и на южный же ладъ не лазя за словомъ въ карманъ, вы не могли отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, что передъ вами субъектъ, который не только лжетъ, но на половину самъ вѣритъ своей лжи и, опьяняясь своею рѣчью, испытываетъ чувства, которыя можетъ испытывать лишь человѣкъ, увѣренный въ истинѣ своего разсказа. Временами Тереза положительно напоминала анекдотическаго марсельца, который, навравъ своимъ землякамъ, что въ портѣ поймали камбалу величиною съ кита, и видя, что народъ бѣжитъ туда, самъ пускается въ догонку, разсуждая про себя: а, кто знаетъ, не ровенъ часъ, можетъ и правда поймали, не даромъ столько людей толпится на набережной.

Эта Терезина камбала, какъ оказалось послѣ суда, до такой степени вліяла на окружающихъ, что не мало народу изъ публики и даже два-три присяжные засѣдателя вѣрили въ существованіе таинственныхъ милліоновъ почти до самаго окончанія процесса. И только нескладная послѣдняя рѣчь потерявшей, наконецъ, голову Терезы разрушила эту иллюзію. А нѣкоторыми журналистами-медиками былъ даже возбужденъ въ печати вопросъ, не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ субъектомъ на половину больнымъ и страдающимъ галлюцинаціями.

Во всякомъ случаѣ, у Терезы была одна драгоцѣнная для нея и ея предпріятій черта: это—умѣнье превращать свою личную галлюцинацію—если дѣло хоть отчасти обстояло такъ—въ галлюцинацію коллективную. Отъ этой очень странной и очень сложной женщины отдѣлялась, несомнѣнно, волна психическаго внушенія, съ которой было трудно справляться при извѣстныхъ условіяхъ и скептически настроеннымъ людямъ. Курьезно, что эта „психологическая магія“, чтобы употребить выраженіе

Н. К. Михайловскаго, практиковалась съ успѣхомъ Терезою и со скамьи подсудимыхъ. Не мало кредиторовъ и на судѣ, отвѣчая на властную мольбу авантюристки, задававшей имъ вопросы насчетъ степени довѣрія, внушаемаго имъ ею, видимо повиновались Терезѣ и выражали свою надежду, почти свою увѣренность, что она съ честью выйдетъ изъ этого испытанія. И забавно было видѣть, какъ предсѣдатель, замѣчая это странное воздѣйствіе обвиняемой на свидѣтелей, останавливалъ ихъ на полусловѣ, напоминая имъ о правѣ не отвѣчать, почти приглашая ихъ молчать, чѣмъ, конечно, возбуждалъ вполнѣ понятные протесты самой Терезы и ея защитника. Поневолѣ представляешь себѣ степень вліянія, которое должна была имѣть на сталкивавшихся съ нею людей эта женщина, когда была на верху колеса фортуны, обладательницею призрачныхъ милліоновъ, невѣсткою вице-президента сената, близкою пріятельницею важныхъ лицъ. Курьезенъ былъ, напр., обнаруженный на слѣдствіи эпизодъ съ однимъ кредиторомъ, который пришелъ къ Терезѣ страшно взволнованный слухами о непрочности ея положенія и съ твердымъ намѣреніемъ сейчасъ же получить съ нея просроченный долгъ въ милліонъ франковъ, а черезъ полчаса ушелъ съ облегченнымъ сердцемъ и бумажникомъ, выдавъ ей на своего банкира чекъ на новые полмилліона *).

Почти никто, какъ оказывается, не могъ устоять противъ властной мольбы Терезы; всѣ показанія говорятъ о необыкновенно ласкающей и вмѣстѣ повелительной манерѣ этой женщины просить, требовать и добиваться своего. И, замѣтьте, тутъ рѣчь идетъ отнюдь не объ элементѣ женскаго обаянія и всемогущаго кокетства. Тереза рано располнѣла, и ея миловидныя черты южанки скоро стали вульгарными и рѣзкими. Кромѣ того, ей было не до кокетничанья: ея душу заполняла „одна, но пламенная страсть“, страсть къ деньгамъ или, лучше сказать, къ сложнымъ денежнымъ интригамъ. У ней была необыкновенно развита та сторона души, которую Фурье называлъ на своемъ жаргонѣ „cabaliste“ и которую опредѣлялъ такъ: „это — спекулятивный

*) Не этимъ ли внушеніемъ можно объяснить и показанія всѣхъ этихъ свидѣтелей, видѣвшихъ милліоны въ шкафу? Ибо если Эмберовъ обвиняютъ, напр., въ томъ, что они передѣлали три маленькія процентныя бумаги въ очень крупныя, приставивъ нѣсколько нулей, и показывали ихъ наивнымъ свидѣтелямъ трехмѣсячныхъ операцій, то чѣмъ, какъ не внушеннымъ Терезою довѣріемъ можно объяснить показанія тѣхъ лицъ, которыя увѣряютъ, что они видѣли, что они даже ощупывали цѣлыя пачки милліоновъ? Замѣтьте, никто изъ свидѣтелей не говоритъ, что онъ распечатывалъ и разсматривалъ эти связки, а только, что онъ касался ихъ руками и на глазомѣръ опредѣлялъ ихъ стоимость. Что было въ этихъ связкахъ, трудно сказать. О психологическихъ ошибкахъ въ показаніяхъ свидѣтелей см. статью: Lecteur toulouse, *Le temoignage*, напечатанную въ «Revue bleue» отъ 29 августа 1903 г. какъ разъ подъ впечатлѣніемъ процесса Терезы.

пылъ, это страсть интриги; кабалистическій умъ постоянно примѣшиваетъ разсчетъ къ страсти, все разсчетъ у интригана: малѣйшій жестъ, мгновенный взглядъ,—все у него дѣлается съ размышленіемъ, но и съ быстротой. Этотъ пылъ—есть пылъ обдуманный". И Тереза была именно воплощеннымъ сочетаніемъ страсти къ наживѣ и непогрѣшимаго, какъ инстинктъ, и вмѣстѣ, какъ инстинктъ, быстраго разсчета. Передъ страннымъ психологическимъ внушеніемъ, исходившимъ отъ „кабалистки", всѣ пасовали, и всѣ исполняли ея желанія, всѣ плясали по ея дудкѣ.

Ей шла на пользу даже та вульгарная, грубо наивная фантазія, сочиняющая себѣ въ усладу разныя небылицы и сама имъ на половину вѣрящая, въ которой Корнели усматриваетъ типичную психологію консьержки. Дѣло въ томъ, что смѣсь перво-класснаго практическаго ума и какъ разъ этой вульгарности воображенія снабжала Терезу очень сложной душевной клавіатурой, дававшей обширную и разнообразную гамму пріемовъ воздѣйствія на людей. Для однихъ, опытныхъ и ловкихъ дѣльцовъ, она пускала въ ходъ самыя тонкія финансовыя комбинаціи и юридическія фикціи. Для другихъ—она ограничивалась грубыми уловками, достойными фантазирующей консьержки и разсчитанными на такой же вульгарный типъ людей. И ея непогрѣшимый инстинктъ подсказывалъ ей, когда надо прибѣгать именно къ этимъ грубымъ пріемамъ авантюризма. Опытный учитель фехтованія совѣтуетъ своимъ ученикамъ на дуэли съ неумѣлымъ противникомъ остерегаться всякаго очень тонкаго обманнаго выпада: вашъ врагъ не пойдетъ на него,—и просто потому, что совсѣмъ не замѣтитъ его. Тереза инстинктивно понимала это тактическое правило и съ простаками никогда не играла въ тонкую игру: съ нихъ было довольно хитростей, сшитыхъ на живую руку и бѣлыми нитками. Можете себѣ представить, какое преимущество давала ей эта система дѣйствій, не метавшая бисера передъ свиньями и приготовлявшая тонкія сѣти лишь для опытныхъ хищниковъ биржи и банка.

Съ одними она практиковала грубо-мошенническій пріемъ переговора въ ихъ присутствіи, по телефону, съ якобы тѣмъ или инымъ банкиромъ, а на самомъ дѣлѣ—со своими сообщниками. Другихъ она морочила уморительно-патетическими сценами въ родѣ разсказаннаго нами выше неудавшагося сватовства Крауфордовъ. Для третьихъ ей приходилось пускать въ ходъ всѣ рессурсы своего изобрѣтательнаго ума, прибѣгать къ протекціи, связямъ, сложнымъ финансовымъ операціямъ. А магистратуру она, напр., проводила двадцать лѣтъ путемъ очень тонкихъ юридическихъ подвоховъ. Да, „великая Тереза" достойна занять одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду стяжательныхъ героевъ Бальзака.

Хорошъ въ своемъ родѣ и ея супругъ, сынъ стараго Эмбера,

Фредерикъ Эмберъ. Этотъ господинъ примѣрялъ нѣкоторое время и, наконецъ, окончательно надѣлъ на себя маску непрактичнаго человѣка, безкорыстнаго любителя эстетической красоты, диллетанта-живописца, диллетанта-писателя. Обладавшій безукоризненно свѣтскими манерами, онъ являлся всегда въ глазахъ знакомыхъ гостепріимнымъ хозяиномъ, добродушнымъ и тонко образованнымъ сибаритомъ, который и гостей своихъ любилъ пріобщать ко всевозможнаго рода удовольствіямъ, вплоть до самыхъ возвышенныхъ. Онъ съ умѣреннымъ и элегантнымъ, но несомнѣннымъ жаромъ разсуждалъ о послѣдней выставкѣ картинъ, о новой пьесѣ, и избраннымъ показывалъ произведенія своей кисти, а на домашнемъ театрѣ любилъ ставить свои непретенціозныя, но всегда милыя вещицы. Не мѣшаетъ, можетъ быть, замѣтить, что онъ однажды написалъ именно для своего театра одну фантастическую пьесу, соль которой заключалась въ комическихъ коллизіяхъ дѣйствующихъ лицъ, танцующихъ вокругъ шкафа, наполненнаго милліонами, въ то время, какъ своей пустотой онъ могъ бы поспорить съ шкафомъ Терезы. Какъ видите, нашъ сибаритъ-диллетантъ былъ не лишенъ юмора; а мысль показывать эту пьесу наиболѣе близкимъ и крупнымъ кредиторамъ обнаруживаетъ даже недюжинную способность къ ироніи.

Блестяще нося свою маску любезнаго бонвивана, Фредерикъ Великій—онъ, право, заслуживаетъ этого названія на ряду съ „великой Терезой",—принялъ за неизмѣнное правило уклоняться при людяхъ отъ всякихъ дѣловыхъ разговоровъ. Не смотря на всю свою свѣтскую благовоспитанность, онъ въ такихъ случаяхъ дѣлалъ видъ, что чуть-чуть не засыпаетъ. „Ахъ, я ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ; отъ нихъ только голова болитъ",—говорилъ онъ своимъ собесѣдникамъ и полузакрывалъ вѣки, какъ бы погружаясь во внутреннее эстетическое созерцаніе; а въ то же время чутко прислушивался къ тому, что говорилось вокругъ, ища какихъ-нибудь полезныхъ практическихъ свѣдѣній или указаній на возможность какой-нибудь новой финансовой спекуляціи.

За то, возвратясь къ себѣ, въ свой кабинетъ или, еще лучше, на особую квартиру, которую онъ занималъ подъ другой фамиліей, онъ развивалъ удивительные таланты биржевика и адвоката по гражданскимъ дѣламъ. Этотъ съ виду пустоватый и любезный дэнди все время жилъ среди груды дѣловыхъ бумагъ, исковъ, векселей, актовъ продажи и покупки, уставовъ разныхъ обществъ. Онъ велъ обширную дѣловую корреспонденцію, и при обыскѣ были найдены цѣлыя записныя книги, заключавшія очень сложную бухгалтерію гигантскаго предпріятія Эмберовъ. Тѣ немногія лица, съ которыми Эмберу приходилось непосредственно сталкиваться по дѣламъ, поражались ясностью и быстротой, съ которой онъ оріентировался въ самыхъ сложныхъ операціяхъ. Въ

залѣ суда раздался громкій взрывъ хохота среди публики, когда предсѣдатель сталъ допрашивать Фредерика объ учрежденіи общества „Пожизненной ренты“, а этотъ небрежно отвѣтилъ: „ну да, я составилъ уставъ этого общества. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Я мало понимаю въ дѣлахъ. Но по просьбѣ жены я принужденъ былъ побѣдить на этотъ разъ отвращеніе, и подчиталъ нѣсколько трактатъ Курсель-Сенейля о банковыхъ операціяхъ—ну, и написалъ уставъ“.

Другой разъ на судѣ, припертый къ стѣнѣ предсѣдателемъ, который указывалъ на лихорадочную финансовую и сутяжническую дѣятельность Эмбера, этотъ послѣдній мастерски свелъ вопросъ на чисто аффективную почву. Онъ представилъ яркую картину того адскаго состоянія, въ которомъ находилась его бѣдная Тереза, преслѣдуемая кредиторами и Крауфордами и порою вбѣгавшая въ слезахъ въ его кабинетъ, съ громаднымъ узломъ всяческихъ бумагъ и бросавшая его на полъ съ крикомъ отчаянія: „на, Фредерикъ, разбирайся“. И Фредерикъ, въ качествѣ образцоваго супруга, дѣйствительно, „разбирался“, читалъ и сортировалъ бумаги, старался вникнуть въ ихъ содержаніе,—словомъ, поневолѣ дѣлался финансистомъ и адвокатомъ, не питая ни малѣйшей склонности ко всѣмъ этимъ скучнымъ исторіямъ. „Вы говорите, г. предсѣдатель, что я все время тратилъ на дѣла. Странное разсужденіе! Кошку бросили въ воду, и вы видите, что она плыветъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что кошка водяной звѣрь“?—иронически закончилъ свое объясненіе Фредерикъ.

И, однако, онъ плавалъ, плавалъ все время, и плавалъ, какъ акула, зорко высматривая добычу и безъ промаху схватывая ее своими желѣзными челюстями. На слѣдствіи и судѣ обнаружилось, что все, что бурлило и кипѣло по части плановъ въ головѣ „великой Терезы“, все, что ею было задумано вчернѣ, было выполнено на дѣлѣ Фредерикомъ. Подробности операцій, извороты кляузническаго процесса, законное оформленіе мошенническихъ продѣлокъ, словомъ, детальное осуществленіе проектовъ геніальной интриганки,—все это было дѣломъ рукъ Эмбера, тѣхъ самыхъ рукъ, что, повидимому, небрежно-изящно держали для самоуслады сибарита кисть художника-любителя и перо импровизированнаго драматурга.

Было бы интересно прослѣдить, въ какой степени этотъ образцовый пиратъ, крейсируя по широкому морю мошенничествъ, пользовался указаніями и спеціальными знаніями своего отца. Мы видѣли, что старый Эмберъ живо принималъ къ сердцу интересы молодой четы, мы находимъ даже слѣды его дѣятельнаго участія въ нѣкоторыхъ эпизодахъ Эмберіады. Но у насъ нѣтъ прямого указанія на то, что прокуроръ контрольной палаты и вице-президентъ сената зналъ отправную точку всего этого колоссальнаго пуфа. Не придется ли предположить, оставляя вопросъ

о моральной отвѣтственности отца нерѣшеннымъ, что „великая Тереза“ могла подѣйствовать своимъ внушеніемъ и на старика, тѣмъ болѣе, что сердцу самаго безкорыстнаго буржуа такъ сладко поетъ золотая музыка милліоновъ; и что если старый юристъ и могъ дать указанія по тому или другому пункту процедуры, не особенно желая углубляться въ происхожденіе наслѣдства, то у молодого Эмбера было достаточно практическаго пониманія и изворотливости ума, чтобы одному справляться съ операціями, носящими уже чисто мошенническій характеръ?

Интересно для дополненія характеристики Фредерика то обстоятельство, что маску безпечнаго сибарита и бонвивана онъ окончательно приладилъ къ себѣ лишь съ теченіемъ времени, когда, по мѣрѣ логическаго развитія пуфа, ему стало выгодно оставаться въ тѣни, заправляя оттуда практическими нитями дѣла и выдвинувъ на первый планъ гипнотизирующую и импонирующую Терезу. Но было время, когда молодой Эмберъ пробовалъ свои силы и на политическомъ поприщѣ. Мы видѣли, что онъ былъ начальникомъ кабинета при своемъ отцѣ-министрѣ. Это происходило въ первую половину 1882 г.: его отецъ вступилъ въ министерство Фрейсинэ 30-го января, а 29 іюля кабинетъ уже былъ опрокинутъ. Тремя годами позже, 5-го октября 1885 г., Фредерикъ былъ выбранъ, по системѣ списковъ (scrutin de liste), однимъ изъ депутатовъ департамента Сены-и-Марны. И циркуляръ, адресованный имъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ избирателямъ, обнаруживаетъ довольно тонкое пониманіе поворота въ настроеніи страны, которая должна была высказаться противъ оппортунизма, усиливъ ряды монархической оппозиціи, но за то увеличивъ и число радикаловъ до цѣлой трети палаты. Самъ по себѣ документъ этотъ очень баналенъ. Но въ немъ интересно то, что Фредерикъ Эмберъ, хотя принадлежавшій по связямъ и семейнымъ традиціямъ къ умѣреннымъ республиканцамъ, считаетъ долгомъ поставить нѣсколько радикальныхъ требованій: онъ высказывается противъ колоніальной политики Ферри и оппортунистовъ; онъ стоитъ за распространеніе всеобщей подачи голосовъ на выборы въ сенатъ; онъ требуетъ отдѣленія церкви отъ государства; онъ полагаетъ, что „безъ улучшенія положенія рабочихъ республика будетъ пустымъ словомъ“, и потому высказывается за всяческое покровительство рабочимъ ассоціаціямъ и синдикатамъ и за учрежденіе пенсіонной кассы для инвалидовъ труда“ *). Комичную ноту выборовъ Фредерика Эмбера составляетъ брошюра, которую тароватый кандидатъ разослалъ земледѣльческимъ избирателямъ и которая повѣствуетъ объ агрикуль-

*) См. эти документы въ довольно любопытной статьѣ «Les campagnes électorales de Frédéric Humbert», помѣщенной въ № 2 (отъ 20-го августа 1903 г.). «Les Annales Parlementaires».

турныхъ опытахъ, предпринятыхъ имъ на знаменитой фермѣ Орсонвилля (см. о ней выше). На слѣдующихъ выборахъ, 1889 г., въ разгаръ буланжистской агитаціи, Фредерикъ Эмберъ былъ побитъ консервативнымъ республиканцемъ и отнынѣ всецѣло посвятилъ себя той прибыльной и вмѣстѣ закулисной дѣятельности, которую онъ умѣлъ такъ ловко скрыть подъ личиною свѣтскаго диллетанта. Да, и Фредерикъ достоинъ наравнѣ съ Терезой фигурировать въ бальзаковскомъ пантеонѣ стяжателей.

Два брата Терезы составляютъ вмѣстѣ образцовую пару аяксовъ; и судьбѣ было угодно, словно нарочно, наградить ихъ разными характерами и темпераментами, чтобы подчеркнуть одинаковость ихъ положенія въ семейной шайкѣ авантюристовъ. Оба они вѣрные солдаты той стяжательной арміи, которая двадцать лѣтъ вела съ такимъ успѣхомъ кампанію противъ чужихъ кармановъ и стратегомъ которой была Тереза, а тактикомъ Фредерикъ. Эмиль и Ромэнъ Дориньяки исполняли дѣйствительно второстепенныя, но необходимыя роли въ сложной юридически-финансовой комбинаціи. Оба они занимались спеціально дѣлами „Пожизненной ренты", но старшій, Эмиль, былъ осѣдлымъ служащимъ, тогда какъ младшій, Ромэнъ, все время разъѣзжалъ, успѣвая, въ случаѣ надобности, исполнять и другія порученія всевозможнаго характера. Это ему въ бытность въ Аргентинской республикѣ пришла въ голову мысль дать миѳическому завѣщателю, придуманному творческимъ воображеніемъ Терезы, англосаксонское имя Генриха Роберта Крауфорда: такъ назывался бѣдный учитель, съ которымъ онъ познакомился въ Ла-Платѣ. И Ромэнъ же бралъ на себя, когда было нужно, амплуа одного изъ племянниковъ Крауфорда, а именно Генриха Крауфорда, вѣчно влюбленнаго въ Марію. Ромэнъ былъ на Мадагаскарѣ, гдѣ, благодаря связямъ сестры, добился концессіи на одинъ изъ продуктовъ страны; Ромэнъ ѣздилъ и у насъ, по Уралу, стараясь основать общество для эксплуатаціи топазовъ и увѣряя французовъ, что въ Россіи „драгоцѣнные камни валяются по дорогѣ, что булыжники".

Что касается до характера, то Эмиль это — плачущій Гераклитъ, а Ромэнъ—смѣющійся Демокритъ. Въ личной жизни, т. е. внѣ участія въ Эмберіадѣ, Эмиль постоянно игралъ роль „благороднаго отца", тогда какъ Ромэнъ не выходилъ изъ ролей „перваго любовника". Эмиль высоко ставилъ свою жену, дѣйствительно порядочную женщину, которая ничего не знала о его мошеннической закулисной жизни; и свою долю добычи неизмѣнно относилъ въ семью, напоминая одного изъ наиболѣе антипатичныхъ героевъ Мопассана, а именно того хозяина веселаго пріюта, который воспитывалъ свою дочь-наслѣдницу въ пансіонѣ при женскомъ монастырѣ и держалъ ее въ полномъ невѣдѣніи относительно прибыльной профессіи папаши. Ромэнъ переходилъ отъ

одного романа къ другому и порою велъ заразъ нѣсколько любовныхъ интригъ. Онъ чуть не уморилъ со смѣху публику на судѣ, повѣствуя о томъ, что чрезвычайно любилъ одну изъ своихъ пассій, которая подарила ему нѣсколько малютокъ, но, къ сожалѣнію, за двѣнадцать лѣтъ сожительства никакъ не могъ „урвать времени“, чтобы жениться на „матери своихъ дѣтей“. А когда предсѣдатель напомнилъ ему, что эти похвальныя брачныя намѣренія не мѣшали ему развлекаться авантюрами съ разными „милыми блондиночками“ (эпитетъ, взятый изъ одного любовнаго письма Ромэна), то младшій Дориньякъ сдѣлалъ великолѣпный жестъ въ сторону публики и патетически воскликнулъ: „пусть броситъ въ меня первый камень тотъ изъ присутствующихъ здѣсь мужчинъ, кто не имѣлъ трехъ или четырехъ любовницъ“. Словомъ, корректное кладбищенство Эмиля и веселая гасконада Ромэна какъ нельзя болѣе оттѣняли индивидуальное разнообразіе героевъ Эмберіады, изъ которыхъ каждый описывалъ свою особую орбиту, а всѣ вмѣстѣ составляли общее мошенническое созвѣздіе, несшееся къ одной точкѣ въ пространствѣ.

За этими же главными дѣйствующими лицами на слѣдствіи и судѣ прошла цѣлая вереница самыхъ различныхъ типовъ, которые опять-таки привели бы въ восхищеніе Бальзака своею рельефностью и своимъ художественнымъ значеніемъ, какъ представители извѣстныхъ общественныхъ слоевъ, группъ и профессій. Тутъ были и корректные префекты полиціи, которые, боясь себя скомпрометтировать прежними близкими отношеніями къ Эмберамъ, внезапно теряли всякую память прошлаго и многозначительно глохли и нѣмѣли на судѣ. Тутъ были и буржуазно-честные, но наивные члены государственнаго совѣта, которые питали двадцать лѣтъ дружескія симпатіи къ владѣльцамъ воображаемыхъ милліоновъ и теперь стояли, словно пораженные громомъ, на развалинахъ своихъ аффективныхъ привязанностей, бія себя въ грудь и приговаривая: mea culpa! mea maxima culpa! Мы встрѣчались здѣсь и съ безукоризненными, но деревянными, какъ автоматы, судебными слѣдователями; и съ развязно-сконфуженными первѣйшими адвокатами Франціи, которые всего полтора года тому назадъ защищали сложные интересы Эмберовъ; съ нотаріусами-разинями и съ нотаріусами-ловкачами; съ кредиторами-волками, и съ кредиторами-телятами,—словомъ, съ выразителями всевозможныхъ интересовъ и профессій, аппетитовъ и предразсудковъ:

Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ,

и для талантливаго романиста готовъ, даже безъ особаго напряженія творческой фантазіи, сюжетъ новой „Человѣческой комедіи“, представляющей логическое продолженіе бальзаковской.

Какіе же общіе выводы вытекаютъ изъ дѣла Эмберовъ? Въ самомъ началѣ этой статьи, если припомнитъ читатель, я указалъ на значеніе соціальнаго фона, только и могущаго объяснить размахъ этой невѣроятной эпопеи хищенія. Я отмѣтилъ тотъ крупный фактъ, что великія общественныя силы современнаго строя, созданныя цѣлою коллективностью, превращаются въ покорныхъ служекъ отдѣльнаго лица, разъ оно можетъ располагать дѣйствительно—или даже только въ воображеніи окружающихъ—достаточнымъ количествомъ „всеобщаго эквивалента". Но самъ этотъ фактъ есть лишь частное выраженіе гораздо болѣе общаго соціологическаго факта. Теперешнее общество представляетъ собою чрезвычайно громоздкую, чрезвычайно сложную и чрезвычайно хитрую машину, которая всею тяжестью своихъ неумолимыхъ колесъ и могучей исторической инерціи толкаетъ впередъ и все выше и выше того, кто успѣлъ стать въ направленіи ея пути, и, какъ червя, раздавливаетъ того, кто идетъ противъ или даже просто находится внѣ этого движенія.

Нѣсколько сопоставленій. Вотъ этотъ безработный стащилъ зимою пальто на выставкѣ большого магазина: „простое воровство". Вотъ эта голодающая женщина, въ порывѣ отчаянія, разбила стекло въ булочной и съ жадностью набросилась на хлѣбъ, тутъ же кормя имъ голодныхъ, какъ сама, ребятъ: „квалифицированное воровство", „кража со взломомъ". И можно построить цѣлую градацію такихъ преступленій противъ собственности: мы, дѣйствительно, въ области уголовнаго законодательства, и статьи 379—401 французскаго уголовнаго кодекса назначаютъ соотвѣтственную лѣстницу каръ вплоть до 5-тилѣтняго заключенія въ тюрьмѣ...

Вы меня захотите, можетъ быть, тутъ же остановить и скажете, что я нарочно сгущаю краски, что гуманная юстиція нашихъ дней принимаетъ близко къ сердцу смягчающія обстоятельства. Виноватъ, но здѣсь я долженъ остановить въ свою очередь и васъ и привести тотъ несомнѣнный, не нуждающійся ни въ какихъ комментаріяхъ фактъ, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ всякій разъ, какъ судья-филантропъ города Шато-Тьерри, нѣкто Маньо, вводитъ эти смягчающія обстоятельства въ свои приговоры, вся благомыслящая и серьезная пресса крупной буржуазіи, съ „Temps" и „Journal des Débats" во главѣ, съ пѣною у рта набрасывается на „анархическую юстицію" гуманнаго человѣка. Послушать всю эту печать, Маньо ведетъ Францію и современную культуру на край гибели: завтра же всѣ магазины, всѣ булочныя и всѣ дома имущихъ будутъ разграблены праздными негодяями.

Оставимъ теперь мрачную территорію уголовщины и перейдемъ на идиллическія пажити гражданскаго права. Въ теченіе двадцати лѣтъ „великая Тереза" и ея сообщники не покидали

этихъ Елисейскихъ полей буржуазнаго благополучія. И самъ же прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи прекрасно объяснилъ намъ, что само гражданское законодательство давало шайкѣ грандіозныхъ авантюристовъ полную возможность свободныхъ эволюцій на этомъ поприщѣ. Дѣйствительно, Эмберы все время побѣдоносно пользовались двумя особенностями, замѣтьте—легальными и обязательными особенностями гражданской юрисдикціи. Во-первыхъ, въ этой сферѣ стороны, кромѣ самыхъ исключительныхъ случаевъ, не могутъ представлять себя лично, но лишь при посредствѣ особыхъ гражданскихъ адвокатовъ или ходатаевъ (то, что французы называютъ avoués). Во-вторыхъ, гражданскій судъ отвѣчаетъ только на вопросы, которые предложены его компетенціи тяжущимися, но ни въ какомъ случаѣ не долженъ выходить изъ этихъ законныхъ рамокъ своей дѣятельности.

Теперь смотрите, что слѣдуетъ отсюда. Эмберамъ было въ высшей степени важно не сталкиваться лично съ Кроуфордами, которые были отчасти миѳическими существами, отчасти псевдонимами мошенничающихъ братьевъ Дориньяковъ: хитрость слишкомъ скоро выскочила бы наружу. И вотъ, самъ законъ давалъ возможность Эмберамъ, мало того, обязывалъ ихъ укрыться за спиною профессіональныхъ ходатаевъ. Разъ дѣло было заправлено, Эмберы-Крауфорды исчезали изъ взоровъ гражданскихъ судовъ всевозможныхъ инстанцій въ чащѣ безконечныхъ рѣшеній, которыми усердно бомбардировали другъ-друга гражданскіе адвокаты обѣихъ сторонъ.

Далѣе, Эмберамъ было не менѣе того важно, чтобы судъ никогда не задавался вопросомъ о дѣйствительности завѣщанія. И опять-таки самъ законъ давалъ имъ полную возможность изъять его разъ навсегда изъ перипетій безконечной тяжбы. Стоило только обѣимъ сторонамъ поставить суду вопросъ, къ какому разряду принадлежитъ актъ, заключенный между ними и замѣнившій два противорѣчивыхъ завѣщанія,—полюбовная ли то сдѣлка или раздѣлъ, — и гражданская юрисдикція разъ навсегда должна была остаться въ рамкахъ, намѣченныхъ заранѣе авантюристами. Или, какъ объяснялъ на судѣ прокуроръ:

Какой вопросъ занимаетъ гражданскій трибуналъ, какой вопросъ онъ долженъ рѣшить и на рѣшеніе котораго онъ только и имѣетъ право? Станетъ-ли онъ отыскивать, въ какой степени имѣютъ юридичеекую силу оба завѣщанія? Но они могутъ не имѣть никакой законной силы, и, однако, обѣ стороны могутъ согласиться на то, чтобы замѣнить эти не имѣющія юридической силы или же подлинныя завѣщанія актомъ полюбовной сдѣлки. Трибуналъ ставится лицомъ къ лицу съ вопросомъ: сдѣлка-ли это, или это раздѣлъ? И отнынѣ, господа, отнынѣ онъ судитъ лишь вопросъ, который подвергнутъ его компетенціи, онъ занимается лишь вопросомъ, который поставленъ ему, отнюдь не прибѣгая, повторяю еще разъ, къ провѣркѣ утвержденій, являющихся посторонними по отношенію къ спорному пункту, который единственно и формулированъ передъ трибуналомъ людьми, къ слову коихъ судъ долженъ имѣть—и имѣетъ полное довѣріе...

Не заставляетъ ли васъ улыбаться эта часть рѣчи прокурора, и не видите ли вы въ ней апологію, мало того, такъ сказать, легальное „руководство къ совершенному мошенничеству". Стоитъ, значитъ, знать особенности гражданской процедуры, и вы два десятка лѣтъ можете свободно морочить людей, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, создавая все новые и новые юридическіе прецеденты, превращающіе вашу фикцію въ самую осязательную реальность, поскольку реаленъ гражданскій кодексъ и законы, защищающіе буржуазную собственность. И какъ здѣсь не припомнить хотя бы того обстоятельства, что всякій разъ, какъ люди и партіи не буржуазнаго міровоззрѣнія пытались придать менѣе формальный и болѣе человѣчный характеръ гражданскому законодательству, представители имущихъ бросали имъ яростные упреки въ разрушительныхъ и анархическихъ тенденціяхъ. Взять хотя то правило, по которому вы не можете лично представлять себя въ большинствѣ гражданскихъ дѣлъ, а должны обращаться къ спеціальнымъ ходатаямъ. Защитники интересовъ неимущихъ классовъ не разъ указывали на чудовищность этого требованія, такъ какъ зачастую у какого-нибудь рабочаго нѣтъ средствъ нанимать спеціальнаго адвоката. Въ отвѣтъ имъ сыпались всевозможныя обвиненія въ желаніи внести умышленный хаосъ въ гражданскія отношенія, нуждающіяся, молъ, въ урегулированіи со стороны компетентныхъ лицъ, и указывалось, между прочимъ, угадайте на что?—на необходимость соблюдать интересы корпораціи ходатаевъ, которые должны же чѣмъ-нибудь жить, разъ имъ приходится вносить до 10.000 фр. залогу и покупать свои мѣста за суммы, достигающія въ Парижѣ 400.000 франковъ. А въ результатѣ — блистательный турниръ Эмберовъ и Крауфордовъ, стоившій кредиторамъ сотни милліоновъ.

Этотъ же характеръ громадной и хитрой машины, рѣзко обнаруживается въ томъ фетишизмѣ, который буржуазная юстиція питаетъ къ формальностямъ закона въ области столкновенія интересовъ собственности. Надо внимательно прочитывать безконечные документы, акты и рѣшенія судовъ, порожденные двадцатилѣтнимъ мошенничествомъ Эмберовъ, чтобы понять ужасающую роль той хитросплетенной сѣти гражданскихъ законовъ, которую съ такимъ удобствомъ прорывали эти акулы стяжательства, но въ которой каждый день застрѣваютъ и безнадежно бьются тысячи мелкой рыбешки. Для типичнаго юриста реальность утверждаемаго факта достаточно доказывается существованіемъ формальнаго документа, исходящаго отъ трибунала; и каждый новый актъ, громоздящій, какъ то было въ дѣлѣ Эмберовъ, Оссу на Пеліонъ мошенничествъ, является въ его глазахъ лишнимъ памятникомъ, воздвигнутымъ богинѣ юридической истины. Чѣмъ болѣе съ теченіемъ времени росла лавина процессуальной переписки въ безконечной тяжбѣ,

тѣмъ съ большимъ почтеніемъ и профессіональнымъ благоговѣніемъ относились къ ней судьи всевозможныхъ инстанцій. И совсѣмъ наканунѣ краха знаменитѣйшіе адвокаты считали за честь участвовать въ процессѣ Эмберовъ—противъ нихъ же самихъ, воплощенныхъ въ загадочной фигурѣ Крауфордовъ.

Нечего говорить, конечно, въ какой степени этотъ законническій фетишизмъ усиливался тѣмъ обстоятельствомъ, что тяжба велась изъ-за громадной цифры, наполняющей душу типичнаго буржуа, какъ бы лично онъ ни былъ честенъ, священнымъ трепетомъ. Но тутъ мнѣ пришлось бы повторить, что я сказалъ въ началѣ этой статьи объ аффективныхъ отношеніяхъ самыхъ безукоризненныхъ представителей современнаго строя къ милліонамъ, въ чьихъ бы рукахъ они ни находились. Вальдэкъ Руссо назвалъ дѣло Эмберовъ „самымъ колоссальнымъ мошенничествомъ XIX вѣка". Но самъ XIX вѣкъ не долженъ ли считаться громадной авантюрой, въ соціологическомъ, а не въ узко-моральномъ смыслѣ, конечно.

Н. Е. Кудринъ.

„Ultra montes!".

(*Письмо изъ Германіи*).

I.

Закончившій 27-го августа новаго стиля свои засѣданія всеобщій съѣздъ католиковъ Германіи былъ, какъ и всегда, поставленъ на сцену со всѣмъ тѣмъ режиссерскимъ и декоративнымъ талантомъ который такъ отличаетъ собою воинствующій католицизмъ вообще, и политическій—въ частности. Съѣздъ состоялся въ Кёльнѣ, этомъ нѣмецкомъ Римѣ, въ самомъ центрѣ католическаго прирейнскаго района, въ городѣ, гдѣ покоятся мощи трехъ волхвовъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ знаменитый схоластикъ Альбертъ Великій, гдѣ училъ нѣкоторое время самъ ангельскій докторъ, Ѳома Аквинскій. Съѣздъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и юбилейнымъ торжествомъ для католиковъ Германіи: онъ былъ пятидесятымъ по счету съ того времени, когда въ 1848 году, въ эпоху бури и натиска, впервые объединились на всеобщемъ съѣздѣ католики Германіи, проникнутые тогда велико-германскимъ стремленіемъ, христіанскимъ соціализмомъ и желаніемъ освободить церковь для побѣды надъ государствомъ... Съѣздъ былъ поэтому не только военнымъ смотромъ партіи центра пе-

редъ новой парламентской сессіей, не только подготовкой къ борьбѣ за депутатскія полномочія прусскаго ландтага, но и торжествомъ въ память былыхъ дѣятелей центра, своего рода церковнымъ парадомъ торжествующей и побѣдоносной арміи Рима.

И, повторяемъ, церковный парадъ былъ инсценированъ на славу. Торжественныя мессы съ кардиналами и епископами и политическія собранія съ зажигательными рѣчами, процессіи всѣхъ кёльнскихъ реликвій и изобильныя трапезы съ не менѣе основательной выпивкой; процессіи десятковъ тысячъ рабочихъ подъ знаменемъ креста и веселые студенческіе коммерсы; телеграммы императору и папѣ, пріѣздъ иностранныхъ епископовъ и аббатовъ, хоры музыки и звонъ колоколовъ—ничто не было опущено для полнаго и подавляющаго впечатлѣнія католической феерiи, и только развѣ пары обращенія ярыхъ соціалъ-демократовъ въ католичество или чудеснаго исцѣленія дюжины закоренѣлыхъ протестантовъ отъ ихъ лжеученія недоставало для полноты картины. И въ самомъ дѣлѣ, надо отдать полную справедливость организаторамъ праздника центра, всѣ части программы были выполнены блестяще; первый же день торжества былъ отданъ „христіанскому труду".

Среди домовъ, украшенныхъ папскими, церковными и иными флагами, 23-го августа протянулись по улицамъ процессіи приблизительно изъ 300 рабочихъ и ремесленныхъ католическихъ ферейновъ, въ сопровожденіи 28 хоровъ музыки, съ дорогими знаменами и хоругвями, которыя были вышиты и принесены въ даръ усердіемъ женщинъ-католичекъ. Количество участниковъ шествія доходило, по утвержденію ультрамонтанской прессы, до 25,000 слишкомъ человѣкъ. Среди нихъ въ особенности бросались въ глаза, по утвержденію очевидцевъ, горные рабочіе изъ вестфальско-рейнскаго района, въ своей живописной и однообразной формѣ. По словамъ главнаго органа центра, „Германіи": „съ гордостью и воодушевленіемъ были привѣтствуемы бравые рабочіе, и при взглядѣ на нихъ невольно рождалось убѣжденіе, что государство и церковь до тѣхъ поръ спокойно еще могутъ взирать на отдаленное будущее, пока рабочіе оказываютъ сопротивленіе прельщеніямъ ослѣпленной, заблуждающейся и лишенной вѣры партіи". Въ парадномъ шествіи подъ грохотъ музыки и съ роскошными знаменами прошлись, такимъ образомъ, по городу „люди труда", эти „вѣрнѣйшія опоры алтаря и трона", чтобы дать этимъ „публичное свидѣтельство въ пользу своихъ убѣжденій и затѣмъ съ новыми силами возвратиться къ тяжелому труду". Но передъ тѣмъ, какъ удалиться „къ тяжелому труду", въ то время, какъ нерабочіе остались еще праздновать, рабочіе были размѣщены по 7 разнымъ локалямъ, гдѣ имъ пришлось выслушать много сладкихъ словъ и платоническихъ утѣшеній, и еще разъ „публично дать свидѣтельство своихъ католическихъ убѣж-

деній“. Самый же процессъ такого публичнаго оказательства сводился къ слѣдующей процедурѣ, которую мы легче всего прослѣдимъ на главномъ собраніи рабочихъ. Здѣсь, въ присутствіи многочисленнаго клира и парламентскихъ депутатовъ, собраніе было открыто г. Вейсмантелемъ, который послѣ „католическаго привѣтствія“ не только приглашалъ въ своей рѣчи „добро пожаловать во святой Кёльнъ“, но и объявлялъ рабочимъ, что „Богъ благословилъ христіанскую работу“, при чемъ, однако, благоразумно умолчалъ о томъ, чѣмъ собственно отличается „христіанская“ работа на фабрикѣ отъ нехристіанской. Рѣчь эта была, конечно, покрыта бурными апплодисментами. Послѣ этого былъ избранъ единогласно предсѣдателемъ собранія извѣстный дѣятель центра, Тримборнъ, который, опять-таки при громѣ апплодисментовъ, занялъ трибуну и въ своей рѣчи увѣрялъ рабочихъ прежде всего, что они полноправные участники католическаго съѣзда; дѣйствительно, такое увѣреніе было не излишне на съѣздѣ, такъ какъ послѣ процессій и послѣдующихъ собраній рабочихъ очень скоренько запихали въ вагоны желѣзной дороги и отправили во свояси, не смотря на то, что съѣздъ еще продолжался. „Profanum vulgus“ вообще, а представители „христіанскаго труда“ въ частности, отлично удерживаются въ католической церкви на роляхъ театральнаго народа, который надлежащимъ образомъ движется и вотируетъ, издаетъ соотвѣтственные клики и даже народный гулъ,—но все это по дирижерской палочкѣ искуснаго режиссера, предоставляя всю честь и славу солистамъ и являясь для нихъ только живымъ, оттѣняющимъ ихъ фономъ. Даже „мучениками вѣры“ провозгласилъ затѣмъ искусный предсѣдатель театральный народъ католической церкви, а укрѣпленіе этихъ мучениковъ, которые на фабрикѣ и въ мастерской исповѣдуютъ свою вѣру и тамъ должны ее защищать—поставилъ онъ особой задачей самихъ съѣздовъ. Послѣ этого выступилъ на сцену главный ораторъ собранія, депутатъ Ситтатръ и въ качествѣ перваго солиста разразился цѣлымъ потокомъ католическихъ чувствъ; онъ ликовалъ по поводу удавшейся рабочей демонстраціи, которая показала, будто бы, что католики за годъ „возросли въ числѣ, укрѣпились въ единствѣ и стали несокрушимы въ своей приверженности къ церкви“; онъ „съ довѣріемъ“ взиралъ на будущее, и самый XX-й вѣкъ грозилъ привести къ одному знаменателю своимъ кликомъ: „Съ Богомъ и ради Бога, съ церковью и за церковь, за короля и отечество“. Но этимъ нашъ ораторъ далеко не ограничился; послѣ грознаго вызова новому вѣку онъ зажурчалъ любовью и братскими чувствами; онъ открылъ, что всѣ люди братья, и горячо протестовалъ противъ того способа устраненія нужды, который состоитъ только во врученьи рабочему одной „холодной монеты“... Онъ требовалъ еще сверхъ сего „любви, уваженія и участія къ нуж-

дающимся“; онъ благодарилъ рабочихъ за ихъ вѣрность святой католической церкви, такъ-какъ именно изъ этой вѣрности, по его мнѣнію, вытекала и вѣрность ихъ отечеству, и великолѣпный тріумфъ (?) центра при выборахъ 16 іюня въ парламентъ. Но католической ораторъ не могъ остаться при однихъ высокихъ чувствахъ, онъ весьма ловко указалъ и на тѣ положительныя средства, при помощи которыхъ центръ покупаетъ „вѣрность церкви“ со стороны рабочихъ, раздробляетъ ихъ на вѣроисповѣдныя группы и ослабляетъ ихъ классовую мощь. „Почему рабочіе вѣрны церкви?“ вопросилъ Ситтартъ и сейчасъ же самъ отвѣтилъ: „потому-что церковь доказала на дѣлѣ, что она стоитъ за рабочихъ“, она проявила великія дѣла христіанскаго милосердія, она, въ противоположность соціалъ-демократіи, выставляющей только „радикальныя требованія въ цѣляхъ агитаціи“, всегда выставляла „практичныя, хорошо разсчитанныя и глубоко взвѣшенныя предложенія“, которыя являлись осуществленіемъ программы покойнаго епископа Кеттелера. Кстати тутъ же ораторъ припомнилъ и окружное посланіе нѣмецкихъ епископовъ въ 1890 г., гдѣ съ особымъ удареніемъ говорилось о соціальномъ вопросѣ и соціальныя энциклики папы „Льва XIII, этого „друга рабочихъ“, и „новаго папы бѣдныхъ“ Пія X, колыбель котораго стояла въ скромной хижинѣ рабочаго; кстати вспомнилъ ораторъ и дѣятельность парламентской партіи центра для удовлетворенія соціальныхъ запросовъ современности... Затѣмъ наступилъ наиболѣе торжественный моментъ „рабочаго“ праздника: появился самъ украшенный пурпуромъ князь-архіепископъ кельнскій и произнесъ свое слово пастырскаго благоволенія: „держитесь только въ сторонѣ отъ обманчивыхъ обольщеній ложныхъ друзей рабочихъ“, сказалъ кардиналъ, между прочимъ. „Мы всѣ, представители церкви и въ особенности святой отецъ отъ души желаемъ вамъ хорошаго экономическаго положенія и отнюдь не осуждаемъ, напротивъ того, благословляемъ васъ, когда вы, рабочіе, правильнымъ путемъ стремитесь къ постоянному улучшенію вашего настоящаго положенія, при томъ, однако, условіи, что вы не пожертвуете за это вашимъ величайшимъ сокровищемъ вѣры“... „Нашъ святой отецъ имѣетъ горячо сочувствующее сердце по отношенію къ народу и въ особенности къ трудящемуся народу, и для него будетъ радостью и утѣшеніемъ услышать—я это знаю— что здѣсь въ Германіи такъ вѣрны рабочіе святой церкви“... По словамъ архіепископа, присутствовавшіе вмѣстѣ съ нимъ на манифестаціи рабочихъ чужестранные епископы поражены были даже самою возможностью подобныхъ демонстрацій рабочихъ въ пользу церкви. И вполнѣ естественной явилась послѣ рѣчи кардинала отсылка той привѣтственной телеграммы, гдѣ, между прочимъ, католическая церковь провозглашается не только „учительницей истины“, но и самымъ дорогимъ другомъ работающаго народа,

а „болѣе чѣмъ двадцать тысячъ“ католическихъ рабочихъ обѣщаютъ съ своей стороны „среди тяжелой соціальной борьбы оставаться всегда вѣрными побѣдоносному католическому ученію“. И только въ самомъ концѣ собранія рабочій, секретарь Гизбертсъ, изложилъ нѣкоторыя положительныя требованія рабочихъ, среди которыхъ было и пожеланіе, чтобы рабочіе въ мастерскихъ исповѣдывали открыто то знамя, котораго они держатся, чтобы со стороны работодателей было больше „полной любви, отзывчивости“ по отношенію къ нуждамъ рабочихъ, чтобы было лучше организовано вознагражденіе за болѣзни въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, чтобы было болѣе обезпечено право соединеній, организованъ рабочій секретаріатъ и т. п. Такъ прошло собраніе католическихъ рабочихъ въ главномъ праздничномъ залѣ Кельна. И въ подобномъ же духѣ рабочихъ восхваляли, ободряли, поучали и призывали и въ остальныхъ шести локаляхъ, гдѣ бравые католики праздновали свой соціально-политическій праздникъ. Заслуживаютъ упоминанія, далѣе, собранія ремесленниковъ въ залѣ гражданскаго собранія рабочихъ и въ Колосеумѣ. Въ первомъ сеньоръ кельнскаго союза ремесленниковъ Катцеръ съ особенною силою напиралъ на различіе между „христіанской реформой“ и „христіанской организаціей“, съ одной стороны, и „матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ“, съ другой, возставалъ во имя „положительнаго христіанства“ противъ „разнузданной свободы либеральной хозяйственной политики“, громилъ пассивность и апатію въ средѣ ремесла и звалъ всѣхъ къ великимъ задачамъ профессіональнаго образованія, общественной организаціи ремесленниковъ, возможно лучшихъ условій работы и рабочей платы, а болѣе всего къ тому, чтобы „сдѣлать людей лучше и возвратить ихъ къ христіанству“. И если въ главномъ собраніи рабочихъ архіепископъ Фишеръ вспоминалъ о томъ, что самъ Христосъ былъ рабочій, то здѣсь онъ счелъ умѣстнымъ помянуть о томъ, что первые послѣдователи Христа были ремесленники, что церковь всегда любила сословіе рабочихъ и ремесленниковъ, и что въ лицѣ папы Пія X возсѣлъ на престолъ св. Петра истинный „папа рабочихъ“... Въ Колосеумѣ восхвалялъ капелланъ Шютте партію центра, какъ истинную преемницу фонъ-Кеттелера, рекомендовалъ католическія рабочія и благотворительныя соединенія, превозносилъ Льва XIII, какъ „папу рабочихъ“, а секретарь Штегервальдъ резюмировалъ слѣдующимъ образомъ желаніе рабочихъ. По его мнѣнію, задачи католическихъ рабочихъ сводились къ дѣятельности въ области: 1) религіозной, 2) законодательства о соціальной реформѣ, и 3) соціальной самопомощи. Въ первой области рабочіе должны дѣйствовать апологетически и поддерживать клиръ въ его дѣятельности; во второй—необходимо освобожденіе отъ фабричной работы женщинъ, установленіе предѣльнаго рабочаго дня, болѣе практичная организація фабричной инспекціи и т. п.; въ третьей—

развитіе рабочихъ организацій, въ особенности же христіанскихъ рабочихъ соединеній. Такъ праздновали торжество католическаго юбилея не только въ Колоссеумѣ, но и въ другихъ помѣщеніяхъ.

Въ Annohaus'ѣ епископъ Дёббингъ поминалъ св. Франциска Ассизскаго и приписывалъ самое происхожденіе рабочаго класса освободительному дѣлу церкви; въ Хрустальномъ дворцѣ проповѣдывалась тріада: „религія, работа и самопомощь", при чемъ девизомъ соціальнаго движенія провозглашалась не только „любовь къ ближнему", но и „справедливость"; въ Edengarten'ѣ викарный епископъ Мюллеръ, явившійся „среди рабочихъ, какъ рабочій", предсказывалъ полное оздоровленіе общества отъ распространенія католическихъ рабочихъ соединеній; въ Luisenhaal'ѣ поминали фонъ-Кеттелера; о Кеттелерѣ говорили и въ Gesellenhaus'ѣ, гдѣ опять развивалась шаблонная программа католическо-христіанскаго соціализма.

Во всѣхъ этихъ собраніяхъ превозносились ораторами римскій клиръ и церковь, какъ единственные защитники рабочихъ, вотировалось апплодисментами и оваціями довѣріе и послушаніе вождямъ центра, а если и формулировались требованія рабочихъ, то съ постоянной подразумѣваемой оговоркой, что эти требованія отнюдь не должны вырождаться въ радикальную агитацію соціалъ-демократовъ или выходить изъ предѣловъ умѣренности и католическаго смиренія. Какое воистину умилительное и трогательное зрѣлище, какое рѣдкое сочетаніе въ мирной гармоніи волковъ и овецъ, съ одной стороны, дѣтскаго смиренія и послушанія и самаго грубаго матеріальнаго разсчета—съ другой! Передъ нами тысячи рабочихъ, которыхъ разрисовываютъ изо всѣхъ силъ розовыми красками патеры и депутаты центра, передъ нами епископы и клиръ, которому эти тысячи рабочихъ рукоплещутъ, въ которомъ они признаютъ своихъ любящихъ отцовъ и попечителей. Какъ много, казалось бы, любви и теплыхъ чувствъ, какъ много взаимнаго довѣрія и ласки, сколько самоотверженія со стороны добрыхъ пастырей, все отдающихъ рабочимъ, и сколько вѣрности со стороны этихъ смиренныхъ, послушныхъ и благонравныхъ рыцарей „христіанскаго" труда, этихъ важнѣйшихъ опоръ „алтаря и трона". И кого только не любятъ эти „бравые католики": и „святого отца" въ Римѣ, и своихъ кардиналовъ въ Германіи, и князя-архіепископа въ Кёльнѣ, и всѣхъ епископовъ міра, и свой клиръ, и вождей центра, и своихъ благодѣтелей-фабрикантовъ, и своихъ свѣтскихъ повелителей; и эта любовь не остается безнадежной; словно потокомъ заливаютъ своей любовью рабочихъ носители тонзуры и сутаны, двурогой митры и палліума; имъ не уступаютъ въ этомъ и политическіе дѣятели центра: оии и благодарятъ, и хвалятъ, льстятъ и распинаются, и если вѣрить имъ, то уже не рабочіе изъ копей и фабрикъ, а цѣлое воинство смиренныхъ херувимовъ возсѣдаетъ

передъ ними въ ожиданіи только знака, чтобы ринутся на Вельзевула въ видѣ Бебеля или Фольмара. И если даже католическая церковь, эта строго аристократическая организація и общество въ высокой степени „неравное“ (iniquum), и не устранила свойственной ей глубокой пропасти между клиромъ и мірянами, то, по крайней мѣрѣ, въ своей любви она стала не только сама церковью трудящихся, но и своихъ первосвященниковъ превратила въ „папъ рабочихъ“. Какая картина и вмѣстѣ съ тѣмъ какое превращеніе: вѣдь, въ прошломъ католической церкви есть и другія страницы. И эти страницы тѣмъ болѣе поучительны, что католицизмъ исторіи не знаетъ; онъ всегда былъ непогрѣшимъ и святъ, и то, что было раньше, точно также исходило изъ нѣдръ единой спасительной вѣры и любви, какъ и теперь. Своего прошлаго Римъ не отдаетъ исторіи, а несетъ его всегда съ собою. И въ этомъ-то запасѣ прошлаго есть прелюбопытныя данныя въ пользу католической любви къ труду и рабочимъ.

Великій учитель западнаго христіанства, Августинъ, оправдывалъ для трудящихся рабство и обосновалъ его въ первородномъ грѣхѣ; Ѳома Аквинатъ, на которомъ и до настоящаго времени держится вся католическая наука объ обществѣ, не только вмѣстѣ съ Августиномъ оправдывалъ рабство труда грѣхомъ, но и считалъ его, вмѣстѣ съ Аристотелемъ, закономъ природы. Цѣлый рядъ римскихъ папъ практически осуществлялъ эти принципы; согласно ихъ предписаніямъ не только обращались невѣрные въ вѣчное рабство, но и всѣ, кто только возставалъ противъ папской власти въ ихъ итальянскихъ владѣніяхъ... И не только въ старину, но и въ новое время, въ эпоху освободительныхъ движеній, католичество было не на сторонѣ возставшаго труда, а на сторонѣ его поработителей, не на сторонѣ аблоціонистовъ во время великаго американскаго междуусобія, а на сторонѣ рабовладѣльцевъ *)... Откуда же теперь взялась такая особая любовь къ трудящимся среди католическаго клира, чему приписать такой поворотъ въ пользу рабочихъ, такую заботливость объ ихъ экономическомъ положеніи?—За отвѣтомъ намъ никуда далеко ходить не понадобится. Стоитъ только присмотрѣться къ тому, что дѣлалось на католическомъ съѣздѣ, въ особенности же на общемъ собраніи „народнаго союза для католической Германіи“.

И въ самомъ дѣлѣ, рѣчь аббата Тилли, которую „Кельнская газета“ почтила наименованіемъ „политически наиболѣе значительной, а по содержанію и формѣ наиболѣе производящей впечатлѣніе“, раскрываетъ намъ съ достаточной откровенностью, если не сказать—цинизмомъ, истинныя основы того моря любви, ко-

---

*) Socialdemokratie und Zentrum, eine Rede Bebels in Bamberg, Berlin, 1903 г.

торыми въ святомъ Кельнѣ были положительно залиты рабочіе. „Не надо забывать“, говорилъ умный аббатъ, „что мы живемъ въ демократическое время. Рѣшеніе публичныхъ вопросовъ переходитъ все болѣе и болѣе въ руки народа. Масса остается, однако, большимъ ребенкомъ, который позволяетъ себя вести и направлять, надъ которымъ фраза имѣетъ соблазняющую власть. Значеніе слова въ настоящее время громадно. И никакая партія уже не можетъ держаться, если она не привлечетъ къ себѣ цѣлой фаланги людей, которые одарены способностью провести свои воззрѣнія на публичной борьбѣ убѣжденій“... Итакъ, народъ, рабочіе, есть только большой ребенокъ, котораго надо вести, который слушается соблазнительной фразы и, болѣе того, онъ слѣдуетъ за ней и повинуется громадной власти слова... Теперь все ясно. Большого ребенка обливали своею любовью патеры затѣмъ, чтобы онъ шелъ за ихъ фразой и повиновался имъ, надо было овладѣть имъ при помощи фразы, чтобы повести его... Но, спрашивается далѣе, какъ и куда повести, въ чемъ же главное дѣло народа въ наше демократическое время и подъ руководствомъ почтеннаго клира?—И на этотъ вопросъ мы сейчасъ же находимъ отвѣтъ въ тамъ же засѣданіи „народнаго союза“. „Только два лагеря существуютъ у насъ въ Лотарингіи, такъ же, какъ и у васъ (въ Германіи) во времена культуркампфа. И они называются: здѣсь либералы! Здѣсь католики! Viribus unitis, соединенными силами. Таковъ будетъ теперь нашъ лозунгъ. Здѣсь уже нѣтъ никакого „если“, никакого „но“, только опредѣленно „или—или“, ничего средняго для насъ нѣтъ“! Въ томъ же духѣ говорили и другіе члены конгресса. „Борьба еще идетъ“, на первомъ же закрытомъ собраніи общаго съѣзда восклицалъ Кустоди: „и борьба еще болѣе отчаянная, ожесточенная и безпощадная, чѣмъ въ прежніе дни“; „развѣ существуетъ для насъ, католиковъ, равенство права? Требованіе справедливости съ нашей стороны называется несправедливымъ присвоеніемъ правъ; требуемъ мы свободы, говорятъ о нашемъ стремленіи къ господству; идемъ мы навстрѣчу желаніямъ противниковъ вплоть до предѣловъ совѣсти,—отъ насъ требуютъ, чтобы мы ее переступили. Только одно можетъ удовлетворить ненависть нашихъ враговъ—это отпаденіе и измѣна нашей церкви. Отсюда потокъ клеветы и самыхъ низменныхъ обвиненій, которыми осыпаютъ церковь, клиръ, таинство исповѣди, однимъ словомъ — все, что для насъ священно. Было бы непростительною трусостью съ нашей стороны, если бы мы уклонились отъ борьбы. Чѣмъ жарче бой, тѣмъ сильнѣе наша любовь“. „И если мы, какъ на нашъ первый долгъ, взираемъ на нашу обязанность завоевать для церкви свободу, въ которой она нуждается, то въ эти полные труда дни мы не хотимъ забыть о тѣхъ великихъ и важныхъ задачахъ, счастливое разрѣшеніе которыхъ необходимо для благосостоянія всѣхъ клас-

совъ населенія", въ особенности же—прибавимъ мы—о тѣхъ благахъ, при помощи которыхъ такъ легко можно приманить къ себѣ того большого ребенка, о которомъ говорилъ лотарингскій аббатъ. „Только при помощи энергичной соціальной политики возможно будетъ создать оплотъ противъ волнъ „переворота",—сказалъ депутатъ Грёберъ на третьемъ засѣданіи съѣзда, и сказалъ совершенно справедливо. Однако, по преимуществу интересуется не положительной соціальной программой вообще центръ, не особенно интересовалось ею и собраніе „народнаго союза католиковъ". Главное вниманіе было удѣлено борьбѣ съ соціалъ-демократіей при помощи агитаціи, при помощи соотвѣтственныхъ „фразъ" и „разъясненій", которыя вѣрнѣе должны были подѣйствовать на „большого ребенка", чѣмъ требующія долгой работы и не всегда въ партійномъ интересѣ удобныя соціальныя реформы.

И дѣйствительно, если много говорилось на съѣздѣ о „любви" къ рабочимъ, то еще больше вопіяли мужи центра о необходимости политической организаціи, агитаціи и пропаганды. „Ко многимъ обязанностямъ католика", говорилъ депутатъ Поршъ въ третьемъ открытомъ засѣданіи, „принадлежитъ и обязанность участвовать въ общественной жизни. Католическая вѣра не есть только молитвенная мантія, которую вытаскиваютъ изъ шкафа въ укромной комнаткѣ и которую во все остальное время тщательно оберегаютъ и прячутъ, чтобы до нея не дотронуться".—„L'énergie fait l'homme",—восклицалъ краснорѣчивый аббатъ Тилли въ „народномъ союзѣ": „будемъ же мы католиками съ энергіей. Иновѣрцы и либералы (въ широкомъ смыслѣ слова) уже давно у насъ объединились и идутъ впередъ сомкнутымъ строемъ... Если мы, католики, будемъ раздроблены, мы станемъ безсильны. Côte à côte—плечо къ плечу, это возбуждаетъ огонь". Однако, для побѣды мало единства, нужна еще практичность: „намъ нужны не только годные солдаты, но и способные къ войнѣ офицеры. Во время современной грозы съ градомъ мы должны имѣть ораторовъ, которые бы выдерживали натиски противниковъ и отвѣчали бы тотчасъ же. Бѣдному помогаетъ милостыня, но помоги ему такъ, чтобы онъ самъ себѣ могъ помочь, и тогда ты ему окажешь дѣйствительную услугу. Соціально-вышколенному человѣку всѣ соціалистическія мечтанія покажутся слишкомъ глупыми.

„Поэтому мы стремимся при помощи совѣщаній нашихъ довѣренныхъ и вечернихъ бесѣдъ создать опытныхъ, бойкихъ на языкъ людей, которые стояли бы въ уровень съ трудными задачами современности. Соціалисты въ этомъ отношеніи шибко насъ опередили,—доказательство, что у нихъ хорошія ноги. У соціалистической партіи нѣтъ недостатка въ ревностныхъ агитаторахъ; но это ничего: мы пойдемъ въ догонку и перегонимъ. Какъ ни какъ, а нельзя сказать, чтобы послѣдователи Іисуса

ниже держали свое знамя, чѣмъ соціалъ-демократы знамя своего вожака Бебеля (живое одобреніе). Наши довѣренные, будучи соціально вышколены, сумѣютъ уже частнымъ образомъ за кружкой пива просвѣтить и своихъ товарищей. Съ либеральной и соціалистической пропагандой вездѣ повстрѣчается католическая. Въ потерянныхъ мѣстахъ должны мы стараться опять все больше и больше завоевывать почву, однако и на надежныхъ постахъ должны мы укрѣпиться и лучше ихъ защитить. Предупрежденіе—это лучшая политика"... „Нашъ лозунгъ—впередъ всегда, назадъ—никогда". „Народный союзъ будетъ ключемъ, изъ котораго разольется потокъ благословенія на всю хозяйственную и общественную жизнь, и не надо забывать: кто сегодня во-время производитъ реформы, тотъ выкашиваетъ у соціалистовъ сѣно изъ подъ ногъ и пожинаетъ за это благодарность народа". И дѣйствительно, какъ заявилъ г. Пиперъ: „въ выдающейся степени пригодилась дѣятельность народнаго союза для соціально-политической борьбы при выборахъ въ рейхстагъ. Соціалъ-демократы съ напряженіемъ всѣхъ силъ дѣлали нападенія въ городахъ, а союзъ сельскихъ хозяевъ въ селахъ. И если когда народный союзъ доказалъ свою безусловную необходимость для нѣмецкихъ католиковъ, то это именно въ истекшемъ году во время этихъ битвъ и перваго испытанія въ огнѣ сраженія. Повсюду признано нашими друзьями и врагами, что 26 соціально-политическихъ летучихъ листковъ народнаго союза, и не менѣе ихъ многія сотни народныхъ собраній и статей соціально-политической корреспонденціи представили собою искусное и весьма дѣйствительное боевое оружіе, при помощи котораго можно было ударомъ на ударъ отвѣтить нашимъ врагамъ. Какъ могли бы вообще нѣмецкіе католики относительно такъ хорошо устоять въ этихъ соціально-политическихъ битвахъ, около которыхъ вертѣлась вся агитація относительно выборовъ въ рейхстагъ, если бы не тотъ литературный матеріалъ и не тѣ вышколенныя силы, которыя годами были собраны и воспитаны народнымъ союзомъ при помощи его организаціонной и агитаціонной работы. Народный союзъ есть повсюду почитаемое, снабженное спеціально подготовленными силами центральное учрежденіе католическо-соціальной дѣятельности, которому завидуютъ иностранные католики. Усиленная апологетическая дѣятельность, въ которой была обойдена конфессіональная полемика, затрогивающая различія въ ученіи протестантской и католической церкви, принесла много новыхъ симпатій народному союзу въ сельскихъ мѣстностяхъ. Но самымъ значительнымъ пріобрѣтеніемъ теперь уже двѣнадцатилѣтней дѣятельности народнаго союза представляются насчитывающіе многія тысячи въ городѣ и деревнѣ наши агенты и довѣренные. Ихъ организація образуетъ основной скелетъ союза. На нихъ лежитъ та тяжелая, черная работа, отъ которой зависитъ

весь успѣхъ союза. Они осуществляютъ своего рода апостольское служеніе мірянъ, когда каждый изъ нихъ старается дѣйствовать въ смыслѣ союза въ удѣленномъ ему участкѣ улицъ, не щадя напряженнаго труда, вербуя и просвѣщая". „Центръ тяжести народнаго союза лежитъ... въ охватывающей всю имперію строгой организаціи приблизительно десяти тысячъ агентовъ и довѣренныхъ, которая, какъ прекрасно дисциплинированная армія вербовщиковъ, проникаетъ вплоть до отдѣльныхъ улицъ и домовъ въ городахъ и въ деревняхъ. Довѣренный долженъ завязывать личныя сношенія съ отдѣльными католиками своего участка, укрѣплять тѣхъ, кто еще остается вѣрнымъ своему знамени, въ ихъ сознаніи принадлежности къ великому цѣлому, оживлять и поддерживать ихъ интересъ къ великимъ общимъ задачамъ въ то время, какъ онъ пробуждаетъ вялыхъ и безразличныхъ католиковъ и ведетъ борьбу изъ дома въ домъ при помощи распространенія летучихъ листковъ, въ особенности же противъ соціалъ-демократической агитаціи". Такъ рисовалъ генеральный секретарь ферейна его дѣятельность и закончилъ свою рѣчь краткимъ дѣловымъ отчетомъ. Число членовъ союза съ конца іюня прошлаго до конца іюня настоящаго года увеличилось съ 209,000 чел. до 300,000; число рабочихъ секретаріатовъ на 7, а народныхъ бюро на 30; въ теченіе года состоялось 1,353 народныхъ собраній, было издано до 3½ милліоновъ печатныхъ произведеній, были организованы особые апологетическіе и экономическіе курсы для воспитанія секретарей, ораторовъ и агентовъ; было получено всего 199,892 марокъ дохода и сдѣлано на 213,329 марокъ расхода. Изъ этихъ денегъ на гонораръ сотрудникамъ истрачено 76,550 марокъ, на народныя собранія 3,981 мар., на поддержку народной миссіи, народныхъ бюро, соціальныхъ ферейновъ и учрежденій 15,228 мар. Содержаніе 19 чиновниковъ центральнаго учрежденія, бюро, соціально-научной библіотеки, экспедиціонные расходы 18.683 мар.; выдачи агентамъ за довѣренныхъ 49,508. Таковъ грандіозный механизмъ католической церкви для успѣшной эксплуатаціи народа, этого „большого ребенка". Что же касается того, какъ составляются летучіе листки народнаго ферейна, то объ этомъ достаточно привести свидѣтельство Грёбера, который не безъ гордости привелъ слова одного изъ противниковъ центра, что эти листки составлены съ „рафинированной" даже „дьявольской ловкостью". И къ этому Грёберъ прибавилъ только одно: „сказавшій эти слова былъ атеистъ, а потому для него чортъ и представляется высшей интеллигенціей". Грёберъ тутъ, очевидно, забылъ, что не кто иной, какъ именно католическая церковь, столѣтіями не только проповѣдывала вѣру въ Бога, но и въ чорта, а въ процессахъ о вѣдьмахъ дала уже доказательство своей „дьявольской ловкости"...

Теперь для насъ уже совершенно ясны основы католи-

ческой любви къ рабочимъ. Послѣ того, какъ мы познакомились съ главнѣйшимъ аппаратомъ, при помощи котораго выдѣлывается эта „любовь“, она уже не представляетъ для насъ ничего загадочнаго; рабочіе представляютъ собою массы; рабочіе „въ наше демократическое время“ являются безусловно рѣшающимъ общественнымъ элементомъ; рабочіе выбираютъ и въ ландтаги, и въ рейхстагъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у рабочихъ есть такъ много легко доступныхъ „любовному“ руководству слабыхъ мѣстъ, которыя такъ легко можно использовать „ad majorem Sanctae Ecclesiae gloriam“. И почтенные патеры не оставляютъ рабочихъ своимъ расположеніемъ. Рабочіе находятся въ тяжеломъ экономическомъ положеніи, ихъ гнететъ голодъ и безработица, ихъ пожираютъ профессіональныя болѣзни, они отдаютъ своихъ женъ и дѣтей развращающей и медленно убивающей власти фабрики—и къ нимъ приходитъ медоточивый патеръ или „вышколенный“ агитаторъ центра и рисуетъ соблазнительныя картины сытости и соціальной реформы, упорядоченной семейной жизни, даже необходимаго досуга для невинныхъ развлеченій; и все-то это дастъ имъ римская церковь, все это заповѣдалъ „папа рабочихъ“ въ Римѣ, къ этому стремится и католическое рабочее движеніе, и католическая „charitas“! И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не говорилъ Левъ XIII въ своей знаменитой „рабочей энцикликѣ“ о „неприкосновенныхъ и священныхъ“ правахъ собственности, которую у рабочихъ будто бы желаютъ отнять соціалисты? Развѣ не защищалъ онъ право рабочихъ на личную собственность, а въ частности на землю, которая, дескать, самой природой предоставлена человѣку для удовлетворенія всѣхъ его потребностей и потребностей его семьи? Развѣ не говорилъ епископъ фонъ-Кеттелеръ въ своей знаменитой книгѣ „Наше положеніе“ о томъ, что въ настоящее время, не смотря на существующее „формальное право“, нарушена, однако, „матеріальная справедливость“? Наконецъ, на послѣднемъ католическомъ съѣздѣ развѣ не были сказаны слѣдующія многознаменательныя слова: папа Левъ XIII „училъ насъ, что всѣ люди должны имѣть долю своего участія въ благословеніяхъ истинной культуры, и что завоеванія культуры не должны быть только привилегіей немногихъ“, и далѣе: „католическая церковь не отсылаетъ только къ небу всѣхъ нуждающихся въ помощи. Конечно, она учитъ всѣхъ, даже тѣхъ, кто не хочетъ ее слушать, что назначеніе человѣка лежитъ въ вѣчности; однако, она никогда не забывала о землѣ изъ-за своихъ небесныхъ упованій; она всегда старалась, насколько это только возможно на землѣ, здѣсь создать небо“. И это низведеніе католическаго неба на землю весьма характерно. Именно при помощи этого пріема центръ наиболѣе жестоко думаетъ поранить соціалъ-демократовъ, которые, какъ извѣстно, усиленно стараются о водвореніи здѣсь, на землѣ, своего цар-

ства будущаго. И католики настоятельно рекомендуютъ превосходство своего земного „неба“ сравнительно съ соціалистическимъ будущимъ. Ужъ не говоря о томъ, что центръ располагаетъ двумя небесами: однимъ земнымъ, а другимъ небеснымъ, такъ что всегда возможно перенесеніе со счета одного на счетъ другого, но, какъ оказывается, и въ другомъ отношеніи ультрамонтанское „небо“ превосходитъ соціалистическое; какъ говорилъ Поршъ въ собраніи народнаго союза: „будущее покажетъ, не болѣе ли дутый вексель на земное небо“ выдаютъ соціалъ-демократы, чѣмъ центръ на „потустороннее“ небо, отъ людей же, „умѣющихъ вексель учитывать“, онъ самъ слышалъ, что „если бы число соціалъ-демократическихъ депутатовъ еще возросло, то и тогда соціалъ-демократическіе векселя за счетъ будущаго земного неба окажутся совершенно дутыми“; и доказательство дутости небесныхъ векселей соціалъ-демократіи сравнительно съ векселями центра тотъ же ораторъ обосновывалъ слѣдующимъ образомъ: „посмотрите“, взывалъ онъ къ собранію, „на людей, которые высмѣиваютъ насъ съ нашимъ небеснымъ векселемъ! Посмотрите на соціалъ-демократію! Какую вела она до сихъ поръ практическую соціальную политику. Конечно, соціалъ-демократы щедры на жертвы, они много отдаютъ денегъ, но отдаютъ ихъ только на партійную организацію и только для тѣхъ, которые ее поддерживаютъ; они собираютъ стачечныя кассы и другія кассы, но никогда я еще не слышалъ о соціалъ-демократическомъ сиротскомъ домѣ или больницѣ, или о какомъ-либо иномъ созданіи любви къ ближнему“. „И это надо во всю силу голоса заявить всей странѣ, разъ эти люди дерзаютъ вторгаться въ наши католическія мѣстности и вводятъ въ заблужденіе католическій людъ относительно ихъ нынѣшнихъ представителей“... „Необходимо просвѣтить на этотъ счетъ нашъ народъ, чтобы онъ не былъ введенъ въ заблужденіе. Мы должны быть обязаны народному союзу за то, что онъ при послѣднихъ выборахъ дѣйствовалъ просвѣтительнымъ образомъ. Я надѣюсь, что онъ въ томъ же просвѣтительномъ духѣ будетъ дѣйствовать и далѣе, въ особенности, при ближайшихъ выборахъ въ прусскій ландтагъ, гдѣ впервые и соціалъ-демократія хочетъ попробовать практически проявить себя“.

Рѣшеніе вопроса о дѣйствительной цѣнности „небесныхъ векселей“ или векселей за счетъ „царства будущаго“ — дѣло, конечно, довольно трудное; здѣсь можно развѣ только поставить вопросъ о кредитоспособности векселедателей. Эта же послѣдняя, однако, не иначе можетъ быть выяснена, какъ при помощи сравненія аккуратности ихъ въ дѣлѣ платежа по текущимъ политическимъ счетамъ. Итакъ, вотъ критерій, при помощи котораго мы только и можемъ опредѣлить степень дутости „векселей“ двухъ партій, такъ какъ вполнѣ естественно предположить, что та изъ

нихъ, которая до сихъ поръ въ большей степени держала свои обѣщанія, тоже будетъ дѣлать и впредь, а, слѣдовательно, и свои векселя за счетъ царства будущаго погаситъ въ надлежащій срокъ... Какъ же, въ дѣйствительности, выполнялъ центръ свои обязательства передъ рабочими; какъ въ стѣнахъ парламента, во всеоружіи своей политической мощи, онъ проводилъ на дѣлѣ тѣ начала „любви", которыя съ такою „дьявольской ловкостью" вбиваетъ онъ въ головы „бравыхъ католиковъ?" И въ самомъ дѣлѣ, когда первая по силѣ партія германскаго рейхстага— это вѣдь чего-нибудь да стоитъ — принимаетъ на себя великую задачу разрѣшенія соціальнаго вопроса или, по крайней мѣрѣ, излѣченія наиболѣе больныхъ язвъ современнаго строя, то невольно является ожиданіе, что она или дѣйствительно провела или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовала проведенію цѣлаго ряда въ высокой степени спасительныхъ мѣръ и предпріятій, которыя прекратили анархію производства, уничтожили, возможность кризисовъ и безработицы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, создали гигіеническія условія работы, семью и необходимый досугъ для того, чтобы быть не только рабочимъ, но и культурнымъ, образованнымъ человѣкомъ... Однако, какъ показываетъ печальная дѣйствительность, близость небеснаго неба, состоящаго, какъ извѣстно, въ полномъ распоряженіи католическаго клира, отразилась не особенно благопріятно на обезпеченіи неба земного, и, не смотря на тѣ положительно-вулканическія чувства любви къ рабочимъ, которыя обуреваютъ сердца людей центра, обѣщанія свои въ настоящемъ эта партія держитъ настолько плохо, что является невольное подозрѣніе относительно дутости выдаваемыхъ ею векселей за счетъ будущаго рая.

Припомнимъ для примѣра нѣкоторыя странички изъ парламентской дѣятельности центра. Если уже въ 1867 году внесъ соціалистъ Швейцеръ въ сѣверно-германскій рейхстагъ проектъ, требующій десятичасового рабочаго дня, введенія фабричной инспекціи и полнаго запрещенія дѣтскаго труда во всѣхъ безъ исключенія предпріятіяхъ, гдѣ только занято не менѣе 10 наемныхъ рабочихъ, если, далѣе, при обсужденіи промышленнаго устава въ 1869 году соціалъ-демократы внесли цѣлый рядъ новыхъ предложеній, а въ 1877 г. былъ ими внесенъ уже подробный проектъ рабочаго законодательства, то только именно въ это время впервые внесъ центръ свой проектъ соціальнаго характера, и при томъ съ такими оговорками, которыя явно показывали, что тогда, по крайней мѣрѣ, сердца его мужей нестолько пылали въ пользу рабочихъ, сколько въ пользу ремесла и мелкаго бюргерства. Этотъ проектъ (Галена) требовалъ завершенія анкеты правительства о рабочихъ и внесенія предложеній, гдѣ бы были предусмотрѣны: воскресный отдыхъ, поднятіе ремесла при помощи ограниченія промышленной сво-

боды, защита занятыхъ на фабрикахъ лицъ, введеніе промышленныхъ третейскихъ судовъ, регулированіе торговли въ гостиницахъ и шинкахъ и измѣненіе закона о свободѣ передвиженія. Весьма характернымъ здѣсь является также то обстоятельство, что во время дебатовъ въ парламентѣ покойный Виндгорстъ замѣтилъ по поводу стремленій рабочихъ къ лучшему матеріальному положенію: „населеніе должно опять привыкать къ простымъ условіямъ жизни прошлаго, народъ долженъ оставить погоню за матеріальными наслажденіями, онъ долженъ учиться во время нужды обходиться нѣсколько меньшимъ, чѣмъ сколько приносили ему послѣдніе годы". Реакціонный характеръ всѣхъ этихъ предложеній, конечно, несомнѣненъ. Ограниченіе свободы передвиженія и ремесла, отсрочка рабочаго законодательства впредь до завершенія анкеты—все это ясные признаки той лицемѣрной и половинчатой соціальной политики, которая исполнена не меньшей любви къ денежному мѣшку, чѣмъ къ меньшему брату. Оба указанные проекта, однако, не прошли, такъ какъ тогда, по образному выраженію Бисмарка, правительство видѣло въ капиталистахъ не болѣе и не менѣе, какъ „курицу, несущую для рабочихъ золотыя яйца", и трогать ее отнюдь не позволяло. И только уже послѣ того, какъ, благодаря исключительнымъ законамъ 1878 года, была придавлена соціалистическая партія, и правительство само въ пресловутомъ посланіи Вильгельма I вступило на путь соціальной реформы, центръ проявилъ болѣе оживленную дѣятельность. Однако, и это случилось не раньше, чѣмъ выяснилось вполнѣ, что никакіе исключительные законы не могутъ прекратить движеніе, основанное на бѣдственномъ положеніи массъ, и никакія мѣры пресѣченія не остановятъ возрастанія числа соціалъ-демократическихъ депутатовъ, разъ для рабочихъ ничего не будетъ сдѣлано въ экономическомъ отношеніи. Тогда-то центръ и предложилъ свои проекты рабочаго законодательства 1884 и 1885 годовъ, которые, между прочимъ, требовали 11-часового рабочаго дня, въ то время, какъ соціалъ-демократы уже раньше требовали 10-часового, а когда, наконецъ, послѣ новыхъ императорскихъ рескриптовъ 1890 г. правительствомъ было внесено въ рейхстагъ предложеніе съ законопроектомъ по рабочему вопросу, и соціалъ-демократія изо всѣхъ силъ стремилась развить, дополнить, а во многихъ случаяхъ и существенно исправить крайне скудный и осторожный правительственный проектъ, то именно центръ поддерживалъ правительство вопреки самымъ насущнымъ интересамъ столь „возлюбленныхъ" имъ рабочихъ! И нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ послѣдующее время опять-таки только серьезное броженіе среди „бравыхъ" католическихъ рабочихъ заставило центръ, несмотря на всю его „любовь" къ нимъ, отказаться отъ поддержки знаменитаго „каторжнаго" законопроекта. Наконецъ, въ 1898 г.

только страхъ предстоящихъ выборовъ заставилъ центръ опять нѣсколько заняться рабочимъ вопросомъ, но опять-таки и здѣсь, чтобы не испугать правительство и предпринимателей размѣрами своей любви къ меньшему брату, центръ замаскировалъ свое требованіе максимальнаго дня требованіемъ максимальной рабочей недѣли, а относительно женскаго труда ограничился лишь предложеніемъ произвести необходимую анкету. И въ то время, какъ по поводу наступившаго въ 1900 г. кризиса и порожденной имъ безработицы соціалъ-демократы требовали государственнаго вмѣшательства въ дѣло устраненія безработицы и государственной помощи безработнымъ, центръ изливался, правда, въ рейхстагѣ въ цѣломъ морѣ жалкихъ словъ, но положительнаго ничего не предпринялъ. А въ прошломъ году опять-таки только приближеніе новыхъ выборовъ 1903 г. заставило партію вспомнить о своей рабочей программѣ и внести при обсужденіи бюджета нѣсколько резолюцій относительно 10-часового максимальнаго дня, нѣкотораго сокращенія рабочаго времени для женщинъ и повышенія предѣльнаго возраста малолѣтнихъ рабочихъ... Таковы образчики дѣятельной „любви“ центра къ трудящимся массамъ... Если же припомнить, что въ то же время центръ поддерживалъ систему косвенныхъ налоговъ, ложащихся своей главной тяжестью на малоимущіе, въ особенности, рабочіе классы населенія, что онъ отдавалъ свой голосъ неустанно не только ассигнованіямъ на всевозможные флоты и арміи, но и на особое развитіе колоніальной политики, что, наконецъ, именно центръ былъ главнымъ бойцомъ противъ соціалъ-демократіи во время ея послѣдней борьбы за дешевый хлѣбъ для народа, то для насъ станутъ вполнѣ ясными то глубокое лицемѣріе и двуличность, характеризующее собою политику клерикаловъ, которые одной рукой отнимаютъ отъ народа то, что другой — отдаютъ ему. Впрочемъ, и во время послѣдней борьбы съ соціалистами за тарифныя ставки на предметы насущнаго потребленія не обошлось безъ проявленія спеціально-католической „Charitas“. Какъ извѣстно, центръ далъ свое согласіе на хлѣбныя пошлины подъ условіемъ призрѣнія за то „вдовъ и сиротъ“ рабочихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было заявлено депутатомъ Герольдомъ при первомъ чтеніи законопроекта. Скоро оказалось, однако, что далеко не всѣ повышенія таможенныхъ ставокъ должны идти на эти высоко-гуманныя цѣли. И если предполагалось при помощи этихъ пошлинъ основательно облегчить бюджетъ рабочихъ семей и обложить своего рода барщиной отцовъ семействъ, то опять-таки отнюдь не съ той цѣлью, чтобы всѣ эти излишнія полученія шли на ихъ „вдовъ и сиротъ“. Обирая „отцовъ“ по всѣмъ пунктамъ тарифа, центръ предназначалъ для утѣшенія ихъ „вдовъ“ и „сиротъ“ только нѣкоторые и, при томъ, даже не самые главные. Только по 12 номерамъ

излишнія поступленія должны были послужить на осушеніе вдовьихъ и сиротскихъ слезъ, всѣ же другіе сотни номеровъ шли безусловно на ихъ огорченіе. И когда соціалъ-демократы внесли предложеніе, чтобы къ этимъ номерамъ были присоединены, по крайней мѣрѣ, такіе, какъ: картофель, овощи, фрукты и т. п., то именно центръ голосовалъ противъ этого. Впрочемъ, ораторы центра сами прекрасно знали, что для государственнаго застрахованія вдовъ и сиротъ необходимо вдвое больше того, что могли бы дать эти поступленія съ 12 номеровъ тарифа. Но они этимъ и не смущались. Предполагалось, что только половину нужнаго фонда можно будетъ составить при помощи таможенныхъ излишковъ сравнительно съ теперешними поступленіями, остальную же половину должны были доставить опять-таки сами же рабочіе купно со своими хозяевами. Такимъ образомъ, при помощи таможенныхъ излишковъ, отчисляя ежегодно по 91 милл. мар., черезъ пять лѣтъ предполагалось собрать капиталъ въ 455 милл. мар., къ которому были бы присоединены еще за пять лѣтъ проценты приблизительно въ 32 милл., т. е., другими словами, черезъ пять лѣтъ былъ бы созданъ капиталъ въ 487 милл., и этотъ капиталъ ежегодно приносилъ бы уже процентовъ около 17 милл., къ этимъ процентамъ присоединялся бы еще излишекъ поступленія ежегодно въ 91 милл., и этимъ путемъ ежегодно создавалась бы половина ежегоднаго фонда для вдовъ и сиротъ въ 108 милл. мар. Къ этому фонду присоединялось бы еще ежегодно 108 милл. взносовъ, которые бы затѣмъ и расходовались вмѣстѣ на вдовъ и сиротъ... Спрашивается, сколько бы получили въ годъ по этому проекту вдовы и сироты?—Увы, далеко не много; если даже считать все количество вдовъ рабочихъ въ 1.527,760,—отсчитывая на каждыхъ 100 вдовъ 52 вдовы рабочихъ,—и предположить, далѣе, что на каждыхъ 10 вдовъ придется не болѣе 17 сиротъ до 14-лѣтняго возраста, то и тогда на каждую вдову придется далеко менѣе 100 мар. въ годъ, а на каждую сироту менѣе $33^1/_3$ мар., т. е. въ общемъ менѣе предположенныхъ центромъ 17 пф. въ день на голову. Однако, и на такой высотѣ предложенія центра не удержались. Во второмъ чтеніи въ коммиссіи этотъ проектъ подвергся дальнѣйшему ухудшенію; во-первыхъ, были вычеркнуты изъ числа вдовьихъ и сиротскихъ номеровъ тарифа овесъ, ячмень, масло, яйца и сыръ; во-вторыхъ, было постановлено, что изъ числа излишнихъ поступленій по оставшимся статьямъ въ пользу вдовъ и сиротъ должно пойти только то, что освободится за отчисленіемъ въ пользу казны средняго ея дохода отъ тѣхъ же статей за время съ 1898 г. по 1903 г. Однако, и на этомъ дѣло не остановилось; съ уменьшеніемъ тарифныхъ ставокъ на хлѣбъ и на пшеницу, согласно предложенію Кардорфа, сиротскій фондъ пострадалъ еще больше. Такъ получилась въ своемъ родѣ весьма замѣчательная картинка

клерикальной политики въ соціальномъ вопросѣ. На все населеніе была наложена воистину страшная пошлина на предметъ первой необходимости, и этому народолюбивый центръ вполнѣ сочувствовалъ... Но для того, чтобы народное голоданіе совершилось на нравственномъ основаніи, были выдвинуты вдовы и сироты... Для того же, однако, чтобы и эти вдовы и сироты не оказались чрезмѣрно сытыми, первоначальное поступленіе въ сиротскій фондъ съ 96 мил. мар. было сокращено до 72.799,649 мар., затѣмъ до 62.268,082 мар. и, наконецъ, за отчисленіемъ процентовъ на издержки взиманія, дошло всего до 60.173,672 мар.; общій фондъ, который долженъ былъ послужить основаніемъ для утѣшенія вдовъ и сиротъ за голоданіе и непосильный трудъ отцовъ убавлялся, такимъ образомъ, до 322 милл. марокъ, и при томъ сами вожди центра должны были признать, что при высокихъ хлѣбныхъ пошлинахъ брать еще съ рабочихъ особые взносы на сиротскій фондъ было бы невозможно. Во что же обратилось, въ концѣ концовъ, это замѣчательное дѣяніе клерикальной „Charitas"?—На каждую вдову въ годъ она ассигнуетъ не болѣе 30,21 мар., а на сиротъ по 9,7 мар., или, если даже предположить вмѣстѣ съ Тримборномъ, что вспомоществованіе будетъ выдаваться только одной шестой части всѣхъ вдовъ, какъ особенно нуждающимся и обремененнымъ дѣтьми, то и въ такомъ случаѣ на 457,000 вдовъ и, по крайней мѣрѣ, 14,000 дѣтей пришлось бы, не считая расходовъ по управленію, всего по 50 мар. въ годъ на голову. И эта помощь даже не имѣла бы характера государственной пенсіи въ отличіе отъ обыкновеннаго общиннаго призрѣнія бѣдныхъ, такъ какъ всѣ имѣющія право на эту пенсію вдовы получили бы ее не раньше, какъ по причисленіи къ особенно нуждающимся, т. е. къ вдовамъ, уже получающимъ общинное вспомоществованіе.

Получается въ общемъ недурной гешефтъ въ „ad majorem Sanctae Ecclesiae gloriam"—и центръ, эта первая и сильнѣйшая партія рейхстага, пріобрѣтаетъ при его помощи много самыхъ разнообразныхъ душъ для престола „святого отца"; при помощи центра налагается грандіозная пошлина на продукты сельскаго хозяйства, невыносимый налогъ на предметы насущнаго потребленія—и этимъ самымъ подъ кровъ единой спасительной католической церкви привлекаются всѣ католическіе аграріи, такъ какъ не могутъ же они не быть благодарны послѣдователямъ „папы рабочихъ" за ту „лепту вдовицы", которую подъ страхомъ голода выдавитъ изъ народныхъ массъ новый тарифъ и золотымъ потокомъ направитъ въ ихъ широкіе карманы. Но не менѣе покупаетъ центръ новымъ тарифомъ и сердца крупныхъ промышленниковъ: развѣ не получаютъ они возможность переложить на тѣ-же народныя массы туземныхъ потребителей все то, что они должны потерять подъ вліяніемъ жестокой конкурренціи внѣ го-

сударства, развѣ не должны они цѣнить этой дружеской услуги со стороны партіи, которая такимъ образомъ во имя любви къ рабочимъ наполняетъ за народный счетъ сундуки капиталистовъ и тѣмъ способствуетъ столь, казалось бы, несогласному съ исповѣдью о нищенствѣ обогащенію вѣрующихъ? Но и рабочіе не должны остаться безъ вниманія. Заботясь объ интересахъ аграріевъ и крупной промышленности, благочестивая партія не можетъ оставить безъ утѣшенія и тѣхъ, кого она такъ глубоко возлюбила, чьимъ довѣріемъ она такъ широко пользуется, и за чей счетъ она привлекаетъ на путь спасенія и аграрія, и крупнаго капиталиста... Нѣтъ, любвеобильный центръ не забываетъ массъ рабочаго народа. Уже тѣмъ должны быть довольны представители „христіанскаго труда", что не все у нихъ будетъ отнято на потребу аграріевъ и иныхъ капиталистовъ, что хоть малую подачку на „вдовъ и сиротъ" получатъ они послѣ того, какъ подъ вліяніемъ голоднаго тарифа число этихъ вдовъ и сиротъ несомнѣнно увеличится... И невольно вспоминаются тѣ благочестивые католическіе разбойники Апуліи или Калабріи, которые, ограбивъ до чиста путешественниковъ, возвращаютъ имъ затѣмъ дешевые образки и крестики, чтобы не погибли несчастные съ голода на обратномъ пути... Впрочемъ, такъ же поступаютъ и въ Монако: ограбленнымъ иностранцамъ тамъ выдаютъ пособіе для возвращенія на родину... О! неизрѣченная католическая „Charitas", о! полнота клерикальной любви!—И какъ сладко должно быть чувство благодарности по отношенію къ католической церкви со стороны рабочихъ вдовъ и сиротъ, когда имъ послѣ смерти отъ непосильной работы и постояннаго недоѣданія ихъ кормильцевъ и поильцевъ начнутъ выплачивать государственную пенсію въ 13,5 пфенига въ день! Какъ бы подобная роскошь не повредила ихъ здоровью!

Но столь преуспѣвающіе въ соціальномъ отношеніи католики Германіи не менѣе преуспѣваютъ и въ другихъ государственныхъ добродѣтеляхъ. Кромѣ любви къ рабочимъ, они питаютъ не меньшую любовь ко всякому свѣтскому начальству; кромѣ Рима, они имѣютъ въ своемъ сердцѣ нѣмецкую родину, а рядомъ съ папой вѣруютъ они и въ святое призваніе еретика Вильгельма, германскаго императора. Многое можетъ совмѣстить въ своей душѣ „бравый" католикъ, велико и обширно сердце истинныхъ мужей центра; настоящій лабиринтъ грубыхъ противорѣчій и психическихъ невозможностей представляетъ собою катехизисъ ультрамонтанской политики, но, руководствуясь здравымъ человѣческимъ смысломъ, попробуемъ и здѣсь найти прямой путь черезъ хитросплетенія центра. Для этого, однако, возвратимся на покинутый нами было всеобщій съѣздъ католиковъ въ Кёльнѣ.

II.

„За авторитетъ!"—таковъ кличъ, превозглашенный съ особенной рѣзкостью прелатомъ Шедлеромъ на съѣздѣ во святомъ Кёльнѣ: „во времена страха и ужаса, когда даже троны шатались, выступилъ впервые нашъ общій съѣздъ за авторитетъ, и тоже дѣлали постоянно всѣ наши съѣзды отъ перваго до послѣдняго. Незабвенными остаются слова генерала, командовавшаго въ Бреславлѣ въ 1849 году: „если бы весь Бреславль представлялъ собою одно католическое сообщество, не было бы никакого осаднаго положенія" (живое одобреніе). И, тѣмъ не менѣе, былъ принужденъ въ день нашего серебрянаго юбилея выступить на бреславльскомъ съѣздѣ въ защиту патріотизма католиковъ такой благородный съ ногъ до головы человѣкъ, какъ графъ Баллестремъ. Съ той поры, однако, католики уже имѣли случай доказать свой патріотизмъ на полѣ битвы. На поляхъ битвъ бѣлѣютъ кости католиковъ, которые пожертвовали своею жизнью и кровью за отечество, бѣлѣютъ также и кости тѣхъ священниковъ и монахинь, которые отдали свою жизнь, чтобы исцѣлить нанесенныя войною раны (продолжительное, бурное одобреніе). „За авторитетъ", — таковъ девизъ съѣзда въ политической области; „за авторитетъ" — было девизомъ и въ церковной жизни, когда государственный авторитетъ желалъ содѣйствовать церковному возрожденію болѣе, чѣмъ акушерской помощью. Событія 70-хъ годовъ (время культуркампфа) я вспоминаю теперь не для того, чтобы бередить старыя раны, но только потому, что у прошлаго мы должны учиться для будущаго... Мы перенесли это время и, однако, ничего не сдѣлали, что могло бы хоть сколько-нибудь звучать какъ пересмотръ монархическихъ убѣжденій (бурное одобреніе). При вступленіи во второе полустолѣтіе нашихъ съѣздовъ мы теперь опять должны вступить въ бой за авторитетъ.

Правда, либерализмъ болѣе уже не нападаетъ; хотя онъ и ничего не убавилъ въ своей ненависти къ католической церкви, но онъ въ процессѣ ликвидаціи (бурное одобреніе). На его мѣсто теперь выступила соціалъ-демократія, которая не только требуетъ мѣсто одного вице-президента въ рейхстагѣ, но и со своими тремя милліонами голосовъ требуетъ верховенства для своего лозунга: „ni Dieu, ni maitre" (согласіе). Мы готовы къ борьбѣ. Болѣе внимательно и самоотверженно, чѣмъ когда-нибудь, наши собранія посвятили свое вниманіе соціальнымъ нуждамъ. Но они возстанутъ еще за авторитетъ, за высшій авторитетъ Бога и за тѣ авторитеты, которые находятъ свое юридическое основаніе въ божественномъ авторитетѣ, т. е. за авторитетъ церкви и государства (одобреніе). И мы возстанемъ за нихъ, не взирая ни на ка-

кую опасность, подобно тому, какъ это мы сдѣлали въ послѣднее лѣто, когда мы стояли совершенно одни и были предоставлены только самимъ себѣ" (Живое одобреніе). „Съ довѣріемъ взираемъ мы", продолжалъ тотъ же ораторъ: „на нашего высоко-вознесеннаго императора, который, стоя самъ подъ крестомъ, призываетъ и свой народъ подъ сѣнь креста (Живое одобреніе). Съ довѣріемъ взираемъ мы на нашихъ государей, которыхъ чувство справедливости никогда не можетъ отвѣтить на законные жалобы простымъ: „пока я живъ—никогда"... Единенія алтаря и трона, по испытанной формулѣ князя Меттерниха, требовали ораторы центра на съѣздѣ, и яркимъ проявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ нѣмецкихъ католиковъ по отношенію къ своему свѣтскому главѣ была ихъ телеграмма на его имя, говорившая, между прочимъ, о „желательности единодушнаго взаимодѣйствія между государствомъ и церковью". Такія чувства съѣзда вызвали даже весьма замѣчательную похвалу нѣмецкимъ католикамъ со стороны присутствовавшаго на послѣднемъ открытомъ собраніи кардинала Феррари: „Вы, ультрамонтаны",—говорилъ этотъ итальянскій гость: „вы готовы подъ сѣнью крыльевъ императорскаго дома выступить за права и свободу ключей св. Петра. Образцомъ и примѣромъ для васъ являются здѣсь ѳиванскіе мученики, которые, какъ и вы, были ультрамонтанами. Они вѣрно служили своему императору, не смотря на то, что онъ былъ другой вѣры, нежели они. И даже когда ихъ подвергли преслѣдованію за вѣру, они и тогда не возстали противъ установленнаго Богомъ государя; они были храбрѣйшими и лучшими солдатами!" (Громовое одобреніе). Такъ говорилъ Феррари на послѣднемъ собраніи; тѣмъ же духомъ было проникнуто его привѣтствіе католическому съѣзду на второмъ его засѣданіи, гдѣ онъ сказалъ: „Вы храбро боролись за тронъ и алтарь". Въ полномъ согласіи съ этими положеніями высказывались и другіе князья церкви: какъ „непоколебимую стражу вокругъ алтаря и трона" привѣтствовалъ въ своей телеграммѣ кардиналъ Коппъ собравшихся на съѣздъ католиковъ, и особую рѣчь о патріотизмѣ и вѣрноподданическихъ чувствахъ рейнскихъ католиковъ говорилъ кардиналъ Фишеръ. „Мы находимся здѣсь на нѣмецкой почвѣ", утверждалъ этотъ послѣдній: „гдѣ живетъ народъ твердый въ святой вѣрѣ, твердый въ своей любви къ родинѣ, вѣрный роднымъ обычаямъ и языку, родному искусству и трудолюбію. И онъ не желаетъ уступить первенства никакому нѣмецкому племени, разъ идетъ дѣло о любви къ нѣмецкому отечеству и къ тому, кого поставилъ Богъ во главѣ имперіи, къ тому царственному государю, который знаетъ и понимаетъ рейнскія особенности, не признаетъ никакого различія между разными племенами Германской имперіи, и менѣе всего по религіямъ, но—я знаю это,—питаетъ теплыя чувства благоволенія именно по отношенію къ своимъ католическимъ подданнымъ".

Вполнѣ понятно послѣ этого, что и другіе ораторы вѣрноподданныхъ ультрамонтановъ разливались въ специально нѣмецкихъ патріотическихъ чувствахъ. „Добрый католикъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и добрый патріотъ", возглашалъ Кустоди на первомъ же закрытомъ засѣданіи: „не въ бросаніи шапокъ кверху и не въ крикахъ „ура" состоитъ истинный патріотизмъ: онъ заключается въ вѣрной и самоотверженной дѣятельности для блага отечества (Одобреніе). Поэтому и я говорю, что наши общіе съѣзды являются въ извѣстномъ смыслѣ патріотическимъ актомъ въ наиболѣе истинномъ и прекрасномъ значеніи слова (Живое одобреніе). Въ любви къ отечеству мы не позволимъ превзойти себя ни одной партіи, въ особенности изъ тѣхъ, которыя называютъ себя съ особеннымъ пристрастіемъ національными (Очень хорошо!) и которыя, однако, совсѣмъ не имѣютъ сердца для счастья своихъ соотечественниковъ"... „Честь нѣмецкаго имени, старую нѣмецкую вѣрность и прямодушіе" противоставлялъ ораторъ „презрѣнному лицемѣрію" либераловъ и даже въ отношеніи стремленій къ свободѣ не желалъ онъ признать ихъ „лучшими патріотами", и здѣсь впереди ихъ идутъ „борцы за правду, свободу и право", изъ католическаго лагеря. Съ особенной теплотою вспоминалъ, далѣе, Ортереръ о радости Льва XIII по поводу того, что „въ Германіи живутъ такіе вѣрные сыны церкви, такіе вѣрные подданные своихъ государей". „Вѣдь знаетъ весь свѣтъ",—продолжалъ ораторъ: „что въ любви къ нашей церкви, также какъ въ любви къ нашему отечеству, мы никому не позволимъ себя превзойти, хоть другіе и имѣютъ обыкновеніе употреблять для этого понятія болѣе широкіе и красивѣе звучащіе, чтобы не сказать пустые, обороты". Съ особеннымъ воодушевленіемъ, наконецъ, произнесъ тотъ же Ортереръ послѣ полученія отъ императора его благодарственной телеграммы: „любовь находитъ взаимность. Чувства преданности, которыя мы принесли его величеству, нашли съ его стороны почетный для насъ и радостный отзывъ (Одобреніе). Мы взираемъ на высочайшее сообщеніе, какъ на добрый omen pro futuro (Живое одобреніе). Послѣ этихъ словъ онъ пригласилъ „всѣхъ, безъ различія страны, изъ которой кто происходитъ, цвѣта, который кто исповѣдуетъ", всѣхъ, какъ „вѣрныхъ имперіи", провозгласить въ честь императора „hoch"; и, само собою разумѣется, на это приглашеніе мужи центра отвѣтили съ надлежащимъ энтузіазмомъ. Такъ рядомъ съ любовью къ рабочему народу исповѣдывалъ центръ свою любовь къ еретику-императору и нѣмецкому отечеству. Такъ произошла демонстрація, которая съ очевидностью доказала, что центръ уже совершенно понялъ свое положеніе и изъ клерикальной оппозиціи правительству перешелъ прямо въ ряды такъ называемыхъ „партій порядка".

Такой переходъ слѣва направо, конечно, не представляетъ ничего удивительнаго у тѣхъ партій парламента, которыя при-

надлежатъ къ оппортунистическимъ его группамъ и не обладаютъ никакой твердой принципіальной основой. Для нихъ дѣло передвиженія немножко направо или немножко налѣво есть только вопросъ удобства и цѣлесообразности, и даже сидѣнье на двухъ стульяхъ сразу не можетъ представлять собою ничего особенно удивительнаго. Если бы мы нашли подобную приспособляемость среди такъ называемыхъ либерально-буржуазныхъ партій, то это было бы, пожалуй, даже въ порядкѣ вещей: тамъ, гдѣ нѣтъ опредѣленной и серьезной принципіальной основы, тамъ очень много значенія могутъ имѣть не только перемѣны вѣтра сверху, но и просто даже личныя отношенія. И если при подобной приспособляемости и можно въ концѣ концовъ дойти до щедринской „примѣнительно къ подлости", то и это дѣлу не помѣшаетъ; хорошенькое дѣльце стоитъ часто и не такихъ мелочей. Если бы современный „центръ" былъ партіей мягкотѣлаго и гибкаго либерализма, то, пожалуй, въ его маневрѣ не было бы ничего особенно замѣчательнаго. Но вотъ въ чемъ суть: вѣдь у центра, какъ у политическаго крыла ультрамонтанскаго католичества, не только есть строгая принципіальная основа для его отношеній къ культурному государству современности, но даже религіозно-политическая догма, которою онъ связанъ, какъ божественнымъ закономъ, безъ соблюденія которой онъ теряетъ свой католическій характеръ, даже болѣе того, съ нарушеніемъ которой онъ подпадаетъ неминуемому осужденію и проклятію со стороны своего духовнаго начальства.

И въ самомъ дѣлѣ. Если уже въ средніе вѣка, во времена торжества католической теократіи, сложилась теорія о превосходствѣ духовнаго надъ свѣтскимъ, о власти церкви надъ государствомъ, о подчиненіи всѣхъ монарховъ, всѣхъ царей земли единому владыкѣ неба и земли Христу—въ лицѣ его намѣстника, папы,—то эта теорія далеко не погибла вмѣстѣ съ средними вѣками и Григоріемъ VII; нѣтъ, она сложилась въ великую догму политическаго католицизма и до сихъ поръ установляетъ идеалъ земного царства для всего католическаго міра. Правда, въ настоящее время католическіе писатели уже не особенно охотно прибѣгаютъ къ сравненіямъ души и тѣла, неба и земли, луны и солнца для обоснованія власти церкви надъ государствомъ, точно также, какъ пересталъ быть употребительнымъ аргументъ въ пользу двухъ мечей римской церкви, но Ѳома Аквинатъ до сихъ поръ еще является величайшимъ государственнымъ учителемъ католическаго христіанства, а его ученіе несомнѣнно проповѣдуетъ верховенство папы. „Тому", говоритъ этотъ западный богословъ, „кому принадлежитъ забота о послѣдней цѣли, должны подчиняться тѣ, кому принадлежитъ забота о цѣляхъ предшествующихъ и они должны стать подъ его управленіе". Этимъ вполнѣ

подтверждается ученіе Августина, что государство не иначе становится христіанскимъ, нежели отдѣльный человѣкъ, и не въ иныхъ средствахъ спасенія нуждается, какъ и отдѣльная личность; одинаково нужна спасительная власть церкви и для отдѣльнаго человѣка, и для государства; и какъ первый, удрученный первороднымъ грѣхомъ, только въ церкви находитъ оправданіе и спасеніе, такъ и государство, только подчинившись церкви, приближается къ царству Божьему и перестаетъ быть исключительно земнымъ союзомъ людей. И если въ настоящее время, само собою разумѣется, уже не можетъ быть и рѣчи о практическомъ осуществленіи старыхъ папскихъ притязаній—такъ какъ, по просту говоря, у папъ не хватаетъ на это власти, то принципіальныя воззрѣнія ихъ на отношенія къ государству остались совершенно прежними, и ничего изъ своихъ требованій папы не уступили подъ вліяніемъ историческаго хода событій: какъ уже мы замѣтили выше, для Рима исторіи не существуетъ! Въ полной силѣ поэтому и для настоящаго времени остались не только тѣ опредѣленія папъ, которыя были въ свое время превозглашены „ex cathedra“, но и тѣ, которыя были даны помимо религіозной догмы. И опредѣленія эти не допускаютъ никакихъ сомнѣній: „если престолъ св. Петра“, говоритъ Григорій VII: „рѣшаетъ и судитъ о небесномъ и духовномъ, то тѣмъ болѣе о земномъ и свѣтскомъ“, и никто не освобожденъ отъ подчиненія этой власти, потому что апостола Петра „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Царь славы, поставилъ княземъ надъ королевствами міра“; ему и никому другому передалъ власть связывать и разрѣшать, „подчинивъ ему всѣ власти и княжества земного шара“. „Іисусъ Христосъ“, возглашаетъ другой великій папа Иннокентій III, „поручилъ св. Петру не только управленіе всей церковью, но и всѣмъ свѣтомъ“; „Онъ поставилъ во главѣ и того, и другого, царства и священства, единое лицо, которое есть Его намѣстникъ на землѣ“, а посему римскій первосвященникъ не есть представитель человѣческой власти, онъ намѣстникъ на землѣ самого истиннаго Бога. Наконецъ, въ знаменитой буллѣ Бонифація VIII — Unam sanctam — завершается достойнымъ образомъ теорія папской теократіи. Этотъ папа исходитъ въ своей безсмертной буллѣ изъ той идеи, что единой церкви, которая имѣетъ единаго Господа, единую вѣру, едино крещеніе, данъ и единый глава, намѣстникъ Христа и преемникъ Петра. Этому князю апостоловъ и его преемнику, папѣ, вручены два меча, духовный и свѣтскій; однимъ мечемъ онъ владѣетъ непосредственно, другой-же находится въ рукахъ свѣтской власти, и имъ папа только распоряжается, а самъ не владѣетъ; этотъ второй мечъ подчиняется первому, а власть свѣтская—власти духовной, такъ какъ „ради вѣчнаго спасенія“,—объявляетъ, изрекаетъ, опредѣляетъ и провозглашаетъ папа,—„всякому человѣческому существу необходимо под-

чиниться римскому первосвященнику". Понятно отсюда, что когда Бонифацій VIII торжественно праздновалъ великій юбилей въ 1300 г., то, украшенный тройною тіарой, опоясанный мечемъ, онъ возгласилъ, указывая на свой тронъ: „Не первосвященникъ-ли есмь? Не престолъ ли это св. Петра? Развѣ не въ силахъ я защищать права имперіи?—Я есмь кесарь, я есмь императоръ!" И объемъ компетенціи папской власти, какъ онъ былъ установленъ уже средневѣковыми канонистами, вполнѣ соотвѣтствовалъ этимъ безграничнымъ притязаніямъ; папа по ихъ теоріи имѣетъ право лишать народы свободы и имущества, дарить страны и вновь открытыя земли, рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ, лишать престола князей, разрѣшать подданныхъ отъ клятвы вѣрности ихъ государю, передавать престолы непослушныхъ папѣ князей другимъ болѣе достойнымъ лицамъ, лишать свѣтскіе законы всякой обязательной силы, „аннулировать" ихъ, опредѣлять границы вѣдомства свѣтской власти, осуществлять духовную юрисдикцію согласно канонамъ католической церкви, безъ какого-либо вмѣшательства мірского правительства, пользоваться помощью свѣтской руки во всемъ, гдѣ это папа признаетъ необходимымъ, и настолько, насколько это будетъ нужно для блага церкви и религіи. И эти права средневѣковые папы, хотя не всегда и не во всемъ, но сумѣли осуществить. При Григоріи VII и Иннокентіи III мы видимъ ихъ дѣйствительно во главѣ тогдашняго государственнаго строя. Могущественныя царства были леномъ св. престола; императоръ Германіи, короли Англіи, Франціи, Испаніи, Венгріи и Саксоніи считались вассалами папы; въ ленной зависимости отъ римскаго первосвященника были не только государства Италіи, Богеміи, Болгаріи, Далмаціи, но даже, какъ утверждаютъ католическіе историки, нашей далекой Россіи... Но и въ настоящее время римская церковь упорно держится своихъ старыхъ притязаній, въ особенности же права папы лишать государей ихъ престола. Если Павелъ IV воистину прекрасно формулировалъ это право, „безъ всякой дальнѣйшей правовой формальности" лишать „императорскаго и королевскаго достоинства" всѣхъ тѣхъ монарховъ, которые стали-бы „еретиками и схизматиками", то не только оно было подтверждено Піемъ V, но и въ дѣйствительности папа Климентъ XI оспаривалъ законность королевскаго титута у Фридриха I прусскаго, такъ какъ некатолическіе князья не могутъ носить этого титула и, какъ еретики, подлежатъ скорѣе пониженію, чѣмъ повышенію. Эту же традицію поддерживалъ и Пій VII, когда онъ въ 1805 причислялъ право отрѣшенія князей къ „святѣйшимъ принципамъ католической церкви", и Пій IX, когда въ 1870 году онъ выводилъ это право изъ полноты авторитета папской власти. Наконецъ, если Левъ XIII и не подтвердилъ прямо этого права, то во всякомъ случаѣ онъ въ своей энцикликѣ торжественно провозгласилъ священную

римскую имперію твореніемъ римскихъ папъ *). Такова истинная принципіальная основа клерикальной политики, и отъ нея не отступаютъ папы ни тогда, когда они заключаютъ конкордаты съ различными державами, ни тогда, когда имъ приходится высказываться вообще по поводу современнаго культурнаго и правового государства. Въ первомъ случаѣ они прибѣгаютъ къ фикціи особаго пожалованія со стороны папы, какъ главы, государямъ, какъ подданнымъ, во второмъ—они нисколько не останавливаются предъ осужденіемъ буквально всего, что только дорого и мило современному культурному европейцу. Правда, въ настоящее время у папы уже болѣе нѣтъ непосредственной политической власти: съ 1870 года онъ изображаетъ изъ себя ватиканскаго плѣнника, и Церковной области уже болѣе не существуетъ. Фактически папа болѣе не государь и не сюзеренъ монарховъ, но принципіально онъ и до сихъ поръ стоитъ на прежней почвѣ, и даже мечта о возстановленіи старой Церковной области не только не покинута куріей, но даже нашла себѣ особое выраженіе на всеобщемъ съѣздѣ католиковъ Германіи.

Дебаты и резолюція по римскому вопросу есть именно тотъ пробный камень, на которомъ отлично показалъ себя и нѣмецкій патріотизмъ католиковъ, и ихъ нѣмецкая вѣрность, и еще больше любовь къ германскому императору. И въ самомъ дѣлѣ, при существующихъ отношеніяхъ къ Италіи, при наличности дружескаго союза съ итальянскимъ королевствомъ требовать расчлененія Италіи и предоставленія ея столицы и территоріи въ распоряженіе папы и его прелатовъ,—это все, что угодно, но ужъ никакъ ни нѣмецкая вѣрность по отношенію къ дружественному народу или особенная любезность по отношенію къ другу и союзнику итальянскаго монарха. „Св. отецъ", такъ возглашалъ на послѣднемъ съѣздѣ д-ръ Румпфъ при одобреніи присутствующихъ, „еще и теперь плѣнникъ Ватикана. И не только ради св. престола и Италіи мы желаемъ, чтобы это заточеніе было окончено. Не правы тѣ, кто утверждаютъ, что мы ненавидимъ Италію. Никоимъ образомъ мы не противъ итальянскаго объединенія, насколько это оказалось необходимымъ, но мы сожалѣемъ Италію и заявляемъ жалобу на введеніе въ заблужденіе народа. Наше желаніе, чтобы Италія преуспѣвала во внутренней мощи и внутреннемъ мирѣ. Однако, миръ въ Италіи выростетъ впервые изъ примиренія съ папой" (Живое одобреніе)... „Викторъ Эммануилъ обѣщалъ защищать свободу церкви и независимость папства. Но что обозначаетъ законъ о гарантіяхъ?—Онъ не стоитъ болѣе простой бумажки, онъ—простая фраза, да, кромѣ того, и все его существованіе зависитъ отъ произвола любого итальянскаго пар-

---

*) Graf von Hoensbroech, Der Toleranzantrag des Zentrums, Berlin, 1903, стр. 55 и слѣд. сравн. его-же Der Ultramontanismus, Berlin, 2 Aufl., стр. 76—117.

ламента. Радикализмъ постоянно возрастаетъ, а его цѣль не что иное, какъ полное уничтоженіе папства"... „Мы, католики, требуемъ полной свободы папы... Если церковь желаетъ выполнить свою задачу, то никому ни она, ни ея глава не должны быть подчинены, кромѣ одного только Бога" (Одобреніе). „Папа есть непогрѣшимый учитель всѣхъ націй, онъ глава христіанства для всѣхъ государствъ, и поэтому не можетъ и не долженъ папа быть подданнымъ другого суверена" (Бурное и оживленное одобреніе).. Такъ примиряютъ патріоты-католики свою пылкую любовь къ германскому отечеству съ любовью къ папѣ, а преданность своему государю съ рабскимъ послушаніемъ своему, уже лишенному территоріи, иностранному монарху. И понятна отсюда та почти угрожающая нотка, которая слышится въ словахъ д-ра Ортерера по поводу избранія новаго папы: „Мы желаемъ приписать это къ чести нѣмецкихъ католиковъ, что мы устраиваемъ первую большую демонстрацію и манифестацію нашего исповѣданія именно при вступленіи его святѣйшества на высшее мѣсто въ церкви. Его святѣйшество увидитъ изъ этого, что сыны Германіи безъ различія племени и состоянія, твердо, вѣрно и крѣпко объединены въ любви къ его святѣйшеству и апостольскому престолу (Живое одобреніе). И если бы божественное провидѣніе судило ему"... „горе и страданіе"... „то да послужитъ ему утѣшеніемъ наша любовь и наша непоколебимая приверженность, и если даже его всѣ покинутъ, то мы, нѣмецкіе католики, останемся ему тверды и вѣрны и въ тяжелое время нужды" (Бурное одобреніе)... Подобныя слова католическихъ ораторовъ не оставляютъ ничего болѣе желать въ смыслѣ ясности и опредѣленности. Ихъ любовь къ „высоко-вознесенному" монарху, очевидно, дѣйствуетъ только до тѣхъ поръ, пока онъ со своей стороны относится милостиво не только къ своимъ католическимъ подданнымъ, но исполняетъ то, что нужно для партіи центра, клира и другого, болѣе главнаго монарха, папы. Средневѣковыя изреченія и положенія, приведенныя нами выше, получаютъ современный смыслъ и значеніе. Папа и до сихъ поръ не только глава церкви, но и свѣтскій государь. Папа и теперь, по убѣжденію нѣмецкихъ католиковъ и первой по силѣ партіи рейхстага, имѣетъ всѣ права на Италію, не смотря на его временной „плѣнъ"; папа и донынѣ остается высшимъ владыкою христіанства всѣхъ странъ и народовъ, и если отъ него всѣ отвернутся—не исключая и германскаго императора—, то они-то все равно останутся ему вѣрными, ему, этому второму и высшему государю, „любовь" къ которому еще выше и сильнѣе, чѣмъ „любовь" ко второму, да еще еретику...

Этимъ вопросъ объ отношеніи государства къ церкви безспорно разрѣшается. Принципіально все осталось по старому, и „алтарь" во всякомъ случаѣ долженъ командовать надъ „тро-

номъ"; но папа — въ плѣну, а его вѣрные воины еще не настолько сильны, чтобы сразу взять все и добиться всего; приходится идти на компромиссы, ибо клиръ отлично знаетъ, что уши выше лба не ростутъ и что выше себя не прыгнешь, а тутъ еще подымается могучій и страшный врагъ въ видѣ соціалъ-демократіи, который больше обѣщаетъ, чѣмъ центръ, который тоже охотно выдаетъ свои векселя на рай земной, и вѣритъ въ него больше, чѣмъ католики въ свое царство; который, наконецъ, и грозитъ уже отбить военное поле у арміи „ultra montes". Положеніе, дѣйствительно, тяжелое, и при такомъ положеніи вещей особенно быть щепетильнымъ не приходится. Разъ не хватаетъ собственныхъ силъ, надо искать союзника, а если для этого придется временно кое-чѣмъ и поступиться, то опять-таки и это не бѣда— старые теократическіе принципы будутъ только припрятаны, а потомъ, при наступленіи лучшихъ временъ, можно будетъ опять ихъ вытащить на горе былому союзнику; гдѣ нельзя прямо, тамъ можно и околицей. И ужъ если теперь приходится выбирать, то, конечно, никакого колебанія быть не можетъ: если еретическая монархія и есть зло сама по себѣ, если некатолическіе монархи по существу не только не должны присвоивать себѣ даже королевскихъ или императорскихъ титуловъ, но, какъ еретики, должны быть подвергнуты по крайней мѣрѣ вѣчному заточенію,— то всетаки еретическая монархія лучше неизмѣримо болѣе страшной и непримиримой соціалъ-демократіи, такъ какъ эту никакой любовью не купить и никакими временными уступками не обойти.

А съ германской монархіей дѣло устраивается довольно легко и безъ затрудненій. Стоитъ только составить пару чувствительныхъ телеграммъ съ выраженіемъ архи-вѣрноподданическихъ чувствъ, стоитъ только кричать вездѣ и всюду о своемъ нѣмецкомъ патріотизмѣ — и брешь къ сердцу монарха пробита. Но для болѣе положительныхъ результатовъ можно пойти еще далѣе и при томъ въ весьма выгодномъ для себя направленіи: можно предложить свои услуги для усмиренія общаго врага, можно даже нѣсколько пріукрасить его всякими ужасами, чтобы нагнать этимъ страху на правительство и сдѣлать свою великодушную поддержку особенно цѣнной; наконецъ, чтобы окончательно купить правящія сферы не только однѣми фразами, но и болѣе реальными услугами, стоитъ только дать арміи и флоту новыя ассигнованія, согласиться за народный счетъ на народное голоданіе, выбросить близко стоящимъ къ государственному кормилу аграріямъ и капиталистамъ высокія ставки таможеннаго тарифа—и дѣло сдѣлано, руководящія сферы будутъ навѣрное плѣнены такою дѣятельной любовью, и тогда при ихъ помощи можно будетъ добиться уже всего, что только можетъ пригодиться на пользу св. отцу, на благо клира и для водворенія всемогущаго благочестія центра.

И опять-таки — жертвы, приносимыя ради всѣхъ этихъ благъ, совершенно незначительны по сравненію съ ними. Въ особенности, конечно, ничего не стоитъ та временная измѣна своимъ собственнымъ принципамъ, которая для всякой другой партіи была бы началомъ ея гибели.

Но истинный идеализмъ не всякому по плечу. Идеализмъ ставитъ передъ человѣкомъ высокія цѣли и этимъ создаетъ вѣчный судъ надъ нимъ. Идеализмъ требуетъ, чтобы эти цѣли достигались прямыми и честными средствами и ради этого ведетъ человѣка на мученичество и требуетъ тяжелыхъ жертвъ отъ него. Идеализмъ безпощаденъ въ своемъ нравственномъ сужденіи и не признаетъ середины. Идеализмъ нетерпимъ и жестокъ по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кто думаетъ совмѣстить и Бога, и маммону, кто исповѣдуетъ одно и дѣлаетъ другое. Онъ гроза слабыхъ душъ и мелкихъ характеровъ; и наиболѣе честные изъ нихъ предпочитаютъ лучше совсѣмъ отречься отъ высокихъ принциповъ, чѣмъ подпасть подъ его постоянный и жестокій судъ. Но не такова идеализація. Правдивый и суровый идеализмъ имѣетъ пошлую и лживую сестру, которая именуется сходнымъ съ нимъ именемъ, но служитъ только затѣмъ, чтобы прикрыть высокой кличкой нравственную грязь и дряблость. Стоитъ только для этого идеализмъ вывернуть на изнанку и принципы замѣнять людьми и учрежденіями,—стоитъ только вѣру въ идеалъ замѣнить вѣрой въ непреложныя и идеальныя свойства того или другого лица или учрежденія—и вся суровая и тяжелая сторона идеалистическаго міровоззрѣнія падаетъ. Стоитъ только отказаться отъ критики во имя идеала и признать все нормальнымъ и прекраснымъ, что исходитъ отъ опредѣленныхъ завѣдомо - идеальныхъ лицъ и учрежденій, и наступаетъ полный покой ничѣмъ не возмутимой идеализаціи, которая, не взирая ни на что, упорно вѣритъ, что все, что только ни исходитъ отъ данныхъ лицъ и учрежденій, все это и прекрасно, и цѣлесообразно, и нравственно. Идеализація здѣсь убиваетъ идеализмъ.

Но идеализація тоже сила. И если идеализмъ, какъ общественная сила, создаетъ ту глубокую нраственную чистоту и цѣльность всякой истинно-народной партіи, которая придаетъ ей величайшую внутреннюю мощь и притягательную силу, то именно идеализація есть то могущественное орудіе, при помощи котораго создаютъ свою іерархію такія партіи, какъ центръ, и сообщаютъ внѣшнему авторитету нравственное освѣщеніе. Католичество выставляетъ, правда, высокія цѣли, но для достиженія ихъ оно даетъ не идеальные принципы, а только учрежденія, одаренныя идеальными свойствами; и эти принципы оказываются уже не надъ учрежденіями, а подъ ними, и только постольку идеальными, поскольку именно учрежденія сдѣлали ихъ таковыми. А такъ какъ подъ фирмой учрежденій опять-

таки дѣйствують опредѣленнымъ образомъ организованные люди, то и оказывается, что все то прекрасно и нравственно, что прикажутъ или опредѣляютъ именно эти люди въ отличіе отъ другихъ. Такъ создается въ католической церкви то удивительное раздѣленіе клира и мірянъ, правительства и народа, которое, снабжая первыхъ особыми идеальными свойствами, обращаетъ вторыхъ въ безгласную пассивную массу, которая не имѣетъ уже никакого нравственнаго сужденія или нравственнаго, для всѣхъ равно обязательнаго критерія, но слѣпо считаетъ прекраснымъ и нравственнымъ именно то, что̀ прикажетъ имъ духовное начальство сверху. Идеализація духовенства здѣсь совершенно замѣняетъ всякій нравственный идеализмъ мірянъ. Клиръ, во главѣ съ непогрѣшимымъ папой, не можетъ ошибаться. Святость церкви здѣсь воплотилась въ святость клира. И все, что ни сдѣлаетъ или ни предприметъ клиръ, а слѣдовательно, и руководимая имъ партія центра, уже въ силу этого и нравственно, и цѣлесообразно.

Само-собою разумѣется, что, съ другой стороны, такая преднамѣренная и спеціальная идеализація клира создаетъ для него въ римской церкви совершенно исключительную возможность безграничной свободы дѣйствій и полной безотвѣтственности подъ главенствомъ и прикрытіемъ непогрѣшимаго отца и вмѣстѣ абсолютнаго монарха. Правда, на первый взглядъ этотъ монархъ и его іерархія представляются какъ-бы ограниченными божественнымъ законодательствомъ, церковнымъ преданіемъ и писаніемъ, но опять-таки именно ему принадлежитъ власть объявлять церкви „ex cathedra“, а слѣдовательно, и непогрѣшимо, что́ должно считать даннымъ отъ вѣка божественнымъ закономъ и что́ нѣтъ, и то, что онъ повелитъ, то именно и будетъ признано всѣмъ католическимъ міромъ за величайшую, отъ вѣка присущую истину. Казалось бы, далѣе, что разъ установлены божественнымъ закономъ опредѣленныя цѣли и соотвѣтствующія имъ средства, то всѣ вѣрующіе одинаково должны преслѣдовать эти цѣли именно при помощи указанныхъ средствъ, но и тутъ выступаютъ опять-таки исключительно идеальныя свойства клира, и въ силу этого именно ему предоставляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить, въ какой послѣдовательности устанавливаются цѣли и какія средства оказываются наиболѣе цѣлесообразными. Казалось бы, наконецъ, что единство высшей цѣли всетаки и въ этомъ случаѣ могло-бы привести къ единству нравственнаго принципа, но и здѣсь оказывается, что идеальныя свойства клира, возлагая на него совершенно особыя полномочія и отвѣтственность, этимъ самымъ вполнѣ естественно создаютъ для него и особую мораль, которая должна отвѣчать его руководящей, авторитетной роли и соотвѣтствовать оффиціальному, окружающему каждое его дѣйствіе, нравственному ореолу. Такъ создается возможность безграничнаго пользованія безнравствен-

ными средствами со стороны клира, безъ малѣйшей опасности потерять вмѣстѣ съ тѣмъ свой нравственный престижъ, и не меньшая возможность для политическихъ вождей центра быть не только „ультрамонтанами“ въ церковномъ смыслѣ слова, но и буквально „по ту сторону“ всякихъ преградъ и вершинъ нравственнаго сознанія. Они дѣйствуютъ въ полномъ смыслѣ слова „ultra montes“. И въ этомъ ихъ сила, ибо именно наиболѣе безсовѣстные элементы легче всего побѣждаютъ. Если идеализмъ есть великая общественная сила, то прикрытая идеализаціей безсовѣстность еще большая. Авторитетъ, который такъ восхваляли на съѣздѣ мужи центра, авторитетъ спасаетъ. Авторитетъ прикроетъ вопіющее противорѣчіе между германскимъ патріотизмомъ и ультрамонтанскими домогательствами папской территоріи; авторитетъ примиритъ, подъ общимъ покровомъ блага церкви, интересы св. отца и еретика-императора; авторитетъ защититъ отъ всякихъ подозрѣній депутатовъ центра, когда они играютъ роль народныхъ заступниковъ и въ то же время продаютъ интересы народа за чечевичную похлебку аграріямъ. Великая вещь авторитетъ! Отъ многихъ непріятностей и затрудненій спасаетъ онъ пока нѣмецкихъ клерикаловъ. Надолго-ли—вотъ вопросъ? Если уже теперь центру приходится заводить во святомъ Кёльнѣ агитаціонныя школы, то какъ бы потомъ не пришлось хуже. А между тѣмъ, если никакихъ нравственныхъ сдержекъ и не существуетъ, то все же мѣшаетъ оставшійся еще со временъ Бисмарка докучный государственный надзоръ, и если агитація идетъ недурно, то все же не такъ, какъ слѣдуетъ, такъ какъ отсутствуютъ еще пока въ предѣлахъ Германіи избранные воины церкви, вѣками испытанные ловцы душъ, сокрушители протестантизма, — достопочтенные отцы іезуиты. За нихъ то въ настоящее время центръ ведетъ ожесточенную борьбу, ради ихъ возвращенія и отмѣны всякаго государственнаго надзора сталъ нынѣ центръ и другомъ рабочихъ, и патріотичнымъ, и вѣрноподданнымъ и даже либеральнымъ и прогрессистскимъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ предстоящую парламентскую сессію именно за свободу церкви и за допущеніе іезуитовъ будетъ центръ продавать свои голоса германскому правительству.

III.

Съ принципіальной точки зрѣнія никогда не могло даже возникнуть вопроса о согласіи Рима на такъ называемую вѣротерпимость, свободу вѣры или исповѣданія: католичество было всегда принципіально нетерпимо. И будемъ ли мы различать вѣротерпимость догматическую или политическую, мы всегда по ученію римской церкви придемъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ: иной вѣры, кромѣ католической, не должно существовать.

Этотъ принципъ католики провозглашали всегда, его сохранили они неприкосновеннымъ въ теченіе столѣтій.

Относительно догматической терпимости было установлено уже въ „Catechismus Romanus“, изданномъ на основаніи декрета Тріентскаго собора, по повелѣнію папы Пія V, что такъ какъ „римская церковь не можетъ заблуждаться въ дѣлахъ вѣры и нравственности, ибо она руководима Духомъ Святымъ, то всѣ остальныя (исповѣданія), которыя именуются церквами, находятся по необходимости въ пагубнѣйшихъ заблужденіяхъ относительно ученія и нравовъ, ибо они влекомы духомъ дьявола“. Это положеніе римской церкви осталось при ней навсегда. Какъ провозгласилъ Григорій XVI въ буллѣ Mirari vos въ 1832 г. „это—ошибочное и лживое, даже безумное, изъ грязнаго источника индифферентизма происходящее утвержденіе, что для каждаго человѣка существуетъ, какъ свое собственное право, свобода совѣсти“. Тѣ же принципы подтвердилъ въ своей знаменитой энцикликѣ Quanta cura 1864 г. Пій IX, а затѣмъ далъ имъ выраженіе въ присоединенномъ къ ней Syllabus'ѣ. Какъ тяжкія заблужденія осудилъ здѣсь Пій нижеслѣдующія мнѣнія: что „каждому человѣку предоставляется свободно выбирать ту религію, которую онъ, руководимый только свѣтомъ разума, считаетъ за истинную“; что „люди при соблюденіи любой религіи могутъ найти путь вѣчнаго спасенія и его достигнуть“; что „можно по меньшей мѣрѣ надѣятся на вѣчное спасеніе тѣхъ, кто не находится никоимъ образомъ въ истинной (подразумѣвается—католической) церкви Христовой“; что, наконецъ, „протестантизмъ есть не что иное, какъ только различная форма одной и той же истинной христіанской религіи; и въ этой формѣ такъ же возможно угодить Богу, какъ и въ католической церкви“. Этими положеніями, безъ сомнѣнія, устанавливается самая настоящая догматическая нетерпимость католицизма, что, впрочемъ, является вполнѣ естественнымъ; разъ есть на лицо только одна истина, то все съ ней несогласное есть ложь; и разъ эта истина опредѣляется исключительно при помощи велѣнія непогрѣшимаго папы, то всякій, кто хоть въ чемъ-нибудь противится или только уклоняется отъ истины, которую установилъ папа,—этимъ самымъ подпадаетъ осужденію воплощенной въ лицѣ папы церкви. Совершенно логичнымъ является съ точки зрѣнія католицизма то положеніе, которое занято его іерархіей по отношенію къ такъ называемому реформъ-католичеству *).

Какъ извѣстно, уже въ 1896 г. на католическомъ съѣздѣ въ Констанцѣ проф. баронъ ф. Гертлингъ впервые указалъ на нѣкоторую отсталость католицизма сравнительно съ протестант-

*) Prof. Wahrmund, Universitaet und Kirche. Frankfurt a. M. 1902, 42 и слѣд. v. Hoensbroech, Der Toleranzantrag des Zentrums. Berlin. 1903, 6 и слѣд.

ствомъ, въ особенности по отношенію къ общей духовной жизни, свѣтской культурѣ, научной и образовательной дѣятельности. Весьма осторожно, однако, при этомъ Гертлингъ обошелъ полнымъ молчаніемъ религіозную дѣятельность церкви: она осталась для него совершенно въ сторонѣ. Гораздо дальше двинулся въ томъ же направленіи проф. Вюрцбургскаго университета, Шелль. 26 октября 1896 года онъ держалъ рѣчь, въ качествѣ ректора, о теологіи и университетѣ и здѣсь уже съ недопускающей сомнѣній опредѣленностью провозгласилъ не только правомъ, но и обязанностью католичества его участіе въ научномъ прогрессѣ, а единственнымъ принципомъ изслѣдованія—научную истину, которая является результатомъ объективнаго метода, основаннаго на фактахъ. Въ силу этого требовалъ Шелль и равноправія католической теологіи съ остальными академическими науками и одинаковаго примѣненія къ ней начала свободы. Эти начала Шелль провозгласилъ не только теоретически; вскорѣ выпустилъ онъ въ свѣтъ надѣлавшую много шума брошюру подъ названіемъ: „Католицизмъ, какъ принципъ прогресса", а въ 1898 г. вторую, подъ заглавіемъ: „Новое время и старая вѣра". Въ этихъ брошюрахъ Шелль исходилъ изъ двухъ основаній: съ одной стороны, изъ статистически доказанной отсталости католиковъ въ дѣлѣ высшаго образованія и связанной съ нимъ высшей административной и ученой карьеры, съ другой же—изъ не менѣе достовѣрныхъ фактовъ безграничнаго суевѣрія и невѣроятнаго легкомыслія, которыя были выяснены, благодаря разоблаченіямъ Лео Таксиля. Объясненіе такому паденію католичества Шелль находитъ въ нарушеніи равновѣсія между двумя присущими католичеству идеями: свободы и авторитета,—въ пользу исключительно одного послѣдняго. Тотъ, кто обладаетъ истиной, смѣло можетъ опираться на свободу, такъ какъ здѣсь рѣшаетъ духъ и ставитъ самъ себѣ законы. И поскольку католичество является носителемъ высшей истины, оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начало прогресса. Преобладаніе идеи авторитета поставило, однако, католичество въ самое ложное положеніе и привело его къ многочисленнымъ ошибкамъ. До 1822 г. теорія Коперника стояла въ индексѣ запрещенныхъ ученій. Начиная съ Вестфальскаго трактата, папа протестовалъ положительно противъ всѣхъ величайшихъ событій исторіи. Между клиромъ и мірянами создалась громадная пропасть. Поклоненіе Мадоннѣ, обожаніе святыхъ и мощей вытѣснило совершенно молитву Богу. Латинскій языкъ почти совсѣмъ замѣнилъ живыя нарѣчія въ богослуженіи. Особенно, однако, развитіе іезуитизма содѣйствовало развитію односторонней идеи авторитета и всю церковь заковало въ рамки мертвящаго однообразія. Подобныя, со временъ покойнаго Дёллингера неслыханныя, рѣчи не остались, однако, безъ подражанія. Вѣнскій профессоръ Эргардъ вскорѣ послѣ этого обосновалъ

новое движеніе въ замѣчательной книгѣ: „Католицизмъ и двадцатый вѣкъ“, въ которой не только самымъ опредѣленнымъ образомъ отдѣлялъ вѣчную сущность католицизма отъ временной его формы, но и требовалъ совершеннаго устраненія тѣхъ его элементовъ, которые были хороши въ средніе вѣка, но уже совершенно не соотвѣтствуютъ современности. Если въ средніе вѣка при крайней дикости тогдашнихъ народовъ, дѣйствительно, нужна была властная рука папства, чтобы создать изъ нихъ культурныхъ людей, то только духовный, свободный католицизмъ, отрѣшенный отъ всякой внѣшней власти и принужденія, воздвигнутый на чисто религіозной основѣ, ставшій подобнымъ первому христіанству, можетъ взять на себя руководство современностью и создастъ для народовъ лучшее будущее.

Только такимъ путемъ, по мнѣнію вѣнскаго богослова, возможно возстановленіе разрушенной „гармоніи между вѣрой и разумомъ, природой и откровеніемъ, религіей и культурой, которая была установлена въ эпоху расцвѣта средневѣковья“, возможно и устраненіе „положительной противоположности между историческимъ и церковнымъ христіанствомъ, съ одной стороны, и религіозными потребностями западныхъ народовъ—съ другой“. Таковы основныя положенія эргардовскаго ученія. За Шеллемъ и Эргардомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ католическихъ ученыхъ. Среди нихъ отмѣтимъ страсбургскаго проф. Шпана, покойнаго Крауса, профессора нассаускаго лицея Рикенбергера, инсбрукскаго канониста Вармунда и мюнхенскаго д-ра Іосифа Мюллера, который даже основалъ ежемѣсячный журналъ, подъ заглавіемъ „Возрожденіе“, ставшій какъ бы органомъ лѣваго крыла католичества *). Въ особенности интересны здѣсь положенія Вармунда, который на своей лекціи не только установилъ раздвоеніе католичества на два направленія, „на прогрессивное“ и „консервативное“, но и характеризовалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: первое желаетъ извѣстнымъ образомъ „приспособить церковь къ духовно-культурному уровню современности“, второе же, какъ „закоченѣлое и неподвижное, упорствуетъ еще на старо-традиціонномъ исходномъ пунктѣ совершеннаго и безусловнаго подчиненія католиковъ непогрѣшимому авторитету церкви и дѣлаетъ отъ этого зависимымъ не только спасеніе душъ, но, какъ напр. въ Австріи, и спасеніе государства“; недостатокъ „въ геніальности“ эта партія замѣняетъ „наличностью положительной силы и непрогляднымъ терроризмомъ“. „Консервативный католицизмъ“, по словамъ Вармунда, не только отшатнулъ отъ себя всѣ образованные круги, но сталъ религіей низшихъ классовъ населенія въ томъ смыслѣ, что онъ заимствовалъ у нихъ пользованіе наи-

*) Prof. D. Scholz, Was haben wir vom Reformkatholizismus zu erwarten? Leipzig, 1906, S. 3 и слѣд.

болѣе „безсодержательными и грубыми средствами“ для своего утвержденія. „Самымъ смѣшнымъ“, однако, считаетъ этотъ профессоръ то мнѣніе ультрамонтантства, въ силу котораго „думаютъ при помощи грубой силы придушить духъ просвѣщенія и культурнаго прогресса“, „закупорить глаза свои и своихъ, чтобы тѣмъ легче отрицать существованіе внѣшняго міра и одурачивать себя вещами, которыя или вовсе не существовали, или, если и существовали, то давно уже унесены потокомъ времени“. Слѣдующимъ образомъ характеризуетъ, наконецъ, инсбрукскій канонистъ обѣ стороны клерикальнаго строя: съ одной стороны, провозглашаютъ, что „папа есть высшій законодатель міра, для насъ его слово и мановеніе тѣмъ болѣе являются рѣшающими, что мы стали подъ его начальство. Онъ есть высшій судья, рѣшенію котораго мы всѣ подчиняемся и т. д.“; а съ другой, тѣ же круги обращаются къ мірянину: „заботься о твоемъ желудкѣ и размноженіи, посѣщай прилежно церковь и добывай твое ежедневное пропитаніе. Во всѣхъ, однако, важныхъ вещахъ, во всемъ, что могло бы имѣть нѣсколько большую значительность, подчиняйся слѣпо и глухо духовному начальству“.—„Его мановеніе для насъ рѣшающе“... Такъ, говоря словами Эргарда, могло оказаться, что „церковная централизація“ превратилась въ „церковный абсолютизмъ въ худшемъ смыслѣ этого слова“, или, какъ говоритъ Вармундъ, — католицизмъ отождествляется съ принципомъ „абсолютнаго оцѣпенѣнія“... И такой католицизмъ очень скоро далъ себя знать прежде всего всѣмъ указаннымъ нами новаторамъ...

Несчастный Шелль не только имѣлъ удовольствіе видѣть свои сочиненія въ особомъ index'ѣ запрещенныхъ церковью книгъ, но и принужденъ былъ отречься отъ нихъ и принести передъ аудиторіей публичное покаяніе... Послѣднія сочиненія Крауса уже послѣ его смерти потерпѣли ту же участь, что и произведенія Шелля. И если Эргардъ съ величайшимъ трудомъ добылъ цензорское imprimatur для своей книги, то за то онъ долженъ былъ искупить надѣланный ею шумъ публичнымъ отреченіемъ отъ солидарности съ Вармундомъ. Но характернѣе всѣхъ судьба Вармунда; о его обвиненіи особенно старалась католическая печать; при ея помощи были возбуждены противъ профессора католики-студенты, и когда въ отвѣтъ на враждебную ему демонстрацію этотъ профессоръ-канонистъ отвѣтилъ въ университетской лекціи изложеніемъ своего „profession de foi“, то немедленно же эта лекція послужила предметомъ для новаго газетнаго доноса, подхваченнаго клерикальной партіей для интерпелляціи въ парламентѣ; министръ народнаго просвѣщенія, однако, не рѣшился нарушить свободу академическаго преподаванія, и дѣло Вармунда о злоупотребленіи имъ каѳедрой для произнесенія „политическихъ рѣчей“, отвлекающихъ студентовъ отъ научной ра-

боты, окончилось ничѣмъ *). Каковъ, однако, страхъ передъ трибуналомъ св. инквизиціи среди остальныхъ нѣмецкихъ католиковъ-ученыхъ, показываетъ хотя бы недавній случай съ директоромъ нѣмецкаго историческаго института въ Римѣ, Шульте: найдя новыя данныя въ римскихъ архивахъ о великомъ столкновеніи д-ра Мартина Лютера съ римскимъ духовнымъ начальствомъ того времени, почтенный ученый такъ испугался этихъ документовъ и неудовольствія со стороны куріи въ случаѣ ихъ обнародованія, что запросилъ по этому поводу германскаго рейхсъ-канцлера гр. Бюлова. Канцлеръ тоже раздѣлилъ эти страхи съ проф. Шульте, и рѣшено было документы припрятать. Каково-же было удивленіе этихъ почтенныхъ германцевъ, когда оказалось, что курія ничего не имѣетъ противъ обнародованія какихъ бы то ни было документовъ въ интересахъ науки... Старая реформація оказалась, такимъ образомъ, безопаснѣе новаго реформъ-католицизма! Этотъ же послѣдній осужденъ уже весьма прочно. Нельзя здѣсь обойти и того рѣшенія куріи, которое состоялось по поводу такъ называемаго „американизма". Подъ этимъ именемъ разумѣются тѣ родившіяся на почвѣ Новаго Свѣта религіозныя стремленія, которыя весьма близко подходятъ къ реформъ-католицизму и называются епископомъ Еггеромъ въ его брошюрѣ „либеральнымъ католицизмомъ". Эти стремленія безповоротно осуждены извѣстнымъ письмомъ Льва XIII на имя кардинала Гиббонса въ 1899 г. „Разнузданность", сказано тамъ, „которую часто смѣшиваютъ со свободой, охота къ спорамъ и разговорамъ, свобода всѣхъ мнѣній и ихъ обнаруженія произвели столь глубокую смуту среди умовъ, что теперь учительная должность еще нужнѣе, и должно говорить чаще, чѣмъ прежде, чтобы предотвратить заблужденія на пути совѣсти и долга"... „всѣ должны вполнѣ подчиниться его руководству и управленію, чтобы тѣмъ легче быть защищенными отъ личныхъ заблужденій"... **). Вполнѣ понятно послѣ этого, что когда проф. бар. Гертлингъ заговорилъ на кельнскомъ съѣздѣ о католической наукѣ, то у него получилось нѣчто весьма странное. У него наука оказалась съ такимъ „незыблемымъ единствомъ жизни и міровоззрѣнія", съ такой „силой и твердостью" напередъ установленныхъ „принциповъ", что истинной наукѣ здѣсь ничего не оставалось дѣлать: всѣ „загадки" дѣйствительности оказались уже разрѣшенными; сводя всю положительную науку къ своего рода подпорѣ апологетики, Гертлингъ затѣмъ и ученаго превратилъ въ какое-то механическое орудіе „любви къ церкви", которое даже подъ самыми скверными католическими исторіями все же сумѣетъ найти

*) Warhmund, Universitaet und Kirche, стр. 6 и слѣд. 19 и слѣд.

**) Gold, Gedanken über Reformkatholicismus, Frankf. a. M. 1902, стр. 19 и сл. Egger, Zur Stellung des Katholicismus im 20 Jahrhundert, Freib. i. Br. 1902, стр. 85 и сл.

„жизнь, струящуюся изъ небеснаго источника“. Такъ, ученый, по клерикальному воззрѣнію, „долженъ находиться на исключительной „службѣ церкви“, и Гертлингъ не находитъ достаточно словъ, чтобы заклеймить молодыхъ богослововъ, которые, благодаря своей „изолированности, упрямству и—главнѣе всего—маловѣрію“, не хотятъ создать необходимую для центра „сомкнутую фалангу“ католическихъ ученыхъ...

Да, не можетъ похвалиться Римъ догматической терпимостью. Свободной наукѣ нѣтъ мѣста въ его твердыняхъ; ни „реформъ-католицизмъ“, ни „американизмъ“, ни даже просто открытое научное слово не могутъ разсчитывать съ его стороны ни на малѣйшее снисхожденіе; въ средѣ его должно царить мертвое и неподвижное единство, незыблемая догма еще со временъ среднихъ вѣковъ; онъ исторіи не знаетъ и нѣтъ для него ни развитія, ни прогресса; но за то существуетъ одна заповѣдь — заповѣдь неумолимой борьбы противъ всего, что только смѣетъ даже внѣ его вѣрить и думать иначе, чѣмъ учитъ его непогрѣшимый государь, дѣйствовать такъ, какъ велитъ ему его свободная совѣсть. Всѣхъ иновѣрцевъ считаетъ католическій клиръ не только своими врагами, но и бунтовщиками противъ законнаго духовнаго начальства, всѣхъ законно-окрещенныхъ считаетъ онъ своими безусловными подданными, которые подлежатъ непремѣнному, а въ случаѣ надобности, и насильственному возвращенію въ лоно единственно-спасительной религіи и церкви.

Будучи догматически нетерпимъ, католицизмъ не менѣе нетерпимъ и политически. Всякую свободу совѣсти отвергаетъ онъ принципіально. Вѣротерпимость признаетъ онъ только какъ тяжелую фактическую необходимость, которую можно лишь временно терпѣть, но съ которой никогда нельзя примириться. И если уже въ знаменитой буллѣ Бонифація „Unam sanctam“, которой, по общему мнѣнію лучшихъ католическихъ писателей, принадлежитъ „догматическій“ характеръ, осуждена всякая вѣротерпимость для иновѣрцевъ, то тотъ же принципъ былъ самымъ рѣшительнымъ образомъ провозглашенъ и въ послѣдующихъ оффиціальныхъ актахъ куріи. Уже въ 18 в. Пій VI не только называлъ гражданскую вѣротерпимость „абсурднымъ безуміемъ, которое осуждено Климентомъ V, но опять воскресло въ ученіяхъ Виклефа и Лютера“, но и прямо утверждалъ, что „еретики, т. е. всѣ тѣ, кто подвластны католической церкви, благодаря законному крещенію, должны быть принуждены къ повиновенію католической церкви“. Тѣхъ же воззрѣній былъ, какъ мы отчасти уже видѣли выше, и Пій IX, который высказался, между прочимъ, по поводу австрійской конституціи 1867 г. слѣдующимъ образомъ: „австрійское правительство при помощи неслыханнаго закона ввело свободу вѣры и совѣсти, а также равноправіе для всѣхъ религіозныхъ исповѣданій... этотъ отвратительный законъ мы от-

вергаемъ и осуждаемъ силою нашихъ апостольскихъ полномочій". Тѣхъ-же принциповъ придерживается и вся канонистическая литература: подобныя мнѣнія мы находимъ и въ извѣстномъ государственномъ словарѣ Герреса, гдѣ сказано, что католическая церковь никогда ни теоретически, ни практически не можетъ въ принципѣ согласиться на равноправіе „заблужденій рядомъ съ истиной", и у извѣстнаго іезуита Лемкюля, у котораго вѣротерпимость рядомъ съ свободой совѣсти признается развѣ только нѣсколько меньшимъ зломъ, чѣмъ эта послѣдняя, и у цѣлаго ряда ученыхъ, каковы — проф. Гейнеръ, іезуитъ Гаммерштейнъ, проф. Муллартъ и, въ особенности, іезуитъ де-Лука, который въ своемъ новѣйшемъ трудѣ по церковному праву *) говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „гражданская терпимость позволительна, съ одной стороны, во избѣжаніе худшаго зла; съ другой—для пріобрѣтенія большихъ благъ и то только временно и на опредѣленный срокъ въ томъ случаѣ: 1) если нѣтъ никакой опасности, что населеніе соотвѣтственнаго государства обратится къ ереси; 2) если нѣтъ никакого явнаго одобренія ереси; 3) если даны всѣ тѣ условія, которыя вообще дѣлаютъ дозволеннымъ всякое матеріальное содѣйствіе грѣху или подпаденіе опасности; 4) если римскій папа былъ выслушанъ по этому поводу... Вообще же, гражданская терпимость не дозволительна, такъ какъ 1) она работаетъ въ руку ворамъ (т. е. некатоликамъ!) и обезпечиваетъ имъ безопасность; 2) она подвергаетъ католиковъ опасности соблазна; 3) она повреждаетъ миръ высшаго сообщества, т. е. церкви, ибо кто впускаетъ вора въ домъ, тотъ нарушаетъ миръ его". Такъ современный іезуитъ оправдываетъ вполнѣ повелѣнія Павла I, который, какъ извѣстно, не только требовалъ, чтобы евреямъ среди христіанскаго населенія не было предоставлено право владѣнія недвижимостью, но и право держать христіанскую прислугу...

Съ другой стороны, надо замѣтить, что практика римской церкви всегда совпадала съ ея теоріей. И если позорнымъ пятномъ на прошломъ римской іерархіи лежатъ массовыя сожженія еретиковъ, инквизиція, процессы о вѣдьмахъ и колдуньяхъ и тѣ утонченныя полицейскія преслѣдованія иновѣрцевъ, которыя столѣтіями практиковались въ католическихъ государствахъ, то и въ настоящее время именно эта практика провозглашается единственно правильной въ ультрамонтанской литературѣ, а гдѣ только представляется малѣйшая возможность, тамъ вездѣ проводится начало нетерпимости и принудительнаго обращенія еретиковъ и схизматиковъ къ единой спасительной, единой истинной вѣрѣ. Чрезвычайно замѣчательной является поэтому статья

---

*) De Luca, Institut. juris eccles. publici, Romae, 1901, изданныя съ аппробаціей епископа Сіенскаго.

Лангоніо (P. Pius a Langonio Ord. Min. Cap.), напечатанная въ журналѣ „Analecta ecclesiastica" (Revue Romaine, théorique et pratique, 1895 г.), который издавался съ 1893 года папскимъ домашнимъ прелатомъ Феликсомъ Кадене подъ знаменемъ папскаго герба: „Конечно, среди сыновъ тьмы найдутся люди, которые при прочтеніи приведеннаго сужденія начнутъ опять съ вращающимися глазами, съ поблѣднѣвшими щеками и раздувающимися ноздрями кричать противъ такъ называемой средневековой нетерпимости. Чего стоитъ подобная глупая болтовня—мы считаемъ даже лишнимъ выяснять нашимъ читателямъ... Съ полнымъ правомъ боролись противъ подобныхъ сикофантовъ (подразумѣвается — сожженыхъ грѣшниковъ!) и церковный, и гражданскій законъ объединенными силами. Если они волки, то пусть и остаются съ волками; если же они одѣваются въ овечью шкуру и пытаются поглотить овецъ, то они будутъ огнемъ и мечемъ устранены изъ овечьяго загона... Мы далеки отъ того, чтобы съ слѣпотой либерализма, скрывающагося подъ маской мудрости, выискивать жалкіе доводы для защиты святой инквизиціи противъ еретической развращенности. Прочь со всѣми уловками, которыми пытались оправдать нашу святую церковь при помощи указаній на тогдашнее время, на жестокость нравовъ, на чрезмѣрное рвеніе, какъ будто она въ Испаніи или гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ нуждалась въ общемъ или частичномъ оправданіи за дѣла святой инквизиціи! Благодѣтельной бдительности святой инквизиціи должно приписать религіозный миръ и твердость вѣры, которыя такъ украшаютъ собою испанскій народъ. Да будьте благословенны вы, пылающіе костры! Это именно вы послѣ истребленія немногихъ совершенно погибшихъ людей спасли тысячи душъ отъ пропасти заблужденія и вѣчной погибели! Это вы столѣтіями сохраняли въ счастіи и благоденствіи гражданское общество, укрывъ его отъ междуусобія и гражданской войны. О, свѣтлая и почтенная память Ѳомы Торквемады (онъ сжегъ одинъ въ качествѣ великаго инквизитора не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ), который съ разумнымъ пыломъ и непоколебимой твердостью, не принуждая къ крещенію евреевъ и невѣрующихъ, съ славою удерживалъ при помощи спасительнаго страха и при содѣйствіи обѣихъ властей крещеныхъ отъ отпаденія и тѣмъ доставилъ своему отечеству гораздо большее и благороднѣйшее благоденствіе, чѣмъ то, которое было результатомъ присоединенія индѣйской имперіи". Въ томъ же духѣ говоритъ, ссылаясь на цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ теологовъ, и римскій канонистъ Де-Лука: „Общее воззрѣніе этихъ теологовъ было бы ошибочно, если бы церковь не имѣла права по крайней мѣрѣ непосредственно произносить смертный приговоръ. Ей принадлежитъ, конечно, и право непосредственнаго осуществленія смертной казни, и она его въ дѣйствительности осуществляла.

Вѣдь для непосредственнаго осуществленія смертной казни не необходимо, чтобы церковные служители сами были палачами, но достаточно того, что церковь произноситъ смертный приговоръ, а отсюда уже на свѣтскую власть падаетъ неизбѣжная обязанность предоставить церкви своихъ палачей... Свѣтская власть должна подъ страхомъ отлученія переданныхъ ей церковью еретиковъ казнить ихъ безъ провѣрки церковнаго рѣшенія... На государствѣ лежитъ обязанность казнить смертью еретиковъ по повелѣнію и порученію церкви: оно не можетъ освободить отъ этого наказанія переданныхъ ему церковью еретиковъ... Еретики и вѣроотступники, которые, разъ принадлежали къ церкви, могутъ быть принуждены церковью при помощи тѣлесныхъ наказаній или смертной казни къ возвращенію въ лоно истинной вѣры. Такъ учатъ вмѣстѣ со св. Ѳомою Аквинскимъ всѣ теологи"... Какъ говоритъ проф. Вармундъ, комментаріи къ подобнымъ разсужденіямъ излишни... Упомянемъ только о нѣкоторыхъ интересныхъ актахъ, которые вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе епископа Гефеле, что римской церкви для возвращенія средневѣковой нетерпимости менѣе всего не хватаетъ доброй воли. Таковыми являются прежде всего папскіе конкордаты съ южно-американскими республиками Экуадоромъ 1862 г. и Коломбіей 1887 г.; изъ перваго заслуживаетъ вниманія положеніе, гласящее, что въ республикѣ Экуадоръ нигдѣ не долженъ быть дозволенъ культъ, осужденный католической церковью; изъ второго еще болѣе характерныя слова: „во всѣхъ университетахъ, коллегіяхъ и школахъ и какихъ бы то ни было учебныхъ заведеніяхъ должно быть установлено публичное обученіе и преподаваніе въ полномъ согласіи съ догмами и нравственнымъ ученіемъ католической церкви". Дополненіемъ къ этимъ актамъ является то постановленіе римской инквизиціи отъ 1897 г., которое повелѣваетъ различать даже ампутированные члены католиковъ отъ некатоликовъ: первые должны быть погребаемы въ освященной землѣ; вторые же сожигать! Дальше идти уже, конечно, некуда *).

Однако, тому, кто преслѣдуетъ другихъ, иногда приходится терпѣть и самому отъ примѣненія того же самаго принципа. И именно въ такомъ положеніи очутился католицизмъ въ нѣкоторыхъ изстари протестантскихъ государствахъ Германіи. Здѣсь, при недостаточномъ проведеніи началъ правового государства и при господствѣ свойственной маленькимъ государствамъ полицейской рутины, до послѣднихъ дней сохранились религіозные порядки добраго стараго времени, а правительства, словно по рецептамъ католическихъ теологовъ, заботятся о спасеніи душъ своихъ подданныхъ, въ случаѣ же надобности даже силкомъ тащутъ ихъ на путь вѣчнаго блаженства. Только, увы, въ этихъ

*) Hoensbroech, в. н. с. стр. 52, 64. 76; Wahrmund, в. н. с. стр. 44 и слѣд.

государствахъ господствующей религіей признано протестантство, и католическіе принципы нетерпимости примѣняются не по адресу некатоликовъ, а именно католиковъ и другихъ диссидентовъ. И надо отдать справедливость протестантской нетерпимости: она во многихъ случаяхъ заставила католиковъ испытать всю тяжесть и несправедливость религіозныхъ и церковныхъ ограниченій. Какъ было обстоятельно выяснено при обсужденіи законопроекта о вѣротерпимости, внесеннаго въ рейхстагъ въ послѣднюю легислатуру партіей центра, случаи нетерпимости въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ за послѣднее время представляли собою весьма интересное явленіе. Остановимся на нѣсколькихъ, для примѣра.

Въ герцогствѣ Кобургъ-Гота католиковъ, живущихъ внѣ города Готы, причисляли къ протестантскимъ приходамъ, а запись католическихъ таинствъ совершалась не иначе, какъ съ разрѣшенія евангелическихъ пасторовъ. Въ княжествѣ Рейсъ младшей линіи католикамъ было разрѣшено учредить только одну частную школу, безъ какихъ бы то ни было привилегій и безъ субсидіи со стороны государства или даже католическихъ церковныхъ суммъ. Въ княжествѣ Шварцбургъ-Зондергаузенъ не только каждый католическій священникъ обязанъ былъ имѣть особое спеціальное разрѣшеніе со стороны главы государства для отправленія своихъ духовныхъ обязанностей, но и говорить рѣчь надъ покойникомъ на кладбищѣ могъ не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія и одобренія протестантскаго пастора. Такое же разрѣшеніе требуется въ этомъ княжествѣ и для того, чтобы католическій священникъ могъ совершать требы внѣ опредѣленныхъ пунктовъ. Переходъ изъ одного исповѣданія въ другое обложенъ тамъ пошлиной отъ 10 до 100 мар. Въ нѣкоторыхъ тюрингинскихъ городахъ католическіе священники польской и чешской національности были высланы за то, что хотѣли совершать требы для приходящихъ польскихъ и чешскихъ рабочихъ. Въ Брауншвейгѣ при опредѣленіи вѣроисповѣданія дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ установлена весьма сложная процедура; однако, она сплошь и рядомъ нарушается въ пользу протестантства и во вредъ католичества, а во время переписи всѣхъ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ даже было велѣно записывать лютеранами, разъ только отецъ былъ лютеранинъ; въ той же странѣ католическое крещеніе внѣ опредѣленныхъ городовъ могло быть совершено только по испрошеніи разрѣшенія на то протестантскаго пастора. Когда же одинъ изъ супруговъ, состоящихъ въ смѣшанномъ бракѣ, упустилъ совершить необходимую формальность для записи своего ребенка въ католичество, то, не смотря на неоднократныя просьбы его, поданныя на имя герцога, ребенка этого было повелѣно хоть бы даже насильно привести въ протестантскую вѣру. Католическіе священники тамъ

вообще допускаются не иначе, какъ по подписаніи особаго „протокола“ о безусловномъ подчиненіи ихъ распоряженіямъ начальства; наравнѣ съ протестантскими пасторами имъ присылаются изъ министерства въ опредѣленные дни тексты изъ библіи для проповѣдей; если же на помощь католическимъ священникамъ въ Брауншвейгѣ временно пріѣзжаетъ священникъ изъ Пруссіи, то онъ можетъ отправлять свои обязанности не иначе, какъ съ особаго министерскаго разрѣшенія. Тамъ же, наконецъ, или вовсе не выдаются, или, если выдаются, то только съ большимъ трудомъ разрѣшенія на открытіе частныхъ католическихъ школъ, равнымъ образомъ совершенно запрещено пребываніе католическихъ монахинь даже какъ сестеръ милосердія, и закрыты всѣ католическіе студенческіе ферейны. Въ Мекленбургѣ для отправленія католической службы внѣ нѣкоторыхъ мѣстъ требуется каждый разъ спеціальное министерское разрѣшеніе, и даже для приходящихъ католическихъ рабочихъ такое разрѣшеніе выдавалось далеко не всегда. Но наибольшія стѣсненія терпитъ католическая церковь въ Саксоніи. Эта глубоко реакціонная страна сохранила до сихъ поръ почти неприкосновенной религіозную полицію стараго времени. Она не только управляетъ католическою церковью при помощи особаго викардатскаго суда, въ которомъ засѣдаютъ, между прочимъ, и протестанты; она не только совершенно въ драконовскомъ стилѣ осуществляетъ свое право „placet“ и запрещаетъ совершенно монастыри и церковныя складки, но и не иначе, какъ съ правительственнаго разрѣшенія, допускаетъ пребываніе въ своихъ предѣлахъ отдѣльныхъ монаховъ и введеніе вновь католическаго богослуженія; съ другой стороны, здѣсь вовсе воспрещается совершеніе въ предѣлахъ государства требъ тѣмъ духовнымъ, которые не принадлежатъ къ казенному духовенству страны. Въ особенности, однако, все общественное вниманіе Германіи одно время было привлечено религіозно-полицейскими подвигами саксонскихъ властей, когда тамъ шла цѣлая война между правительствомъ, съ одной стороны, и барономъ ф. Шёнбергъ и графомъ Шёнбургъ-Глаухау—съ другой. На бѣду протестантскаго правовѣрія въ Саксоніи у этихъ магнатовъ, состоящихъ въ родствѣ и свойствѣ и съ саксонскимъ, и съ австрійскимъ царствующими домами, оказались въ ихъ замкахъ старинныя домашнія церкви, въ которыхъ домашними капеланами и производилось соотвѣтственное богослуженіе. Саксонское правительство, которое сначала разрѣшало въ этихъ церквахъ католическое богослуженіе довольно свободно, потомъ нашло чрезвычайно вреднымъ, что эту домашнюю церковь посѣщали католики изъ окрестностей и приходящіе па работы въ экономію католики-рабочіе. Были приняты со стороны властей соотвѣтственныя мѣры, и установленъ полицейскій надзоръ; надзоръ этотъ осуществлялся при помощи не только жандармовъ, но и протестантскаго духо-

венства (съ ближайшей башни!). А такъ какъ ни тотъ, ни другой изъ владѣльцевъ замковъ не пожелалъ стѣснять католиковъ, приходящихъ въ его церковь молиться, то дѣло дошло до того, что полиція взяла на себя сама повѣрку личности посѣщающихъ церковь католиковъ и въ нѣсколькихъ случаяхъ даже подвергла церковь графа Шенбургъ-Глаухау форменной блокадѣ, пропуская въ замокъ и въ церковь только лицъ графской семьи или служащихъ. Жандармы стояли у самыхъ дверей церкви и отгоняли прочь всѣхъ „неуправомоченныхъ“ лицъ. На священника капеллы, подъ угрозой штрафа, была возложена обязанность выгонять изъ церкви тѣхъ вѣрующихъ, которые полиціей были причислены къ неуправомоченнымъ... Скандалъ вышелъ на всю Германію грандіозный, онъ усложнялся еще тѣмъ, что среди этихъ „неуправомоченныхъ“ или „незаконныхъ“ посѣтителей церкви были и члены католической саксонской династіи... Эта война закончилась при помощи папскаго викарія компромиссомъ, при чемъ графъ взялъ, наконецъ, предложеннаго ему правительствомъ, изготовленнаго по мѣстному рецепту священника, а полиція, въ свою очередь, пріостановила военныя дѣйствія... Таковы замѣчательные и, надо признаться, весьма рѣдкіе и интересные случаи религіозной нетерпимости въ Германіи, которые были извлечены на свѣтъ Божій въ рейхстагѣ и получили всесторонній комментарій въ рѣчи д-ра Пихлера, депутата центра.

И въ самомъ дѣлѣ, въ странѣ, въ которой находятся такія вѣротерпимыя и паритетныя государства, какъ Пруссія, Вюртембергъ, Баденъ и Баварія, на той почвѣ, гдѣ послѣ Вестфальскаго мира впервые на континентѣ была провозглашена вѣротерпимость, гдѣ еще въ XVIII вѣкѣ была проведена система свободы личнаго исповѣданія, здѣсь, благодаря своеобразности федеративнаго строя и остаткамъ маленькихъ полуабсолютныхъ государствъ, сохранилось нѣсколько образцовъ старой полицейской системы и вѣроисповѣдной исключительности, которая передаетъ въ руки „der löblichen Policey“ не только матеріальное благосостояніе гражданъ, но и спасеніе ихъ грѣшныхъ душъ. Такихъ остатковъ старины въ Германіи уже очень немного и съ каждымъ годомъ они все болѣе и болѣе становятся достояніемъ различныхъ „государственныхъ“ архивовъ. Но тѣмъ больнѣе, конечно, ощущаются эти стѣсненія вѣрующей личностью, тѣмъ несправедливѣе представляются они подданнымъ различныхъ государей общаго германскаго отечества. При полной свободѣ передвиженія и переселенія въ высокой степени страннымъ и нелѣпымъ представляется то различіе въ правахъ на религіозную свободу нѣмецкаго гражданина, которое постигаетъ его только потому, что онъ живетъ въ какой-нибудь Готѣ, а не въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, а не въ Карлсруэ. Эти ограниченія при полномъ равноправіи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ принимаютъ характеръ какихъ-то чисто эпидемическихъ правовыхъ болѣзней,

которыя постигаютъ собою отдѣльнаго гражданина только за то, что онъ имѣлъ несчастіе или родиться въ опредѣленной мѣстности, или переселиться туда. Дальнѣйшее существованіе такихъ стѣсненій личности вообще представляется такой анормальностью въ настоящее время, что воистину можно только пожалѣть тѣхъ мекленбургскихъ, брауншвейгскихъ и тому подобныхъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, которые въ качествѣ уполномоченныхъ членовъ союзнаго совѣта отъ своихъ государствъ считали долгомъ отвѣтить на приведенные Пихлеромъ казусы различными разъясненіями и оправданіями. Положеніе ихъ было, дѣйствительно, весьма печально: имъ пришлось оправдывать и разъяснять такіе факты, которые по своей нелѣпости и дикости могли только вызвать всеобщій смѣхъ и недоумѣніе. И въ парламентѣ надъ господами полномочными министрами посмѣялись на самомъ дѣлѣ достаточно. Вопросъ отмѣны всѣхъ вѣроисповѣдныхъ нелѣпостей среди современной правовой и паритетной Германіи есть, конечно, только вопросъ времени. И давно пора этой просвѣщенной и культурной странѣ стать на ту же точку зрѣнія въ церковной и религіозной области, на которую она стала въ послѣднее время въ области частно-правового, уголовнаго и конституціоннаго законодательства. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что рейхстагъ громаднымъ большинствомъ голосовъ принялъ законопроектъ о свободѣ совѣсти и при томъ, не взирая на предупрежденія графа Бюлова, заявившаго совершенно открыто о несогласіи на этотъ проектъ союзныхъ правительствъ. Но если соціалисты, принципіально считающіе религію дѣломъ личнаго убѣжденія, и либералы всѣхъ оттѣнковъ, сохранившіе въ извѣстной степени церковную программу 48 года, голосовали за распространеніе на всю Германію того законодательства, которое уже воплощено въ конституціи Пруссіи, то особенную пикантность представляло собою положеніе клерикальной партіи, по иниціативѣ которой былъ внесенъ самый проектъ и которая, какъ мы видѣли уже выше, является принципіальнымъ врагомъ всякой свободы совѣсти или исповѣданія *).

Итакъ, центръ сталъ либеральнымъ. Центръ потребовалъ, чтобы „каждому подданному имперіи“ была предоставлена „въ ея предѣлахъ полная свобода религіознаго исповѣданія, соединенія въ религіозныя сообщества, также какъ общаго домашняго и публичнаго культа“, чтобы „выходъ изъ религіознаго сообщества происходилъ съ полнымъ дѣйствіемъ для гражданскихъ отношеній“, только въ силу „опредѣленно выраженнаго объявленія выходящаго по отношенію къ религіозному сообществу“—и

*) Fr. Heiner. Der sog. Toleranzantrag oder Gesetzentwurf über die Freiheit der Religionsübung im Deutschen Reiche, Mainz, 1902. 56 и слѣд.

это тотъ самый центръ, который въ силу религіозной догмы обязанъ изо всѣхъ силъ поддерживать принципъ религіозной нетерпимости, который подъ страхомъ вѣчной погибели (excommunicatio latae sententiae) не долженъ ничѣмъ содѣйствовать еретикамъ, и если бы могъ, то былъ бы обязанъ сжигать ихъ на кострахъ. Возможно ли другое болѣе кричащее, болѣе невѣроятное-противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, между принципомъ и его воплощеніемъ. Костры инквизиціи и не только полная терпимость, но и свобода совѣсти; непогрѣшимый авторитетъ папы и полное „безуміе" ереси; „возвышенный" авторитетъ государства и права свободы, подъ которыми могутъ безъ натяжки подписаться не только либералы и полу-либералы, но и демократическіе вожди соціалистовъ! — Такова партія центра съ ея двойной моралью, съ полнымъ отсутствіемъ принципіальной основы, но за то съ одной только воистину грандіозной цѣлью — порабощенія всего міра римскому императору-папѣ, съ его клиромъ и іезуитами, его инквизиціей и кострами!

Понятно теперь, какую службу долженъ былъ сослужить католикамъ законопроектъ о вѣротерпимости; первая его часть должна была отмѣнить всѣ ограниченія для іезуитовъ, а вторая, которая благоразумно устанавливала „свободу церкви" только для „признанныхъ государствомъ религіозныхъ обществъ", должна была освободить церковь отъ всякаго государственнаго надзора, но сохранить за нею всѣ тѣ многочисленныя и широкія государственныя привилегіи и преимущества, которыми она въ настоящее время пользуется.

Допущеніе іезуитовъ и свободная церковь въ несвободномъ государствѣ—такова цѣна, за которую центръ продалъ либеральнымъ партіямъ свои религіозныя и политическія убѣжденія. И хотя законъ о вѣротерпимости еще не прошелъ, благодаря оппозиціи союзныхъ правительствъ, но не даромъ такъ горячо кельнскій съѣздъ католиковъ декламировалъ о своихъ чувствахъ къ германскому императору, не даромъ такъ много говорилось о защитѣ и укрѣпленіи всяческаго „авторитета":—какъ воскликнулъ въ нѣкоемъ пророческомъ энтузіазмѣ ф. Ортереръ, „Іезуиты придутъ еще въ этомъ году!"

Реусъ.

Политика.

Англо-еврейская автономная колонія въ Восточной Африкѣ.—Министерскій кризисъ въ Англіи.—Венгерскій кризисъ.—Текущія событія.

I.

Въ августѣ этого года собрался шестой конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. На этомъ конгрессѣ снова дебатировался вопросъ объ основаніи еврейскаго государства. Д-ръ Герцль сообщилъ отчетъ о попыткѣ устроить автономную еврейскую колонію на Синайскомъ полуостровѣ. Получивъ согласіе султана, считающагося верховнымъ властителемъ этого полуострова, сіонисты затѣмъ вступили въ переговоры съ дѣйствительными хозяевами намѣченной страны, англичанами, распоряжающимися Синаемъ отъ имени хедива египетскаго. Англичане изъявили согласіе, и было организовано изслѣдованіе полуострова, съ цѣлью уяснить его пригодность для колонизаціи. Изслѣдованія привели къ отрицательнымъ результатамъ: край безводный и для земледѣльческой культуры совершенно не годится. Д-ръ Герцль при этомъ сообщилъ, что англійское правительство склоняется къ мысли предоставить для еврейской колонизаціи мѣсто въ своихъ восточно-африканскихъ владѣніяхъ, именно въ протекторатѣ Уганда, на верховьяхъ Нила.

Эта готовность Англіи основать въ своихъ африканскихъ владѣніяхъ автономную еврейскую колонію получила выраженіе въ письмѣ, адресованномъ, по порученію лорда Ландсдоуна, англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, его чиновникомъ, сэромъ Клементомъ Гиллемъ, Л. Д. Гринбергу, который велъ переговоры отъ имени сіонистовъ, организовавшихъ для этого „Еврейскій колоніальный союзъ". Вотъ это письмо:

Foreign Office, 14 авг. 1903.

„Сэръ, м-ръ Чэмберлэнъ препроводилъ маркизу Ландсдоуну письмо, которое вы ему адресовали 13 прошлаго мѣсяца и которое содержитъ проектъ предлагаемаго д-ромъ Герцлемъ соглашенія между правительствомъ его величества и еврейскимъ колоніальнымъ союзомъ относительно основанія еврейской колоніи въ Восточной Африкѣ. Его лордство имѣлъ также въ виду замѣчанія, сдѣланныя вами при вашемъ объясненіи въ министерствѣ съ сэромъ Э. Баронетомъ и м-ромъ Гёрстомъ 6 сего мѣсяца. Его лордство поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ отнесся къ вопросу со всѣмъ вниманіемъ, которое правительство его величества

посвящаетъ всякой серьезной попыткѣ улучшить положеніе еврейскаго народа. Времени, однако, у его лордства было слишкомъ мало, чтобы можно было войти въ подробности или чтобы обсудить вопросъ съ коммиссаромъ его величества въ протекторатѣ Восточной Африки, а потому онъ, къ большому своему сожалѣнію, не можетъ высказаться по вопросу окончательно (unable to pronounce any definite opinion on the matter). Онъ полагаетъ, что союзъ пожелаетъ послать делегата въ восточно-африканскій протекторатъ, чтобы лично удостовѣриться, есть ли свободная земля, годная для предположенной цѣли. Если да, то маркизъ Ландсдоунъ будетъ радъ оказать всякое содѣйствіе въ переговорахъ съ коммиссаромъ его величества объ осуществленіи видовъ, которые выскажетъ предстоящій конгрессъ сіонистовъ относительно условій, дѣлающихъ возможнымъ основаніе колоніи. Если будетъ найдено подходящее мѣсто, признанное годнымъ и союзомъ, и коммиссаромъ его величества, затѣмъ одобренное правительствомъ его величества, то лордъ Ландсдоунъ въ такомъ случаѣ готовъ начать доброжелательные переговоры объ основаніи еврейской колоніи въ условіяхъ, благопріятствующихъ сохраненію колонистами ихъ національныхъ обычаевъ (their national customs). Послѣ того, какъ подходящее мѣсто будетъ найдено и затѣмъ одобрено управленіемъ Восточной Африки, его лордство готовъ приступить къ обсужденію деталей проекта, заключающаго въ главныхъ чертахъ условія уступки значительной площади земли, назначенія природнаго еврея начальникомъ мѣстной администраціи, допущенія муниципальнаго самоуправленія и свободы въ вопросѣ религіи и чисто домашнихъ дѣлахъ; нѣкоторая мѣстная автономія можетъ быть дарована подъ условіемъ контроля со стороны правительства его величества. Теперь еще нѣтъ надобности обсуждать подробности условій, на которыхъ земля можетъ быть уступлена, путемъ продажи или аренды, но его лордство предупреждаетъ, что правительство его величества не приметъ на себя никакой части расходовъ по администраціи колоніи, и что оно удерживаетъ за собою право взять обратно (to reocenpy) землю, если бы колонія потерпѣла неудачу.

„Примите увѣреніе и пр.

Клементъ Гилль“.

Конгрессъ заслушалъ это письмо и постановилъ большинствомъ 295 голосовъ противъ 177 послать делегатовъ для осмотра британской Восточной Африки и отысканія мѣстности, пригодной для основанія еврейской колоніи. „Русскіе делегаты на конгрессѣ, (т. е. евреи изъ Россіи) пишетъ Times, настаивали на отклоненіи проекта“.

Британская Восточная Африка составляетъ особую обширную территорію, отдѣленную отъ другихъ британскихъ владѣній въ Африкѣ. Омываемая на востокѣ океаномъ, на югѣ она граничитъ

съ нѣмецкими восточно-африканскими владѣніями, на западѣ съ бельгійскимъ Конго, на сѣверѣ съ оккупированною (условно и временно) бельгійцами областью Ладо (бывшая экваторіальная провинція египетскаго Судана), абиссинскими вассальными владѣніями и владѣніями итальянскими. Наибольшая часть страны, именно восточная, отличается знойнымъ и нездоровымъ климатомъ, воинственными обитателями и обиліемъ дикихъ хищныхъ звѣрей. Для европейской колонизаціи она не годится; нѣсколько лучше условія западной части, носящей имя „Протекторатъ Уганда". Это—страна, лежащая между тремя озерами, изъ которыхъ вытекаетъ Нилъ, Викторіей—Ніанцой, Альбертомъ—Ніанцой и Альбертомъ-Эдуардомъ—Ніанцой, и простирается къ сѣверу по долинѣ верховьевъ Нила; край гористый, возвышенный и въ долинахъ обильно орошенный и покрытый превосходнымъ лѣсомъ. Температура колеблется между 12° и 35° тепла въ тѣни, что при переводѣ на градусы Реомюра даетъ minimum около 10° и maximum около 30. Послѣдней температуры достигаетъ иногда іюль и въ Новороссіи, уроженцевъ которой этотъ зной не очень удивитъ. Страна лежитъ на экваторѣ (отъ 1° юж. шир. до 5° с. ш.) и такая относительно умѣренная температура даруется краю его значительнымъ возвышеніемъ надъ уровнемъ моря, при горныхъ хребтахъ, еще болѣе возвышенныхъ. Таковы данныя, говорящія въ пользу Уганды; но есть и оборотная сторона.

Изъ неблагопріятныхъ физическихъ условій надо указать, прежде всего, на обиліе влаги, и почвенной, и атмосферной, а при сырой атмосферѣ зной переносится очень тягостно, такъ что уроженцы Европы врядъ-ли будутъ работоспособны; по крайней мѣрѣ, не всѣ. Далѣе, богатая тропическая фауна должна быть побѣждена прежде, чѣмъ станетъ возможна культура не первобытнаго характера. Львы, леопарды, крокодилы, гіены, шакалы, удавы, ядовитыя змѣи, ядовитыя насѣкомыя—все враги и могучіе истребители жизни, такъ что первыя поколѣнія колонистовъ должны будутъ заплатить горестную кровавую дань этому четвероногому, многоногому и безногому населенію страны. Еще опаснѣе и враждебнѣе культурѣ не плотоядный животный міръ. Слоны, водящіеся въ изобиліи, совершаютъ громадными стадами цѣлыя нашествія на деревни, опустошая сады и огороды, такъ какъ очень любятъ лакомиться фруктами и овощами. Деревья и кустарники ломаются слонами или вырываются съ корнемъ и сады не только обираются, но прямо уничтожаются. Отъ нихъ спасеніе только за крѣпкими изгородями. Менѣе опасны, но за то перелѣзаютъ изгороди многочисленныя обезьяны, тоже опустошающія сады и огороды. Бегемоты и буйволы, здѣсь водящіеся въ огромномъ числѣ, опасны по своей свирѣпости и едва-ли не болѣе уносятъ человѣческихъ жертвъ, чѣмъ хищники, которые за то истребляютъ домашнихъ животныхъ. Прибавьте къ этому

миріады миріадъ насѣкомыхъ, и вы легко сами представите этотъ первобытный міръ, который надо покорить, чтобы сдѣлать возможнымъ культурное развитіе даже самыхъ низкихъ ступеней. Правда, слоновая кость, бегемотовыя кожи, обезьяньи бѣлыя кожи, леопардовы шкуры высоко цѣнятся, и охота на нихъ можетъ дать хорошій доходъ, вмѣстѣ съ тѣмъ очищая страну отъ этихъ безсловесныхъ враговъ культуры. Вкусное мясо бегемотовъ и буйволовъ тоже можетъ содѣйствовать очищенію отъ нихъ страны, а охота за многочисленными здѣсь жираффами, зебрами, антилопами, отгоняя ихъ отъ мѣстъ поселенія, тѣмъ самымъ отдаляетъ отъ этихъ мѣстъ и охотящихся на нихъ хищниковъ... Но для всего этого нужно время и время. Время и время необходимо и для того, чтобы мирныхъ ремесленниковъ и лавочниковъ превратить въ искусныхъ и отважныхъ нимвродовъ.

Едва ли не хуже еще, чѣмъ съ міромъ четвероногимъ и безсловеснымъ, обстоитъ дѣло съ міромъ двуногимъ. Страна имѣетъ, конечно, населеніе, всего свыше одного милліона душъ. Для обширной страны это немного, и мѣста остается еще достаточно; но, во-первыхъ, самыя удобныя мѣста заняты, а во-вторыхъ—и незанятыя земли жители страны считаютъ своимъ отечествомъ и едва ли съ удовольствіемъ увидятъ водвореніе чужеземцевъ.

Собственно Уганда въ тѣсномъ смыслѣ есть негритянское государство на сѣверо-западномъ берегу озера Викторіи-Ніанца. Оно впервые открыто было англійскимъ путешественникомъ Спикомъ въ 1862 году. Затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ его посѣтилъ опять Спикъ вмѣстѣ съ Грантомъ, Лонгъ—въ 1874, Стенли—въ 1875, Линанъ-де-Беллефонъ—въ 1875, Эминъ-паша—въ 1876, Фелькинъ и Вильсонъ—въ 1879. Еще въ 1877 г. въ страну проникли англійскіе протестантскіе миссіонеры, а въ 1879 г. и католическіе. Туземцы оказались воспріимчивыми къ проповѣди, и христіанство стало быстро распространяться. Однако, раздоры, явившіеся послѣдствіемъ обращенія части населенія въ христіанство, и при томъ въ два враждебныхъ другъ-другу вѣроисповѣданія, побудили царя страны, знаменитаго своей жестокостью Мтезу, запретить исповѣданіе христіанства и воздвигнуть гоненіе на обращенныхъ. Тысячами рубились головы, и распространеніе новой религіи пріостановилось. Мтеза умеръ въ 1884 году и сынъ его Мванга продолжалъ гоненія, казнилъ англійскаго епископа Ганнингтона и предоставилъ арабамъ произвести страшную рѣзню среди оставшихся христіанъ. Арабы же въ это время успѣли распространить исламъ среди нѣкоторой части туземцевъ. Мванга, превзошедшій жестокостью даже Мтезу, былъ изгнанъ въ 1888 году возмутившеюся лейбъ-гвардіей послѣ того, какъ отсѣченіе головы гвардейцамъ стало любимымъ зрѣлищемъ царя. Мванга бѣжалъ въ Укумби, гдѣ его пріютили католическіе миссіонеры и въ скоромъ времени окрестили. Между тѣмъ, лейбъ-

партія выбрала царемъ брата Мванги, Киверу, а мусульмане другого его брата, Карему, который одержалъ верхъ и воцарился въ Угандѣ, но и этотъ новый властелинъ свирѣпствовалъ не хуже прежнихъ. Головы подданныхъ, какъ при Мтезѣ и Мвангѣ, катились тысячами къ ногамъ звѣрскаго владыки. Это заставило вспомнить о Мвангѣ, который, при содѣйствіи возставшихъ христіанъ и при помощи европейской экспедиціи Джексона и Петерса, одержалъ надъ Каремомъ двѣ блистательныя побѣды и снова воцарился на тронѣ Уганды. Эта европейская помощь проложила дорогу внѣдренію въ страну европейцевъ и европейскаго вліянія. Въ 1890 году Мванга заключилъ съ представителемъ британской восточно-африканской компаніи, Льюгердомъ, договоръ о союзѣ. Христіанство въ это время снова распространилось, но взаимное соперничество духовенства обоихъ вѣроисповѣданій привело къ жестокому междоусобію. Англійская компанія стала на сторону протестантовъ, усмирила католиковъ и принудила Мвангу перейти въ протестантизмъ и признать потекторатъ компаніи. Это произошло въ 1892 году, но сама компанія скоро оказалась несостоятельною и передала въ 1894 г. протекторатъ англійскому правительству. Англичане вскорѣ ввели туда отряды войскъ и ограничили власть царя. Вслѣдъ за Угандой, таже участь постигла къ сѣверу лежащее королевство Уньоро и къ юго-западу Узогу, а также рядъ мелкихъ княжествъ на западѣ. Одинъ и тотъ же королевскій коммиссаръ (о которомъ упоминалъ Климентъ Гилль въ своемъ письмѣ къ Гринбергу) стоитъ во главѣ всей этой группы вассальныхъ владѣній, а вся эта страна названа Уганда, по имени главной ея составной части. Англичане провели отъ Момбасы на берегу Индійскаго океана желѣзную дорогу къ озеру Викторія-Ніанца и, установивъ относительную безопасность, успѣли за короткое время значительно поднять благосостояніе страны. Туземцы оказались болѣе культуроспособными, чѣмъ другія племена центральной Африки. Изъ ихъ числа: 100 тыс. протестантовъ, 50 тыс. католиковъ и 20 тыс. мусульманъ, взаимно очень враждебныхъ. Между язычниками (800—900 тыс.) находятся племена самой различной ступени: отъ совершенныхъ дикарей до полукультурныхъ массаевъ (полухамитовъ), очень воинственныхъ, но и очень разбойническихъ. Фанатизмъ христіанскаго и мусульманскаго населенія, дикость и разбои языческихъ племенъ,—все это, конечно, не очень благопріятная почва для водворенія еще одного вѣроисповѣданія.

Таковы лицевая и оборотная стороны поднятаго вопроса объ основаніи еврейской колоніи въ центральной Африкѣ. Тягостная это будетъ колонизація, но при энергіи и настойчивости дѣло не кажется безплоднымъ. По крайней мѣрѣ, необходимо болѣе обстоятельное ознакомленіе съ мѣстными условіями, чтобы съ нѣкоторою увѣренностью дать отвѣтъ, тогда какъ для такого от-

вѣта на вопросъ о палестинскихъ проектахъ не было надобности въ какихъ-либо изслѣдованіяхъ. Неосуществимость проекта очевидна. Палестина населена и, при нынѣшнемъ опустошенномъ состояніи ея природы, значительное сгущеніе населенія немыслимо. Невозможно сгущеніе и по причинѣ турецкаго владычества, обусловливающаго безнадежное варварство. Нецѣлесообразно, наконецъ, направлять еврейскую колонизацію въ страну, переполненную христіанскими и мусульманскими святынями. Переселяться, чтобы быть вырѣзанными, конечно, не годится. Уганда же требуетъ точнаго изслѣдованія. Ея колонизація во всякомъ случаѣ не кажется химеричною и недоступною, хотя и сопряжена съ массою трудностей, съ цѣлымъ моремъ человѣческихъ слезъ и крови...

II.

Позволительно, однако, спросить, въ самомъ дѣлѣ необходимо ли это море человѣческихъ страданій, утратъ и кроваваго труда? Дѣйствительно ли нѣтъ для еврея другого исхода, какъ снова брать въ руки свой старый посохъ Аарона и Моисея, снова класть котомку на изстрадавшіяся плечи и снова брести въ невѣдомую даль за невѣдомымъ, но несомнѣннымъ страданіемъ? Я понимаю ту душу, которая, словами двухъ великихъ поэтовъ, „страданіями упитана была, томилась долго и безмолвно". Я понимаю, что „теперь она полна, какъ кубокъ смерти яда полный". Я понимаю, признаю и уважаю и великій гнѣвъ, который переполняетъ эту душу, и твердую благородную рѣшимость найти честный и достойный выходъ изъ нестерпимаго положенія. Я понимаю, признаю и уважаю эти чувства и такъ же думаю, что выходъ изъ этого положенія, нестерпимаго для евреевъ, недостойнаго и постыднаго для христіанъ, долженъ быть найденъ во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣною. Новый Exodus, однако, есть ли этотъ выходъ?

Сколько уже было этихъ Exodus'овъ! Изъ Палестины въ Египетъ, изъ Египта въ Палестину, изъ Палестины въ Вавилонъ, изъ Вавилона въ Палестину, изъ Палестины на южные европейскіе полуострова, изъ Италіи въ Германію, изъ Испаніи въ Англію и Францію, изъ Германіи въ Польшу, Литву и Западную Русь... И опять отсюда въ Уганду? Если оставимъ въ сторонѣ насильственное выселеніе въ Вавилонъ и южную Европу, остальныя иммиграціи были добровольныя, были искомыми выходами изъ тяжелыхъ условій. Что они дали, однако? Послѣ одного Exodus'а другой, третій и т. д. Когда же этому конецъ? Многострадальному Агасѳеру, вѣчному скитальцу по лицу земли, пора сказать себѣ: „довольно я странствовалъ по бѣлу свѣту, гонимый человѣческою неправдою, манимый миражемъ обѣтованной страны; довольно

странствовать! Въ эту землю я погружаю мой страннический посохъ, на этой землѣ складываю свою котомку, здѣсь найду свое отечество и здѣсь, безъ новаго и новаго Exodus'а, сумѣю пріобрѣсти положеніе, достойное человѣка". Не въ скитаніяхъ исходъ, а въ пріобрѣтеніи признанія своихъ человѣческихъ правъ, въ пріобрѣтеніи отечества, не химерической обѣтованной земли съ химерическимъ мессіей, а реальнаго отечества, съ которымъ вмѣстѣ и страдается, и радуется... Это не значитъ складывать оружіе и покоряться неправдѣ. Боже упаси и отъ этого, тоже испытаннаго евреями метода! Не долготерпѣніе, но и не экзодъ, а настойчивая культурная работа въ тѣсномъ единеніи со всѣми культурными элементами страны. Мы переживаемъ очень тягостную и мрачную эпоху, не для однихъ евреевъ тягостную и мрачную, но эпоха вѣдь не вѣчность. За одною эпохою кончается другая. Кончится и современная, воскресившая и у насъ, и въ другихъ странахъ много уже отжившихъ и, казалось, вымершихъ сторонъ быта, грубыхъ, нетерпимыхъ, неразумныхъ, прямо дикихъ и варварскихъ. Но кто же не знаетъ, что это воскресенье лишь на срокъ, а общее теченіе исторіи направляется никакъ не въ эту сторону. Надо только работать въ пользу этого теченія, а не прятаться отъ него въ Угендѣ ли, на Синаѣ ли, въ другихъ ли мѣстахъ...

Новый экзодъ для евреевъ не выходъ изъ тяжелаго положенія и готовитъ новыя страданія, утраты и разочарованія. Онъ еще опаснѣе для покидаемой страны, потому что выселяющіеся евреи уносятъ съ собою и большіе запасы труда, и накопленную многовѣковую культуру, и значительныя знанія, и энергію, и многочисленные таланты и, наконецъ, матеріальное имущество. Все это огромная невознаградимая утрата. Надо помнить, что выселяться могутъ именно по преимуществу тѣ, которые обладаютъ всѣми этими преимуществами и качествами. Остаются же, съ одной стороны, тѣ, которые такъ или иначе уже пріобрѣли здѣсь свое отечество, которымъ уже больно отъ насъ отдѣлиться, которые уже пріобрѣли потребность для него, этого отечества, также многострадальнаго, жить и работать. И такихъ, къ нашему счастью и къ великой чести нашихъ соотечественниковъ-евреевъ, уже не мало. Но, съ другой стороны, кромѣ этихъ культурныхъ верховъ въ средѣ евреевъ, не выселяются по преимуществу слабые, не энергичные, неспособные, нищіе. Не переселяются также и всякіе живущіе отъ недозволенныхъ профессій. Имъ нечего дѣлать ни въ Америкѣ, ни въ Аргентинѣ, ни въ Палестинѣ. Нечего имъ дѣлать будетъ и въ Угандѣ. Они останутся. Словомъ, средній уровень нашихъ евреевъ долженъ будетъ неминуемо понизиться, средній уровень энергіи, даровитости, нравственности, культурности, достатка,—мы все это утрачиваемъ (и уже много утратили, потому что свыше 800 тыс. евреевъ уже

ушло отъ насъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ десятилѣтій) и хотя бы по человѣчеству было утѣшеніе думать, что тѣ ушедшіе устроились лучше и счастливѣе. Въ Америкѣ большинство устроится лучше, но скоро станетъ американцами, а тѣ, которые хотятъ остаться евреями и измышляютъ экзодъ за экзодомъ? Мы видѣли выше, что не цвѣтами ихъ путь усыпанъ... Горе и кровавый трудъ имъ, уходящимъ. Утраты и стыдъ намъ, ими оставляемымъ. Пора подумать объ этомъ обѣимъ сторонамъ. И прежде всего сильнѣйшей, той, которая не умѣетъ отречься отъ предубѣжденій и сознать давно провозглашенную христіанствомъ истину, что нѣсть ни еллинъ, ни іудей передъ лицомъ христіанскаго Бога, а слѣдовательно, и передъ лицомъ христіанскаго народа. Извѣстная терпимость русскаго народа и глубоко гуманныя основы русской образованности порукою, что время этого признанія не за горами и что именно здѣсь, на русской почвѣ, евреи обрѣтутъ свое отечество. Они имѣютъ на это полное и неоспоримое право, потому что они не менѣе другихъ русскихъ племенъ участвовали въ созданіи русской культуры и гражданственности, русской образованности, русскаго матеріальнаго и духовнаго состоянія. Позаботимся же о томъ, чтобы это святое право на свое отечество было открыто и нелицемѣрно признано и за евреями. Пусть Агасееръ воткнетъ свой посохъ въ русскую землю и пусть посохъ этотъ пуститъ корни въ родной землѣ, и покроется цвѣтомъ, и принесетъ плоды, и залѣчитъ раны, и успокоитъ душу, страданіями упитанную, долго и безмолвно томившуюся. Я вѣрю въ это будущее! Знаю, что оно отдѣлено отъ насъ страданіями, враждою, предразсудками, но знаю, что не въ разъединеніи сила и не въ бѣгствѣ побѣда надъ этими страданіями, раздорами и предразсудками. Націонализмомъ называются эти враги человѣчности и не въ созданіи новаго націонализма надо искать побѣды надъ ними. Будемъ ее искать тамъ, гдѣ ее только и находимъ: въ трудѣ, просвѣщеніи, терпимости, въ союзѣ и единеніи. И будемъ вѣрить, что эта разнузданная, потерявшая всякій стыдъ и совѣсть, всякую память и всякое знаніе „улица“ празднуетъ свои послѣднія „игрища“. Будетъ ей еще довольно успѣха и въ будущемъ, такъ какъ человѣчество не очень спѣшитъ просвѣщаться и цивилизоваться, но, повидимому, именно уличному антисемитизму уже недолго инфецировать нашу жизнь. Сами его эксцесы тому порукою.

III.

Интересъ для современной политической жизни представляетъ преобразованіе англійскаго министерства, съ выходомъ изъ него, съ одной стороны, Джозефа Чэмберлэна, а съ другой—его про-

тивниковъ, послѣдовательныхъ фритредеровъ, Ритчи и Гамильтона. Министромъ колоніи вмѣсто Чэмберлэна Бальфуръ избралъ лорда Сельборна, а министромъ финансовъ вмѣсто Ритчи—Аустина Чэмберлэна, брата оставившаго министерство Джозефа. Немного погодя, вышли изъ министерства министръ Шотландіи лордъ Бальфуръ-Берли (не надо смѣшивать его съ Артуромъ Бальфуромъ, министромъ-президентомъ) и Артуръ Элліотъ, товарищъ министра финансовъ, оба сторонники свободной торговли. Положеніе герцога Девоншира еще не выяснилось въ минуту, когда пишутся эти строки. Сначала предполагали, что онъ удовлетворится отставкою Джозефа Чэмберлэна, но четыре отставки противниковъ Чэмберлэна и приглашеніе Аустина Чэмберлэна поколебали это положеніе. Кабинетъ дѣлается во всякомъ случаѣ протекціонистскимъ, хотя болѣе умѣреннымъ, чѣмъ того желалъ Дж. Чэмберлэнъ. При этихъ условіяхъ, фритредеръ герцогъ Девонширъ имѣетъ о чемъ поразмыслить. Онъ отказался опровергнуть слухъ о выходѣ изъ министерства, но не опровергаетъ и прямо противоположнаго слуха. Онъ выжидаетъ, а можетъ быть, ведетъ переговоры, отыскивая modus vivendi. По слухамъ, его желаетъ удержать самъ король, до сихъ поръ еще не утвердившій намѣченныхъ Бальфуромъ назначеній. Несомнѣнно одно, что выходъ Девоншира былъ бы окончательнымъ ударомъ кабинету Бальфура, которому ничего не оставалось бы дѣлать, какъ распустить парламентъ и обратиться къ мнѣнію страны, или выйти въ отставку. Въ послѣднемъ случаѣ, говорятъ о лордѣ Спенсерѣ, либеральномъ лидерѣ въ верхней палатѣ, какъ о возможномъ премьерѣ, потому что съ его премьерствомъ склонны примириться и либералы-имперіалисты, даже самъ гр. Розберри готовъ взять портфель иностранныхъ дѣлъ, тогда какъ если бы премьеромъ былъ призванъ лидеръ въ нижней палатѣ сэръ Баннерманъ-Кемпбель, имперіалисты и Розберри едва ли оказали бы поддержку такому либеральному кабинету, по крайней мѣрѣ, не всѣ имперіалисты.

Съ 1886 года, когда распалась либеральная партія вслѣдствіе оставленія ея рядовъ Девонширомъ, Гошеномъ и Чэмберлэномъ, Англія не переживала такого, не просто министерскаго, а прямо политическаго кризиса, потому что надо признать, что нынѣ совершилось такое же распаденіе консервативной партіи вслѣдствіе выхода изъ нея сторонниковъ свободы торговли. Семнадцать лѣтъ консервативная партія направляла исторію Англіи и за это время финансами управляли три министра, Гошенъ, Гиксъ-Бичъ и Ритчи; нынѣ всѣ трое перешли въ оппозицію. Это показываетъ, какъ радикально мѣняется финансовая политика, если не Англіи (это покажетъ будущее), то ея консервативной партіи. Новая программа Чэмберлэна внесла эту перемѣну и привела къ этому распаденію.

Задача, поставленная новою программою бывшаго министра колоніи, по истинѣ грандіозна, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ по истинѣ чудовищна. До сихъ поръ Англія и ея огромная „имперія“ за всѣми океанами и за всѣми морями, не смотря на эти размѣры и на неистощимые матеріальные рессурсы, всетаки входила въ экономическое общеніе съ остальнымъ міромъ, не только въ качествѣ всемірнаго капиталиста, повсюду отчисляющаго себѣ „прибавочную цѣнность“, но и въ качествѣ простого покупателя иностранныхъ товаровъ, при чемъ уплачивала иностраннымъ капиталистамъ прибыль, иностраннымъ рабочимъ—заработную плату, иностраннымъ землевладѣльцамъ—ренту. Проблемма Чэмберлэна и заключается въ томъ, чтобы второй методъ экономическаго общенія съ другими народами прекратить, а сохранить и развить первый. Наша имперія велика и обильна, говоритъ Чэмберлэнъ, но настоящаго порядка въ ней нѣтъ, потому что мы платимъ чужимъ то, что можемъ платить своимъ. Въ имперіи никогда не заходитъ солнце,—въ имперію входятъ и льды обоихъ полярныхъ поясовъ, и всѣ широты между ними, и всѣ высоты отъ уровня океана до высочайшихъ вершинъ Гималая,—горы, равнины, степи, пустыни, лѣса, болота всѣхъ поясовъ и всѣхъ частей свѣта, всѣ расы и всѣ культуры, и слѣдовательно, и всѣ произведенія природы и человѣка. Имперія, слѣдовательно, можетъ не нуждаться въ произведеніяхъ другихъ странъ и другихъ народовъ. Она все можетъ добыть и произвести у себя. Надо только сумѣть завести необходимые для того порядки. Приблизительно такъ можно формулировать аргументаціи Чэмберлэна. Эта проблемма, а планъ ея достиженія—протекціонизмъ. То обстоятельство, что другія націи придерживаются въ настоящее время тоже протекціонистской финансовой политики и тѣмъ стѣсняютъ англійскую промышленность, является дополнительнымъ доводомъ, но все же самое главное это—мечта создать имперію, не потребляющую ничего чужеземнаго, обходящуюся своимъ собственнымъ достояніемъ, независимую даже въ экономическомъ отношеніи отъ остального земного міра, способную съ успѣхомъ вступить въ борьбу съ этимъ міромъ, имѣть экономическое общеніе съ другими странами и народами лишь для собиранія съ нихъ денегъ въ видѣ прибыли на англійскіе капиталы, готовые къ услугамъ болѣе бѣдныхъ націй. Эта мечта находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми экономическими традиціями и съ британской наукой отъ Адама Смита до нашихъ дней, и съ экономической и финансовой политикой цѣлаго столѣтія. Это было слишкомъ смѣло, и такъ далеко за вождемъ имперіализма англичане еще не рѣшаются идти. Чэмберлэнъ покамѣстъ ушелъ, но ушли и его противники, защитники политики, которая создала нынѣшнее богатство и благосостояніе страны. Ушли они потому, прежде всего, что министръ-прези-

дентъ высказался, послѣ долгихъ колебаній, за протекціонизмъ, хотя гораздо болѣе умѣренный, нежели проповѣдывалъ Чэмберлэнъ, а затѣмъ и потому еще, что мѣсто министра финансовъ предложено Аустину Чэмберлэну, являющемуся какъ бы представителемъ брата. Только послѣ того, какъ соберется парламентъ, можно будетъ сказать, насколько живучи всѣ эти комбинаціи. Англія стоитъ теперь передъ запертыми дверьми и еще не знаетъ своего ближайшаго будущаго, скрытаго за этими дверями. Когда онѣ откроются, а ждать не придется долго, мы вернемся на этихъ страницахъ къ этому жгучему вопросу, интересному не для однихъ англичанъ.

IV.

Изъ текущихъ событій, еще не выяснившихъ своей физіономіи, на первомъ планѣ стоитъ венгерскій правительственный кризисъ. Долгая неоспоримая гегемонія принадлежала мадьярамъ въ имперіи Франца-Іосифа. Они такъ къ этому привыкли, что отказъ императора выдѣлить особую венгерскую армію вызвалъ взрывъ недовольства. Повидимому, наступаетъ нѣкоторое ослабленіе, но положеніе еще вполнѣ не выяснилось, и мы даже не можемъ сказать, начался ли уже или нѣтъ конфликтъ между короною и парламентомъ, который послѣ бурнаго засѣданія сначала отсрочилъ свои собранія до составленія новаго кабинета тѣмъ же Куэнъ-Хедервари, а потомъ, когда Куэнъ представился съ новымъ кабинетомъ, его низвергъ. Кризисъ продолжается.

Въ Сербіи произошли выборы, давшіе подавляющее большинство радикаламъ, но сами радикалы распадаются на двѣ фракціи и неизвѣстно еще, сумѣютъ ли столковаться, а если и столкуются, то могутъ ли и пожелаютъ ли взять на себя отвѣтственность за управленіе страною при томъ военномъ террорѣ, который теперь, повидимому, окончательно восторжествовалъ въ Бѣлградѣ. Политическое положеніе бѣдной страны не представляется блистательнымъ. Новыя и новыя увольненія офицеровъ за сочувствіе нишскимъ протестантамъ противъ убійцъ Александра, Драги, ея братьевъ, министровъ и генераловъ показываютъ глубокій и рѣзкій антагонизмъ въ средѣ арміи и сулятъ всякія опасности, а внѣшнія затрудненія еще болѣе осложняютъ и безъ того сложное и тягостное положеніе. Если Турція нападетъ на Болгарію, Сербіи придется заступиться за свою сосѣдку или потерять всякое будущее на Балканскомъ полуостровѣ, а война, конечно, только подниметъ значеніе арміи, и безъ того вышедшее изъ нормальнаго положенія, и безъ того опасное для мирнаго развитія страны. Не менѣе тяжело и положеніе Болгаріи, которая вынуждена присутствовать при систематическомъ истребленіи болгарскаго населенія Македоніи и Ѳракіи, а надежда на

вмѣшательство державъ, повидимому, изсякла. Русское „Правительственное Сообщеніе“ отъ 11 сентября не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія; приводимъ это сообщеніе:

„Въ предшествующихъ правительственныхъ сообщеніяхъ по македонскому вопросу подробно изложена политическая программа, которая по Высочайшей Волѣ принята Императорскимъ Правительствомъ въ видахъ прекращенія возникшей на Балканскомъ полуостровѣ смуты. Какъ извѣстно, въ силу состоявшагося между Россіей и Австро-Венгріей соглашенія, правительства обѣихъ дружественныхъ монархій въ февралѣ текущаго года предъявили султану выработанный ихъ послами въ Константинополѣ проектъ наиболѣе существенныхъ преобразованій, направленныхъ къ улучшенію быта христіанскаго населенія трехъ турецкихъ провинцій. Одновременно россійскіе и австро-венгерскіе агенты въ Болгаріи и Сербіи получили предписаніе сдѣлать правительствамъ этихъ государствъ соотвѣтственныя представленія. Предпринятые Россіею и Австріею шаги, встрѣтивъ сочувствіе и поддержку со стороны всѣхъ прочихъ державъ, подписавшихъ берлинскій договоръ, на первыхъ порахъ увѣнчались успѣхомъ: оттоманскимъ правительствомъ даны были мѣстнымъ турецкимъ органамъ категорическія приказанія немедленно приступить къ выполненію намѣченныхъ реформъ; въ Софіи и Бѣлградѣ были приняты мѣры къ возможной охранѣ спокойствія и прекращенію политической агитаціи. Однако, такіе результаты не могли удовлетворить образовавшіеся въ славянскихъ государствахъ „македонскіе комитеты“: очевидная вѣроятность успокоенія христіанскаго населенія подъ вліяніемъ начатыхъ преобразованій, которыя по мѣрѣ ихъ примѣненія должны были въ ближайшемъ будущемъ получить болѣе широкое развитіе,—отнимала у комитетовъ благодарную съ ихъ точки зрѣнія почву для осуществленія задуманныхъ ими революціонныхъ плановъ. Выставляя знаменемъ своимъ защиту единовѣрцевъ отъ турецкаго гнета, комитеты эти, въ сущности, добиваются измѣненія, въ своекорыстныхъ видахъ, административнаго строя провинціи, въ смыслѣ образованія изъ нея „Болгарской Македоніи“, въ ущербъ правамъ и преимуществамъ другихъ христіанскихъ народностей, интересы коихъ одинаково дороги православной Россіи. Не находя поддержки своимъ политическимъ планамъ въ средѣ не-болгарскихъ элементовъ Македоніи, вожаки движенія, путемъ жестокостей, насилій и террора, старались вызвать поголовное возстаніе въ странѣ, чтобы воспрепятствовать введенію проектированныхъ реформъ. Къ сожалѣнію, несмотря на первоначально принятыя софійскимъ правительствомъ мѣры предосторожности, македонская агитація затѣмъ получила большое распространеніе въ самомъ княжествѣ болгарскомъ, встрѣчая поддержку со стороны дѣятелей, поддавшихся ложнымъ разсчетамъ на то, что возгорѣвшееся возстаніе вынудитъ Россію

измѣнить свою программу и выступить активно въ защиту несбыточныхъ плановъ руководителей революціоннаго движенія.

Пагубныя заблужденія эти, отъ которыхъ Императорское Правительство неустанно предостерегало софійскій кабинетъ, навлекая тяжкія бѣдствія на христіанское населеніе турецкихъ вилайетовъ, положить предѣлъ которымъ возможно прежде всего путемъ воспрепятствованія какъ переходу новыхъ бандъ изъ княжества въ предѣлы Турціи, такъ и прекращенія революціонной дѣятельности комитетовъ. Лишь тогда явится возможность настоять на немедленномъ примѣненіи реформъ, въ соотвѣтствіи съ насущными потребностями населенія, которое, въ виду усилившейся смуты, крайне трудно предохранить отъ чинимыхъ турками жестокостей, несмотря на самыя энергическія старанія, нынѣ направленныя къ обузданію мусульманскаго фанатизма. Въ изложенномъ смыслѣ Императорскимъ, а также австро-венгерскимъ правительствами сдѣланы вновь категорическія представленія какъ въ Софіи, такъ и въ Константинополѣ. Помимо сего, дабы устранить въ этомъ отношеніи всякій поводъ къ неосновательнымъ разсчетамъ и опаснымъ увлеченіямъ, по предложенію Россіи и Австро-Венгріи, правительства великихъ державъ, подписавшихъ берлинскій договоръ, поручили своимъ представителямъ при Оттоманской Портѣ и въ княжествѣ подтвердить полное единомысліе ихъ съ обоими Монархами въ дѣлѣ умиротворенія Балканскаго полуострова и сдѣлать правительствамъ Турціи и Болгаріи заявленіе въ нижеслѣдующемъ смыслѣ:

Нынѣшнее положеніе дѣлъ въ турецкихъ вилайетахъ, созданное преступными замыслами комитетовъ и революціонныхъ бандъ, ни въ чемъ не измѣняетъ взгляда державъ на программу дѣйствій, выработанную въ началѣ текущаго года двумя наиболѣе заинтересованными правительствами, а посему ни Турція, ни Болгарія не могутъ разсчитывать на поддержку какой-либо державы въ случаѣ открытаго или тайнаго сопротивленія осуществленію этой программы. Императорское Правительство надѣется, что эти новыя предостереженія убѣдятъ какъ Турцію, такъ и Болгарію въ безплодности всякаго уклоненія отъ исполненія предъявленныхъ имъ требованій и заставятъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ подавленію на Балканскомъ полуостровѣ смуты, которая можетъ имѣть для Оттоманской имперіи и княжества болгарскаго лишь самыя тяжелыя послѣдствія".

Рядомъ съ этимъ категорическимъ заявленіемъ со стороны Россіи появились въ газетѣ слухи, что однимъ изъ плодовъ поѣздки императора Вильгельма въ Вѣну было согласіе Австріи „развязать Турціи руки". И султанъ будто бы благодарилъ Вильгельма за эту добрую услугу. Что значитъ „развязать Турціи руки?" Смотрѣть ли равнодушно на рѣзню въ Македоніи? Но, кажется, трудно увеличить это равнодушіе... Или дозволить Турціи

разгромить Болгарію? Но тамъ теперь австро-фильское правительство! Поживемъ и доживемъ до развязанныхъ турецкихъ рукъ. Тогда узнаемъ, въ чемъ состоитъ добрая услуга германскаго императора.

Папа Пій X все еще не выбралъ себѣ статсъ-секретаря и все еще не издалъ энциклику. Онъ все еще остается „невѣдомымъ папой". Загадка отчасти разрѣшается двумя фактами. По восшествіи на престолъ, папа о томъ увѣдомилъ султана непосредственно, тогда какъ до сихъ поръ эти увѣдомленія дѣлались черезъ французскаго посланника въ Константинополѣ. Когда же македонскіе ужасы дали св. коллегіи мысль, чтобы папа обратился по этому вопросу ко всѣмъ христіанскимъ или только ко всѣмъ католическимъ державамъ, Пій X не послѣдовалъ ни тому, ни другому совѣту, но обратился къ одному австрійскому императору, съ просьбою не оставить безъ вниманія страданія македонскихъ христіанъ. Факты эти указываютъ на отдаленіе отъ Франціи и на предпочтеніе тройственнаго союза. Говорятъ (но покуда это только слухи, а не факты), что Пій X склоненъ допустить визитъ императора Франца-Іосифа королю Виктору-Эммануилу въ Римѣ. Это, конечно, будетъ очень значительнымъ нарушеніемъ политики, установленной Піемъ IX и продолженной Львомъ XIII. Нарушеніе будетъ тоже въ пользу или, по крайней мѣрѣ, въ угоду тройственнаго союза.

Въ Норвегіи происходили выборы въ стортингъ и одержала побѣду правая, стоящая за сближеніе съ Швеціей. Теперь уже становится очень вѣроятнымъ, что всѣ вопросы, раздѣлявшіе до сихъ поръ шведовъ и норвержцевъ, будутъ согласованы. Вѣроятно, норвежцы сдѣлаютъ уступку и согласятся на формальное равенство безъ тѣхъ гарантій, которыхъ требовала лѣвая. Худой миръ, во всякомъ случаѣ, лучше доброй ссоры.

Въ Германіи въ Дрезденѣ засѣдалъ партейтагъ (сеймъ партіи) соціалъ-демократовъ. Интереснымъ вопросомъ, который долженъ былъ разрѣшить партейтагъ, былъ вопросъ о вице-президентурѣ въ рейхстагѣ. Будучи теперь второй по численности партіей рейхстага, соціалъ-демократическая партія имѣетъ, по установившемуся обычаю, право на вице-президентское кресло. Требовать ли себѣ это кресло, или принять ли это кресло, если будетъ оно предложено? Бернштейнъ и Фольмаръ стояли за вице-президентуру; Бебель противъ. Рѣшено громаднымъ большинствомъ не требовать и не принимать вице-президентскаго кресла. Дѣло въ томъ, что бюро рейхстага, президентъ съ вице-президентами, представляется императору, а соціалъ-демократы пожелали остаться партіей республиканской.

С. Южаковъ.

Заводскіе будни.

VI.

Если вамъ случалось когда-нибудь спрашивать у заводскаго рабочаго-штучника о его заработкѣ, то онъ, вѣроятно, отвѣчалъ такъ:

— Когда какъ!.. День на день не приходится.

И это правда. У такого рабочаго заработокъ крайне измѣнчивъ. Бываютъ, напримѣръ, такіе скачки: лѣтомъ рабочій получаетъ 70, 80 и даже болѣе рубля въ мѣсяцъ, а зимою съѣзжаетъ на 8—11. Слѣдовательно, сказать что-нибудь положительное о величинѣ его заработка невозможно, ставить же такія широкія рамки, какъ „отъ 8 до 80-ти“, тоже будетъ слишкомъ растяжимо. Вѣрнѣе всего будетъ, если мы возьмемъ среднія цифры, отъ 35 до 60 р. въ мѣсяцъ, при чемъ большинство будетъ получать 40—45 руб.

Неустойчивость заработка зависитъ прежде всего отъ самыхъ условій заводскаго труда. Здѣсь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ, въ которыхъ спеціализаціи труда достигла уже значительныхъ размѣровъ, непримѣнимы твердыя, постоянныя расцѣнки работы. Заводскій рабочій выполняетъ по большей части не одну какую-нибудь строго опредѣленную работу, какъ это имѣетъ мѣсто на фабрикѣ, а различныя работы, требующія, въ зависимости отъ мѣняющихся условій, далеко не одинаковаго каждый разъ напряженія труда и траты рабочаго времени. Учесть эти работы по напередъ составленнымъ расцѣночнымъ таблицамъ крайне трудно. Поэтому, обыкновенно, оцѣнки и дѣлаются для каждой данной работы отдѣльно, „по совокупности обстоятельствъ“. Цѣну работы „пишетъ“ рабочему мастеръ. И, конечно, произволъ мастера играетъ далеко не послѣднюю роль въ колебаніяхъ этой цѣны.

Дѣло происходитъ, примѣрно, такъ. Беру случай изъ дѣйствительности (какъ и вездѣ въ моихъ запискахъ).

Рабочій X. заходитъ въ контору мастера и проситъ работы. Къ его характеристикѣ можно сказать, что, какъ работникъ, онъ хотя и прилежный, но далеко не лучшій, съ мастеромъ не ругается, не споритъ.. словомъ—одинъ изъ самыхъ „благонадежныхъ“. За это и мастеръ его цѣнитъ и всегда даетъ ему въ работу вещи, которыя оплачиваются выгоднѣе. Къ числу такихъ относятся обыкновенно всѣ тѣ, которыя появляются въ заводѣ

въ первый разъ. Такъ случилось и теперь. Подумавъ нѣкоторое время, припомнивъ, какая изъ работъ скорѣе другихъ понадобится, онъ говоритъ рабочему:

— Тамъ, возлѣ конторки, лежитъ станина на заказъ, 1200. Видалъ?

— Видалъ, Егоръ Егорычъ,—отвѣчаетъ рабочій.

— Ну вотъ, ее и возьми. Одну штуку надо. Вотъ кстати и чертежъ.

X. беретъ чертежъ и, помедливъ минутку, дѣлаетъ дипломатическій подходецъ:

— А работка ничего себѣ...

Мастеръ понимаетъ, въ чемъ дѣло, и прямо спрашиваетъ:

— А сколько бы, ты думалъ, я дамъ за нее?

— Да что толковать, я знаю, что вы меня не обидите...

— А однако жъ?

Рабочій на минуту задумывается, а потомъ говоритъ заискивающимъ тономъ:

— Да рублей 25 надо дать, Егоръ Егорычъ.

— Ого! Ты, братъ, ужъ черезъ-чуръ хватилъ. А я думаю, больше 15 руб. за нее никакъ нельзя дать!

— Что вы, Егоръ Егорычъ! Посудите сами: вѣдь ее за двѣ-то недѣли, дай Богъ чтобы окончить.

Поторговавшись немного, рабочій соглашается дѣлать за 17 р.

Черезъ мѣсяцъ поступаетъ другая, точно такая же станина, и на этотъ разъ вмѣсто X. она попадаетъ въ руки Z. По нѣкоторымъ причинамъ мастеръ рѣшилъ сдѣлать сбавку и вмѣсто 17 руб. предлагаетъ за работу только 10. Не зная прежней цѣны, Z. соглашается, но черезъ нѣсколько времени, узнавъ, что ему сбавили цѣлыхъ 7 руб., начинаетъ роптать. Къ нему присоединяются еще нѣсколько человѣкъ, которые тоже имѣли претензіи на этотъ счетъ, и вмѣстѣ рѣшаютъ идти жаловаться директору.

Директоръ вполнѣ согласился съ ихъ доводами, что такія сбавки неправильны, и, чтобы положить конецъ подобнымъ злоупотребленіямъ, рѣшилъ послать къ нимъ техника съ расцѣночной таблицей французскихъ заводовъ.

Вотъ техникъ и пошелъ измѣрять на кв. дюймы всѣ поверхности издѣлій, чтобы платить за обработку на токарномъ станкѣ 11,36 коп., на строгальномъ 10,48 коп. за одинъ квадратный дюймъ и т. д.*).

Проходитъ мѣсяцъ—среди рабочихъ опять ропотъ:

— Чортъ его знаетъ, что оно такое?—разсуждаетъ одинъ:—тутъ нужно снять стружку, почитай, въ полтора дюйма и пла-

*) Цифры беру примѣрныя: въ данномъ случаѣ онѣ не имѣютъ значенія.

тятъ два съ полтиной, а тамъ въ одну осьмушку—и тоже два съ полтиной.

— Клади, значитъ, въ кучу, послѣ разберемъ! — иронизируетъ другой.

— А я вчера, — говоритъ третій, — цѣлый день провозился, пока установилъ свою штуку на станокъ... По ихнему, значитъ, мнѣ и получать за этотъ день не надо...

Опять вышла исторія, и директоръ рѣшилъ вернуться къ старому: отправилъ техника въ контору, а на его мѣсто оставилъ прежняго мастера. И попрежнему усмотрѣніе мастера опредѣляло размѣры заработка рабочаго.

Въ приведенномъ случаѣ дѣло шло объ оцѣнкѣ работъ, поручаемыхъ отдѣльнымъ рабочимъ. Но на большей части заводовъ существуетъ, кромѣ того, и работа „партійная“: выдѣлка того или другого предмета, когда для этого требуется совокупный трудъ нѣсколькихъ рабочихъ, передается цѣлой „бригадѣ“, на отрядъ. Оцѣнивается вся сданная работа цѣликомъ, и затѣмъ общій заработокъ распредѣляется между членами партіи. Иногда и одиночки соединяются для выполненія извѣстной работы въ „пары“.

Расцѣнка труда при партійной работѣ нѣсколько сложнѣе, чѣмъ при одиночной; вмѣстѣ съ тѣмъ и для произвола мастера открываетъ она еще большій просторъ, такъ какъ не только опредѣленіе цѣны той или иной работы, но и составъ партіи зависятъ отъ его усмотрѣнія. Предѣлы колебаній заработка того или иного рабочаго, въ зависимости отъ этого, раздвигаются еще шире.

Самая техника оплаты труда рабочихъ-штучниковъ на заводахъ такова. Каждому рабочему, не смотря на задѣльную работу, назначается еще поденное или „цеховое“ жалованье. Опредѣляетъ его мастеръ. Цеховое жалованье уплачивается, обыкновенно, 15 числа, а въ концѣ мѣсяца дѣлается разсчетъ всего задѣльнаго заработка. Такимъ образомъ, съ одной стороны, удовлетворяется требованіе закона о выдачѣ заработной платы не менѣе два разъ въ мѣсяцъ, а съ другой—заводская администрація избавляется отъ необходимости два раза въ мѣсяцъ производить сложный учетъ всѣхъ сдѣльныхъ работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уплачивая за первую половину мѣсяца, въ видѣ цехового жалованья, только *часть* выработанныхъ рабочимъ денегъ и отодвигая къ концу мѣсяца оплату полной стоимости работы,—заводъ соблюдаетъ и собственную выгоду. И чѣмъ ниже норма цехового жалованья, тѣмъ эта выгода значительнѣе.

При окончательномъ разсчетѣ весь заработокъ партіи дѣлится пропорціонально цеховому жалованью.

Предположимъ, что партія изъ 5 человѣкъ, при равномъ количествѣ рабочихъ дней у каждаго, исполнила работу на 200 р.; положимъ далѣе, что одинъ рабочій въ партіи получаетъ цехового

1 р. 50 к. въ день, другой—1 р. 30 к. и т. д. Тогда для того. чтобы вычислить сумму заработка каждаго рабочаго, намъ нужно только 200 руб. раздѣлить на пять частей, пропорціонально отношенію цеховой платы: 1 р. 50 к., 1 р. 30 к. и т. д.

Но вѣдь рѣдко бываетъ, чтобы у всѣхъ было поровну рабочихъ дней, обыкновенно бываютъ прогулы, опозданія и т. п.; при такомъ условіи дѣлить пропорціонально одному цеховому было бы несправедливо; необходимо принимать во вниманіе количество рабочихъ дней каждаго рабочаго въ отдѣльности. Дѣленіе дѣлается нѣсколько труднѣй. Попробуемъ, во всякомъ случаѣ:

Предположимъ вы взялись работать съ кѣмъ-нибудь „на пару", ну, хотя бы со мной. Цеховое жалованье у васъ 1 р. 30 к., а у меня 1 р. (видите, какой я скромный). У васъ сдѣлано 25 дней, а у меня $23^1/_2$ (лодарь, каюсь).

Всего заработали мы за мѣсяцъ 78 рублей, а получили въ цеховую получку (поденное до 15-го числа) вы—15 р. 60 к. (за 12 дней по 1 р. 30 к.) и я—11 р. 50 к.

По скольку же намъ придется получить въ штучную получку?

Узнаемъ, чему равно мѣсячное цеховое каждаго изъ насъ:

1 р. 30 к.×25 =32 р. 50 к.
1 „ — „ ×$23^1/_2$=23 „ 50 „

Итого . . 56 р. 00 к.

Теперь узнаемъ, сколько мы заработали на 1 рубль сверхъ цехового:

78 р.—56 р.=22 р.
22 00: 56 =3 9,28 *).

Выработали, значитъ, 39,28 коп. на рубль. Эта-то цифра и называется у мастеровыхъ „процентомъ". Сколько же придется на долю каждаго изъ насъ?

39,28 к.×32,50=12 р. 76 к.

это вамъ, а мнѣ

39,28 к.×23,50=9 р. 23 к.

Провѣримъ.

32 р. 50 к.+12 р. 76к.=45 р. 26 к. (вашъ мѣсячный заработокъ) да еще 23 р. 50 к.+9 руб. 23 к.=32 р. 73 к. (величина моего заработка); всего получится 78 р., т. е. нашъ дѣйствительный задѣльный заработокъ (вѣрнѣе, получится 77 р. 99 к., 1 коп прибавляется тому или иному, смотря по величинѣ дроби).

*) X : 100=22 : 56.

Я знаю, что вычисленіе % заработка сдѣлано немного неправильно, т. е. не такъ, какъ учитъ ариѳметика, но у рабочихъ % называется только тотъ *излишекъ, который остается сверхъ всего цехового.*

Выработать 100% это не значитъ, отработать только цеховое, но сверхъ того заработать еще ровно столько же.

Такимъ образомъ, имѣть большое цеховое жалованье при партійной работѣ вдвое выгоднѣе. Этимъ и пользуются мастера для оплаты труда лучшихъ работниковъ. Предположимъ такъ. Появилась какая-нибудь новая работа, которую необходимо производить партіей (напримѣръ, сборка станковъ или отливка цилиндровъ). Для этого мастеръ выбираетъ лучшаго работника, назначаетъ ему большое поденное жалованье и даетъ ему еще нѣсколько человѣкъ. Иногда эти рабочіе называются „подручными“. Этому лучшему работнику („старшо́й“) кладется цеховое 2 р., а остальнымъ 1 р. 50 к., 1 р. 40 к. и т. д. Тогда, очевидно, на долю „старшо́го“ придется больше, чѣмъ на долю другихъ. Для примѣра возьмемъ такую партію. Состоитъ она изъ 7 человѣкъ; сдѣланные каждымъ рабочіе дни и цеховое жалованье таковы:

	Плата въ день.	Число рабоч. дней.	За мѣсяцъ.
1)	2 р. — к.	24	48.00 р.
2)	1 » 50 »	$24^1/_2$	36.75 »
3)	1 » 40 »	25	35.20 »
4)	1 » 20 »	19	22.80 »
5)	1 » 10 »	24	26.40 »
6)	— » 80 »	25	18.40 »
7)	— » 85 »	25	21.25 »

Итого цехового въ мѣсяцъ 208.80 р.

Предположимъ, что выработано задѣльно 400 р.
Узнаемъ, какой процентъ выработала партія.

$$X : 100 = 400.00 : 208.80 = 191.570 \text{ *)}.$$

Перемноживъ полученную цифру на мѣсячное цеховое жалованье каждаго, получимъ: 1) 91 р. 95 к., 2) 70 р. 40 к., 3) 67 р. 43 и т. д.

Обратите вниманіе, какое сильное колебаніе заработка вызываетъ собою разница въ 50 коп. въ цеховомъ жалованьи перваго и второго рабочаго, хотя у второго было даже на $^1/_2$ дня больше.

Взятые мною для примѣра цеховыя расцѣнки могутъ до нѣкоторой степени свидѣтельствовать, что знанія рабочихъ оплачивались болѣе или менѣе правильно, такъ какъ есть жалованье и въ 1 р. 50, и въ 1 р. 40, и даже въ 80 — 85 коп. На самомъ

*) Для упрощенія высчитываю %%, не выключая изъ заработка суммы цехового: съ точки зрѣнія рабочаго здѣсь будетъ только 91%, а не 191.

дѣлѣ такія партіи встрѣчаются очень рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ старшому кладется 2 р., а всѣмъ остальнымъ отъ 1 р. 30 к. до 60 коп. Такимъ образомъ, львиная доля заработка приходится старшому и другимъ рабочимъ (часто любимцамъ мастера), имѣющимъ высокое цеховое жалованье. Помню даже такую партію. Старшой получалъ 2 р. 25 к., а трое подручныхъ 1 р., 80 к. и 60 коп. Старшой, такимъ образомъ, зарабатывалъ столько же сколько всѣ трое его подручныхъ, взятые вмѣстѣ, хотя знанія его, ни въ какомъ случаѣ не могли цѣнится въ три раза дороже, чѣмъ знанія каждаго подручнаго. Поэтому-то, читатель, если мастеровой начнетъ при васъ хвалиться, что зарабатываетъ больше 100 руб. въ мѣсяцъ, то прежде всего спросите: въ партіи ли онъ работаетъ, или въ одиночку. Если въ партіи, то дѣло понятно: вмѣстѣ съ нимъ, значитъ, работаютъ еще 10—15 человѣкъ, которые получаютъ только по 30 руб.

Мы видимъ, что при партійной работѣ заработокъ отдѣльнаго рабочаго существенно зависитъ отъ высоты его цехового жалованія. Для одиночки это не имѣетъ большого значенія: то, что ему недоплачено въ цеховомъ, онъ все равно получитъ въ концѣ мѣсяца при окончательной оцѣнкѣ выполненной работы. Но разъ рабочій поступилъ въ партію, относительная величина цеховой платы опредѣляетъ и долю его въ общей выработкѣ. Низкое цеховое жалованіе ему становится вдвойнѣ невыгоднымъ. Но, съ другой стороны, назначеніе высокихъ цифръ цехового жалованья не въ интересахъ завода. Поэтому на нѣкоторыхъ заводахъ, чтобы найти способъ оцѣнить способности каждаго рабочаго безъ ущерба для завода, придумали т. н. *раскладку*. Въ общемъ это почти то же самое, что и цеховое жалованье; разница лишь въ томъ, что цеховое жалованіе—есть дѣйствительно жалованье: его можно получать, пропивать, и дѣлать изъ него все, что хочешь; раскладка же представляетъ собою отвлеченныя цифры, выражаемыя въ рубляхъ и копѣйкахъ, которые точно также назначаются каждому рабочему партіи, но ихъ, однако, не выдаютъ, а только пропорціонально имъ дѣлятъ весь заработокъ такъ же, какъ и при цеховомъ.

Раскладка доходитъ до 2-хъ рублей, тогда какъ цеховое жалованье въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ выше 1 р. 50 коп., а чаще всего колеблется между 80 коп. и 1 р. 30 коп. для вполнѣ опытнаго мастерового. Если принять во вниманіе, что заводъ отнюдь не обязанъ *постоянно* давать работу задѣльно, но можетъ заставить по такой же цѣнѣ работать и поденно,—то эти цифры нельзя не признать въ достаточной мѣрѣ скромными.

Мы говорили выше, что назначеніе цехового жалованія, въ размѣрѣ, не покрывающемъ *всей* стоимости двухнедѣльной работы штучника, выгодно для завода уже тѣмъ, что въ кассѣ его удерживается нѣкоторое время довольно значительная сумма. Но,

кромѣ того, низкія цеховыя нормы представляютъ для завода и другія удобства. Такъ, въ случаѣ болѣзни рабочаго, временно потерявшаго способность къ труду, заводъ обязанъ уплачивать ему отъ $^1/_2$ до $^1/_3$ заработка, и разсчитывается этотъ заработокъ по цеховому жалованью рабочаго, а не по всей его получкѣ. Точно то же имѣетъ мѣсто и въ случаѣ увольненія рабочаго до срока, безъ предупрежденія объ этомъ за 2 недѣли. И здѣсь заводоуправленіе, удовлетворяя претензію рабочаго (по большей части только тогда, когда его вынудитъ къ этому судебный приговоръ), разсчитываетъ его не по среднему заработку, а по нормѣ цехового жалованья. Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что въ одномъ случаѣ низкое цеховое жалованье идетъ на пользу и рабочимъ. Это именно—при наложеніи на нихъ штрафовъ, за прогульные дни, въ размѣрѣ цеховой платы за день. И нерѣдко приходится слышать, какъ мастеръ въ отвѣтъ на сѣтованіе о маломъ цеховомъ жалованьи усовѣщиваетъ рабочаго:

— Эхъ, дуракъ! Для тебя же лучше. Штрафу меньше платить!

VII.

Однимъ изъ недостатковъ системы задѣльной платы выставляется обыкновенно, что при этой системѣ желаніе заработать побольше побуждаетъ рабочаго напрягать свой трудъ свыше нормы, нерѣдко даже съ ущербомъ для своего организма. Но за то размѣры заработка рабочаго до извѣстной степени зависятъ отъ него самого, отъ степени его умѣлости и усердія къ работѣ.

Бываютъ, однако, такія положенія, при которыхъ результатамъ этого усердія рабочаго ставится рѣзкая граница: сколько ни работаетъ штучникъ, границы этой ему всетаки не перейти. И при всемъ томъ работать приходится много. Это именно имѣетъ мѣсто при системѣ, такъ называемыхъ, „ограниченныхъ процентовъ“ выработки, принятой на многихъ казенныхъ заводахъ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Приведу примѣръ.

Была, а быть можетъ, и посейчасъ еще существуетъ въ г. Москвѣ обозная мастерская. Управлялъ ею нѣкій полковникъ, у котораго была довольно странная привычка оцѣнять каждаго рабочаго 30-ю рублями въ мѣсяцъ. Бывало, поступитъ человѣкъ, возьметъ работу и давай стараться. Цѣна была не совсѣмъ сбита и можно было заработать рублей 50. Но вотъ, въ концѣ мѣсяца, взглянетъ полковникъ на работу, подсчитаетъ стоимость ея, и если сдѣлано на сумму болѣе 30 руб., то остатки возьметъ и забракуетъ, а то такъ и просто сбавитъ расцѣнку. Видитъ рабочій, что больше 30 рублей нельзя вырабатывать, и думаетъ про себя: а что если я заработаю меньше 30, дадутъ тогда мнѣ ровно 30?

На слѣдующій мѣсяцъ начинаетъ работать „совсѣмъ не торопясь“. И что же? Въ концѣ мѣсяца всетаки оказывается ровно 30 р. На томъ и рѣшили рабочіе этой мастерской—работали „съ прохладцей“ и получали по 30 рублей.

Такой же приблизительно системы придерживаются и мастерскія съ ограниченнымъ процентомъ выработки. И здѣсь порѣшили, что рабочій не можетъ и не долженъ зарабатывать болѣе извѣстнаго, назначеннаго процента своего цехового жалованья. А если, паче чаянія, это случится, то надо, значитъ, понизить расцѣнки („чтобы было ровно 30!“). Такъ, если предѣльнымъ размѣромъ процентовъ назначено 50,—то рабочій, получающій цеховое въ 1 р., не можетъ получить за день болѣе 1 р. 50 к.; если ему удастся выработать 2 р., то 50 коп., какъ „излишекъ“, должны быть удержаны въ пользу завода.

Но рабочіе съ такимъ ограниченіемъ заработка, само собою разумѣется, примириться не могутъ и, чтобы парализовать его, принимаютъ свои мѣры. Такъ, если я за день могу заработать 1 р. 50 к., а нужно мнѣ 2 руб., то, чтобы получить ихъ, мнѣ остается только „нагнать время“, т. е. просидѣть за данной работой не ровно рабочій день, а больше, допустимъ $1^1/_4$ дня. Тогда цеховое будетъ больше—не 1 р., а 1 р. 25 к. и въ суммѣ за такой рабочій день я получу не 1 р. 50 к., а 1 р. $87^1/_2$ к.; остальные $12^1/_2$ к. мнѣ придется насиживать уже на слѣдующій вечеръ. Въ этихъ случаяхъ нѣкоторую услугу можетъ оказать и законъ о сверхъурочномъ времени: за $^1/_4$ дня пойдутъ 2 часа вмѣсто $2^1/_2$. Такъ и идетъ эта борьба обѣихъ сторонъ.

Иногда несоотвѣтствіе между дѣйствительнымъ и „предѣльнымъ“ заработкомъ рабочаго оказывается настолько рѣзкимъ, что даже сами мастера (которыхъ трудно заподозрить въ какой-нибудь солидарности съ рабочими), затрудняются отсѣкать „излишки“ и присчитываютъ ихъ къ выработкѣ слѣдующаго мѣсяца. На одномъ крупномъ судостроительномъ заводѣ въ Петербургѣ принята была нѣсколько иная система. Здѣсь сама контора удерживала заработокъ сверхъ 70% цехового жалованья, и если на слѣдующій мѣсяцъ рабочему причитался процентъ меньшій 70, то ему дѣлалась добавка отъ удержанія предыдущаго мѣсяца. И здѣсь, однако, рабочимъ приходилось неизбѣжно „нагонять“ время, чтобы выработать достаточно для сколько-нибудь споснаго существованія.

Вообще, среди рабочихъ система „ограниченнаго процента“ пользуется большимъ нерасположеніемъ, но она держится, благодаря тому, что у заводской администраціи—не той, которая выходитъ на работу въ 6—7 ч. утра и живетъ въ мастерской, а у той, которая сидитъ въ конторѣ—выработался свой совершенно самостоятельный взглядъ на оцѣнку труда,—какъ у того полковника въ обозной мастерской. И вотъ, она приказываетъ мастерамъ,

чтобъ цеховое жалованье рабочимъ отнюдь не превышало извѣстной суммы, положимъ, 1 р. 30 к., а для того, чтобы заинтересовать рабочаго, то черезъ каждые три года можно набавлять ему по 5 коп.

Отсюда ясно, что если, напримѣръ, мнѣ, здоровому и опытному рабочему, положатъ 50 коп. въ день, то я безусловно долженъ заработать, по крайней мѣрѣ, втрое больше, а тутъ-то и накидывается узда: „постой, молъ, не торопись, все равно больше 75 коп. за одинъ день не дадимъ, а прослужишь у насъ лѣтъ 30, тогда можешь получать и 2 р. 50 к.“.

Но, подумавши, я долженъ отвѣтить, что нѣтъ, молъ. Черезъ 30 лѣтъ у меня и силы-то не хватитъ выработать на вашихъ расцѣнкахъ два съ полтиной, а теперь остается только ночи да вечера проводить въ заводѣ.

Такъ вотъ отчего *приходится* „работать, не изнуряя себя“.

Сбиваетъ цѣны на рабочій трудъ и конкурренція между самими рабочими. По мѣрѣ того, какъ увеличивается спеціализація заводскихъ работъ, конкуррентами „мастеровыхъ“ являются, съ одной стороны, ученики, а съ другой — чернорабочіе. Конкурренція учениковъ недавнее еще явленіе. Въ прежніе годы, хотя работа малолѣтнихъ и не была ограничена закономъ, но тогда они исполняли точно такія же обязанности, какъ теперь ученики ремесленныхъ мастерскихъ. Разумѣется, тогда не могла имѣть мѣста подобная конкурренція, такъ какъ до работы ученики не допускались чуть не до 18 лѣтъ, а все время служили на побѣгушкахъ. Кромѣ того, не было и работы такой, на которой можно было спеціализироваться. Теперь же, когда всякій ученикъ поступаетъ на заводъ грамотнымъ, и съ первыхъ же дней ему даютъ хотя простую, но вполнѣ самостоятельную работу,—онъ скоро привыкаетъ къ ней, и если до него надъ тою же работою работалъ взрослый работникъ, то старую цѣну сейчасъ же сбавляютъ. Ученикъ, конечно, старается выработать какъ можно больше, напрягаетъ всѣ свои силы и, наконецъ-таки, достигаетъ того, что при уменьшенной цѣнѣ онъ вырабатываетъ столько же, сколько зарабатывали до него. Но мастеръ и здѣсь найдетъ ненормальность и опять сбавитъ цѣну; ученикъ начнетъ стараться еще сильнѣе. Тамъ опять сбавка... и такъ до тѣхъ поръ, пока мастеръ не найдетъ самый напряженный трудъ и оцѣнитъ его по своему воззрѣнію. Естественно, что если такая работа послѣ ученика попадетъ въ руки прежняго работника, то теперь онъ не заработаетъ на ней даже половины того, что зарабатывалъ раньше, а цѣну обыкновенно мастеръ никогда не повышаетъ.

Другими конкуррентами мастеровыхъ являются чернорабочіе, когда всякими правдами и неправдами имъ удается выдвинуться въ глазахъ мастера и получить самостоятельную работу. Какъ примѣръ, могу разсказать такой случай.

На маленькомъ заводѣ въ Петербургѣ, въ литейной былъ полученъ заказъ на рифленныя половыя плиты, вѣсомъ въ 8 пудовъ. Требовалось лить „безъ перекрышки" *) Эта работа была выдана литейщику, по цѣнѣ 40 коп. за штуку. Для успѣшности дѣла онъ взялъ себѣ въ подручные чернорабочаго. Вдвоемъ отливали они 10 штукъ въ день. Но вотъ литейщикъ былъ переведенъ на другую работу. Мастеръ предложилъ чернорабочему одному продолжать работу, но уже по цѣнѣ 35 коп. за штуку. Не знаю, сколько началъ вырабатывать этотъ рабочій одинъ, но только въ одно прекрасное время не явился онъ на работу три дня сряду. Очевидно, загулялъ.

Впрочемъ, оно и было отчего. Нужно сказать, что на томъ заводѣ литейная работа была обставлена очень плохо. Вода находилась на дворѣ, въ колодезѣ, а для поливки земли нужно было принести ведеръ двадцать, да еще зимою. Во время же отливки нужно перетаскать на рукахъ и вылить пудовъ 60—70 чугуна (крана не было). Жара отъ неприкрытыхъ формъ залитыхъ чугуномъ дѣлала эту работу еще тяжелѣе.

Но какъ бы то ни было,—прогулялъ три дня. На четвертый выходитъ на работу.

— Ты что пришелъ?—обращается къ нему мастеръ.

Рабочій виновато поглядываетъ и проситъ „прощенія".

— Э-э, братецъ мой! Не нужно, не нужно. Поди лучше еще погуляй!

Рабочій на колѣни. Божится, клянется, что никогда больше минуты не прогуляетъ.

— Ну, ладно,—говоритъ мастеръ,—хочешь работать—бери по четвертаку, а не хочешь—за ворота!

Рабочій съ радостью соглашается и принимается за работу съ удвоенной энергіей.

Я отнюдь не думаю осуждать поступокъ этого чернорабочаго, такъ какъ для всѣхъ понятно, что если для „настоящаго" мастерового зима является самымъ тяжелымъ, въ смыслѣ заработка, временемъ года, то для простого рабочаго потерять мѣсто зимой это буквально идти на улицу. Набивъ руку, какъ говорятъ мастеровые, на одной и той же работѣ, онъ все же не литейщикъ; временное исполненіе какой-нибудь работы еще не сдѣлало его „мастеровымъ".

Замѣнить мастерового чернорабочимъ можно только въ однообразныхъ, простыхъ операціяхъ. Поэтому въ тѣхъ цехахъ, гдѣ это допускается характеромъ работы, заводская администрація старается достигнуть возможно большаго раздѣленія труда, съ тѣмъ, чтобы, выдѣливъ простѣйшія части работы, передать ихъ дешевле оплачиваемымъ чернорабочимъ. До сихъ поръ еще, однако, въ

---

*) Терминъ.

заводскомъ дѣлѣ спеціализація труда примѣнима только въ отдѣльныхъ случаяхъ; заводъ въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ фабрики. Поэтому и вытѣсненіе мастерового чернорабочимъ не могло получить характера широко распространеннаго факта. Пока существуетъ въ той или въ другой мастерской однообразная работа, мастеръ имѣетъ возможность ставить чернорабочаго вмѣсто настоящаго мастерового и сбивать цѣну труда этого послѣдняго. Но какъ только такая работа кончается, снова чернорабочіе идутъ „подъ ковши", на 70 коп. въ день...

Сбиваютъ расцѣнки и сами рабочіе. Бываетъ нерѣдко такъ. Дадутъ какому-нибудь рабочему работу по той цѣнѣ, по какой она ранѣе ходила. Цѣна эта настолько хороша, что рабочій можетъ при не особенно напряженномъ трудѣ получить въ день, положимъ, 2 р. 50 к. Но онъ не довольствуется такимъ жалованьемъ и направляетъ всѣ усилія, чтобы выработать 3, 4, 5 р. Мѣсяцъ, другой ему дадутъ пользоваться этимъ заработкомъ, но потомъ возьмутъ и сбавятъ, такъ, чтобы вмѣсто 4 руб. пришлось опять получить 2 р. 50 к., но уже при гораздо болѣе напряженномъ трудѣ. Излишнее усердіе не всегда бываетъ къ пользѣ..

Заканчивая эти отрывочныя замѣтки о заработной платѣ заводскихъ рабочихъ, я могу повторить то же, съ чего ихъ началъ. Заработокъ рабочаго находится въ полной зависимости отъ произвола мастера. Мастеръ можетъ назначить рабочему то или другое цеховое жалованье, можетъ опредѣлить его въ ту или иную партію, сдѣлать въ ней „старшимъ" или подручнымъ.

Я знаю, что есть болѣе глубокія, общія причины, которыми опредѣляются *среднія* размѣры заработка рабочихъ, не зависящія отъ тѣхъ или иныхъ распорядителей работы. Но каждый отдѣльный рабочій получаетъ не эту „среднюю" плату, а то больше, то много меньше ея. И вотъ въ этихъ то колебаніяхъ—которыя чувствительно отражаются и на его желудкѣ, и на всемъ обиходѣ его жизни—рабочій всего сильнѣе и непосредственнѣе ощущаетъ давленіе ближе всѣхъ стоящаго къ нему винта заводскаго механизма,—полновластно распоряжающагося въ его мастерской мастера.

VIII.

Не всегда рабочій получаетъ свою плату полностью, велика ли она, или мала,—такъ какъ приходится ему порой подвергаться и вычетамъ изъ этой платы. Такихъ вычетовъ много. Первое мѣсто между ними занимаютъ, конечно, разные штрафы. Но о штрафахъ съ рабочихъ говорилось уже очень много. Поэтому я не буду на нихъ останавливаться, а коснусь нѣкоторыхъ другихъ вычетовъ изъ получки рабочихъ. Рабочему приходится тратиться и на подарки начальству, и на помощь своему брату въ бѣдѣ.

Разскажу, напримѣръ, такой случай.

Какъ-то разъ у насъ на заводѣ по всѣмъ мастерскимъ были расклеены объявленія, что панихида по умершемъ Ив. Ив. Циркулевѣ будетъ отслужена въ заводской часовнѣ такого-то числа въ $11^1/_2$ часовъ дня, а потому гудокъ на обѣдъ будетъ данъ получасомъ ранѣе.

Противъ этого рабочіе, конечно, не имѣли ничего. Но для всѣхъ оставалось загадкой, кто же такой этотъ самый Циркулевъ? Думали, думали, такъ ничего и не надумали. Наконецъ, одинъ рабочій догадался:

— Стой, братцы! Если умеръ, то, значитъ, сейчасъ мальчишка изъ конторы на вѣнокъ будетъ собирать. У него и узнаемъ.

И, дѣйствительно, вскорѣ изъ конторы мастерской вышелъ мальчикъ съ листомъ бумаги и карандашемъ въ рукахъ.

Мы тотчасъ же обступили его.

— Что хочешь писать?—спросилъ одинъ.

- Желающихъ подписаться на вѣнокъ Ив. Ив. Циркулеву,— отвѣтилъ мальчикъ.—Ну, кто сколько жертвуетъ?

— Да ты постой, не торопись. Скажи прежде, кто онъ такой, этотъ самый Циркулевъ? Отставной мастеръ, что-ли?

— А я почемъ знаю? Велѣлъ мастеръ подписку собрать, а больше ничего не сказалъ.

— А самъ онъ знаетъ его?

— Нѣтъ, кажется, и онъ не знаетъ. Иванъ Василичъ, нашъ конторщикъ, у него спрашивалъ; сказалъ: „не знаю".

— Такъ что жъ мы будемъ писать, если сами не знаемъ кому. Я ничего не записываю.

— Я тоже, я тоже... — раздалось нѣсколько голосовъ, и мы разошлись.

Походилъ себѣ мальчикъ по мастерской, видитъ, что никто не пишетъ, и вернулся опять въ контору.

Черезъ нѣсколько времени выходитъ тотъ же мальчикъ и начинаетъ прибивать къ дверямъ какое-то объявленіе. Мы подходимъ опять и читаемъ:

„Вслѣдствіе кончины Ив. Ив. Циркулева, администрація N—скаго завода сочла нужнымъ объявить мастеровымъ и рабочимъ N—ской мастерской, что деньги для покупки вѣнка будутъ высчитаны въ первую получку по 5 коп. съ каждаго рабочаго.

„Подписка эта добровольная, и потому не желающіе принять въ ней участіе могутъ заявить объ этомъ въ конторѣ мастерской.

Мастеръ Зубиловъ."

— А ловко!—проговорилъ одинъ рабочій.

— Что говорить!

— Поди, значитъ, заяви! А что заяви, неизвѣстно: разсчетъ ли себѣ или про вычетъ.

— Заяви только про вычетъ, а ужъ разсчетъ само собой выдадутъ...

Не знаю, какъ поступила съ подпиской администрація другихъ цеховъ, но ожидаемый день панихиды, наконецъ, наступилъ. Въ $11^1/_2$ часовъ, какъ по писанному, заревѣлъ гудокъ. Толпы рабочихъ изъ мастерскихъ стали собираться у заводской часовни.

Мальчишки, конечно, первымъ долгомъ забрались на крыши ближайшихъ строеній, но это, впрочемъ, было тотчасъ же усмотрѣно, и послано было нѣсколько сторожей, съ цѣлью согнать непристойнымъ образомъ любопытствующихъ. Внизу все было готово. На паперти стояли заводскіе пѣвчіе изъ рабочихъ въ черныхъ, съ серебряными позументами, заводскихъ камзолахъ, съ замазанными сажей и грязью — вѣроятно, въ знакъ траура—лицами, и самодовольно поглядывали на растущую толпу черныхъ, съ вылощенными пиджаками и брюками, рабочихъ. Только кое-гдѣ тревожила зрѣніе свѣтлая шинель околоточнаго и бляхи на фуражкахъ сторожей и городовыхъ.

Духовенство, въ траурномъ облаченіи, было тоже совершенно готово, чтобы начать богослуженіе, и дожидалось только прихода директора.

Воспользовавшись свободной минутой, толпа начала слѣдить за сценой, происходящей на крышахъ строеній, гдѣ сторожа ловили мальчишекъ. Двое изъ нихъ были уже пойманы и спущены внизъ, а трое оставшихся молніей летали съ одного конца крыши на другой. Толпа, видимо, сочувствовала имъ, и предупреждала о всѣхъ ехидныхъ маневрахъ сторожей:

— Эй! Сюда теперь, направо! Они за трубу спрятались. Такъ стой теперь!

Но вотъ раздался возгласъ діакона, и глаза всѣхъ устремились на начавшуюся панихиду.

Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько минутъ намъ предстояло узнать кого мы оплакиваемъ. Священники, конечно, не проговорились и поминали просто „новопреставленнаго раба Божія Іоанна“. Но вотъ, по окончаніи панихиды, на паперть выходитъ директоръ и начинаетъ говорить рѣчь.

Зная наши недоразумѣнія, онъ прежде всего сообщилъ намъ, что начальства у насъ, кромѣ того, что на заводѣ, еще на сторонѣ очень много, что есть еще управленіе завода, которое съ рабочими хотя и никакихъ дѣлъ не имѣетъ, но, тѣмъ не менѣе, мы всетаки должны почитать его. Среди же управленскаго начальства, самымъ главнымъ былъ Ив. Ив. Циркулевъ и по службѣ занималъ мѣсто „предсѣдателя правленія“.

Дальше директоръ перешелъ къ описанію нѣкоторыхъ его достоинствъ (умѣлъ скоро и хорошо доставать деньги для уплаты жалованья рабочимъ и любилъ строить церкви). Но это намъ не

было интересно, мы уже удовлетворили свое любопытство и узнали, что Циркулевъ былъ никто иной, какъ предсѣдатель правленія, но кто заступилъ его мѣсто теперь, осталось неизвѣстнымъ. Объ этомъ намъ предстояло узнать, когда онъ умретъ.

Не буду вдаваться въ разсужденія о томъ, нужно-ли было подписываться рабочимъ на вѣнокъ, или нѣтъ, такъ какъ волей-неволей, а пришлось хоть 5 коп., да все же отдать; дѣятельность Ив. Ив. Циркулева, впрочемъ, судя по словамъ директора, дѣйствительно заслуживала этого, если инціатива постройки новой церкви на этомъ заводѣ и сбора добровольныхъ пожертвованій для этого принадлежала ему.

При поступленіи каждаго рабочаго на этотъ заводъ, его опрашиваютъ: желаетъ-ли онъ ежемѣсячно жертвовать изъ своего заработка 2 или 3% на постройку „новой каменной церкви"; а часто, такъ даже и не спрашивая, прямо даютъ подписать извѣстный бланкъ. Если принять во вниманіе условія, когда предлагаютъ сдѣлать эту подписку, то станетъ понятнымъ, что рабочій всегда соглашается. Но все же здѣсь администрація отнеслась къ дѣлу сознательнѣй, чѣмъ при сборѣ подписки на вѣнокъ Циркулеву: она не только сообщила, что церковь должна быть „новая и каменная", но даже во всѣхъ мастерскихъ развѣсила планы ея и ежемѣсячно сообщала рабочимъ о приходѣ суммъ, а на воротахъ завода привѣшена большая картина, раскрашенная акварельными красками и изображавшая предположенную къ постройкѣ церковь, съ колокольней, а возлѣ нея рабочихъ въ красныхъ рубахахъ и новыхъ сапогахъ, съ женами въ платкахъ и подъ зонтиками.

Кромѣ подписки на покупку вѣнковъ усопшимъ предсѣдателямъ, рабочимъ иногда приходится складываться также и на подарки живымъ начальникамъ, и хотя это происходитъ семейнымъ образомъ, т. е. деньги вычитаетъ не контора, а вносятся онѣ самими рабочими во время получки, тѣмъ не менѣе, юбиляры иногда требуетъ подписной листъ, съ цѣлью ознакомленія съ подписавшимися. Конечно, въ такихъ случаяхъ изъ этого кое-что и вытекаетъ. Насколько часто практикуются эти подписки - сказать трудно, такъ какъ все зависитъ отъ степени развитія самихъ рабочихъ и отъ присутствія въ ихъ сферѣ охотниковъ организовать подобныя подношенія. Однако, нужно сказать, что рабочіе сознаютъ непорядочность такихъ подношеній и случается, что какая-нибудь подписка происходитъ исключительно въ замкнутомъ кругу единомышленниковъ и тщательно скрывается отъ неблагонамѣренныхъ людей, могущихъ поднять ихъ на смѣхъ. Какъ-то разъ на П—вскомъ заводѣ, въ одной мастерской была устроена подписка не на подарокъ, т. е. не на часы или серебрянный сервизъ, а на альбомъ съ фотографическими карточками подписавшихся. Но и эта, ужъ на что невинная подписка, всетаки скрывалась,

и провѣдалъ я о ней только подъ величайшимъ секретомъ. Какъ бы то ни было, это ужъ прогрессъ и, вѣроятно, скоро на этомъ заводѣ настанетъ время, когда рабочіе возьмутъ примѣръ со своей администраціи и будутъ подносить ей не часы и сервизы, а адресы съ выраженіемъ соболѣзнованія или признательности, такъ же, какъ подноситъ она сама своимъ высшимъ руководителямъ.

Чаще, однако, рабочимъ приходится помогать своимъ товарищамъ, которые почему либо потеряли способность работать или, вообще, нуждаются въ поддержкѣ. Вычеты въ такихъ случаяхъ дѣлаетъ или сама контора по желанію рабочихъ, или кто нибудь передъ получкой вооружается карандашемъ и бумагой и опрашиваетъ всѣхъ рабочихъ, записывая ихъ №№ и сумму пожертвованія, а уже въ самую получку напоминаетъ о подпискѣ. Иногда бываетъ, что на подобныя жертвованія живутъ цѣлыя семьи умершихъ рабочихъ, но это тамъ, гдѣ заводъ существуетъ долгое время, гдѣ всѣ рабочіе обжились, знаютъ другъ друга и увѣрены, что въ случаѣ нужды и имъ также помогутъ ихъ товарищи. На новыхъ же заводахъ такой солидарности я не замѣчалъ.

Еще существуетъ сборъ „на масло“, но сборъ этотъ, въ большинствѣ случаевъ тоже не оффиціальный, т. е. высчитывается не конторой, а вносится самими рабочими въ день получки и колеблется для каждаго отъ 10 до 20 коп. въ мѣсяцъ.

Въ каждой мастерской имѣется икона (по большей части св. Николая, такъ какъ онъ почему-то считается покровителемъ заводскаго дѣла), и передъ ней должна горѣть „неугасаемая лампада,“ поддерживать огонь въ которой предоставляется самимъ рабочимъ. Но такъ какъ *всѣмъ* это дѣлать неудобно, то они выбираютъ изъ своей среды старосту и возлагаютъ на него обязанности подливать въ лампаду масла и время отъ времени обтирать пыль съ самой иконы.

Старостой выбирается обыкновенно человѣкъ пожилой, знающій богослуженіе настолько, чтобъ умѣть своевременно подать кадило дьякону при молебнахъ и заслуживающій довѣріе товарищей, такъ какъ эта должность „денежная“: приходится покупать масло, фитили и проч.

Попробую опять представить небольшую картинку выбора старосты... Время приближается къ шабашу. Рабочіе литейной мастерской заканчиваютъ свою работу. Одни вытаскиваютъ изъ земли красныя, еле остывшія издѣлія и поливаютъ раскаленную землю водой, отчего горячая пыль столбомъ подымается кверху, застилая собою всего рабочаго. Другіе уже вполнѣ убрали свое „мѣсто“ и моются у крана. Возлѣ вагранки нѣсколько рабочихъ, покрытыхъ паромъ и пылью, подъ нестерпимымъ жаромъ, разгребаютъ только что выбитый изъ вагранки раскаленный уголь. Мостовой электрическій кранъ, гремя цѣпями, въ

послѣдній разъ прокатился изъ одного конца въ другой и остановился у воротъ мастерской возлѣ витой чугунной лѣстницы. У конторки собралась толпа рабочихъ. Съ минуты на минуту она увеличивается и, наконецъ, сюда собираются всѣ рабочіе этой мастерской. Давно бы ужъ время отворить номерныя доски, но мальчика, у котораго находятся ключи, все еще нѣтъ. Попробовали было отворить дверь въ контору, но и та оказалась запертой. Вотъ, наконецъ, загудѣлъ и гудокъ съ работы, изъ всѣхъ мастерскихъ повалилъ народъ, но мальчикъ все еще не показывается. Кто-то предложилъ „самовольно" открыть номерныя доски гвоздемъ, и черезъ минуту дверцы досокъ обтянутыя желѣзной сѣткой, поднялись кверху.

Въ толпѣ произошло небольшое замѣшательство, многіе старались поскорѣе схватить свой номеръ и незамѣтно уйти изъ мастерской, такъ какъ за самовольное снятіе номера, какъ и за самовольный уходъ съ завода, полагается штрафъ 1 р. Но это замѣшательство и шумъ отворяемыхъ досокъ не остались не замѣченными для „конторы": дверь ея сію же минуту отворилась и изъ нея выбѣжалъ мальчикъ.

— Кто отворилъ? Кто отворилъ?—закричалъ онъ, стараясь опустить дверцы досокъ, а вслѣдъ за нимъ показался и мастеръ.

— Что это? Сами снимать номера вздумали?—сурово обратился онъ къ рабочимъ.

— Запиши-ка ушедшихъ!—добавилъ онъ, обращаясь къ мальчику.

— По цѣлковому отдай, а то потеряешь!,—произнесъ кто-то въ толпѣ. Но мастеръ не обратилъ на это вниманія, а сталъ подвигаться къ лежавшей невдалекѣ опокѣ, съ не выбитой землей. Видимо, онъ хотѣлъ сказать какую-то рѣчь. Взобравшись на опоку, онъ началъ:

— Вотъ!

Толпа сразу притихла.

— Вы знаете, что старостой у насъ былъ Василій Дьяковъ. Служилъ онъ исправно, но теперь хочетъ отказаться отъ своей должности.

— Чего же еще надо. Одинъ домъ выстроилъ и довольно! —вставилъ кто то изъ толпы свое слово.

Но мастеръ продолжалъ:

— Представилъ онъ мнѣ свой счетъ за одинъ годъ. Кому нужно, такъ вотъ возьмите, провѣрьте сами (онъ передалъ въ толпу нѣсколько клочковъ бумаги, на которыхъ карандашомъ были написаны какіе то знаки.) Теперь намъ нужно будетъ выбрать другого старосту. За этимъ то я и оставилъ васъ до шабашу. Ну, кого вы желаете старостой?

Рабочіе начинаютъ тщательно всматриваться другъ въ друга.

— Что же?—продолжаетъ мастеръ.—Можетъ, Дьякова опять попросимъ.

— Не надо Дьякова. Къ чорту его! Онъ только дома умѣетъ наживать!

Дьяковъ въ это время находился въ другомъ концѣ мастерской. Вѣроятно, онъ и раньше зналъ причину настоящаго собранія, но, предчувствуя, что по его адресу будетъ отпущено не мало комплиментовъ, рѣшилъ не принимать въ немъ участія, а заняться около своей работы.

— Ну, положимъ!—возразилъ мастеръ.—Съ этихъ-то приходовъ дома не наживешь!

— Вотъ что,—раздался голосъ изъ толпы,—давайте выберемъ Кузьму Мартыновича.

— Ну, куда мнѣ?!—послышался чей-то старческій голосъ.

— Мартыныча, Мартыныча!—подхватило нѣсколько голосовъ.

— Да нѣшто я могу за Богомъ ходить?!—отказывался Мартынычъ.—Здѣсь нужно кого нибудь помоложе...

— Что тамъ толковать, Мартыныча, братцы, выбираемъ! Онъ и службу божественную знаетъ...

— Да и грѣха на немъ меньше,—добавилъ еще кто то.—Человѣкъ старый, ему всегда и за икону взяться можно.

— Нѣтъ, братцы мои, я вправду не могу. Если бъ здоровье мое, то я бы съ охотой, а то, право, же мнѣ не управиться, къ тому же и молебенъ скоро. Нѣтъ, ужъ увольте меня.

— Оно и вѣрно!—подтвердилъ мастеръ,—какъ-ни-какъ, а дѣла и тутъ найдется; все нужно: и масло купить, и за чистотой наблюсти, а работать вѣдь за него некому.

— Да я и не грамотный, а тутъ все же и записать кое-что нужно и все такое...—добавилъ Мартынычъ.

— Ну, такъ кого же?—спросилъ опять голосъ изъ толпы.

Всѣ опять начали тщательно всматриваться другъ въ друга.

— А что, Иванъ Васильева не выберемъ ли?—предложилъ опять мастеръ.

— Нѣтъ, Иванъ Васильевъ не идетъ. Онъ старовѣръ, куда ему за русскую икону браться.

— У насъ иконы еще почище твоихъ,—сердито отозвался старовѣръ изъ заднихъ рядовъ толпы.—Да только я и самъ не возьмусь за это дѣло!

— Да кто тебя и выбираетъ то?!

— Давай мнѣ хоть двѣсти рублей, я и то откажусь...—продолжаетъ откликаться Иванъ Васильевъ.

— А за триста возьмешься?

— Ну, да оставь его,—вступается третій рабочій:—Ну, такъ кого же, товарищи? Развѣ Ванюшку Волдырева?

— Что ты, съ ума сошелъ. Человѣкъ только что женился, а ты его къ святой иконѣ посылаешь.

— Вѣрно, вѣдь я и забылъ. Ну, такъ какъ же? Кого же братцы?

Наконецъ, послѣ множества предложеній, выборъ палъ на машиниста электрическаго крана Андрея Слесарева, хотя и здѣсь не обошлось безъ нѣкотораго препирательства. Во-первыхъ, онъ самъ не скоро согласился, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ и человѣкъ еще молодой, и времени свободнаго у него нѣтъ, и не надѣется строить собственный домъ; но все же его упросили. Затѣмъ заявлялъ кто - то, что въ литейной на это мѣсто нужно было бы выбирать непремѣнно литейщика, но никакъ не машиниста, но все же, за неимѣніемъ другихъ кандидатовъ, остановились на машинистѣ Слесаревѣ.

Эти выборы заняли времени у рабочихъ часа полтора, и уже начало смеркаться, когда, получивши, наконецъ, свои номера, они большими группами стали выходить изъ завода.

— Андрюша, а, Андрюша! - кричалъ рабочій, перебѣгая къ той группѣ, гдѣ находился герой выборовъ.

— Что такое?—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ какъ же теперь? Что-нибудь да надо же!..

— Да ты это на счетъ чего?—какъ бы не понимая, спрашиваетъ Андрюша.

— Извѣстно, на счетъ чего, теперь вѣдь съ тобою не шути—староста!

— Оно бы дѣло не плохое, да денегъ то нѣтъ,—догадался староста.

— А книжки развѣ нѣтъ?

— Да нѣту. Дома оставилъ, а баба ни за что не дастъ.

— Экая досада!

Въ эту минуту рабочіе выходили изъ воротъ завода. Сторожа, какъ водится, ощупывали ихъ карманы, но, конечно, ничего не нашли.

— Ну, такъ стойте! Надо же что-нибудь выдумать!—продолжалъ настаивать неугомонный рабочій, очутившись уже на улицѣ. Но недремлющій городовой, вѣроятно, услышалъ слова его и потому сейчасъ же счелъ нужнымъ предупредить о незаконности уличныхъ собраній.

— Проходи, проходи скорѣе, чего на дорогѣ сталъ! — Замѣтивъ, однако, что рабочихъ для него одного слишкомъ много, блюститель порядка рѣшилъ немного смягчить свое приказаніе, и добавилъ: —Вѣрно, жена дома уже давно спать легла, а ты еще здѣсь хороводишься.

Рабочіе, остановившіеся было, опять пошли медленнымъ шагомъ, поминутно останавливаясь и споря.

— Дастъ!—настаивалъ одинъ,—ей Богу, дастъ! Ему только $^1/_2$ копѣйки супротивъ прежняго уступи, то онъ хоть десятку, и то дастъ.

— На такую компанію меньше десятки и нельзя... Развѣ пойти поговорить съ нимъ?—раздумывалъ староста.

— Пойдемъ вмѣстѣ!—вызвался одинъ изъ рабочихъ, и они вдвоемъ направились къ небольшой мелочной лавченкѣ, пріютившейся возлѣ самаго завода.

Хозяинъ этой лавченки принадлежалъ къ числу людей, которыхъ по деревнямъ зовутъ „пауками“ и „міроѣдами“, но въ заводѣ названія имъ не выдумали. Существуютъ они вездѣ, гдѣ только при заводѣ есть „заводская лавка“ или „лавка для потребителей N—скаго завода“. Промыселъ этихъ мелочныхъ лавочниковъ заключается въ томъ, чтобы покупать отъ рабочихъ по дешевой цѣнѣ и за наличныя деньги разные товары и перепродавать ихъ въ городѣ по обыкновенной цѣнѣ. На языкѣ мастеровыхъ эта продажа носитъ названіе „перегонки“, такъ какъ при помощи ея можно получить изъ сахара водку, а изъ чаю пиво или наоборотъ.

Если читателя интересуетъ цѣна, по которой рабочіе продаютъ продукты, купленные въ заводской лавкѣ, то я могу сказать, что лично мнѣ, „въ минуту жизни трудную“, приходилось покупать сахаръ по 17 коп. за фунтъ и продавать по 13 к.; или гербовую марку въ 80 к. продавать за 60, и все исключительно изъ-за того, что не было подъ руками 2—3 рублей; хотя смѣю увѣрить читателя, что требовалась мнѣ перегонка вовсе не для пріобрѣтенія водки, — какъ почему-то охотно предполагаютъ всегда, когда дѣло идетъ о рабочемъ.

IX.

Какъ я уже говорилъ выше, мои записки касаются главнымъ образомъ рабочихъ порядковъ на крупныхъ заводахъ. Случалось мнѣ работать и на мелкихъ, такъ называемыхъ „кустарныхъ“ заводахъ; но говорить о нихъ подробно не могу. Приведу только,—чтобы читатель могъ судить, какъ иногда обстоятъ дѣла на этихъ заводахъ,—двѣ картинки, не претендуя ни на какія обобщенія.

Представьте себѣ, читатель, небольшой заводъ, огороженный досчатымъ заборомъ.

Во дворѣ находится одинъ корпусъ, раздѣленный на три отдѣленія. Первое—механическая мастерская, съ небольшимъ керосиновымъ двигателемъ, второе—литейная и возлѣ нея вагранка. Только что залитый водою уголь дымится: вѣроятно, сегодня была отливка. Далѣе идетъ кузница. Немного въ сторонѣ находится „общежитіе“ рабочихъ, а въ углу конюшня для хозяйскихъ лошадей; возлѣ воротъ опрятный каменный домикъ самого хозяина. На улицу выходитъ чистенькое „парадное“ крыльцо, а во дворъ имѣется черный ходъ. Въ эту минуту возлѣ него собралось человѣкъ двадцать рабочихъ. Уже темно. Осенняя сырость,

видимо, сильно даетъ себя чувствовать этимъ грязнымъ, одѣтымъ въ рваные, засаленные пиджаки и блузы фигурамъ, потому что всѣ онѣ какъ-то ежатся отъ холода. Ждутъ рабочіе уже часа два, но изъ дому никто не показывается. Наконецъ, въ окнѣ появляется кухарка. Замѣтивъ ее, одинъ изъ рабочихъ кричитъ:

— Матрена, а, Матрена!

Матрена вплотную прилегла лицомъ къ стеклу.

— Ты скажи ему (хозяину), что-жъ понапрасну народъ морозить!

— Да вы чего?—спрашиваетъ Матрена, какъ бы не зная цѣли ихъ ожиданія.

— Чего!! Извѣстно чего, получки. Прошлую субботу ждали, ждали, такъ и ушли, и въ эту, вѣрно, такъ же хочетъ отдѣлаться?!

— Да его дома нѣтути!—думаетъ увернуться кухарка.—Онъ на станцію поѣхалъ...

— Буде брехать-то. На чемъ же онъ уѣхалъ, когда лошади въ конюшнѣ.

— Ну, ладно! Сейчасъ скажу!—и кухарка удаляется.

Теперь рабочіе немного оживились: у однихъ въ умѣ мелькаетъ хорошій стаканъ водки, но другіе, сидѣвшіе все время молча, ни съ того, ни съ сего начинаютъ возмущаться:

— И вотъ же жизнь твоя проклятая. Цѣлую недѣлю работаешь, работаешь, и днемъ, и вечеромъ, и ночью, думаешь, что хоть въ праздникъ то отдохнешь. Такъ нѣтъ же, мерзни вотъ здѣсь, какъ кобель какой бездомный...

Но вотъ опять появилась кухарка:

— Онъ сказалъ, чтобъ вы завтра пришли. Сегодня, говоритъ, поздно.

— Какой же чортъ ему велѣлъ до-поздна̀ насъ держать?—Но кухарка опять скрывается.

— Пойдемъ, что ль, ребята?

— Пойдемъ!—всѣ подымаются и медленнымъ, усталымъ шагомъ уходятъ съ завода.

— Эхъ! Выпить бы теперь!—громко заявляетъ кто-то свое желаніе въ то время, когда проходятъ мимо тутъ же пріютившагося духана „Куки“.

— Зайдемъ, что-ль? Можетъ, повѣритъ.

Но грузинъ-торговецъ уже знаетъ, что это идутъ рабочіе такого-то хозяина, и поэтому, едва только партія показывается въ дверяхъ духана, хозяинъ стремительно выбѣгаетъ изъ-за стойки и кричитъ:

— Проходы!.. проходы далиши. У васъ, братецъ, никогда денегъ нэту, а ми сегодня за деньги торгуемъ, завтра будемъ въ долгъ!

Рабочіе знаютъ, однако, что и завтра, и послѣзавтра ихъ точно такимъ же образомъ поворотятъ назадъ, а потому къ обѣщаніямъ

духанщика остаются совершенно равнодушны и съ унылымъ видомъ расходятся по домамъ.

На другой день, часовъ съ 7-и утра, рабочіе опять собираются у того же самаго крыльца и опять начинаютъ ждать своего хозяина. Сегодня воскресенье, и потому у нѣкоторыхъ, преимущественно семейныхъ, надѣты чистыя рубашки, но есть и такіе, которые щеголяютъ въ томъ же грязномъ бѣльѣ, которое безсмѣнно служитъ имъ, пока совершенно не изорвется. И сегодня имъ такъ же приходится сидѣть часа два-три. Но вотъ, наконецъ, появляется хозяинъ.

— Вы что?—обращается онъ къ нимъ.

— Извѣстно что, деньжонокъ надо, Матвѣй Григорьичъ,—отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.

— Деньжонокъ, деньжонокъ...—передразниваетъ ихъ хозяинъ:—А спрашивается, на кой чортъ вамъ деньги—на пьянство только...

— Зачѣмъ на пьянство,—перебиваютъ его рабочіе,—нужно за квартиру заплатить, нужно лавочнику заплатить. Сапоги вотъ тоже нужно новые... Совсѣмъ безъ денегъ замучились, Матвѣй Григорьичъ. Дайте хоть сколько нибудь.

— А если у меня нѣту, гдѣ же я вамъ возьму?

— А нѣту, такъ зачѣмъ народъ держать,—крикнулъ одинъ рабочій, недавно поступившій къ нему.

— Кто же тебя держитъ? Сдѣлай милость, уходи хоть сію минуту.

— А разсчетъ какъ?

— Какой разсчетъ? Я тебѣ развѣ долженъ?

— Да что же я даромъ, что ли, на тебя двѣ недѣли работалъ,—начинаетъ горячиться рабочій, но товарищи не намѣрены выслушивать дальнѣйшія препирательства, и потому перебиваютъ ихъ новыми просьбами выдать „хоть сколько нибудь".

Наконецъ, хозяинъ рѣшается выдать женатымъ по рублю, а холостымъ по полтиннику. Волей-неволей приходится согласиться и на это. Никакихъ разсчетныхъ книжекъ или записей не полагается, и хозяинъ отмѣчаетъ фамиліи рабочихъ въ своей записной книжкѣ.

— Въ ту субботу,—обѣщаетъ хозяинъ,—если достану, то, можетъ быть, выдамъ еще.

Теперь спрашивается, что же рабочій можетъ сдѣлать на этотъ несчастный рубль или полтинникъ? Единственно пропить его въ духанѣ.

Но самое интересное событіе въ жизни подобныхъ заводовъ это—подсчетъ рабочихъ дней. Я уже сказалъ, что никакихъ книжекъ и другихъ документовъ не существуетъ, нѣтъ даже рабочихъ номеровъ. Поэтому для хозяина является полнѣйшая воз-

можность обсчитывать своихъ рабочихъ, какъ только вздумается. Спрашиваетъ, напримѣръ, хозяинъ:

— Мишка, у тебя сколько рабочихъ дней?

— Двадцать четыре съ половиной.

— Будетъ брехать-то, вмѣсто 21-го стало уже $24^1/_2$.

— Ей Богу, Матвѣй Григорьевичъ, $24^1/_2$, вотъ и у Ванюшки тоже $24^1/_2$, мы съ нимъ на пару работаемъ...

— Брешете вы оба, у васъ у обоихъ по 21-му...

Что будешь дѣлать, — до Бога высоко, до царя далеко. Въ полицію пойти тоже толку не будетъ, и мирится рабочій, и проситъ онъ Бога: „хоть бы эти-то получить“...

Но вотъ, у читателя въ воображеніи рисуется слово „судъ“. Хорошее это слово, не спорю, и учрежденіе прекрасное... Но только связываться съ нимъ, увы... очень и очень непріятно. Прежде всего за это дѣло нужно браться умѣючи, а не какъ нибудь, второе, и самое главное, возможно ли для рабочаго, пролетарія въ полномъ смыслѣ этого слова, прожить хотя бы одинъ мѣсяцъ безъ работы? Такъ что для рабочаго, если ему стало, что называется, „невмоготу“ больше работать у какого нибудь хозяина, остается плюнуть на свои деньги и отправиться путешествовать или, какъ говорятъ рабочіе, „стрѣлять“ по другимъ заводамъ.

Я упомянулъ, что заводъ, про который я говорю, имѣлъ общежитіе для рабочихъ. Жили тамъ только холостые люди и было ихъ при мнѣ, вѣроятно, человѣкъ 12 (Во всемъ же заводѣ 25 — 30). Платили всѣ они по 15 руб. въ мѣсяцъ. Лѣтомъ спали на дворѣ и обѣдали тамъ же. Но вотъ подошла осень, и рабочіе въ силу необходимости принуждены были перекочевать въ это общежитіе. Построено оно очень недавно, такъ что сырость съ перваго же разу дала себя почувствовать: заболѣло 5 человѣкъ. Кто-то изъ нихъ заикнулся хозяину про доктора.

— Ты, можетъ быть, у меня родить собираешься, такъ я тебѣ акушерку лучше позову!..

Всѣ ли рабочіе выздоровѣли или нѣтъ, этого сказать я не могу, такъ какъ вскорѣ уѣхалъ оттуда, но этотъ заводъ у меня останется на долго въ памяти.

А вотъ разсказъ моего товарища-литейщика о работѣ его тоже на одномъ изъ южныхъ кустарныхъ заводовъ.

— Пріѣхалъ я,—разсказываетъ онъ,—въ городъ N. Въ этомъ городѣ было два кустарныхъ заводишка; стояли они совсѣмъ рядомъ: одинъ принадлежалъ русскому хозяину, другой —нѣмцу. Какъ патріотъ, я обращаюсь сначала къ русскому:

— Нѣтъ ли работишки, хозяинъ?

— А ты кто?

— Литейщикъ.

— Ладно. Выходи завтра въ 4 часа.

— Утра?

— Не дня же!

— Однако!—думаю себѣ. Но на другой день все же выхожу. Мастерская представляла изъ себя непокрытый сарай; только въ одномъ мѣстѣ, возлѣ вагранки, устроенъ маленькій навѣсъ.

— И зимой здѣсь работаете?—спрашиваю одного рабочаго. Во всей литейной было ихъ 5 человѣкъ.

— А то гдѣ же? Извѣстно, здѣсь.

— Да какъ же, вѣдь земля же мерзнетъ?

— Э, братъ, и не говори! Мученье одно, да и только! Угля жечь не даетъ, руки замерзнутъ, земля, какъ камень. Возьмешь этта, ломомъ накопаешь, да въ рѣшета; на кухнѣ отогрѣешь, вотъ такъ и работаешь.

— А платитъ какъ?

— Поденно, 9 гривенъ въ день.

— Съ 4-хъ и до...?

— Когда какъ: до 8-ми, до 9-ти, разно.

— Ого! чортъ подери,—подумалъ я опять.

Но къ дѣлу. Попалъ я, нужно сказать, въ самый горячій день, когда предполагалась отливка. Формъ наготовлено множество, опоки всѣ деревянныя *), вагранка небольшая и вдобавокъ дутье двумя мѣхами безъ вентилятора. Словомъ, работы, что называется, по горло.

Часамъ къ двѣнадцати осмотрѣли формы, поставили шишки, начали приготовляться къ отливкѣ.

Однако, думаю себѣ, время бы, кажется, и обѣдать, но жду, когда хозяинъ самъ скажетъ объ этомъ, а онъ почти ежеминутно навѣщалъ насъ.

Наконецъ, терпѣть мнѣ уже надоѣло.

— Какъ у васъ сегодня, обѣдать не полагается?

— А ты нѣшто ничего не взялъ съ собою?

— Нѣтъ, а развѣ у васъ и на обѣдъ времени не дается?

— Нѣтъ, оно дается $^{1}/_{2}$ часа или сколько, да только мы у хозяина на харчахъ, а сегодня, какъ отливка, такъ обѣдаемъ поочередно: вотъ Митрій уже пообѣдалъ, теперь Максимъ пошелъ, а за нимъ я.

— А какъ же я то?

— Эхъ, братъ ты мой!—пожалѣлъ онъ меня.—Ну, ладно, я ужо у кухарки для тебя хлѣба возьму.

Такимъ-то образомъ проработали мы до 3-хъ часовъ, послѣ чего двое изъ насъ занялись у вагранки.

---

*) Приспособленіе для изготовленія формъ. Обыкновенно, должно быть чугунное, дерево здѣсь хотя и примѣнимо, но для литейщика представляетъ много лишней работы и неудобствъ.

Намучились мы и съ ней порядкомъ-таки, но общими усиліями, наконецъ, наплавили одинъ ковшъ чугуна для колонны пудовъ въ 15. Жара—невыносимая, солнце жаритъ своимъ чередомъ, вагранка своимъ, расплавленный чугунъ тоже. А тутъ еще нагрузка опокъ, однимъ словомъ, потъ въ три ручья льется. Возлѣ вагранки стояла кадка съ водой; кто-то первый догадался прыгнуть въ нее, а за нимъ послѣдовали и мы всѣ. Огнесешь, бывало, ковшъ чугуна, зальешь, и въ кадку, только тѣмъ и спасались. Но вотъ, въ дверяхъ нашего сарая-мастерской показался хозяинъ съ графиномъ водки и стаканомъ въ одной рукѣ и чашкой соленыхъ огурцовъ въ другой.

Выпили мы всѣ по большому стакану и снова за работу, но тутъ ужъ я ослабъ.

Ничего не ѣлъ я со вчерашняго дня, кромѣ куска хлѣба, жара чуть ли не 50 градусовъ, страшно тяжелая работа съ 4 ч. утра, а тутъ еще этотъ стаканъ водки—все это окончательно обезсилило меня. А какъ разъ нужно было нести чугунъ. Взялся я руками за вилы *), поднялъ, а голова у меня такъ и кружится. „Донесу—не донесу, донесу—не донесу", безсвязно шепчу я губами. Но вотъ вдругъ чувствую, что пальцы мои машинально разжимаются и ковшъ съ расплавленнымъ чугуномъ совсѣмъ готовъ вырваться у меня...

— Поддержи!—крикнулъ я, и въ ту же минуту упалъ въ обморокъ.

Вѣроятно, кто-то во время успѣлъ подхватить вилы, въ противномъ случаѣ я рисковалъ бы жестоко ошпариться.

Черезъ нѣсколько минутъ я опять началъ работать; прикончили только въ 11 часовъ ночи.

Такое начало мнѣ не сулило ничего хорошаго, и я въ этотъ же день взялъ свой разсчетъ—70 к., которые вмѣстѣ съ Ванюшкой и пропили въ ту же ночь.

Я бы ни за что не рѣшился разсказывать о подобномъ казусѣ, что вдругъ молодой, здоровый рабочій... упалъ въ обморокъ. Срамъ да и только! Но во время этой выпивки я узналъ отъ Ванюшки, что у нихъ это бываетъ очень не рѣдко.—Поступитъ, бывало,—разсказывалъ онъ,—какой-нибудь стрѣлокъ. Ну, извѣстно, наголодается безъ работы то, силы у него, почитай, никакой нѣтъ, а тутъ, какъ попадетъ въ отливку, ну и падаетъ. Еще хорошо, что у тебя ковшъ-то подхватили, а то вотъ мѣсяца два назадъ Васька Косой—можетъ, знаешь—такъ же, какъ и ты, упалъ, а чугунъ-то на него. Вотъ и пропалъ человѣкъ.

— Какъ пропалъ?—спросилъ я.

*) Ковшъ для чугуна устанавливается въ особыхъ вилахъ, имѣющихъ съ двухъ сторонъ ручки для держанія, вѣсъ ручниковъ съ вилами, отъ 8 до 12 пуд. разлагается на двухъ литейщиковъ.

— Извѣстно какъ, померъ въ больницѣ. Четыре дня полежалъ и померъ. У насъ, братъ, безъ привычки работать не дай Богъ!

Черезъ день мой товарищъ перешелъ на заводъ къ нѣмцу.

П. Т.

Хроника внутренней жизни.

I. Перемѣны въ составѣ министерства финансовъ.—II. Изъ обывательской жизни.—Обыватель и начальство.—III. Новѣйшія попытки охраны труда ремесленниковъ.—Къ вопросу о полномочіяхъ губернской администраціи.—IV. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—V. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

16-го августа текущаго года комитету министровъ былъ данъ именной высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „Нашему статсъ-секретарю, министру финансовъ, д. т. с. Витте.—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть предсѣдателемъ Комитета Министровъ, съ увольненіемъ отъ должности министра финансовъ и съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря“.

Въ тотъ же день состоялся и другой высочайшій указъ—Правительствующему Сенату: „Управляющему Государственнымъ банкомъ т. с. Плеске—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть управляющимъ министерствомъ финансовъ“.

Одновременно съ этимъ на имя статсъ-секретаря Витте былъ данъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

„Сергѣй Юльевичъ. Указомъ, Комитету Министровъ 16-го сего августа даннымъ, я назначилъ Васъ на высокій постъ предсѣдателя названнаго Комитета. Между тѣмъ, въ финансовомъ вѣдомствѣ подъ руководствомъ вашимъ уже начаты переговоры съ уполномоченными германскаго правительства относительно заключенія новаго съ Германіею торговаго договора.

„Въ видахъ незамедлительнаго и успѣшнаго окончанія сего дѣла, затрогивающаго весьма важные интересы обѣихъ странъ, желая воспользоваться и впредь пріобрѣтеннымъ Вами близкимъ знакомствомъ со всѣми потребностями отечественной торговли и промышленности, возлагаю на васъ дальнѣйшее по министерству финансовъ веденіе происходящихъ нынѣ переговоровъ о торговомъ договорѣ съ Германіею“.

Вслѣдъ затѣмъ 17-го августа Государственному Совѣту данъ былъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „Нашему статсъ-секретарю, предсѣдателю Комитета Министровъ, д. т. с. Витте— Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ предсѣдателемъ Комитета Министровъ и въ званіи статсъ-секретаря".

Наконецъ, 19-го августа состоялся еще слѣдующій именной высочайшій указъ комитету министровъ: „Нашему статсъ- секретарю, предсѣдателю Комитета Министровъ, д. т. с. Витте—Всемилостивѣйше повелѣваемъ сохранить са собою предсѣдательствованіе въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности".

Состоявшееся такимъ образомъ удаленіе г. Витте съ должности министра финансовъ, при всей своей неожиданности, едва-ли предвѣщаетъ какую-либо серьезную перемѣну въ направленіи финансовой политики государства. На мѣсто бывшаго министра финансовъ назначенъ одинъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, который въ первой же своей рѣчи къ чинамъ министерства опредѣлилъ задачу будущей своей дѣятельности, какъ завершеніе предпріятій, начатыхъ, но еще не законченныхъ его предшественникомъ. Въ виду этого можно съ большою вѣроятностью предполагать, что перемѣна, происшедшая въ составѣ министерства финансовъ, носитъ чисто личный характеръ, тогда какъ финансовое хозяйство страны и въ ближайшемъ будущемъ будетъ еще идти по той же дорогѣ, по какой оно велось въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ. О томъ, куда ведетъ эта дорога, не разъ уже говорилось на страницахъ „Рус. Богатства", и сейчасъ я не стану возвращаться къ этому вопросу, въ значительной степени уже выясненному не только литературой, но и жизнью. Насъ ждетъ къ тому же другая тема, также не очень ужъ новая, но получившая особенно большой,—я готовъ даже сказать, жгучій—интересъ, благодаря событіямъ послѣдняго времени.

II.

Въ прошломъ году на столбцахъ одной изъ сибирскихъ газетъ *) была разсказана маленькая, но очень поучительная исторія изъ быта служащихъ на Забайкальской желѣзной дорогѣ. Я позволю себѣ пересказать эту исторію, дополнивъ газетный разсказъ кое-какими данными, имѣющимися въ моемъ распоряженіи. Разсказывать, впрочемъ, придется немного, такъ какъ упомянутая исторія очень проста и самая поучительность ея заключается именно въ этой простотѣ. Все дѣло сводится къ слѣдующему.

*) «Восточное Обозрѣніе», 9-го іюля 1902 г.

Осенью 1901 года начальникъ матеріальной службы Забайкальской желѣзной дороги, инженеръ Исаковъ, особымъ циркуляромъ предложилъ своимъ подчиненнымъ, въ виду необходимости подвинуть впередъ запущенное дѣло отчетности, устроить сверхъ дневныхъ занятій еще вечернія, отъ 6 до 9 веч. каждый день, кромѣ субботъ. Эти вечернія занятія были объявлены обязательными для всѣхъ служащихъ, за исключеніемъ лишь женщинъ, и за нихъ было обѣщано особое вознагражденіе. Размѣръ такого вознагражденія за три мѣсяца вечернихъ занятій,—съ Новаго года до Пасхи — опредѣлялся, согласно обѣщаніямъ начальства, въ суммѣ мѣсячнаго оклада служащихъ. На практикѣ, впрочемъ, въ вечернихъ занятіяхъ участвовали далеко не всѣ служащіе матеріальной службы. Тѣмъ не менѣе, къ Пасхѣ „наградныя за усиленныя вечернія занятія" были назначены всѣмъ служащимъ, но за то въ размѣрѣ, далеко не достигавшемъ ихъ мѣсячнаго оклада, такъ что, напримѣръ, счетоводамъ, получавшимъ по 75 р. жалованья въ мѣсяцъ, за три мѣсяца вечернихъ занятій было назначено вознагражденіе въ 30 р. Шесть счетоводовъ, обиженные такимъ оборотомъ дѣла, предпочли отказаться отъ предложенныхъ имъ „наградныхъ" и подали начальнику матеріальной службы докладную записку, въ которой смиренно выясняли ему всю несправедливость распоряженія, лишившаго ихъ обѣщаннаго вознагражденія за усиленный трудъ, и не менѣе смиренно просили исполнить данное обѣщаніе. Отвѣтомъ на эту записку со стороны г. Исакова явилась крайне суровая и грозная бумага. „Не считая себя обязаннымъ,—писалъ въ ней г. Исаковъ,—объясняться съ вами по предмету Вашей записки, я не даю Вамъ отвѣта на нее. Распоряженія мои контролируются г. начальникомъ дороги, которому и должно было бы обжаловать способъ распредѣленія наградныхъ, допущенный мною... Прошу подать завтра, 1-го мая, черезъ г. бухгалтера службы докладныя записки объ увольненіи. Неисполненіе повлечетъ за собою увольненіе безъ прошенія. Въ прочтеніи прошу всѣхъ росписаться".

Озадаченные счетоводы росписались на грозной бумагѣ слѣдующимъ образомъ: „настоящее извѣщеніе читали; отъ подачи прошеній объ увольненіи насъ отказываемся, предоставляя управленію дороги поступить по своему усмотрѣнію". Это усмотрѣніе и не заставило себя ждать. На другой же день всѣмъ шести счетоводамъ объявлено было, что они не состоятъ болѣе на службѣ Забайкальской дороги. Попытка ихъ объяснить дѣло непосредственно начальнику дороги, г. Оглоблину, повела лишь къ тому, что имъ предложено было „извиниться" передъ г. Исаковымъ. Когда же они, уклонившись отъ извиненія въ несуществующей винѣ, подали, каждый отъ себя, г. Исакову докладныя записки, вновь разъясняя дѣло и настаивая на своей правотѣ, то результатомъ этого явился приказъ начальника дороги отъ 16-го мая,

которымъ всѣ шесть счетоводовъ объявлялись уволенными отъ службы съ 10-го мая „за нарушеніе служебной дисциплины“. Вслѣдъ за тѣмъ особымъ циркуляромъ начальника дороги всѣмъ „начальникамъ службъ, отдѣловъ и частей управленія“ было объявлено, что уволенные счетоводы вновь на службу по Забайкальской дорогѣ „принимаемы быть не могутъ“. Еще одна не лишенная пикантности подробность. Дерзкихъ счетоводовъ, какъ мы видѣли, уволили въ теченіе одного дня, но для того, чтобы получить свои документы и пенсіонные взносы въ кассу, имъ пришлось ходить въ управленіе дороги цѣлый мѣсяцъ.

Такимъ образомъ, попытка объяснить начальству его неправоту, даже въ томъ случаѣ, когда послѣдняя не подлежитъ никакому сомнѣнію, признается на Забайкальской дорогѣ тяжкимъ преступленіемъ. Лица, виновныя въ столь жестокомъ „нарушеніи служебной дисциплины“, немедленно выбрасываются со службы этой дороги. Ихъ такъ торопятся изгнать, что даже забываютъ во время отдать принадлежащія имъ деньги. Но Забайкальская дорога далеко не одинока въ своемъ непомѣрномъ уваженіи къ служебной дисциплинѣ, понимаемой въ смыслѣ безусловнаго преклоненія передъ волею начальства, которое вольно карать и миловать. То же самое явленіе, хотя бы и въ нѣсколько иной формѣ, можно наблюдать въ наше время во многихъ другихъ мѣстахъ.

Любопытнымъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить дѣло, разбиравшееся весною этого года въ г. Тихвинѣ выѣздною сессіею новгородскаго окружнаго суда и возникшее по обвиненію врачомъ И. С. Вегеромъ строителя Сѣверной желѣзной дороги инженера В. А. Саханскаго въ клеветѣ. Поводъ къ такому обвиненію дали слѣдующія обстоятельства. Докторъ Вегеръ зимою 1901—2 года былъ врачемъ на 2-мъ участкѣ Сѣверной желѣзной дороги, начальникомъ котораго былъ инженеръ кн. В. А. Массальскій. На этомъ участкѣ работала партія татаръ изъ пострадавшей отъ неурожая Казанской губерніи. По условію, рабочіе должны были получать 35 коп. въ сутки деньгами, казенные харчи и помѣщеніе. Когда д-ръ Вегеръ еще до прихода рабочихъ осмотрѣлъ первые доставленные на строющуюся линію пищевые продукты, онъ нашелъ ихъ плохими, о чемъ и сообщилъ старшему врачу С. А. Розанову. Послѣ этого д-ръ Вегеръ неоднократно добивался отъ инженеровъ, чтобы его приглашали на пріемку пищевыхъ продуктовъ отъ подрядчика, но не могъ добиться желательныхъ результатовъ: его или не приглашали вовсе, или приглашали такъ поздно, что онъ не могъ поспѣть во время. При такомъ положеніи дѣла онъ могъ лишь ѣздить по участку, осматривать продукты на мѣстѣ ихъ потребленія и браковать испорченные. Но при этомъ самъ онъ не могъ уничтожать негодные продукты, а долженъ былъ сообщать объ ихъ находкѣ начальнику участка. Послѣдній уже отъ себя писалъ

„просьбу“ подрядчику о замѣнѣ негодныхъ продуктовъ другими, но какъ исполнялись эти просьбы, оставалось неизвѣстнымъ. Равнымъ образомъ не могъ д-ръ Вегеръ добиться отъ инженеровъ и имѣвшейся на линіи „табели довольствія рабочихъ“, чтобы слѣдить по ней, дѣйствительно ли рабочимъ выдавалось все, что имъ полагалось. Эта табель была доставлена врачу лишь за три недѣли до окончанія работъ на участкѣ. Долгое время на всѣ свои сообщенія начальнику участка и старшему врачу о неудовлетворительности пищевыхъ продуктовъ рабочихъ д-ръ Вегеръ не получалъ никакого отвѣта, такъ какъ, по словамъ гг. Массальскаго и Розанова на судѣ, они „не считали нужнымъ отвѣчать“ на эти бумаги. Лишь тогда, когда д-ръ Вегеръ сообщилъ, что въ пищѣ рабочихъ въ нѣсколькихъ пунктахъ появились черви, онъ получилъ отвѣтъ въ видѣ телеграммы отъ г. Саханскаго слѣдующаго содержанія: „Инженеру Массальскому. Копія д-ру Вегеру. Распорядитесь произвести разслѣдованіе о пищѣ въ Туракинѣ и Чуджахъ. Считаю, что врачъ, допускающій недоброкачественную пищу рабочимъ, виноватъ въ недосмотрѣ“. Въ результатѣ этой телеграммы г. Вегеръ по возвращеніи въ Петербургъ былъ уволенъ со службы, при чемъ начальство его не нашло нужнымъ обратить вниманіе на представленные имъ документы, удостовѣрявшіе отсутствіе вины съ его стороны въ допущеніи недоброкачественной пищи для рабочихъ. Г. Вегеръ обратился еще въ министерство путей сообщенія, съ просьбой разслѣдовать дѣло, но, не получивъ и здѣсь удовлетворенія, перенесъ дѣло въ судъ, обвиняя инженера Саханскаго въ клеветѣ, содержащейся въ приведенной телеграммѣ. При судебномъ разборѣ всѣ изложенныя выше обстоятельства вполнѣ подтвердились, и окружный судъ, признавъ обвиненіе доказаннымъ, приговорилъ инженера путей сообщенія, Вал. Ал. Саханскаго, къ двухнедѣльному домашнему аресту *).

Итакъ, если на Забайкальской дорогѣ скромная просьба о выдачѣ обѣщаннаго вознагражденія за трудъ влечетъ за собою увольненіе служащаго, то не менѣе суровые нравы царятъ и на Сѣверной дорогѣ, отвѣчающей такимъ же увольненіемъ на попытку заступничества за рабочихъ, получающихъ недоброкачественную пищу. Но всесильное начальство существуетъ не только на желѣзныхъ дорогахъ и проявляетъ свою власть не только надъ лицами, находящимися на службѣ. Не въ меньшей, если не въ большей, мѣрѣ проявленія этой власти вынужденъ испытывать на себѣ и рядовой обыватель. За послѣдніе мѣсяцы въ газетахъ можно было найти цѣлый рядъ эпизодовъ, довольно наглядно обрисовывающихъ всѣ удобства положенія обывателя, оказывающагося въ слишкомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ лицами, кото-

*) «Спб. Вѣдомости», 28 мая 1903 г.

рыя чувствуютъ себя въ роли начальства. Я позволю себѣ напомнить читателю лишь нѣкоторые изъ такихъ эпизодовъ

Весною текущаго года два студента петербургскаго университета, гг. Верхоглядовъ и Шевченко, обвинялись передъ мировымъ судьей въ оскорбленіи городового и произведеніи безпорядка на улицѣ. Мировой судья призналъ обвиненіе доказаннымъ и приговорилъ каждаго изъ нихъ къ 6 днямъ ареста, но обвиняемые обжаловали этотъ приговоръ въ съѣздъ мировыхъ судей. При разборѣ дѣла въ послѣднемъ обвиняемые дали слѣдующія показанія: „Мы спокойно гуляли, какъ кто-то изъ толпы хулигановъ сорвалъ съ одного изъ насъ пальто. Мы обратились за помощью къ городовому, который сталъ на насъ кричать, свиснулъ, позвалъ дворниковъ и приказалъ свести обоихъ насъ въ участокъ. Тамъ послѣдовалъ приказъ обыскать насъ. Мы протестовали, но это ни къ чему не привело. Былъ составленъ протоколъ, обвиняющій насъ въ подстрекательствѣ толпы къ бунту противъ городового“. Свидѣтели изъ дворниковъ обличали обвиняемыхъ въ произнесеніи бранныхъ словъ по адресу городового. На вопросъ же защитника, какія были эти бранныя слова, одинъ свидѣтель отвѣчалъ: „паукъ“. Другой свидѣтель сознался, что при составленіи протокола онъ даже не присутствовалъ, а на другой день въ участкѣ былъ составленъ новый протоколъ, когда и его, свидѣтеля, допросили. Въ виду всего этого товарищъ прокурора далъ заключеніе объ отмѣнѣ приговора мирового судьи. Мировой съѣздъ, дѣйствительно, отмѣнилъ этотъ приговоръ и оправдалъ обоихъ обвиняемыхъ *). Но было ли при этомъ обращено какое-либо вниманіе на дѣйствія лицъ, самовольно арестовавшихъ и обыскавшихъ гг. Верхоглядова и Шевченка, а затѣмъ составившихъ фальшивый протоколъ, осталось неизвѣстнымъ. Гг. Верхоглядову и Шевченку пришлось довольствоваться и тѣмъ, что ихъ самихъ не подвергли новой карѣ за неосторожное обращеніе къ городовому. За то впредь, надо думать, они будутъ избѣгать безпокоить петербургскихъ городовыхъ.

Не очень удобно, впрочемъ, для обывателя безпокоить и чиновъ провинціальной полиціи. Особенно велики, должнó быть, такія неудобства въ Путивльскомъ уѣздѣ, Курской губерніи. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по одной корреспонденціи „Спб. Вѣдомостей“, напечатанной еще въ маѣ и съ тѣхъ поръ не встрѣтившей опроверженія. Въ с. Буринѣ, Путивльскаго уѣзда,—разсказываетъ названный корреспондентъ,—пріѣхалъ погостить къ своимъ родственникамъ воспитанникъ 7-го класса одной изъ московской гимназій Сергѣй Б. Вечеромъ онъ „пошелъ на почтово-телеграфную станцію, чтобы отправить отцу теле-

*) «Р. Вѣдомости», 30 мая 1903 г.

грамму, но по ошибкѣ попалъ въ другую квартиру, гдѣ его,—вѣроятно, тоже по ошибкѣ,—сильно избили. Затѣмъ явившійся становой приставъ потребовалъ отъ Сергѣя Б. паспортъ. Тотъ показалъ свой гимназическій билетъ. Приставъ не призналъ его видомъ на жительство и составилъ протоколъ, гдѣ было сказано: „неизвѣстнаго званія человѣка, назвавшаго себя гимназистомъ Сергѣемъ Б., въ виду нелогичности поступковъ, вызывающихъ сомнѣніе въ состояніи нормальности его умственныхъ способностей, представить на распоряженіе въ путивльское уѣздное полицейское управленіе“. Изъ полицейскаго управленія его отправили въ тюрьму и запросили родственниковъ Б. объ его личности и умственныхъ способностяхъ. Оторопѣвшіе родственники подтвердили сомнѣніе пристава относительно умственныхъ способностей Б., разсчитывая этимъ облегчить его участь. Тогда Б. препроводили изъ тюрьмы въ земскую больницу. Въ послѣдней, однако, его не приняли на томъ основаніи, что „путивльская больница для лѣченія психически-больныхъ совершенно неприспособлена“, и онъ былъ отправленъ обратно въ тюрьму. Послѣ того о немъ было сдѣлано слѣдующее постановленіе: „Б., какъ не имѣющаго подлежащихъ на жительство документовъ и опредѣленныхъ занятій и замѣченнаго въ ненормальныхъ поступкахъ, препроводить съ отходящимъ этапомъ для провѣрки показанія объ его личности въ Москву приставу, въ участкѣ котораго находится Старо-Басманная улица“. Въ ожиданіи этапа Б. далъ телеграмму въ Москву своему отцу, но послѣдній не смогъ пріѣхать немедленно, такъ какъ въ это время умиралъ его отецъ, дѣдъ гимназиста. Изъ Москвы приставомъ Старо-Басманной части былъ лишь сдѣланъ запросъ по телеграфу въ Путивль объ арестѣ Сергѣя Б. Тѣмъ временемъ путивльскую тюрьму посѣтилъ товарищъ прокурора сумскаго окружнаго суда, г. Рачинскій, который и сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ освобожденіи Б., принимая во вниманіе, что личность Б. удостовѣрена, и что изъ копіи постановленія не видно, чтобы къ задержанію Б. было достаточное основаніе“. Но на этомъ бѣдствія гимназиста еще не окончились. Такъ какъ къ своему распоряженію г. Рачинскій добавилъ: „и поступить съ нимъ, согласно имѣющимся въ переепискѣ о Б. свѣдѣніямъ о томъ, что онъ—душевно-больной“, то Б. снова былъ отправленъ въ земскую больницу, при чемъ въ препроводительномъ свидѣтельствѣ именовался уже арестантомъ за № такимъ-то. Изъ путивльской больницы онъ былъ отправленъ съ фельдшеромъ въ курскую губернскую земскую психіатрическую больницу. На одной станціи близь Путивля ихъ встрѣтилъ отецъ гимназиста и хотѣлъ было взять своего сына, но фельдшеръ не допустилъ этого, такъ какъ, согласно бумагѣ, выданной ему изъ путивльскаго полицейскаго управленія, онъ сопровождалъ „арестанта неизвѣстнаго званія, именующагосебя гимназистомъ“. Въ пси-

хіатрической больницѣ, куда, наконецъ, привезли Б., врачи признали его совершенно нормальнымъ, и онъ былъ немедленно отданъ отцу. „На несчастнаго гимназиста и его отца,—прибавляетъ сообщившій разсказанную исторію корреспондентъ,—это приключеніе произвело потрясающее впечатлѣніе“ *). Послѣднему легко, конечно, повѣрить.

Суровая практика современной дѣйствительности неуклонно стремится, однако, пріучить россійскаго обывателя къ „потрясающимъ впечатлѣніемъ“, и если она не вполнѣ еще успѣваетъ въ этомъ, то никакъ не въ силу недостатка энергіи съ ея стороны. Напротивъ, такая энергія нерѣдко проявляется въ столь сильной степени, что обыватель почти совершенно утрачиваетъ способность сознавать границу между нормальными и ненормальными явленіями. Интересный случай этого рода былъ разсказанъ нынѣшнимъ лѣтомъ одной изъ провинціальныхъ газетъ. Въ екатеринославское богоугодное заведеніе, по ея словамъ, былъ привезенъ изъ Маріуполя тамошній полицейскій приставъ Казій, страдающій буйнымъ помѣшательствомъ. До того „Казій наводилъ панику на маріупольцевъ невозможно дикимъ поведеніемъ. Между прочимъ, онъ однажды ворвался голый въ женскія купальни и произвелъ неописуемый переполохъ среди обнаженныхъ женщинъ. Человѣкъ геркулесовской силы, онъ былъ ужасенъ въ минуты буйныхъ припадковъ. Долго добродушные маріупольцы не догадывались о причинѣ необыкновеннаго поведенія Казія, пока, наконецъ, ихъ не надоумили добрые люди со стороны. Тогда они сразу прозрѣли и пригласили врача для освидѣтельствованія умственныхъ способностей Казія. Состояніе больного оказалось безнадежнымъ“ *). Можно думать, однако, что не только добродушіе маріупольцевъ мѣшало имъ разглядѣть истинныя причины „невозможно дикаго поведенія“ ихъ пристава. Во всякомъ случаѣ, уже одна возможность несенія полицейской должности душевно-больнымъ человѣкомъ, явно обнаруживающимъ свою болѣзнь „невозможно дикимъ поведеніемъ“, является крайне краснорѣчивымъ фактомъ, много говорящимъ о порядкахъ современной дѣйствительности.

Въ этихъ порядкахъ, на самомъ дѣлѣ, много дикости, лишь очень рѣдко къ тому же встрѣчающей должный отпоръ. Нынѣшнимъ же лѣтомъ въ газетахъ разсказывалась глубоко возмутительная исторія, ярко иллюстрирующая эту печальную сторону нашей общественной жизни. 3 іюля на станціи Елецъ юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ былъ найденъ въ поѣздѣ, въ вагонѣ 3-го класса, подброшенный кѣмъ-то ребенокъ. Почему-то подозрѣніе пало на одну изъ пассажирокъ, сидѣвшую въ углу зала 3-го

---

*) «СПБ. Вѣдомости», 20 мая, 1903 г.

**) «Приднѣпровскій Край». Цитирую по «Н. Времени», 31 іюня 1903 г.

класса. Нѣсколько человѣкъ потребовали, чтобы она шла въ дежурную комнату на освидѣтельствованіе. Смущенная пассажирка просила оставить ее въ покоѣ, завѣряя, что найденный ребенокъ не ея. Дальше продолжаемъ словами газетнаго сообщенія. „Быстро собралась толпа. Испугъ и смущеніе пассажирки усилили въ толпѣ подозрѣніе противъ нея. Ее стали укорять и даже ругать. Два-три человѣка заявили, что они лично знаютъ эту пассажирку, какъ хорошую, скромную дѣвушку, но заявленіе это не произвело впечатлѣнія; четыре носильщика взяли дѣвушку и понесли въ дежурную комнату. Послали за фельдшеромъ. Дѣвушку насильно раздѣли въ присутствіи многочисленной публики, которая смотрѣла въ окна дежурной комнаты. Фельдшеръ освидѣтельствовалъ дѣвушку и удостовѣрилъ, что ребенокъ не могъ быть ея. Несчастной послѣ этого... позволили уйти. Съ нею сдѣлался продолжительный нервный припадокъ: она очень долго не могла вымолвить ни слова; ее душили рыданія“... *). Въ большой толпѣ не оказалось, такимъ образомъ, ни одного человѣка, который нашелъ бы въ себѣ достаточно мужества, чтобы помѣшать возмутительному надругательству надъ беззащитной дѣвушкой. Даже лица, знакомыя съ нею, ограничились лишь заявленіемъ о своемъ знакомствѣ, а когда это заявленіе „не произвело впечатлѣнія“, трусливо отступили или даже, можетъ быть, уподобившись герою Андреевской „Бездны“, вмѣстѣ съ толпою любовались въ окно дежурной комнаты, какъ раздѣвали и свидѣтельствовали ихъ знакомую. Я не говорю уже о должностныхъ лицахъ станціи. Они, повидимому, или вовсе не обращали вниманія на то, что происходило передъ ихъ глазами во ввѣренномъ ихъ охранѣ помѣщеніи, или же, какъ носильщики и фельдшеръ, принимали дѣятельное участіе въ творившемся насиліи.

Хроника послѣдняго времени знаетъ, впрочемъ, и такіе случаи, когда лица, призванныя охранять порядокъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, играли болѣе активную роль въ насиліяхъ надъ пассажирами. Не такъ давно газеты обошелъ разсказъ о томъ, какъ предсѣдатель псковской губернской земской управы, отъѣхавъ двѣ-три станціи отъ Пскова по желѣзной дорогѣ, былъ признанъ за преступника и задержанъ на нѣсколько часовъ, при чемъ освободиться отъ задержанія ему удалось только при помощи губернатора. Вслѣдъ за тѣмъ въ „Саратовскомъ Дневникѣ“ появилось письмо землевладѣльца А. А. Меньшикова, настолько любопытное, что его стоитъ привести цѣликомъ.

„Фирма „Эмиль Липгардтъ и Комп.“,—пишетъ г. Меньшиковъ,—извѣстила меня, что 16-го августа состоится конкурсъ машинъ, въ томъ числѣ и моей, въ имѣніи г.г. Тевяшевыхъ, ст.

---

*) «Русское Слово». Цитирую по «Н. Времени», 23 іюля, 1903 г.

Евдаково, Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, и просила меня присутствовать на конкурсѣ. Не доѣзжая до ст. Евдаково, 17-го августа, когда поѣздъ подошелъ къ ст. Лиски, я былъ приглашенъ жандармомъ объясниться въ жандармскую комнату. Мнѣ предъявили обвиненіе въ кражѣ зонтовъ у армянъ или евреевъ,—не знаю. Въ комнатѣ было четверо гигантовъ-жандармовъ и два здоровыхъ парня. Документовъ со мною не было, была только телеграмма отъ Липгарта. Нашелся жандармъ—„физіономистъ", признавшій во мнѣ профессіональнаго вора, обкрадывающаго юго-восточную желѣзную дорогу. Всякій протестъ съ моей стороны, просьбы послать депешу аткарскому прокурору сопровождались ударами со стороны сидѣвшихъ и державшихъ меня, уже связаннаго, парней. Дальнѣйшее я помню смутно; со мною дѣлались истерики и обморокъ. Кажется, телеграммѣ Липгарта придали такое значеніе, что я ѣду по извѣщенію главаря шайки обкрадывать присутствующихъ на конкурсѣ, или что-то въ этомъ родѣ. Наконецъ, истязанія кончились, и меня отвели въ арестантскую при мѣстномъ волостномъ правленіи, отобравъ часы и деньги. Багажъ мой, въ существованіи котораго усомнились жандармы, остался въ вагонѣ. Ночь въ „холодной" надолго останется у меня въ памяти. Сильный вѣтеръ съ дождемъ врывался въ задѣланное рѣшеткой отверстіе безъ стекла; подъ нимъ изъ стѣны въ стѣну лежали три качающіяся доски, изображающія постель; на полу—страшная грязь, мыши, невозможный запахъ. Слѣдующій день, понедѣльникъ, 18-го августа, я просидѣлъ весь. Къ вечеру соблаговолилъ зайти полицейскій надзиратель посмотрѣть, какъ онъ выразился, „извѣстнаго вора", котораго „долго не могли поймать". Слѣдующую ночь и до 11 часовъ дня я провелъ въ „холодной". Ѣсть мнѣ не давали: на это не было распоряженія жандармской полиціи; деньги были отобраны и не позволили дать депешу домой. Во вторникъ, 19 августа, въ 11 ч. утра, отправили подъ конвоемъ въ г. Бобровъ къ судебному слѣдователю за 45 верстъ отъ Лисокъ. Ночевалъ я въ „холодной" при волостномъ правленіи, въ 20 верстахъ отъ Боброва. Въ среду, 20 августа, подъ проливнымъ дождемъ, при сильномъ вѣтрѣ, при 8° Реомюра и безъ верхняго платья, я былъ доставленъ къ судебному слѣдователю. Грязный, оборванный, дрожащій отъ холода, съ постоянно повторяющимися истериками, я не внушалъ уже ни малѣйшаго довѣрія, и судебнымъ слѣдователемъ былъ заключенъ въ тюрьму.

„Обвиненіе противъ меня построено было такъ: у армянъ или персовъ пропало два зонта; въ окно подходящаго вагона на ст. Лиски, плохо освѣщеннаго и полнаго народа, два субъекта, участвовавшіе въ избіеніи меня, будто бы видѣли, какъ я кралъ зонтики.

„Страшно тяжело было надѣть арестантскій костюмъ, но онъ былъ сухой, и это меня порадовало. Первое впечатлѣніе „мертваго

дома“ понемногу сглаживалось. Товарищи по заключенію безусловно повѣрили моему разсказу и отнеслись сочувственно.

„Это участіе, послѣ истязаній, полнѣйшаго равнодушія надзирателя и прочихъ лицъ, мимо которыхъ я прошелъ, мнѣ показалось въ высшей степени отраднымъ; я началъ успокаиваться. Дѣло мое было разсмотрѣно, даны депеши семейнымъ, личность установлена, и на третій день, въ пятницу, 22 августа, я былъ выпущенъ на свободу. Все это такъ потрясло меня, что я не могъ видѣть жандармовъ, на меня нападалъ ужасъ и повторялась истерика, и на обратномъ пути, уже съ документами въ карманѣ, я попросилъ полицейскаго надзирателя проводить меня далѣе ст. Лисокъ.

„У меня пропала всякая увѣренность въ моей безопасности отъ насилія со стороны лицъ, призванныхъ охранять. Вчера я возвратился домой, третій день, какъ освобожденъ изъ тюрьмы, и до сихъ поръ не могу придти въ себя. Случившееся кажется тяжелымъ кошмаромъ; были моменты, что мнѣ казалось, что я схожу съ ума, и, повидимому, я былъ недалеко отъ этого. Не смотря на мое желѣзное здоровье, чувствую, что эта исторія не пройдетъ для меня безслѣдно“ *).

Весь эпизодъ, разсказанный въ письмѣ г. Меньшикова, дышетъ какой-то эпической простотой, живо вызывая въ памяти минувшіе вѣка. Представители полицейской власти, считающіе нужнымъ по первому, ничѣмъ не провѣренному указанію арестовать мирно ѣдущаго по своимъ дѣламъ человѣка и немедленно принимающіеся бить арестованнаго; судебный слѣдователь, отправляющій человѣка въ тюрьму только потому, что онъ доставленъ по этапу и измученъ голодомъ и холодомъ; арестанты, проявляющіе болѣе участія и сочувствія къ пострадавшему, чѣмъ лица, долженствующія охранять общество, обыватель, горькимъ опытомъ воспитывающій въ себѣ паническій ужасъ передъ блюстителями порядка,—все это такъ гармонируетъ одно съ другимъ, и все вмѣстѣ такъ плохо вяжется съ представленіемъ о XX вѣкѣ. Но если личная неприкосновенность обывателя оказывается подчасъ такъ мало обезпеченной въ условіяхъ современнаго быта, то не болѣе гарантій представляютъ эти условія и въ дѣлѣ охраны обывательскаго имущества. И въ этой послѣдней области порою проявляется та же иронія судьбы, какъ въ приведенныхъ выше эпизодахъ. Достаточно напомнить хотя бы недавнюю исторію житомірскаго брандмейстера Осипова, уличеннаго въ томъ, что вмѣсто спасанія обывателей отъ пожаровъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимался поджогами, въ чемъ ему, по послѣднимъ газетнымъ сообщеніямъ, дѣятельно помогалъ и уволенный недавно отъ должности мѣстный полиціймейстеръ **).

*) Цитирую по «Н. Времени», 2 сент. 1903 г.

**) «Кіевская Газета». Цитирую по «Н. Времени», 29 авг. 1903 г.

Изъ груды лежащихъ передо мною газетныхъ вырѣзокъ я взялъ лишь немногія. Читатель, сколько-нибудь внимательно слѣдившій въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ за газетами, легко вспомнитъ рядъ фактовъ, совершенно аналогичныхъ приведеннымъ мною. Конечно, можно сказать, что всѣ такіе факты являются въ большей или меньшей степени случайными. Но за послѣднее время подобныхъ случайностей накапливается такъ много, онѣ до такой степени заполняютъ собою жизнь, что за ними по необходимости приходится признавать большое и серьезное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, удобно ли жить въ обстановкѣ такихъ случайностей, благодаря которымъ мирный обыватель испытываетъ „панику“ и теряетъ увѣренность въ безопасности своего имущества, въ неприкосновенности своей личности, въ невозможности надругательства надъ его человѣческимъ достоинствомъ и надъ честью его жены и дочерей? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, кажется, быть не можетъ.

III.

За послѣдніе мѣсяцы въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи предпринятъ рядъ попытокъ, направленныхъ къ урегулированію труда рабочихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Попытки эти заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ по самой своей сущности, такъ и по той оригинальной формѣ, въ которую онѣ облечены.

Чрезвычайная тяжесть положенія рабочихъ въ нашихъ ремесленныхъ заведеніяхъ составляетъ общеизвѣстный и не вызывающій никакихъ сомнѣній фактъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ рабочіе этихъ заведеній, получая крайне низкую плату, вынуждены нести тяжелую и непомѣрно продолжительную работу, которая къ тому же совершается въ обстановкѣ, противной самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены. Въ то время, какъ фабричные и заводскіе рабочіе до извѣстной степени пользуются уже у насъ охраной со стороны закона, рабочіе-ремесленники почти совершенно лишены еще такой охраны. Правда, въ дѣйствующихъ законахъ имѣются постановленія, говорящія о трудѣ въ ремесленныхъ заведеніяхъ, и эти постановленія могутъ быть, пожалуй, названы даже льготными въ сравненіи съ законами, касающимися фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, но законъ и практика жизни въ данномъ случаѣ далеко расходятся между собою. Статьи 430 и 431 устава о промышленности опредѣляютъ, что „ремесленныхъ рабочихъ дней шесть въ недѣлѣ“ и что „ремесленные рабочіе часы въ суткахъ суть отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера, исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ“. Такимъ образомъ, законъ устанавливаетъ для ремесленниковъ 10-часовый рабочій день, тѣмъ

самымъ какъ будто ставя ихъ даже въ лучшее положеніе сравнительно съ рабочими фабрично-заводскихъ промышленныхъ заведеній, для которыхъ рабочій день закономъ 2 іюня 1897 г. опредѣленъ въ $11^1/_2$ часовъ. Но, съ одной стороны, за исполненіемъ указанныхъ постановленій некому наблюдать, такъ какъ компетенція фабричной инспекціи не распространяется на ремесленныя заведенія, а, съ другой, законъ не установилъ спеціальной кары за нарушеніе этихъ постановленій, благодаря чему даже въ случаѣ обнаруженія такихъ нарушеній виновные могли быть привлекаемы къ отвѣтственности лишь на общемъ основаніи, по ст. 29 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, за неисполненіе законныхъ распоряженій властей. Полное отсутствіе надзора за ремесленными заведеніями и слабость кары, постигавшей уличенныхъ въ несоблюденіи закона хозяевъ, отняли у этого закона всякое значеніе и обратили его въ мертвую букву, не находящую себѣ никакого примѣненія въ дѣйствительной жизни. На практикѣ въ ремесленныхъ мастерскихъ очень многихъ мѣстностей установился невозможно продолжительный рабочій день, въ 15, 16, порою даже въ 18 часовъ.

Подобныя условія, естественно, содѣйствовали накопленію серьезнаго недовольства въ средѣ ремесленныхъ рабочихъ и въ послѣдніе годы такое недовольство стало все чаще вырываться наружу, находя себѣ выраженіе то въ стачкахъ, охватывавшихъ подчасъ ремесленныя заведенія цѣлаго города, то въ попыткахъ обращенія къ мѣстнымъ властямъ, съ просьбою принять мѣры къ улучшенію положенія ремесленниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ власти и попытались, дѣйствительно, принять такія мѣры, воспользовавшись для этого своимъ правомъ издавать обязательныя постановленія. Кіевскимъ, саратовскимъ, новгородскимъ и таврическими губернаторами за послѣдніе два года сдѣланы распоряженія о тщательномъ наблюденіи полиціи за исполненіемъ статей „Устава о промышленности“, опредѣляющихъ продолжительность рабочаго дня въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Въ Каменецъ-Подольскѣ, въ результатѣ жалобы мѣстныхъ пекарей на крайнюю продолжительность ихъ рабочаго дня, 23 октября 1902 г. было издано, съ разрѣшенія кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, особое обязательное постановленіе подольскаго губернатора. Согласно этому постановленію, содержатели каменецъ-подольскихъ пекаренъ обязаны имѣть на каждую печь одного подмастерья и одного помощника, которые должны работать не болѣе 12 часовъ въ сутки, включая въ это время отдыхъ, какимъ они пользуются при перерывахъ, послѣ каждой вымѣски и выпечки тѣста. Каждый замѣсъ тѣста долженъ включать въ себѣ не болѣе 6 пудовъ муки, при чемъ количество выпечки хлѣба въ теченіе 12 часовъ въ сутки не должно превышать четырехъ печей. Каждый рабочій, взамѣнъ воскреснаго и праздничнаго отдыха,

долженъ быть освобожденъ отъ работы четыре раза въ мѣсяцъ, по 24 часа сряду. Тѣмъ же постановленіемъ для каменецъ-подольскихъ пекарей были введены обязательныя разсчетныя книжки *).

Въ свою очередь черноморскій губернаторъ лѣтомъ текущаго года издалъ, по словамъ газетъ, приказъ слѣдующаго содержанія: „По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ ремесленно-промышленныхъ заведеніяхъ Черноморской губерніи не всегда соблюдаются установленныя закономъ правила о рабочемъ времени, почему, на основаніи ст. 430, 431 и 190 устава о промышленности, св. зак., т. XI, ч. II, изд. 1893 г., предлагаю начальникамъ округовъ и новороссійскому полиціймейстеру объявить всѣмъ ремесленникамъ и хозяевамъ ремесленно-промышленныхъ заведеній о непремѣнномъ соблюденіи правилъ, преподанныхъ этимъ закономъ, а именно: ремесленныхъ рабочихъ дней въ недѣлѣ должно быть шесть; въ день воскресный и двунадесятые праздники ремесленники, безъ особой нужды, работать не должны; мастерамъ-евреямъ дозволяется работать въ сіи дни, но съ тѣмъ, чтобы отнюдь не употребляли для сего подмастерьевъ и учениковъ изъ христіанъ; мастера изъ христіанъ не должны принуждать къ работамъ подмастерьевъ и учениковъ изъ евреевъ въ тѣ дни, когда симъ послѣднимъ по ихъ закону работать не дозволяется; но они, вмѣсто того, могутъ употреблять евреевъ въ работы по христіанскимъ праздникамъ и воскреснымъ днямъ; общая продолжительность чистаго рабочаго времени въ теченіе сутокъ не должна превышать для взрослыхъ 10 часовъ, а для малолѣтнихъ, не достигшихъ 15-лѣтняго возраста,—8 часовъ. Отъ всѣхъ ремесленниковъ и содержателей ремесленно-промышленныхъ заведеній предлагаю отобрать подписку о точномъ исполненіи сихъ правилъ, а нарушителей настоящаго распоряженія неотступно привлекать къ законной отвѣтственности (ст. 1378 улож. о нак.) въ подлежащихъ судебныхъ установленіяхъ“ **).

Еще болѣе рѣшительныя мѣры приняты въ гг. Могилевѣ, Гомелѣ и Вильнѣ, гдѣ распоряженіями мѣстныхъ властей не только усилены кары за нарушеніе содержателями ремесленныхъ заведеній правилъ устава о промышленности, но и самыя дѣла о такихъ нарушеніяхъ изъяты изъ компетенціи судебныхъ учрежденій и переданы въ исключительное вѣдѣніе администраціи. Именно, виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ генералъ-губернаторомъ 5 іюня настоящаго года издано, „на основаніи ст. 15 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“, слѣдующее „обязательное постановленіе для города Вильны и его предмѣстій“: 1) Въ помѣщеніи

*) «Спб. Вѣд.», 21 мая 1903 г.
**) «Спб. Вѣд.», 25 іюля 1903 г.

каждаго ремесленнаго промышленнаго заведенія должно быть вывѣшено на видномъ мѣстѣ росписаніе: о начальномъ и конечномъ часахъ рабочаго дня, а также о началѣ и окончаніи каждаго перерыва, съ тѣмъ, чтобы продолжительность рабочаго времени не превышала—примѣнительно къ ст. 431 устава о ремесленной промышленности—10-часовой нормы. 2) Всѣ ремесленныя и торговыя заведенія обязаны вести точные списки служащимъ и рабочимъ. 3) Виновные въ неисполненіи сего подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу до 500 р. или аресту до трехъ мѣсяцевъ". Совершенно такое же постановленіе было издано 15 іюля текущаго года могилевскимъ губернаторомъ для гг. Могилева и Гомеля, съ той только разницей, что въ этомъ послѣднемъ постановленіи не упоминалось о торговыхъ заведеніяхъ *).

Всѣ эти мѣропріятія губернскихъ властей, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о настоятельной необходимости въ улучшеніи положенія ремесленныхъ рабочихъ. Но путь, избранный для такого улучшенія, едва ли можно считать вполнѣ удачнымъ и цѣлесообразнымъ. Врядъ ли есть надобность доказывать, что примѣненіе положенія объ усиленной охранѣ къ опредѣленію работъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ представляетъ собою явную натяжку и такое расширеніе смысла упомянутаго закона, которое не можетъ быть оправдано дѣйствительнымъ его содержаніемъ. Съ другой стороны, какъ ни ощутительно отсутствіе въ законѣ спеціальной кары за нарушеніе правилъ устава о промышленности, опредѣляющихъ продолжительность рабочаго дня въ ремесленныхъ заведеніяхъ, восполненіе подобныхъ пробѣловъ въ законодательствѣ путемъ чисто административныхъ постановленій трудно признать правильнымъ и желательнымъ пріемомъ. Однимъ изъ послѣдствій широкаго примѣненія подобныхъ пріемовъ, несомнѣнно, явилась бы крайне разнообразная практика. То самое дѣйствіе, которое въ одной мѣстности, каралось бы болѣе или менѣе сурово, въ другой вызывало бы очень легкую кару или даже не вызывало бы никакой. Такое положеніе дѣла, предоставляющее въ очень важномъ вопросѣ широкій просторъ субъективнымъ воззрѣніямъ отдѣльныхъ лицъ, заключаетъ въ себѣ серьезныя неудобства. Эти неудобства могутъ быть только увеличены путемъ изъятія дѣлъ о нарушеніи ремесленнаго устава изъ вѣдѣнія суда и передачѣ ихъ на безапелляціонное рѣшеніе администраціи, не имѣющей въ своемъ распоряженіи достаточныхъ средствъ для првильнаго разбора такого рода дѣлъ. Но, даже и минуя указанныя соображенія, съ нашей точки зрѣнія имѣющія, однако, большую важность, нельзя не видѣть, что положеніе объ усиленной охранѣ, само являющееся временнымъ и исключительнымъ

*) «Р. Вѣд.», 15 авг. 1903 г.

закономъ, представляетъ собою довольно шаткій фундаментъ, на которомъ трудно возвести сколько-нибудь стройное и устойчивое зданіе хотя бы чисто административной охраны труда.

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и съ тѣми мѣропріятіями губернской администраціи, которыя основаны не на положеніи объ усиленной охранѣ, а на общемъ правѣ этой администраціи издавать обязательныя постановленія въ предѣлахъ существующихъ законоположеній. Пользуясь этимъ правомъ, губернскія власти въ теоріи не сходятъ съ почвы общаго закона. Но въ этихъ случаяхъ, какъ и въ условіяхъ примѣненія положенія объ усиленной охранѣ, онѣ могутъ лишь повторять требованія закона и безсильны создать спеціальный органъ для наблюденія за исполненіемъ этихъ требованій. Такое наблюденіе имъ приходится всецѣло возлагать на полицію, и безъ того уже обремененную массою различныхъ дѣлъ, исполняемыхъ ею, по неоднократному сознанію самой администраціи, далеко небезукоризненно. Не трудно представить себѣ, во что обратятся на практикѣ новыя полномочія этой полиціи и насколько они окажутся способными содѣйствовать разрѣшенію важнаго вопроса объ охранѣ труда ремесленныхъ рабочихъ. Правильнаго разрѣшенія этого вопроса, очевидно, нужно искать не на пути самопроизвольнаго расширенія полномочій мѣстной администраціи. Подобное расширеніе можетъ только безъ нужды осложнить и запутать и безъ того серьезное дѣло, не давъ ему никакого дѣйствительнаго рѣшенія.

Идея расширенія полномочій мѣстной администраціи въ послѣднее время вообще сдѣлалась, можно сказать, модной идеей, и провинціальнымъ обывателямъ то и дѣло приходится считаться съ болѣе или менѣе настойчивыми попытками осуществленія ея въ жизни. Въ теченіе минувшаго лѣта особенно любопытныя попытки такого рода произведены были въ Астраханской, Пермской и Уфимской губерніяхъ.

Въ первой изъ названныхъ губерній поводъ къ такой попыткѣ былъ доставленъ празднованіемъ торжества 300-лѣтняго юбилея астраханской епархіи. Астраханская городская дума съ своей стороны ассигновала на устройство этого празднованія 2.000 р. Вслѣдъ затѣмъ въ думу было внесено предложеніе о дополнительномъ ассигнованіи еще 300 р., на устройство помоста въ кремлѣ. При закрытой баллотировкѣ дума большинствомъ голосовъ отклонила это предложеніе. Мѣстный губернаторъ г. Газенкампфъ нашелъ, однако же, это рѣшеніе неправильнымъ, и путемъ личныхъ сношеній съ городскимъ головой настоялъ на устройствѣ помоста на счетъ города, обѣщавъ въ случаѣ несогласія думы принять произведенный расходъ взять таковой на себя. Впослѣдствіи дума утвердила названный расходъ. Это, однако, не

удовлетворило губернатора, и онъ обратился къ думѣ по поводу предъидущаго ея рѣшенія съ особымъ предложеніемъ. Въ послѣднемъ онъ прежде всего остановился на высказанномъ въ думѣ соображеніи, что расходы по устройству помоста въ кремлѣ не могутъ быть производимы изъ городскихъ средствъ и должны быть предоставлены епархіальному начальству, какъ хозяину и организатору торжествъ. Такой взглядъ думы губернаторъ „нашелъ невѣрнымъ, какъ съ фактической, такъ и съ законной стороны“: съ фактической—потому, что „въ православныхъ городахъ праздникъ торжества православія есть праздникъ всего православнаго населенія, слѣдовательно, организаторомъ и распорядителемъ должно быть епархіальное начальство при ближайшемъ участіи городского населенія“, съ формальной—„потому, что на основаніи ст. 4 городового положенія, городскому общественному управленію ближайшимъ образомъ ввѣрено попеченіе какъ о православныхъ храмахъ, такъ равно и объ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью укрѣпленіе религіознаго чувства, а съ точки зрѣнія приведеннаго закона 300-лѣтнее торжество православія въ нашемъ городѣ является ближайшимъ случаемъ для укрѣпленія религіознаго чувства православныхъ, а, слѣдовательно, входило въ сферу ближайшихъ интересовъ городского управленія“. По мнѣнію губернатора, „такой мотивъ отказа могъ образоваться только подъ вліяніемъ рѣчи гласнаго И. Г. Сергѣева, поддержаннаго гласными инославнаго исповѣданія“. Но, „если гласному Сергѣеву чувство такта не подсказывало воздержаться отъ участія въ дебатахъ по вопросу, связанному съ интересами православія, то предсѣдатель собранія, городской голова, обязанъ былъ разъяснить неправославнымъ гласнымъ неумѣстность ихъ участія въ обсужденіи этого вопроса и предложить имъ воздержаться отъ голосованія, подобно тому, какъ это практикуется при избраніи думою соборныхъ и церковныхъ старостъ“. „Сообщая объ этомъ и не считая возможнымъ подвергать дѣла случайному рѣшенію, подобно описанному, я прошу — заканчивалъ свое предложеніе губернаторъ—городского голову настоящее предложеніе довести до свѣдѣнія думы и впредь въ разрѣшеніе вопросовъ по дѣламъ православія не допускать участія гласныхъ не православныхъ исповѣданій“. Астраханская дума, обсудивъ это предложеніе, значительнымъ большинствомъ голосовъ постановила обжаловать его въ сенатъ *).

Въ характерѣ сенатскаго рѣшенія по возбужденному такимъ образомъ вопросу едва ли возможно сколько-нибудь сомнѣваться. Дѣйствительно, какъ въ мотивировкѣ предложенія астраханскаго губернатора, такъ и въ самомъ существѣ этого предложенія заключается слишкомъ много страннаго. Прежде всего трудно по-

*) «СПБ. Вѣдомости», 8 іюля 1903 г.

нять уже то, какимъ образомъ губернатору могли быть извѣстны не только мотивы рѣшенія думскаго большинства, но и самый составъ послѣдняго, когда такое рѣшеніе было получено путемъ закрытой баллотировки. Не менѣе трудно согласиться и съ правильностью той параллели, которую проводитъ губернаторъ между вопросомъ, подавшимъ поводъ къ его предложенію думѣ, и дѣломъ избранія церковныхъ старостъ. Для неправославнаго населенія города, конечно, совершенно безразлично, кто будетъ старостами православныхъ церквей, и участіе въ избраніи этихъ старостъ для него не имѣетъ смысла, какъ участіе въ дѣлѣ, совершенно ему чужомъ. Но для того же населенія далеко не безразлично, куда и на что расходуются общія городскія средства, составляющіяся изъ платежей не однихъ лишь православныхъ жителей города, и въ дѣлѣ расходованія этихъ средствъ всѣ гласные должны имѣть одинаковый голосъ. Въ противномъ случаѣ можно было бы цѣлый рядъ очень важныхъ вопросовъ объявить имѣющими отношеніе въ „дѣлахъ православія“ и на этомъ основаніи исключить отъ участія въ ихъ рѣшеніи неправославныхъ гласныхъ. Но порядокъ, оспариваемый астраханскимъ губернаторомъ, установленъ закономъ, при чемъ послѣдній не предоставляетъ губернскимъ властямъ права измѣнять его сообразно ихъ личнымъ взглядамъ. Въ виду этого можно думать, что предложеніе астраханскаго губернатора не получитъ пока практическаго значенія и останется лишь любопытнымъ проектомъ расширенія полномочій губернской администраціи.

До извѣстной степени аналогичный проектъ возникъ въ послѣднее время и въ Пермской губерніи. Здѣсь минувшимъ лѣтомъ, при первомъ представленіи служащихъ по губернскому земству новому губернатору, послѣдній обратился къ нимъ, по словамъ газетъ, съ такою рѣчью: „При первомъ вашемъ представленіи признаю необходимымъ сдѣлать вамъ нѣсколько указаній для руководства и исполненія. Всѣ вы состоите на службѣ губернскаго земства по разнымъ ея отраслямъ и при добросовѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу и къ своему положенію не должны и не можете не желать процвѣтанія и устройства всѣхъ дѣлъ, земству ввѣренныхъ. А дѣла эти ввѣрены земству правительствомъ, признавшимъ, что нѣкоторыя хозяйственныя дѣла удобнѣе и лучше поручить мѣстнымъ силамъ или, по крайней мѣрѣ, вести ихъ подъ наблюденіемъ мѣстныхъ людей, собравшихся въ земскія собранія. Такимъ образомъ земскія учрежденія у насъ не отдѣлены и неотдѣлимы отъ учрежденій правительственныхъ, коихъ они—составная часть. Это надо твердо помнить. Стало быть, добросовѣстно служить земству можно, только работая въ томъ же направленіи, въ которомъ работаетъ правительство. Къ такому выводу приводитъ меня логика. Я на немъ остановился. Положилъ его въ основаніе моихъ взглядовъ на

земское дѣло и признаю необходимымъ на это вамъ указать. Моя оцѣнка вашей дѣятельности и самое допущеніе новыхъ лицъ въ вашу среду будетъ происходить на этомъ основаніи. Такимъ образомъ, съ вашей стороны будетъ недостаточно не быть изобличенными въ противоправительственной дѣятельности, недостаточно даже быть просто чуждыми такой дѣятельности, а надобно и должно проявить дѣятельность противоположную, ставить себѣ цѣлью работать вмѣстѣ и дружно съ учрежденіями правительственными, не земскими, работать для правительства. Безъ этого я не могу признавать земскихъ служащихъ честными работниками, не могу видѣть въ нихъ полезныхъ для блага народнаго дѣятелей. Кромѣ того, я признаю въ высокой степени необходимымъ, чтобы въ дѣятельности вашей былъ установленъ строгій внѣшній порядокъ, чтобы каждое учрежденіе представляло изъ себя стройное цѣлое, чтобы каждый служащій умѣлъ не только распоряжаться, но и подчиняться тѣмъ, кому онъ по закону подчиненъ. При соблюденіи этихъ условій вы будете имѣть во мнѣ доброжелателя, безпристрастнаго, справедливаго, облеченнаго властью. Таковы мои указанія" *).

Та „логика", которая легла въ основаніе приведенной рѣчи, едва ли можетъ быть названа безупречной. Именно потому, что извѣстныя дѣла признано было лучшимъ „поручить мѣстнымъ силамъ", представленнымъ въ земскихъ учрежденіяхъ, послѣднія „отдѣлены" отъ учрежденій правительственныхъ и имѣютъ свою особую организацію. Какъ ни сближена у насъ общественная служба съ государственной, между ними все же остается еще глубокое принципіальное различіе, и лицу, состоящему на первой, не предстоитъ надобности подчиняться всѣмъ требованіямъ второй. Съ другой стороны, законъ предоставляетъ, правда, губернаторамъ право извѣстнаго надзора за дѣятельностью земскихъ учрежденій и утвержденія приглашаемыхъ земствомъ на службу лицъ, но онъ не ставитъ всетаки губернатора въ положеніе прямого начальника ни земства, ни лицъ, состоящихъ на земской службѣ. Въ виду этого рѣшительныя и властныя указанія земскимъ служащимъ на такія обязанности, которыя не вытекаютъ для нихъ прямо изъ ихъ положенія, могутъ быть разсматриваемы лишь какъ новая попытка самостоятельнаго расширенія полномочій мѣстной администраціи на счетъ правъ, предоставленныхъ закономъ земскимъ учрежденіямъ.

Подобная же попытка имѣла мѣсто недавно и въ Уфимской губерніи. Вновь назначенный въ нее губернаторъ, г. Соколовскій, по словамъ „Сам. Газеты", предложилъ всѣмъ предсѣдателямъ земскихъ управъ губерніи на будущее время непремѣнно испрашивать его разрѣшенія не только при опредѣленіи вольно-

---

*) «Пермскій Край». Цитирую по «Новостямъ», 16 іюля 1903 г.

наемныхъ лицъ на земскую службу, но и при раздачѣ не состоящимъ на земской службѣ лицамъ сдѣльныхъ работъ. *). Нѣтъ нужды, конечно, разъяснять, на сколько стѣснительно для земства подобное требованіе, способное серьезно затормозить нѣкоторыя отрасли земской дѣятельности. Вдобавокъ врядъ ли это требованіе согласовано и съ закономъ, который предоставляетъ губернатору лишь утвержденіе лицъ, приглашаемыхъ на земскую службу. Очевидно, и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло прежде всего съ стремленіемъ раздвинуть кругъ полномочій мѣстной администраціи. И трудно, конечно, не видѣть характернаго и важнаго симптома въ томъ обстоятельствѣ, что такое стремленіе, не сдерживаемое даже рамками закона, проявляется въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ.

IV.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца опубликованъ рядъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ сооощеній, касающихся различныхъ событій нашей внутренней жизни. По принятому нами обыкновенію, воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ такихъ сообщеній.

Въ предыдущей нашей хроникѣ было уже помѣщено нѣсколько сообщеній о стачкахъ рабочихъ въ южныхъ губерніяхъ. Съ той поры обнародовано еще нѣсколько сообщеній по тому же предмету.

Въ Черниговѣ, по словамъ „Кіевской Газеты“ **), была стачка столяровъ, маляровъ и слесарей, но затѣмъ всѣ они возобновили работы, при чемъ въ столярныхъ и слесарныхъ мастерскихъ введенъ 12-часовой рабочій день, съ перерывомъ въ два часа. На введеніе же разсчетныхъ книжекъ хозяева мастерскихъ не согласились.

Въ Ѳеодосіи происходила стачка портовыхъ рабочихъ, закончившаяся, по сообщенію „Южнаго Курьера“, слѣдующимъ образомъ: „19-го августа, неожиданно для всѣхъ, прибылъ изъ Симферополя въ Ѳеодосію начальникъ Таврической губерніи, камергеръ В. Ф. Треповъ. Губернаторъ прослѣдовалъ въ гостиницу, гдѣ тотчасъ назначилъ совѣщательное засѣданіе лицъ, причастныхъ къ порту и его дѣятельности. Среди нихъ были представители экспортныхъ домовъ, представители портовыхъ рабочихъ, городской голова, начальникъ порта, представители полиціи и жандармеріи и др. Первыми высказались экспортеры. Колебаніе цѣнъ на рабочія руки, по ихъ мнѣнію, можетъ гибельно отразиться не только на ихъ собственныхъ интересахъ, но и, вообще, на всей дѣятельности коммерческаго порта. Когда рабочіе впер-

*) Цитирую по «Спб. Вѣдомостямъ», 2 авг. 1903 г.

**) Цитирую по «Н. Времени», 29 авг. 1903 г.

вые потребовали повышенія цѣнъ, — они, экспортеры, пошли на уступку и повысили. Когда, затѣмъ, цѣны были нормированы начальникомъ порта, они, экспортеры, опять уступили, полагая, что на этомъ броженіе разъ и навсегда закончится. Но предположенія не оправдались; черезъ нѣсколько дней новыя требованія рабочихъ нарушили нормы, выработанныя портовой администраціей. Такое положеніе вещей, по смыслу опасеній экспортеровъ, поведетъ къ тому, что хлѣбный грузъ начнутъ направлять въ другіе южные порты, гдѣ требованія рабочихъ болѣе постоянны и умѣренны и гдѣ, стало быть, хлѣбу не угрожаетъ опасность вздорожанія вслѣдствіе непредвидѣнно увеличивающихся накладныхъ расходовъ. Результатомъ сѣтованій экспортеровъ было то, что совѣщаніе выработало цѣны на портовый трудъ въ соответвѣтствіи съ ихъ указаніями. По закрытіи засѣданія начальникъ губерніи въ сопровожденіи членовъ совѣщанія направился на портовую территорію, гдѣ была собрана большая толпа рабочихъ, которыхъ онъ и ознакомилъ съ выработанными нормами. Часть рабочихъ одобрила ихъ своимъ молчаніемъ, а другая—громкими выкриками заявила о своемъ недовольствѣ. Тогда начальникъ губерніи далъ рабочимъ и экспортерамъ 2 часа на переговоры и размышленія, послѣ чего сызнова выработанная таблица цѣнъ была принята обѣими сторонами. Губернаторъ оставилъ портовую территорію, сопровождаемый „ура“ рабочихъ“ *).

Въ одесскихъ газетахъ напечатанъ приказъ по одесскому военному округу временно командующаго войсками генерала-отъ-кавалеріи барона Каульбарса отъ 23-го іюля. Въ приказѣ этомъ говорится: „17-го іюля городъ Одесса былъ охваченъ народнымъ волненіемъ такой силы, что градоначальникъ ген.-лейт. Арсеньевъ обратился ко мнѣ съ просьбой занять городъ войсками для возстановленія порядка. Вслѣдствіе этого я, около 3 час. дня, по телефону отдалъ приказаніе начальнику лагернаго сбора ген.-лейт. Иванову расположить наличныя войска примѣнительно къ росписанію, выработанному, по приказанію командующаго войсками округа, коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ командира 8-го армейскаго корпуса ген.-лейт. Мылова. Къ вечеру городъ былъ занятъ войсками, а въ теченіе ночи и слѣдующаго утра безпорядки прекращены и волненіе стало постепенно утихать. Сегодня, когда порядокъ въ городѣ вполнѣ установился и работы всюду возобновились, я чувствую потребность высказать молодецкимъ войскамъ одесскаго гарнизона и лагернаго сбора, именемъ дѣла, глубокую признательность за спокойное и достойное ихъ поведеніе. Трудное дѣло успокоенія бушевавшей толпы обошлось безъ кровопролитія, благодаря лишь тому, что вы, въ сознаніи вашей силы, не теряли хладнокровія даже тогда, когда какіе-то

*) Цитирую по «Сарат. Дневнику», 2 сент. 1903 г.

неосторожные безумцы рѣшились бросить въ васъ нѣсколько камней. Честь и слава такому войску; честь и слава гг. офицерамъ и всѣмъ начальствующимъ лицамъ, съ начальникомъ занявшаго городъ отряда во главѣ“ *).

Въ „Вѣдомостяхъ Елисаветградскаго Городского Управленія“ напечатано: „29-го іюля 1903 г., и. д. херсонскаго губернатора, на основаніи §§ 6 и 10 обязательнаго постановленія, изданнаго 19 января 1902 г. для жителей г. Елисаветграда,—постановилъ: 48 чел. мѣщанъ, 8 чел. крестьянъ и прапорщика запаса студента Александра Шапиро, за участіе въ уличныхъ безпорядкахъ 28-го и 29-го іюля с. г. въ г. Елисаветградѣ, не разошедшихся по требованію полиціи, независимо отъ той отвѣтственности, какой они могутъ подлежать въ общемъ порядкѣ, подвергнуть аресту на 3 мѣсяца каждаго, считая срокъ ареста со дня задержанія“ *).

О самыхъ же безпорядкахъ въ г. Елисаветградѣ въ херсонскомъ „Югѣ“ передаются такія свѣдѣнія: „Началось съ того, что нѣсколько рабочихъ-пекарей согласились потребовать отъ своихъ хозяевъ разныхъ льготъ, а чтобы добиться своего, рѣшили прекратить работы. Но нашлось не мало такихъ, которымъ забастовка была бы лишеніемъ дневного пропитанія. Враждующія партіи столкнулись на Старомъ базарѣ и подрались; но драка не приняла большихъ размѣрахъ, такъ какъ полиція разняла буяновъ. Это было утромъ 28-го іюля. Вѣсть о стачкѣ хлѣбопековъ соблазнила каменщиковъ, работавшихъ на постройкахъ: въ то же утро они побросали работы и собрались на Банной площади, съ твердымъ намѣреніемъ не расходиться, пока подрядчики не увеличатъ имъ платы, сокративъ также рабочій день. Къ нимъ выѣхалъ полиціймейстеръ и убѣждалъ рабочихъ становиться на работы или же расходиться по домамъ и спокойно ждать разрѣшенія ихъ дѣла. Увѣщанія подѣйствовали, толпа разошлась. Но въ тотъ же день началась забастовка другихъ рабочихъ: столяровъ, красильщиковъ и рабочихъ разныхъ мелкихъ мастерскихъ. Вечеромъ они начали собираться большими группами въ разныхъ частяхъ города; по окончаніи дневныхъ работъ на фабрикахъ, заводахъ и паровыхъ мельницахъ къ нимъ присоединились и эти рабочіе. Расхаживая по улицамъ, забастовщики проникали въ магазины, уговаривая приказчиковъ и прислугу присоединиться къ общей забастовкѣ. На другой день рабочіе нѣкоторыхъ паровыхъ мельницъ не явились на работы; они дали знать о забастовкѣ по всѣмъ двѣнадцати мельницамъ, и на всѣхъ работы прекратились. Вся эта масса рабочихъ толпами двигалась по улицамъ, требуя прекращенія работъ во всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ. Полиція уговаривала рабочихъ расходиться—и тѣ

---

*) Цитирую по «Н. Времени», 8 авг. 1903 г.

**) Цитирую по «Н. Времени», 8 августа 1903 г.

расходились, но все же оставались на улицахъ, собираясь то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ. Положеніе дѣла становилось серьезнѣе; возникало опасеніе, что оставшіеся безъ заработка рабочіе примутся грабить. По распоряженію полиціи, всѣ магазины были закрыты. Въ помощь малочисленной полиціи вызванъ былъ батальонъ 136 пѣхотнаго таганрогскаго полка. Народу на улицахъ стало замѣтно меньше. Около полудня вдругъ вспыхнулъ большой пожаръ на центральной въ городѣ Невской улицѣ; народу на пожаръ собралось множество. Пользуясь тѣмъ, что полицейскія власти заняты были на пожарѣ, рабочіе паровыхъ мельницъ и другіе собрались на Сѣнной площади. Сборище было буйное толпа кричала, свистала. Явился полиціймейстеръ, но убѣдить эту толпу разойтись было невозможно: рабочіе кричали, что они силой заставятъ прекратить работы во всемъ городѣ. Многіе были вооружены кольями, добытыми въ сосѣднихъ лѣсныхъ складахъ; толпа швыряла въ полицію камни; два помощника приставовъ—Андреевъ и Нехорошкинъ—были ушиблены камнями. Изъ толпы раздались револьверные выстрѣлы. Тогда полиціймейстеръ приказалъ коннымъ городовымъ двинуться на толпу и при содѣйствіи пѣшихъ арестовать замѣченныхъ главарей. Нѣсколько десятковъ арестованныхъ было отведено въ тюрьму, куда препровождены были и агитаторы, взятые полиціей въ тотъ же день въ другихъ мѣстахъ города. Всего арестовано 56 лицъ. Въ 5 час. пополудни 29-го іюля прибылъ въ Елисаветградъ и. д. губернатора вице-губернаторъ камергеръ А. Ѳ. Безобразовъ. Вѣсть о его пріѣздѣ мигомъ облетѣла весь городъ. Появленіе его на улицахъ, пѣшкомъ, безъ всякой охраны, убѣдило встревоженное населеніе въ томъ, что дѣло обстоитъ вовсе не такъ ужъ серьезно, какъ могло показаться по внѣшнимъ проявленіямъ. Обстоятельно ознакомившись съ предшествовавшими событіями и убѣдившись, что безпорядки въ городѣ были вызваны неразрѣшенными во-время недоразумѣніями между хозяевами и рабочими промышленныхъ заведеній, г. управляющій губерніею занялся этимъ дѣломъ. Поразспросивъ рабочихъ объ условіяхъ ихъ труда, выслушавъ ихъ желанія, объяснивъ имъ, что стачкой, забастовкой и безпорядками они могутъ ухудшить свое положеніе, могутъ остаться и совсѣмъ безъ хлѣба съ прекращеніемъ дѣйствій заводовъ,—онъ убѣждалъ ихъ возвратиться къ работамъ. Въ тотъ же вечеръ имъ было созвано совѣщаніе изъ владѣльцевъ паровыхъ мельницъ и другихъ промышленныхъ заведеній Елисаветграда, на которомъ подробно обсуждены были вопросы, послужившіе ближайшей причиной забастовки и выясненъ modus дальнѣйшаго vivendi. Выработанныя и тутъ же утвержденныя г. управляющимъ губерніею правила для рабочихъ къ утру слѣдующаго дня были вывѣшены на паровыхъ мельницахъ и въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ. Ознакомившись съ ними, рабочіе немедленно приступили

къ работамъ. Хотя въ слѣдующіе дни толки между рабочими еще продолжались, бывали и частичные случаи отказа отъ работы, но общая забастовка прекратилась, повидимому, окончательно. Три дня, проведенные г. Безобразовымъ въ Елисаветградѣ, прошли совершенно спокойно *).

Въ „Южной Россіи“ напечатаны слѣдующія постановленія николаевскаго градоначальника: „1) Въ виду донесенія вр. и. д. николаевскаго полиціймейстера за № 610 о задержанной 27 сего іюля мѣщанкѣ Д. Н. Пархомовской, принимавшей участіе въ бывшихъ въ гор. Николаевѣ 21-го іюля безпорядкахъ, постановилъ: мѣщанку Д. Н. Пархомовскую за нарушеніе § 2 от. V дѣйствующихъ въ гор. Николаевѣ обязательныхъ постановленій, изданныхъ для жителей гор. Николаева 8-го октября 1901 г. за № 46—7648 въ порядкѣ положенія усиленной охраны, подвергнуть въ административномъ порядкѣ, на основаніи § 1 отд. XI тѣхъ же обязательныхъ постановленій, независимо той отвѣтственности, какой она можетъ подлежать въ общемъ порядкѣ, аресту на 2 мѣсяца, считая срокъ ареста со дня задержанія, т.-е. съ 27-го іюля. 2) На основаніи § 1 от. XI тѣхъ же обязательныя постановленій, я постановилъ: Я. Розетова, кр. Г. Рѣзникова, мѣщ. И. Тищенко, П. Сапунарова, И. Кирѣева, Ш. Тепермана, неприписаннаго къ обществу А. Приходова, мѣщ. С. Сиховича, И. Артемьева, Я. Лещинскаго и Т. Болденко подвергнуть въ административномъ порядкѣ аресту при полиціи на 1 мѣсяцъ и 15 дней каждаго“ **).

Изъ задержанныхъ за участіе въ іюльскихъ уличныхъ безпорядкахъ въ г. Николаевѣ, по словамъ „Од. Новостей“, предаются суду одесской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, 23 человѣка, которые отбываютъ въ настоящее время административное наказаніе въ тюрьмѣ ***).

Въ свою очередь керчь-еникольскимъ градоначальникомъ издано слѣдующее объявленіе: „1) Приглашаю фабрично-заводскихъ рабочихъ съ 14-го сего августа возобновить работы того же 14-го августа, съ началомъ работъ на заводахъ и фабрикахъ. 2) Фабричный инспекторъ будетъ объѣзжать таковые и принимать отъ рабочихъ заявленія, жалобы и проч. 3) Не желающіе возобновить работы могутъ 16-го сего августа получить полный разсчетъ. 4) Всякій рабочій, замѣченный въ насильственныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ другимъ рабочимъ съ цѣлью воспрепятствовать стать на работу, или въ возмездіе за послѣдовавшее согласіе возобновить работы,—будетъ подвергнутъ аресту и высылкѣ подъ надзоръ полиціи въ одну изъ отдаленныхъ губерній.

*) Цитирую по «Н. Времени», 11 авг. 1903 г.

**) Цитирую по «Н. Времени», 11 авг. 1903 г.

***) Цитирую по «Нижегор. Листку», 30 авг. 1903 г.

Считаю необходимымъ предупредить жителей гор. Керчи, чтобы они избѣгали останавливаться и скопляться на тѣхъ мѣстахъ города, которые могутъ служить мѣстомъ безпорядковъ, во избѣжаніе всякихъ случайностей при прекращеніи безпорядковъ войсками. Градоначальникъ генералъ-майоръ Клокачевъ“ *).

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“ опубликовано слѣдующее постановленіе и. д. начальника Екатеринославской губерніи: „Нижепоименованныя лица за нарушеніе §§ 31 и 32 обязательныхъ постановленій екатеринославскаго губернатора, отъ 5-го марта 1903 года, т. е. за участіе въ толпѣ, собиравшейся въ поселкѣ „Амуръ-Нижнеднѣпровскѣ“, въ началѣ текущаго августа мѣсяца, и не подчинившейся законнымъ требованіямъ полиціи, на основаніи § 44 тѣхъ же постановленій помимо отвѣтственности, которой они могутъ подлежать за совершенные ими проступки по суду, подвергаются, по распоряженію управляющаго губерніей, аресту при полиціи—141 человѣкъ, на сроки отъ 3-хъ недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ. Кромѣ того, дворянинъ Владиміръ Михайловичъ Котляровъ и мѣщ. Илларіонъ Герасимовичъ Василенко, за вмѣшательство въ распоряженія полиціи по прекращенію уличныхъ безпорядковъ, подвергаются аресту при полиціи, первый—на три недѣли, а второй на—1 мѣсяцъ“ **).

Въ Ростовѣ-на-Дону за войскового наказнаго атамана начальникъ штаба ген.-лейт. Плеве, согласно обязательному постановленію, изданному на основаніи ст. 15 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, постановилъ: „крестьянъ Егора Сергѣева, Михаила Морозова и Назара Попкова за учиненіе безпорядковъ, выразившихся въ томъ, что, получивъ отказъ въ добавленіи платы за работу на рудникѣ русско-донецкаго общества, они подстрекали другихъ рабочихъ къ оставленію работъ на рудникѣ, подвергнуть аресту при полиціи на три мѣсяца каждаго; крестьянина маріупольскаго уѣзда петровской волости Савву Амилѣева за подстрекательство толпы крестьянъ, собравшихся около бакалейной лавки его, Амилѣева, и за нанесеніе имъ полицейскому уряднику алексѣево-орловской волости Ефимову оскорбленій словами и дѣйствіемъ подвергнуть аресту при полиціи на три мѣсяца; крестьянина Федоровской волости и слободы Тимофѣя Гринченко, за недоставленіе въ мѣстную полицію свѣдѣній о прибытіи къ нему въ домъ на ночлегъ цыганки Анны Мануйловой и Петра Торопа, подвергнуть аресту при полиціи на три мѣсяца“ ***).

Тѣмъ же лицомъ 30-го іюля былъ изданъ приказъ по Войску Донскому слѣдующаго содержанія: „На основаніи ст. 17 Высо-

*) «Южный Курьеръ». Цитирую по «Н. Времени», 22 авг. 1803 г.

**) Цитирую по «Сар. Дневнику», 2 сент. 1903 г.

***) «Таганр. Вѣстникъ». Цитирую по «Н. Времени», 19 авг. 1903 г.

чайше утвержденнаго 14-го августа 1881 года положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, мною преданы одесскому военно-окружному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, по обвиненію въ участіи въ безпорядкахъ, происшедшихъ въ гор. Ростовѣ-на-Дону 2-го марта сего года, дворянка М. Нагель, сынъ купца А. Браиловскій, мѣщане: В. Поляковъ, Р. Локерманъ, А. Логачева, П. Полтава, С. Боруховъ, С. Столкарцъ, О. Чумаченко, А. Христенко, Н. Ильиницкій, П. Векленко, А. Миндлинъ, крестьяне: С. Логвиновъ, К. Глазуновъ, Т. Кисьянцева, А. Куксинъ, Н. Дрожжовкинъ, А. Бондаревъ, С. Васильченко, А. Бутурлимовъ (онъ же Бутурлинъ), В. Кривошеевъ и казакъ Д. Колосковъ" *).

27 августа въ столичныхъ газетахъ появилась слѣдующая телеграмма изъ Ростова-на-Дону отъ 23-го августа: „Сегодня вечеромъ въ Таганрогѣ военно-полевымъ судомъ объявленъ приговоръ по дѣлу о безпорядкахъ въ Ростовѣ 2-го марта: Браиловскій, Колосковъ и Куксинъ приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, 10 человѣкъ къ разнымъ наказаніямъ, 10 оправданы. Приговоръ представленъ на утвержденіе войскового наказнаго атамана въ окончательномъ видѣ 26-го августа".

Вслѣдъ за тѣмъ, однако, въ Ростовѣ, по словамъ „Южнаго Телеграфа", были получены свѣдѣнія, что присужденные къ смертной казни сынъ купца 1 гильдіи Александръ Браиловскій, крестьянинъ Андріанъ Куксинъ и казакъ Дмитрій Колосковъ помилованы по ходатайству суда, при чемъ для всѣхъ троихъ смертная казнь замѣнена ссылкою въ каторжныя работы *).

Въ хроникѣ предыдущаго мѣсяца мы изложили содержаніе закона 12 іюня 1903 г. о передачѣ имуществъ армяно-грегоріанской церкви въ вѣдѣніе правительственныхъ учрежденій. Приведеніе въ дѣйствіе этого закона вызвало среди армянскаго населенія Кавказа серьезные безпорядки.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатано слѣдующее сообщеніе: „29-го авуста въ Елисаветполѣ толпа мѣстныхъ армянъ произвела безпорядки по поводу Высочайшаго повелѣнія 12-го іюня 1903 года о передачѣ армянскихъ церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе гражданскихъ властей. Въ вызванныя войска армяне стали бросать камнями, ранивъ при этомъ трехъ нижнихъ чиновъ. Для прекращенія безпорядковъ войска вынуждены были дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ, послѣ чего толпа разбѣжалась, оставивъ на мѣстѣ 7 человѣкъ убитыхъ и 27 раненыхъ. 31-го августа, въ Тифлисѣ, послѣ литургіи въ армянскомъ соборѣ, ду-

*) «Донская Рѣчь». Цитирую по «Н. Времени», 11 авг. 1903 г.

**) Цитирую по «Нижегор. Листку», 6 сент. 1903 г.

ховенствомъ въ церковной оградѣ, при двухтысячной толпѣ, была отслужена панихида по 6 лицамъ, убитымъ въ Елисаветполѣ во время совершенныхъ мѣстными армянами безпорядковъ. Послѣ панихиды, священникъ Теръ-Араратовъ провозгласилъ проклятія за отобраніе церковныхъ имуществъ. При этомъ разбрасывались революціонныя воззванія; толпа шумѣла, бросала камнями и произвела около 40 выстрѣловъ въ чиновъ полиціи. Послѣдніе отвѣчали выстрѣлами на воздухъ, при чемъ, однако, нѣсколько человѣкъ изъ толпы получили пораненія, а одинъ рабочій смертельно раненъ; изъ числа полицейскихъ чиновъ нѣсколько человѣкъ ушиблено камнями, одинъ избитъ. На мѣсто безпорядковъ были вызваны казаки, которые и разсѣяли толпу, арестовавъ 4 зачинщиковъ и въ томъ числѣ священника Теръ-Араратова".

Вслѣдъ за тѣмъ въ оффиціальномъ „Кавказѣ" появились слѣдующія, нѣсколько болѣе подробныя сообщенія о безпорядкахъ въ Елисаветполѣ и Тифлисѣ: 1) „29-го августа, въ 9 часовъ утра, въ городѣ Елисаветполѣ, на окраинѣ города возлѣ армянской церкви, по звону колокола, собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ армянъ, съ цѣлью протестовать противъ передачи, согласно высочайшему повелѣнію 12-го іюня сего года, имуществъ армяно-григоріанской церкви въ казенное управленіе и требовать открытаго противодѣйствія осуществленію этого закона. Увѣщанія и требованія разойтись не имѣли успѣха, и толпа, бросая камни, оттѣснила полицію и полицейскую стражу до другой церкви, находящейся въ центрѣ города. На вторичное требованіе разойтись толпа отвѣтила вновь бросаніемъ камней. Къ этому времени подошли вызванныя войска. Послѣ третьей попытки разсѣять толпу конная стража и городовые встрѣчены были градомъ камней и револьверными выстрѣлами, при чемъ ранены полицейскій стражникъ, городовой и рядовой Асландузскаго резервнаго батальона; тогда войска открыли огонь, и толпа немедленно разсѣялась. Пока констатировано семь человѣкъ убитыхъ и 27 раненыхъ"; 2) 31-го августа въ Тифлисѣ, въ оградѣ Ванкскаго собора, въ 12$^1/_2$ часовъ дня, была отслужена панихида, на которой присутствовало до 2,000 человѣкъ, бывшихъ передъ тѣмъ въ соборѣ на богослуженіи. Вслѣдъ за окончаніемъ панихиды среди публики стали разбрасываться прокламаціи на армянскомъ языкѣ, и въ то же время толпа, бросившись на бывшихъ въ оградѣ городовыхъ, начала ихъ бить. На помощь городовымъ немедленно явился съ полицейскимъ нарядомъ бывшій внѣ ограды приставъ 3-го участка Гедевановъ; толпа встрѣтила этихъ чиновъ полиціи отдѣльными револьверными выстрѣлами и градомъ камней, на что полицейскіе чины отвѣтили, по приказанію своего начальства, одиночными выстрѣлами изъ револьверовъ же. Прибывшій затѣмъ на мѣсто безпорядка тифлисскій полиціймейстеръ съ конными стражниками прекратилъ безчинство, а съ помощью

подоспѣвшаго взвода казаковъ порядокъ былъ окончательно возстановленъ. Среди чиновъ полиціи нѣсколько человѣкъ получили ушибы; изъ толпы одинъ раненъ смертельно" *).

Въ той же оффиціальной газетѣ были напечатаны затѣмъ одно за другимъ слѣдующія сообщенія: „2-го сентября, въ Карсѣ, въ $10^1/_2$ часовъ утра, назначенные пріемщики приступили къ пріему въ казенное управленіе имуществъ армянскихъ церквей Сурпъ-Ншанъ и Святой Богородицы. Армяне, однако, оказали сопротивленіе. По колокольному звону сбѣжалась большая толпа армянъ и расположилась вокругъ церкви Сурпъ-Ншанъ, а также на крышахъ и внутри сосѣднихъ домовъ. На требованіе полиціи и полицейской стражи разойтись толпа отвѣтила градомъ камней и выстрѣлами и оттѣснила ихъ. Вскорѣ къ церкви прибыли резервъ стражи съ начальникомъ округа и двѣ сотни Ейскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ полковника Квицинскаго. Все увеличивавшаяся толпа встрѣтила и ихъ камнями и выстрѣлами. Такъ какъ требованіе разойтись не было исполнено, то стража вынуждена была сдѣлать нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ; послѣ чего ею совмѣстно съ казаками площадь и дома были очищены отъ толпы; въ это же время къ площади подошла и рота крѣпостного полка. Изъ стражниковъ одинъ былъ раненъ и нѣсколько человѣкъ получили ушибы; въ толпѣ одинъ былъ убитъ и двое ранены. Около церкви Святой Богородицы пріемщиковъ также ожидала толпа армянъ, но была разсѣяна войсками безъ употребленія оружія. Арестовано 77 человѣкъ, въ томъ числѣ два священника. Пріемщиками были произведены опись и пріемъ церковныхъ домовъ".

„2-го сентября въ городѣ Баку, около 5 часовъ вечера, по звону колокола, въ оградѣ мѣстнаго армянскаго собора собралась значительная толпа армянъ. На предложеніе полиціи разойтись толпа отвѣтила градомъ камней и стрѣльбою изъ револьверовъ; стрѣляли даже изъ оконъ самой церкви, вслѣдствіе чего были вызваны двѣ сотни казаковъ и полурота Сальянскаго пѣхотнаго резервнаго полка. Войска были встрѣчены также камнями и револьверными выстрѣлами, при чемъ толпа укрылась за каменной церковной оградой и въ самой церкви; вслѣдствіе этого полурота открыла огонь, и толпа, убирая убитыхъ и раненыхъ, скрылась въ соборѣ, который и былъ оцѣпленъ войсками. Изъ мятежниковъ было арестовано 45 человѣкъ, остальные разбѣжались. Отобрано и найдено много оружія, при чемъ даже въ самомъ соборѣ и его алтарѣ оказались оставленными револьверы, патроны и стрѣляныя гильзы. Изъ войскъ легко ушиблены камнями офицеръ и четыре нижніе чина Сальянскаго полка и убитъ камнями же случайно проходившій матросъ военнаго судна „Геокъ-Тепе".

*) Цитирую по «Н. Времени», 5 и 7 сентября, 1903.

Кромѣ того ушибленъ и. д. полиціймейстера. Число жертвъ со стороны мятяжниковъ пока не установлено".

„29-го августа въ Карсѣ, въ глухомъ переулкѣ сзади казармъ кубинскаго полка, въ квартирѣ Таноева, произошелъ взрывъ, отъ котораго погибли четверо армянъ, въ ней находившихся, въ томъ числѣ и квартирохозяинъ Таноевъ, и былъ тяжко раненъ прибывшій за нѣсколько дней передъ этимъ американскій подданный Джонъ Нахикіанъ, вскорѣ скончавшійся. Какъ оказалось при разслѣдованіи, взрывъ произошелъ во время тайнаго снаряженія Нахикіаномъ ручныхъ гранатъ. Въ квартирѣ при обыскѣ обнаружено 38 мѣдныхъ ручныхъ гранатъ, 3 капсюли гремучей ртути, бикфордовъ шнуръ, глицеринъ, желатинъ и прочія принадлежности снаряженія. Дальнѣйшее разслѣдованіе производится" *).

По словамъ „Н. Времени", „армянскій католикосъ издалъ кондакъ, которымъ воспретилъ эчміадзинскому армянскому синоду дѣлать распоряженія къ осуществленію закона 12 іюня 1903 г. о передачѣ въ управленіе правительственныхъ учрежденій имуществъ, принадлежащихъ армянскому духовенству. Еще ранѣе армянскій синодъ отказался исполнить законъ 12-го іюня" **).

За послѣднее время обнародовано, наконецъ, нѣсколько оффиціальныхъ актовъ и правительственныхъ сообщеній, касающихся анти-еврейскихъ безпорядковъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатанъ слѣдующій приказъ шефа пограничной стражи отъ 5-го августа текущаго года: „Изъ сообщенія бессарабскаго губернатора, отъ 10-го іюня сего года, усматривается, что возникшее 14-го апрѣля сего года въ гор. Килии народное волненіе, грозившее перейти въ большіе антиеврейскіе безпорядки, было прекращено исключительно благодаря энергичному и умѣлому содѣйствію, оказанному гражданскимъ властямъ разъѣздами измаильской бригады, дѣйствовавшими подъ начальствомъ подполковника Свиридова и ротмистровъ: Романовича и Чиса. За столь похвальныя дѣйствія и отличную засвидѣтельствованную распорядительность въ дѣлѣ прекращенія народныхъ безпорядковъ объявляю подполковнику Свиридову и ротмистрамъ Романовичу и Чису отъ лица службы благодарность, а бывшимъ подъ ихъ командой молодцамъ нижнимъ чинамъ мое спасибо. Подписалъ: Шефъ пограничной стражи, министръ финансовъ, статсъ-секретарь Витте".

Въ „Сѣверо-Западномъ Словѣ" было въ началѣ августа опу-

*) Цитирую по «Н. Времени», 9, 10 и 8 сент. 1903 г.

**) Цитирую по «Нижегор. Листку», 6 сент. 1903 г.

бликовано слѣдующее сообщеніе: „Виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ, ген.-лейт. кн. Святополкъ-Мирскій, въ виду засвидѣтельствованной ковенскимъ губернаторомъ отлично-усердной дѣятельности чиновъ шавельской полиціи, выказанной ими при предотвращеніи въ г. Шавляхъ, Ковенской губерніи, ожидавшихся безпорядковъ, которые могли принять широкіе размѣры и повлечь за собою печальныя послѣдствія, назначилъ въ награду чинамъ этой полиціи 100 р. и выразилъ свою благодарность—высшимъ чинамъ за умѣлую въ дѣлѣ распорядительность, а нижнимъ—за усердное и добросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей. И. д. ковенскаго губернатора, вице-губернаторъ камергеръ бар. Гершау-Флотовъ, объявляя съ чувствомъ особаго удовлетворенія благодарность начальника края всѣмъ чинамъ шавельской полиціи, выразившуюся въ столь лестномъ вниманіи къ трудамъ чиновъ, съ своей стороны высказалъ увѣренность, что въ столь лестной похвалѣ они почерпнутъ силы къ поддержанію и на будущее время • духа строгаго исполненія долга, лежащаго въ основѣ полицейской службы. Организація усиленной охраны общественнаго порядка и спокойствія въ Шавляхъ, длившаяся въ теченіе довольно продолжительнаго времени, потребовала отъ чиновъ шавельской полиціи самой напряженной дѣятельности, благодаря которой ожидавшіеся въ Шавляхъ безпорядки были предотвращены. Еврейское населеніе Шавель, по почину врача Вейнтрауба и домовладѣльца Іохельсона, собрало среди своихъ одновѣрцевъ сто рублей и предложило ихъ и. д. исправника Морозову для выдачи въ награду чинамъ полиціи. Когда объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ губерной власти, губернаторъ д. с. с. Ватаци поручилъ вр. и. д. уѣзднаго исправника объявить, что такое предложеніе еврейскаго общества отвергнуто высшей административной властью, такъ какъ оно не согласно съ достоинствомъ чиновъ полиціи и крайне неумѣстно со стороны просителей. Такъ какъ по силѣ дѣйствующихъ узаконеній, еврейскому обществу не предоставлено право производить подобнаго рода сборы среди своихъ единовѣрцевъ, то губернаторъ изволилъ приказать предложить гг. Вейнтраубу и Іохельсону собранныя ими деньги возвратить подъ расписку тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ онѣ получены“ *)

4-го сентября въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было напечатано слѣдующее сообщеніе: „Вечеромъ 29-го августа въ г. Гомелѣ, на базарѣ, между однимъ изъ крестьянъ и торговкою-еврейкою возникла ссора, перешедшая вскорѣ въ ожесточенную драку евреевъ съ русскими. При возстановленіи порядка, изъ толпы евреевъ были брошены въ полицейскій нарядъ камни и произведенъ выстрѣлъ изъ револьвера, на который полицейскіе

---

*) Цитирую по «Н. Времени», 4 авг. 1903 г.

чины отвѣчали выстрѣлами на воздухъ. Во время свалки, одинъ русскій былъ смертельно раненъ евреемъ ножемъ въ шею, одинъ еврей получилъ легкую пулевую рану, а 7 человѣкъ ушиблены камнями. 1-го сентября въ полдень безпорядки возобновились. Русскіе рабочіе, мстя за нанесенныя имъ 29-го августа обиды, произвели буйство и стали разбивать еврейскія квартиры и лавки; при столкновеніяхъ съ евреями оказались ранеными нѣсколько десятковъ съ обѣихъ сторонъ. Для возстановленія порядка, на мѣсто были вызваны войска, встрѣченныя со стороны евреевъ выстрѣлами, что и вынудило прибѣгнуть къ дѣйствію огнестрѣльнымъ оружіемъ, послѣ чего толпа разсѣялась и порядокъ къ вечеру былъ возстановленъ. По собраннымъ прибывшимъ на мѣсто могилевскимъ губернаторомъ свѣдѣніямъ, въ городскихъ больницахъ находится на излѣченіи раненыхъ: христіанъ 5 и евреевъ 9; убито христіанъ 4, евреевъ 2".

Вслѣдъ затѣмъ въ той же газетѣ по поводу этихъ событій было напечатано такое дополнительное сообщеніе: „По полученнымъ дополнительнымъ свѣдѣніямъ о прекращеніи безпорядковъ въ г. Гомелѣ 1-го сентября, мѣстные жители евреи, вооруженные ножами, кинжалами, кистенями и револьверами, оказывали сопротивленіе недопускавшимъ ихъ до свалки съ христіанами войскамъ, при чемъ стрѣляли въ нижнихъ чиновъ изъ домовъ и изъ-за заборовъ. Фельдфебель шестой роты Абхазскаго пѣхотнаго полка раненъ ножемъ въ шею евреемъ въ то время, когда хотѣлъ задержать стрѣлявшую въ него въ упоръ еврейку, успѣвшую скрыться. Всего во время свалки, а равно при подавленіи безпорядковъ войсками убито 4 христіанина и 4 еврея, ранено 7 христіанъ и 8 евреевъ, изъ коихъ одинъ умеръ. По настоящее время число приведенныхъ въ извѣстность разграбленныхъ домовъ и лавокъ достигаетъ 200. Арестовано 68 лицъ, принимавшихъ участіе въ буйствѣ. Случаевъ грабежа имущества не было, спокойствіе въ городѣ охраняется войсками. По отзывамъ войсковыхъ начальниковъ и лицъ судебнаго вѣдомства, дѣйствія полиціи при подавленіи безпорядковъ представлялись безупречными, и только благодаря распорядительности полиціймейстера, безпорядки ограничились сравнительно незначительнымъ райономъ и не распространились на весь городъ. Причина безпорядковъ, по общему убѣжденію благонамѣренной части населенія,—крайне враждебныя и вызывающія отношенія къ христіанамъ со стороны мѣстныхъ евреевъ".

V.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 2-го августа 1903 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Уралъ“ на четыре мѣсяца“;

2) 9-го августа 1903 г.: „на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: въ виду продолжающагося вреднаго направленія журнала „Хозяинъ“, выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ „Къ вопросу о земскомъ представительствѣ“, напечатанной въ № 31 этого изданія,—объявить журналу „Хозяинъ“ третье предостереженіе въ лицѣ издателя, потомственнаго почетнаго гражданина Машковцева, и редактора дворянина Мертваго, съ пріостановленіемъ изданія журнала „Хозяинъ“ на одинъ мѣсяцъ“;

3) 24-го августа 1903 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе журнала „Развлеченіе“ на шесть мѣсяцевъ“;

и 4) 1-го сентября 1903 г.: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты „Русскія Вѣдомости“, воспрещенную распоряженіемъ отъ 1-го марта текущаго года“.

В. Мякотинъ.

Очеркъ русскаго журнальнаго быта.

(О «Думахъ журналиста» г. Лемке).

Недавно г. Мих. Лемке выпустилъ въ свѣтъ интересную во многихъ отношеніяхъ работу, озаглавленную „Думы журналиста“, посвященную памяти Бѣлинскаго и имѣющую цѣлью пополнить одинъ крупный пробѣлъ въ русской журналистикѣ, который авторъ видитъ въ „почти полномъ игнорированіи условій и обстановки ея собственной современной дѣятельности“. „У насъ есть, говоритъ г. Лемке во вступленіи къ своей книгѣ, нѣсколько статей по отдѣльнымъ вопросамъ въ этой области, но „широкаго освѣщенія“, „вдумчиваго анализа очень разнообразныхъ нуждъ и потребностей журналистики, ея болѣзней и язвъ, разоблаченія того закулиснаго міра, который скрывается за нѣкоторыми печатными листами,—ничего этого почти нѣтъ, особенно въ сколько-нибудь систематизированномъ, обобщенномъ видѣ“. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что и онъ не ставитъ себѣ задачей „всестороннее, всюду вскрывающее самую подоплеку явленій и вопросовъ изложеніе“, а ограничивается „своимъ собственнымъ

опытомъ, собственными внимательными наблюденіями, своими мыслями". „Моя работа, прибавляетъ г. Лемке, не есть, разумѣется, характеристика всей печати, мои впечатлѣнія субъективны. И все-таки я думаю, что она прольетъ свѣтъ на очень и очень многое"...

Вполнѣ ли, однако, вѣрно само исходное наблюденіе г. Лемке? Казалось бы, довольно взглянуть хотя бы на тѣ обильныя цитаты изъ Бѣлинскаго, Шелгунова, Чернышескаго, Салтыкова и мн. др., которыя разсѣяны по всей его книгѣ. чтобы припомнить, что корифеевъ русской литературы никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ вниманія къ бытовымъ явленіямъ отечественной журналистики. Что касается обобщеній, то тутъ довольно было бы даже одного Салтыкова съ его необычайно живучими газетными типами и тѣми удивительными по своей точности предсказаніями, которыя граничатъ съ ясновидѣніемъ. Остается, стало быть, систематизированіе, и вотъ его-то, дѣйствительно, не было. Но это отчасти можно объяснить, если хотите, психологически, что ли... Систематизировать, „наводить порядокъ" бываетъ иногда скучно, даже подчасъ жутко, словно устраиваешься и раскладываешься надолго; а наша журалистика и, вообще, литература всетаки могла имѣть склонность и даже нѣкоторое основаніе считать данный свой status, такъ или иначе, временнымъ,—не даромъ же она и управлялась временнымъ положеніемъ.. Съ другой стороны, какая ужъ тутъ можетъ быть система, если самая главная категорія условій, составляющихъ „обстановку собственной дѣятельности", совсѣмъ даже и не подлежитъ „широкому освѣщенію"? И самъ авторъ вынужденъ удѣлить этой существенной категоріи условій всего-на-всего 16 страничекъ, на которыхъ разсказано нѣсколько газетныхъ эпизодовъ, правда, очень характерныхъ...

Значитъ, рѣчь можетъ идти собственно объ условіяхъ и явленіяхъ бытовыхъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, да еще развѣ объ особенностяхъ журнальнаго и газетнаго типовъ, объ общественной роли того и другого, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и т. д. Все это темы очень интересныя, но авторъ исключаетъ „тѣ вопросы и явленія, которые нужно считать специфической принадлежностью „толстыхъ" журналовъ" и посвящаетъ свое вниманіе преимущественно газетному міру. Правда, не исключительно газетному.

Говоря о томъ особомъ значеніи, которое имѣетъ печать въ Россіи, гдѣ „періодическое изданіе—все еще альфа и омега чтенія огромнаго большинства грамотнаго люда", авторъ попутно устанавливаетъ такого рода гороскопъ газеты и журнала: „Можно и должно, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидать того счастливаго момента, когда газета будетъ читаться только какъ сборникъ послѣднихъ политическихъ и подобныхъ новостей и извѣстій,

„толстый“ журналъ—какъ сборникъ новостей широкой дѣятельности научнаго ума“, а для всего остального будетъ служить книга и школа. „Тогда, разумѣется, журналистика перестанетъ быть одновременно и учителемъ и воспитателемъ, и другомъ и собесѣдникомъ. Тогда же не будетъ крайней необходимости предъявлять къ ежедневной прессѣ массу чисто-нравственныхъ, этическихъ требованій: роль сборника совсѣмъ иная“ (стр. 69). Хотя это предсказаніе высказано и между прочимъ, но оно помѣщается въ книгѣ, спеціально имѣющей предметомъ журналистику, и потому заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Пока дѣйствительность еще не даетъ ему опоры. По мѣрѣ ускоренія и усиленія общественнаго пульса журналъ дѣйствительно уступаетъ значительную часть своихъ функцій въ исключительное вѣдѣніе газеты. Но это еще не значитъ, что онъ долженъ неизбѣжно обратиться въ безличный альманахъ. Напротивъ, коренная разница, существующая между самыми типами журнальнымъ и газетнымъ, можетъ, развиваясь, привести къ еще большему оттѣненію индивидуальной физіономіи журнала. Газета, по своей идеѣ,—выразительница существующаго общественнаго мнѣнія, точнѣе,—тѣхъ его теченій, которыя уже получили болѣе или менѣе широкое распространеніе или даже господство въ данной общественной средѣ. Газетѣ некогда рѣшать теоретическіе вопросы, выдвигаемые жизнью. Она выходитъ въ путь съ готовымъ запасомъ теоретическихъ положеній и съ этимъ оружіемъ въ рукахъ вмѣшивается въ общественную борьбу текущаго дня. Журналъ тоже можетъ быть, и обыкновенно бываетъ, выразителемъ той или другой вѣтви общественнаго мнѣнія, но его особая функція, та, которая отличаетъ его отъ газеты и даетъ ему свой особый raison d'être, состоитъ въ самостоятельномъ „творчествѣ направленій“ (пользуемся выраженіемъ Н. К. Михайловскаго, употребленнымъ именно въ примѣненіи къ журналу), т. е. въ рѣшеніи такихъ общественныхъ вопросовъ, которые еще только намѣчаются на очереди практической жизни. Далекій отъ того, чтобы быть простымъ „сборникомъ разныхъ новостей научной мысли“, журналъ, наоборотъ, долженъ служить проводникомъ опредѣленнаго теченія общественной мысли въ его послѣдовательно нарождающихся стадіяхъ; такъ можно было бы его и опредѣлить. Его задача—создавать и формулировать мысль въ то время, когда для нея еще только подготовляется общественная почва; главная задача газеты,—когда эта почва уже готова, брать готовую же, формулированную мысль и пускать ее въ обращеніе, популяризируя ее, примѣняя къ текущимъ явленіямъ и, такимъ образомъ, помогая общественному мнѣнію сознать себя и принять ясныя очертанія. Этимъ опредѣляется возможная роль обоихъ,—какъ журнала, такъ и газеты,—и для довольно продолжительнаго будущаго, которое можетъ быть и счастливымъ.

Что касается собственно газеты, то пока она еще менѣе журнала обнаруживаетъ гдѣ бы то ни было тенденцію къ повальному превращенію въ простой сборникъ новостей. Гольцендорфъ въ своей довольно рутинной книгѣ объ „Общественномъ мнѣніи“, почему-то особенно распространенной именно у насъ, мечтаетъ, правда, о какихъ-то государственныхъ органахъ періодической печати, долженствующихъ стоять на совершенно непостижимой высотѣ объективизма и спеціально заниматься печатаніемъ такихъ авторовъ, которыхъ не принимаютъ ни въ какое частное изданіе. Но это только мечта... За то въ современной газетѣ наблюдается мѣстами и эволюція, прямо противоположная той, о которой говоритъ г. Лемке. Для примѣра достаточно указать хотя бы на то широкое развитіе, которое получила въ новѣйшее время, особенно въ Германіи, рабочая пресса, служащая, по прекрасному выраженію г. Лемке, „одновременно и учителемъ и воспитателемъ, и другомъ и собесѣдникомъ“ своего читателя.

Поставивъ однимъ изъ эпиграфовъ къ своимъ „Думамъ“ замѣчаніе Н. К. Михайловскаго относительно своевременности „маленькаго реферата о литературной чести, съ иллюстраціями изъ русской дѣйствительности“,—г. Лемке затрагиваетъ нѣкоторые, тоже не исключительно газетные, а общіе литературно-этическіе вопросы: о совмѣстительствѣ литературы съ государственной службой, о сотрудничествѣ съ лицами, „скомпрометировавшими себя въ глазахъ лучшихъ элементовъ литературной корпораціи“, объ участіи въ изданіи, „направленіе или отдѣльные шаги и выходки котораго противорѣчатъ нашимъ собственнымъ основнымъ убѣжденіямъ“. Совмѣстительство онъ допускаетъ съ университетской каѳедрой, а остальные два вопроса рѣшаетъ, понятно, безъ ограниченій. При этомъ онъ справедливо клеймитъ странную „привилегію господъ беллетристовъ“ (нѣкоторыхъ, конечно) печататься, не стѣсняясь выборомъ изданія, и очень кстати приводитъ нѣсколько хорошихъ строчекъ изъ письма Бѣлинскаго къ Герцену: „Я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ „Москвитянинѣ“. Нѣтъ, и не буду читать: скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія“... Дальше, оставаясь все еще на почвѣ общей литературной этики, г. Лемке говоритъ о безпринципности, прикрывающейся „объективностью“, „безпартійностью“ и пр. Здѣсь ему было бы по пути коснуться и „эзоповскаго языка“, который представляетъ такъ много оттѣнковъ, начиная отъ безупречнаго и смѣлаго, щедринскаго, и вплоть до настоящаго рабьяго, способнаго только сгущать потемки, окружающіе общественную мысль. Но авторъ въ своемъ „маленькомъ рефератѣ“ не выходитъ изъ круга болѣе примитивныхъ вопросовъ литературнаго поведенія и даже удѣляетъ довольно много

мѣста образчикамъ такихъ пріемовъ газетной конкурренціи, рекламы, плагіата, шантажа и пр., которые съ литературой ужъ вовсе ничего общаго не имѣютъ, а въ области общей морали приближаются къ границѣ уложенія о наказаніяхъ, а то и переходятъ ее. Очень хлопотать о группировкѣ собственно этого-то матеріала, пожалуй что, и не стоило, особенно въ томъ видѣ, какъ это дѣлаетъ авторъ. Онъ цитируетъ статьи и замѣтки, напечатанныя въ разныхъ газетахъ, или приводитъ выдающіеся подвиги сотрудниковъ этихъ газетъ, тоже въ свое время оглашенные въ печати, но нигдѣ не называетъ этихъ почтенныхъ органовъ по имени, ссылаясь на то, что для него важна только „типичность" явленій. Но это, во-первыхъ, не вѣрно, потому что приводимые авторомъ казусы, какъ оговаривается нѣсколько разъ онъ самъ, вовсе не характерны для ежедневной русской прессы вообще, а во-вторыхъ—его пріемъ не достигаетъ никакой рѣшительно цѣли, потому что герои подвиговъ хотя и узнàютъ себя въ его книгѣ, но не надѣется же г. Лемке ихъ устыдить, а остальные читатели,—если эти факты не были имъ извѣстны раньше,—не распознàютъ и старыхъ знакомцевъ въ цитатахъ, лишенныхъ указаній на источники; между тѣмъ, именно большой публикѣ было бы, пожалуй, и небезполезно напомнить, съ фактами въ рукахъ, подлинное обличье той или другой „самой распространенной" газеты, а для этого слѣдовало, надѣвъ перчатки, непремѣнно уже ставить точки надъ і, не смущаясь тѣмъ, что нѣкоторыя nomina sunt odiosa.

Г. Лемке самъ много работалъ въ газетахъ, работалъ и въ наиболѣе отвѣтственныхъ роляхъ, и это даетъ ему возможность набросать довольно полную и вѣрную картину газетнаго быта, особенно провинціальнаго, который онъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду. Ограниченность состава постоянныхъ сотрудниковъ, т. е. редакціи, несущей на себѣ всю тяжесть ежедневной работы; непомѣрно низкая оплата труда и, вслѣдствіе этого, крайняя матеріальная необезпеченность газетныхъ работниковъ; всегда лихорадочная „спѣшка", отражающаяся и на физическихъ силахъ самого пишущаго, и на качествѣ его работы, которое съ теченіемъ времени роковымъ образомъ понижается; непомѣрно-длинный рабочій день, иногда чуть ли не длиннѣе фабричнаго; ночная работа, оторванность отъ семьи, отсутствіе возможности пополнять запасъ своихъ знаній и, въ результатѣ, превращеніе въ машину, въ автомата,—все это не исключительныя какія-нибудь, а довольно обыкновенныя условія и слѣдствія профессіональнаго газетнаго труда; и страничка, посвященная авторомъ тому труженику, который наперекоръ всему сохраняетъ въ себѣ способность „свѣтить" окружающему, принадлежитъ къ числу лучшихъ въ книгѣ.

Вся эта обстановка и, въ особенности, недостатокъ рабочихъ

силъ, исключающій возможность правильнаго раздѣленія труда, выработали, между прочимъ, трагикомическій типъ „передовика", обязаннаго, какъ показываетъ само названіе, писать передовыя статьи вообще, писать о чемъ придется, по всѣмъ рѣшительно вопросамъ какъ внутренней, такъ и иностранной жизни,—о травосѣяніи, такъ о травосѣяніи, о министерствѣ Салисбюри, такъ о министерствѣ Салисбюри, — и не останавливаться ни передъ какими проблемами бытія (конечно, съ соблюденіемъ извѣстныхъ предѣловъ). Такой, по своему амплуа, энциклопедистъ въ дѣйствительности чувствуетъ себя,—если у него еще не притупилась способность чувствовать что-нибудь, кромѣ утомленія, — самымъ забитымъ, самымъ несчастнымъ мученикомъ каторжной лямки.

Особнякомъ стоитъ фельетонистъ, который теперь занимаетъ въ газетѣ самое привилегированное положеніе. „Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль! — не одинъ разъ слышалъ я эти слова какъ девизъ",—замѣчаетъ г. Лемке: „Въ нихъ только сдѣлали маленькую перемѣну: „да, фельетонъ есть вещь, а прочее все гиль". Фельетонистъ, — продолжаетъ авторъ,—сейчасъ идетъ въ гору и котируется на литературной биржѣ небывало высоко. Это единственный персонажъ въ труппѣ Непомнящаго, трудъ котораго оплачивается хорошо, даже слишкомъ. Нѣкоторые фельетонисты получаютъ столько, сколько всѣ остальные сотрудники вмѣстѣ".

Своимъ указаніемъ на возростающее значеніе фельетона авторъ отмѣтилъ, только ужъ слишкомъ бѣгло (мы привели все, что онъ говоритъ по этому поводу), довольно любопытное явленіе въ развитіи нашей современной газетной публицистики,—любопытное и едва ли такое одноцвѣтное, какимъ оно ему представляется. Оставляя въ сторонѣ Подхалимовыхъ,—а таковые не всѣ фельетонисты,—съ ихъ окладами, нельзя прежде всего не признать, что фельетонъ самъ по себѣ такой же законный литературный родъ, какъ и всякій другой. Это вовсе не обязательно легкомысленная, а только занимательная, болѣе или менѣе остроумная и, главное, простая и общепонятная бесѣда о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, которые могутъ быть и очень серьезны, и очень важны. Въ частности, у насъ фельетонъ имѣетъ недурное прошлое. „Свистокъ" въ „Современникѣ" велъ Добролюбовъ... Хорошіе журнальные фельетоны писалъ Станюковичъ. Даже Салтыковъ изрѣдка писалъ не сатиры въ собственномъ смыслѣ, а настоящіе фельетоны, въ которыхъ выхватывалъ изъ дѣйствительности конкретные факты сырьемъ, не обобщая ихъ въ художественные образы. Всѣмъ своимъ непринужденнымъ складомъ фельетонъ даетъ извѣстный просторъ въ аллегорической, сатирической, сказочной, вообще иносказательной формѣ касаться такихъ явленій и вопросовъ, полное и послѣдовательное изложеніе которыхъ является въ силу условій еще

невозможнымъ... Въ извѣстной стадіи развитія публицистики фельетонъ оказывается необходимымъ (хотя и весьма несовершеннымъ) коррективомъ. Не все же читать только о фосфоритахъ, травосѣяніи и меліоративномъ кредитѣ. Клеверомъ человѣкъ сытъ не будетъ. И если увеличивается значеніе фельетона, то, можетъ быть, это свидѣтельствуетъ, хотя бы, между прочимъ, и о томъ, что больше стало такого читателя, который не понимаетъ „передовицъ" о клеверѣ или набилъ на нихъ оскомину и ищетъ для души насущнаго, повседневнаго хлѣба. Тѣмъ хуже, разумѣется, для тѣхъ господъ, которые превращаютъ фельетонъ въ водевиль, балетъ, безстыдный балаганъ, кабакъ и даютъ этому читателю не хлѣбъ и даже не камень, а невѣдомо что... .

Мы отвлеклись, однако, въ сторону, а насъ еще ждетъ самый обширный отдѣлъ книги г. Лемке, — объ отношеніяхъ между сотрудниками и издателемъ. Извѣстно, въ какой тяжелой зависимости находятся обыкновенно первые отъ второго, когда они замаются литературой не между прочимъ, а тянутъ заправскую газетную лямку. Эта зависимость бываетъ иногда тѣмъ болѣе безобразна, что въ издатели давно проникъ Иванъ Непомнящій, который „знать не хочетъ никакихъ литературныхъ обычаевъ" и даже не довольствуется взглядомъ на газету просто какъ на доходную статью, а еще норовитъ сдѣлать изъ нея орудіе разныхъ своихъ личныхъ, коммерческихъ и всякихъ иныхъ дѣлишекъ на сторонѣ. Г. Лемке приводитъ, въ качествѣ еще сноснаго, такое положеніе, когда, какъ это бываетъ, по его свидѣтельству, *довольно часто*, „коммерсантъ (издатель) предоставляетъ редакціи *болѣе или менѣе* полную свободу, ограничивая ее лишь *безусловнымъ* запретомъ касаться такихъ-то предпріятій и учрежденій, съ которыми ему очень важно поддерживать добрыя отношенія, чтобы не потерять выгоднаго покупателя или кліента". „Такой способъ „поддерживанія",—говоритъ г. Лемке,—если въ него входитъ лишь обязательство не писать ничего дурного безъ обязательства писать хорошее, поневолѣ въ журнальномъ мірѣ считается еще сноснымъ, терпимымъ. *И въ самомъ дѣлѣ*, становясь на точку зрѣнія практики, приходится сказать, что такой компромиссъ одинъ изъ самыхъ еще терпимыхъ при всей суммѣ условій, окружающихъ возможность работать; съ нимъ *приходится мириться*, какъ съ *неизбѣжнымъ* зломъ, *если* (курсивъ вездѣ нашъ) ограниченія коммерсанта не простираются дальше мелочей, если во всемъ остальномъ хорошо сгруппировавшаяся редакція пользуется правомъ полной самостоятельности. При такихъ условіяхъ существовали и существуютъ очень и очень порядочныя изданія"... (Стр. 41). Мы сдѣлали эту длинную выписку, во-первыхъ, для того, чтобы показать, какъ еще печально даже положеніе, признаваемое на практикѣ „сноснымъ" (каково чувствовать себя соучастникомъ такого заговора съ „коммер-

сантомъ"!), а, во-вторыхъ, для того, чтобы не пропустить ни одной изъ оговорокъ, дѣлаемыхъ авторомъ, и затѣмъ всетаки сказать, что здѣсь онъ незамѣтно допускаетъ нѣкоторую логическую ошибку. А такое замѣчаніе не будетъ излишнимъ уже потому, что въ большой работѣ г. Лемке мы продолжаемъ различать и „маленькій рефератъ" о литературной чести, который долженъ яснѣе устанавливать и послѣдовательнѣе проводить принципіальную точку зрѣнія даже и тогда, когда онъ становится на „точку зрѣнія практики". Почему, въ самомъ дѣлѣ, такая индульгенція для одного изъ видовъ компромисса, хотя бы состоящаго только въ „безусловномъ" молчаніи? Развѣ молчаніе не бываетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, грѣхомъ, даже особенно и спеціально литературнымъ грѣхомъ? Могутъ, конечно, возразить указаніемъ на то, что вѣдь безмолствуетъ же печать всегда по нѣкоторымъ вопросамъ общественной жизни. Да, въ силу положительной необходимости, а это — другое дѣло... Словомъ, сколько бы мы ни громоздили оговорокъ,—признать, что при ихъ наличности извѣстная уступка становится уже допустимой, терпимой какъ общее правило, значитъ въ сущности превратить ее въ правило поведенія, въ принципъ; а настоящему принципу при такой комбинаціи останется только смиренно уступить мѣсто своему болѣе счастливому преемнику, послѣ чего могутъ заявить свое притязаніе уже новые компромиссы, исходящіе изъ принципа второго порядка, и т. д. до безконечности. На практикѣ г. Лемке можетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть такой путь, но, тѣмъ не менѣе, логически онъ прямо вытекаетъ изъ данныхъ посылокъ. Мы не отрицаемъ, что въ отдѣльномъ случаѣ поступокъ, несогласный съ извѣстнымъ принципомъ, можетъ и вовсе не быть компромиссомъ, если вызванъ такимъ внутреннимъ побужденіемъ, которое его подчиняетъ другому принципу, равносильному съ первымъ или еще болѣе повелительному; но сдѣлка подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ всегда останется сдѣлкой, требующей большаго или меньшаго осужденія и самоосужденія, смотря по конкретнымъ условіямъ, которыхъ никакими оговорками исчерпать нельзя. Всѣ эти аксіомы значатъ на практикѣ только то, что съ компромиссомъ приходится не „мириться", а бороться.

Бороться, да; но какъ? Въ этомъ весь вопросъ, которому главнымъ образомъ и посвящены „Думы". Всего вѣрнѣе, конечно, вовсе не идти къ „коммерсанту" или уйти отъ него. Но тутъ мы опять наталкиваемся на одно категорическое предсказаніе г. Лемке, которое, если къ нему отнестись серьезно, необходимо заставляетъ сдѣлать тотъ выводъ, что уйти отъ этого самаго коммерсанта некуда или скоро будетъ некуда: „Надо же понять,—говоритъ авторъ на стр. 123,—что капитализація журналистики, *какъ отрасли промышленности* (курсивъ нашъ), неизбѣжна. А разъ это такъ,

все больше и больше будетъ расти процентъ людей, финансирующихъ отдѣльные органы ради полученія съ нихъ прибыли"... И въ то-же время г. Лемке вполнѣ надѣется гарантировать независимость редакціи, если она установитъ съ издателемъ такой modus vivendi: „Ты хочешь имѣть хорошую прибыль съ газеты—предпріятія?—Изволь. Чѣмъ лучше ты оплатишь трудъ сотрудниковъ и ихъ обезпечишь, тѣмъ лучше они будутъ работать—конечно, безъ всякаго твоего вмѣшательства,—и тѣмъ бóльшій ты будешь имѣть доходъ. Намъ нужно нутро дѣла; договоромъ мы его беремъ у тебя, а доходы получи, они намъ не нужны, если оплаченъ нашъ трудъ". Казалось бы, чего проще и лучше для обѣихъ сторонъ? Но мы прежде всего напомнимъ автору любопытный анекдотъ, разсказанный имъ-же самимъ на стр. 30: „Издатель N совершенно откровенно говорилъ редактору, поставившему убыточное раньше предпріятіе на прочныя ноги:—„Эхъ, батенька, что мнѣ ваши прибыли! Бываютъ, знаете, убытки краше!"—На недоумѣвающую мину редактора послѣдовало разъясненіе:—„Да, конечно. Если раньше насъ не зналъ читатель, то, по крайней мѣрѣ, вашъ предшественникъ поддерживалъ всегда необходимыя мнѣ связи. Теперь есть читатель, его даже очень много, есть органъ, всѣми, правду сказать, уважаемый, но совершенно растеряны всѣ мои подвязки. Вѣдь убытки отъ недостатка читателей я пополнялъ съ лихвой хорошимъ устройствомъ дѣлъ, тогда всѣ нужные люди были пріятели, а теперь мнѣ всегда тычутъ законъ со всей его неумолимостью да посмѣиваются"... Г. Лемке возразитъ, что этого издателя надо отнести къ категоріи самыхъ подлинныхъ Ивановъ Непомнящихъ, а мы должны имѣть въ виду издателей другого рода... Но тутъ-то и является вопросъ: кого, въ самомъ дѣлѣ, мы должны имѣть въ виду? Авторъ отвѣчаетъ на это разно. Онъ говоритъ о лицахъ „или нечуждыхъ тѣмъ высокимъ побужденіямъ, которыя должны руководить желаніемъ создать органъ честнаго общественнаго мнѣнія, или могущихъ совсѣмъ не вмѣшиваться въ литературную часть"; о „культурномъ обладателѣ средствъ", который „берется за издательство съ коммерческой цѣлью", но „не вноситъ въ журналистику тлетворныхъ торгашескихъ началъ" (стр. 25); объ „издателѣ-интеллигентѣ"; объ издателѣ „неинтеллигентномъ, но и не Иванѣ-Непомнящемъ"; о „культурномъ коммерсантѣ" (стр. 121) и т. д. Все это довольно неопредѣленно. Ясно, однако, что если капитализація журналистики, какъ отрасли промышленности, дѣйствительно неизбѣжна, какъ утверждаетъ авторъ, то ужъ на „интеллигента" особенно разсчитывать не приходится, а надо разсчитывать на болѣе или менѣе „культурнаго" коммерсанта или, говоря общѣе и точнѣе, на капиталиста, „финансирующаго отдѣльные органы ради полученія съ нихъ прибыли". Капиталистъ въ точномъ

смыслѣ,—а его-то, оставаясь послѣдовательнымъ, и обязанъ имѣть въ виду г. Лемке,—не станетъ, конечно, плевать на прибыли съ своего же предпріятія, но и дальше этого въ своихъ ожиданіяхъ отъ него тоже идти нельзя. Въ его рукахъ газета—просто промышленное предпріятіе, которое должно приносить только доходъ, и при томъ непремѣнно какъ можно больше дохода, привлекать какъ можно больше подписчиковъ, какъ можно больше объявленій (въ особенности объявленій!), и въ которомъ онъ полновластный распорядитель, потому что это—его имущество, его капиталъ и ничего больше. А если такъ, то и редакція, которая предложила бы издателю-предпринимателю въ собственномъ смыслѣ этого слова тотъ modus vivendi, о которомъ говоритъ авторъ, явилась бы въ странномъ положеніи директора фабрики, который вздумалъ бы обратиться съ такимъ же предложеніемъ къ фабриканту. Словомъ, г. Лемке создалъ противорѣчіе, которое совершенно неразрѣшимо, а было бы и фактически безвыходнымъ, если бы только было вѣрно положеніе автора о „неизбѣжности капитализаціи". Но на чемъ оно основано?

Какъ ни печально во многихъ смыслахъ современное положеніе русской ежедневной прессы, капитализація ея „какъ отрасли промышленности" въ настоящее время еще не сдѣлала большихъ успѣховъ, да и не могла ихъ сдѣлать уже вслѣдствіе нетвердости той почвы, на которой стоитъ вся эта „отрасль". Правда, упроченіе этой почвы должно способствовать притоку къ ней капиталовъ, но оно мыслимо только въ сопровожденіи благопріятныхъ же общихъ условій, которыя неизбѣжно должны очистить газетную атмосферу и вытѣснить не только Margin Ивановъ Непомнящихъ, чумазаго, но и вообще предпринимателя, поставивъ на его мѣсто общественнаго дѣятеля въ лучшемъ значеніи слова (который встрѣчается, конечно, и теперь, но гораздо рѣже, чѣмъ бы слѣдовало) или цѣлыя общественныя группы. Г. Лемке вполнѣ резонно замѣчаетъ, что „самъ по себѣ приливъ капитала, конечно, не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій". Но самъ по себѣ онъ не означаетъ и капитализаціи. Нигдѣ на западѣ, несмотря на всю устойчивость тамъ газетнаго дѣла и на обиліе капиталовъ въ немъ, печать въ цѣломъ не превратилась запросто въ „отрасль промышленности". Сколько бы ни указывалось темныхъ и уродливыхъ явленій въ этой печати, ея органы служатъ партійнымъ, фракціоннымъ, классовымъ, какимъ хотите, но, во всякомъ случаѣ, общественнымъ интересамъ прежде всего, а затѣмъ уже даютъ и прибыль капиталу, но могутъ иногда и не давать ея (и не получать субсидіи изъ фонда рептилій) и всетаки существовать. Крайности сходятся: если въ рукахъ Ивана Непомнящаго газета еще даже не самодовлѣющее предпріятіе, то на службѣ настоящимъ общественнымъ силамъ она *уже* не предпріятіе только, обязанное прежде всего приносить доходъ.

Даже самая рѣзкая изъ капиталистическихъ формъ,—безличная, акціонерная,—сама по себѣ еще не превращаетъ газету въ простое промышленное предпріятіе, потому что за газетой можетъ стоять и поддерживать ее въ концѣ-концовъ та или другая общественная сила, а за промышленнымъ предпріятіемъ нѣтъ ничего, кромѣ извѣстнаго денежнаго фонда.

А если газета и въ настоящемъ, и въ будущемъ должна представлять собою нѣчто большее, чѣмъ предпріятіе, то этимъ, очевидно, опредѣляется и издатель: онъ долженъ быть не предпринимателемъ-капиталистомъ, хотя бы и „культурнымъ"; онъ долженъ имѣть не только „аппетитъ къ прибыли", къ подписчику, къ объявленіямъ, но и извѣстный идейный интересъ къ самому дѣлу, способный умѣрять этотъ аппетитъ. *Способность обузданія своего аппетита*,—вотъ поистинѣ высшая добродѣтель и въ тоже время единственный дѣйствительно необходимый цензъ издателя. Эта способность не только проводитъ рѣзкую границу, но, можно сказать, кладетъ цѣлую пропасть между нимъ и капиталистомъ въ собственномъ смыслѣ, потому что внутренній законъ промышленнаго капитала—это именно Heisshunger nach Mehrwerth, и для него самоограниченіе равносильно, по наукѣ, самоуничтоженію... Ничего, кромѣ этой способности, въ сущности и не требуется. Но ужъ она дѣйствительно необходима. Нужно, чтобы издатель сумѣлъ поступиться извѣстной долей своихъ прерогативъ ради общественнаго интереса, хотя бы даже редакція по совѣсти и не могла обѣщать ему непремѣнно „хорошую" прибыль, какъ это предположено у г. Лемке („Ты хочешь имѣть хорошую прибыль съ газеты-предпріятія? Изволь".)... А все это возможно только въ той мѣрѣ, въ какой существуетъ надежда, что капиталистическое плѣненіе минуетъ газету.

Надо, впрочемъ, оговориться, что и самъ г. Лемке, повидимому, не особенно проникнутъ печальнымъ смысломъ своего предсказанія. Иначе оно отбросило бы на всѣ его дальнѣйшія выкладки такую глубокую пессимистическую тѣнь, какой онѣ на самомъ дѣлѣ не обнаруживаютъ. Напротивъ, у него всюду сказывается самое бодрое отношеніе и къ настоящему, и къ будущему.

Свою краткую и образную формулу желательнаго modus vivendi съ издателемъ (мы ее приводили выше) авторъ развиваетъ въ три подробные, по пунктамъ, договора: фактическаго издателя съ фактическимъ редакторомъ, фактическаго-же издателя съ членомъ редакціи и „коллегіальный" (редакціонный). Всѣ три договора, вмѣстѣ съ поясненіями къ нимъ, занимаютъ около одной пятой части труда г. Лемке (35 страницъ изъ 182) и, въ сущности, составляютъ центръ тяжести всей книги, особенно для лицъ, стоящихъ близко къ газетному дѣлу. Но именно потому, что этотъ матеріалъ представляетъ, такимъ образомъ, интересъ

болѣе или менѣе спеціальный, мы лишены возможности вдаваться въ такой подробный анализъ его, какого онъ самъ по себѣ, несомнѣнно, заслуживаетъ, а вынуждены ограничиться немногимъ и коснуться всего этого отдѣла книги, главнымъ образомъ, въ мѣру его ближайшаго отношенія къ бытовымъ особенностямъ русской печати.

Возможность обезпечить самостоятельность редакціи газеты договоромъ съ ея издателемъ прямо пропорціональна его интеллигентности или,—будемъ ужъ такъ говорить,—его способности къ обузданію своего аппетита; необходимость, конечно, обратно пропорціональна; но, какъ настаиваетъ совершенно правильно г. Лемке, она всетаки всегда существуетъ. Такое сложное и отвѣтственное дѣло, какъ веденіе органа печати, должно быть гарантировано отъ всякаго вторженія произвольнаго личнаго начала и, слѣдовательно, обставлено опредѣленными и устойчивыми формами. Фактическому редактору и сотрудникамъ приходится вѣдаться съ фактическимъ издателемъ,—они и опредѣляютъ отношенія между собою договоромъ. И если фактическій редакторъ („завѣдывающій редакціей") и фактическій же издатель совпадаютъ съ отвѣтственными, оффиціальными, то договоромъ,—предполагая, что онъ не имѣетъ внутреннихъ юридическихъ изъяновъ,—дается газетѣ прочный фундаментъ; всѣ отношенія между сторонами, имущественныя и неимущественныя, пріобрѣтаютъ строго юридическій характеръ и получаютъ полную судебную защиту. Но если такого совпаденія нѣтъ? Тогда, конечно, вся картина рѣзко мѣняется. Хотя г. Лемке и ставитъ однимъ изъ пунктовъ договора между фактическимъ издателемъ и редакторомъ, что „договоры издателя (фактическаго) съ офиціальными редакторомъ и издателемъ должны быть извѣстны (редакціонной) коллегіи, а проекты новыхъ безъ ея согласія не могутъ считаться утвержденными", но онъ-же въ комментаріяхъ справедливо признаетъ, что „юридически нѣтъ никакой возможности гарантировать изданіе отъ произвола оффиціальныхъ редактора и издателя". Разумѣется, это еще не поводъ опускать руки: не всѣмъ-же строиться фундаментально. Существованіе газеты подвержено столькимъ случайностямъ, что требовать непремѣнно гранитной твердости ея внутренняго распорядка было бы даже непослѣдовательно. И при отсутствіи тождества фактическихъ дѣятелей газеты съ ея номинальными представителями договоры между первыми сохраняютъ если не юридическую, то всю свою моральную силу. Они вносятъ опредѣленный порядокъ во взаимныя отношенія дѣятелей, а недоразумѣнія, возникающія на почвѣ такихъ договоровъ, могутъ удобно разрѣшаться третейскимъ судомъ, какъ это и проектировано у г. Лемке.

Въ выработкѣ своихъ проектовъ авторъ былъ предоставленъ почти исключительно собственнымъ силамъ. Онъ объясняетъ,

что „постарался ознакомиться съ существующими въ различныхъ редакціяхъ договорами, но всѣ они гораздо менѣе полны и, главное, литературны: сплошь и рядомъ это лишь условіе о срокѣ, жалованьѣ и гонорарѣ“ (т. е. построчной платѣ). Упоминаетъ онъ и о коммиссіи, избранной въ „Союзѣ писателей“ для выработки проекта нормальнаго договора: „Союзъ“ вскорѣ былъ закрытъ, и работа осталась невыполненной...

Въ основу своихъ проектовъ авторъ кладетъ мысль о „коллективной спайкѣ“, „химическомъ, а не механическомъ соединеніи“ сотрудниковъ и членовъ редакціи, которые должны быть связаны между собою общностью міросозерцанія, и послѣдовательно проводитъ это начало во всѣхъ трехъ своихъ договорахъ, что и составляетъ ихъ существенное достоинство. Редакція организуется въ коллегію, въ составъ которой входятъ фактическій редакторъ и ближайшіе сотрудники, а издатель приглашается къ участію въ ея совѣщаніяхъ и къ подачѣ голоса только по опредѣленнымъ вопросамъ, при чемъ авторъ оговаривается, что намѣчаемые имъ предѣлы полномочій издателя въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ быть и расширены въ зависимости отъ его личныхъ качествъ.

Во всякомъ случаѣ, издатель не вмѣшивается въ литературную часть; за то редакторъ несетъ денежную отвѣтственность за нарушенія цензурнаго устава, т. е. изъ своихъ средствъ платитъ штрафы, если не представитъ редакціонной коллегіи, для сложенія съ себя этой отвѣтственности, письменнаго согласія издателя на сдѣланное нарушеніе; письменнаго, какъ и самый договоръ,—во избѣжаніе возможныхъ „ошибокъ памяти“. Затѣмъ, безъ согласія коллегіи издатель не можетъ ходатайствовать объ утвержденіи его или другихъ лицъ въ званіи редактора и издателя. Безъ ея согласія онъ не можетъ дѣлать измѣненій ни въ смѣтѣ, которая опредѣляется на годъ, ни даже въ существенныхъ техническихъ сторонахъ изданія. Безъ особаго уполномочія и инструкціи отъ коллегіи онъ не можетъ являться оффиціальнымъ представителемъ изданія, во избѣжаніе чрезмѣрныхъ и неприличныхъ „расшаркиваній“. Для него обязательно постановленіе коллегіи объ удовлетвореніи подписчиковъ въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія. Объявленія не должны сжимать размѣровъ литературнаго текста ниже опредѣленной нормы; редакторъ можетъ своею властью снять каждое объявленіе, явно „несовмѣстимое съ достоинствомъ изданія“,—въ предупрежденіе „разнузданнаго американизма“, начинающаго развиваться и у насъ (широкая область для практики „обузданія аппетита“!). Въ случаѣ выхода редакціи изъ газеты по винѣ издателя, послѣдній обязанъ помѣстить въ ближайшемъ номерѣ заявленіе вышедшихъ (а коллегіальнымъ договоромъ рекомендуется и сотрудникамъ обязательно публиковать о своемъ выходѣ и объ его причинахъ).

Если редакторъ, придавъ газетѣ извѣстное направленіе, затѣмъ перемѣнитъ его, издатель вправѣ уничтожить договоръ; споръ рѣшается судомъ чести изъ лицъ, не причастныхъ къ данному изданію, но обязательно причастныхъ къ журналистикѣ. „Если общественное поведеніе издателя или редактора будетъ признано коллегіей несовмѣстимымъ съ достоинствомъ изданія,—договоръ нарушается съ опредѣленными невыгодными послѣдствіями для виновной стороны. Денежныя отношенія, особыя обезпеченія на случай болѣзни и смерти,—все это регулируется въ договорахъ самымъ обстоятельнымъ образомъ. Но мы передали вкратцѣ только наиболѣе существенное, не гоняясь ни за полнотой, ни за системой.

Уже изъ приведеннаго видно, что не все въ „договорахъ" имѣетъ юридическій характеръ. Надо добавить, что и распредѣленіе матеріала между ними не вѣрно. Такъ, все то, что подчиняетъ издателя авторитету редакціонной коллегіи, должно бы быть выдѣлено въ особый договоръ издателя съ редакціей in corpore (котораго у г. Лемке нѣтъ), а не включено, какъ у автора, въ составъ „коллегіальнаго" договора, который въ большей своей части не имѣетъ къ издателю никакого отношенія, а въ то же время, при такой двойственности, не можетъ уже въ сущности и называться коллегіальнымъ. Вообще, тутъ у г. Лемке царитъ порядочная путаница, но онъ и самъ признаетъ, что его договоры, особенно со стороны „кодификаціи", нуждаются въ юридической переработкѣ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ это не столько договоры, сколько кодексы нормальнаго внутренняго распорядка газеты, которые, при добросовѣстномъ желаніи сторонъ соблюдать ихъ, способны внести въ жизнь много хорошихъ началъ. Возьмемъ для примѣра еще тотъ пунктъ, по которому „трудъ всѣхъ служащихъ въ типографіи и конторѣ редакціи издатель долженъ оплачивать не ниже, чѣмъ въ другихъ аналогичныхъ предпріятіяхъ, находящихся въ томъ же городѣ". Это правило помѣщено въ договорѣ издателя съ редакторомъ, и юридическая сила его, какъ условія въ пользу третьихъ лицъ, конечно, можетъ быть оспорена, но въ „кодексѣ" оно является тѣмъ необходимымъ и скромнымъ minimum'омъ, который долженъ соблюдаться, помимо всего прочаго, уже ради писательскаго самочувствія сотрудниковъ. Здѣсь неустранимо всплываетъ въ памяти „Озорникъ" М. Горькаго. „Я знаю много случаевъ, говоритъ г. Лемке въ объясненіе этого пункта, когда редакціи не имѣли нравственнаго права сказать двухъ словъ въ защиту какихъ бы то ни было эксплуатируемыхъ рабочихъ только потому, что понимали, что рабочіе ихъ издателя, эксплуатировавшіеся не меньше, если еще не больше, всегда будутъ живымъ укоромъ плача о меньшемъ братѣ".

Въ „коллегіальномъ" договорѣ содержится, какъ оно и по

нятно, еще больше не юридическихъ положенiй, чѣмъ въ остальныхъ двухъ. За вычетомъ того, что имѣетъ отношенiе къ издателю, это почти исключительно сводъ правилъ товарищескаго поведенiя внутри редакцiонной коллегiи. Въ общемъ онъ и задуманъ, и разработанъ очень хорошо, но есть въ немъ и рѣзкiе промахи. Изъ кого составляется коллегiя? Въ текстѣ г. Лемке всюду говорилъ о редакторѣ и сотрудникахъ, „завѣдывающихъ отдѣлами“. Казалось бы, лучше всего и удержать этотъ объективный признакъ, добавивъ къ нему: а что сверхъ того, то по избранiю. Однороднаго состава къ концѣ-концовъ всегда можно достигнуть, разъ въ редакцiи есть сплоченное ядро, которое вездѣ и предполагается авторомъ. Но первый же пунктъ договора постановляетъ уже совсѣмъ неясно, что коллегiю составляютъ, кромѣ редактора, „отвѣтственные сотрудники, такъ называемые члены редакцiи“. За то п. 2-й гласитъ какъ нельзя опредѣлительнѣе, что „въ коллегiю не входятъ“: секретарь редакцiи, если онъ только письмоводитель, а вообще—„хроникеры, театральные и музыкальные рецензенты, иногороднiе сотрудники и корреспонденты, репортеры и т. п.“ А дальше въ договорѣ устанавливается и выборное начало... Затрудняясь опредѣлить составъ редакцiи положительно, авторъ предпочелъ сдѣлать это отрицательно своимъ 2-мъ пунктомъ, но задачи, конечно, не разрѣшилъ, а только создалъ ненужное и неловкое правило, напоминающее своей категоричностью извѣстныя надписи на воротахъ домовъ: „Входъ татарамъ и тряпичникамъ воспрещается“. Да и то въ послѣднее время слово „татарамъ“ тщательно замазывается краской, такъ какъ, очевидно, признано, что татары могутъ и не быть тряпичниками. Въ „коллегiальномъ“ договорѣ надо это допустить, хоть молчаливо, и относительно „рецензентовъ, хроникеровъ и т. п.“ Сочиняя свое правило, авторъ находился, очевидно, подъ впечатлѣнiемъ нѣкоторыхъ бытовыхъ газетныхъ типовъ; но такимъ типамъ не должно быть мѣста, вообще, въ его газетѣ, а не только въ редакцiонной коллегiи...

Въ такомъ же родѣ странность представляетъ собою и правило „договора“ о перiодическихъ собранiяхъ иногородныхъ корреспондентовъ газеты. Эти собранiя должны имѣть цѣлью сближенiе корреспондентовъ съ редакцiей и между собою, обмѣнъ мнѣнiй и объединенiе „провинцiальнаго отдѣла“ газеты общей программой. По свидѣтельству г. Лемке, основанному на опытѣ, такiя собранiя „поднимаютъ самочувствiе корреспондента“, „вырабатываютъ въ немъ чувство связи съ журналистикой“, „подчеркиваютъ его непослѣднюю роль въ жизни газеты, даютъ ему массу знанiй“ и т. д. Вся жизненная важность и даже необходимость такихъ собранiй для газеты понятна сама-собою, и нельзя не вѣрить, что они дѣйствительно давали такiе результаты, о которыхъ говоритъ авторъ. Но въ такомъ случаѣ надо думать, что

на опытѣ онъ не пробовалъ примѣнять къ нимъ тотъ пунктъ (60) „коллегіальнаго“ договора, который, говоря объ этихъ собраніяхъ, постановляетъ: „Члены редакціи присутствуютъ на нихъ съ правомъ рѣшающаго голоса, всѣ остальные—совѣщательнаго“. Всѣ остальные—это значитъ тѣ самые корреспонденты, въ которыхъ собранія должны „поднять самочувствіе“, сознаніе своей связи съ журналистикой, своей не послѣдней роли и пр. Для всего этого приведенный пунктъ, надо признаться, плохое средство. Едва ли оно можетъ быть полезно и для самой газеты. Если послѣ всѣхъ разговоровъ корреспонденты будутъ устранены отъ окончательнаго рѣшенія вопросовъ, то это значитъ, что оно будетъ имъ навязано, а тогда и исполняться ими оно будетъ какъ циркуляръ,—казенно, формально, безъ пониманія, и самые съѣзды обратятся въ какое-то подобіе канцелярскихъ совѣщаній, съ участіемъ свѣдущихъ людей...

Всего разнообразнаго содержанія „Думъ“ мы далеко не исчерпали. Въ нихъ авторъ касается мимоходомъ и женскаго труда въ журналистикѣ, и кассы взаимопомощи литераторовъ, и Литературнаго фонда, вспоминаетъ, между прочимъ, и о „Союзѣ“, говоритъ о необходимости органа профессіональнаго единенія писателей и о многомъ другомъ. Но за этимъ всѣмъ мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ.

Г. Лемке избралъ однимъ изъ девизовъ къ своему труду красивый и остроумный афоризмъ Берне: „Рисуютъ тѣни; свѣта не рисуютъ“. Не слишкомъ ли широко примѣнили и мы этотъ методъ къ самому автору? Правда, если мы вѣрно „рисовали тѣни“ его книги, то при этомъ свѣтъ, который есть въ ней, долженъ былъ (по афоризму) обозначиться самъ собой. Но она имѣетъ и такія достоинства, которыя нарисовать тѣнями трудно, а указать всетаки можно и должно. Мы отмѣтили бы въ особенности: живое и занимательное изложеніе; любовь къ литературѣ, проходящую яркой чертой черезъ всю книгу; хорошія мысли объ укрѣпляющихся связяхъ между писателемъ и читателемъ...

Ал. Гуковскій.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ А. А. Киселя изъ Москвы—30 р.

Итого . . . 30 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1176 р. 25 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова**:

Отъ служащихъ самарской губернской земской управы — 8 р. 10 к.; NN изъ Ярославля—5 р.; изъ Вологды: отъ Бляхера—2 р.; отъ Щербакова—1 р.; отъ Третьякова—1 р.; отъ Е. И. — 1 р.

Итого . . 18 р. 10 к.

А всего съ прежде поступившими 251 р. 70 к.

Императорское Вольное Экономическое Общество,

удѣляя съ давнихъ поръ немало заботъ и вниманія своей библіотекѣ, основанной одновременно съ Обществомъ, и открытой для всеобщаго пользованія, стремится собрать въ ней по возможности все, что печатается и печаталось въ Россіи по вопросамъ сельскаго хозяйства, торговли, промышленности, экономіи и статистики. И библіотека Общества, по отзывамъ работавшихъ въ ней лицъ, является, дѣйствительно, однимъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи собраній книгъ по указаннымъ выше вопросамъ, въ особенности по сельскому хозяйству. Но тѣмъ не менѣе задача, поставленная себѣ въ этомъ отношеніи Обществомъ, далеко не можетъ считаться осуществленною, и до сихъ поръ въ составѣ библіотеки наблюдаются, досадные пробѣлы, которые лишаютъ большой доли значенія подобранныя ею коллекціи. Происхожденіе ихъ объясняется тѣмъ, что при бѣдности и несовершенствѣ русскихъ библіографическихъ пособій библіотека лишена возможности систематически наблюдать за своевременнымъ поступленіемъ въ нее изданій, печатаемыхъ въ провинціальныхъ городахъ, не разсчитанныхъ на широкій сбытъ и потому не попадающихъ на Петербургскій книжный рынокъ, а тѣмъ болѣе-изданій мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, вовсе не предназначенныхъ для продажи. Пополненіе этихъ пробѣловъ, является желательнымъ особенно въ настоящее время, такъ какъ въ началѣ будущаго года библіотека предполагаетъ приступить къ печатанію общаго, алфавитно-систематическаго каталога книгамъ, поступившимъ въ библіотеку съ основанія ея, съ 1765 г., до 1903 г. включительно. А такъ какъ изданіе, это, несомнѣнно, будетъ имѣть нѣкоторое значеніе, помимо посѣтителей библіотеки, для всѣхъ, интересующихся литературой по указаннымъ выше вопросамъ, въ качествѣ библіографическаго пособія, то предоставлялось бы особенно важною большая его полнота.

Въ виду всего вышеизложеннаго Президентъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества позволяетъ себѣ обратиться ко всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ-издателямъ книгъ и брошюръ по вопросамъ, имѣющимъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ указаннымъ выше отраслямъ знанія, съ покорнѣйшей просьбой о присылкѣ въ Библіотеку недоставленныхъ еще ей, выпущенныхъ ими въ разное время изданій; особенно желательны изданія губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетовъ, сельскохозяйственныхъ и экономическихъ обществъ, не исключая и обществъ малаго района, сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, опытныхъ полей и станцій, земскихъ статистическихъ, экономическихъ и агрономическихъ бюро, комитетовъ агрономическихъ и промышленныхъ съѣздовъ и выставокъ; съ тою-же просьбою Президентъ Общества обращается къ частнымъ лицамъ-издателямъ книгъ и брошюръ, выпущенныхъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи, къ авторамъ журнальныхъ статей, напечатанныхъ отдѣльными оттисками, владѣльцамъ экономій, издавшихъ описанія принадлежащихъ имъ имѣній, и т. п. Всякое изданіе, сколь-бы спеціальному вопросу оно ни были посвящено, сколь-бы частный, мѣстный, характеръ оно ни носило, будетъ съ благодарностью принято Обществомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, внесенное въ печатный каталогъ библіотеки Общества, оно избѣгнетъ опасности остаться неизвѣстнымъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ даннаго вопроса.

Расходы по пересылкѣ просимаго будутъ съ готовностью возмѣщены Обществомъ; изданія, уже имѣющіяся въ библіотекѣ, будутъ, по желанію жертвователей, возвращены имъ или переданы въ другія книгохранилища.

Президентъ Графъ **П. А. Гейденъ.**

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

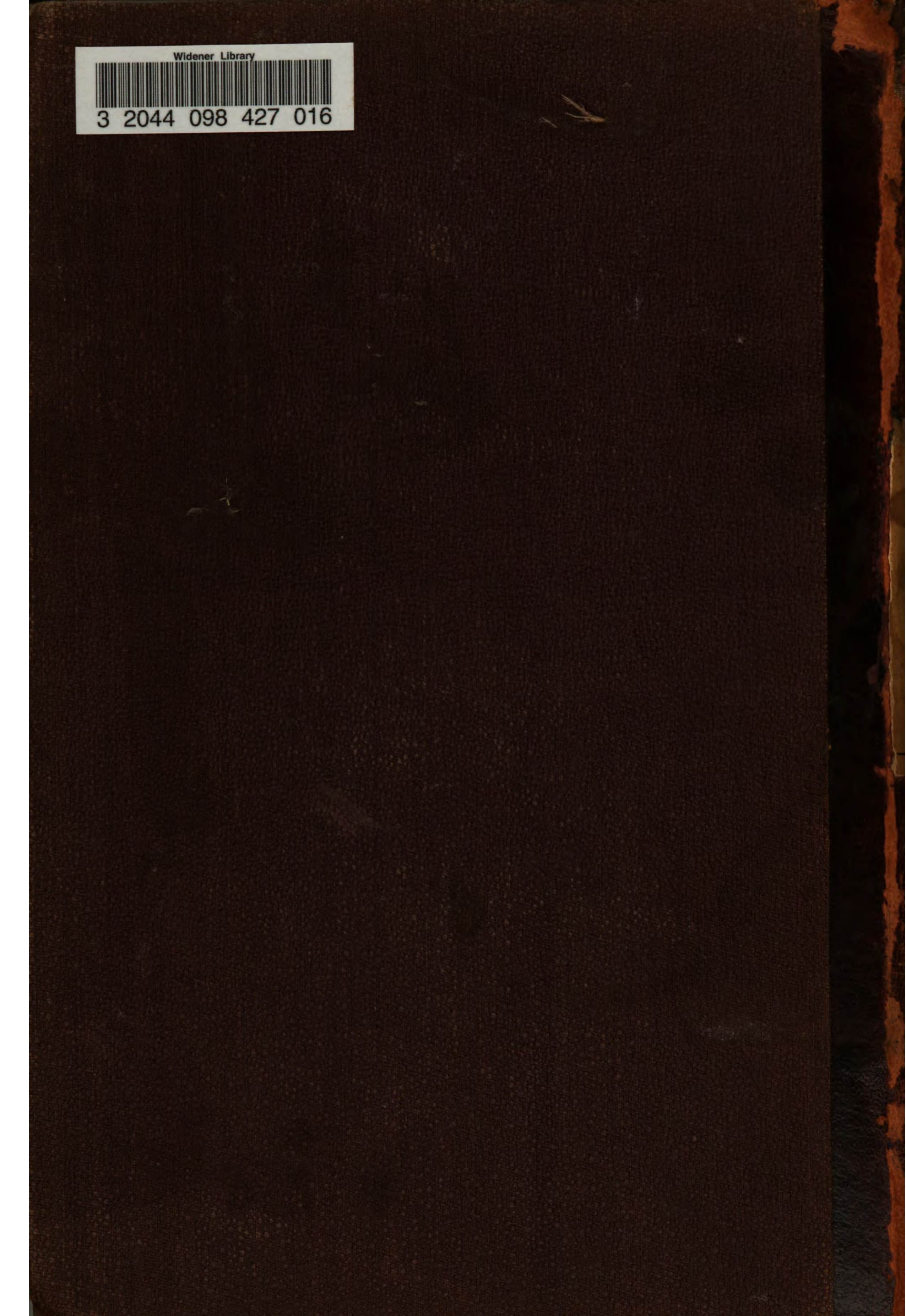
2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Редакторы-Издатели: { ***Вл. Г. Короленко.*** / ***Н. К. Михайловскій.*** }

Дозв. ценз. Спб., 27 сентября 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговка, 34.


Widener Library
3 2044 098 427 016